

Никита Хониат.
Миниатюра XIV в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. П. КАЖДАН

НИКИТА ХОНИАТ И ЕГО ВРЕМЯ

Издание подготовили
Я. Н. Любарский, Н. А. Белозерова, Е. Н. Гордеева
Предисловие Я. Н. ЛЮБАРСКОГО

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2005

Каждан А. П. Никита Хониат и его время / Подгот. изд. Я. Н. Любарского, Н. А. Белозеровой, Е. Н. Гордеевой. Предисл. Я. Н. Любарского. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. — 544 стр.
ISBN 5-86007-449-2

Публикуемая книга А. Каждана — второе в научной литературе монографическое исследование творчества одного из самых интересных и талантливых византийских историков Никиты Хониата (конец XII—начало XIII в.). Первая работа, принадлежащая перу Ф. И. Успенского, вышла в Санкт-Петербурге в 1874 г.

Название книги точно определяет ее содержание. Первая часть каждой из трех глав представляет собой анализ основных социально-экономических и культурных процессов в византийском обществе XI—XII вв.; вторая часть — исследование того, как эти процессы отразились в творчестве Хониата. В приложении печатается одиннадцать статей автора о Хониате, опубликованных в различных изданиях в разные годы. Большинство из них написано на основании обширного понятийного словаря языка Хониата, составленного автором.

Книга может быть полезна как профессиональным историкам и исследователям средневековой литературы, так и образованному читателю, интересующемуся Византией и ее литературой.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 04-04-16301 д*

ISBN 5-86007-449-2

© А. П. Каждан (наследники), 2005
© Я. Н. Любарский (наследники), 2005
© «Дмитрий Буланин», 2005

Я. Н. Любарский

Александр Каждан и Никита Хониат

*Мои мысли с Хониатом.
И главное ожидание –
даст ли мой труд адекватный выход.
И выйдет ли, как я считаю,
энциклопедия византийской жизни?*

**Из письма А. П. Каждана
к автору статьи от 21 января 1983 г.**

Прежде всего о содержании предлагаемого издания. Книги под заглавием «Никита Хониат и его время» А. Каждан никогда не писал. Это название «сконструировано» мною, но, как кажется, очень точно отвечает содержанию. Текст, печатающийся далее под этим названием, имеет свою историю, о которой необходимо рассказать.

Когда Александр Петрович Каждан в 1978 г., подобно множеству своих соотечественников, был вынужден покидать пределы отечества¹, он, естественно, всеми правдами и неправдами старался переправить за рубеж подготовленные им рукописи своих работ и не без основания опасался, что их могут конфисковать на границе (провоз рукописей, своих в том числе, был категорически запрещен). Для гарантии он вручил мне, приехавшему в Москву проводить его, довольно толстый пакет с их копиями – чаще всего вторыми или третьими машинописными экземплярами, которые я многие годы хранил дома и внимательно не рассматривал.

Уже после смерти моего друга я стал тщательно просматривать эти материалы, среди которых обнаружил немало интересного. В том числе публикуемый здесь текст о Никите Хониате. Рукопись, состоящая из 392 страниц машинописного текста, пред-

ставляет собой третью, а может быть и четвертую копию без авторской правки. Где находятся другие экземпляры, мне неизвестно. Скорее всего, они или один из них были переправлены за рубеж, но затем автором уничтожены. О такой возможности свидетельствует тот факт, что в архиве ученого, который был переслан из Америки в Петербург после его смерти, вообще очень мало черновиков его работ (за компьютер Александр Петрович сел очень поздно), а следов привезенных из России материалов вообще нет. Видимо, А. П. Каждан по каким-то причинам не хотел их сохранять.

Найденная мною рукопись, кажется, была полностью подготовлена к печати автором, но дошла, к сожалению, в ущербном виде. Не хватает нескольких страниц (эти лакуны отмечены в примечаниях). Нетрудно определить, что работа была завершена перед самым отъездом автора из России в 1978 г. В работе можно найти несколько ссылок на книги и статьи, опубликованные в 1976 г.

В том виде, в каком текст этот печатается в настоящем издании, он никогда не публиковался. Конечно, трудно предположить, что богатейший материал, в книге собранный, никак не был позже использован автором, и действительно, после недолгих поисков удалось установить, что частично он вошел (естественно, на английском языке) в изданную в 1985 г. книгу «Сдвиг в византийской культуре XI–XII веков»². Все более или менее важные добавления и исправления, сделанные А. Кажданом в упомянутой книге, учтены в настоящем издании в самом тексте (в прямых скобках) или в примечаниях («под звездочкой»).

Во второй части издания собраны все статьи о Никите Хониате, публиковавшиеся Александром Петровичем в течение его долгого творческого пути. Таким образом, цель издателей была собрать в одном месте все, написанное А. Кажданом о Никите Хониате. Нужно ли было это делать и какой смысл имеет это издание?

История «взаимоотношений» А. Каждана и одного из самых значительных византийских писателей Никиты Хониата весьма длительна и является отнюдь не только фактом биографии одного ученого. Попробую обосновать эту мысль.

О том, что Никита Хониат замечательный писатель, византисты догадывались давно. Я употребляю слово «догадывались» не случайно, а потому, что до относительно недавнего времени не существовало даже научного издания главного труда его жизни – «Истории», а первый перевод ее, выполненный уже в новое

время на европейский язык (русский!), был сделан в 1860 г. с неполного и некритического издания в «Боннском корпусе»³. Потом, в течение почти столетия, не появлялось никаких переводов, пока наконец в 1958 г. не был опубликован весьма квалифицированный «немецкий Хониат», переведенный, однако, все с того же боннского издания⁴. И только в 1975 г. появилось научное критическое издание «Истории»⁵. Сейчас уже существуют переводы с нового критического издания: английский⁶ и итальянский⁷ – последний с предисловием А. П. Каждана, учтенным в настоящем издании.

Восхищенные отзывы об искусстве Хониата – писателя и историка – можно найти у многих ученых, однако ни одного фундаментального монографического исследования о Никите создано не было (единственным исключением, пожалуй, остается книга русского исследователя Ф. И. Успенского⁸, который, кстати, весьма критично относился к писательскому искусству Хониата); «История» Хониата рассматривалась и в значительной степени продолжает рассматриваться поныне или как кладезь исторических сведений, или с традиционных источниковедческих позиций. Первая работа А. Каждана об этом писателе (написана в 1963 г., публикуется в этом томе) полностью в эту традицию укладывалась. Впрочем, можно предположить, что уже тогда А. Каждан придавал Хониату особое значение, и творчество этого писателя привлекало внимание ученого в связи с зарождающейся в те годы его общей концепцией византийской цивилизации. Во всяком случае, вскоре после появления этой статьи А. Каждан принялся за очередной свой, кажущийся со стороны неподъемным труд по составлению полного словаря к Хониатовой «Истории».

Об этом словаре и его роли в создании целой серии статей о Хониате речь впереди. В те же годы, как уже говорилось, была закончена публикуемая здесь рукопись.

О чем же эта книга и каково ее значение?

Читателю, который сейчас, в начале XXI в., обратится к исследованию А. Каждана, надо, конечно, иметь в виду, что книга создавалась три десятилетия назад уже вполне сформировавшимся и успевшим приобрести всемирную известность ученым, однако ученым, главным предметом занятий которого была история (причем в основном история социально-политическая); что взгляды А. Каждана того времени сформировались, безусловно, не без влияния марксистских идей, хотя и не имели ничего общего с унылым догматизмом многих его современников. Надо, нако-

нец, помнить, что Никита Хониат был чуть ли не первым византийским автором, к творчеству которого А. П. Каждан подходил как, в первую очередь, к явлению художественному.

Возможно, именно эти обстоятельства объясняют несколько необычную структуру исследования. Каждая из трех глав четко делится на две части. Первая из них имеет дело с чисто историческим материалом, и имя Хониата, как правило, там даже не упоминается. Во второй – рассматривается вопрос о том, как исследуемый аспект исторической реальности преломляется в творчестве византийского писателя, и только там, собственно, сама фигура Хониата становится объектом исследования. Читателю, интересующемуся византийской словесностью, жаждущему узнать новое о творчестве Никиты и привыкшему в нескольких вступительных страницах книг и статей о писателях получать только самые элементарные сведения об «исторической обстановке», первые разделы глав А. Каждана могут показаться слишком детальными, далекими от основного предмета исследования и даже скучными. Действительно, используемый исследователем материал широк, разнообразен, специален и на первый взгляд решительно никакого отношения к «изыскной словесности» не имеет. А. Каждан пишет, к примеру, об археологических находках, нумизматике, истории костюма, формах жилища, гастрономических вкусах, военной организации и массе других исторических и историко-бытовых предметов, ничем, казалось бы, с темой его исследования не сопряженных.

Однако впечатление о «несопряженности» обманчиво. На самом деле Каждан пишет именно о тех новых тенденциях общественного развития, которые проявились в Византии XII в. и нашли воплощение в «Истории» Никиты Хониата (но об этом он будет говорить уже во второй части каждой из глав).

Скажу еще несколько слов об этих «исторических» частях книги А. П. Каждана. По своему стилю они резко отличаются от работ многих почитавших себя верными марксистами ученых того времени. Последние нередко подбирали исторический материал под наперед заданные схемы. А. Каждан, напротив, приводит все имеющиеся в его распоряжении факты, как бы «просеивает» весь исторический материал, для того чтобы сделать из него тот или иной теоретический вывод. Он неоднократно писал о необходимости исследования «массового» материала.

Что касается самих выводов, то они вполне «спокойно» воспринимаются сегодня, но были совершенно новым словом исторической науки тридцать лет назад.

Дело в том, что А. Каждан был одним из самых первых, кто отказался от многолетней привычки рассматривать византийскую цивилизацию как нечто единое, цельное и, главное, неизменное на протяжении целого тысячелетия. Напротив, византийское общество, по Каждану, – живой организм, развивающийся по законам частично сходным, но во многом и отличным от законов жизни западного средневековья, переживающий периоды подъема и упадка, прошедший стадии рождения, наивысшего подъема и гибели.

В процессе трансформации Византии XII век, в котором прошла основная часть жизни Хониата, наряду с предшествовавшим ему XI-м, был переломной эпохой, временем наибольших сдвигов и перемен.

Повторяю, сейчас эти идеи почти общепризнанны, но в то время они только формулировались, причем формулировались именно в той книге, которая здесь публикуется. Не случайно, что именно ее материалы, как уже упоминалось, стали основой изданной несколькими годами позже на английском книги с весьма характерным, а в ту пору еще и явно полемическим названием «Сдвиг в византийском обществе XI–XII веков». Книга эта – одно из наиболее часто ныне цитируемых изданий, но основные ее идеи были опубликованы в России за несколько лет до ее появления.

Несмотря на подробность и объем «исторической» части предлагаемого теперь читателю труда, главный герой исследования А. Каждана все же сам Никита Хониат. Нет смысла пересказывать все интересные и значительные замечания о Хониате, содержащиеся в исследовании, отмечу только принципиальную методическую новизну подхода автора к византийскому историку и, пожалуй, всей византийской литературе в целом.

За истекшие тридцать лет со времени написания книги немало было сказано, в том числе и самим А. Кажданом, о необходимости подхода к ряду памятников византийской словесности не как к собранию текстов на самые разнообразные темы (тут лучше всего подходит немецкое слово *Schrifttum*), а как к литературе художественной⁹. В публикуемой книге общих рассуждений по этому поводу нет, но «Историю» Никиты Хониата А. П. Каждан рассматривает именно как произведение художественное. «История» Хониата обладает особой художественной структурой, <...> она ни в коей мере не памятник анналистического жанра, а скорее роман на историческом материале, подчиняющийся закономерностям романной прозы с ее сложностью

и противоречивостью характеристик, разрывом между реальным и художественным временем, амбивалентной ироничностью речи», – пишет сам автор.

Это замечание А. Каждан сделал в самом конце книги как своеобразный итог вполне конкретного своего исследования, однако с самого его начала последовательно проводит два основных принципа, обычно применяемых при анализе не исторических или научных произведений, а художественной прозы. Первый из них заключается в том, что многочисленные неточности и «небрежности» в изложении исторического материала, за которые Никиту немало «ругали» современные исследователи, на самом деле в большинстве случаев результат и детали той художественной системы, в которой работает Хониат. (И поныне очень многие ученые склонны любую «несообразность» в произведениях византийских авторов объяснять механическим загрязнением источников!)

Второй принцип состоит в том, что текст произведения, его образная система, лексика наконец в состоянии поведать исследователю и читателю об авторе значительно больше, чем сам он говорит *expressis verbis*. Более того, эти «косвенные свидетельства» об авторе, его мыслях и чувствах могут быть даже прямо противоположны тому, что он сам о себе говорит.

Именно этот вывод, как кажется, подвиг А. Каждана к грандиозному замыслу составить полный словарь многостраничной «Истории» Никиты Хониата. Чем дальше, тем больше надежд начинает возлагать исследователь на этот словарь. В его представлении анализ лексики Хониата должен привести не только к постижению внутреннего мира одного византийского писателя, но и к созданию своего рода «энциклопедии византийской жизни» (см. эпиграф). Составление словаря началось, как уже говорилось, еще в России и стало на несколько лет основным предметом интереса и занятий А. Каждана¹⁰.

Обосновывая его необходимость, А. Каждан писал:

«Идея моя в том, что только массовый материал (любого толка) может быть выразителен. Не одна монета, а совокупность монетных находок, не одно выражение, факт, идея, но система слов, образов, стереотипов и т. п. Если мне удастся понять, какова система словаря Хониата, о чем он говорил (и думал), тогда, может быть, откроются новые горизонты в нашем понимании *homo byzantinus*»¹¹.

К апрелю 1981 г. составление алфавитного словника было закончено, и А. Каждан приступил к весьма ответственной части

своего труда: превращению алфавитного конкорданца в понятийный (идеографический) словарь¹², который был закончен примерно к концу 1980-х годов и ныне хранится в кабинете византийской и новогреческой филологии на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Особенность этого словаря, состоящего из 54-х папок — по многу десятков листов в каждой, — заключается в том, что это не традиционный конкорданц, построенный по алфавитному порядку, а компендиум, в котором слова расположены по смысловым и тематическим гнездам, «семантическим пучкам», по выражению самого А. Каждана. Этот принцип позволяет увидеть, какой терминологией пользовался Хониат для описания тех или иных вещей или понятий, в конечном счете дает возможность проникнуть в менталитет писателя. Сам А. Каждан в одной из публикуемых далее статей («Идея движения в словаре византийского историка Никиты Хониата») обосновывает необходимость создания подобного словаря.

Традиционная описательная («нарративная», по терминологии А. Каждана) историография ныне исчерпала свои возможности. Кроме того, современный историк зачастую ставит вопросы, которые не могли прийти в голову древним и средневековым писателям и на которые они, естественно, не давали прямого ответа (этот ответ, однако, может имплицитно содержаться в тексте их сочинений).

Отсюда возникает необходимость создания своего рода «вторичного» источника, образованного на основании этих сочинений. Таким вторичным источником и служит этот словарь.

Большинство статей, публикуемых в приложении к настоящему изданию, написано на основании словаря.

Самые различные группы слов и понятий анализируются в статьях, они касаются человеческого тела и его частей, цвета и его оттенков, военного дела, идеи движения и т. п.

Любопытно, однако, что выводы, к которым приходит автор, исследуя самые разные лексические пласты «Истории» Хониата, оказываются удивительно схожими между собой. Заключение, которое следует из анализа лексики Никиты, находится в неизменном противоречии или с сознательными декларациями писателя, или с господствующими в обществе представлениями и идеями. Таким образом, византийская литература и, во всяком случае, творчество Хониата оказываются совсем не такими «одномерными» и плоскими, как это долго утверждалось многими поколениями византинистов. Более того, «История» Никиты представляет собой произведение истинно художественное, ибо, как

хорошо известно, только текст художественного произведения может говорить читателю (и исследователю) много больше, чем того хотел сам его автор. Все эти идеи так или иначе декларировались А. Кажданом и раньше, в том числе и в тексте издаваемой теперь книги, но только в упомянутых статьях они были подкреплены анализом огромного языкового материала, собрать который и исследовать в «докомпьютерную» эру было под силу только такому неумолимому труженику, каким был Александр Петрович.

Только об одной из статей, примыкающей к этому циклу, необходимо рассказать немного подробней. Дело в том, что она не помещена в этом сборнике, да и вообще никогда не была опубликована. Статья осталась в рукописном архиве А. П. Каждана, а написана была, скорее всего, в самом начале 1980-х годов. Ее название – «On the Structure of Nicetas Choniates' Chronike Diegesis (О структуре «Истории» Никиты Хониата)». Александр Петрович не случайно оставил ее неопубликованной. Как он сам отмечает, выводы этой работы не могут считаться окончательными, метод, им примененный, абсолютно нетрадиционен, да и сам подход к материалу достаточно проблематичен. Тем не менее подготовка статьи потребовала огромного труда (весьма значительные следы этой работы тоже сохранились в архиве), а ход мысли исследователя настолько оригинален, что было бы несправедливо оставить статью без всякого внимания.

Пожалуй, это единственная работа А. Каждана, которую с известным допущением можно было бы назвать лингвистической. Исследователь исходит из постулата, что в языке писателя можно выделить определенные элементы (*linguistic elements*), изучая распределение которых по тексту, равно как и их количественное соотношение в разных частях произведения, можно прийти к определенным выводам о том, на какие «блоки» (*units*) разделяется произведение, на протяжении какого времени и в какой последовательности писался тот или иной «блок» и даже датировать написание отдельных частей «Истории». «Языковыми элементами» для А. Каждана являются предлоги, приставки, частицы, союзы, порядок слов и некоторые другие, весьма разнообразные с лингвистической точки зрения, вещи.

Анализируя их распределение по тексту, А. Каждан делает некоторые заключения об истории написания произведения и приводит аргументы в пользу теории ван Дитена, считавшего, что текст «Истории» подвергался неоднократной авторской переработке на различных этапах жизни Хониата. Впрочем, А. Каждан понимает всю относительность своих выводов и считает свою

работу скорее импульсом для дальнейших исследований, нежели результативным исследованием¹³. Конечно, нетрудно счесть эту статью «неудавшейся», как, видимо, расценивал ее и сам А. Каждан, если бы не одно обстоятельство. Как он сам пишет, для того чтобы оценить примененные там методы и достигнутые результаты, необходимо исследование колоссального сравнительного материала, сплошное «перелопачивание» текстов многих византийских историков. Возможно ли это было еще 15–20 лет назад, в «докомпьютерный» период? Конечно, нет. Сейчас это становится вполне реальным, и методика А. Каждана, как и в ряде других случаев, оказалась опережающей свое время. Как бы то ни было, оставшаяся в архиве работа – свидетельство неистребимого стремления гуманитариев к овладению «точными» методами исследования.

Александр Петрович Каждан написал много интересного и важного о Никите Хониате. Более того, как уже говорилось, изучение «Истории» Никиты, видимо, было тем исходным пунктом, путь от которого привел ученого к созданию собственной системы взглядов на динамику развития византийской цивилизации и сформировал принципы изучения византийских художественных текстов. И тем не менее обширной, многоаспектной и цельной монографии об этом писателе он так и не создал. Когда в начале девяностых годов ему предложили написать предисловие к итальянскому изданию Хониата, он переделал для него уже напечатанную по-русски за много лет до этого главу из своей книги «Книга и писатель в Византии» (печатается в настоящем издании). Отвечая на вопрос о причинах столь необычного для него поступка, он говорил, что ничего нового о Хониате он больше «не придумал».

Почему все-таки А. Каждан не написал задуманную, видимо, еще в молодые годы монографию, которую хотел превратить в «энциклопедию византийской жизни»? Можно предположить несколько причин. Александра Петровича могли отвлечь другие и, как всегда, грандиозные замыслы (создание базы данных византийской агиографии, руководство написанием византийской энциклопедии), которые он осуществлял в Америке. Однако объем необходимой работы никогда не был препятствием для едва ли не самого трудолюбивого из известных мне ученых. Не исключено и то, что составленный А. Кажданом словарь «Истории» Хониата не полностью оправдал те надежды, которые на него возлагались: на базе словаря можно было сделать много важных частных выводов, но общая картина так и не складывалась.

Но существует и другая, видимо, самая главная причина. План создания монографического исследования творчества Никиты Хониата постепенно перерастал в замысел еще более грандиозный – решение написать историю византийской литературы VIII–XII вв., рассматриваемой не как *Schrifttum*, а явление художественное¹⁴. Именно к реализации этого так и не осуществленного плана и приступил А. Каждан в последние годы жизни. Глава о Никите Хониате должна была стать центральной в одном из последних томов его истории.

Сейчас можно только гадать, какие новые разделы прибавил бы А. Каждан к уже обработанному им материалу в этой главе. Думается, что еще больше места, чем в публикуемой здесь книге, было бы отведено анализу образов исторических героев Хониата. Безусловно, детальному разбору подвергся бы вопрос о композиции «Истории» (проблема эта почти вовсе не затрагивается в публикуемых в этом издании материалах). На эту мысль наталкивает то внимание, которое уделил А. Каждан исследованию методов обрисовки персонажей произведений разных жанров в уже написанных им томах.

Значение ученого определяется не только, а может быть и не столько результатами его собственного труда, сколько влиянием его на направление дальнейших исследований. В последние годы творчество Никиты Хониата начинает привлекать все большее внимание исследователей, главным образом западных. Работы А. П. Каждана о Хониате начали появляться на Западе поздно – с начала 1990-х годов (по-русски сейчас иностранные ученые читают крайне редко), тем не менее влияние этих работ – а возможно, и общих тенденций, представленных другими работами А. Каждана, – на исследователей творчества Хониата безусловно. Итальянский исследователь Р. Маизано, написавший комментарий к тексту Никиты в том самом уже упомянутом итальянском издании, где помещено предисловие А. Каждана, заканчивает одну из своих статей утверждением, что на изучение творчества Никиты Хониата в последние годы оказали наибольшее влияние два события: критическое издание текста историка ван Дитеном и работы об историке А. П. Каждана¹⁵. Достаточно привести только несколько названий статей самого Р. Маизано, который, кстати, среди современных ученых опубликовал, пожалуй, наибольшее число работ о Никите, чтобы ощутить значительность такого влияния. Вот некоторые из них: «Обновление историографической традиции в Византии XII века»¹⁶, «Литература и историография в труде Никиты Хониата»¹⁷, «Типология источников Никиты Хониата (кн. I–VIII)»¹⁸.

Названия говорят сами за себя. В основе исследовательского метода Р. Маизано лежит постулат о превалировании художественного начала в творчестве Хониата. Думается, что и другие исследователи не вовсе избежали влияния идей А. Каждана. Так, испанский ученый А. Браво, анализируя структуру первой книги «Истории» Никиты Хониата, проводит мысль о том, что идеи историка надо искать не в прямых высказываниях, а в способе ведения рассказа¹⁹.

Из публикаций последнего времени, которые уже, по-видимому, Александр Петрович увидеть не успел, необходимо отметить две работы, касающиеся одной и той же проблемы, отнюдь не чуждой его интересам: «образа чужого» в «Истории» Хониата²⁰.

Несомненно достойно сожаления и то, что Александру Петровичу не удалось прочесть и недавней статьи автора первого критического издания трудов Никиты Хониата ван Дитена, который ответил на сомнения, высказанные А. Кажданом в его рецензии на это издание²¹.

Ван Дитен закончил короткое предисловие к своему изданию словами любви к Никите Хониату: «Переводя, делая колляцию текста, составляя указатели, читая корректуру и верстку, я не менее двадцати раз слово в слово прочел сочинение Хониата. При каждом чтении оно всякий раз захватывало меня, и я был бы рад, если бы мои слова побудили других к исследованию творчества Никиты»²².

Вряд ли сейчас в мире есть еще человек, кроме самого ван Дитена, который «двадцать раз, слово в слово» прочитал «Историю» Никиты, но тот, кому удастся преодолеть немалые языковые трудности этого текста, действительно не может не быть захвачен удивительной изобразительной силой его автора. (Каждый раз приходится удивляться, как такой художественный эффект достигался Никитой, писавшим на неразговорном, выученном в школе языке!) Исследование творчества этого писателя может привести к важным и неожиданным заключениям.

Александр Петрович Каждан скончался, не успев произнести своего последнего слова о Никите, творчество самого Никиты ожидает новых исследователей. Публикуемая книга, может быть, станет для них хорошим импульсом.

В подготовке этой книги принимала участие Татьяна Семёновна Мальцман, которой я приношу свою благодарность.

¹ Выдающийся исследователь истории и культуры Византии Александр Петрович Каждан (1922–1997) пятьдесят шесть лет своей жизни провел в России, а весь остаток – в Соединенных Штатах. После его смерти появились статьи

- о нем и некрологи в разных странах – в том числе и в России, в которых рассказывается о жизненном пути и трудах ученого. Сошлюсь здесь только на некоторые: *Поляковская М.* Александр Петрович Каждан (ВВ. 58 (83). 1999); *Иванов С.* (Новое литературное обозрение. 26. 1997); *Любарский Я.* Александр Петрович Каждан (ВДИ. 39. 4. 1997). Памяти А. П. Каждана посвящено специальное издание «Мир Александра Каждана», вышедшее в свет в издательстве «Алетейя» в 2003 г.
- ² *Kazhdan A., Epstein A.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985. (Далее – Change.)
 - ³ Никиты Хониата история / Перевод под редакцией В. И. Долочкого и Н. В. Ченцова. СПб., 1860–1862. Первый итальянский перевод был сделан в XVI-м, а французский – в XVII в.
 - ⁴ Die Krone der Komnenen (1118–1180). Abenteurer auf dem Kaiserthron (1180–1195). Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel / Übersetzt von F. Grabler // Byzantinische Geschichtsschreiber. VII–X. Graz; Wien; Köln, 1958.
 - ⁵ Nicetae Choniatae Historia / Rec. J.-A. Van Dieten. CFHB. XI. Berlin, 1975.
 - ⁶ City of Byzantium. Annals of Nicetas Choniates / Translated by J. Magoulias. Detroit, 1984.
 - ⁷ *Niceta Coniata.* Grandezza e catastrofe di Bisanzio (narrazione cronologica). Scrittori greci e latini. Roma Fondazione Lorenzo Valla. I, II. 1999 (третий том из печати еще не вышел). Относительно полная библиография работ о Хониате, включающая, естественно, и статьи, вышедшие после завершения публикуемой книги, содержится в первом томе этого издания (р. LXVII–LXX). О предисловии А. Каждана к этому изданию см. дальше.
 - ⁸ *Успенский Ф. И.* Византийский писатель и общественный деятель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.
 - ⁹ Пожалуй, наиболее отчетливо и сжато писал об этом А. Каждан в предисловии к изданной уже посмертно «Истории византийской литературы»: *Kazhdan A.* History of Byzantine Literature (650–850) / In collaboration with L. Sherry, Ch. Angelidi. Athens, 1999. См об этой проблеме также: *Ljubarskij Ja.* Quellenforschung and/or Literary Criticism. Narrative Structures in Byzantine Historical Writings // Symbolae Osloenses. 73. 1998.
 - ¹⁰ В одном из первых писем, полученных мною после прибытия Александра Петровича в Вашингтон (примерно апрель 1979 г.), читаем: «Завтра можно начать трудовые будни, т. е. чтение Хониата». В письме от 16 июля 1979 г.: «Из настоящей работы – только читаю Хониата. Очень медленно. Только хочу думать, что не зря, что мне удастся сделать из него что-то очень хорошее...». В письме от 31 июля 1982 г.: «Упорно борюсь со словарем к Хониату. Дела еще года на четыре». Все цитируемые в дальнейшем письма А. Каждана направлены мне. Они переданы вместе с остальными материалами в Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ф. 1116, оп. 1).
 - ¹¹ Цитирую письмо, датированное, по всей видимости, весной 1982 г.
 - ¹² «Кончил составлять конкорданц к Хониату. Теперь пытаюсь научить его разговаривать» (письмо от 9 апреля 1981 г.).
 - ¹³ Видимо, об этой статье идет речь в письме Александра Петровича от 22 июля 1981 г.: «Я посчитал разные формальные элементы и получил хотя и не очень ясный, но осмысленный результат. De signis дали совершенно особое распределение формальных элементов; первая книга об Иоанне II тоже выделяется из общей массы. Это понятно, так как написана на базе не устной, а документальной традиции (совпадает с Киннамом!). Напротив, главы об Андронике I и Исааке II оказались лингвистически наиболее целостными».

- ¹⁴ Об этом, кажется, свидетельствуют и строки из письма Александра Петровича от 4 апреля 1982 г.: «Моя мечта после Хониата написать византийскую литературу VIII–XII веков. Хониат потребует еще 3–4 года, прежде чем я получу определенные результаты. Но опять-таки, соизмерим ли затраченный труд с тем, что я смогу опубликовать?». В письме от 1 января 1984 г. сомнения в результативности работы над Хониатом звучат еще сильнее: «Чем дальше я влезаю в эту историю, тем больше меня мучают сомнения, будет ли результат. Конкорданц – сам результат, но я хочу большего...». В этом же письме Александр Петрович пишет, что его все сильнее захватывает работа над византийской агиографией.
- ¹⁵ *Maisano R. L'incontro della cultura occidentale con l'opera storica di Niceta Coniata. Medioevo romano e orientale // Testi e prospettive storiografiche, Colloquio Internazionale, Verona, 4–6 aprile 1990. 1992. P. 38–39.*
- ¹⁶ *Maisano R. Rinnovo della tradizione storiografica bizantina nel XII secolo // Storia e tradizione culturale a Bisanzio fra XI e XII secolo. Napoli, 1993.*
- ¹⁷ *Maisano R. Letteratura e storiografia nell'opera di Niceta Coniata // Messina, Rassegna di studi filologici, linguistici e storici. N. S. 16. 1993.*
- ¹⁸ *Maisano R. Tipologia delle fonti di Niceta Coniata (libri I–VIII). Storia, poesia e pensiero nel mondo antico // Studi in onore di Marcello Gigante. Napoli, 1994.*
- ¹⁹ *Bravo Garcia A. Politics, History and Rhetoric. On the Structure of the First Book of Nicetas Choniates' History // BS. 56. 2. 1995.*
- ²⁰ *Schmitt O. E. Das Normannenbild im Geschichtswerk des Niketas Choniates // JÖB. 47. 1997; Bascu-Barabes T. Das Bild des «Anderen» im Werk von Niketas Choniates. Das Beispiel des Aufstandes von Peter und Asen // Συμμετρετα. 10. 1996.*
Из статей самого последнего времени, помимо уже названных, укажем на: *Maisano R. Memoria letteraria e memoria storica: il personaggio di Giovanni Axuch nell'opera di Niceta Coniata // Atti della Accademia Pontiana. N. S. 46. 1997; Maisano R. I poemi omerici nell'opera storica di Niceta Coniata // Posthomeric II – Tradizioni omeriche dall'Antichità al Rinascimento / A cura di F. Montanari, S. Pittaluga. Genova, 2000.*
- ²¹ *Die drei Fassungen der Historia des Niketas Choniates über die Eroberung von Konstantinopel und die Ereignisse danach // Lesarten. Festschrift A. Kambylis. Berlin; New York, 1998. Упомянутая рецензия была напечатана в BS, 38, 1977, 54–56.*
- ²² *Nicetae Choniatae historia. P. VI.*

**НИКИТА ХОНИАТ
И ЕГО ВРЕМЯ**

ВВЕДЕНИЕ

Никита Хониат (ок. 1155–1215/6) – один из крупнейших византийских писателей¹. Изучение его творчества может иметь различные аспекты. Прежде всего, наследие Хониата – один из двух главных источников для византийской истории за 1118–1176 гг., а для периода от битвы при Мириокефале в 1176 г. до падения Константинополя в 1204 г. и до первых столкновений Латинской империи с соседями – важнейший и подчас единственный источник. Именно в этом аспекте, как источник сведений по внешнеполитической и внутренней истории Византии XII в. и по истории ее соседей, в том числе болгар, сербов и русских, труды Хониата рассматривались в первую очередь. Сообщаемые им сведения были сопоставлены с известиями других авторов: византийского историка Киннама, современных греческих ораторов и поэтов, иноземных (латинских, славянских, восточных) хронистов и летописцев; были установлены источники его информации и проверена достоверность сообщений Хониата. Многие исследователи внесли свою лепту в этот большой труд, и сейчас можно с благодарностью вспомнить имена В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Ф. Шаландона, В. Златарского и многих, многих других. Я тоже, приступая к изучению Хониата, обратился именно к этому – традиционному – аспекту исследования² *...

* В машинописном экземпляре «обрыв смысла». Можно предположить утрату страницы текста авторской рукописи. По всей видимости, А. Каждан говорил о своеобразии своего подхода к изучению Хониата, отличающегося от традиционного использования текста «Истории» как исторического источника. – *Прим. изд.*

Есть еще одно обстоятельство, которое заслуживает быть подчеркнутым: урбанистские и сеньориальные начала росли здесь не столько в противоречии, сколько во взаимодействии между собой. Конечно, это не значит, что между феодальным сеньором и купцом в Византии не было антагонизма, но этот антагонизм уступал по интенсивности тому противоречию, которое создавалось между обеими новыми силами – урбанистскими и сеньориальными – на одной стороне и византийской традиционностью, воплощением и носителем которой была какая-то часть нестабильного, динамичного, нечетко организованного византийского чиновничества, группирующегося вокруг централизованной константинопольской монархии. Правда, и в этот тезис нужно внести очень существенные коррективы, потому что новые идейные сдвиги затронули в очень большой степени интеллектуальную элиту, тесно связанную со двором и бюрократическим аппаратом. Пселл и его группа, при всей ее разношерстности и непоследовательности, отнюдь не оставались в стороне от новых литературных, философских и этических течений.

Урбанизм и сеньория выступают в Византии не столько в конфликте, сколько во взаимодействии. Вот почему «демократические» и «феодальные» элементы культуры здесь подчас неразделимо слиты, и феодальные круги поддерживают новые лексические, бытовые, научные, художественные интересы. Их объединяет и робкий, начальный, средневековый рационализм, проступающий и в еретическом логизме, и в десакрализации идеи императорской власти.

Нет ничего соблазнительнее, чем идеализация своего героя. Очень хотелось бы увидеть в Никите Хониате гуманиста, деятеля византийского возрождения, предшественника Данте и Маккиавелли. С прискорбием приходится констатировать, что это совсем не так. Даже среди своих византийских современников Хониат – как мыслитель – не занимает самую радикальную позицию: по всей видимости, у Михаила Италика, Киннама или Евстафия Солунского разрыв с традиционным мышлением был более последовательным.

Никита Хониат – очень «византийская» фигура. Он соткан из противоречий, иногда разительных, далеко не всегда примимых. Его воззрения в речах и письмах иные, чем в «Истории»; его прямые высказывания подчас отличаются от плохо осознанных стремлений, находящихся выражение на иных – образном и лексическом – уровнях. Но как бы то ни было, Хониат – не нейтральный писатель, живущий и творящий вне времени, спле-

тающий свою ткань из ортодоксальных воззрений и античных аллюзий. В «Истории» – именно в ней куда больше, чем в риторико-эпистолографических сочинениях, – Хониат тесно связан с основной социально-культурной проблематикой своей эпохи. Все его волнует: и активизация деятельности городского населения, и феодализация общественных институтов, и проникновение народной стихии в «высокую» культуру, и формирование военно-аристократической этики, и отношение к античному наследию, и десакрализация императорского идеала. «История» Хониата – не просто критика отдельных византийских василевсов или прогнившего византийского общества с позиций абстрактной моральной нормы (как это рисовалось Ф. И. Успенскому), но ответ на конкретные вопросы современности.

Не нужно искать последовательности в этом ответе: Хониат – художник, а не логик, и видит мир в противоречивом многообразии. И все-таки главная линия его воззрений может быть ориентировочно намечена. Традиционное византийское общество, опиравшееся на вертикальную динамику, бюрократический механизм и культ императорской власти, изживало себя и было отвергнуто Хониатом. Укрепляющаяся «демократия» с ее народным языком, раскованностью быта и тяготением к светским радостям рождала в Хониате отпор, несмотря на его стремление прикоснуться к этим новым тенденциям. Рыцарский идеал воинской доблести и феодальной верности был ему всего ближе, и может быть именно поэтому Хониат отрекался от принципов византийской исключительности и признавал во многих областях этическое превосходство латинян над ромеями. Рационализм Хониата почти не затрагивал космического уровня, хотя писатель и ставит акцент на творческой активности человека – в ущерб провиденциалистскому пониманию исторического процесса. Но императорский идеал он конструирует заново – десакрализируя его и видя в идеальном монархе прежде всего полководца, мудрого политика и высокоморального человека. В какой-то мере эта позиция тоже отвечала интересам феодальной аристократии.

Но было бы односторонне видеть в Хониате идеолога феодальной знати и только. Он был, повторяю еще раз, прежде всего писателем и воспринимал окружающий мир скорее эмоционально, чем логически. Защита социальных идеалов преломлялась в его сознании как защита человеческих прав от произвола императорской власти. Жизнь, свобода, собственность человека священны, и этот тезис Хониата, вызревший в конкретных условиях

вырождающейся византийской аристократии, оказывается более емким, нежели прославление родовитости, воинской доблести и вассальной верности. Как писатель Хониат шире социальной задачи, поставленной перед ним его временем и его собственным окружением, – и именно в этом его величие художника*...

...не просто произведения средневековой анналистики, то необходимо рассмотреть их в их историко-культурном контексте. Художественная структура «Истории» Хониата не только служит объяснением ее специфики в качестве исторического источника, но и сама вытекает из историко-культурной ситуации времени, которому она принадлежала.

Когда мы оцениваем памятник прошлого, мы неминуемо пользуемся теми или иными критериями, сознаем мы это или нет. Если мы не осознаем это достаточно четко, то в качестве критериев выступают наши собственные представления о добре и зле, наши собственные общественные и культурные идеалы, которые мы выдаем за общечеловеческие и абстрактные. Ф. И. Успенский в единственной монографии о Хониате, написанной уже более 100 лет тому назад¹, поступает именно таким образом: его Хониат поставлен не в контекст Византии XII в., но фигурирует как критик общественных пороков, существовавших «всегда» и в Византии в частности. Тем самым на передний план выдвигаются наиболее «общие», т. е. наиболее банальные суждения писателя.

Конечно, в Византии времен Хониата оставались в силе «вечные» проблемы (богатство и бедность, власть и индивид и т. п.), но были проблемы исторически обусловленные, да и сами «вечные» проблемы приобретали специфическую окраску, зависящую от места и времени. Как выглядит Хониат в соотношении не с абстрактными идеями, а с социокультурной проблематикой своей эпохи?

Если я не ошибаюсь, в таком аспекте сочинения Хониата еще не были рассмотрены. Более того, вряд ли можно было бы назвать многих византийских писателей, монографически исследованных в привязанности к их времени. Трудность подобного подхода очевидна, издержки, увлечения и промахи – неизбежны.

Основная трудность вытекает из того, что мы не располагаем анализом культурного климата той эпохи, которая подготовила Хониата, – византийского предвозрождения XI–XII вв., а общие оценки этого периода в литературе донельзя противоречивы.

* Обрыв смысла – видимо, такой же пропуск страницы, как в предыдущем случае. – *Прим. изд.*

С характеристики социально-культурной ситуации XI–XII вв. и следует, по всей видимости, начинать.

¹ Лучшая биография Хониата принадлежит Я. Л. ван Дитену: *Van Dieten J. L. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie.* Berlin; New York, 1971. S. 4–57. Некоторые дополнения см. в моей рецензии: ВВ. 35. 1973. С. 280–283 (=BS. 34. 1973. P. 223–227).

² Каждан А. П. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // BS. 24. 1963. P. 4–31.

³ Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

Глава I

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ И ФЕОДАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ВИЗАНТИИ В XI–XII вв.

Период от 1025 до 1204 г. представляется временем упадка Византийской империи, которая в 1025 г., после присоединения Болгарии и ряда сирийских и кавказских территорий, являлась самым могущественным государством в Восточном Средиземноморье, но постепенно, после позорных поражений от турок-сельджуков в 1071 и 1176 гг. (при Манцикерте и Мириокефале), после завоевания Южной Италии норманнами к 1071 г. и захвата ими Диррахия и Солуни в 1185 г., после печенежских вторжений XI в., после освобождения Болгарии в 80-е годы XII в., пришла к катастрофе 1204 г. – к занятию Константинополя крестоносцами и образованию Латинской империи. Однако столь однозначная характеристика почти двухвекового периода оказывается – вопреки, на первый взгляд, очевидным фактам – неосновательной. Во-первых, не все эти эффектные поражения имели непреходящее значение: битва при Мириокефале фактически не изменила соотношения сил в Малой Азии, а Солунь и Диррахий были в том же году отвоеваны. Во-вторых, внешнеполитические неудачи приходится в общем на два отрезка времени: сперва в третьей четверти XI в. наступление сельджуков на востоке, норманнов на западе и степняков (печенеги, торки) на севере привело к серьезным территориальным потерям – враги стояли под самым Константинополем; затем, после смерти императора Мануила I в 1180 г., Византия довольно быстро теряет политический авто-

ритет и становится добычей крестоносцев и венецианцев. Однако как до середины XI в., когда империя присоединяет ряд армянских княжеств, так и особенно при трех василевсах из династии Комнинов – Алексее I, Иоанне II и Мануиле I, отвоевавших у сельджуков почти все малоазийское побережье, подчинивших Сербию и Венгрию и боровшихся за гегемонию в Италии, – Византия по-прежнему выступала великой европейской державой. В-третьих, XI и XII столетия оказываются временем хозяйственного и культурного подъема – несмотря на действительно существенное сокращение имперских границ. При этом антиномия исторического развития проявляется не только в том, что экономический подъем осуществлялся вопреки политическим неудачам, но и в том, что потеря малоазийских и итальянских областей не вела к последствиям, которых, казалось бы, следовало ожидать. В самом деле, были потеряны земли, которые уже в X в., если не ранее, показали себя опорой провинциальной феодальной знати, – а процесс феодального развития двинулся после этого вперед особенно интенсивно. Были, далее, потеряны области, где располагались крупные торговые центры, сирийские, армянские, итальянские, а экономическая монополия Константинополя, вместо того чтобы окрепнуть, пошатнулась. Социально-экономическое развитие Византии XI–XII вв. определялось не столько политическими успехами и неудачами ее армий на поле брани, сколько главными направлениями развития средневекового общества.

Средневековая Европа пережила в XI–XII вв. существенные экономические и социальные сдвиги. Их наиболее важными признаками были формирование средневекового города и перестройка господствующего класса на принципах вассально-ленной организации. Конечно, начало того и другого процесса уходит в более раннее время, но именно в эти столетия они приобретают отчетливые черты, позволяющие говорить о классическом средневековье.

Оба процесса проявились и в Византии, хотя и не в таких ярких очертаниях, как это было на Западе: с одной стороны, постоянная военная опасность, с другой – устойчивость централизованного государственного механизма, поддерживавшего традиционные формы общественных отношений и культуры, сдерживали спонтанное развитие и нередко отбрасывали Византию назад, к уже пройденным ступеням. И все-таки в XI–XII вв. византийское общество как бы «окцидентализируется», обнаруживая тенденции и к упрочению периферийных городов,

и к оформлению феодальных институтов, и к перестройке аристократии.

Экономическое оживление дало о себе знать в Византии уже в конце IX–X вв., но тогда оно затронуло лишь Константинополь, его окрестности и узкую полосу побережья Эгейского моря¹. С XI в. подъем становится более заметным, охватывая, несмотря на внешнеполитические трудности, значительно более широкий ареал.

К сожалению, перемены в деревне пока еще ускользают от взора исследователя: у нас нет прямых свидетельств ни об экстенсивном расширении сельскохозяйственного производства, ни об интенсификации сельского хозяйства в XI–XII вв.

Все, что мы знаем о сельскохозяйственных орудиях (преимущественно по работам болгарских археологов)², свидетельствует о сохранении на Балканах позднеантичной традиции. Мы не в состоянии убедительно решить вопрос о том, где, когда и в каком масштабе совершался переход от подсечной обработки земли к двуполью³, ни проследить вытеснение одних культур другими. Смело высказанная Дж. Тиллом мысль о прогрессивном развитии византийского сельского хозяйства⁴ аргументирована – во всяком случае, применительно к XI–XII вв. – очень скудно, приводимые им данные позволяют констатировать скорее интерес к разбивке садов и чтению агротехнической литературы, нежели реальное движение вперед аграрного производства. Впрочем, и обратный тезис – об упадке сельскохозяйственного производства и демографическом спаде XI в. – обоснован Н. Звороносом⁵ не более сильными аргументами.

Можно было бы заметить, что византийцы собирали в XII в. довольно значительные урожаи⁶, что пчеловодство стояло у них на более высоком уровне, чем в Западной Европе⁷, однако и эти скудные свидетельства не показывают византийское сельское хозяйство в движении. И все-таки есть некоторые косвенные материалы, позволяющие предполагать хозяйственный подъем деревни XI–XII вв.

Остеологический материал из раскопок поселения VIII–XII вв. близ с. Попино Силистрийского района показывает, что именно в последний период его существования, т. е. в XI–XII вв., резко возросла доля крупного рогатого скота в хозяйстве⁸. Впрочем, при раскопках поселения Джеджови Лозя в том же районе получены результаты, кажущиеся противоположными: там процент костных останков крупного рогатого скота в слое VIII–XI вв. меньше, а овец и коз выше (при стабильности свиноводства),

нежели в слое VII–VIII вв.⁹. Однако надо учитывать, что это поселение не пережило середины XI в.¹⁰. Разумеется, эти данные было бы рискованно распространять на всю территорию империи, особенно если учесть, что они относятся к болгарским областям, но и пренебрегать ими не следует. Накопление остеологических свидетельств может в дальнейшем помочь восстановлению истории византийского скотоводства.

Сельское хозяйство византийской Южной Италии находилось в X–XI вв. на сравнительно высоком уровне¹¹. К сожалению, относительно других провинций мы не располагаем адекватными источниками.

Как известно, до конца X в. перед византийцами стояла не столько проблема расширения земельного фонда, сколько задача обеспечить пустующие земли рабочими руками. В XI в. изменяется отношение к выморочным землям: теперь монастыри сами добиваются передачи им опустевших наделов, претендуют на получение «избыточной» земли, не записанной за ними в податных списках¹². В свете этого отмена Романом III аллиленгия приобретает особый смысл: нужда в принудительном приписывании выморочных земель исчезает. Важно было бы выяснить, сводится ли процесс расширения светского и монастырского крупного землевладения, заметный в XI–XII вв., только к перераспределению уже наличного фонда возделанных земель, или же он сопровождается экстенсивным расширением угодий и интенсификацией их обработки.

Если сведения о расчистке лесов в XI–XII вв. довольно глухи¹³, то время от времени источники упоминают другой путь расширения полеводства – освоение запустевших, каменистых, бесплодных земель. Основание Христодулом монастыря на каменистом Патмосе в конце XI в. – один из примеров мелиоративной активности¹⁴. Монастырь Богородицы Милостивой осваивал в середине XII в. запущенные земли¹⁵. На скалистом Тервинфе сосланный патриарх Феодосий проводил воду и насаждал деревья, выжимая, по словам Михаила Хониата, мед и елей из камня (Мих. Аком., II, с. 49. 22–25). А столетием раньше Пселл, мечтая о преобразовании поместья в Мидикии, перечислял: «Куплю быков, приобрету овец, разобью виноградники, подведу речки, направлю по каналам воду» (Сафа МВ, V, с. 264. 6–7).

Интерес к сельскому хозяйству пронизывает литературу XI–XII вв. Кекавмен видел в обработке земли наиболее достойное занятие состоятельного человека (см. введение Г. Г. Литаврина в кн.: Кек., с. 58). Григорий Антиох, находясь в Болгарии, тща-

тельно сопоставлял уровень ее аграрного развития с состоянием сельского хозяйства в собственно византийских землях¹⁶. Евстафий Солунский гордится урожаем в его владениях и качеством выращенных им плодов¹⁷. В переписке Михаила Хониата вопросы, связанные с хлебопашеством, поднимаются неоднократно (см., напр., Мих. Аком., II, с. 211. 17–19). Особенно знаменательные результаты в этой связи дает сопоставление двух писателей-мистиков: если образную систему Симеона, жившего на рубеже X и XI вв., питают преимущественно темы, почерпнутые из придворной и торгово-ремесленной сферы, то Илья Эдик очень часто обращается к образам из мира земледельца¹⁸. И сочинения Евстафия изобилуют земледельческими образами и сравнениями¹⁹.

Сложилось довольно устойчивое представление о том, что Византия в середине XI в. переживает демографический спад²⁰, хотя для обоснования этой гипотезы могут быть приведены только общие соображения. В этой связи должны привлечь внимание попытки Э. Антониади-Бибику подсчитать количество запустевших деревень в Греции. Составленная ею таблица наводит на мысль, что после демографического спада второй половины XI в. положение стабилизировалось и процесс запустения земель в Греции практически приостановился – вплоть до второй половины XIII столетия²¹.

Исчисление смертности и рождаемости еще более условно. Семьи в XII в., во всяком случае в аристократической среде, были большими: наличие 6–8-и детей не редкость. Напротив, семья из трех человек (отец – мать – ребенок) считалась, как можно судить по Житию Кирилла Филеота, исключительной²². На рубеже IX и X вв. люди, по словам Николая Мистика, редко доживали до 70 лет²³. Изменилась ли продолжительность жизни в XI–XII вв.? Сохранившееся прямое свидетельство конца XII в. относится только к острову Керкире: жалуюсь на трудные условия тамошней жизни, Василий Педиадит писал, что там пятидесятилетний человек считается стариком, а шестидесятилетний – дряхлым старцем²⁴. Судя по Педиадиту, ламентации которого к тому же не свободны от гипербола, 60 лет в основных землях Византии XII в. не рассматривались как чересчур высокий возраст.

Можно попробовать подсчитать среднюю продолжительность жизни литераторов – единственной профессиональной группы, для которой такие данные доступны. При всей ограниченности материала им не следует пренебрегать. Для 15-ти византийских писателей конца XI–XII в., биографии которых более или менее

известны, средний возраст оказывается весьма высоким – 71 год. Для сопоставления можно отметить, что у позднеримских авторов IV в. (учтено 27 человек) он равен 67 годам, у греческих и латинских писателей VI в. (13 человек) – всего 62 годам, а у западных писателей конца XI–XII в. составляет около 68 лет²⁵. Не придавая, конечно, абсолютного значения этим цифрам, заметим, что они предполагают скорее рост продолжительности жизни в Византии XII в., нежели ее сокращение.

Исследователи византийских цен отмечают их поразительную стабильность, в том числе и в XI в., на основании чего Антониади-Бибику констатирует демографическую регрессию в XI столетии²⁶. Сами данные, на которых базируется это наблюдение, крайне скудны и почерпнуты из юридических и нарративных источников, которым присуща тенденция к традиционности. Но даже если это наблюдение верно, должно ли оно непременно свидетельствовать о демографическом спаде? Если Византия XI в. не пошла по пути Западной Европы с ее удорожанием продуктов, не означает ли это, что здесь сельское хозяйство достигло более высокого уровня, справляясь со стоявшими перед ним задачами?

Исследователи неоднократно подчеркивали обилие свидетельств о неурожаях и голоде в Византии XI в.²⁷. Голод, разумеется, не был новым явлением в хозяйственной жизни XI столетия – достаточно хорошо известны масштабы неурожая после морозной зимы 927–928 гг. Тем более показательно, что источники XII в. почти не знают голода²⁸. Более того, Греция была теперь в состоянии снабжать хлебом Иллирик и Сицилию²⁹. Западных хронистов конца XI–XII вв. поражало изобилие сельскохозяйственных продуктов в империи³⁰. В XII в. итальянские купцы вывозили из Романии хлеб, вино и мясо³¹.

Только переходя к нумизматическим материалам, мы оказываемся перед массовым источником, позволяющим делать существенные выводы. Анализ монетных находок во всех византийских городах, подвергшихся раскопкам в последние годы (Афины, Коринф, Сарды, Пергам, Приена и др.), дает однозначную картину: повсюду на смену почти вовсе «безмонетному» периоду (VII–IX вв.) приходит – сперва медленно, а с XI в. интенсивно – время оживленной монетной циркуляции. Общее количество византийской монеты вкладах, зарытых за пределами страны, также резко возросло в XI–XII столетиях³².

Византийская номисма – солид – оставалась до середины XI в. стабильной и чеканилась из золота высокого качества

(24 карата). В середине и третьей четверти XI в. качество золотой чеканки ухудшается, и содержание золота падает к 1080 г. до 9 каратов³³. Монетный кризис XI в. отнюдь не был выражением экономического упадка, как это считали до недавнего времени: С. Моррисон связывает его с увеличением монеты в обращении и с общим хозяйственным подъемом³⁴. В самом деле, превращение золотой монеты из политического символа императорской власти, что было ее главной функцией в VII–IX вв., в важное орудие обмена привело в первый момент к нехватке монетных знаков. В конце XI в. золотую монету удалось стабилизировать на уровне, близком к старому стандарту, и это качество византийское золото удерживало по крайней мере до середины XIII в.³⁵

Расхождение функций золотой монеты – политических и хозяйственных – создает благоприятную почву для возникновения «предпочтительной» монеты, т. е. знаков, которые при том же номинале имели более высокое содержание золота и потому охотнее принимались населением. Разнобой византийской монеты второй половины XI и XII вв. проявлялся в многообразии ее формы, размеров, толщины и наименований; при составлении соглашений обычно устанавливали не только сумму, но и вид монеты, в которой должна была производиться уплата³⁶.

Пересмотр вопроса о так называемом монетном кризисе XI в. влечет за собой пересмотр традиционных представлений о судьбах византийских городов. Археологический материал, относящийся к Афинам³⁷ и Коринфу³⁸, свидетельствует, что эти большие города процветали в XI–XII вв., несмотря на превратности их политической судьбы. Ш. Дельвуай констатирует для Солуни XI–XII вв. период процветания и новой строительной активности³⁹. Разнообразные письменные памятники упоминают множество балканских городов XI–XII вв.⁴⁰

Раскопки болгарских и румынских археологов позволили в последние годы конкретнее представить судьбы городской жизни на севере Балканского полуострова. Болгарские области втягиваются в XI–XII вв. в товарное производство и переживают подъем производительных сил⁴¹, хотя вторжения степняков, прежде всего печенегов, порождали временный упадок материальной культуры, заметный по керамическим изделиям⁴². Одним из новых городов было поселение на месте фракийского Севтополя, возникшее в XI в.; его жители занимались земледелием и скотоводством, и одновременно – разнообразными ремеслами: обработкой железа, кости, ювелирным и, видимо, керамическим производством⁴³.

Строительная активность XI в. на севере Балкан засвидетельствована в ряде надписей, относящихся к Адрианополю (SIG, № 8713), Апру⁴⁴, Месемврии⁴⁵. Следы строительной деятельности и византийские монеты XI–XII вв. обнаружены в Ловече⁴⁶, Пернике⁴⁷, Твердице⁴⁸. Своеобразный облик имела византийская крепость XI в. близ села Мезек (район Свиленграда): она представляла собой, по всей видимости, рефугиум для окрестного сельского населения, во всяком случае, следов постоянных жилищ в Мезекской крепости не найдено⁴⁹. Особенно яркие археологические материалы относятся к областям по Дунаю и прежде всего к укреплению на острове Пэкул луй Соаре.

Происхождение укрепления порождает споры: его считают то болгарской крепостью IX в., то византийским сооружением времен Иоанна Цимисхия. Как бы то ни было, в XI в. этот город имел не военный, а гражданский характер. В отличие от Севтополя, сельское хозяйство здесь не играло большой роли – жители занимались рыболовством и различными ремеслами. Находки византийской монеты позволяют считать, что крепость просуществовала до конца XI в.⁵⁰

Если крепость Пэкул луй Соаре просуществовала до конца XI в., то небольшое городское поселение Диногетия-Гарвэн, возникшее на месте позднеантичной крепости, существовало позднее: там найдены монеты Иоанна II⁵¹. Новиодун-Исакча продержался, видимо, еще дольше. Здесь монетные находки представлены преимущественно комниновской чеканкой⁵². Сходные черты развития обнаружены в Капидаве⁵³, Карсиуме-Хыршове, Аррулиуме-Мэчине, Трэзмии-Иглице, Аксиополе-Чернавове, Олтине и других придунайских центрах, возникших, скорее всего, в конце X в.⁵⁴. С этим интенсивным градостроительством румынские археологи связывают разработку каменоломен на Дунае⁵⁵.

Таким образом, города на Балканах в XI–XII вв. переживали подъем, хотя некоторые из них (особенно на нижнем Дунае) пришли в запустение уже в конце XI в. На Кипре также интенсификация строительной деятельности приходится на XII в.⁵⁶. Гораздо более сложен вопрос о судьбах городов Малой Азии. П. Каранис, который признавал подъем балканских центров в XII в., считал, что малоазийские находились в упадке⁵⁷. Концепцию упадка анатолийских городов последовательно развивает С. Врионис: по его мнению, они пришли в упадок в XI столетии, в XII-м подверглись разграблению в результате сельджукских набегов, а восстановление части их при Комнинах оказалось крат-

ковременным⁵⁸. С. Врионис даже говорит об XI–XII вв. как о хиатусе в развитии малоазийских городов⁵⁹. Наоборот, П. Тивчев признает существование в Малой Азии XI–XII вв. ряда крупных городских центров⁶⁰, а И. Караянопулос высказал недавно мысль, что традиционное представление о глубоком упадке Малой Азии в XI в. является преувеличением⁶¹.

Археологический материал свидетельствует, что после длительного упадка в VII–IX вв. малоазийские города возрождаются в новом, средневековом облике. Этот процесс хорошо изучен по Сардам, где расцвет падает на XI в., тогда как в XII столетии городская жизнь замирает, чтобы вновь возродиться к концу XII в.⁶². В Пергаме опять-таки византийская керамика появляется после большого перерыва только с XI в.⁶³. В XII в. появляются новые крепости в Троаде⁶⁴. После запустения Сиды⁶⁵ городская жизнь переносится в Атталию, которая рисовалась ибн-Хаукалю в конце X в. крепостью в центре области, где население возделывало пшеницу⁶⁶. В XI в. Атталия – крупный торговый центр⁶⁷. Письмо 1137 г. рисует соседний с Атталией город Селевкию Исаврийскую благополучным и процветающим⁶⁸.

Источники XII в. постоянно говорят о восстановлении и строительстве городов Малой Азии⁶⁹. При Алексее I были восстановлены города на побережье от Смирны до Атталии (Ан. К., III, с. 142. 8–9, 217. 24–25), отстроены захиревшие Курик и Селевкия (с. 46. 2–3). Калликл говорит о городском строительстве при Иоанне II и восклицает, что умершего императора оплачут города Европы и Азии⁷⁰. При Иоанне II был отстроен Лопадий (Кинн., с. 38. 8–10). Евстафий Солунский утверждает, что Мануил I восстановил старые центры, от которых уцелело только одно имя, и воздвиг новые, которые не существовали прежде (Fontes 1, p. 32. 21–24, 127. 14–18, Евст. Соч., с. 208. 69–71; ср. еще Кинн., с. 36. 18). Дорилей был построен на земле, отнятой у сельджуков⁷¹, неподалеку от развалин старого города (Кинн., с. 295. 10–11); поблизости от Дорилея отстроили Сувей⁷². Георгий Торник восхвалял Исаака II, воздвигшего город Ангелокастрон (Fontes 2, p. 261. 4–16) на месте крепости Хома, отвоеванной у турок⁷³.

К вопросу о городском развитии можно подойти еще и с другой стороны, рассматривая не свидетельства самого факта существования городов, но проявления торгово-ремесленной и культурной активности «городского» характера. К. Манго подчеркнул, что в XI в. – в отличие от предыдущего периода – резко активизируется строительство монастырей и церквей⁷⁴: оно охватывает как Константинополь, так и особенно провинцию⁷⁵.

Керамическое производство в силу массовости и хорошей сохранности может служить особенно надежным показателем экономического развития. Провинциальные центры переживают в XI–XII вв. подъем керамического производства⁷⁶, особенно хорошо прослеживаемый в Коринфе⁷⁷, а также в Афинах, Солуни, Спарте, Олинфе и в малоазийских городах: Пергаме, Приене, Сардах, Эфесе⁷⁸. Новые раскопки в Болгарии дали большое количество керамики византийского типа⁷⁹; по всей видимости, и здесь со второй половины X-го и в XI вв. имел место прогресс керамического производства⁸⁰. Напротив, константинопольское керамическое производство, переживавшее расцвет во второй половине IX – первой половине X в., в XI–XII столетиях снижает качество изделий – особенно к концу XII в.⁸¹.

По-видимому, не позднее конца XII в. в византийском керамическом производстве появилось существенное новшество: чаши стали вставлять в горн расположенными одна в другой и отделенными друг от друга с помощью специальных треножников. Часть так называемой «Зевксипповой» керамики конца XII – первой половины XIII вв. изготовлена таким способом: ее отличала относительно высокая температура обжига, отчего тонкие стенки сосудов приобретали пурпурный, а подчас даже черный цвет⁸². Нововведение это было, скорее всего, вызвано потребностью в массовом производстве в связи с возрастанием городского населения. А. Мигоу считает «Зевксиппову» керамику изделиями константинопольского производства⁸³, не приводя для этого каких-либо обоснований. Посуда «Зевксиппова» типа широко представлена находками вне Константинополя: в бассейне Эгейского моря, на Кипре, в Северном Причерноморье, Антиохии и Египте⁸⁴. Т. С. Мак-Кей отмечает ее наличие в Коринфе, а также в Пергаме и Преславе⁸⁵. При столь широкой распространенности изделий этого типа обнаружение группы сосудов близ бань Зевксиппа в Константинополе не может служить основанием для локализации их производства непременно в столице.

Другие ремесла известны гораздо хуже. Изученность византийского стеклodelия оставляет желать лучшего⁸⁶: исследователю приходится иметь дело, как правило, с разрозненными вещами, дата и место создания которых не всегда ясны. Лишь в редких случаях можно проследить судьбы стеклянного производства в каком-либо центре империи. В этом отношении существенны археологические раскопки в Сардах, где изделия из стекла исчезают после VII в. и появляются вновь в X–XI столетиях, когда они представлены почти исключительно браслетами и фрагментами

так называемого «мусульманского» стекла. Вопрос о производстве стекла в Сардах остается открытым⁸⁷. Единственная известная византийская стеклоделательная мастерская – эргастирий в Коринфе XI–XII вв.⁸⁸. Ю. Л. Щапова на основе химико-технологического анализа византийских стекол приходит к выводу, что в ранневизантийский период стеклоделы строго придерживались римских традиций, тогда как после X столетия в империи начинается рождение новая технология (возможно, восходящая к восточным мастерским) и появляются новые школы, хотя римская традиция стекловарения не исчезает⁸⁹. Большую дискуссию породили находки фрагментов расписных стекол в ряде константинопольских церквей XII в.: независимо от того, считать ли их предшественниками западных витражей или, наоборот, заимствованием с Запада⁹⁰, надо думать, что византийские стеклоделы XII в. освоили новый вид изделий.

Византийское художественное литье представлено прежде всего серией бронзовых дверей, изготовление которых поддается относительно точной датировке и локализации. Хотя известны более ранние образцы (двери Софии Константинопольской), расцвет этого производства относится к XI – первой половине XII вв. Они изготовлялись в Константинополе и вывозились за его пределы: в Италии местные мастера подражали константинопольским⁹¹. Среброделение возрождается в Византии после «почти трехвекового провала» (А. В. Банк). Оно представлено рядом памятников, начиная от Лимбургской ставротекы, точно датированной серединой X в. Можно наметить стилистическую эволюцию памятников этого типа в X–XII вв., но их локализация крайне затруднена⁹². На византийских памятниках прикладного искусства подчас стоят имена императоров, императриц и видных вельмож; как правило, они ведут в X-е или XI столетия, – ювелирных изделий с изображениями и надписями XII в. крайне мало: сюда относятся каменная «рабыня Анны», приписанная – что не бесспорно – Анне Комнине⁹³, каменная Алексея Дуки, в котором хотят видеть Алексея V; артосная панатия с именем Алексея III Ангела. Чем объяснить отсутствие памятников с именами Комнинов? Изменением моды или, может быть, сокращением столичного производства изделий роскоши? Подчас, действительно, расцвет ювелирного искусства Византии относят к X–XI вв.⁹⁴. Во всяком случае, уровень константинопольского эмальерного дела, по всей видимости, снижается к XII в.⁹⁵.

Шелкоткацкое ремесло переживает расцвет в X–XII вв. – после полосы упадка⁹⁶. И опять-таки точно датированные ткани имеют

надписи с именами Романа II или Василия II, то есть не позднее первой половины XI в.⁹⁷ Напротив, в XI в. и особенно в XII в. шелкоткацкое дело распространяется за пределами столицы – на Пелопоннесе, в Фивах, возможно, в Солуни⁹⁸.

Развитие книжного дела, насколько можно судить по собранным Р. Деврезсом данным колофонов о месте изготовления рукописей, свидетельствует о культурной активности провинциальных городов в XI-м и особенно в XII вв.⁹⁹ В Константинополе книжное производство процветало в IX–XII вв.; по всей видимости, с конца XI в. замирает деятельность замечательного императорского скриптория (см. о нем гл. III). В Малой Азии книжное производство продолжалось, несмотря на вторжение сельджуков, до конца третьей четверти XI в.¹⁰⁰; после 1072 г. анатолийские города исчезают с колофонов греческих манускриптов – Р. Деврезс учитывает лишь две книги, переписанные в Опсикии в 1161/2 и 1186 гг. Напротив, в материковой Греции и на островах книжное дело, судя по данным Р. Деврезса, процветало в XII в.¹⁰¹.

По всей видимости, византийская торговля расширяется в это время. Об этом свидетельствует, в частности, возрастание монетных находок (см. выше), в том числе и находок византийской монеты за пределами империи, хотя, естественно, часть этих денег уходила туда в форме дани и воинского жалования. Учащенное упоминание византийской монеты в западных источниках и появление со второй половины X в. западных подражаний византийской монете¹⁰² – также свидетельство интенсификации обмена. Одной из актуальных задач византиноведческой археологии является создание каталога находок византийских вещей в сопредельных странах – до завершения этой работы всякие заключения на этот счет окажутся гипотетическими. И тем не менее создается впечатление, что именно в X–XII вв. византийский вывоз становится особенно интенсивным. Византийская керамика проникает не только в Херсон и Тмутаракань¹⁰³, но и на север Восточной Европы – вплоть до Белоозера¹⁰⁴. К сожалению, пока еще недостаточно ясно, откуда – из Константинополя или из провинциальных центров – привозилась эта посуда. В городах Восточной Европы найдены стеклянные сосуды, подчас имеющие аналогии в изделиях коринфской мастерской¹⁰⁵. Стеклянные браслеты «средиземноморского» происхождения, найденные на Руси, в основном датируются XI в.¹⁰⁶. Ввозятся на Русь в XI–XII вв. и византийские шелковые одежды¹⁰⁷, и эмали (или эмалевый порошок)¹⁰⁸, и произведения прикладного искусства¹⁰⁹. Вывоз из Византии направлялся и в другие страны¹¹⁰.

Вопрос о том, совершенствовалась ли в рассматриваемый период транспортная техника, также нуждается в специальном исследовании. Ф. Кукулес предположил, что как раз в XII в. рулевое весло было заменено настоящим рулем, вращающимся на оси в кормовой части¹¹¹, причем даже на более поздних миниатюрах художники изображали корабли с рулевыми веслами. Несмотря на изобретение хомута и подковы (с X в.)¹¹², лошадь по-прежнему редко применяли для перевозок.

Опять-таки у нас пока еще нет прямых данных, чтобы говорить о возрастании роли провинциальных городов во внешней торговле, но о том, что их роль в XII в. была велика, свидетельствует описание солунской ярмарки, куда съезжались купцы из Беотии и Пелопоннеса, Италии и Финикии, Египта и Испании¹¹³.

Все это позволяет сделать два рода выводов. Во-первых, не приходится говорить об экономическом упадке византийского города в XI–XII вв. – напротив, города переживали подъем: в Малой Азии – до конца XI в. (а затем в отвоеванных у сeldжуков областях), на Балканах – на протяжении XII столетия. Во-вторых, Константинополь, хотя и оставался огромным городом, поражающим воображение иноземцев¹¹⁴, с XII в. был до известной степени потеснен провинциальными центрами. Это сказывается в сокращении и в ухудшении качества производства предметов роскоши, в ослаблении активности централизованного ремесла (императорский скрипторий, производство бронзовых дверей, шелкоткацкие и ювелирные мастерские), но не затрагивает строительного дела. Что особенно важно, экономический спад Константинополя дает о себе знать и в керамическом производстве, процветавшем в XII в. в провинции¹¹⁵.

Перемещение экономических акцентов из Константинополя в провинциальные города было постепенным; подготовленное хозяйственным подъемом провинциальных центров в X–XI вв., оно отчетливо проявилось лишь в XII столетии. В середине XI в. Константинополь еще оставался средоточием торговли, ремесла и культурной жизни и центром притяжения для провинциальной знати¹¹⁶. Только к концу XII в. начинает ощущаться паразитическая роль столицы, которая, по словам Михаила Хонията, жила за счет провинции, посылая туда форологов «с зубами звериными». Михаил описывал константинопольскую знать, не желавшую высунуть нос за пределы стен, прятанную от дождя в городских портиках и пренебрегавшую нуждами страны (Мих. Аком., II, с. 83).

Экономический подъем XI–XII вв. приводит еще и к тому, что возрастает социальный вес ремесленников и торговцев¹¹⁷. В литературе XII в. общим местом становится противопоставление живущего впроголодь «мудреца» (интеллектуала) состоятельному кожевнику, камнерезу или иному ремесленнику¹¹⁸. Прордом откровенно завидует какому-нибудь сапожнику, чье положение кажется ему солидным¹¹⁹.

Однако было бы неправомерным преувеличивать экономический подъем XI–XII вв. Процесс отделения ремесла от сельского хозяйства был весьма далек от завершения¹²⁰. Чисто средневековое стремление к автаркии и настороженное отношение к рынку определяли экономические воззрения и практику византийцев¹²¹. Обмен базировался в принципе на денежной основе, однако непосредственное обращение продуктов также имело место¹²². Коммуникации по-прежнему оставались затрудненными¹²³.

Но дело не только в доминировании средневековых экономических принципов и взглядов: ограниченность подъема византийских городов XI–XII вв. отчетливо обнаруживается в сравнении с «городской революцией» Западной Европы. И технически, и организационно западные города должны были обогнать Византию. Разумеется, процесс этот был медленным, и в XII в. его результаты еще нельзя было предвидеть.

В то время как Западная Европа с конца X в. интенсивно расширяет источники энергии (применение водяных мельниц в сукновальном и кузнечном деле, использование в XII в. ветряных мельниц*), Византия стояла в стороне от этих поисков. Как сельскохозяйственная, так и ремесленная техника оставались здесь практически неизменными.

Слабость византийского урбанизма XI–XII вв. выразилась не только и даже не столько в противоречивой двойственности городской экономики с ее типично средневековым сочетанием натурально-хозяйственных и предпринимательских принципов, сколько в политической слабости городского движения¹²⁴. Византийские города не стали самоуправляющимися коммунами – кроме тех окраинных центров, которые, подобно Амальфи, Венеции или Херсону, сумели освободиться от византийской власти. Иными словами, городское самоуправление становилось возможным

* [См.: White L. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford, 1962. P. 82–87. Изобретенные на Афоне в конце X в. жернова приводились в движение при помощи волков.]

только вместе с территориальным вычленением из состава Византии, что приводило к потере империей наиболее жизнестойких и энергичных городских элементов¹²⁵. Византийским горожанам не было свойственно то чувство городского самосознания, которое отличало новую западную культуру, формировавшуюся в условиях обостренного ощущения противоположности города сеньориальному миру и нарастающей стойкости коммунальных и цеховых институтов. Византийская терминология не выработала четкого разграничения между городом и крепостью, городом и поселком¹²⁶, и соответственно здесь не существовало специального понятия, подобного латинскому *burgensis*.

Примечательно также, что в византийской риторике XI–XII вв. еще не сложился или, вернее, не был возрожден жанр похвалы городу, известный ритору III в. н. э. Менандру. [Эпидейктическое вдохновение посвящалось таким традиционным институтам, как императорский двор или патриархат, и только после захвата Константинополя в 1204 г. начинают появляться энкомии, адресованные полису*.]

Сами византийцы искали определение города не в административно-правовой и тем более не в социально-экономической его специфике, но в его внешнем облике или даже в этическом складе его обитателей. По словам Михаила Хониата, характерные черты полиса – укрепленные стены, (перекидной?) мост и многочисленное население (Мих. Аком., II, с. 106. 13–17). Более того, он видит специфику города «не в крепких стенах, высоких домах – творении плотников, рынках и храмах, как это представлялось древним, но в наличии мужей благочестивых и отважных, целомудренных и справедливых» (II, с. 258. 12–16).

Несмотря на отсутствие административно-правовой обособленности, византийские горожане на практике обладали определенной силой. Кекавмен показывает, что «толпа» могла воздействовать на судопроизводство (Кек., с. 120. 16–20, 118. 7, 200. 23–24), а Пселл рассказывает о нотариусе некоего провинциального судьи, который в Константинополе публично восхвалял своего патрона: он выступал не в казначействе и не на узких собраниях, но на людных площадях, среди «димов» и толп (Сафа MB, V, с. 298. 12–16). Городские собрания и советы, запрещенные Львом VI, в XI–XII вв. кое-где функционировали¹²⁷. Евстафий Солунский

* [См.: Change... P. 55].

рассказывает о человеке, занятом общественной деятельностью: его постоянно видят площадь и городской совет, к нему приходят «мирады» людей посоветоваться о браке, о торговле, о всевозможных контактах. Евстафий именует такого деятеля «избранным на год благом», рассматривая его, следовательно, как своего рода годовичного магистрата (Евст. Соч., с. 92. 3–4, 32–36). Регулярность народных сходов подчеркивал Михаил Хониат в речи перед евбеяцами: в прежние времена, рассуждает он, собрания варваров – сибаритов или феаков – были шумнее галочьих стай, тогда как эллины и на войну шли в молчании, ныне все переменялось: кельты, германцы и италийцы соблюдают благолепие и порядок на своих сходах, тогда как греки, чье воспитание, казалось бы, способствует и красноречию, и осанке, попросту беснуются, когда обсуждают общие дела (Мих. Аком., I, с. 183. 3–15).

Константинопольские горожане в XI в. активно выступали в критические моменты – выступали в организованной форме, и цари подчас адресовались к ним наравне с синклитом¹²⁸.

Однако городские «автономии» (по терминологии Михаила Хониата: Мих. Аком., II, с. 81. 25–26) и элементы самоуправления не превратили города XI–XII вв. в независимые коммуны. Они оставались в подчинении императорской администрации¹²⁹ и отнюдь не были свободными от сеньориального господства. Епископат не противостоял городу, а скорее принимал на себя функции коммуны и, как правило, отстаивал городские интересы против центральной власти*. Выступление «толпы» в поддержку Антиохийского патриарха Эмилиана в 70-е гг. XI в.** столь же типично для Византии, как выступление горожан Лана против сеньора-епископа – для Запада. Далее, византийские города не обособились от местных магнатов, оказывавших огромное влияние на городскую жизнь¹³⁰. Согласно Кекавмену, местное население видело в таком магнате своего господина, помнило о деятельности отца, обещало ему верность и повиновение, хотя и могло покинуть его в минуту опасности (Кек., с. 198. 15 – 202. 11).

* [Например, Михаил Хониат, митрополит Афин (см.: *Brand C. Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge, Mass., 1968. P. 149 f*) или Феофилакт Охридский (см.: *Панов Б. Охрид во крайот на XI и почтокот на XII в. во светлината на писмата на Теофилакт Охридски. Mélanges D. Koco. Scopje, 1975. P. 191 f.; Панов В. L'activité de Theophilakt d'Ohrid en Macédoine, La Macédoine et les Macédoniens dans le passé. Scopje, 1970. P. 45–60*).

** [*Nikephoros Bryennios. Histoire / Ed. P. Gautier. Bruxelles, 1975. P. 203 f.; см.: Скабаланович Н. Византийское государство... С. 421 и сл.*].

Городской магнат обладал известной юрисдикцией и мог карать жителей (с. 232. 9–236. 11).

Подчас император передавал целый город византийскому или иноземному магнату. Солунь была в конце XI в. пожалована Никифору Мелисину (Ан. К., I, с. 89. 9–10), Трапезунд передан в удел Феодору Гавре (Ан. К., II, с. 151. 27), чьи потомки господствовали и при Иоанне II¹³¹. Маленькие городки и крепости еще чаще оказывались под сеньориальной властью¹³². Интересы земельных магнатов и городов подчас совпадали, и городские движения нередко проходили здесь под главенством и в интересах феодальных сеньоров*. Города не только не стали автономными коммунами, но, по всей видимости, они утрачивают к XII в. старые формы городской корпоративности. Э. Франчес высказал мысль об исчезновении цеховой организации в Константинополе в XII в.¹³³. В отличие от него Р. Лопес, основываясь на новелле Мануила I (Reg., II, № 1369) допускает существование там еврейских цехов¹³⁴, но его суждение – чистая гипотеза. В источниках XI в. время от времени упоминаются *συντάγῃ* (Аттал., с. 70. 16) или *συντάγματα* (Кек., с. 124. 22), видимо, городские корпорации. Алексей I повелел (Reg., II, № 1091), чтобы *συντάγματος*, т. е. члены корпораций, в отличие от синклитиков, не приносили присяги в частных домах. Скупое упоминание источников учеников (PG, t. 126, col. 5213; Евст. Соч., с. 79. 83–90) и подмастерьев (Roëmes Prodr., № 4, 97, 115), экзархов¹³⁵ и рыночных старшин (Аттал., с. 12. 10).

Ремесленная регламентация сохранилась. В «Ямбах» Цеца идет речь об установленных правилах, которыми руководствуются ремесленники: если кто-нибудь из мастеров не желает их соблюдать, строптивца «укрошают» и отстраняют от дел¹³⁶. Слова Цеца подтверждает Михаил Хониат, описывающий «поддельный», т. е. вопреки правилам изготовленный, плащ (Мих. Аком., II, с. 345. 19–20). Однако ни Цец, ни Михаил не сообщают, кто осуществлял регламентацию – корпорация или государственные органы. Кор-

* [Во время бунтов 1057 и 1078 гг., низложивших Михаила VI и Михаила VII, восставшая знать возглавила восстание и использовала народные волнения в своих целях (см.: *Ivryonis S. Byzantine Demokratia*. P. 309–311). Константинопольское население поддержало заговор против молодого Алексея II и непопулярного регента Алексея Протоссваста (см.: *Brand C. Byzantium Confronts the West*. P. 34 f). Показательна в этом смысле судьба Андроника Комнина: одна и та же городская толпа помогает ему взойти на трон и участвует в его казни (Change... P. 54–55).]

поративной прикреплённости не было. Кекавмен, правда, рекомендовал не менять профессию, но и он не видел для этого формальных преград, только считал такую перемену невыгодной (Кек., с. 244. 2–8). Николай Мефонский прямо писал, что византийцы не ограничивают человека, обладающего тем или иным навыком или ремеслом, в выборе места или занятия¹³⁷, – принцип, определенным образом противоречащий цеховым нормам. В соответствии с этим Продром (или его герой) мог оставить ремесленные занятия, едва только обнаружилась его неспособность к ремеслу (*Poèmes Prodr.*, № 4, р. 76). Простагма Мануила I от 1151 или 1166 гг. (*Reg.*, II, № 1384) разрешает человеку, купившему лавку менялы, свободно продать ее любому достойному лицу, ни о каком контроле со стороны корпорации речи нет.

Но если торгово-ремесленная корпоративность в XI и особенно в XII вв. не проявляла себя с большой активностью, то возможно, что именно в эти столетия возникает парохияльная корпоративность – в форме религиозных братств, объединяющихся вокруг приходской церкви или размещающегося в городе монастыря¹³⁸.

Экономический подъем провинциальных городов в XI–XII вв. не сопровождался их политическим освобождением. Подчиненные государству, епископату и земельным магнатам, горожане не превратились в самостоятельную антифеодальную политическую и культурную силу, а скорее способствовали упрочению феодальных начал и принципов.

Второй аспект экономического развития Византии в XI–XII вв. – рост крупного светского и церковного землевладения. Самый факт, как будто, общепризнан¹³⁹, только Н. Зворонос недавно высказал некоторые сомнения, утверждая, что XI столетие не привело к сколько-нибудь существенным переменам в социально-экономической структуре византийской деревни, где крупная земельная собственность по-прежнему сочеталась с мелкой обработкой земли¹⁴⁰. Разумеется, отсутствие сопоставимых источников (описей) X и XI–XII вв. делает затруднительным убедительное решение вопроса о динамике собственности. Во всяком случае, в конкретных своих исследованиях Н. Зворонос отмечает и рост монастырского землевладения на Афоне в XI–XII вв.¹⁴¹, и почти полное исчезновение мелкой собственности в окрестностях Фив к концу XI в.¹⁴².

Византийская вотчина XI–XII вв. обладала рядом особенностей. Во-первых, она не достигала ни размеров, ни экзимирированности западных бароний, и византийские магнаты, как правило,

были связаны с императорской службой и извлекали свои доходы не из одних земельных владений¹⁴³. Во-вторых, доля централизованной эксплуатации непосредственных производителей была в Византии выше, чем на Западе в это же время, причем публично-правовая форма ренты постепенно приватизировалась¹⁴⁴. В-третьих, государство обладало здесь правом контроля за частновладельческими землями, доходившего до права обменивать и конфисковывать вотчины¹⁴⁵.

Наряду с земельной собственностью, обрабатываемой трудом зависимых крестьян – париков, а также мистиев и невольников, византийские феодалы получали так называемые не-вещные права¹⁴⁶, которые позволяли им присваивать в прямой или косвенной форме часть труда свободных крестьян-налогоплательщиков. С XI в. начинает упоминаться прония (буквально «попечение»): этим термином обозначали в то время всякое пожалование на срок жизни; оно, по-видимому, еще не носило военно-служилого характера¹⁴⁷.

Особенностью магнатского землевладения была его слитость с монастырским. Крупные собственники получали монастыри в харистикий¹⁴⁸, т. е. условное владение на срок жизни одного или даже трех поколений. Они выступали также ктиторами, основателями монастырей, которым передавали часть своих владений – по всей видимости, в целях упрочения собственности в условиях имущественной нестабильности*.

Самый факт существования более или менее прочных «дружин» в XI–XII вв. не вызывает сомнений¹⁴⁹. Дискуссия идет, собственно говоря, лишь вокруг слова «феодальный»: являются ли византийские вассальные связи феодальным институтом, или же формой самозащиты населения, группировавшегося вокруг местных «династов» в условиях дезорганизации государственного аппарата¹⁵⁰. Но разве вассально-ленная организация западноевропейского общества не явилась своеобразной формой самозащиты, окончательно сложившейся после распада псевдоримских империй раннего средневековья? Как бы там ни было, византийские дружины (несомненно, более «рыхлые», нестойкие, чем их западные эквиваленты) способствовали упрочению частной власти магнатов.

Большую роль в формировании феодальной собственности сыграли податные привилегии (экскуссия), которые освобождали

* [Основание монастыря может до некоторой степени рассматриваться как эквивалент строительству замка на Западе (Change... Р. 61).]

магнатов, монастыри и их владения от уплаты (полностью или частично) государственных налогов и от наступления на привилегированные земли фискальных и судебных чиновников¹⁵¹. Эккуссия не создавала административной экзимирированности вотчины, но лишь ее ограниченную подсудность, ее подчинение центральному ведомству или даже непосредственно василевсу. Практически же это приводило к тому, что сеньор приобретал возможность самостоятельно облагать повинностями и судить своих людей, хотя в XI–XII вв. даже частновладельческие парики сохраняли право апелляции на своего господина.

А вместе с тем освобождение от налогов вело в византийских условиях к привилегированности землевладения. В XI в. вырабатывается новое понятие свободы, четко сформулированное правоведом и историком Атталиатом (Аттал., с. 284. 5–12); в противовес нормам римского права, противопоставлявшего свободу рабству и причислявшего к свободным того, кто не был рабом или получил освобождение, Атталиат считал свободным тех, кто избавился от страха перед податным сборщиком, или, иными словами, получил податную привилегию, освобождение от налогов¹⁵².

В XII в. император Мануил I попытался юридически оформить существование привилегированной земельной собственности, запретив передачу определенного разряда земель кому-либо кроме стратиготов и синклитиков, т. е. военной и гражданской знати. Впрочем, это постановление было отменено вскоре после смерти царя (Reg., II, № 1333, 1398). С X в. началось формирование наследственной, родовитой аристократии¹⁵³. Опять-таки и эта тенденция не находит последовательного завершения: возможность вертикальной динамики оставалась характерной чертой византийской социальной структуры на протяжении XI в. Византийская знать этого столетия распадалась по своим функциям на две большие группы: военную и гражданскую. Военная знать происходила по преимуществу из приграничных областей: Каппадокии, Армении и Сирии на востоке, Болгарии и Македонии на северо-западе. Даже переселяясь в Константинополь и включаясь в иерархическую систему рангов, эти аристократы сохраняли тесную связь со своими родными краями, где у них были поместья (икосы или проастии), а подчас дворцы или крепости, куда они могли удалиться в случае императорской немилости. Недаром свои феодальные имена (патронимы) военная аристократия XI в. получала сплошь и рядом от названий местечек, где располагались ее владения: Вотаниаты – от Вотаны, Докианы – от Докии, Даласины – от Даласы и т. п.

История военно-аристократической семьи Даласинов¹⁵⁴ типична для Византии XI в. Они были земельными собственниками, полководцами, наместниками провинций, тесно связанными с другими аристократическими фамилиями; они высоко ценили благородное происхождение и могли позволить себе аристократическую фронду. Но их независимость ограничена, они – не автономные бароны, но императорские функционеры, которые в любой момент могут быть смещены, сосланы, лишены имущества. Другой стороной ограниченности византийской знати XI в. была ее «константинополизация», по выражению Э. Арвейлер, ее нацеленность на столицу и привязанность к императорскому двору¹⁵⁵. По-видимому, только к концу XII столетия образуется значительная прослойка провинциальной знати, не связанной с императорской службой, но тем не менее наделенной высшими титулами.

Гражданская знать была более разнородной. Сюда входили, прежде всего, знатные фамилии императорских чиновников: судей, податных сборщиков, начальников канцелярий, которые из поколения в поколение занимали эти посты. Таковы Каматиры, Ксиры, Ксифилины, Сервлии, Зонары и другие, известные на протяжении XI–XII вв. Наряду с ними в ряды гражданской знати попадали люди случайного происхождения, поднявшиеся благодаря своей энергии, знаниям или протекции влиятельного лица¹⁵⁶.

В отличие от военной аристократии гражданская знать происходила главным образом из Константинополя, Греции, с островов или из приморских центров Малой Азии. Иные из этих семей вышли из городской, торгово-ремесленной среды, и их патронимы, подчас образованные из названий профессий (Сапоны – мыловары, Фурнитарии – булочники и т. п.) или от константинопольских кварталов (Акрополиты, Влахерниты, Макремволиты и др.), молчаливо свидетельствовали о прошлом. В семьях гражданской знати было немало образованных людей (ораторов, богословов, правоведов), и именно из этих кругов рекрутировалось в большинстве случаев высшее духовенство: как провинциальные епископы, так и диаконы храма св. Софии, составлявшие патриаршее окружение.

Имущество гражданской власти включало, помимо городских усадеб, преимущественно всякого рода не-вещные права, как то: харистики и ктиторскую власть над монастырем, василикаты и эпискепсисы – своего рода аренду государственной собственности, солемнии – пожалование налоговых квот. От византийского чиновника не требовалось специального образования или

сдачи профессиональных испытаний (хотя среди них были профессионалы-правоведы и нотариусы) – изворотливость, обходительность, покорность в гораздо большей степени определяли успех карьеры, нежели специальные знания. И если судьба военных аристократов оказывалась сплошь и рядом превратной, то еще в большей степени это относилось к византийским чиновникам*: они постоянно возносились и смещались, даже и в XII столетии. Разумеется, речь должна идти именно об атмосфере нестабильности, но отнюдь не о реальной, статистической нестабильности. В действительности многие семьи веками удерживали свое влиятельное положение в государственном аппарате, и переход власти к новому василевсу далеко не всегда сопровождался ломкой правительственных канцелярий: стиль и шрифт императорских хрисовулов второй половины XI в. оставался практически неизменным несмотря на частые перевороты – видимо, в канцелярии сидели все те же люди, и только в середине правления Алексея I произошли существенные перемены в принципах оформления жалованных грамот¹⁵⁷.

В составе византийской знати XI в. были еще две своеобразные группы. Первая из них – евнухи, которые по давней традиции занимали высокие посты в гражданской и военной администрации¹⁵⁸. Вторая группа – иностранные наемники, командовавшие подразделениями византийских войск. Эти норманны, печенеги, немцы, англичане, лишенные прочных корней в византийском обществе, составляли наиболее надежный оплот императоров, но вместе с тем именно они сплошь и рядом позволяли себе действовать независимо, стремясь создать на византийских землях соб-

* [Яркий пример – Феодор Стипиот, чиновник, который, восходя по бюрократической лестнице, достиг поста канцелярия, хранителя императорской чернильницы. Все его функции заключались только в хранении баночки с пурпурными чернилами, которыми василевс подписывал высочайшие постановления, однако как лицо, близкое к императору, Стипиот обладал большой властью и правом в любое время беспрепятственно проходить во внутренние покои дворца, тогда как его злейший соперник, Иоанн Каматир, логофет дрома, т. е. министр иностранных дел, начальник почтового ведомства и государственной безопасности, мог получить доступ к императору только в определенных, специально установленных часы, несмотря на то что его обязанности были куда более сложными и важными, чем хранение чернильницы. Это обстоятельство погубило Стипиота: по сообщению историка-очевидца, оклеветанный и обвиненный в государственной измене, он был ослеплен и лишен языка. См. о нем: *Kresten O. Zum Sturz des Theodoros Stypeiotes*// JÖB. 27. 1978. P. 49–103; Change... P. 66.]

ственные уделы (лены) и даже пытались ставить на престол послушных им государей*.

По всей видимости, и внутри высшего духовенства – при всей его мобильности – начинали складываться более или менее стабильные социальные группировки. Одну из них составляли провинциальные митрополиты и епископы, до какой-то степени связанные с провинциальной аристократией. Их идеологом в XI в. выступил анонимный клирик, которого иногда отождествляют с Никитой Анкирским: в его трактате подчеркивалась роль митрополитов, их право ограничивать патриарха, который сам был лишь одним из их среды. Более того, анонимный писатель настаивал, что митрополиты независимы даже от василевса¹⁵⁹. Другую группу образовывали диаконы столичного храма св. Софии – многочисленное чиновничество Константинопольского патриархата, ведавшее фискальными и судебными делами, архивом и казнохранилищем, тесно связанное с гражданскими должностными лицами и со столичными интеллектуалами¹⁶⁰.

Ни рост провинциальных городов, ни «феодализация» структуры господствующего класса не влекли за собой в XII в. слома старого государственного аппарата. Византийская империя оставалась централизованной монархией, управлявшейся из столицы, несмотря на возникновение элементов городских автономий, сеньориальной юрисдикции и частных военных дружин. И все же в административной структуре империи в XI–XII вв. происходили сдвиги, имевшие двойной аспект.

Прежде всего, изменялся социальный состав правящей верхушки. Середина XI в. ознаменовалась не только предельной реализацией традиционной системы вертикальной мобильности; другая черта этого периода – попытки активного включения в государственное управление городских (в первую очередь, константинопольских) элементов.

Свидетельство Атталиата о десятках тысяч синклитиков, получавших награды при Никифоре III (Аттал., с. 275. 12–19), позволяет предположить, что в XI в. имело место возрастание численности членов синклита – как за счет иноземцев, так и торгово-ремесленной верхушки.

* [Современных работ об иностранных наемниках и купцах в Византии нет, а прежние исследования явно устарели (см., например: *Marquis de la Force. Les conseillers latins du basileus Alexis Comnène* // Byz. 11. 1936; Change... P. 67).]

Позднее, в конце XI–XII вв., происходит существенная перестройка господствующего класса Византийской империи. Высшая военная знать консолидируется в замкнутую группу правящих родов, связанных перекрестными браками и образующих свой «клан» вокруг царствующей династии Комнинов. Отправление высших военно-административных должностей становится монополией клана Комнинов, тогда как военно-аристократические семьи, не вошедшие в состав Комниновского клана, либо вовсе сходят со сцены, либо переходят в ряды гражданской власти. В соответствии с этим меняется природа византийской иерархии: дело не только в том, что старые титулы (магистр, патрикий, протоспафарий и т. п.) с начала XII в. выходят из употребления и заменяются новыми рангами (севастократор, протосеваст, севаст и проч.), – существеннее то, что возникает новый принцип пожалования титулатуры. Если прежний титул определялся в конечном счете должностью, которую отправлял тот или иной чиновник, то при Комнинах его жаловали в соответствии со степенью родства с императором: севастократора – царскому сыну, севаста – племяннику и т. д. Таким образом, не должность давала право на титул, а родство с императором обуславливало право на титул и на должность.

В XI в. между военной и гражданской знатью грань не была непроходимой: некоторые семьи гражданской знати претендовали на отправление полководческих функций, перекрестные браки были довольно обычным явлением. С оформлением клана Комнинов положение изменилось: браки между аристократами и представителями чиновничьих семей стали рассматриваться как неполноправные, и вообще «синклитики» (т. е. гражданская знать) оценивались теперь как прослойка второго порядка, стоящая ниже царских родственников. Консолидация узкого слоя правящей элиты (земельных собственников и военачальников) привела к оттеснению на задний план как евнухов, так и иноземных наемников, – при Комнинах ни те, ни другие не занимают, как правило, высоких постов*.

* [При дворе Алексея I число евнухов еще оставалось значительным: источники упоминают 12 лиц, однако только один среди них, стратиг и лука Лев Никирит, принадлежал к правящей верхушке. Церковные иерархи, учителя наследника, слуги и доктора – вот должности, занимаемые евнухами в царствования Иоанна II и Мануила I. Положения иностранцев при дворе этих императоров тоже меняются: это уже не военачальники, но дипломаты или богословы. Большую роль в армии начинают играть турки, но скорее в качестве иммигрантов, а не наемников (Change... Р. 70).]

Консолидация феодальной знати в конце XI и XII вв. приобрела своеобразный социально-политический смысл: военно-землевладельческая аристократия, осознавшая свое исключительное положение, свое наследственное благородство, группировалась на первом этапе вокруг правящей династии Комнинов и выступала как центростремительная сила, способствовавшая – временно – укреплению государства. Она была разгромлена в правление Андроника I, и в конце XII в. в составе имперской элиты вновь увеличивается доля гражданской знати, связанной с верхушкой торгово-ремесленных слоев и со столичными интеллектуалами.

Второй аспект административной перестройки – изменение самих организационных форм аппарата. Реформы, проводившиеся в XI в., носили частичный характер и продолжали, по сути дела, линию, наметившуюся в X столетии¹⁶¹ и определявшуюся великодержавной идеологией константинопольского двора и чиновничества¹⁶²; в целом центральная администрация сохранялась в неизменном виде. Напротив, в мероприятиях Алексея I современники усматривали появление принципиально новых черт. «Он выполнял свои функции, – говорит Зонара, – не как общественные и государственные, а в себе видел не управителя, но господина, считая и именуя империю собственным домом» (Зон., III, с. 766. 11–16). Эта тенденция, которую можно было бы назвать патримониальной, проявляет себя уже в XI в. в перестройке финансового ведомства. Секрет геникона теряет прежнее значение, а канцелярия логофета стратиотской казны и вовсе исчезает из источников после 1088 г.¹⁶³ Ослабление старых финансовых учреждений сопровождается возрастанием императорского дома¹⁶⁴ и соответственно управляющих им канцелярий, в первую очередь секрета ἐπὶ τῶν οἰκεῖακων¹⁶⁵. В середине XI в. распространяется и откупная система¹⁶⁶. Усиление патримониальных элементов в комниновской администрации, выразившееся во враждебности новой династии к синклитикам (Зон., III, с. 766. 17–19), породило попытки упростить и урегулировать государственный аппарат. Сохранившиеся центральные ведомства были поставлены под надзор одного должностного лица – логофета секретов¹⁶⁷, сменившего, по мысли Н. Икономидиса, нестабильного месадзона – произвольно выбранного фаворита василевса¹⁶⁸. Одним из бедствий византийской администрации была распыленность и многоступенчатость судебных ведомств, сопровождавшаяся коррупцией судебных чиновников¹⁶⁹. В 1166 г. Мануил I провел су-

дебную реформу, целью которой было упрощение и ускорение процедуры разбора дел. Для этого создавались четыре трибунала, заседавшие поочередно в течение трех месяцев (Кинн., с. 277. 1–7). Реформа коснулась только Константинополя, да и здесь, по всей видимости, не принесла ощутимых плодов.

Провинциальное управление также перестраивалось. В XI в. старая фемная система пришла в упадок: военная администрация стратига была оттеснена гражданской администрацией, возглавляемой фемным судьей, а сами фемы резко сократились в размерах. Но одновременно с этим – и как бы в противоречии с этим – с конца X в. стала вырастать, накладываясь поверх раздробленной системы фем, новая система военных округов – дукатов и катепанатов, создававшихся прежде всего в пограничных, наиболее уязвимых районах. Эта система военных округов была положена в основу комниновской провинциальной администрации, тогда как фемная организация практически исчезает в первой половине XII в.¹⁷⁰

Та же двойственность отличала и эволюцию военного дела. Уже со второй половины X в. началась перестройка армии, заключавшаяся в замене стратиотского (фемного) ополчения «профессиональным» войском, ядром которого стали тяжело вооруженные «рыцари» – катафракты¹⁷¹. Одновременно начинается массовый наем иноземных контингентов¹⁷² и использование тактических приемов и организационных форм, созданных соседями Византии. Вместе с тем, именно в военно-административной сфере централизация проступала всего отчетливее: дуки и катепаны, назначаемые по большей части из родственников правящей династии, сосредоточивали в своих руках военное командование и гражданскую власть. Армии направлялись из центра и поражали соседей своей многочисленностью; в этом была их сила, за которую приходилось расплачиваться потерей мобильности. К тому же многолюдность армий сочеталась с гетерогенностью, вызванной наличием как иноземных контингентов, так и частных дружин.

Короче говоря, непоследовательные реформы XI–XII вв. не привели к коренной перестройке государственного аппарата: его «феодализация» оказалась незначительной, а в трудной внешнеполитической ситуации отчетливо проявляли себя пороки византийской тоталитарной системы управления, ее недостаточная мобильность и отсутствие инициативы, вызванные постоянной необходимостью оглядки на распоряжения из центра.

Из двух основных тенденций социально-экономического движения XI–XII вв. первая – развитие урбанистических начал – прошла по сути дела мимо Никиты Хониата. Относящиеся сюда явления затрагиваются мимоходом, от случая к случаю: в отличие от Атталиата¹⁷³ городская тематика остается на крайней периферии «Истории» Никиты.

Константинополь в соответствии с устойчивой традицией¹⁷⁴ именуется Божьим градом (НХ Ист., с. 582. 35; ср. с. 591. 22), священнейшим градом (с. 592. 37), новым Сионом (с. 593. 59–60), венцом всех городов (с. 606. 12), оком всех городов (с. 576. 1). Он правит всеми городами (с. 569. 8; ср. НХ Речи, с. 204. 25), превосходит их все (НХ Ист., с. 627. 88–89), он царственный град (с. 48. 16, 157. 50, 219. 86, 229. 59, 251. 59, 254. 11 и др.). События в Константинополе освещаются в первую очередь, и Хониат постоянно упоминает площади, гавани, холмы, ворота, храмы столицы, называет ее отдельные кварталы¹⁷⁵. Пропасть между Константинополем и провинцией глубока: тот, кто оставляет столицу и уезжает в Грецию, приравнивается к низвергнутому с небесной вершины в жалкую дыру (с. 58. 92–93). И все-таки Хониат – не Пселл¹⁷⁶, его подчас радует пригород, где дышится легче, чем в большом городе и где нет толпы (с. 215. 3–5); провинция отнюдь не игнорируется Хониатом. Чтобы составить представление о степени его интереса к провинции, соберем данные об употреблении им терминов для обозначения города в первых 9-ти книгах «Истории» (табл. 1). Основной термин πόλις прилагается как к Константинополю (первая графа), так и к другим городам (вторая графа). Я не разграничиваю здесь византийские провинциальные центры и иноземные города, поскольку сама действительность не всегда давала для этого достаточно оснований, ибо города подчас переходили из рук в руки. Термин ἄστυ встречается в этих книгах лишь трижды и исключительно в приложении к неевропейским центрам (Шайзар, Антиохия и вообще ἄστυ ἐθνικόν – с. 226. 65), поэтому я позволил себе пренебречь им. Третья графа объединяет термины πόλις, πόλις, πόλις и φρούριον, обозначавшие провинциальные городки и крепости (хотя четкой грани между ними и термином ἄστυ не было).

Таблица эта крайне ориентировочна. Но, независимо от этого и независимо от колебаний соотношения столбцов в разных книгах (что обусловлено их тематикой: так, в книге об Иоанне II на переднем плане – военные события, в книге об Алексее II – борьба за императорский престол), можно констатировать, что провинциальные города и в самом деле интересуют Хониата.

Таблица 1

Применение терминов, обозначающих города

Книга	Πόλις		Другие термины
	Константинополь	Другие городские центры	
Иоанн II	8	30	15
Мануил, кн. 1	9	7	3
Мануил, кн. 2	5	11	9
Мануил, кн. 3	5	6	1
Мануил, кн. 4	1	7	6
Мануил, кн. 5	6	4	2
Мануил, кн. 6	3	14	3
Мануил, кн. 7	2	11	–
Алексей II	23	14	2
Андроник, кн. 1	3	30	3
Андроник, кн. 2	7	4	–

Но в каком аспекте? В большинстве случаев он отмечает их топографические, административные или политические функции: они упоминаются как местность (через которую проходят войска), как объект военных действий, как место мятежей, как административные и церковные центры. Все это не касается урбанизма XI–XII вв. и может быть оставлено вне нашего рассмотрения. Немного дадут нам и банальные эпитеты, приложенные к тем или иным городам: Адрианополь назван одним из богатейших и сильнейших городов Македонии (НХ Ист., с. 6. 22–24), Гангры – одним из славных и больших понтийских полисов (с. 20. 25–26), Атталия – блестящий полис (с. 37. 82), Никея – большой (с. 244. 70). Более существенно, пожалуй, подчеркивание неприступности, укрепленности городов. В Греции это Акрокоринф (с. 75. 61–68, 611. 28–30), Навплий (с. 611. 32), в северобалканских областях – Адрианополь (с. 624. 95–1), Виза и Силимврия (с. 631. 95–3), Просек (с. 502. 12–21), Тырново (с. 470. 75–78), Преслава (с. 372. 43–45), в Малой Азии – Никея (с. 281. 59–60) и Пруса (с. 287. 15–18, 30–31, 602. 11–12). Характеризуя укрепления Преславы и Никеи, Хониат пользуется сходной формулой: оба города, по его словам, были возведены целиком из обожженного кирпича. Стены Никеи сохранились¹⁷⁷: вопреки свидетельству Хониата, они были сложены не из кирпича, а из мощных каменных плит.

Помимо статических свидетельств – о существовании, у Хониата имеются и динамические – о строительстве крепостей: в XII в. Иоанн II обнес стенами Лаодикию Фригийскую (с. 12. 2–3; ср. с. 124. 14–15), Мануил I укрепил Ниш (с. 136. 45), Землин (с. 135. 40), Зари и Авлонию (с. 91. 26–28), а в Малой Азии – Хлиару, Пергам и Атрамитий (с. 150. 39), Дорилей (с. 176. 49), Сувлей (с. 177. 86–88) и вифинский город Мелангию (с. 52. 20–21). Наконец, Исаак II укреплял Филиппополь (с. 402. 52), Варну и Анхиал (с. 434. 22). О строительстве провинциальных крепостей при Андронике I и Алексее III речи нет.

Нет ничего специфического в упоминании Хониатом христианских святынь в провинциальных городах: храма Михаила Архангела в Хонах (с. 178. 20–22, 400. 93–1, 422. 84–85), образа Христа в Монемавсии (с. 442. 55–57), иконы Феодора Стратилата в Коринфе (с. 76. 88–89), равно как и в упоминании уплаты городами налогов: он одобрительно отзываясь о ежегодных взносах в казну горожанами Хлиары, Пергама и Атрамития (с. 150. 55–56), тогда как Исаак II «ограбил до нитки» города близ Анхиала (с. 368. 49) и во Фракии (с. 556. 86–87).

Лишь в нескольких случаях Хониат говорит о ремесле и торговле, и все эти случаи относятся к Балканам. Жители Фив и Коринфа славились ткачеством (с. 98. 4–5), фиванские женщины были мастерицами ткать (с. 74. 48–49), сельджуки требовали уплаты дани шелковыми тканями, которые Фивы поставляли василевсу (с. 461. 32–36). Коринф был богатым городом, имевшим две гавани: сюда приезжали купцы из Азии и из Италии (с. 74. 53–56). В Филиппополе жили люди, добывавшие себе пропитание ежедневным ремесленным трудом (НХ Речи, с. 190. 2–3). Напротив, говоря о процветании малоазийских городов, Хониат подчеркивает их аграрный характер*: в Пергаме, Хлиаре и Атрамитии поля приносили щедрый урожай, а рука садовника насаждала всевозможные плодовые деревья (НХ Ист., с. 150. 40–44). В Хонах были тока для молотбы (с. 400. 88–89). Лаодикия Фригийская, до того как там воздвигли крепостную стену, состояла из нескольких селений, разбросанных у подно-

* [Экономика городов Малой Азии развивалась иначе, чем на Балканах, хотя экономический подъем наблюдался и там. Возможно, постоянная угроза арабских вторжений, стимулировавшая милитаризацию края, оказалась более разрушительной для развития городских институтов, чем временная оккупация Балкан славянами; рост крупной военной аристократии, опиравшейся на земельную собственность, также мог воспрепятствовать развитию городской жизни (Change... Р. 38–39).]

жья холмов (с. 124. 13–15). У жителей Прусы были стада скота (с. 288. 46–49). О виноградниках Прусы речь пойдет ниже. Впрочем, Хониат отмечает и наличие виноградников в Солуни (с. 304. 6).

Хониат упоминает и о хозяйственной активности константинопольского населения. Здесь существовали многообразные ремесла (с. 234. 73) и действовал живущий ремеслом народ (с. 392. 59, 393. 2, 525. 7). Эргастии представляются писателю нормальным элементом Константинополя наряду с площадями, домами и храмами (с. 157. 59–60). Но когда Хониат переходит от общих определений к конкретным данным, то перед его взором встают прежде всего ремесленники и торговцы, связанные со сферой потребления: ювелиры (с. 120. 84), колбасники, кожевники, корчмари, сапожники, портные (с. 349. 15–18), уличные торговки (с. 57. 54–55), а также менялы (с. 523. 50). О меняле Коломодии писатель говорит подробно и с недвусмысленным неодобрением: он жил ради наживы, буквально спал на мешках с деньгами, готов был на далекие и трудные путешествия во имя обогащения, был скареден и ставил богатство превыше всего (с. 523. 51–54). Наконец, Хониат отмечает, что в Константинополь приезжали иноземцы с торговыми целями (с. 18. 66, 233. 65, 384. 16–18, 482. 23), и с неудовольствием отзывается о том, что жители столицы к собственной невыгоде вывозили в чужеземные города все то, что давали им земля и море (с. 234. 83–86).

Хониат говорит о ремесленниках еще в одном случае, не локализуя, однако, это сообщение. Он осуждает порядок, введенный Мануилом I, при котором люди, жившие портняжным ремеслом, те, кто еще не отмыл гончарной грязи или сажу от кузнечного дела, становились воинами (с. 209. 36–42).

Некоторые свидетельства Хониата позволяют допускать существование каких-то городских организаций в Константинополе. Во время мятежа кесарисы Марии в 1181 г. жители столицы собирались катὰ συλλόγους, к чему приравнивается выражение συστήματα (с. 234. 91–92). Имеет ли в виду писатель действительные константинопольские коллегии – цехи, существование которых в XII в. проблематично (см. выше), или он говорит о каких-то более рыхлых учреждениях? В другом месте писатель сообщает о «человеке с рынка», которого избил императорский чиновник, – такая несправедливость вызвала возмущение сотоварищей по ремеслу (ὁμότεχων) пострадавшего и взбодорожила ремесленный люд (с. 525. 4–7). И опять-таки остается пробле-

мой, было ли *ὁμότεχον* организовано оформленной корпорацией или нет.

Хониат упоминает народные сходки в Константинополе. В 1190 г. в храме св. Софии собралось 500 человек из придворных и из рыночной толпы (*ἀπὸ τῶν ἀγοραίων*), чтобы гарантировать соблюдение договора с Фридрихом Барбароссой (с. 411. 87–89). В 1197 г. Алексей III собрал население столицы (*τὸ τῆς πόλεως πλῆρωμα*) для обсуждения вопроса о новом налоге: там участвовали члены синклита, высшее духовенство и представители разных ремесел (*ὅσων εἰς διαφόρους τέχνας καὶ ἐπιστήμας μερίζεται*) (с. 478. 15–18). Некоторые рукописи «Истории» свидетельствуют о многолюдных собраниях при Андронике I (с. 273, прим. к стр. 4).

Не более обильна информация Хониата о социальной структуре городов. Он сообщает, что во фракийских полисах жили люди знатные и славные в военном деле (с. 612. 46–48), и упоминает фиванскую (с. 74. 36) и коринфскую (с. 75. 76, 76. 85–86) знать. При приближении латинского войска в 1205 г. Аркадиополь был покинут знатью: латиняне, замечает Хониат, не нашли там людей богатых и славных (с. 614. 89–90). Так же поступила и знать Филиппополя в 1189 г., когда к городу подходила армия Фридриха Барбароссы: знатные горожане покинули Филиппополь, и там, кроме армян, остался лишь бедный люд, чье имущество заключалось лишь в одной одежде (с. 403. 71–74). О Филиппополе, который он хорошо знал, Хониат рассказывает также в одной из речей: город был охвачен голодом, люди теряли голос и только знаками молили о подаянии, не хватало места, чтобы хоронить погибших от голода и стужи (НХ Речи, с. 190. 4–15). Горожане, словно аспиды, затыкали уши, и только митрополит (Константин) заставлял богатых делиться с бедняками (с. 190. 24–33).

Менее определенно упоминание Хониатом некоего Кефала, человека могущественного в области (*παρὰ τῇ χῶρᾳ*) и первенствующего (*πρωτοτεύων*), который находился в Атрамитии и сохранял верность Андронику I (НХ Ист., с. 278. 86–88). Кто был этот Кефал – местный феодал или императорский чиновник? Жил ли он в городе или «в области»? Ясного ответа на этот вопрос у Хониата нет. Из грамоты 1115 г. известно, что проэдр Никифор Кефал, оставшийся бездетным после смерти второй жены, передал земли игумену Лавры Феодору Кефалу и лаврским монахам (Лавра, № 60). Возможно, что Кефал из Атрамития состоял в родстве с Никифором и Феодором, – но и это не проливает достаточного света на его социальный статус.

Об активности митрополитов в городах Хониат тоже знает. Помимо уже названного филиппопольского митрополита, он сообщает о своем брате Михаиле, который руководил обороной Афин против Льва Сгура в 1204 г. (НХ Ист., с. 605. 77–83). Евстафий Солунский доблестно отстаивал интересы сограждан в Солуни, занятой норманнами в 1185 г. (с. 307. 74 – 308. 15). Михаил Италик, митрополит Филиппополя, ходатайствовал перед немецким королем Конрадом III за свой город в 1147 г. (с. 62. 13–17). Архиепископ Коринфа был противником Льва Сгура (с. 606. 94–95, 638. 57–61). Из балканских митрополитов Хониат упоминает еще Константина Месопотамита, недолгое время занимавшего солунскую кафедру (с. 450. 70, 492. 29–30), и Евфимия Новопатрского (с. 331. 95).

Что касается епископата малоазийских епархий, то он в избрании Хониата обычно не выступает выразителем городских интересов: писатель упоминает о гибели Соломона, митрополита Лаодикии Фригийской, во время турецкого набега (с. 124. 17); о пророчестве Никиты, митрополита Хонского, относительно Мануила I (с. 219. 72–93). Епископ Лопадия Адриан был лишен глаза Андроником I (с. 289. 80–83). Лишь митрополит большого города Никеи Николай собирает народ, чтобы обсудить вопрос о сдаче города Андронику I (с. 285. 66–69).

И совсем уже скудны сведения Хониата об административной независимости городов. Особенно важно его сообщение о том, что Балдуин Фландрский выдал солунянам подписанную пурпуром грамоту, подтверждавшую все городские привилегии (πᾶσι τοῖς ἐθίμοις τῇ πόλει – с. 599. 39–40). Это уникальное свидетельство о существовании городских привилегий накануне 1204 г. Некоторую параллель можно найти в сообщении Анны Комнины о пожаловании Алексеем I «свободы» (от податей?) городу Диррахию (Ан. К., II, с. 57. 10–11). Далее мы узнаем у Хониата, что во время похода Мануила на Египет десять кораблей прибыло из Эпидамна, а шесть быстроходных судов поставили еврейцы (НХ Ист., с. 160. 34–35); о кораблях «из Евбеи» говорится и в другой связи (с. 86. 74). По всей видимости, Хониат допускает существование городских эскадр при Мануиле I, – свидетельство весьма примечательное в свете его собственного сообщения об уничтожении Иоанном Путцийским местных флотских контингентов, выставляемых островами (ἀπὸ τῶν νήσων) (с. 55. 8–10)¹⁷⁸. Наконец, он рассказывает, что Феодор Ласкарь созывал народные сходки (λαῶν συνήματα) в восточных городах, тогда как видных граждан он приглашал частным образом

на свою трапезу (НХ Речи, с. 131. 20–21), – можно ли видеть в этих сходках действительно учреждение? (О сходке в мятежной Никее см. выше.)

Мы можем рассмотреть отношение Хониата к торговле и ремеслу, отразившееся на других уровнях – не в сфере сознательной информации, а в образной системе и лексике писателя. Прежде всего, бросается в глаза редкость образов из торгово-ремесленного мира на художественной палитре Хониата. Несколько раз он прибегает к сравнению с наковальней. Ромеи, говорит он, выдерживают удары норманнов, словно наковальни – удары молотов (НХ Ист., с. 84. 19–20). И то же сравнение он использует для характеристики стойкости Феодора Ласкаря (НХ Речи, с. 173. 19–20). Вместе с тем, образ наковальни ассоциируется с жестокостью: душа норманна была тверда, словно наковальня (НХ Ист., с. 301. 14); только сделанный из камня или обладавший сердцем, выкованным на железной наковальне, не смягчался перед проливающим слезы Андроником (с. 243. 41–43). К тому же кругу кузнечного ремесла относится и сравнение с закалкой: войска закалялись от пота «горячей битвы» (см. Илиада, 4: 342, 12: 316), как железо от погружения в воду (с. 12. 12–13). Другая группа сравнений связана с ткацким делом: Андроник крутил пальцем бороду, как на станке ткачихи (*ἐν ἰστῷ ὑφαίνουσας*), задумывая коварный план (*δόλους ὑφαίνων*) против жителей Никей (с. 283. 20–22); цари ромеев сидели в своих покоях, словно девицы, занимающиеся прядением (с. 368. 40–42). Несколько странно звучит сравнение поста с валяльней, где подвергается валянию (*ὑνάμτειν*, может быть, лучше читать *ὑνάλλτειν* – «валять» и вместе с тем «истязать») сей кожаный хитон, т. е. наша смертная плоть (НХ Речи, с. 123. 21–22), – писатель смело приносит в жертву правдоподобие (в валяльне обрабатывается, разумеется, не хитон, а еще не готовое сукно) ради возможности игры слов «валять – истязать».

Нечасты и сравнения из сферы торговли. Исаак II продавал должности, словно «рыночные люди» (*ἀγοραῖοι*) овощи (НХ Ист., с. 444. 6–7). Феодор Кастамонит, можно сказать, торговал (*κατηλεύων*) государством ромеев, спуская его по дешевке (с. 438. 31–32). Сюда же можно отнести восхваление Хониатом зимы, когда корабельщики почти не плавают, опасаясь гибели от морских бурь (НХ Речи, с. 119. 21–25).

Уже в приведенных сравнениях нам встретилось своеобразное употребление ремесленной лексики: слова *υφαίνειν* (ткать) и *υνάμτειν* (валять) применялись в переносном значении. Мета-

форическое словоупотребление ремесленных терминов у Хониата довольно распространено. Можно указать ряд случаев:

διυφαίνω – буквально «вышивать»; с. 32. 50: «укоренившаяся (διυφαίνόμενος) страсть к родственникам»;

καττύω – буквально «тачать сапоги»; с. 10. 37, 111. 43: «подстраивать (заговор)», «плести (интригу)»;

καθηδύλαθῶ – буквально «уплотнять ткань»; с. 143. 60: «мотать», «расхищать»;

συρράλλω – буквально «сшивать»; с. 146. 33: «вымышлять», «сочинять обвинение»;

τεκταίνομαι – буквально «сколачивать»; с. 10. 40: «собирать (сборище)». Ср. τέκτων (с. 258. 14) – «зачинатель злых дел»;

τολύεω – буквально «мотать нить»; с. 35. 28–29, 104. 43, 175. 41, 205. 20: «затевать (стычки)», «замышлять (заговоры)», «придумывать (предлоги)»;

τυρεύω – буквально «приготавливать сыр»; с. 104. 43, 141. 12–13, 201. 7: «мутить», «строить козни»;

χαλκεύω – буквально «ковать»; с. 12. 90: «готовить (мучения)».

Можно подвести итоги. Во-первых, на всех трех уровнях просвечивает однозначное – негативное – отношение Хониата к торгово-ремесленной активности. Почти во всех случаях метафорического употребления ремесленных терминов им придается значение, связанное с коварством, мотовством, мучением, страстями; торгово-ремесленные образы (сравнения и метафоры) соединяются, по большей части, с нелепыми, вредными или жестокими действиями; торговая активность (вывоз товаров, плавания и деловые поездки) вызывает насмешку и осуждается. Можно было бы думать, что такое отношение составляет стереотип средневекового осмысления торговли, но это поспешное и ошибочное заключение: не приводя здесь последовательного анализа высказываний византийцев о торговле, укажу, однако, два-три примера совершенно иного характера. В образной системе Симеона Богослова торгово-ремесленные сравнения и притчи занимают важное место (см. выше). В одной из них он резко осуждает вялого, ленивого купца: все другие торговцы спешат на ярмарку, чтобы получить доход от своих товаров, – он один сидит перед домом в легкомысленном бездельи, а то и наслаждается вином и любовью распутницы; другие торговцы, приехав на ярмарку, сразу приступают к закупкам, – ленивый же купец являлся туда без денег и тратит время, чтобы занять нужную сумму; он шатается по ярмарочным кабакам и харчевням, угощаясь и выпивая; навещает знакомых и незнакомых, близких и чужих,

смотрит, как они торгуют, а сам ничего не делает. Другие купцы пренебрегают дорожными трудностями, не пугаются грабителей, а он в страхе остается дома, – и вот у всех доход, а он теряет то, что имел (Сим. Бог. Тракт., с. 386. 26 – 388. 80). Не нужно тратить много слов, чтобы убедить в полной противоположности позиций Симеона и Хониата: то, что осуждал Хониат, – предмет восхваления Симеона. Цец передает характернейший эпизод: константинопольский плебс принес жалобу епарху на торговцев рыбой и фруктами, бравших при продаже больше, чем они платили сами. Глупые горожане, замечает Цец, обвиняли торговцев в спекуляции, не желая принять во внимание, какую тяжесть тем приходится таскать на себе – от берега до рынка, да еще платить чиновникам (Цец. Эп., с. 81. 14 – 82. 2). В отличие от своих современников, Цец понимал необходимость купеческой прибыли.

Во-вторых, Хониат сравнительно мало внимания уделяет городской экономике и жизни городов; он, как мы видели, подчас жертвует скромной истиной в описании ради стереотипа (кирпичные укрепления Никеи) или словесной игры (обработка хитона в валяльне). Но в известной наблюдательности ему не откажешь. При всей скудости его «городских заметок» можно видеть различие между балканскими и малоазийскими городами в XII в., что подтверждает заключение, сделанное нами по другим источникам: города Балкан были более развитыми в хозяйственном отношении, более независимыми, – именно к ним относятся почти все (если не все) упоминания о ремесле и торговле, о собственном флоте, о привилегиях, об активности епископата. Напротив, малоазийские города предстают перед нами как укрепления и аграрные центры. Далее, Хониат представляет Константинополь городом, где доминирует производство продуктов для непосредственного потребления и вывоз полученных из провинции товаров, – что, по всей видимости, соответствовало действительности в XII в. и что в значительной степени объясняет экономическую рецессию столицы перед балканскими городами типа Фив, Коринфа и Солуни. Наконец, Хониат производит не только территориальный, но и временной срез городской истории: из его сообщений видно, что Иоанн II, Мануил I и Исаак II поддерживали города и осуществляли их строительство, тогда как Андроник I и Алексей III не интересовались ими и не заботились об укреплении провинциальных центров.

В-третьих, Хониат не раз сообщает о политической активности византийских городов и прежде всего Константинополя,

подчеркивая участие горожан в городских собраниях и намекая на существование ремесленно-торговых корпораций в столице.

Прямо о сельскохозяйственных работах Хониат говорит редко (см.: НХ Ист., с. 64. 62–63), но сельскохозяйственные сравнения и метафоры встречаются в его образной системе, пожалуй, чаще, нежели почерпнутые из сферы ремесла и торговли. Бритый латинянин сравнивается с лишенной зелени нивой (с. 623. 78–79); смешивать дурные доходы со справедливыми все равно, что примешивать к доброму хлебу просо (μελίνη) или присоединять анемону к розе (с. 445. 43–44)¹⁷⁹; Мануил I стремился возделывать целину и своим плугом проводить борозды, из которых затем поднимался колос в человеческий рост (с. 204. 81–83). Хониат вспоминает и гомеровский (Илиада, 23: 598) образ росы на колосьях (с. 280. 31). Часты у него сравнения с сорняками и плевелами: Мануил I отражал врагов при первом подозрении, подобно лучшим землепашцам, своевременно уничтожающим сорняки, губительные для огорода, и деревья, не приносящие плодов (с. 203. 72–74); плевелы следовало удалять с благородной нивы, не давая им задушить пшеницу (с. 233. 47–49). Рядом с темой плевелов проходит тема губительных ветров, грозящих задушить (в обоих случаях то же слово: στυπνίω) колосья (с. 248. 57–58). Неоднократно возникает тема урожая: благородные растения рано приносят плоды (с. 193. 63–64); волосы золотятся, как жатва (с. 86. 83–84); мы узнаем по колосу сеятеля, но виним (в плохом урожае) жнеца (с. 55. 21–22). Излюбленный сельскохозяйственный образ Хониата – жатва (он вспоминает гомеровскую ниву, ждущую жнецов (Илиада, 11: 67) – с. 151. 61–62), часто ассоциирующаяся с гибелью, смертью. Сельджуки падали друг на друга, словно колосья (с. 71. 55–56); немец рассек мечом передние ноги коню легче, чем иной срезает полевую траву (ἀγροῦ χόρτον – образ, навеянный Библией: ср. IV Цар. 19: 26, Иерем. 12: 4 и др.) (с. 415. 5); аналогичный образ проходит и в речах (НХ Речи, с. 30. 17, 91. 11–12); Бонифаций Монферратский подчистил на солунской ниве то, что было плохо убрано во время мятежной жатвы накануне его прибытия в город (НХ Ист., с. 620. 62–64); податные сборщики жали деньги, вязали их в снопы и увозили на ток (с. 205. 32–33). Глагол θερίζω, жать, часто приобретает гибельный оттенок (с. 143. 46, 263. 24–25, 397. 7). Та же тема проходит и в речах. Ромейские воины, восклицает Хониат, мечами валили скифов на землю, словно снопы (НХ Речи, с. 11. 12). В другом месте он развивает этот образ: военная жатва куда дороже уборки колосьев, она собирает кучами снопы павших мужей, более цен-

ные, чем скирды пшеницы (с. 32. 2–4). Он использует и образ молотьбы: сельджукские войска были развеяны, словно мякина на жатвенном (или летнем?) току (с. 171. 9–10); собранные деньги разлетались, как мякина и жатвенная (летняя?) пыль (НХ Ист., с. 460. 74–75).

Часты упоминания виноградников и садов. Особенно подробен сложный образ, нарисованный в рассказе о расправе Андроника I с восставшей Прусой. Император оставил там виноградные лозы, которые поднимались по стволам деревьев, но обременил их, словно иными гроздьями, телами повешенных; он запретил предавать их могилам и повелел сушить их на солнце и ветру, висящих, как пугала, которые мастерят садовые сторожа в фиговых рощах (с. 289. 85–89). Жителей Прусы, говорит Хониат чуть ниже, Андроник карал, обрезая им пальцы, словно виноградные лозы (с. 289. 74–75). Он упоминает незрелый виноград, где едва нашлась бы поспевшая ягода (с. 234. 75), говорит о сельджуках, из которых, словно из ягод в давилъне, выжимали жизненный сок (с. 71. 56–57), сравнивает цветущего Феодора Кантакузина с шипучим вином, недавно выжатым в давилъне (с. 284. 29). Хониат упрекает Андроника за то, что он выкорчевывал царственный сад (с. 269. 54–95), использует новозаветный образ прививки к хорошей маслине (с. 137. 86–87; ср. Римл. 11: 23–24), уподобляет мягкие речи оливковому маслу – елею (с. 286. 93, 301. 25). Можно сказать, что весь цикл земледельческих работ проходит на страницах сочинений Хониата.

Несколько иной характер носят сравнения и метафоры, связанные со скотоводческим кругом. Гомеровское слово *πῶϊ*, стадо (Илиада, 3: 198, 11: 696 и др.), дважды появляется в сочетании *πῶεα πλάτεια*, обширные стада, – в приложении к туркам (с. 124. 88) и немцам (с. 404. 92), разбредаящимся по империи. Дважды идет речь о войнах, подобно стадам в ограде (с. 430. 14, 631. 5–6), скрывающимся в лагере или городе. Обычно же стада возникают в сравнении с людьми, уводимыми на гибель (с. 67. 57–58, 90. 89–90, 182. 33–34, 342. 2, 486. 50, 527. 67, 621. 8–9, 631. 14–15; ср. НХ Речи, 7. 16–17, 91. 14), причем часто повторяется формула Псалтыри (43: 23) «овцы, обреченные на заклание» (НХ Ист., с. 187. 16, 338. 86–87, 432. 64; ср. НХ Речи, с. 143. 11, 170. 25–26). Изредка в сравнениях встречаются овцы (НХ Ист., с. 319. 63, 524. 76), дочь Исаака II сравнивается с ягницей, приносимой Богу (с. 419. 2); упоминаются козел и козы (с. 321. 24); козы, жаждущие молодых побегов (с. 227. 25–26). Объектом сравнения оказывается бык (с. 114. 25), в том числе бык, приносимый

в жертву (с. 343. 40); среди крестоносцев, говорит Хониат, были «имевшие травы на рогах» (с. 585. 48–49), т. е. бодливые. Упоминается, наконец, и петух, ведущий за собой куриц (с. 321. 23).

Мимоходом упоминается пастух, держащий в руках стадо (с. 159. 12–13) или отнимающий печень из пасти хищного зверя (с. 103. 2; ср. НХ Речи, с. 121. 8–9).

Все эти сравнения – в отличие от земледельческих – краткие. Единственное животное, фигурирующее в развернутых сравнениях, – свинья. Свиней напоминают Хониату некоторые вельможи, жиреющие от грязных доходов, валяющиеся в грязи своих дел и по-свински устремляющиеся к худшему (НХ Ист., с. 228. 26–30). Жители Константинополя поддавались обещаниям царицы и, как свиньи, позволяли чесать себе брюхо и щекотать уши (с. 457. 93–94). Фридрих Барбаросса, принимая византийское посольство, не разграничивал слуг и господ, но поступал, как свинопасы, загоняющие свиней в один хлев без различия (с. 410. 69–71). Жирному Георгию Дисипату грозило, что его, словно поросенка, посадят на вертел, опалят шкуру и зажарят (с. 312. 15–17).

Есть еще два домашних животных, занимающих место в образной системе Хониата: конь и пес, – но они, строго говоря, принадлежат к несколько иной сфере жизни, чем скотоводство. Хониат пользуется образом боевого коня (с. 342. 4–5), коня на ристании (с. 231. 6, 243. 37), но чаще конь служит писателю как символ несдержанности (с. 377. 54), похоти (с. 141. 88), надменности (с. 569. 10). Собака упоминается либо в охотничьей сфере (с. 277. 53, 298. 26–27), либо как голодное животное, бродящее по городу (с. 283. 23–24; ср. Пс. 58: 15–16), либо как элемент этической оценки: Сикидит по-собачьи облаял божественные тайны (с. 150. 33–34); Андроник I поступал, как собаки: на кидающего камни человека они издали лают, а стоит ему оставить опасное оружие – показывают зубы (с. 292. 69–71); норманны бросали на святых собак взоры (с. 299. 63). Вместе с тем собака – символ угодливости: герои Хониата скулят по-собачьи (с. 253. 91, 450. 88) и по-собачьи облизывают чужие сапоги (с. 296. 84–87).

Можно было бы сказать, что Хониату земледельческий труд был ближе ремесла и торговли, тогда как к скотоводству писатель относится с известным безразличием: домашние животные всплывают в его образной системе, как правило, не в своих прямых сельскохозяйственных функциях, не в трудовом процессе, но либо в смежной сфере (охота, ристания, в момент заклания и готовки), либо как этические символы. Но подсознательно-образный инте-

рес к земледельческому миру, известное уважение к труду земледельца (НХ Речи, с. 137. 33–34) не привели к тому, что судьбы византийской деревни заняли сколько-нибудь заметное место в сочинениях Хониата.

Термины для обозначения деревни встречаются крайне редко: *kóμη* – НХ Ист., с. 16. 7, 124. 15, 402. 32, 434. 12, 500. 72, 629. 58;

κωμότολις – с. 62. 92, 74. 29, 75. 77, 262. 12, 272. 47, 494. 92, 618. 11, 641. 39, 646. 2; ср. еще: НХ Речи, с. 8. 28;

κτῆσείδιον – с. 394. 33–34, ср. с. 707. 78.

Термин *χωρίον* обычно имеет значение «место, местность» (НХ Ист., с. 53. 55, 66. 16, 75. 63, 181. 16, 185. 29, 191. 14, 207. 2, 560. 1) и лишь изредка – «деревня, местечко» (с. 245. 84, 369. 62).

В противоречии с собственным образным видением Хониат рассматривает историю как совокупность событий в Константинополе и в провинциальных городах. Важнейшие социальные термины эпохи, отражающие новые процессы в деревне (экскуссия, прония, харистикий и т. п.), не используются Хониатом, хотя он легко и свободно оперирует современной ему административной терминологией, названиями титулов и должностей. И тем не менее писатель коснулся процесса формирования вотчины и феодальных отношений в Византии XII в.

О Мануиле I Хониат рассказывает, что тот лечил голод войск «так называемыми раздачами париков» – средством, которое было изобретено уже до него, но применялось лишь в ограниченном масштабе, к наиболее отличившимся воинам (с. 208. 23–25). Хониат осуждает эти раздачи как из сочувствия к жителям провинций, господином которых прежде всего была казна и которые теперь подвергались немилосердному, до последней рубахи, ограблению (с. 208. 31–35), так и, прежде всего, потому, что эта система, с его точки зрения, открывала путь к обогащению для недостойных людей: человек-полуварвар получал обширные земли и ромеев-подданных, вынужденных служить ему в рабском обличении (с. 209. 43–45). Картина роста сеньории выражена здесь с предельной четкостью – нет только никакой необходимости трактовать этот пассаж Хониата как относящийся непременно к пронии¹⁸⁰.

Земельные раздачи упоминаются писателем и в ряде других мест «Истории». Андроник I награждал своих приверженцев чинами и щедрыми дарами (с. 257. 84–86, 260. 64–65). Алексей III начал с раздачи денег; когда же они иссякли, жаловал (в духе Мануила I) плодородные земли и государственные налоги; в конце концов, он перешел к пожалованию высоких должностей (с. 454.

32–35). Петр и Асень просили Исаака II передать им некую малодоходную деревню, лежавшую где-то на Геме (с. 369. 61–63), в чем им, впрочем, было отказано¹⁸¹. Особый случай пожалования – обещание, данное Алексеем III генуэзцу Гаффорио, наградить его за службу обширной ромейской областью (с. 482. 28–30).

Примечательно, что Хониат, прибыв в Никею, сам ходатайствовал о получении «дохода» (просόδιον – НХ Речи, с. 211. 7)¹⁸². Пожалование могло быть чистой милостью (χάρις), которую он заслужил своей многодетностью и близостью (συνήθεια – к престолу?), унаследованной от предков, но он был готов и на то, что дарение (δότης) будет связано с несением службы (δουλεία) (с. 211. 18–23).

Если пожалование земель, как мы видели, упоминается и даже описывается Хониатом, то о самих сеньориях (вотчинах) он практически не говорит. Как известно, аристократические семьи Кондостефанов и Камицов принадлежали накануне 1204 г. к крупнейшим земельным собственникам империи, причем их земли располагались в бассейне Меандра¹⁸³ – на родине Хониата. Многократно рассказывая о Кондостефанах и о Камицах и часто описывая бассейн Меандра, Хониат тем не менее ни единым словом не обмолвился о вотчинах этих линияжей, равно как и о землях других византийских сеньоров. Отец Андроника I Исаак Комнин пожаловал обширные земельные владения Богородичному монастырю Космосотиры в Вире¹⁸⁴, – Хониат, упоминая о прибытии Андроника в «отчий монастырь, расположенный в Вире» (НХ Ист., с. 280. 33–34), не вспоминает о монастырской вотчине. Термин ἄγρος, которым могло обозначаться поместье¹⁸⁵, употребляется им в крайне неопределенном значении – как открытое поселение, наряду с деревней противостоящее укрепленному городу (с. 434. 12–13; ср. с. 629. 58), а иногда и просто как «поле» (с. 150. 42, 207. 78). В отличие от этого он время от времени упоминает городские усадьбы: «блестящие» икосы (οἶκος или οἰκία) в Константинополе (с. 235. 12, 442. 42, 526. 45–46), иногда с именем их хозяина: икос Михаилаицы (с. 271. 35), Иоанницы (с. 419. 94), Андроника Комнина (с. 130. 75), Андроника Ангела (с. 245. 93–94), Исаака Ангела (с. 341. 68–69), а также окотёда в Константинополе (с. 568. 83), на Пропонтиде (с. 560. 2), в Афинах (с. 608. 42)¹⁸⁶. Несколько раз применяет Хониат редкий термин οὐκτῆσις, обозначавший буквально совладение, совместную собственность. Так, он рассказывает, что Мануил I предал огню многочисленные сербские οὐκτῆσις (с. 90. 95) – здесь этот термин мог обозначать общинное владение, характер-

ное, по-видимому, для сербских земель¹⁸⁷. Этот же термин появляется и в речах: Хониат говорит о расположенных в долинах *συγκτήσεις*, (НХ Речи, с. 9. 8–9), о людях, уведенных в рабство «из наших *συγκτήσεις*» (с. 12. 5–6). Информация слишком скудна, чтобы можно было с уверенностью трактовать *συγκτήσεις* как поместье.

О монастырском землевладении Хониат говорит дважды, но оба раза в негативном аспекте. Мануил I возобновил новеллу Никифора Фоки, запрещающую монастырям расширять земельные владения (НХ Ист., с. 207. 83–91). Он основал монастырь архистратига Михаила в Катаскепи, не пожаловав ему ни селения (*κτῆσειδίου*), ни полей (*ἀγροί*), ни виноградников, но повелев удовлетворять нужды монахов из государственной казны (с. 207. 78–80). Тем самым монастырское землевладение признается, но стыдливо замалчивается. Хониат говорит лишь о пожаловании монастырям средств (с. 204. 83–85), об их богатстве золотом (с. 383. 10–11), об их отстраивании и украшении (с. 419. 94–95, 444. 11–14). Более того, Хониат утверждает, что монахам следовало возводить свои обители в глухих местах и всячески избегать столицы – они же строили монастыри на площадях и перекрестках (с. 207. 2 – 208. 8). И как бы подтверждая этот тезис, Хониат упоминает в основном константинопольские монастыри (с. 391. 46): Анкурия (с. 332. 22), Диоида (с. 268. 55), Евгерета (с. 545. 49, 568. 81, 570. 34), Космидий (с. 543. 92, 567. 60), Манганы (с. 6. 30–40, 205. 42–43, 294. 27–28, 614. 85–86), Панданассы (с. 438. 52), Пандократора (с. 48. 20, 115. 50, 222. 72, 256. 48), Панепопта (с. 242. 8, 243. 22–27, 279. 91, 568. 85–86, 570. 36), Перивлепта (с. 341. 69), Студийский (с. 405. 14), Христа Спасителя (с. 272. 82), Христа Человеколюбца (с. 8. 86), Эфора (с. 352. 95), а также монастыри на Пропонтиде (с. 560. 2), на Принцевых островах – Проте (с. 251. 40–41), Оксии (с. 51. 5, 79. 82), Теревинфе (с. 242. 5, 262. 89–90), Антигона (?) (с. 500. 79) – и наконец у «устья Понта»: в Катаскепи (с. 206. 71–73) и Ниматарсе (с. 488. 19–20). 38 упоминаний монастырей приходится на Константинополь и его округ, тогда как из провинциальных названы: в Адрианополе (с. 63. 44), в Вире (с. 280. 34, 452. 2), на горе Ган (с. 508. 70–71), Папикий (с. 144. 75–76, 425. 73, 426. 13, 427. 27–28, 531. 76–77) и Сосвения (?) (с. 373. 72), – итого 10 упоминаний. Иными словами, на долю Константинополя приходится почти 80% упоминаний монастырей. Афонские монастыри не упомянуты ни разу. Топоним Афон трижды фигурирует в proverbialных выражениях (с. 82. 63, 455. 48; ср. НХ Речи, с. 93. 4).

Если мы при этом учтем, что в действительности XI и XII столетия были временем оживленного церковно-монастырского строительства именно в провинции, трудно отделаться от впечатления о тенденциозном восприятии Хониатом характера монастырского движения и монастырского землевладения. Ему видится не столько реальный монастырь – земельный собственник, хорошо известный нам по актам и уставам XII в., сколько монастырь, живущий на щедроты государства. Может быть, именно поэтому он пишет прежде всего о столичных обителях (хотя среди них Пандократор – крупнейший земельный собственник), а не о провинциальных.

Если пассаж Хониата о раздачах париков многократно рассматривался византинистами, то гораздо меньше внимания привлекло другое место его «Истории», весьма существенное для понимания структуры византийской феодальной вотчины. Излагая речь Андроника I об отмене «берегового права», Хониат как бы приравнивает власть наместника провинции и собственника поместья – ἄγρός (НХ Ист., с. 328. 10): у того и другого имелась подвластная администрация (ὕλοδρηστέοντες), на которую возлагалось выполнение императорского приказа. Ниже говорится об управляющих поместьями (ἐπιστάται κτημάτων), которым вотчинники поспешно отправляли сообщения о речи Андроника I (с. 328. 32–33). Из этого рассказа перед нами предстает кардинальной важности факт – наличие частной власти в византийской вотчине.

Одним из основных элементов частной власти являются дружинники и слуги вельмож. Хониат упоминает их неоднократно: Пупак был дружинником (δоруφωρῶν) великого доместика Иоанна Аксуха (с. 83. 85), который имел и других «собственных дружинников» (ιδίους δоруφόρους – с. 85. 62). У Алексея Комнина, зятя Андроника I, были слуги (ὕληρέται), часть которых подверглась аресту после того, как Алексей впал в немилость (с. 310. 62–63); один из них, Мамал, назван секретарем Алексея (с. 310. 64–65). У кесарисы Марии, сестры Алексея II, было свое войско – ὀπλιτικόν (с. 237. 71), куда входили латинские дружинники и домашние слуги, – общим числом более ста человек (с. 238. 94–95).

Хониат дважды пользуется словом *līgus* (лат. *legius*) – оба раза для обозначения латинских вассалов императора (с. 27. 6, 201. 13).

Итак, мы можем констатировать некоторое противоречие: сфера аграрной жизни занимает гораздо большее место в образ-

ной системе Хониата, нежели в его прямом повествовании. Несмотря на скудость сообщений писателя о судьбах византийской деревни, он все же отметил два важных процесса – рост вотчины и формирование частной власти. При этом в поле его зрения находятся не собственно вотчинные феномены (рентные отношения, формы крестьянской зависимости, крестьянская собственность), но связи внутри господствующего класса, а именно пожалование земель государством и наличие «министерялов» – частных слуг и дружинников. Ни то, ни другое явление само по себе не вызывает протеста Хониата; его не смущает, в частности, приравнивание вотчинного административного аппарата к государственной провинциальной администрации; чем он недоволен – это распространением системы пожалований на «недостойных», причем под недостойными он понимает в первую очередь выходцев из торгово-ремесленных кругов и невежественных полуварваров. Он считает, по всей видимости, что монастыри не должны были обладать значительной земельной собственностью.

Я уже имел возможность рассмотреть представления Хониата о структуре господствующего класса¹⁸⁸ и теперь не стану специально возвращаться к этому вопросу, но лишь напомним полученные мной результаты. Хониат часто возвращается к этой проблеме, однако в поле его зрения находится почти исключительно константинопольская элита – о провинциальной знати писатель вспоминает крайне редко. Столичная элита разделяется в его представлении на три группы: царские родичи, которые являются военачальниками и военными администраторами, синклитики – гражданская знать – и, наконец, императорские «министерялы». Такая стратификация в общем и целом подтверждается источниками XII в. и передает специфические особенности структуры господствующего класса Византийской империи.

Отношение Хониата к византийской государственности определяется двумя противоположными исходными принципами: с одной стороны, это идеальный образ Римской империи, непосредственным продолжением которой мыслится ему, как и всем его соотечественникам, Византийское (= Ромейское) государство; с другой – непосредственные наблюдения за функционированием государственного аппарата, важное место в котором он сам занимал. Византийское государство для Хониата – отечество, *патρίς* (см., например, НХ Ист., с. 601. 72), и забота о пользе отечества (с. 228. 28, 453. 53) должна, с его точки зрения, быть главной задачей правителей. Государство мыслится как некое единство,

«совокупность», *πλήρωμα*, и Хониат говорит о «ромейской совокупности» (НХ Речи, с. 121. 14) или о «христолюбивой совокупности» (с. 75. 12, 121. 20). Но вместе с тем писатель ощущает известную изношенность этой официальной терминологии: не случайно понятие общих интересов становится особенно употребительным в лексиконе Андроника I и его окружения (см., например, НХ Ист., с. 327. 93–94, 336. 30–31, 37); и участники мятежа против Андроника тоже заявляют о своей приверженности интересам государственного организма и «совокупности» (с. 344. 70).

Ощущению изношенности официальной терминологии соответствует представление о «старости» Ромейского государства (НХ Речи, с. 38. 3–4, 85. 2–3), об испорченности настоящего поколения (НХ Ист., с. 219. 76), об упадке империи (с. 436. 93–95, 496. 51–53).

В соответствии с этим и формируется отношение Хониата к миру византийского чиновничества с его своекорыстием и нестабильностью, возведенными в принцип. Стали уже хрестоматийными рассказы Хониата о хищениях и интригах константинопольского двора, о низкопоклонстве, лести, бездарности вельмож¹⁸⁹. Их можно не пересказывать. Здесь важно лишь подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, если для Кекамена подобная обстановка придворной жизни нормальна, хотя и чревата опасностями и потому требует сугубой осторожности (см. Кек., с. 122. 22–26, 124. 28 – 126. 2, 130. 12–15), то Хониат рассматривает ее как уродливое искажение нормального бытия. Во-вторых, писатель сознательно смещает акценты, стараясь преувеличить размеры этого бедствия нестабильности. Как показал О. Крестен, мы можем, по крайней мере в одном случае, проверить достоверность новелл Хониата об интригах вельмож: для истории низложения Феодора Стипиота в нашем распоряжении есть параллельные и независимые источники¹⁹⁰.

Стипиоту писатель дает положительную оценку: это был человек глубокого и быстрого ума, приятного характера; он действовал в полном согласии с Мануилом I: выполнял то, что царь приказывал, а царь отдавал приказания в соответствии с советами Стипиота (с. 59. 10–12). Этому не мешает замечка писателя об интригах, с помощью которых Стипиот сумел удалить из Константинополя царского фаворита Иоанна Айофеодорита, Хониат подчеркивает скорее роль обстоятельств (с. 58. 84) и улыбнувшейся Стипиоту судьбы (с. 59. 1), нежели активность самого героя. Он быстро продвигался по службе и достиг положения каниклия.

Центральное место в этом эпизоде занимает, однако, рассказ о смещении Стипиота благодаря коварству его соперника – логофета дрома Иоанна Каматира (с. 111. 34 – 113. 74). Рассказ полон возмущения несправедливостью царя, обрушившего свой гнев на невинного человека.

Параллельное известие Киннама и свидетельство немецкого хрониста Рахевина заставляют усомниться в тезисе Хониата о невинности Стипиота: Киннам уверяет, что Стипиот предвещал конец царствования Мануила и предсказывал, что царя сменит не юноша и не зрелый муж, а старец (Кинн., с. 184. 15 – 185. 1; возможно, что здесь *vaticinium ex eventu*, и это было написано после узурпации Андроника I), а Рахевин прямо говорит, что *capiclinus*, т. е. каниклий (имя его не названо), подготавливал убийство Мануила¹⁹¹. Короче говоря, падение Стипиота явилось не результатом простой нестабильности и произвола, как это представил Хониат, но было завершением его неудачного выступления против василевса.

Но есть ли выход из создавшегося тяжелого положения? Виден ли Хониату путь социально-политических реформ, или он возлагает свои надежды исключительно на моральное совершенствование правителей и народа?

Монархия для Хониата – единственно возможная структура государственной власти. Многовластие (*πολυαρχία*) – мать анархии (НХ Ист., с. 225. 55). В одной из речей писатель приравнивает анархию, или многовластие, к прямому мятежу (НХ Речи, с. 83. 4–5). И хотя Хониат отнюдь не одобряет отстранение от власти молодого Алексея II, тот гомеровский принцип, которым оно обосновывалось: «Нехорошо многовластие – один должен быть царь» (НХ Ист., с. 273. 94–95; см. Илиада, 2: 204 и сл.), – не вызывает его возражений. Царь должен править сам, подчеркивает Хониат, высмеивая Исаака II, который отдал «многим» бразды государственного управления (с. 437. 20–22).

Тем же термином *πολυαρχία* обозначает Хониат и раздробленность страны. Он осуждает многовластие, сложившееся на востоке империи после 1204 г. (с. 625. 44–46). И на западе утвердилось множество «тираний», что было злом для страны (с. 638. 52–53).

Какой бы плохой ни была царская власть, мятеж кажется Хониату еще большим злом. Господь, говорит он в одной из речей, желает, чтобы подданные радостно и с легким сердцем подчинялись царям, правящим от Бога, и ни в коем случае не пытались преобразовать (*ἐτεροζυγεῖν*) государственный строй. В нем есть такой же

порядок (τάξις), как и в космосе – в устройстве солнца и звезд (НХ Речи, с. 128. 3–7). Писатель присоединяется к словам Ирины, вдовы Алексея I, утверждавшей, что царя можно искать, пока его еще нет, но нельзя сменять (μετακινεῖν) уже поставленного (НХ Ист., с. 12. 87–89). Хотя Хониат осуждает правление протосеваста Алексея, оценка возмущения кесарисы Марии против протосеваста безоговорочно отрицательна (с. 233. 61–62, 235. 23). Еще показательнее другое его рассуждение: Исаак Ангел выступил против кровавого тирана; более того, он был вынужден выступить, он спасал свою жизнь. Но результатом явилась серия восстаний против самого Исаака (см. с. 423. 6–9), ибо своим переворотом Исаак как бы проложил путь жаждущим овладеть царской властью (с. 423. 24–30). Междоусобица хуже вторжения соседних племен, и то, что оставила иноязычная рука, подчищает местная десница (с. 263. 24–25); перевороты и смена царей ослабляют государство и облегчают нападение соседей (с. 367. 28–30).

Не в социальном или политическом перевороте ищет Хониат выход из бедственного положения. Дважды на протяжении «Истории» он говорит об установившемся было золотом веке – оба случая, кстати сказать, приходится не на царствование Иоанна II, которого писатель считает лучшим из государей XII в., и уже одно это обстоятельство заставляет относиться с некоторой настороженностью к набросанной Хониатом картине утопического социального рая: действительно, что перед нами – поданный всерьез проект реформ или пересказ чужой речи?

Первый случай относится к началу правления Мануила I, и Хониат в этом эпизоде отчетливо обособляется от собственного рассказа. «Мне рассказывали те, кто старше меня, – так начинает он, – будто в то время люди вернулись к воспетому в обманчивом слове золотому веку». А заключался этот золотой век в том, что подданные Мануила толпами устремлялись к царским казнохранилищам, где получали щедрые дары, и средства текли, как вода из цистерны (с. 59. 16–26). Второй случай еще более сложен. Он относится к царствованию Андроника I, тирана и узурпатора, в описание кровавого правления которого Хониат неожиданно включает пространный панегирик. Но если утопический эпизод из царствования Мануила I пронизан аллюзиями на античные памятники (Илиада, 2: 87, 486), в панегирике Андронику масса скрытых цитат из Библии, что наводит на (недоказуемую) мысль, что Хониат пересказывает здесь потерянный ныне памятник публицистической литературы тех лет. Если бы это было верно, мы опять-таки имели бы дело с чужой речью.

Согласно этому панегирику, Андроник установил сплошное благоденствие, так что каждый мог бесстрашно спать под своим деревом и собирать плоды своего виноградника (с. 325. 17–19; ср. Михей, 4: 4). Слова эти крайне двусмысленны, ибо как раз перед этим писатель заметил, что подданные Андроника не знали «беззаботного сна» (с. 323. 76), постоянно опасаясь расправы. Но оставим сомнения и рассмотрим, в чем, по мысли Хониата (или его современника?), заключались причины всеобщего благоденствия. Никто не боялся, так продолжает автор панегирика, форолога или жадного налогового сборщика, не подвергался несправедливым поборам, но, отдав кесарю кесарево (см. Мф. 22: 21), был спокоен за свою жизнь и имущество (с. 325. 19–25). Андроник сумел утратить податных чиновников (с. 325. 25–29), а кроме того положил им высокие «опсонии» (с. 325. 32–33). Он отменил продажу должностей и раздавал их избранным и без всякой оплаты, а не первым попавшимся людям с перекрестков (с. 325. 34–36). Последнее утверждение опять-таки кажется сомнительным в свете того, что мы знаем о систематической опоре Андроника на столичный плебс и о его расправе с аристократией. Но как бы то ни было, все описанные в панегирике «утопические реформы» – кроме отмены «берегового права» (с. 326. 50–58) – относятся к податной сфере.

В самом деле, податное ведомство господствовало над умами византийцев: недаром Хониату представляется, что покойный Михаил Велисариот поднимается к небу, не платя пошлину (ἀτελώνητος) воздушным счетчикам (НХ Речи, с. 163. 10–11). Здесь, как и в «Житии Василия Нового», путь в рай лежит не через судебную процедуру, а мимо «телоний» – пунктов налоговых сборов. Реформа в сознании византийца – прежде всего финансовая реформа: увеличение раздач и уменьшение налогов. Скопление большой казны рассматривается Хониатом как явное достоинство (с. 60. 29–31; ср. восторженное описание казнохранилища – с. 120. 3 – 121. 7), а вместе с тем высокие налоги, разоряющие подданных, считаются явным бедствием (с. 203. 62–64). Щедрость молодого Мануила I прославлена как золотой век – но нажива вельмож за счет государства возмущает писателя (с. 224. 20–23).

Оставаясь в консервативных рамках византийского фискализма, Хониат не видит реального пути преобразования податного механизма, отчего его «золотой век» приобретает утопический облик. Вот почему Хониат возлагает надежды скорее на моральное совершенствование чиновников, нежели на пере-

стройку административной системы. Плох не византийский суд, но византийские продажные судьи (НХ Ист., с. 334. 90–91). Именно потому «История» переполнена образами дурных администраторов, взяточников и льстецов, что Хониат надеется, преодолев соответствующие пороки, получить «очищенный» экземпляр судьи или податного сборщика, действующего в соответствии с законом.

Таким образцовым чиновником является, с точки зрения Хониата, Иоанн Велисарий. Какие же доблести отличают этого парадигматического бюрократа? Хониат перечисляет их. На первом месте стоит «сладостность в общении», на втором – моральная устойчивость; рядом с этими чисто этическими категориями разместились деловые качества: сообразительность и исполнительность (НХ Речи, с. 152. 27–28). Чиновник должен быть приятен (начальству), должен быстро понимать приказы и быстро выполнять их. К этому прибавлена честность в финансовых вопросах: Велисарий не набивал свой кошель за счет государственных денег и не требовал взяток (с. 153. 9–10, 18–21). Идеальный чиновник Хониата – не администратор «нового типа», от него не требуется инициатива и ум. Хониат удовлетворяется улучшенным вариантом старого византийского государственного деятеля. Империя кажется ему рушащейся, но ее государственный механизм – в принципе удовлетворительным. И писатель, не задумываясь над кощунственностью творимого им образа, рисует идеал административной деятельности как восхождение по лестнице чинов, словно по мистической лестнице Иакова (с. 152. 33 – 153. 5).

¹ Metcalf D. M. Coinage in the Balkans. 820–1355. Thessaloniki, 1965. P. 17–47.

² Чангова Й. Средновековни оръдия на труда в България // ИархИ. 25. 1962. С. 21–31 и особенно 46.

³ См.: Цанкова-Петкова Г. Към въпроса за селскостопанска техника в средновековна България и в някои съседни балкански области // ИИИИст. 13. 1963. С. 123–135. [Подробное описание византийской технологии обработки земли см.: Change... P. 27. Частое цитирование византийскими авторами места из Второзакония: «Не заграждай рта волю, когда он молотит», – является проекцией сельскохозяйственных реалий того времени.]

⁴ Teall J. L. The Byzantine Agricultural Tradition // DOP. 25. 1971. P. 33–59.

⁵ Svoronos N. G. Études sur l'organisation intérieure, la société et l'économie de l'Empire byzantin. London, 1973. Pt. IX. P. 389.

⁶ См.: Каждан А. П. Из экономической жизни Византии XI–XII вв. // ВО (2). М., 1971. С. 192.

- ⁷ Krauss S. Studien zur byzantinisch-jüdischen Geschichte. Leipzig; Wien, 1914. S. 113.
- ⁸ Въжарова Ж. Н. Славяно-българското селище край село Попино, Силистренско. София, 1956. С. 89.
- ⁹ Въжарова Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища в български земи, от края на VI – XI век. София, 1965. С. 208. Табл. 2.
- ¹⁰ Там же. С. 186.
- ¹¹ Guillou A. Production and Profits in the Byzantine Province of Italy (Xth to XIth Centuries): an Expanding Society // DOP. 28. 1974. P. 91 f.; ср.: *idem*. Studies on Byzantine Italy. London, 1970. Pt. XIII. P. 446 f. А. Гийу полагает, что потеря во второй половине XI в. южноитальянского и сирийского шелка стала одной из основных причин экономических трудностей империи (Guillou A. La soie du Katépanat d'Italie // TM. 6. 1976. P. 84).
- ¹² Svoronos N. G. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles. Paris, 1959. P. 127 sq.
- ¹³ Наиболее показательное свидетельство принадлежит Евстафию Воиле, который в середине XI в. «с помощью топора и огня» расширял земли в одном из восточных районов империи (см.: Бенешевич В. Н. Завещание византийского боярина XI в. // ЖМНП. 9. 1907, май. С. 223. 22–25); [Lemerle P. Cinq études sur le Xe siècle byzantin. Paris, 1977. P. 22]. Данные о расчистке лесов еще не собраны. В указателе к кн.: Koukoulès Ph. Vie et civilisation byzantines. T. V. Athènes, 1952 – слово ἀποκάθαρσις отсутствует вовсе.
- ¹⁴ См.: Vranuse E. Ta hagiologika keimena tou hosiou Christodoulou. Athenai, 1966. S. 111–116; [Vranuse E. Byzantina cngrapha tes mones Patmou 1. Athens, 1980. S. 39–49].
- ¹⁵ Petit L. Le monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine // ИРАИК. 6. 1900. С. 39. 26; ср. устав монастыря Предтечи: Пападопуло-Керамевс А. И. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913. С. 6. 13–18.
- ¹⁶ Darrouzès J. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173 // BS. 23–24. 1962–1963. P. 278–280.
- ¹⁷ Каждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. 28. 1968. С. 74.
- ¹⁸ Каждан А. П. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X–XI вв. Симеона // ВВ. 28. 1967. С. 17 и сл. Дополнения см. в моих рецензиях на новое издание Симеона: ВВ. 31. 1971. С. 213 и сл.; ВВ. 34. 1973. С. 287; [Kazhdan A. P. Das System der Bilder und Metaphern in den Werken Symcons des «Neuen» Theologen // Unser ganzes Leben Christus unserem Gott überantworten / Ed. P. Hauptmann. Münster, 1982. S. 225 f.].
- ¹⁹ Каждан А. П. Византийский публицист... С. 75.
- ²⁰ См. в последнее время: Ahrweiler H. Érosion sociale et comportements excentriques à Byzance aux XI–XIII siècles. Athènes, 1976. P. 18 sq.
- ²¹ Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés en Grèce // Villages désertés en histoire économique. Paris, 1965. P. 364. К сожалению, методика Антониади-Бибику не всегда безупречна: она считает запустевшими поселения, упоминания о которых прекращаются (р. 359), тогда как поселение могло существовать и далее, оставаясь неупомянутым. Кроме того, количество упомянутых земель зависит в немалой степени от количества и характера сохранившихся источников. Однако с неточностями такого рода приходится мириться при изучении средневековой статистики.

- ²² *Sargologos E.* La vie de St. Cyrille le Philéote moine byzantin. Bruxelles, 1964. Ch. III, 1. P. 20 sq.
- ²³ *Nicholas I.* *Patriarch of Constantinople.* Letters. Washington, 1973. Ep. 29. 47–49.
- ²⁴ *Lampros S.* Kerkyraika anekdota. Athenai. 1882. S. 48. 21–23. По мнению А. Гийу, при Алексее I редкий византиец достигал 60-ти лет, кроме аскетов, доживавших до 80-ти (*Guillou A.* La civilisation byzantine. Paris, 1974. P. 246). К сожалению, неясно, на каком источнике он основывается.
- ²⁵ Учено свыше 100 авторов. Данные по: *Tusculum-Lexicon.* München, 1963. S. 13.
- ²⁶ *Antoniadis-Bibicou H.* Problèmes d'histoire économique de Byzance au XIe siècle: démographie, salaires et prix // BS. 28. 1967. P. 256, 259 sq. (ср.: *Antoniadis-Bibicou H.* Démographie, salaires et prix a Byzance au XIe siècle // *Annales.* 27. 1972. P. 215–246).
- ²⁷ Список «народных бедствий» XI в. см.: *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884. С. 250–253. Без существенных изменений его воспроизводит Зворонос: *Svoronos N.* Études sur l'organisation... Pt. IX. P. 384 sq. См. также известия Пселла (Пс. Соч., II, с. 118. 7–9) и Жития Кирилла Филеота (*Sargologos E.* La vie de St. Cyrille... XIV, 2, 84. 26; XLIV, 1, 209. 1; XLVIII, 1, 235. 29).
- ²⁸ Известен лишь локальный голод. Так, Николай Музалон сообщает о голоде на Кипре в первой половине XII в.; впрочем, он свидетельствует, что земля приносит плоды, только они не достаются земледельцам (*Doanidou S.* He paraïtesis Nikolaou tou Mouzalonos apo tes archiepiscopikes Kyprou // *Ell.* 7. 1934. 136. 893). Голод на Кипре в конце правления Мануила I упоминает Нил Тамасийский (ММ V, р. 395. 1, 395. 33 – 396. 1). Жалобы на нехватку хлеба в Афинах и на Кеосе на рубеже XII и XIII вв.: Мих. Аком., II, с. 41. 3–4. 237. 7–10. О голоде в Филиппополе в конце XII в. см. ниже.
- ²⁹ *Каждан А. П.* Братья Айюфеодориты при дворе Мануила Комнина // ЗРВИ. 9. 1966. С. 91 и сл.
- ³⁰ *Каждан А. П.* Из экономической жизни... С. 190 и сл. [По свидетельству английских хронистов, на Южном Пелопоннесе росло больше оливковых деревьев, чем где-либо в мире, см.: *Lamprecht H.* Untersuchungen über einige englische Chronisten des 12. und des beginnenden 13. Jahrhunderts. Torgau, 1927. S. 117.]
- ³¹ *Schaube A.* Handelsgeschichte der romanischen Völker der Mittelmeergebites bis zum Ende der Kreuzzüge. München; Berlin, 1906. S. 238, 245.
- ³² *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 271 и сл.; *Hendy M. F.* Byzantium, 1081–1204: an Economic Reappraisal // *Transactions of the Royal Historical Society.* 20. 1970. P. 47 f. [Несколько примеров: на Кипре найден монетный клад, датированный приблизительно 666–989 гг., см.: *Cox D. H.* Coins from the Excavation at Curium, 1932–1953. New York, 1959. P. 82; в Коринфе – временем между правлениями Константа II и Льва VI, см.: *Hohlfelder R. L.* Kenchreai, Eastern Port of Corinth. Vol. 3. The Coins. Leiden, 1978. 74 f.; о положении в Малой Азии см.: *Foss C.* Archaeology and the «Twenty Cities» // *AJA.* 81. 1977. P. 470; см. также: *Metcalf D. M.* The Coinage of Thessaloniki, 829–1204, and Its Place in Balkan Monetary History // *Balkan Studies.* 4. 1963. P. 277 (автор считает, что между 650 и 829 гг. «обращение мелкой монеты резко сокращается».)]
- ³³ *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. III. Pt. 1. Washington, 1973. P. 39–44.

- ³⁴ *Morrisson C.* La dévaluation de la monnaie byzantine au XIe siècle: essai d'interprétation // *TM.* 6. P. 24–30.
- ³⁵ *Hendy M. F.* Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081–1261. Washington, 1969. P. 14–25.
- ³⁶ О видах монеты XI–XII вв. см.: *Frolow A.* Les noms des monnaies dans le typikon du Pantocrator // *BS.* 10. 1949; *Morrisson C.* Le michaëlaton et les noms des monnaies à la fin du XIe siècle // *TM.* 3. 1968.
- ³⁷ *Каждан А. П.* Византийские города в VII–XI вв. // *Сов. археология.* 21. 1954. С. 177–179.
- ³⁸ *Scranton R. L.* Mediaeval Architecture in the Central Area of Corinth // *Corinth.* № 16. 1957. P. 53; *Delvoye Ch.* La région de l'agora de Corinth à l'époque médiévale // *Byz.* 25–27. 1955–1957. P. 934–937. Новые монетные находки в Коринфе подтверждают тезис об интенсификации городской жизни в X–XI вв.; см.: *Williams Ch. K., MacIntosh J., Fisher J. E.* Excavation at Corinth, 1973 // *Hesperia.* 43. 1974. № 1. P. 74–76.
- ³⁹ *Delvoye Ch.* Salonique, seconde capitale de l'Empire byzantin et ses monuments // *Revue de l'Université de Bruxelles.* 4. 1950. P. 420 sq.
- ⁴⁰ *Тивчев П.* Sur les cités byzantines aux XIe–XIIIe siècles // *BBulg.* 1. 1962. P. 152–156; ср.: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt // *Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress.* München, 1958. S. 24; *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // *The Proc. of the XIIIth Int. Congress of Byz. Studies.* London, 1967. P. 460 [перевод в: *Studies on the Demography of the Byzantine Empire.* London, 1972]; *Hrochova V.* Les villes byzantines aux XIe–XIIIe siècles: phénomène centrifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? Athènes, 1976. P. 6–9. Об экономическом подъеме городов XI–XII вв. см. также: *Zakythinos D.* Byzance: État, Société, Économie. London, 1973. Pt. V. P. 320; ср.: *Koder J., Hild F.* Tabula imperii Byzantini. Vol. 1. Hellas und Thessalien. Wien, 1976. S. 65. [См., кроме того, важный обзор: *Bouras Ch.* City and Village: Urban Design and Architecture // *JÖB.* 31/2. 1981. 611–53, где автор датирует «возрождение городов» с необыкновенной точностью – 961 годом (!)].
- ⁴¹ *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края VII до края XII в.) // *ИП.* 26 1970. № 6. С. 38; *Лишев С.* Българският средновековен град. София, 1970. С. 36–45, 54–64; *Чангова Й.* Към въпроса за устройството на средновековния български град (IX–XIV в.) // *Архитектурата на Първата и Втората българска държава.* София, 1975. С. 93 и сл. [Национальные предрассудки болгарских ученых ограничивают их интерес к археологическим данным эпохой Второго болгарского царства, т. е. концом XII – XIV вв. Тем не менее работа С. Лишева (см. выше) свидетельствует о благополучии болгарских городов под властью Византии, а по сообщению В. Нешевой, обе древние болгарские столицы – Плиска и Преслав – пережили византийское завоевание 1001–1018 гг. (см.: *Нешева В.* Средновековен некропол във Вътрешния град на Преслав // *Арх.* 21. № 2. 1979. С. 53). См. также работы болгарских археологов, прямо или косвенно подтверждающие наличие активной городской жизни в Болгарии XI–XII вв.: *Stančeva M.* Sofia au moyen âge à la lumière de nouvelles études archéologiques // *BBulg.* 5. 1978. P. 215; *Stančeva M., Dončeva-Petkova L.* Sur la surface habitée de Sredoc au IXe – XIVe s. // *Иархи.* 35. 1979. С. 124–133; *Щерева И.* Принос към проучването на средновековна керамика в България (XI–XII в.) // *Арх.* 19. № 3. 1977. С. 6–11; *Георгиева С.* Средновековна керамика от Мелнишката крепост // *Арх.* 22. № 2. 1980. С. 51; *Гатев П.* Накити от погребения от XI–XII в. // *Арх.* 19. № 1. 1977. С. 30.]

- ⁴² *Заимова В.* Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. София, 1976. С. 134 и сл.
- ⁴³ *Чангова Й.* Средновековно селище над тракийския град Севтополис. XI–XIV век. София, 1972.
- ⁴⁴ [Corpus Inscriptionum Graccarum. Vol. 4. Fasc. 3. №. 8713.] *Каждан А. П.* Греческая надпись XI в. с упоминанием армянина-стратига // ИФЖ. 1973. № 2. С. 189 и сл.
- ⁴⁵ *Velkov V.* Zur Geschichte Mesembrias im 11. Jahrhundert // BBulg. 2. 1966. P. 267–273. В Несебре найдены и монеты XII в. (Nessèbre. Vol. 1. Sophia, 1969. P. 22 sq.). «Несебрских купцов» упоминает грамота Ивана Ростиславича от 1134 г. (см.: *Гильбов И.* Несебър и неговите паметници. София, 1959. С. 49 и сл. [См. также: *Gjuzelev V.* Die mittelalterliche Stadt Mesembria (Nesebăr) im 6.–15. Jh. // Bulgarian Historical Review. 6. 1978. P. 52f.; *Чимбулева Ж.* Памятники среднесасковья в г. Несебре // BBulg. 7. 1981. P. 128f. Интенсификация городского строительства, по-видимому, была характерна для всего Балканского полуострова в целом (см.: *Traulos I.* Palaeodromike exelxis tes polcos ton Athenon. Athens, 1960. S. 149–172; *Thompson H., Wycherley R. E.* The Agora of Athens. Princeton, 1972; *Scranton R. L.* Mediaeval Architecturc in the Central Area of Corinth // Corinth. № 16. 1957; *Metcalf D. M.* Corinth in the Ninth Century: The Numismatic Evidence // Hesperia. 62. 1973. P. 180–251; *Dieterich K.* Zur Kulturgographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels // BZ. 31. 1931. S. 42. Об архитектуре Македонии см.: *Bouras Ch., Bouras L.* Byzantine Churches of Greece // Architectural Design. 98. 1972. P. 30–37. См. также: *Koco D.* Miljkovic-Pepck. Manastir. Scopje, 1958; *Epstein A. W.* The Political Content of the Paintings of Saint Sophia at Ochrid // JOB. 29. 1980. P. 325–329; *Hamann-MacLean R.* Die Monumentalmalerei in Serbien und Makedonien. 2. Gessen, 1976. S. 255–261.]
- ⁴⁶ *Чангова Й.* Разкопки на Ловешката крепост // Арх. 8. 1966. № 2. С. 32, 36. Раскопанный близ Ловеча некрополь датируется X–XIII вв. (*Георгиева С., Пешева Р.* Средновековен български некропол край гр. Ловеч и нажитите, намерени в него // ИарХИ. 20. 1955. С. 528). Издательницы постулируют (с. 551) постепенное ухудшение качества украшений, объясняя это хозяйственным упадком страны в период византийского владычества. Столь ответственный вывод базируется только на «грубости и простоте» бронзовых гривен из погребения, датированного монетами Мануила I (с. 536 и сл.); [*Чангова Й.* Средновековният Ловеч // Вскове. 5. 1976. С. 26–31].
- ⁴⁷ *Чангова Й.* Археологически проучвания на Пернишката крепост // ИБИД. 26. 1968. С. 123–137; [*Чангова Й.* Средновековен Перник // Вскове 5. 1975. С. 5–12]; ср.: *Юркуова Й.* Монети и печати на Пернишката крепост // Арх. 4. 1962. № 4. С. 40–45.
- ⁴⁸ *Попов А.* Средновековните крепости Твърдица и Мъглиж // ИБИД. 27. 1970. С. 273.
- ⁴⁹ *Миятев К.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 129–131.
- ⁵⁰ Основная монография – *Diaconu P., Vilceanu D.* Păciul lui Soare, cetatea bizantina. T. 1. Bucuresti, 1972; ср.: *Diaconu P.* Păciul lui Soare-Vicina // BYZANT. 8. 1976. P. 418–423. Для наших целей безразличен вопрос о возможности идентифицировать крепость Пэкулюлуй Соаре с тем или иным пунктом, известным по письменным источникам (Главаница, Малая Преслава, Вичина).

- ⁵¹ *Barnea J.* Dinogetia et Noviodunum, deux villes byzantines du Bas-Empire // RESEE. 9. 1971. P. 352–359. См. также: *Barnea I.* Dinogetia. Bucuresti, 1969. Диногетию иногда идентифицируют с византийским Демэнчилом (см.: *Bolsavov-Chumpu A.* La localisation de la cité byzantine de Dementzikos // RESEE. 5. 1967. P. 543–549).
- ⁵² *Barnea J.* Dinogetia et Noviodunum... P. 360 sq.; ср. также: *Кузев А.* Приноси към историята на средновековните крепости по Долния Дунав // Изв. на Народния музей. Варна. 7. 1971. С. 78.
- ⁵³ *Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P.* Capidava. I. Bucuresti, 1958. P. Флореску (р. 227–232), опираясь преимущественно на керамический материал, подчеркивает непрерывность существования Капидавы с римских времен. Напротив, П. Диакону, основываясь на монетных находках, датируемых концом X – серединой XI в. (р. 238–244), отнес и существование города к этому же времени.
- ⁵⁴ *Condurachi E., Barnea J., Diaconu P.* Nouvelles recherches sur le «Limes» byzantin du Bas-Danube aux Xe–XIe siècles // The Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byz. Studies. London, 1967. P. 182–185; *Diaconu P.* Une information de Skylitzès–Cédrenus à la lumière de l'archéologie // RESEE. 7. 1969. № 1. Напротив, по мнению И. А. Божилова (Към тълкуването на две известия на Й. Скилица за градовете по Долния Дунав в края на X в. // Изв. на Народния музей. Варна. 9. 1973. С. 119), речь должна идти о болгарских городах, которые подпали под власть Иоанна Цимисхия, а не о построенных византийских крепостях.
- ⁵⁵ *Diaconu P., Zah E.* Les carrières de pierre de Pacuiul lui Soare // Dacia. 15. 1971. P. 305.
- ⁵⁶ *Mango C., Hawkins E. J. W.* The Hermitage of St. Neophytos and its Wall-painting // DOP. 20. 1966. P. 204 f.
- ⁵⁷ *Charanis P.* Observations on the Demography... P. 459 f.
- ⁵⁸ *Vryonis S.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the XIth through the XVth Century. Berkeley; Los Angeles; London, 1971. P. 78–80, 145–168.
- ⁵⁹ *Vryonis S.* Compte-rendu de TM I // BYZANT. 1. 1969. P. 219 [ответ С. Вриониса на критические выступления по поводу его концепции см.: GRBS. 27. 1982. P. 230 f.].
- ⁶⁰ *Tivčev P.* Sur les cités... P. 156 sq. Приводимый им список малоазийских городов XI–XII вв. может быть дополнен, см.: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt. S. 24; [см. также: *Bouras Ch.* City and Village... P. 616 – автор противопоставляет упадок городов в Малой Азии продолжающейся активной городской жизни в Греции, однако он же упоминает о многочисленности населения Пергама в XII в. (р. 635)].
- ⁶¹ *Karayannopoulos I.* Kentrophygoi kai kentromoloi dynamis ston Byzantino kosmo. Athènes, 1976. S. 18 sq.
- ⁶² *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge, Mass.; London, 1976. P. 70–76.
- ⁶³ *Conze A.* Stadt und Landschaft // Pergamon. Bd. 1–2. 1913. S. 322.
- ⁶⁴ *Cook J. M.* The Troad. An Archaeological and Topographical Study. Oxford, 1973. P. 373 f.
- ⁶⁵ *Mansel A. M.* Die Ruinen von Side. Berlin, 1963. S. 14.
- ⁶⁶ *De Planhol X.* De la plaine pamphylienne aux lacs pisidiens. Nomadisme et vie paysanne. Paris, 1958. P. 84.

- ⁶⁷ Scharf A. Byzantine Jewry. London, 1971. P. 108; Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism... P. 131.
- ⁶⁸ Gotein S. D. A Letter from Seleucia (Cilicia) Dated 21 July 1137 // *Speculum*. 39. 1964. P. 298–303; [о Смирне, Милете, Приене, Пергаме и Анкаре см.: Foss C. Archaeology and the «Twenty Cities»... P. 469–86; *idem*, Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine and Turkish City. Cambridge, 1979. P. 107; Radt W. Die byzantinische Wohnstadt von Pergamon // *Wohnungsbau im Altertum*. Berlin, 1979. S. 199–223; Radt W. Pergamon. Grabungskampagne im Herbst 1973 // *Türk Arkeoloji Dergisi*. 22. №. 1. 1975. S. 99–107; Foss C. Late Antique and Byzantine Ankara // *DOP*. 31. 1977. P. 84].
- ⁶⁹ Glukatzi-Ahrweiler H. Les forteresses construites en Asie Mineure face à l'invasion seldjauide // *Akten des XI Intern. Byzantinischen Kongresses*. München, 1960. S. 184–189.
- ⁷⁰ Sternbach L. Nicolai Calliclis carmina // *Rozprawy Akademii Umiejętności*. Wydz. filol. Ser. II. T. 21. 1903. № 30. 20–22, 30–31, [новое изд.: Nicholas Kallikles. Carmi / Ed. R. Romano. Naples, 1980. P. 113. 20–22, 28–30].
- ⁷¹ О Дорилее см.: Mpones K. G. Eythymiou tou Malake dyo eckkomastikoi logoi // *Theologia*. 19. 1941–48. P. 529. 14–16.
- ⁷² Mpones K. G. Eythymiou tou Malake... P. 547. 23–34; ср.: Кинн., с. 298. 5–7.
- ⁷³ Ahrweiler H. Chôma-Aggelokastron // *REB*. 24. 1966. P. 281 sq.
- ⁷⁴ Mango C. Les monuments de l'architecture du XIe siècle et leur signification historique et sociale // *TM*. 6. 1976. P. 352 sq.; ср. также: Delvoye Ch. L'architecture byzantine au XIe siècle // *The Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byz. Studies*. London, 1967. P. 225–234.
- ⁷⁵ О строительстве в Греции см.: Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. М., 1973. С. 147–168. Расцвет церковного зодчества здесь относится к XII в. – см.: Koder J. Die Hagia Trias bei Nies (Thessalien) // *JÖB*. 24. 1975. P. 254. [О строительной технике и архитектурном стиле данного периода в столице и провинции см.: Epstein A. W. The Middle Byzantine Churches of Kastoria in Greek Macedonia: Their Dates and Implications // *Abull.* 62. 1980. P. 190–207; Stikas E. To oikodomikon chronikon tes mones tou Hosiu Louka Phokidos. Athens, 1970; Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1976. P. 375 f. N. 9; Savvas S. Études de quatre églises du XIIe siècle se trouvent en Argolide // *Theologia*. 29. 1958. P. 368–376; Vocotopoulos P. L. The Concealed Course Technique: Further Examples and a Few Remarks // *JÖB*. 28. 1979. P. 247–260.]
- ⁷⁶ Каждан А. П. Деревня и город... С. 213–218.
- ⁷⁷ Подъем керамического производства в Коринфе XI – середины XII в. был показан Ч. Морганом: Morgan Ch. H. The Byzantine Pottery // *Corinth*. XI. 1942. P. 59 f. et passim. Новые работы подтверждают этот тезис – см.: MacKay Th. S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth // *Hesperia*. 36. 1967. P. 273, 280; [Adamsheck B. Kenchreai, Eastern Port of Corinth. Vol. 4. The Pottery. Leiden, 1979. P. 100–104].
- ⁷⁸ О византийской керамике XII в. (видимо, малоазийского производства), поднятой с судна, затонувшего на севере Додеканеса, см.: Randell R. M. Three Byzantine Ceramics (Walter Art Gallery, Baltimore) // *The Burlington Magazine*. 111. №. 725. Aug. 1968. P. 461 f.
- ⁷⁹ Например: Мияте К. Византийска сграфито керамика в царския дворци в Търново // *Арх.* 1967. № 3. С. 8; Чангова Й. Средновековни амфори в България // *Иархи*. 22. С. 255–259; [см. также статью Й. Щервой, упомянутую выше, в сн. 44].

- ⁸⁰ Станчева М., Дончева-Петкова Л. Средновесковна битова керамика от Ескус при с. Гиген // Арх. 1972. № 1. С. 30; Дончева-Петкова Л. Трапезната керамика в България през VIII–XI в. // Арх. 1970. № 1. С. 22 и сл. К сожалению, болгарские керамические находки датированы нечточно и нередко суммарно причисляются к памятникам XII–XIV вв., т. е. ко времени Второго болгарского царства (см.: Чангова Й. Към проучването на сграфито керамика в България от XII–XIV вв. // Арх. 1962. № 2; Станчева М. Средновесковна сграфито керамика от София // Сердика. Т. 1. София, 1964). Напротив, румынский археолог Й. Барня отнес аналогичную керамику с рисунком врезной линии из Гарвэна к X–XII вв.: Barnea J. Relatiile dintre asczarca de la Biscricuta-Garvân si Bizant in secolele X–XII // Studi si cercetări de ist. Veche. 4. 1953. № 3–4, P. 641 sq.
- ⁸¹ Stevenson R. B. K. The Pottery, 1936–1937 // The Great Palace of Byzantine Emperors. Oxford, 1947. P. 47 f., 52.
- ⁸² Megaw A. H. S. Zcuxippus Ware // The Annual of the British School at Athens. 63. 1968. P. 68 f., 87. До недавнего времени внедрение новой системы обжига датировали не ранее XIV в. (Morgan Ch. H. The Byzantine Pottery. P. 23).
- ⁸³ Megaw A. H. S. Zcuxippus Ware. P. 87.
- ⁸⁴ Megaw A. H. S. Zcuxippus Ware. P. 77–78.
- ⁸⁵ MacKay Th. S. More Byzantine and Frankish Pottery... P. 259 f.
- См.: Philippe J. Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. Bologna, 1970.
- ⁸⁷ Von Saldern A. Glass from Sardis // AJA. 66. 1962. № 1. P. 6–12. Напротив, К. Фосс, основываясь на тех же находках стеклянных браслетов, безоговорочно констатирует существование стеклотелия в Сардах в X–XIII вв. (см.: Foss C. Byzantine and Turkish Sardis. P. 75).
- ⁸⁸ Davidson G. R. A Mediaeval Glass Factory at Corinth // AJA. 44. 1940. P. 302 f.
- ⁸⁹ Šćapova J. L. Le verre byzantin du Ve–XIIe siècle // Средновесковно стакло на Балкану (V–XV век). Београд, 1975. С. 41–47.
- ⁹⁰ Megaw A. H. S. Notes on Recent Works of the Byzantine Institute in Istanbul // DOP. 17. 1963. P. 362–364; cp.: Underwood P. A. The Kariye Djami. Vol. I. NY, 1966. P. 19. Против теории «византийского приоритета»: Lafond J. Les vitraux historiés du moyen âge découverts récemment à Constantinople // Bulletin de la société nationale des antiquaires de France. 1964. P. 164–166; Lafond J. Découverte des vitraux historiés du moyen âge à Constantinople // Cah. Arch. 18. 1968. P. 231–238.
- ⁹¹ См. Bouras Ch. The Byzantine Bronze Doors of the Great Lavra Monastery on Mount Athos // JÖB. 24. 1975. P. 229–250; Frazer M. E. Church Doors and the Gates of Paradise. Byzantine Doors in Italy // DOP. 27. 1973. P. 143–162; [Matthiae G. Le porte bronzee bizantine in Italia. Rome, 1971]; Kleinbauer W. E. A Byzantine Revival: The Inlaid Bronze Doors of Constantinople // Archaeology. 29. 1976. P. 16–29. Вопрос о возможности византийского происхождения Корсунских врат в Новгородской Софии остается открытым: Банк А. В. Константинопольские образцы и местные копии // ВВ. 34. 1973. С. 193–195. [Производство предметов роскоши и мозаичное искусство также оставались монополией столицы. Об этих промыслах см.: Magdalino P. Manuel Komnenos and the Great Palace // BMGS. 4. 1978. P. 101–114; Magdalino P., Nelson R. The Emperor in Byzantine Art of the Twelfth Century // Byz. Forsch. 8. 1982. P. 123–181; Striker C. L., Doğan Kuban Y. Kalenderhane Camii in Istanbul: Final Excavation Report. Washington, D. C., 1986; Cormack R. The Apse Mosaics of S. Sophia at Thessaloniki // Deltion tes Christianikes archaiologikes hetaireias. Scr. 4. 10. 1980–1981. P. 111–135; Goldschmidt A., Weitzmann K. Die

- byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Berlin, 1930. Vol. 1. S. 15; *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. Vienna, 1984; *Wessel K.* Byzantine Enamels. Shannon, 1969. P. 30 f.].
- ⁹² *Банк А. В.* Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // *ВВ.* 32. 1971. С. 138; *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии (IX–XII вв.): Очерки. М., 1974. С. 6–8. [Среди памятников, предположительно относящихся к этому времени, лишь крест Константинопольского патриарха Михаила Кируллария имеет общепринятую датировку и происхождение (см.: *Bank A. V. et al.* Études sur les croix byzantines du Musée d'art et d'histoire de Genève. Geneva. N. S. 28. 1980. P. 97–122; *Jenkins R., Kitzinger E.* A Cross of the Patriarch Michael Cerularius // *DOP.* 21. 1967. P. 233–249].
- ⁹³ *Bank A.* Nouveaux travaux concernant la glyptique Byzantine // *BS.* 23. 1962. P. 55. Г. Венцель отнес эту каменю к IX в.: *Wentzel H.* Die Kamme der Kaiserin Anna // *Festschrift U. Widdeldorf.* Berlin, 1968. S. 8.
- ⁹⁴ *Bréhier L.* La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936. P. 37 sq.
- ⁹⁵ *Кондаков Н. П.* История и памятники византийской эмали. СПб., 1892. С. 93.
- ⁹⁶ *Von Falke O.* Kunstgeschichte der Seidenweberei. 3 Aufl. Berlin, 1936. S. 25 f. Об эволюции византийского шелкоделия в XI в. см.: *Backwith J. G.* Byzantine Tissues // *Actes du XIVe Congrès Intern. des études Byzantines.* Vol. I. Bucarest, 1974. P. 353.
- ⁹⁷ Первой половиной XI в. А. Грабар датирует и Бамбергский плат с изображением императора на белом коне (см.: *Grabar A.* La soie byzantine de l'évêque Gunther à la cathédrale de Bamberg // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst.* 7. 1956. S. 24). См. о нем еще: *Дерменджиев Хр.* Още за Бамбергския плат // *Изкуство.* 1974. № 6. С. 38 и сл.
- ⁹⁸ *Каждан А. П.* Деревня и город... С. 230 и сл. [Именно из Фив и Коринфа норманны вывели в 1147 г. мастеров шелкового производства для развития этого престижного ремесла у себя в Сицилии – факт, также свидетельствующий о децентрализации ремесел в это время, см.: *Change...* P. 41.]
- ⁹⁹ *Devreesse R.* Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954. P. 56 sq. Вопрос о местных центрах изучен еще недостаточно (см.: *Irigoin J.* Centres de copie et bibliothèques // *Byzantine Books and Bookmen.* Washington, D. C., 1975. P. 18). Относящаяся к Константинополю часть сводки Р. Деврезса явно не полна: автор не включил сюда хорошо ему известные студийские рукописи, равно как и лицевые кодексы императорского скриптория. В Константинополе была переписана в 1029/30 гг. рукопись, хранящаяся ныне в Тбилиси (см.: *Peeters P.* Un manuscrit byzantin daté du pontificat du pape Jean IX en 1029–1030 // *Mémorial L. Petit.* Bucarest, 1948). Константинопольское происхождение ряда рукописей XI в. (преимущественно богослужебных) допускает М. Боникатти: *Bonicatti M.* Per una introduzione alla cultura mediobizantina di Constantinopoli // *Rivista dell'Istit. nazion. d'archeologia e storia dell'arte.* 9. 1960. [По данным Б. Фонкича, рукописи, вышедшие из Студийского скриптория, распределяются следующим образом: 12 рукописей датируются IX в.ком, 9 – X-м, 7 – XI-м и ни одной – XII в. (см.: *Фонкич Б.* Византийские скриптории // *JÖB.* 31/2. 1981. P. 433 f.)
- ¹⁰⁰ *Darrrouzès J.* Le mouvement des fondations monastiques au XI siècle // *TM.* 6. 1976. P. 172 sq.
- ¹⁰¹ Ж. Иригуэн выделяет группу афонских рукописей, созданных на рубеже X и XI вв. (см.: *Irigoin J.* Pour une étude des centres de copie byzantins. I–II // *Scriptorium.* 13. 1959. P. 195–204. [Известна библиотека кипрского монаха Неофита, состоявшая из 16 томов (см.: *Kypriaka Typika, Pegai kai meletai tes*

- Kypriakes historias / Ed. I. P. Tsiknopoulos. Nicosia, 1969. S. 83 f). О масштабах распространения иллюминированных рукописей, восходящих к изданному Рокфеллером – Мак-Кормиком Новому Завету, см.: *Carr A. W. Byzantine Manuscript Illumination in Twelfth-Century Palestine* // Abstracts of the Second Annual Byzantine Studies Conference. New York, 1976. P. 15 f.]
- ¹⁰² *Suhle A. Der byzantinische Einfluss auf die Münzen Mitteleuropas vom 10. bis 12. Jahrhundert* // Aus der byzantinischen Arbeit der DDR. Bd. II. Berlin, 1957. S. 286.
- ¹⁰³ *Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.)* // МИА. № 17. М.; Л., 1950. С. 171 и сл., 176; *Макарова Т. И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967. С. 59; Макарова Т. И. Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972. С. 6–8.*
- ¹⁰⁴ *Голубева Л. А. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера* // КСИ Арх. 135. 1973. С. 101–104.
- ¹⁰⁵ *Джанноладян Р. М. Новые материалы по истории византийского стеклоделия* // ВВ. 27. 1967. С. 248–257; *Бусятская Н. Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы* // Вестн. МГУ. Сер. IX: Ист. 1972. № 2. С. 83–90.
- ¹⁰⁶ О ввозе византийского стекла на Русь см.: *Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 178–181* (ср.: *Щапова Ю. Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани* // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 102–119). Возможно, что в Києве XI–XII вв. работали греческие мастера-стеклоделы: *Щапова Ю. Л. Древнерусские стекланные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI–XII вв.* // ВВ. 19. 1961. С. 60–75.
- ¹⁰⁷ *Новицька М. О. Гаптування в Київській Русі* // Археологія. 18. 1965. С. 25 и сл. (ср.: *Фехнер М. В. Некоторые данные о внешних связях Києва в XII в.* // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 66–70).
- ¹⁰⁸ *Макарова Т. И. Венцы с пергородчатой эмалью из Любеча* // Культура средневековой Руси. С. 160–162.
- ¹⁰⁹ См. каталог византийских изделий из серебра, эмалей, костяных ларцов, шиферных и стеатитовых иконок и т. п. в музеях СССР: *Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 261–299.* Автор прямо утверждает: «Импорт художественной утвари из Византии возрастает в XI–XII вв.» (с. 295).
- ¹¹⁰ О византийских вещах в Германии X–XII вв. см.: *Flemming J., Lehrmann E., Schulbert E. Dom und Domschatz zu Halberstadt. Berlin, 1973.*
- ¹¹¹ *Koukoulus Ph. Vie et civilisation Byzantines. T. V. Athènes, 1952. P. 358.*
- ¹¹² *Ct. Lefebvre des Noëttes. Le système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance et les conséquences de son emploi. Mélanges Ch. Diehl. Vol. I. Paris, 1930. P. 183–190.*
- ¹¹³ *Pseudo-Luciano. Timarione. Napoli, 1974. P. 54. 149–153.*
- ¹¹⁴ См., например: *Robert de Clari. La conquête de Constantinople. Paris, 1924. P. 81.*
- ¹¹⁵ Об упадке константинопольского ремесла в XII в. см.: *Каждан А. П. Деревня и город... С. 248 и сл.*
- ¹¹⁶ *Ahrweiler H. Recherches sur la société byzantine au XI siècle: Nouvelles hiérarchies et nouvelles solidarités* // TM. 6. 1976. P. 102 sq. (ср.: *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975. P. 54).*

- ¹¹⁷ Svoronos N. Remarques sur les structures économiques de l'Empire byzantin au XIe siècle // TM. 6. 1976. P. 63 sq.
- ¹¹⁸ Слова из «пьесы» псевдо-Цэца (*Matranga P. Anecdota graeca*. Vol. II. Roma, 1850. P. 623 sq.), которая восходит к сочинению Михаила Аплухира (*Leone P. L. M. Michalis Hapluchiris versus cum excerptis* // Byz. 39. 1969 (1970). P. 268 sq.), где мудрецу противостоит «мужик».
- ¹¹⁹ Панадимитриу С. Д. Феодор Продром. Одесса, 1905. С. 91. 68–74 (ср.: *Poèmes Prodr.* № 4, 70–71).
- ¹²⁰ См.: *Тивчев P.* Sur les cités byzantines... P. 159–161 (ср.: *Каждан А. П.* Из экономической жизни Византии... С. 196–198).
- ¹²¹ *Каждан А. П.* Из экономической жизни Византии... С. 198 и сл., 208–212.
- ¹²² *Лишев С.* Българският средновековен град. С. 46–54 (ср.: *Guillou A.* La civilisation byzantine... P. 312 sq.; *Каждан А. П.* Из экономической жизни Византии... С. 200 и сл.).
- ¹²³ *Каждан А. П.* Из экономической жизни Византии... С. 170–183 (ср. рецензию Г. Вайса: *BYZANT.* 6. 1974. P. 474). По мысли Э. Арвейлер, на середину XII в. приходится последняя попытка восстановить византийскую «талассократию» (см.: *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. Paris, 1966. P. 269). [О наземных и морских путях, которые приходилось преодолевать византийцу, отправлявшемуся в путешествие, см.: *Lefebvre des Noëttes.* Le système d'attelage du cheval et du bœuf à Byzance et les conséquences de son employ. Mélanges Ch. Diehl, I. Paris, 1930. P. 183–190; *Antoniadis-Bibicou H.* Études d'histoire maritime de Byzance. Paris, 1966. P. 132 f.]
- ¹²⁴ См.: *Svoronos N.* Études sur l'organisation intérieure... Pt. IX. P. 381 sq; *Hrochova H.* Les villes byzantines... P. 11.
- ¹²⁵ См.: *Kazhdan A. P.* Центроостремительные и центробежные силы в византийском мире (1081–1261) // XVe Congrès intern. des études byzantines. Rapports. Athènes, 1976. P. 18.
- ¹²⁶ А. Кариле считает, будто в Византии сохранилось разделение на столицу (πόλις), город (κάστρον) и сельскую местность (χώρα), отвечавшее римской классификации urbs – civitas – municipia (*Carile A.* Partitio terrarum Imperii Romani // Studi Veneziani, 7. 1965. P. 227). Ср.: *Von Falkenhausen V.* Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967. S. 132 f. и мои возражения в аннотации (BB. 33. 1972); ср. также аннотацию на издание актов А. Гийу (BB. 37. 1976. С. 273). См. еще: *Горина Л. В.* Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города // Советское славяноведение. Минск, 1969. С. 580–585; *Grothusen K.-D.* «Zum Stadtbegriff in Südosteuropa» // Les cultures slaves et les Balkans. I. Sofia, 1978. P. 132–47].
- ¹²⁷ *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt. S. 27 (Эдесса); *Каждан А. П.* Город и деревня в Византии в XI–XII вв. // Actes du XII Congrès intern. d'ét. Byz. T. I. Beograd, 1963. P. 37 (Амасия).
- ¹²⁸ См.: *Vryonis S.* Byzantine Demokratia and the Guilds in the XIth Century // DOP. 17. 1963. P. 302–314. [Примеры такой организованности находим у Атталиата (70. 16 и 186. 20–22); см. также: *Lemerle.* Cinq études. P. 290–293.] Э. Арвейлер подчеркивает при этом, что константинопольские горожане XI в. все же не образовывали сплоченной социальной группы (*Ahrweiler H.* Recherches sur la société byzantine... P. 112 sq.).
- ¹²⁹ См.: *Glukatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe–XIe siècles. Paris, 1960. P. 48, 63, 72.

- ¹³⁰ Об обитании знати в городах см.: *Svoronos N.* Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance // *Annales*. 11. 1956. P. 325 sq.
- ¹³¹ О Гаврах см.: *Bryer A. M.* Byzantine Family: the Gabrades // *Univ. of Birmingham. Historical Journal*. 12. 1970. P. 175 f.
- ¹³² *Oikonomidès N.* The Donations of Castles in the Last Quarter of the 11th Century // *Polychronion*. Heidelberg, 1966. S. 413–417. О пожаловании крепости в 1164 г. см.: *Гром К.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889. С. 311.
- ¹³³ *Frances E.* La disparition des corporations byzantines // *Actes du XII Congrès intern. d'ét. byz.* Т. II. Beograd, 1964. P. 98. [Ср. с мнением Н. Икономидиса, который считает, что цеховые корпорации продолжали существовать и после «Книги Эпарха», см.: *Oikonomidès N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople. Paris. 1979. P. 108–114.]
- ¹³⁴ *Lopez R. S.* Silk Industry in the Byzantine Empire // *Speculum*. 20. 1945. № 1. P. 24.
- ¹³⁵ Грамота 1008 г., относящаяся к Солуни: *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Hl. Berges. München, 1948. № 109. 3–5.
- ¹³⁶ *Leone P. L. M.* Ioannis Tzetze iambi // *Riv SBN*. 6–7. 1969–1970. P. 138. 123–125; ср.: 141. 213–214.
- ¹³⁷ *Demetrakopoulos A.* Bibliotheca ecclesiastica. Lipsiae, 1866. S. 279. 12–14.
- ¹³⁸ См. устав светского братства, имевшего культовые цели (оно было основано в 1048 г. и сформировалось вокруг Богородичного монастыря в Навпакте): *Nesbitt J., Wiita J. A.* Confraternity of the Comnenian Era // *BZ*. 8. 1975. P. 364–368 (ср. комментарий – р. 381 f.).
- ¹³⁹ См. прежде всего: *Литаверин Г. Г.* Болгария и Византия XI–XII вв. М., 1960. С. 73–248.
- ¹⁴⁰ *Svoronos N. G.* Études sur l'organisation intérieure... Pt. IX. P. 373–376; *Svoronos N. G.* Remarques sur les structures économiques... P. 52.
- ¹⁴¹ *Svoronos N. G.* Le domain de Laura jusqu'en 1204 // *Лавра*. I. С. 64–72.
- ¹⁴² Н. Зворонос отмечает наличие единственного «бедняка» во фрагментах Фиванского кадастра, где преобладают титулованные собственники (*Svoronos N. G.* Études sur l'organisation intérieure... Pt. III. P. 142), что не мешает ему тут же констатировать жизнестойкость крестьянских общин, сохранившихся до конца XI в. тот же статус, какой они имели в X в. (р. 142 sq.). Изданный недавно фрагмент описи земельных владений в районе Афин, который издатели датируют XI–XII вв. (*Granstrom Eu., Medvedev I., Papachryssanthou D.* Fragment d'un praktikon de la région d'Athènes (avant 1204) // *REV*. 34. 1976. P. 8; дата, впрочем, проблематична), перечисляет «париков, приселенных в названных выше разных проастиях» (р. 38. B².1), но не дает сведений о существовании или несуществовании в этом районе свободных или государственных крестьян.
- ¹⁴³ *Литаверин Г. Г.* Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. // *ВО* (2). М., 1971. С. 164–168; ср. рецензию Г. Вайса (*BYZANT*. 6. 1974. P. 472–474).
- ¹⁴⁴ *Pallagean E.* «Économie paysanne» et «féodalité byzantine» // *Annales*. 30. 1975. № 6. P. 1384–1389.
- ¹⁴⁵ Остается дискуссионным вопрос о возможности приложения к Византии понятия верховной собственности государства на землю. Основные возражения: *Литаверин Г. Г.* Проблемы государственной собственности в Византии X–XI вв. // *ВВ*. 35. 1973. С. 51–74; *Сюзюмов М. Я.* Суверенитет, налог

- и земельная рента в Византии // АДСВ. 9. 1973. С. 57–65. Эти авторы подчеркивают публично-правовую природу прав государства на частную землю и на доходы с нее, что, с моей точки зрения, не отвергает самого наличия этих прав (см.: *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 227–235).
- ¹⁴⁶ *Ahrweiler H.* La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles // Actes du XIIe Congrès intern. d'ét. byz. T. II. Beograd, 1964. P. 103–114.
- ¹⁴⁷ *Karayannopoulos J.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion. Heidelberg, 1966. S. 322. 57. О пронии XI–XII вв. см.: *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. P. 20–54. См. дискуссию: *Hohlweg A.* Zur Frage der Pronia in Byzanz // BZ. 60. 1967. S. 288–308; *Ostrogorsky G.* Die Pronia unter den Komnenen // ЗРВИ. 12. 1970. С. 41–54. Дискуссия о пронии на Пелопоннесе: *Jacoby D.* Société et démographie à Byzance et en Romanie latine. London, 1975. Pt. VI. P. 479–481; *Carile A.* Sulla pronia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista latina // Studi urbinati. 46. 1972. P. 327–335 (под тем же названием: ЗРВИ. 16. 1975. С. 55–61). [Итоги изучения пронии в Византии А. П. Каждан подвел в статье «Pronia: The History of a Scholarly Discussion» (см.: *Arbel B.* Intercultural Contacts in the Medieval Mediterranean. London, 1996. P. 133–163).]
- ¹⁴⁸ *Gautier P.* Réquisitoire de patriarche Jean d'Antioche contre le charisticariat // REV. 33. 1975. Помимо указанной там литературы (с. 77, прим. 1) см.: *Тыкова-Заимова В.* Сообщение за харистики в наши земли // ИИБИ. 5. 1954.
- ¹⁴⁹ См.: *Арутюнова В. А.* К вопросу об *anthropoi* в «Типике» Григория Пакуриана // ВВ. 19. 1968. С. 64–72; [Типик Григория Пакуриана / Пер. и комм. В. А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978. С. 28–30]; *Ферджанчи Б.* Апанажный посед кесара Ювана Рогерија // ЗРВИ. 12. 1970. С. 196–198; *Каждан А. П.* Один источно истолкованный пассаж в «Истории» Иоанна Киннама // RESEE. 7. 1969. № 3. P. 469–473; *Beck H. G.* Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972. Pt. 11. P. 14–32; *Ferluga Ja.* Byzantium on the Balkans. Amsterdam, 1976. P. 399–425.
- ¹⁵⁰ *Ahrweiler H.* Recherches sur la société byzantine... P. 117 sq.
- ¹⁵¹ Об иммунитете XI–XII вв. см.: *Острогорский Г. А.* К истории иммунитета в Византии // ВВ. 13. 1958. С. 65–73 [франц. пер.: Byz. 28. 1958. P. 182–197]; *Фрейденберг М. М.* Эксуссия в Византии XI–XII вв. // Уч. зап. Великолукск. пединст. 3. 1958. С. 339–365; *Каждан А. П.* Эксуссия и экскуссаты в Византии XI–XII вв. // ВО (1). М., 1961. С. 186–216; *Schliper H. C.* The Immunity System in Byzantium // The New Review. A Journal of East European History. 6. 1966.
- ¹⁵² О византийском понятии свободы см.: *Каждан А. П.* Византийская культура. М., 1968. С. 55 [персизд.: СПб., 1997] (ср.: *Guillou A.* La civilisation byzantine. P. 221).
- ¹⁵³ См.: *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 25. 1971. P. 3–12. По мнению Я. Ферлуги, византийская аристократия накануне 1204 г. практически не отличалась от западной феодальной знати (*Ferluga Ja.* Byzantium on the Balkans. P. 438). Подробно о византийской знати XI–XII вв.: *Каждан А. П.* Социальный состав... (см. рефераты: *Поляковская М. А.* // РЖ общ. науки в СССР. Сер. 5: Ист. 1975. № 2. С. 240–248; *Sorlin I.* Publications soviétiques sur XI siècle // ТМ. 6. 1976. P. 367–380; критическая рецензия: *Бессмертный Ю. Л.* (ИФЖ. 1976. № 2. С. 236–242). [См. монографии,

- посвященные отдельным фамилиям: *Seibt W. Die Skleroi*. Vienna, 1976; *Vanier J.-F. Familles byzantines*. Les Argyroi. Paris, 1975.]
- 154 О Даласинах см.: *Adontz N. Études arméno-byzantines*. Lisbonne, 1965. P. 163–167; *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 92–97.
- 155 *Ahrweiler H. Recherches sur la société byzantine...* P. 104–110.
- 156 О гражданской знати см.: *Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos*. München, 1973; ср. еще: *Laourdas B. Intellectuals, Scholars and Bureaucrats in the Byzantine Society* // *Kleronomia*. 2. 1970. P. 273–291.
- 157 *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения // ВВ. 34. 1973. С. 49 и сл., [*Kazhdan A. P. Die Schrift einiger byzantinischen Kaiserurkunden und die konstantinopolitanische Kanzlei in der zweiten Hälfte des XI. Jahrhunderts* // *Studia codicologica*. Berlin, 1977. S. 263 ff].
- 158 См.: *Каждан А. П.* Состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. Анкета и частные выводы. Ч. VI: Евнухи // АДСВ. 10. 1973. С. 184–194. [Между смертью Василия II (1025) и началом царствования Алексея I (1081) известно по крайней мере 30 евнухов, занимавших высокие посты в государственном и церковном аппарате. Среди них – Николай, домашний школьник в царствование Константина VIII, и Никита, дук Иверии и позднее, около 1030–1034 гг., вероятно, правитель Антиохии; в середине XI в. – Иоанн Орфанотроф, логофет дрома Никифорица, и Михаил, митрополит Сиды времен Михаила VII. Во время правления Константина IX несколько евнухов занимали высокие посты в армии: стратиг-автократор ссвастофор Стефан Пергамский, стратопедарх Никифор, Василий Монах, правитель Болгарии (Change... P. 67–68).]
- 159 *Darrouzès J. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine*. Paris, 1966. P. 198. 13–19, 200. 21–26, 214. 5–8, 242. 9–11.
- 160 *Tiftixoglu V. Gruppenbildungen innerhalb des konstantinopolitanischen Klerus während der Komnenzeit* // BZ. 62. 1969. P. 25–72.
- 161 *Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XI siècle* // TM. 6. 1976. P. 150 sq.
- 162 См. о ней: *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. Paris, 1975. P. 54–56.
- 163 *Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation...* P. 135 sq.
- 164 *Каждан А. П.* Деревня и город... С. 129–137.
- 165 Н. Икономидис относит возникновение секрета к 1030 г. (*Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation...* P. 136), тогда как его первое упоминание датируется еще концом IX в. (*Каждан А. П.* Деревня и город... С. 135).
- 166 См.: *Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*. Darmstadt, 1960. S. 75 (ср.: *Лутаврин Г. Г.* // Кек., с. 460, прим. 566).
- 167 *Guilland R. Les Logothètes* // REB. 29. 1971. P. 75–79.
- 168 *Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation...* P. 131 sq.
- 169 Попытку реабилитации византийского суда XI в. предпринял Г. Вайс: *Weiss G. Hohe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaïos und seine Kollegen* // JÖB. 22. 1973. S. 117–143. [Д. Зимон, анализировавший те же материалы, что и Г. Вайс, пришел к противоположному выводу. По его мнению, византийское право носило чисто казуистский характер: юристу достаточно было стать хорошим оратором, чтобы достичь успеха (см.: *Simon D. Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht*. Frankfurt a. M., 1973. S. 17, 32). См. сн. 156 в третьей главе настоящей книги.]

- ¹⁷⁰ *Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration...* P. 89 sq. (ср.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия... С. 285–287).
- ¹⁷¹ *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X вв. // Уч. зап. Великолуцк. пединст. I. 1954. С. 18–31; *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиготы в фемном войске Византии в конце IX–X вв. // ВО (2). М., 1971. С. 86–97.
- ¹⁷² *Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation...* P. 144.
- ¹⁷³ Об интересе Аггалиата к городской тематике см.: *Каждан А. П.* Социальное воззрение Михаила Аггалиата // ЗРВИ. 17. 1976. С. 45–50.
- ¹⁷⁴ См.: *Fenster E. Laudes Constantinopolitanae.* München, 1968 (об отношении Хониата к Константинополю – с. 169–178).
- ¹⁷⁵ См. индекс в НХ Ист., ч. 2, с. 53 и сл.
- ¹⁷⁶ Интересы Пселла сосредоточиваются на Константинополе только в его «Истории»; напротив, в переписке он постоянно интересуется судьбами провинции. См. об этом: *Любарский Я.* Пселл в отношениях с современниками (Пселл и фемные судьи) // RESEE. 10. 1972. № 1. P. 17–32; [перепечатано: *Любарский Я.* Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978. С. 101–111].
- ¹⁷⁷ См.: *Schneider A. M., Karnapp W. Die Stadtmauer von Iznik.* Berlin, 1938; *Schneider A. M. The City Walls of Nicæa* // Antiquity. 12. 1938.
- ¹⁷⁸ П. Лемерль относит это мероприятие еще ко времени Иоанна II (см.: *Lemerle P. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque de Comnène* // Cahiers de civilisation médiévale. II. 1959. № 3. P. 274 sq.; ср.: *Ahrweiler H. Byzance et la mer.* Paris, 1966. P. 230 sq.
- ¹⁷⁹ В русском переводе этого места (II, с. 126) читаем: «Как просеянное семечко доброду земледелец или восток розе», но *υεώριον* *πτερον* – культивированная пашня, а *ἀνεμόνη* – анемона.
- ¹⁸⁰ Так, в частности, истолковывает его Г. А. Острогорский: *Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine.* Bruxelles, 1954. P. 28–31. Одним из наиболее серьезных аргументов в пользу истолкования описанного Хониатом института как пронии могла бы служить маргинальная глосса в пересказе этого пассажа в так называемом «Синописе Скутариота», гласящая *περί στρατιωτικῶν προνοίων*. Но эта глосса – не раньше конца XIII в. (см.: *Lemerle P. Recherches sur le régime agraire...* P. 272. N. 46).
- ¹⁸¹ И в этом эпизоде подчас усматривается прония (*Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité...* P. 53 sq.), хотя никаких данных об этом известие Хониата не содержит.
- ¹⁸² Ф. Граблер в немецком переводе речей и писем Хониата (с. 359) переводит *προσδόιον* как «деньги на дорогу» (*Wegszehrung*), не замечая, видимо, тождества этого термина с *δόσις*.
- ¹⁸³ Они были включены в Договор о разделе империи (*Carile A. Partitio terrarum...* P. 218. 23–25; см. комментарий – с. 246 и сл.).
- ¹⁸⁴ Сохранился подробный устав монастыря, датированный 1152 г. (см. о нем: *Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich.* München. 1959. S. 648).
- ¹⁸⁵ *Каждан А. П.* Деревня и город... С. 60. Прим. 11.
- ¹⁸⁶ Термином «икос» обозначалось и поместье. Например, об икосах стратига из рода Дук упоминает эпос о Дигенисе (*Trapp E. Digenis Akrites.* Wien, 1971. S. 191. 1814). От городской усадьбы – икоса, – по-видимому, отличаются «высококрышие» *δομοί* Константинополя (с. 271. 44, 544. 12) и дорогие

δόμοι Προποντιды (с. 442. 37); о двух- и трехэтажных домах в столице – с. 158. 64–65.

¹⁸⁷ Болгарские κομπολόγεις и συγκλήσεις упомянуты в некоторых изводах «Истории» (см. с. 372, прим. к стк. 40–41).

¹⁸⁸ Каждан А. П. Социальный статус... С. 70–86.

¹⁸⁹ См.: Успенский Ф. И. Византийский писатель... С. 56–62 (ср.: Безобразов П. В. Очерки византийской культуры. Пг., 1919. С. 68–74.

¹⁹⁰ Rahewin. Gesta Fridrici / Ed. F. J. Schmale. Darmstadt, 1965. S. 506 sq.

Глава II

«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ» И «АРИСТОКРАТИЗАЦИЯ» КУЛЬТУРЫ

В исторической литературе неоднократно отмечались признаки демократизации и аристократизации византийской культуры XI–XII вв. На первый взгляд, однако, может показаться странным, что между обеими тенденциями нет той резкой противоположности, которая давно стала привычной по аналогии с западноевропейской оппозицией: «знать – третье сословие». Специфика экономического развития Византии выразилась, в частности, в том, что горожане XI–XII вв. не стали на путь коммунального движения и не порвали свои связи с сеньориальными силами, действовавшими в городах. Еще не наступило XIV столетие с его непримиримостью интересов «богатых» и «бедных», еще демократические (урбанистические) и аристократические (феодальные) тенденции причудливо переплетались в своем совместном противостоянии централизованно-упорядоченной, элитарной и антикизирующей культуре второй половины IX–X вв.

Важнейшим демократическим фактором византийского общественного сознания XI–XII вв. было проникновение разговорного, так называемого народного языка в письменную литературу. Народный язык давно уже стал общественной реальностью, элементы его лексики и грамматики подспудно обнаруживаются в византийских хрониках¹, и новые патронимы нередко происходят от типично новогреческих форм (например, Сарандопихи). Однако в литературе господствовал архаический язык, так называемая койне, которая усваивалась в результате элитарного школь-

ного образования. Она создавала идеальную неподвижно-жесткую систему неизменных грамматических форм, традиционной лексики и выученных стереотипов, соответствовавшую той тенденции к стабильности, которая отличала социальную психологию византийца классической поры. Народная речь стояла настолько вне литературы, что Анна Комнина считала необходимым «перевести» на койне насмешливую песенку, которую распевали константинопольцы². Напомню для сравнения, что в XIV в. Кантакузин преспокойно включил в текст своих мемуаров пространное послание египетского султана Малик Насир Хасана на народном языке³, – времена менялись, и с ними менялось отношение к разговорной речи.

В XII в. разговорная речь впервые становится языком литературы. В чем искать причину прорыва живой языковой стихии? Х. Г. Бек предлагает кажущееся естественным объяснение, исходящее из внутренних закономерностей развития языка: двуязычие создавало трудности в выражении новых понятий и отношений и превращало литературное творчество в антикизирующую игру⁴. В этом естественном объяснении есть существенный недостаток: оно не помогает понять, почему языковой прорыв произошел именно в XII в. Порождаемые двуязычием трудности ощущали уже хронисты VI–IX вв., начиная от Малалы, но они не пошли много дальше упрощения синтаксиса, отказа от богатств эмоциональной нюансировки и включения отдельных слов, терминов и названий. Обращение к народной речи в XII в. отвечало определенным социальным сдвигам, которые нужно искать прежде всего в урбанизации общества и расширении связанной с творчеством среды.

Иоанн Цец, филолог и поклонник античной культуры, насмешливо писал в то время, что теперь, мол, все сочиняют стихи: женщины и младенцы, каждый ремесленник и жены варваров⁵. Цецу вторил Продром. В похвальном слове Исааку, младшему сыну Алексея I, он вкладывает в уста философии упрёки в адрес бога войны Ареса: тот, оказывается, присвоил себе всю царственную, всю лучшую часть людей, оставив ей, философии, лишь частных лиц и ремесленников; питомцы Ареса – это Камбисы, Ксерксы и Киры, тогда как в удел философии достались меняла Диоген и корабельщик Зинов. И если можно вспомнить кое-каких философов благородного происхождения: Александра Македонского, Катона или Марка Аврелия, – то число их невелико и все они принадлежат прошлому⁶.

Цец и Продром единодушно свидетельствуют, что в XII в. в литературу и философию двинулись простые люди, прежде всего

ремесленники, люди, не владеющие великим наследием прошлого и, надо думать, не усвоившие всего богатства мертвой койне. Не этот ли поток принес с собой разговорную речь – сперва на жаркие устные диспуты, а затем и в письменную литературу?

Народная речь захватывает прежде всего поэзию. От XII столетия остались три группы памятников, написанных на разговорном языке: четыре стихотворения Феодора Продрома, дидактическая поэма неизвестного автора, иногда именуемого Спанеа, и, наконец, «Тюремные стихи» Михаила Глика. Сочинения эти порождают немало проблем, еще далеких от разрешения: достаточно указать на то, что остается дискуссионным вопрос о принадлежности Продрому приписанных ему рукописей «народных» стихов, – иногда их автором считают другое лицо, называя его Птохопродромом, «Бедным Продромом»⁷. Как бы то ни было, можно отметить два обстоятельства. Во-первых, народно-поэтическая стихия не отделена непроходимой линией от койне: тот же самый Глика писал свои письма на строгом литературном языке образованных людей XII в.⁸. Что касается Продрома, то он известен прежде всего как автор стихов на классическом языке (включая гексаметры), причем и в эти стихи время от времени пробиваются народные лексические и грамматические элементы. Во-вторых, хотя авторы стихов на народном языке и не принадлежат к высшей аристократии, они по-своему, хотя и своеобразно, с ней связаны, постоянно обращаются к ней. Если Глика полемизировал с Мануилом I, то Спанеа и Птохопродром адресуются к высшей знати, наставляя правилам морали или выпрашивая подарки. Во всяком случае, можно думать, что мода на «демократическую» лексику не миновала и двор Комнинов⁹.

Напротив, монашество стояло, скорее всего, в стороне от этого движения; в отличие от монашеской литературы IV–VI вв., вбравшей элементы живого языкотворчества и чутко прислушивавшейся к народной речи, идеологи церкви XI–XII вв. занимали последовательную пуристическую позицию. Уничтожение патриархом Николаем IV Музаломом Жития св. Параскевы в середине XII в. на том основании, что оно написано каким-то мужиком на «вульгарном» языке (ιδιωτικῶς)¹⁰, – характерный момент в борьбе против попыток зарождения народноязычной агиографии. Параллельно с проникновением элементов народной лексики в литературу совершалась и трансформация поэтической метрики – от квантитативной античной, рассчитанной на систему долгих и кратких гласных, к новой тонической, основанной на чередовании ударных и безударных слогов. Двенадцатисложник, восхо-

дящий к ямбическому триметру, являл собою переходную и подчас довольно искусственную форму поэтической речи, сочетавшей новые и старые принципы. Чисто тонический двенадцатисложник встречается обычно в малых формах – стихотворных легендах печатей, версифицированных пометах писцов; в «большую» литературу его пытался внедрить Симеон Богослов, как будто не нашедший продолжателя в XII в.¹¹

Совершенно отчетливую тоническую природу имеет политический стих, или пятнадцатисложник, распространяющийся в византийской литературе с X в.¹² Как и «народная» речь, политический стих в XI–XII вв. проступает в двойственном облики: с одной стороны, он вызывает недовольство пуристов и архаистов, отказывающих ему вообще в праве именоваться стихотворным размером¹³; его считают пригодным для упрощенной лексики, особенно для дидактических задач¹⁴, в нем отчетливо чувствуется народная стихия¹⁵. А с другой стороны, пятнадцатисложник – размер, к которому тяготела придворная среда, и Цец скорбит, что его знатные заказчицы ждали от него поэм, написанных политическим стихом¹⁶. Почти половина строк в «исторических стихах» Продрома относится к этому размеру¹⁷.

Где бы ни искать происхождение пятнадцатисложника – в метрических аккламациях константинопольских горожан, в религиозных гимнах или в провинциальных «солдатских» песнях¹⁸, – одно несомненно и существенно: новая поэтическая ритмика ломала традиционные литературные формы, и эти литературные сдвиги находили поддержку Комниновского двора.

Мы слишком плохо знаем историю византийского быта, чтобы с уверенностью говорить о происходивших в эти столетия переменах. Однако бросается в глаза различие впечатлений, которые выносили из Константинополя иностранные путешественники X и XII вв. Лиутпранд Кремонский, посетивший византийскую столицу в 968 г., был поражен бедностью населения: торжественный выход Никифора II показался германскому послу жалким зрелищем, на которое собралась босоногая толпа, и даже вельможи явились в заношенных и рваных туниках, принадлежавших еще их прадедам; один только император сверкал золотом и драгоценными камнями среди всей этой нищеты¹⁹. Напротив, в XII в. Вениамин Тудельский поражался константинопольской толпе, разодетой не хуже князей²⁰, а Одо Дейльский описывал шелковые одежды и украшения византийцев²¹.

По-видимому, и одежда византийцев меняется. К сожалению, традиционализм византийской миниатюры не позволяет предста-

вить эволюцию моды в Византии с такой ясностью, как это можно сделать применительно к средневековому Западу. Художники XI–XII вв. по-прежнему изображают своих героев в антикизированных одеяниях, спадающих свободными складками, или в познеримских далматиках – ровных рубашках с длинными рукавами, скорее скрывающих, чем подчеркивающих контуры тела.

Скудные свидетельства в греческих письменных памятниках содержат не много данных о византийской одежде XI–XII вв., если только мы не хотим ограничиться констатацией различий костюма бедного и богатого населения²². Шерсть по-прежнему оставалась одним из важнейших материалов для изготовления тканей, но наряду с ней византийцы широко использовали и другие, в первую очередь шелк, вошедший в быт уже в VI в. и еще оставшийся византийской монополией²³. По всей видимости, с X в. входят в употребление хлопчатобумажные ткани: Продром прямо говорит об изделиях из льна и хлопка (*Proèmes Prodr.*, № 1, 93, № 2, 35) и даже пользуется арабским термином *koutvín*, означающим хлопок²⁴. Льняное полотно, по-видимому, соперничало в это время с шелком, давая материал для тонких, «воздушных» материй²⁵.

Миниатюры Мадридской рукописи Иоанна Скилицы, возникшие, скорее всего, в XII в.²⁶, представляют византийского аристократа обычно в долгополом кафтане с рукавами, поверх которого надевается плащ, застегнутый на правом плече, так что правая рука оставалась свободной; плащ был другого цвета, нежели кафтан. Под кафтаном, украшенным аппликациями на подоле, рукавах и вороте, носили одноцветную рубашу до колен. В такой синей рубаше (хитоне) изображен кесарь Варда в сцене его убийства перед Михаилом III (л. 80 а) в отличие от вельмож, избиваемых по приказанию Феофила (л. 43 а), – они облачены в кафтаны до пят. В сходных кафтанах вельможи представлены и в ряде торжественных сцен (л. 12 об., л. 42 об. а, л. 50 об. б и др.). Плащи хорошо видны на миниатюрах, изображающих сторонников и родственников Никифора Фоки (л. 144 а, б). Следует заметить, что одежда болгар и арабов в Мадридской рукописи (например, л. 148 об. а, б) отличается от византийского костюма.

Этот традиционный патрицианский костюм может быть прослежен по иконографии святых. Его существенная часть – широкий кафтан с широкими рукавами и с напуском у пояса, либо же узкий кафтан с узкими рукавами – так называемый стихарий. Плащ может быть коротким или длинным²⁷. На ногах обычно

полусапоги (кампаги). О длиннополых костюмах говорят и греческие писатели: особенно примечательно свидетельство Константина Манасси, рассказывающего, как охотник задирает вверх обычно волоочащийся подол платья²⁸.

Но наряду с этим просторным и длинным платьем внедряется и иная мода, предлагавшая большую подвижность. Это прежде всего «брюки», впервые упоминаемые авторами XII в.²⁹ На одной из миниатюр Мадридского Скилицы, представляющей беседу будущего императора Василия с монахом Диомидом, хорошо видны «брюки» Василия и плотный плащ (л. 83 об.), – видимо, одежда путника, ибо Василий только прибыл в Константинополь.

Вместе с тем, западные наблюдатели XII в. поражались облегающему тело византийскому платью. Одо Дейльскому греки напоминали борцов в одежде, взятой в талию, с узкими рукавами. Такая одежда, видимо, была сходна с западным блио³⁰, однако удивление Одо не позволяет видеть в новаторстве византийских портных XII в. результат западного, «франкского» влияния³¹. В одной из гробниц на острове Бирка были обнаружены фрагменты византийского скарамангия, который, по мнению издательницы, плотно облегал тело и был украшен шелковыми аппликациями³².

Один из основных вопросов, связанных с проблемой средневекового костюма, – выражение в нем или через него социального статуса. Позднеримская одежда, по всей видимости, четко отражала сословную и профессиональную принадлежность: особый костюм был не только особенностью сенаторов, но и таких категорий, как моряки, врачи, правоведы, учителя. Византийское одеяние, насколько мы можем судить при современной неразработанности вопроса, не сохранило позднеримского сословно-профессионального многообразия: здесь отчетливо проступает отличие простонародного костюма (ремесленников и крестьян) – короткая одноцветная рубаша с рукавами, перепоясанная поясом (с напуском), и темные, плотно облегающие ногу чулки-штаны; помимо строителей на миниатюре Мадридской рукописи (л. 141 об. а), в коротких рубашках представлены пахарь, виноградарь и скотовод на иллюстрациях XI в. к гомилиям Григория Богослова (Paris 533, fol. 34–34 v). Другая социальная градация, выраженная в костюме, – между монахом и мирянином, тогда как клирики отличались от мирян лишь относительной простотой своих одежд³³. Наконец, одежда отражала положение человека на чиновной лестнице, начиная от императора, имевшего монопольное право на особые цвета (пурпур и золото) и особые предметы туалета³⁴. Чиновные

градации передавались при помощи цветовой гаммы, аппликаций, поясов и т. д.³⁵.

Византийские писатели XI–XII вв. единодушно подчеркивают стремление своих современников облачаться в дорогие, сверкающие ткани, украшенные золотыми и серебряными нитями и всевозможными вышивками³⁶. На миниатюрах евангельских чтений XI в. даже наемные работники представлены хотя и в коротких рубахах, но с расшитым подолом и воротом (Paris 74, fol. 39 v). Означает ли это «демократизацию» костюма или хотя бы тенденцию преодолеть иерархическую стабильность и косность одежд, со всей определенностью отвечать на этот вопрос еще преждевременно, но все-таки было бы чрезмерной осторожностью вовсе сбрасывать со счетов такую возможность.

История византийской прически пока еще не написана. К. Корре подчеркивает ее стабильность, возводя некоторые ее элементы (завиток на лбу) еще к крито-микенской поре³⁷. Писатели-моралисты XII в., во всяком случае, сетовали на излишнюю заботу современников о своих волосах: некоторые мужчины, по свидетельству Зонары, отпускали длинные волосы, ниспадавшие, как у женщин, чуть ли не до пояса³⁸. В том же XII в. (возможно, под латинским влиянием) появляется в Византии обычай брить бороду, осужденный Евстафием Солунским, Михаилом Хониа-том, Цецом, Гликой и особенно Зонарой³⁹.

Забота об украшении быта, о костюме и прическе открыто противоречила официальному аскетизму предшествующих столетий и находила известные аналогии в изменении отношений общества к вопросу о питании.

Питание «среднего» византийца оставалось довольно скромным. Ели обычно раз или два в день: Кекавмен рекомендовал плотный завтрак и воздержание на обед⁴⁰. Соответственно и монастырские уставы выделяют две трапезы: завтрак после заутрени и обед после вечерни. Утром ели вареную пищу – рыбу, бобы, капусту, приправленные оливковым маслом, вечером – только хлеб с вином, иногда добавляя овощи и фрукты. Хлеб и вино вообще занимали основное место в рационе XI–XII вв.⁴¹, причем византийцы съедали примерно 1–1½ модия зерна в месяц (1 модий пшеницы составлял около 12,8 кг)⁴². Но вот что показательно: литература XII в. отходит от однозначно осуждающего, аскетического отношения к трапезе, от того страха перед дороговизной дичи и отборной рыбы, который еще в XI столетии отличал Кекавмена (Кек., с. 214. 4, 216. 4–5). Евстафий Солунский с восторгом описывает обед, каким его угощали после трудной

зимней дороги (Евст. Соч., с. 311. 42–54), или жирную, белую, омытую вином птицу, начиненную шариками из теста (с. 311. 81 – 312. 27), а Продром наслаждается, перечисляя приправы, украшающие пищу: перец, тмин, мед, оливковое масло, уксус, соль, грибы, сельдерей, порей, латук, кресс-салат, цикорий, шпинат, лебеду, репу, баклажаны, капусту, белую свеклу, миндаль, гранат, орехи, яблоки, конопляное семя, чечевицу, изюм... (Poèmes Prodr., № 2. 38–45). У нас нет данных, чтобы судить о реальном изменении византийского рациона, но, во всяком случае, можно предполагать, что изменилось отношение к пище. Недаром в конце XI в. Симеон Сиф написал специальную книгу о свойствах разных продуктов, отмечая, какая еда полезна и какая вредна и по каким причинам (см. ниже, гл. III).

Античный тип городского жилища-виллы исчез в Византии, по всей видимости, вместе с античным полисом и свойственной ему прямолинейной планировкой кварталов. Византийский город был застроен иррегулярно, новые жилища возводились на месте старых форумов и общественных сооружений (гимнасиев, стадионов, театров)⁴³, городская усадьба представляла собой сложный комплекс, в котором важное место принадлежало хозяйственным сооружениям. Так, во дворе константинопольского «дома» Михаила Атталиата размещалось несколько сооружений и служб, в том числе мельница, приводимая в движение ослом. Она занимала нижний этаж трехэтажного строения⁴⁴.

Археологический материал подтверждает это свидетельство. Городская усадьба византийского Херсона состояла из двора, где размещались кладовка, пифосы с зерном и соленой рыбой, амфоры с водой, вином и оливковым маслом, и дома (одно- или двухэтажного, с земляным полом, обмазанным глиной), возведенного из камня и выходившего на улицу глухой стеной⁴⁵. И коринфское городское жилище – прежде всего хозяйственное сооружение, где жилые помещения сочетаются с мастерской и лавкой⁴⁶.

Сельская усадьба, видимо, немногим отличалась от городской: она состояла из центрального строения, которое могло быть трехэтажной башней с эркером (ММ, XI, 38. 4–5), и всевозможных служб: амбаров, стойл для скота, сараев для соломы, крестьянских домов (ММ, VI, 38. 8–13). Устав монастыря Спасительницы мира упоминает помещения для пифосов и хлебные амбары (Косм., 20. 35), устав Нила Тамасийского – специальный сарай для сельскохозяйственных орудий, металлических изделий и прочих массивных вещей (ММ, V, 419. 3–5).

Помимо солидных домов из камня и кирпича-плинфы, византийцы знали и более скромный тип жилища: душевые хижинки, выстроенные из тростника и крытые соломой⁴⁷, напоминавшие шалаши сторожей в виноградниках, куда сквозь щели проникал холод и дождь⁴⁸. В Неакоми (Малая Азия), свидетельствует Николай Месарит, дома строили не из камня и бревен, но из ивняка, обмазанного глиной⁴⁹. В Каппадокии под жилье в IX–XI вв. использовали пещеры,⁵⁰ в придунайских областях – полуземлянки, причем остается открытым вопрос о том, не произошел ли здесь в XI в. частичный переход от полуземлянок к наземным жилищам⁵¹. По-видимому, спецификой Константинополя были многоэтажные дома – «инсулы». Цец и Анна Комнина упоминают «пяткрышные» строения – по-видимому, пятиэтажные⁵². Жизнь в «инсулах» представлялась византийцу мукой: в одном из писем Цец жалуется на своего соседа, из квартиры которого на голову писателя протекали помои (Цец. Эп., с. 7. 14–25).

Принято считать, что античный обычай мыться в бане всегда сохранялся в Византии. Разумеется, термы продолжали функционировать, но античные гигиенические предписания вряд ли затрагивали широкие слои. На рубеже IX–X вв. понятия о чистоте были довольно скромными: Николаю Мистику кажется позорным ходить с грязным лицом, но грязь на других частях тела, видна она или нет, его уже не смущает⁵³. В каком направлении развивалась византийская гигиена в XI–XII вв., сказать трудно.

По-своему символичен эпизод, которому Вальсамон посвятил эпиграмму: перестройка терм в христианский храм⁵⁴. По свидетельству Кекавмена, в Сервии в начале XI в. баня имелась только за городскими стенами, на горной круче (Кек., с. 174. 28–29), и хотя Сервия в ту пору еще была болгарским городом, византийский автор не выказывает никакого удивления в связи с таким положением дел. Бани имелись и в городах⁵⁵, и в сельских местностях; сельскую баню описывает устав монастыря Спасительницы мира: рядом с баней (видимо, небольшой) находилось помещение для отдыха купающихся; женщины мылись по средам и пятницам, остальные дни принадлежали мужчинам (Косм., с. 66. 17–25). Михаила Хониата поразил убогий вид сельской бани: дверь в домике, топившемся по-черному, не закрывалась, так что моющиеся страдали от дыма и жара и вместе с тем дрогли от проникавшего внутрь холодного воздуха; местный епископ, смеется Хониат, даже не снимал шапки, боясь простудиться в бане (Мих. Аком., II, с. 235. 13–19).

В широких кругах византийского общества баня давно уже перестала быть нормальным элементом быта – ее расценивали скорее как лечебное средство: врачи рекомендовали больным мыться дважды в неделю⁵⁶. Как часто пользовались баней здоровые византийцы, сказать трудно: монастырские уставы XI–XII вв. сообщают разные цифры: от мытья дважды в месяц⁵⁷ до использования бани три раза в год, на большие церковные праздники⁵⁸; наиболее частая цифра – ежемесячно⁵⁹, но Продром смеется над монахом, не бывающем в бане от Пасхи до Пасхи (*Poèmes Prodr.*, p. 52. 80–81).

Лишь сравнительно недавно был поставлен вопрос о проникновении демократических тенденций в византийскую утварь и тесно связанное с ней прикладное искусство. И в этой сфере новые тенденции давали о себе знать не очень отчетливо, и скорее можно догадываться об их существовании, нежели четко констатировать их направленность. Один из наиболее ощутимых показателей – подъем провинциального керамического производства в XI–XII вв. Красноглиняные поливные блюда со стилизованными изображениями рыб, животных, виноградных гроздьев, которые повсеместно находят в слоях этого времени, были посудой состоятельных горожан и отражали их эстетические вкусы. Они далеки как от господствующего спиритуализма, так и от неоклассицизма, насаждавшегося в послеиконоборческий период, и представляют, по выражению А. В. Банк, «некоторое третье течение, не просто светское, но и в известной степени более демократическое, порожденное, как нам представляется, идеологией и вкусами городских слоев византийского общества»⁶⁰. По всей видимости, к «демократическим» (или «провинциальным») должен быть отнесен ряд памятников с традиционными иконографическими сюжетами, происходящих из провинциальных городов, и в частности серия стеатитовых иконок XI–XII вв. из Херсонеса с изображением сцен Благовещения, Рождества, Вознесения или св. воинов⁶¹. Параллель к херсонским изделиям можно видеть в стеатитовой иконке конца XI – начала XII вв., найденной в Черномаснице (близ Видина) и представляющей св. Димитрия с непропорционально большой головой и тонкими ногами⁶².

Широко распространенные по всему Средиземноморью бронзовые портативные мощехранилища-энколпионы со схематическими, нередко уродливыми человеческими фигурами, выполненными в низком рельефе, подчас снабженные греческими, не всегда грамотными легендами, обычно считаются изделиями

восточных областей византийского мира. Хотя время изготовления этих энколпионов определяется в широком интервале – от IV до XII вв., скорее всего, они должны быть датированы концом этого большого периода⁶³. Во всяком случае, находки аналогичных энколпионов (один из них с изображением св. Георгия) в Молдавии отнесены к X–XII столетиям⁶⁴.

Археологические находки, во всяком случае, свидетельствуют о существовании местного ювелирного производства в эти века: так, в Преславе была найдена незавершенная бронзовая матрица для отливки иконок, которую издатель, основываясь на иконографических особенностях, отнес к XI в.⁶⁵.

К «демократическим» («провинциальным») формам прикладного искусства могут быть отнесены также некоторые изделия из кости, как, например, гребень с изображением павлина и Геракла (или Самсона?), разрывающего пасть льву. Найденный в Саркеле – Белой Веже, он датируется, скорее всего, XI в. Рельеф гребня далек от классических прототипов: мастер не заботился ни о правильности пропорций, ни о перспективе⁶⁶. К тому же типу изделий принадлежат костяные пластинки из Херсонеса с изображением грифонов, льва и лани⁶⁷ и найденные там же фрагменты ларца, бывшего огрубленной копией константинопольского оригинала⁶⁸.

«Демократическое» воздействие на прикладное искусство проявляется не только в «огрублении» форм, характерном для многих изделий, происходящих из провинциальных центров. Не менее существенной явилась и бытовизация тематики сцен на художественных изделиях.

Не приходится специально говорить о сохранении библейско-агиографического слоя изображений на памятниках прикладного искусства XI–XII вв. Античная тематика, получившая сильный импульс на рубеже IX и X вв., также занимает важное место как на серебряных изделиях, так и особенно на памятниках слоновой кости⁶⁹. Примером может служить серебряная курильница (ныне мощехранилище-реликварий) XI–XII вв. из собрания собора св. Марка в Венеции с ее аллегорическими фигурами, путти и кентаврами⁷⁰; античные историко-мифологические сюжеты в изобилии наличествуют на ларцах слоновой кости⁷¹. А вместе с тем в византийское прикладное искусство внедряются и новые темы. Отображение на рельефах ларцов X–XI вв. «ремесленной» тематики (Адам в виде кузнеца вместе с Евой, раздувающей меха)⁷² до какой-то степени свидетельствует о том, что интерес к этой сфере деятельности становится модой даже

в аристократических кругах, для которых изготовлялись изящные ларцы слоновой кости.

Бытовые сцены проникают и в византийскую торевтику. На так называемой венгерской короне, изготовленной по приказанию Константина IX и украшенной эмалью, мы видим императора в окружении двух правительниц – Зои и Феодоры, а также аллегорических фигур добродетелей (Истины и Смирения) и танцовщиц. По вполне правдоподобию суждению А. Грабара, на короне представлена сцена из частной жизни константинопольского двора. Грабар считает корону Константина IX уникальной среди византийских памятников и ищет ей параллели в мусульманском государстве⁷³. Однако сохранилось еще одно произведение византийской торевтики с изображением сцен частной жизни. Это византийская серебряная чаша XII в., найденная близ с. Березово в Зауралье, с семью поясами клейм, в которые вписаны рельефные фигуры людей, зверей, птиц, мифологических существ – сирен и кентавров. Верхний пояс представляет пирующую царицу в окружении слуг, музыкантов, акробатов, танцоров. Музыканты сидят, по-восточному поджав ноги, в длиннополых кафтанах с каймой по подолу. Среди инструментов псалтирь (тип арфы), лютня, флейта, труба, кимвалы, барабан. Танцоры – в длинных одеждах: двое пляшут под аккомпанемент лютни, двое сидят на подушках, взмахивая в такт руками. Акробаты делают стойку на руках, стараясь ртом дотянуться до кубка⁷⁴. На другой серебряной чаше (из с. Вильгорт в Приуралье) в медальоне представлены юноша-арфист и девушка, окруженные зверями и птицами, а также византийские всадники, преследующие лучников-сельджуков. Сходная чаша найдена и в Чернигове⁷⁵. Анонимный поэт XII в. описывает золотой сосуд, украшенный, как он пишет, необычайным образом, ибо по поверхности чаши художник изобразил одетого в пурпур императора Мануила, громящего и преследующего вооруженного к битве вождя «персов» и бесчисленное войско иконийцев (т. е. сельджуков)⁷⁶.

Наряду с военными и охотничьими сценами (см. ниже) мастера византийской торевтики охотно обращались к народным преданиям, среди которых особенно популярной становится легенда о вознесении Александра Македонского на небо. В ней античная традиция, народная фантазия и христианская мечта о небе сливаются в причудливую амальгаму. На чаше из собрания Базилевского полет Александра на небо представлен в двух вариантах: в одном случае герой поднимается верхом на огромной птице, в другом он держит копьё с приманкой для двух грифонов,

возносящих царя⁷⁷. Тема полета царя на двух грифонах разработана и на мраморном рельефе XI–XII вв. с фасада собора св. Марка в Венеции⁷⁸ и на эмалевом медальоне XI в. с Палатин⁷⁹.

Роскошные памятники серебротелия XII в., конечно, не были предназначены для бытовых нужд рядовых горожан⁸⁰, но тем показательнее, что даже авторы этих изделий, украшенных чеканкой, гравировкой и позолотой, искали свои сюжеты не только в библейской сфере или в античной мифологии, но также в живой жизни и в народных преданиях.

Более того, светская тематика захватывала даже прикладное искусство, связанное с императорским церемониалом. В конце XII в. придворный оратор Иоанн Каматир в речи, обращенной к императору Андронику I, говорил о «законе», который существовал у ромеев (Каматир признается, что не знает, есть ли такой закон у других народов) и согласно которому не только на общественных изображениях, но и на царских венцах представляли побежденных варваров, приносящих дань города и охотничьи сцены. Все это, согласно Каматиру, должно было служить прославлению государя (Fontes, 2, p. 244. 21 – 245. 107).

В какой-то степени иллюстрацией к словам Каматира может служить рельеф на ларце слоновой кости из сокровищницы собора в Труа, подаренный местному епископу в 1204 г. и датируемый обычно, на основании общестилистических соображений, началом XI в. Окрашенный пурпуром ларец явно принадлежал к кругу императорских сокровищ. Он представляет василевса победителем варваров в боевом вооружении, а на других сторонах – охотником на льва и на кабана. Вместе с императором на ларце изображена женская фигура, символ Константинополя, приветствующая царя⁸¹.

Так воинские успехи, охота и пир занимают в XI–XII вв. важное место в тематике прикладного искусства бок о бок с библейскими преданиями и античным миром.

«Демократизация» быта, его десакрализация, некоторое упрощение церемонности отразились и в характере византийских празднеств, где зрелищно-официозный момент стал отступать на задний план, все больше давая место приватному началу и активному соучастию народа. Позднеантичные ристания, пользовавшиеся такой популярностью в первые века византийской истории и в известном смысле включенные в программу государственного ритуала, если и не исчезли вовсе к XI–XII вв.⁸², то заняли место где-то на периферии общественной жизни⁸³. Напротив, все более рас-

пространяется тяга к карнавального типа празднествам, сопровождавшимся маскарадом, пьянством, грубыми, подчас скабрёзными шутками. Изображение пирушки с участием танцоров и акробатов стало, как мы видели, центральным сюжетом на серебряной чаше из Березова. Писатели XI–XII вв. знают о гуляниях гораздо более массовых, нежели «пир царицы» на Березовской чаше. Христофор Митиленский в большом, но сильно испорченном (в рукописи) стихотворении описывает шествие переодетых учеников нотариев в день свв. Маркиана и Мартирия⁸⁴. О подобных маскарадах рассказывает и Вальсамон: он возмущается, что во время январского праздника актеры изображали монахов и клириков и, напротив, духовные лица переодевались воинами и даже животными⁸⁵. Вальсамон описывает праздник, который был запрещен патриархом Михаилом III (1170–1178): его отмечали 23 июня, собираясь по домам и торжественно облачая старшую из дочерей невестой. После застолья и плясок в бронзовый кувшин наливали морской воды и бросали разные предметы; затем к девушке-невесте обращались с вопросами, а она в ответ вытаскивала какую-нибудь вещь из кувшина, и присутствующие гадали, сулит ли это удачу или несчастье. На завтрашний день участники гаданий шли с бубнами к морскому берегу, набирали воду и обрызгивали жилища, жгли костры из соломы и прыгали через них, сплетали венки из листьев, а дом, где проводилось гаданье, украшали шелковыми одеждами (PG, t. 13, col. 741 BD).

Случайно ли, что одновременно с описанием таких языческих праздников писатели XII в. сохранили жалобы на пренебрежение церковными обрядами? Афинский митрополит, прибывший в Солунь, с удивлением констатировал, что городские храмы пустуют⁸⁶. Зонара негодует, что дни святых мучеников превращаются в непристойные празднества: ему кажется постыдным говорить об устраиваемых в эти дни плясках, столь гнусных, что благочестивым женщинам приходится поспешно бежать из церкви (PG, t. 138, col. 248 AB).

В то же время распространяются и «тихие игры». Анна Комнина жаловалась, что изучение возвышенных предметов заброшено и главным занятием знати стали шашки и другие нечестивые развлечения (Ан. К., 3, с. 218. 14–17). В ее словах чувствуется преувеличение рассерженной на все и вся старухи, но тенденция, отмеченная Анной, видимо, отвечала действительности.

Пристрастие к скоморошеству, к грубым развлечениям захватило константинопольский двор, резко контрастируя с торжественной церемонностью «небесного порядка», представлявшегося

идеалом Константину VII Багрянородному. Если поверить Пселлу, император Константин IX был жизнерадостным весельчаком, постоянно улыбающимся, любящим озорную шутку⁸⁷. Двери царской опочивальни никогда не запирались, и царский шут и советник Воила мог внезапно ворваться к государю далеко за полночь и насмешить его рассказом об украденной лошади (Пс. Хрон., II, с. 34, § 132. 3–8, с. 39 и сл., § 142. 3–25). Посреди сада Мономах приказывал выкопать ямы, искусно прикрыв их сверху, так что гости василевса не замечали опасности и неожиданно проваливались сквозь землю, а он смеялся над их потешной паникой столь же чистосердечно, как и над Воилой, нарочно коверкавшим слова (Пс. Хрон., II, с. 70, § 201. 3–11).

Обмирщение захлестнуло византийскую церковь⁸⁸. Евстафий Солунский возмущается тем, что монахи увязают в мирских интересах: пожертвовав одними волосами, во всем остальном они остаются прежними мирянами, торгующими, разводящими скот, возделывающими виноградники. На сходке монастырской братии отец-игумен беседует не о божественном, но рассуждает о том, какая земля дает хороший виноград, какой надел плодороден, о работниках, об оливковом масле, о смоквах – и уж конечно не о евангельской притче о засохшей смоковнице, но о приносимом ею доходе. Монахи невежественны и лицемерны. Они трутся в толпе, бранятся на рынке, вступают в связи с женщинами. И пусть обычно они завешивают лицо почти до рта, стоит монаху заметить что-нибудь непристойное, как его черная повязка взлетает на самое темя⁸⁹.

Переписка Пселлы знакомит нас с одним византийским монахом XI в. – приятелем Пселлы. Этот Илья – обжора и волокита, знающий топографию всех константинопольских борделей, весельчак, ловко разыгрывающий занятные сценки, а вместе с тем грамотный и наблюдательный человек, много путешествовавший и ведущий жизнь, которую Пселл называет «философской». Илья, говорит Пселл, сочетает служение музам (научные интересы) с почитанием харит (изящными искусствами). Монах «нового склада», он во многом близок самому писателю⁹⁰.

Византийский монастырь XI–XII вв. предстает перед нами как сложная и противоречивая социальная группа. Как религиозный дубликат действительности и идеальный институт он мыслится независимой общиной совершенных лиц, своего рода «ангельским сообществом», но тем ярче бросается в глаза относительная слабость монашеской корпорации. Уже в предшествующий период характерным типом монастыря в сельской местности стано-

вится так называемая лавра, где общежительность сочетается с келлиотством и киновия выступает в окружении подчиненных ей анахоретов разного типа. В такой лавре, по словам Христулу (ММ, VI, р. 61. 8–9), монашеская толпа была одновременно разделенной и объединенной⁹¹. В конце XII в. Вальсамон отметил, что до его времени киновии почти не сохранились: монахи мужских обителей не живут совместно, и только в женских кое-где удерживались совместная трапеза и обитание. И Вальсамон прямо противопоставляет византийские порядки латинским: на Западе, по его словам, все монахи и ели, и спали совместно (PG, t. 138, col. 176 CD). Обычай келлиотства и обилие мелких монастырьков придавали византийскому монашеству «семейный», а не общинно-корпоративный облик. Отсутствие орденов и ограниченность межмонастырских связей усиливали индивидуализацию обителей, и даже в таких монашеских «республиках», как Афон, высшая власть прота оставалась номинальной. Внутри монастыря существовали всевозможные градации, как новые, связанные с монашеским статусом человека, так и старые, обусловленные мирскими связями и размерами вклада. Более того, иноки обладали личным имуществом и могли передавать его по своей воле⁹². Все это вело к внутреннему разобщению монашества⁹³.

По всей видимости, изменяются в XI–XII вв. и структура византийской семьи, и положение женщины. Семья была наиболее устойчивой микроструктурой византийского общества, что усугублялось слабостью корпоративных связей в Византии, рыхлостью общин и цеха⁹⁴. Кекавмен расценивает семью как отгороженный от окружающих мирок, куда нельзя допускать постороннего: чужой человек, даже друг, проникнув внутрь семейного круга, захочет и сумеет соблазнить кого-нибудь из женщин, вызвать домашние порядки и тайны, осмеять и опозорить семейный уклад. Добрая жена, по Кекавмену, – половина жизни, надежный залог счастья. Он требует беспрекословной верности супругов и осуждает даже повторный брак после смерти жены. Впрочем, и за хорошей супругой надо следить внимательно, чтобы она не поддавалась женской слабости и не изменила мужу. Воспитание детей – одна из важнейших забот, и Кекавмен требует от младших смешанного со страхом почтения к главе семьи, хотя и рекомендует старшим добиваться этого не розгами, а добрым обхождением. Дочерей он советует держать взаперти, старательно скрывая от глаз посторонних мужчин⁹⁵.

Что такая «домостроевская» структура семьи – не только литературный идеал Кекавмена, свидетельствует его современник

Атталиат: описывая землетрясение 1063 г., он замечает, что женщины, обычно пребывавшие внутри домашних покоев, забыв стыд, выбежали наружу (Аттал., с. 88. 13–15): порядочной матроне и девушке не следовало без нужды появляться на людях. Самая одежда византийских женщин XI в. подчеркивала их отрешенность от общественной жизни: они не только старательно закрывали руки и ноги длиннополыми рубашами и плащами, но, выходя на улицу, прятали лицо под полотняным платком (Ан. К., I, с. 78. 29). Византийцы строго различали мужскую и женскую одежду и запрещали женщинам появляться в мужском костюме⁹⁶. Миниатюра Мадридского Скилицы (л. 46 об.), представляющая обиженную вдовушку перед императором Феофилом, раскрывает различие обоих типов одежды: помимо того, что женский прямой кафтан (без напуска) длиннее мужского и скрывает особенности фигуры, вдовица с миниатюры носит, в отличие от стоящих рядом с ней мужчин, накидку и одного с ней цвета платок (мафорий) на голове.

Вся эволюция византийской семьи с VI столетия вела к упрощению семейных связей, к превращению семьи в основную общественную ячейку, к ритуализации отношений между супругами. Постановление императора Алексея I, практически приравнявшего помолвку к бракосочетанию, сделавшего обряд помолвки нерасторжимым, завершило эту линию развития⁹⁷. И одновременно с этим стала ощущаться противоположная тенденция — к диссоциации семейной ячейки. С одной стороны, это вызывалось формированием «линьяжей», т. е. родственных групп более широкого масштаба, нежели малая семья. Такие линьяжи, связанные взаимной поддержкой, сцементированные понятием «родовой чести», зафиксированы, во всяком случае, в аристократической среде; семейные отношения рядовых византийцев, как правило, не попадают в наше поле зрения. С другой стороны, «демократизация» быта, нарушение традиционной чинности создавало трещины в домостроевских порядках.

[Этот сдвиг отразился в изменении отношений внутри правящей династии. В VII в. дяди и двоюродные братья императора рассматривались как его соперники и потенциальные враги. Лишение языка или ослепление было почти непременной их участью. Некоторые следы подобного отношения встречаются и позднее, например, в словах Иоанна Дуки, который советовал императору Никифору III взять в жены грузинскую княжну Марию, потому что у нее, как у иностранки, нет родственников, которые могли бы беспокоить василевса (Ан. К., I, с. 107. 25–26). Напротив, преемник Никифора, Алексей I, руководствовался противо-

положными принципами, видя в родственных связях главную поддержку своего трона*.]

Если приглядеться к историческим женским образам XI столетия, то почти на всех из них обнаружится печать гинекея. Императрица Зоя, вокруг которой плелось столько интриг во второй четверти XI в., была далека от политических вожделений. Она выше всего ценила мази и притирания и устроила в царских покоях настоящий эргастий для их приготовления. Она выступает не властной правительницей, а скорее жертвой своих фаворитов: то Михаила V, пытавшегося низложить ее, то Константина IX, открыто ей изменявшего. Но поздно выданная замуж Зоя, во всяком случае, любила мужчин; напротив, ее сестра Феодора сохранила целомудрие, одну из основных монашеских добродетелей, и замуж не выходила; она еще меньше сестры стремилась к реальной власти и оставалась послушной куклой окружавших ее придворных евнухов. Склирина, счастливая соперница Зои, была верной возлюбленной Константина Мономаха; современники оценили ее красоту и мягкий характер, но они молчат о политических амбициях подруги императора. Встречались и женщины твердого склада. Такова, прежде всего, жена некоего Артоклина, которого в какой-то момент прочили в мужа все той же Зое: его жена предпочла отравить мужа, нежели развестись с ним, но и эта твердость выросла из узкой замкнутости гинекея и выдает не политический, а «домостроевски»-собственнический характер дамы, чье имя не сохранили историки.

Уже в панегирике Георгия Торника византийской принцессе Анне Комнине мы можем заметить столкновение «домостроевских» принципов с новым пониманием семьи и брака. Анна получала, надо думать, воспитание в духе дочерей Кекавмена; Георгий Торник, прославив ее царственных родителей, замечает тем не менее, что они не придавали значения образованности, во всяком случае светской, и относились к «внешнему знанию» с той же подозрительностью, с какой чадолюбивые матери встречают свах, опасаясь, как бы те не возбудили девиц к недостойной любовной страсти (Георг. Тор., с. 243. 10 – 245. 1). Анне приходилось тайно от матери изучать «возлюбленную грамматику», подобно тому (Торник продолжает ту же линию сравнений) как девица скрытно, через случайные щелочки разглядывает жениха (с. 245. 25–26). И только выйдя замуж за кесаря Никифора

*[Change... P. 101].

Вриенния, Анна нашла у мужа (полководца и писателя) поддержку своим ученым интересам и стала ему подругой во всех его занятиях, несмотря на то что служба родителям и забота о детях отвлекали ее от творчества (с. 257. 13–16)⁹⁸.

Действительно, в литературе XII в. перед нами предстает отнюдь не кекаменовский («домостроевский») образ женщины – тихой обитательницы внутренних покоев. Народные стихи Продрома воссоздают образ властной домохозяйки, которая держит своего жалкого мужа под башмаком, лишая его обеда, так что бедняге приходится, переодевшись нищим, в собственном доме вымаливать пропитание (Poèmes Prodr., № 1). Конечно, стихи Продрома – забавная шутка, рассчитанная на то, чтобы развлечь его высокого адресата, императора Иоанна II, но во всякой шутке заключена какая-то доля действительности.

Перенесемся из мира состоятельных горожанок, описанных и осмеянных Продромом, к византийской элите, виднейшие представительницы которой запечатлены в исторических сочинениях конца XI–XII вв., и мы встретим теперь в этой среде иных дам, нежели Зоя и Склирина*. Начиная с Анны Даласины, матери Алексея I, которая даже официально числилась соправительницей сына, следует ряд властных женщин, не удовлетворявшихся атмосферой гинекея и вмешивавшихся в политическую жизнь. Среди них – Ирина Дукена, супруга Алексея I, не только сопровождавшая повсюду мужа, но и интриговавшая против собственного сына, Иоанна II; ее дочь, уже упомянутая Анна Комнина, писательница, меценатка, глава литературно-политического кружка, находившегося в оппозиции к Мануилу I. Севастократориса Ирина, вдова Андроника (второго сына Иоанна II), покровительствовала многим ученым и писателям. И она, подобно Анне Комнине, долгое время была в оппозиции к своему деверю, Мануилу I. По ее поручению и от ее имени Продром написал большое стихотворение (оно включало, между прочим, некоторые народные обороты), адресованное царю, где Ирина дерзко порицала несправедливость василевса, подвергшего ее незаслуженным гонениям (см. ниже). Мария Комнина, дочь Мануила I, вместе с мужем кесарем Иоанном (Ренье Монферрат) фактически возглавляла в 1184 г. заговор знати, который привел к вооруженной борьбе на константинопольских улицах. В конце XII в.

* [См. *Laiou A. The Role of Women in Byzantine Society* // JÖB. 31/1. 1981. P. 242, 251–254].

Евфросиния, жена Алексея III Ангела, вершила государственные дела – именно к ней приходилось обращаться тем, кто искал царской милости. Обвиненная в супружеской неверности, она была удалена из столицы, но через несколько месяцев сумела оправдаться и вернула себе прежнее положение.

Старые семейные традиции дали еще одну трещину: адюльтер, который казался Кекавмену недопустимым и который, конечно, существовал и в его время (можно напомнить хотя бы о Склирине, открыто жившей во дворце и даже пользовавшейся покровительством Зои, царственной супруги ее возлюбленного), в XII в. приобрел невиданное распространение, во всяком случае в придворных кругах. Мануил I, живший с собственной племянницей Феодорой, показывал пример в этом отношении. Связь Мануила с Феодорой была настолько «официальной», что супруга царя, Берта Зульцбахская (Ирина в византийском именовании), оказалась в полном пренебрежении и доживала жизнь, занимаясь благотворительностью и воспитанием дочери. Хотя Феодора была выдана замуж (за севаста Никифора Халуфа), ее сын от Мануила Алексей открыто признавался сыном василевса и носил соответствующий титул севастократора; Андроник I выдал за него свою (тоже побочную) дочь Ирину и некоторое время считал наследником престола.

Любовные похождения Андроника, двоюродного брата Мануила I, неоднократно описывались в исторической литературе⁹⁹, и мы еще будем иметь повод вернуться к ним. Адюльтеры Мануила I и его двоюродного брата Андроника – не просто измены. В отличие от законных супружеских отношений, имевших политическую или имущественно-генеалогическую природу, эти романы пропитаны страстью и готовностью жертвовать; пусть они кратковременны, один сменяется другим, они определяются только чувством, а не расчетом, и чувство заставляет преступать все этические и религиозные нормативы: с каким-то удивительным постоянством Андроник (как, впрочем, и Мануил I) находил себе возлюбленных среди близких родственников и свойственников, пренебрежительно отбрасывая не только супружескую верность, но и нормы гражданского и канонического права, строжайше запрещавшего кровосмешительство.

Из разнородных и скудных свидетельств складывается все-таки довольно правдоподобная картина: в XI-м и особенно в XII вв. происходит известная «демократизация» византийского быта, ослабление торжественно-упорядоченной церемонности с тем аскетическим оттенком, который был столь характерен для X столетия. Хотя это речевое и бытовое «новаторство» затраги-

вает и аристократические слои (а в силу односторонности источников подчас кажется, что оно проявляло себя исключительно в элитарной среде), оно, скорее всего, было связано с тем усилением урбанистических начал, которые давали себя знать по всему Средиземноморью, в том числе и в Византии.

Значительно отчетливее, чем тенденция к «демократизации», проступает в византийском общественном сознании иная – аристократизирующая – тенденция. Традиционное, восходящее к Агапиту и «Стратегикону» Маврикия представление о том, что родовитость не составляет особой ценности*, еще сохраняется у некоторых писателей XI в., прежде всего у Кекавмена, противопоставляющего бедным и простецам богатых и чиновных, но не родовитых людей и осмысляющего «благородство» как этическое качество, а не как свойство «крови», происхождения. Но уже у его современника, Михаила Пселла, представлена иная, более сложная и противоречивая концепция. С одной стороны, Пселл постоянно отождествляет благородство с моральными достоинствами и талантами человека, не считая, что происхождение сколько-нибудь существенно определяет судьбу и поступки людей. С другой стороны, он знает, что для многих его современников родовитость – непререкаемая ценность, и сам возмущается, когда какой-нибудь «подонок», человек низкородный, втирается в ряды вельмож. Пселл с несомненным одобрением относится к мероприятиям Константина IX, который соблаговолил назначать высших чиновников не по принципу родовитости. Разве можно, восклицает писатель, пополнять синклит из одних родовитых людей и допускать во дворец только прославленных происхождением, даже если их ум ущербен и их отличает лишь спесивость и чванство? (Сафа. МВ, IV, с. 430. 28 – 431. 11)¹⁰⁰. А вместе с тем он осуждает «чрезмерную» вертикальную мобильность современного ему общества. Ему кажется, что в процветающих государствах древности знатные и благородные были отделены от людей незнатных. «У нас же, – сокрушается Пселл, – это благо в пренебрежении, и благородству не придают ни малейшего значения». В Византии, если верить Пселлу, начальниками часто

* [Маврикий требует от восначальника лишь благочестия и справедливости, не упоминая об аристократическом происхождении (см.: *Das Strategikon des Maurikios* // Ed. G. T. Dennis. Vienna, 1981. S. 70. 36; см. комментарий Г. Острогорского: *Observations on the Aristocracy in Byzantium* // DOP. 25. 1971. P. 4 f.). Об Агапите см.: *Henry P. A Mirror for Justinian: The Ekthesis of Agapetus Diaconus* // GRBS. 8. 1967. P. 307 f.]

становятся купленные у варваров рабы и власть вручается не Периклам или Фемистоклам, а лишенным чести Спартакам¹⁰¹. Пселл как бы ощущает недостаток аристократизма в византийском обществе, его смущает и возмущает византийская социальная открытость¹⁰².

И для Атталиата родовитость – несомненное достоинство. Своему герою, Никифору Вотаниату, он создает фиктивную генеалогию, возводя его род не только к Фокам X столетия, но и к римским Фабиям, славным и родовитостью, и блестящими деяниями. В отличие от Пселла, Атталиат рядопологает знатности такое «рыцарское» качество, как воинская доблесть¹⁰³. Эта тенденция Атталиата тем более примечательна, что сам он человек незнатный и гражданский (он служил по судебному ведомству), проявлявший, как мы видели, внимание к урбанистическим элементам*.

Аристократ-полководец становится героем исторического повествования. Если у Атталиата это оправдано тем, что Никифор Вотаниат сделался в конце концов государем и его воинские подвиги лишь предуготовляют его вознесение на «царственную высоту», то любимый герой Скилицы – полководец Катакалон Кекавмен, деяния которого заслоняют венценосных персон. Историк подробно излагает его успешную тактическую хитрость при обороне Мессины, его победу над русскими, удачные действия против Аплесфара (Абу-л-Усвара); Катакалон подает умные советы, которые, однако, не принимают другие военачальники, отчего битвы против турок и печенегов оказываются проигранными несмотря на личное мужество Катакалона; он, наконец, стоит в центре рассказа о мятеже против Михаила VI, и только его скромность, по Скилице, приводит к тому, что не его, а Исаака Комнина провозглашают новым царем. Хроника завершается двумя равноценными для автора эпизодами: 31 августа 1057 г. Катакалон Кекавмен, получивший титул куропалата, вступил во дворец, а 1 сентября того же года Исаак Комнин был коронован в церкви св. Софии¹⁰⁴.

Еще отчетливее аристократизм повествования проступает в «Записках» Никифора Вриенния. В его представлении история разворачивается не как результат действий императора, его врагов и поставленных им должностных лиц, – она превращается в столкновение противоборствующих знатных фамилий: Дук,

* [Вряд ли Атталиат писал, чтобы возвеличить сословие, к которому принадлежал; он скорее отразил в своем труде какой-то значительный идеологический сдвиг (Change... Р. 105).]

Комнинов, Вриенниев. Знатные герои Вриенния – прежде всего мужественные воины, чья деятельность характеризуется постоянными эпитетами «доблестная», «отважная», «славная». Они уважают своих противников: Алексей Комнин поражался облику и росту узурпатора Никифора Вриенния (деда или отца писателя) и радовался победе над таким полководцем, сильным, смелым и стойким, обладавшим душой героя (Вриен., с. 145. 7–11). И о других аристократах Вриенний говорит с почтением: Аргир – муж благородный и богатый (с. 107. 8–10), Георгий Палеолог – доблестный (с. 118. 3–6), Алексей Харон – разумный, сильный и смелый (с. 19. 6–7), Иоанн Тарханиот – опытный воин¹⁰⁵ и т. д., в отличие от негодного евнуха Никифорицы, или другого евнуха, чванливого и трусливого Иоанна, или безродных слуг Вотаниата – Борила и Германа.

Сочинение Никифора Вриенния, – пожалуй, наиболее аристократическая византийская история того времени, где образ родовитого воина представлен в самом обобщенном и идеализированном виде. Сам крупный феодальный сеньор и полководец, кесарь Вриенний – в полном смысле слова идеолог комниновской военной аристократии. Из иной прослойки господствующего класса вышел Иоанн Зонара, огромная хроника которого, начиная от сотворения мира, доводит изложение примерно до того же времени, что и «Записки» Вриенния, – до царствования Алексея I. Если из массы компилятивного материала, включенного в «Хронику» Зонары, извлечь его самостоятельные суждения, возникает довольно последовательная политическая концепция. Он весьма сдержан в оценке военной аристократии, его идеал – гражданская знать. Вину Василия II Зонара усматривает в том, что император пренебрегал разумными людьми, отличавшимися родовитостью или образованностью (Зон., III, с. 561. 11–14). Об Алексее I историк говорит еще яснее: «Он не читил и не заботился должным образом о членах синклита, но скорее старался унижить их» (с. 766. 17–19). Зонара – выразитель чаяний высшей чиновной знати, критически относящийся к династии Комнинов¹⁰⁶, но и он, подобно Никифору Вриеннию, безоговорочно приемлет принцип родовитости и с аристократическим пренебрежением относится к «черни», к простонародью. Он откровенный защитник имущих, заботящийся об охране их собственности. В духе этой концепции он толкует 11-е правило Халкидонского собора, подчеркивая, что бедняк не должен пользоваться преимуществом в суде и долг с бедняка надлежит взыскивать по всем правилам (PG, t. 137, col. 429 C). Тем самым Зонара явно отходит от норм

социальной этики X в. [Феодор Продром также не был аристократом, однако его энкомии, адресованные знатным людям из клана Комнинов, можно с полным правом отнести к жанру «аристократического панегирика», получившего широкое распространение с конца XI в. Продром на этом поприще имел предшественника в лице Николая Калликла, полуофициального энкомиаста династии Комнинов. Продром восхваляет традиционные для этого жанра ценности – воинскую доблесть, физическую силу, богатство – именно как атрибуты идеального аристократа; знатность рождения ставится им превыше всего*.]

Идея родовитости становится общим местом в сочинениях писателей XII в. Ее прославляют Евстафий Солунский, Никита Евгениан – люди, вышедшие из разных общественных слоев¹⁰⁷. Подлинный апофеоз родовитости – монодия Константина Манаси Никифору Комнину, внуку кесаря Никифора Вриенния. Писатель не удовлетворяется констатацией благородства и «высокой крови» покойного, он утверждает, что его герой происходил от царей, но не от Пелопса или Кекропа, негодных людишек, не истинных эллинов; Никифор – потомок двух знатных семей (имеются в виду Комнины и Дуки), которые, смешав героическую кровь, создали прекраснейший из родов, гордый не мифами, не происхождением от нечестивых божеств, но силой, великим умом и воинским дарованием. Если кто-нибудь захочет подняться к началам рода Никифора и познакомиться с первыми корнями, ему представится новый список героев, куда более величественный и божественный, чем каталоги всевозможных богорожденных (Конст. Манас., с. 305. 79–97, 306. 103–106). Впрочем, не все современники Манаси испытывали подобное восхищение перед родовитостью. Мы не найдем его у Киннама. Михаил Италик явно смеется над пустыми генеалогическими разысканиями (Мих. Итал., с. 148. 18–24), а Евфимий Торник осуждает тех, кто надувается от своего благородства и попусту преисполняется спеси (Евф. Тор., с. 96. 18–28).

Как бы то ни было, можно считать вполне вероятным, что с конца XI в. понятие родовитости внедряется в византийском обществе. С этим связано, по всей видимости, и становление обычая давать фамильные имена (патронимы), которые спорадически появляются уже с конца IX в., но становятся правилом только с XI столетия. Этот обычай применялся в XI–XII вв. еще

* [Changc... P. 107–108.]

не последовательно-патрилинейно: человек мог носить фамилию не отца, а матери или даже бабки по материнской линии. И все же патронимы создавали представление о существовании прочных связей за пределами малой семьи, о линияжах и родах, и соответственно о родовой славе и родовой чести.

Византийские фамильные имена возникали то из библейских или античных имен, то из преномов, то из насмешливых прозвищ. Иногда они восходили к названиям городов, областей или маленьких местечек, к названиям должностей или торгово-ремесленных профессий. Гражданская знать, чьи патронимы чаще связаны с названиями профессий или константинопольских районов, чем у военной аристократии, любила украшать себя именами, основанными на наименованиях достоинств (Евгенианы – «благородные», Ириники – «миролюбивые», Офеомахи – «змееборцы» и т. п.)^{*}.

Аристократизация византийского общества приводила и к некоторой перестройке представлений об идеале василевса. Традиционные воззрения, восходящие к Агапиту и Феофилакту Симокатте, отражались в официальной схеме, положенной в основу преамбул к императорским грамотам. Согласно этим преамбулам, византийский император богоизбран и пользуется божественной помощью, отвечая со своей стороны любовью к Богу и стремлением подражать ему, что выражается в заботе о подданных, правосудии, человеколюбии и щедрых благодеяниях¹⁰⁸. К концу X столетия создается новое представление об императорском идеале, в котором первостепенную роль играют рыцарственные добродетели – воинская доблесть и благородное происхождение. Новый идеал формируется вокруг образа Никифора Фоки. Он находит отражение в разнородных памятниках конца X в., включая стихи Иоанна Геометра, поэму Феодора Диякона на взятие Крита и «Историю» Льва Диякона, и, вполне возможно, восходит к устной (народной?) легенде или к сочинению, возникшему в окружении Фок. Сильный налет монашеского благочестия, лежащий на идеальном образе Никифора Фоки, свидетельствует, что византийский рыцарственный идеал конца X в. еще не подвергся десакрализации.

^{*} [Связь с линияжем можно увидеть и в архитектуре эпохи, см.: *Grierson P. The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042)* // DOP. 16. 1962. P. 21 f.; *Megaw A. H. S. Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul* // DOP. 17. 1963. P. 335 f.; *Gautier P. L'obituaire du Typicon du Pantokrator* // REB. 27. 1969. P. 247; *Babić G. Les chapelles annexes des églises byzantines*. Paris, 1969.]

Образ императора-рыцаря был новаторским в конце X в.; он, во всяком случае, еще не воплотился в «Жизнеописании Василия I», созданном в кругах, близких к Константину Багрянородному, в середине столетия: если легенда о царственных предках македонского крестьянина отразилась в этом памятнике, то о его боевых подвигах автор почти не говорит – образ полководца совершенно заслонен образом справедливого администратора. Более того, рыцарственный идеал василевса удержался в византийской литературе недолго. В середине XI в. Мавропод противопоставлял воинственности варваров и мятежного Торника истинную добродетель – победоносное благочестие¹⁰⁹. Воинская добродетель не фигурирует в царских портретах Христофора Митиленского. И Кекавмен сохраняет основные моменты традиционного царского идеала: и идею богоизбранничества (Кек., с. 274. 9), связанного с благочестием, и представление о государе как отце подданных (с. 284. 8–10), и требование заботы обо всех – стратиотах, синклитиках и гражданах (с. 284. 17–19), и правосудие (с. 274. 11–13); пожалуй, лишь призыв к благодеяниям несколько ослаблен – писатель считает необходимым ограничить царскую щедрость только «достойными» (с. 276. 7–9). В наставлениях Кекавмена мысли о личном участии царя в битвах нет. Он неоднократно предписывает императору заботиться о стратиотах, о флоте, о вооружении и называет войско славой царя и силой дворца, но о личном воинском мужестве василевса он ничего не хочет знать. Более того, Кекавмен перечисляет четыре необходимых государю качества: мужество, справедливость, целомудрие, разум, – делая при этом две существенные оговорки. Во-первых, он имеет в виду лишь душевное мужество, т. е. не воинскую отвагу, а во-вторых, мужество и разум – не абсолютные добродетели, но могут быть употреблены и во зло (Кек., с. 288. 12–16).

У историков и публицистов конца XI в. возрождаются некоторые черты нового образа идеального монарха, появившиеся в конце X в. Атталиат, как уже было сказано, посвятил свое историческое сочинение прославлению Никифора III Вотаниата, которого он наделил парадигматическими чертами: наряду с традиционными элементами царской идеи (человеколюбие, справедливость, распространяющаяся на всех щедрость, богоизбранность и благочестие) Атталиат вводит два новых момента: знатное происхождение и воинскую доблесть. Всеми овладела, восклицает историк, любовь к новому государю, когда они узнали о его родовитости и его боевой славе, о его мужестве, равном знатности (Аттал., с. 255. 9–15). Эти рыцарственные качества – бла-

городство и мужество – постоянно оказываются в сознании писателя в одном ряду (с. 56. 1–5, 185. 16–20, 302. 15).

Немногим позднее Атталиата Феофилакт Ифест написал дидактическое сочинение, адресованное его воспитаннику Константину Дуке, которого считали в ту пору возможным наследником Алексея I. Там Феофилакт развернул свои представления об идеальном государе, включив в этот образ и традиционные черты: благочестие, человеколюбие, справедливость. Но наряду с этим будущий болгарский архиепископ считает необходимым подчеркнуть, что императору надлежало быть воином: «Не думай, что служители Ареса, люди с львиным обликом, поднесут тебе золотой и порфирный венец, если не увидят тебя самого в доспехах, направляющим битву»¹¹⁰. Эта мысль Феофилакта перекликается с идеями Атталиата и отвечает тому представлению о государе-воине, которое утверждается в XII в.

Евстафий Солунский изобразил в Мануиле I прежде всего идеального воина, пренебрегавшего опасностью и более гордившегося ранами, чем блеском диадемы. Вместе со своими людьми он принимал участие в строительстве крепостных сооружений, он обтесывал камни и таскал их на себе. Мануил мало спал, был воздержан в пище, любил ходить пешком, терпеливо переносил холод и жару, голод и жажду, превосходя всех своей стойкостью¹¹¹. Евстафию вторит Продром, по словам которого Мануил дни и ночи не снимал вооружения, ради подданных переноса жажду, холод и ливни¹¹². Точно так же Киннам подчеркивает личную отвагу императора, его рыцарскую готовность прийти на помощь соратникам¹¹³. Идеал, возведенный Феофилактом, словно находит свое воплощение в Мануиле.

По всей видимости, подготовленный отчасти идейным развитием конца X в. идеальный образ государя-воина формируется где-то в середине XI столетия, когда на монетах начинает появляться изображение василевса в воинском одеянии. Уже Константин IX стал выпускать милиарисии, на которых царя изображали в кафтане с поясом и в плаще, застегнутом на груди круглой брошью и свисающем сзади чуть ниже колен. В левой руке он держал меч в ножнах, в правой – крест¹¹⁴. Еще более решительный разрыв с традиционным изображением василевса мы видим на золотых монетах Исаака I: император в кафтане и плаще держит в левой руке ножны, а в правой – обнаженный меч¹¹⁵. Именно этот тип чеканки вызвал смущение современников, полагавших, будто Исаак I хотел подчеркнуть своими номисмами и тетартерами, что он получил власть не от Бога, но добился ее

своим мечом (Аттал., с. 60. 3–4 и особенно Скил. Прод., с. 103. 3–4)*. Впрочем, «воинское» изображение императора на монетах не привилось в Византии XII в.¹¹⁶, и рыцарственных Комнинов продолжали представлять в тяжелых парадных дивитисиях и хламидах с гражданскими инсигниями в руках.

Возможно, что в XI в. возрождается позднеримский обычай провозглашать императора, поднимая его на щит. Обильные свидетельства IV–VI вв. об этом обряде прекращаются после рассказа об узурпации престола Фокой в 602 г.¹¹⁷. В середине X в. Константин Багрянородный упомянул эту церемонию как хазарский обычай¹¹⁸, – по всей видимости, в Византии он вышел из употребления. Свидетельство, сохранившееся в анонимной вставке к «Книге церемоний», об узурпации власти Никифором Фокой в 963 г., спорно: там говорится лишь, что воины, подняв Никифора, провозгласили его царем, но подняли ли они его на щит, или нет, неясно¹¹⁹.

Первые бесспорные свидетельства об этой церемонии принадлежат Пселлу. Сперва он сообщает, что восставшие в 1040 г. болгары провозгласили Петра Деляна царем, подняв его на щит¹²⁰, причем, это свидетельство может быть отведено придирчивым критиком как относящееся к болгарской обрядности. В 1047 г., однако, церемония поднятия на щит была совершена над узурпатором Львом Торником (Пс. Хрон., II, с. 18, § 104. 4–5), т. е. в сугубо византийских условиях. В XII в. образ царя, поднимаемого на щит, входит и в византийский роман: Феодор Продром в «Роданфе и Досикле» рисует такую сцену¹²¹. В XIII в. Акрополит писал о поднятии на щит Феодора Ласкаря как об обычном институте¹²², но мы не знаем, когда именно между серединой XI-го и серединой XIII вв. этот порядок стал обычаем.

Византийские миниатюристы неоднократно возвращались к теме поднятия на щит, иллюстрируя этим прежде всего сцены коронации ветхозаветных царей. Древнейший памятник этого типа – поднятие на щит Езекии в Хлудовской Псалтири IX в.¹²³. Две миниатюры относятся к X в.¹²⁴. Но гораздо больше изображений поднятия на щит сохранилось от XI в.; особенно интенсивно эту тему развивали иллюстраторы «Книги царей» (Vatic. 333),

* [О новом образе императора-воина в иконографии см.: *Volbach W. F. Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten...* S. 367 f.; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. С. 139–154 (этническое происхождение некоторых серебряных чаш, опубликованных Даркевичем, до сих пор остается спорным); а также: *Lampros S. Ho Markianos Kodex 524 // NE 8. 1911. P. 172.*]

представившие в таком виде провозглашение Саула, Давида, Соломона, Ровоама¹²⁵. «Историзация» этой сцены совершается иллюстраторами Мадридского Скилицы, которые представили две сцены поднятия на щит: провозглашение Льва Армянина соправителем в 812 г. и узурпацию власти Львом Торником¹²⁶. Возможно, что сцена поднятия императора на щит представлена на двух медальонах, обычно датируемых XII в.¹²⁷

Таким образом, по всей вероятности, церемония поднятия на щит исчезает из обряда коронации после VI в., хотя память о ней сохраняется в библейской иконографии. Ее возрождение в XI в. совпадает с общими тенденциями к «военизации» императорского идеала¹²⁸, проявляющимися в этом столетии.

Стремлению к военизации образа идеального государя отвечала и известная военизация византийского быта и искусства в XI–XII вв. Именно в эту пору (частично, видимо, под западным влиянием) вводятся военные состязания и турниры. Если попытка провести военные состязания при Никифоре Фоке (Скил., с. 276. 94–8) вызвала страшную панику в Константинополе, то в XII в. византийские аристократы (и даже императоры) охотно участвовали в турнирах, соревнуясь с крестоносными рыцарями и подчас получая тяжелые ранения¹²⁹. Распространяются и другие игры, требующие ловкости и навыков, например, поло – верховые состязания с мячом¹³⁰. Естественно, что обучение стрельбе из лука, верховой езде и иным упражнениям становится обязательным элементом в воспитании молодого аристократа¹³¹.

Охота, разумеется, всегда была существенным моментом византийской жизни¹³², однако бросается в глаза, что еще авторы X в. довольно настороженно относились к охотничьим забавам. Автор «Жизнеописания Василия I», высоко ценящий физическую силу своего героя, тем не менее вспоминает об охоте только в конце книги, замечая, что Василий умер от желудочного заблуждения, подхваченного на охоте¹³³; и Лев Диякон подчеркивает, что охота приносила Роману II только вред¹³⁴. В какой-то мере эта тенденция восходила к иконопочитательской ортодоксии, видевшей в охоте (наряду с театральными зрелищами) сатанинскую деятельность¹³⁵.

В XII в. положение, по всей видимости, изменилось¹³⁶. Охотничья тема занимает почетное место в византийской литературе. Панегирические описания охоты были созданы в это время Константином Манаси¹³⁷ и Константином Пантехни¹³⁸; к этому жанру принадлежит и «Энокмий псу» Никифора Василага, который первоначально был ошибочно атрибутирован Вотаниату¹³⁹. Более того,

охотничьи мотивы внедряются в императорскую символику. Продром видит в василевсе не только идеального воина, но и идеального охотника, гонящего врага, словно дичь¹⁴⁰.

Тема охоты занимает важное место в книжной миниатюре. Охотничьи сцены (вооружение охотника, типы лошадей и собак, изображения диких зверей) наполняют листы «Кинегетики» псевдо-Оппиана – лицевой рукописи Марс. 479, датируемой по стилистическим соображениям не ранее XI в.¹⁴¹. Сцены звериного гона возникают даже на миниатюрах к евангельским канонам¹⁴².

Охотничья тема весьма популярна на памятниках прикладного искусства XI–XII вв.¹⁴³. Один из распространеннейших сюжетов – сцены звериного гона (собака преследует зайца, барс догоняет оленя и т. д.): мы видим их на чаше из собрания А. П. Базилевского, на чаше из Ненецкого национального округа и на Березовской чаше XII в.¹⁴⁴, равно как и на стенках сосудов из Талар-Пазарджика, относящихся к тому же времени¹⁴⁵. Охотничьи собаки, травящие дичь, постоянно изображаются на ларцах слоновой кости XI–XII вв., среди которых особенно выразителен ларец из собора Труа (см. выше). Охотничьи сцены окружают изображения св. Георгия – всадника – на ларце слоновой кости XII в. из Майнцкого музея¹⁴⁶.

На эмалевых медальонах на Пало д'Оро в соборе св. Марка в Венеции, датируемых XI в., трижды повторена фигура конного императора на охоте: на руке у него сокол, рядом с ним пес, а впереди спасающаяся дичь – то птица (куропатка?), то заяц. А. Грабар подчеркивает, что, несмотря на парадный костюм и венец василевса, сцена имеет бытовой характер, ибо охотник выступает здесь не героическим победителем мифологических или исторических существ, но в будничном преследовании обычной дичи¹⁴⁷.

По сути дела, к тому же охотничьему кругу относятся и сцены единоборства со львом, весьма популярные на чашах и ларцах XI–XII вв.¹⁴⁸. Тема победы над львом проникает и на поливную керамику¹⁴⁹, и на такие бытовые изделия, как гребень из Саркела XI в. (см. выше). На одной из плиток в церкви св. Екатерины в Солуни имеется рельеф XII в. с изображением воина, разрывающего пасть льву¹⁵⁰.

По-видимому, уже с X в. начинает возрастать интерес к образам св. воинов: Георгия, Димитрия, Феодоров – Тирона и Стратилата, Прокопия, Меркурия, Нестора. Первоначально не имевшие в себе никакой воинской специфики¹⁵¹, предания об этих раннехристианских мучениках постепенно милитаризи-

руются: тема мученичества и терпения уступает место теме победы над силами зла. Процесс этот относительно слабо охватывает область агиографической легенды, консервативно сохраняющей традиционные сказания¹⁵². «Милитаризация» агиографии проявляется не столько в перестройке предания о ранних мучениках, сколько во внедрении воинских образов в новые житийные памятники: так, в Житии Евдокима герой – полководец, о религиозных подвигах которого агиограф ничего не знает, сообщая однако, что святой был похоронен – вопреки христианскому обряду! – в пышной одежде стратопедарха¹⁵³. В Житии Василия Нового с большой симпатией обрисован образ полководца Константина Дуки, наделенного не только непобедимостью в битве, но и высокими моральными качествами¹⁵⁴.

Пожалуй, отчетливее аристократизация и милитаризация образов св. воинов ощущается в их иконографии. В изображении Деисуса на триптихах слоновой кости X в. в верхних регистрах боковых крыльев появляются св. воины в полном воинском вооружении, словно верные телохранители Пандократора. С X в. тип Георгия-воина вытесняет тип Георгия-мученика. Святого изображали в XI–XII вв. пешим воином, стоящим, опираясь на копье и щит, сидящим с мечом в руках, всадником, величественно восседающим на коне или поражающим дракона¹⁵⁵. В то же время встречается и так называемый патрицианский тип Георгия – в гражданском аристократическом одеянии, с крестом в руке¹⁵⁶. Хронологическая последовательность этих иконографических типов недостаточно ясна: по всей видимости, именно в XII в. распространяется конный образ св. Георгия¹⁵⁷.

Изображения св. воинов особенно часто встречаются на памятниках прикладного искусства XI–XII вв.: на стеатитовых, каменных и бронзовых рельефах, на эмалях и ставротеках, на иконах¹⁵⁸. На дне Березовской чаши выгравирован конный Георгий в кафтане, пластинчатом панцире, плаще и сапогах. Он вооружен копьем и большим – по-видимому, миндалевидным – щитом, какие появились в византийской армии в XII в.¹⁵⁹

В монументальную живопись XI–XII вв. образы св. воинов проникали, по-видимому, медленнее. Из византийских храмов XI–XII вв. только церковь блаженного Луки в Фокиде оказывается в этом плане исключением: в ней на столбах представлены пешие воины: св. Димитрий, Феодор Тирон, Прокопий с копьями и св. Меркурий с мечом¹⁶⁰. Даже в церкви св. Георгия в Курбинове внутри храма фигурирует лишь фреска пешего святого, которому посвящен храм¹⁶¹, тогда как расположенные на запад-

ном фасаде конные фигуры св. Феодора, Димитрия и Георгия, переписанные в XIX в., вряд ли относятся к оригинальному декору XII столетия¹⁶². Напротив, как можно судить по списку памятников, составленному Э. Воордекерсом, на византийской периферии – в Южной Италии, Сербии, на Руси и в Грузии – вооруженные святые довольно часто встречаются в системе храмовой росписи¹⁶³.

Датировки памятников искусства неминуемо условны, поэтому хронология появления образов святых воинов на рельефах и росписях остается, несмотря на наличие специальных работ, несколько неопределенной. Тем более важно использовать иконографию точно датированного памятника – монеты. Она свидетельствует, что образы святых воинов внедряются начиная с династии Комнинов: Димитрий при Алексее I, Георгий при Иоанне II, Феодор при Мануиле I. Только в конце XII в. на монетах начинают изображать «гражданских» святых: Михаила и Константина¹⁶⁴. Фигуры святых воинов в XI–XII вв. часто изображались и на моливдовулах¹⁶⁵. При этом, как правило (хотя и не исключительно), фигуры Георгия, Димитрия и Феодоров украшали моливдовулы членов военно-аристократических фамилий, тогда как гражданские лица предпочитали, помимо Богородицы, Иоанна Предтечу, Михаила, Николая и некоторых иных «невооруженных» героев агиографических легенд*.

Очень сложная проблема – создание византийского «рыцарского» эпоса о Дигенисе Акрите. Он дошел до нас в поздних переработках, так что первоначальный облик и время возникновения поэмы остаются дискуссионными. Согласно концепции Х. Г. Бека¹⁶⁶, она состоит из двух разнородных частей: «песни» об эмире Мусуре и «романа» о Дигенисе, связанных между собой лишь внешней канвой, поскольку Дигенис оказывается сыном Мусура. Песнь об эмире, возникшая в своем первоначальном виде незадолго до 944 г., отражает многие черты исторической действительности, сложившейся на восточных границах империи на рубеже IX и X вв.¹⁶⁷. В отличие от этого, роман о Дигенисе был создан, скорее всего, в XI–XII вв.

* [Примером того, что увлечение военной тематикой трансформировало не только образ императора и аристократа, служит культ Феодора Евхаита, отнюдь не восначальника, а простого солдата, о котором рассказывает Иоанн Мавропод (см.: *John Mauroπος. Quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt* / Ed. P. de Lagarde // *Abhandlungen der hist.-philol. Kl. der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*. 28. №. 1. 1881 (1882). S. 208. 17–28).

Роман отражает умонастроения византийской военной аристократии¹⁶⁸. Его герой Дигенис, буквально «двоеродный», был сыном сарацинского эмира и христианки из Византии. В три года ходил он в школу, а к 12-ти годам проявил себя отважным охотником: голыми руками задушил медведицу, поймал оленя и мечом отсек голову льву. Позднее он проник в разбойничий притон апелатов и одержал победу над хвастливыми разбойниками. Он похитил прекрасную Евдокию, дочь византийского стратига, и уничтожил все посланное в погоню войско, кроме братьев и отца своей возлюбленной, после чего победитель смог пышно отпраздновать свою свадьбу: один раз в доме эмира, другой раз во дворце стратига. С молодой женой Дигенис поселяется в уединении на границе (ακρότης – отсюда прозвище Акрит) Византии, отпустив даже своих агуров-дружинников; он сам боится собственного бешеного темперамента, так как совсем недавно, распаленный неудержимым гневом, выбил глаз своему повару. Здесь совершает Дигенис много воинских подвигов, опустошая Вавилон, Тарс, Багдад, земли маврохионитов и эфиопов. Слава о его деяниях доходит до императора. Это был, по одной версии, Василий, унесший с собой в могилу величие Византии (т. е. Василий II), по другой версии, Роман (который?). Царь приглашает Дигениса к себе, но тот отказывается и, наоборот, зовет василевса посетить Приевфратье. При встрече юный Акрит обращается к государю с наставлениями, довольно банальными (любить подданных, жалеть нуждающихся, прощать прегрешившим, избегать несправедливости, преследовать еретиков и укреплять православие), обещая возратить императору то, что тот платил Иконию¹⁶⁹ (нет ли здесь намек на завоевание Малой Азии сельджуками, обосновавшимися в Иконии?). Василевс награждает Дигениса титулом патрикия и закрепляет за ним земельные владения его отца, а также власть на границах. В древнерусском переводе-пересказе поэмы весь эпизод изложен иначе: царь Василий, желая захватить «Девгения» (т. е. Дигениса), является с большим отрядом, но Девгений, словно сокол, перескакивает через реку и побивает царских воинов, точно «добрый жнец траву сечет»¹⁷⁰. Важная проблема о том, как выглядел этот эпизод в первоначальном тексте романа, не может быть решена с желательной убедительностью¹⁷¹.

Среди дальнейших подвигов Дигениса – несколько романтических историй. Во время похода в Сирию он встретил молодую женщину, дочь Аплоравда, эмира Меферке (Майферката?), соблазненную и брошенную каким-то византийцем, сыном стра-

тига Антиоха. Когда дочь Аплоравда поведала Дигенису свою печальную повесть, он постарался утешить ее, но зашел в своих утешениях несколько дальше, чем позволяла ему любовь к Евдокии, дочери стратига («благодаря содействию сатаны и душевной беззаботности»)¹⁷², и, несмотря на сопротивление брошенной другим невесты, совершил темное дело и овладел ею. Это, впрочем, не помешало герою со временем вернуть ее жениху, а самому, хотя и с омраченной совестью, возвратиться к Евдокии.

Второй эпизод – поединок с амазонкой Максимо, которую Дигенис побеждает перед ее войском и собственной женой, наблюдавшей за ходом сражения. Но Максимо предлагает герою еще одну встречу, на этот раз без посторонних глаз. Дигенис опять побеждает воительницу, но не хочет причинить ей вреда, а только демонстрирует свою силу, убивая под ней коня и опрокидывая Максимо на землю. Она молит о пощаде, называет себя рабыней Дигениса и отдает ему свою невинность. Евдокия, к которой он возвращается победителем, начинает подозревать мужа, но тот уверяет, что так много времени ушло потому, что ему пришлось перевязать раненую амазонку.

Поэма описывает роскошный дворец Дигениса, воздвигнутый на Евфрате. Он был окружен садом, где деревья сплетали ветви, где росли виноград и тростник, а на лугу – розы и нарциссы, где гремело пение птиц и павлины своей пестротой соперничали с цветами. Прямоугольный дом из тесаного камня был украшен колоннами, кровля (?) сверкала мозаикой, полы были отполированы до блеска. Воздвигнутый поблизости храм Дигенис естественным образом посвятил святому воину – Феодору. Во дворце Дигенис и его жена проводили дни в веселии: перед концом завтрака он начинал играть на кифаре, а Евдокия пела, затмевая красотой голоса соловьев, или плясала на шелковой подстилке*. Затем они гуляли в чудесном саду, Дигенис пировал с посещавшими его гостями, ездил на охоту или мылся с друзьями в бане,

* [Эти образы удивительно напоминают сцены, изображенные на серебряных сосудах XII в., найденных в Березове и других местах в России (см.: *Даркевич В. И.* Светское искусство Византии. С. 159–187). Фигуры акробатов и танцоров встречаются на шкатулках из слоновой кости. Вызывает сомнение предположение о восточном происхождении этих образов (см., например: *Volbach W. F.* *Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten...* S. 368). Это празднество напоминает также эмалевые изображения танцовщиц, сопровождающих Константина IX и императриц Зою и Феодору, на короне, хранящейся сейчас в Будапеште. По мнению Грабара, эти образы на так называемой Венгерской короне являются уникальными для Византии (см.: *Grabar A.* *Le succès des arts orientaux...* P. 42–47).]

построенной посреди сада. Таков был образ жизни аристократа-воина, вкушавшего отдых после побед над врагами. Поэма завершается рассказом о кончине Дигениса, вместе с которым отходит и его верная жена. Оплакав покойных и раздав беднякам часть их имущества, тела супругов поместили в сводчатую гробницу из пурпурного мрамора, воздвигнутую высоко в клисуре Тросис, так что ее можно было видеть издалека.

Как ни расценивать сцену встречи Дигениса с императором, остается очевидным, что герой романа – не василевс, а феодальный сеньор, служащий императору на восточной границе, обитающий в собственном доме в окружении агуров, чувствующий себя самостоятельным в унаследованных от отца землях и занятый войной, преследованием разбойников, охотой, пирами и любовными утехами¹⁷³. В известном смысле роман о Дигенисе – параллель к историческому повествованию Вриенния, героями которого также были не цари, а аристократические фамилии. Что в построении образа Дигениса использованы некоторые народные предания и, может быть, сказочные мотивы, отвечает сложной природе культурного развития XI–XII вв., когда демократические и аристократические мотивы подчас переплетались причудливым образом. А вместе с тем образ Дигениса был популярен в народной среде, и сцены из поэмы подчас изображались на керамических блюдах¹⁷⁴.

К сожалению, светское зодчество известно нам более по литературным экфразам, нежели по «живым» памятникам, – ничего подобного усадьбе Дигениса до наших дней не дожило. Церковная же архитектура по своей природе была консервативнее светской, и после сложения в IX в. основного типа «средневизантийского» храма с куполом на четырех колоннах – свободно стоящих опорах¹⁷⁵ – не переживала качественных перемен. Отсутствие убедительных датировок отдельных сооружений препятствует созданию строго последовательного ряда, который приходится устанавливать на основании стилистических особенностей, тогда как на самом деле стилистическая последовательность должна была бы явиться результатом исследования хронологического ряда. Не удивительно, что подчас историки искусства вовсе отказываются от рассмотрения эволюции церковного зодчества XI–XII вв.¹⁷⁶ и предпочитают трактовать различие форм как результат взаимодействия столичных и локальных традиций. При этом обычно все новое связывается с деятельностью константинопольских строителей или с воздействием константинопольской архитектуры – даже в тех случаях, когда аналогичные образцы столичного зодчества «не сохранились».

Уже в 1930-е гг. Н. И. Брунов выработал схему развития константинопольской архитектуры¹⁷⁷, сильным моментом которой было стремление связать развитие архитектурных форм с социальными процессами. Сущность этой схемы заключалась в том, что в Константинополе на протяжении второй половины IX – XII вв. вырабатывается аристократическое храмовое зодчество, оторванное от народных масс. В отличие от простых трехнефных храмов, которые возводят по всей стране, в Константинополе строили пятинефные здания «зрелищного, процессуального типа». Они постепенно приобретают тепличный облик, их особенностью становятся «карликовые формы и пропорции». Аристократическая тенденция XI–XII вв. находит свое предельное воплощение в поздневизантийском храме – «наиболее интимной часовне феодала»¹⁷⁸.

Дальнейшие работы в Константинополе привели к созданию новых планов и к передатировке ряда памятников, к восстановлению строительной истории некоторых церквей, до того плохо обследованных. Это неминуемо вело к пересмотру схемы Н. И. Брунова; в частности, был поставлен под сомнение его тезис о преобладании в Константинополе пятинефного храма¹⁷⁹. Развитие константинопольского зодчества предстает теперь в несколько ином свете.

После оживленного строительства храмов в VI в. в Константинополе наступил продолжительный период спада: церкви VII–IX вв. практически не сохранились. Древнейшее уцелевшее храмовое здание средневизантийского времени – монастырская церковь Константина Липса (северная церковь комплекса мечети Фенари-Иса) – датируется 908 г. Небольшая, трехнефная (согласно А. Мигоу) церковь отличалась элегантно вытянутых вверх пропорций; ее купол покоился на четырех свободно стоящих столбах¹⁸⁰. Изящная кирпичная кладка и скульптурный декор в позднеантичных традициях¹⁸¹ дополняли архитектурное совершенство церкви Липса.

Уже в этом храме можно отметить некоторые функциональные особенности, связанные с характером богослужения в X в. При относительно небольших размерах крестовокупольный храм создавал иллюзию вытянутости вверх, устремленности к небу, что усугублялось благодаря барабану, на который опирался купол. Вместе с тем барабан уничтожал эффект динамичности, подвижности, открытости, свойственной лучшим постройкам VI столетия, храмовое пространство приобретало однозначность и суровую жесткость. Эта суровая простота, «закрытость» храма и его

отграниченность от окружающего мира подчеркивались гладкостью наружных стен, почти совершенно лишенных декора. Затем, «открытость» ранних храмов Константинополя находила свое выражение в расположенности жертвенника и диаконника, которые в них размещались, вне основного здания, что предполагало включение в литургию торжественных процессий с выходом через восточные врата, фланкирующие апсиду¹⁸². В церкви Липса пастофории инкорпорированы в пространство самого храма, что делало процессии излишними. Далее, несмотря на исчезновение института оглашенных, хоры играли большую роль в архитектуре церкви Липса и вообще храмов этого времени¹⁸³. По мере того как рядовые верующие отстранялись от участия в процессиях и значительная часть литургического действия переносилась за алтарную преграду, в невидимую часть храма, они все более превращались из соучастников литургии в ее пассивных зрителей, размещавшихся на хорах. Хоры не входили непосредственно в пространство корабля, образуя особую залу над нарфиками или галерею западной стороны церкви; они открывались арочными проемами в нефы. Вне богослужения помещение хоров служило административным, а подчас и учебным целям.

Хронологически и стилистически к церкви Липса близок погребальный храм Романа I Лакапина (920–944) – нынешняя Будрум джами. Это сложенная преимущественно из кирпича двухэтажная церковь-гробница, где усыпальница помещалась в нижнем этаже. Новыми раскопками были обнаружены остатки восьмиугольной плинфы, из которой первоначально были сложены колонны верхней церкви¹⁸⁴. Это приводит к выводу, что здесь лишь со временем колонны были заменены столбами. Если это наблюдение правильно (а оно подтверждается, как мы увидим, раскопками в Кахриз джами), оно заставляет пересмотреть традиционное представление о том, что в константинопольских храмах столбы были со временем заменены колоннами¹⁸⁵, – представление, навеянное, скорее всего, идеей Брунова о нарастании здесь карликовых форм и пропорций.

Маленькую церковь Камариотисы на острове Халки близ Константинополя до недавнего времени датировали XIV в. Теперь доказано, что в действительности это памятник XI в.¹⁸⁶ Она представляла собой здание с куполом на тропях и восьми опорах. К. Манго предположил¹⁸⁷, что именно в этом стиле был возведен храм св. Георгия в Манганах, любимое детище Константина IX, обновление которого было отпраздновано в 1047 г.¹⁸⁸ Он предположил далее, что такую структуру имел и храм Христа на Халки,

сооруженный еще в конце X в., и что проникновение нового архитектурного типа в столицу связано с кавказским влиянием.

Новые раскопки заставили отбросить традиционное представление, высказанное Ф. И. Шмитом¹⁸⁹, о том, что первоначальная церковь монастыря Хоры (Кахриз джами) возникла еще в VII в., на самом деле ее сооружение относится к 1077–1081 гг. Это была маленькая крестовокупольная церковь с одной апсидой, причем купол покоился на четырех свободно стоящих колоннах. После землетрясения храм в начале XII в. был перестроен: вместо маленького купола был возведен большой, опирающийся на сравнительно узкие арки, которые в свою очередь покоились на четырех угловых столбах. В целом здание приобрело более монументальный облик¹⁹⁰.

Церкви в Килисе джами (Мола-Гюрани джами), Эски-Имарет джами и Гюль джами не поддаются точной датировке, хотя по строительной технике они принадлежат XI–XII вв. Особенно-стью Гюль джами Г. Шефер считает то, что купол в ней опирался не на четыре столба, а на стены. Вместе с тем сравнение с Килисе и Эски-Имарет приводит его к выводу (близкому к высказанному в свое время Н. И. Бруновым) о постепенном нарастании дробления статически-тектонического пространства наружных стен с помощью сложной системы ниш¹⁹¹.

Как Н. И. Брунов, так и Г. Шефер считают церковный комплекс Зейрек джами по стилистическим основаниям более поздним, нежели Эски-Имарет, Килисе и Гюль джами. Зейрек – мечеть на месте монастыря Пандократора, основанного Иоанном II в 1136 г. и достроенного Мануилом I. Он состоял из двух церквей – северной и южной – и встроенной между ними усыпальницы Мануила. Согласно Н. И. Брунову, северная церковь возникла в первой четверти, а южная – во второй четверти XII в. (он основывается на том, что северная носила более архаичный характер¹⁹²); напротив, А. Мигоу, исходя из новых работ в Зейрек джами, утверждает, что начало комплексу было положено возведением южной церкви¹⁹³.

Монастырь Пандократора пользовался покровительством династии Комнинов и был одним из крупнейших земельных собственников накануне 1204 г.¹⁹⁴ Его церкви, особенно южная – замечательные произведения столичного зодчества. Интерьер южного храма сливается в единое пространство, свободно обтекающее четыре колонны, на которых покоится купол. Внутренние арочные проемы широки и просторны. Наружный объем становится еще более дробным, чем в Килисе и Гюль джами: апсида

из пятигранной превращается в семигранную, ее формы вытянуты вверх, стены расчленены арочками и нишами. Характерная для XI–XII вв. техника кладки усиливает впечатление подвижности пространства: слои кирпича чередуются со слоями камня, как бы утопленного в стене, причем расстояние до поверхности стены заполняется цеменкой. От этого стены становятся полозатыми: пояс темно-красной плинфы чередуется с поясом светлого-розовой цеменки¹⁹⁵. Все это придавало монастырскому храму оттенок светской радости, многообразного пиршественного веселья.

Новые находки в Зейрек джами обнаружили еще два существенных элемента храмового декора, которые должны были усиливать впечатление праздничности и светскости. Прежде всего, в усыпальнице Мануила были обнаружены остатки мозаичного пола в манере *opus sectile*, где были изображены птицы, животные и человеческие фигуры, в том числе два воина со щитами¹⁹⁶. Проникновение военной тематики в декор церкви вполне естественно, если учитывать близость Пандократора к рыцарственным Комнинам. Мраморные полы Пандократора – великолепный, но не единственный образец; они появляются, по всей видимости, в XI в. (один из ранних образцов – в Студийской базилике, где мраморный пол был выложен во время реконструкции храма, возможно, при Исааке I) и засвидетельствованы в ряде балканских и малоазийских церквей¹⁹⁷, где обычно преобладают геометрические узоры. Далее, в Зейрек джами были найдены фрагменты расписных стекол, обнаруженные также и в Кахриз джами (см. гл. I).

Наиболее серьезный удар схеме Н. И. Брунова был нанесен археологическими работами в Календерхане джами, которые привели к коренной передатировке этого памятника¹⁹⁸. Согласно традиционным представлениям, Календерхане являлась церковью монастыря Акаталипта, построенного вскоре после 850 г. Раскопки выявили, что в действительности это сложная амальгама разных строительных периодов. В основе Календерхане лежат позднеантичные бани, на месте которых в VI в. было воздвигнуто здание, имевшее апсиду, а, вероятно, в VII в. – первая церковь, которая затем неоднократно достраивалась. В частности, в X–XI вв. сооружается диаконник. Однако основное здание должно быть датировано не второй половиной IX в., а концом XII столетия. Таким образом, Календерхане оказывается не исходным моментом архитектурного развития Константинополя, как это было до сих пор принято и как полагал, в частности, Н. И. Брунов,

но его заключительным моментом. Передатировка Календерхане заставляет ставить вопрос и о дате Аттик джами. Н. И. Брунов писал, что Аттик в хронологическом ряду столичных церквей занимает место между Кахриэ джами и Календерхане, будучи гораздо ближе к Календерхане, чем к Кахриэ¹⁹⁹. Отсюда он делал вывод, что Аттик была построена около 850 г. Но так как теперь выяснено, что Кахриэ относится не к VII в., а к концу XI-го (см. выше), а Календерхане – к концу XII в., датировка Аттик джами, по всей вероятности, должна быть сдвинута.

Но если Календерхане – сравнительно поздний памятник, то сведение всей эволюции столичного зодчества к дематериализации архитектурных масс и внедрению карликовых пропорций оказывается односторонним. Наряду с дроблением статистектонического пространства наружных стен, достигающего апогея в южной церкви Пандократора, наряду с внедрением таких праздничных элементов, как мозаичные полы и расписные стекла, можно заметить и тенденцию к созданию монументальных, тяжеловесных, крупных храмов с просторными высокими хорами, как Календерхане. Перестройка Кахриэ джами в начале XII в. и замена колонн столбами в Будрум джами отвечают этой тенденции к монументализации. Таким образом, развитие константинопольской архитектуры в X–XII вв. отличалось двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, упорядоченность и чинность литургического здания, достигнутая благодаря созданию системы храма с куполом на четырех опорах, постепенно нарушается – главным образом, в оформлении наружного пространства стен, обращенного к «городу»; правда, даже в Пандократоре не было достигнуто ничего подобного фантастической орнаментальности западных соборов. Поскольку основной эффект достигался на внешней стороне храма, т. е. не путем интенсификации интимного чувства молящегося, но посредством растворения грани между храмом и улицей, было бы рискованным видеть в этом явлении только аристократизацию. С другой стороны, константинопольские храмы становились больше, массивнее, монументальнее. К. Манго подчеркивает, что в XI в. не только строят больше, чем в X столетии, но и более крупные сооружения²⁰⁰; памятники XII в. еще крупнее.

Развитие провинциального зодчества было не менее сложным и противоречивым, далеким от единообразия. Скорее всего, в XI в. (или в конце X в.) создается новый тип храма – с куполом на трюпах и восьми опорах. В этом случае купол, перекрывающий квадратный центральный зал, покоится на трюпах, которые

помещены по углам зала и опираются на торцы стен (в каждом случае два торца, что и дает в сумме восемь опор). Здания XI–XII вв. с куполом на тропях были известны до последнего времени лишь вне столицы – на Кипре (южная церковь монастыря Иоанна Богослова у Кутсовенди)²⁰¹, в болгарской Преславе (монастырская церковь в Патлейне²⁰²), а в Греции – католикон монастыря св. Луки в Фокиде, созданный, согласно Е. Стикасу, в 40-е гг. XI в.²⁰³, а также католикон Нового монастыря на Хиосе²⁰⁴, построенный в середине XI в., Панагия Ликодиму в Афинах²⁰⁵, церковь Успения Богоматери в Дафни XI в.²⁰⁶ и церковь Христиану²⁰⁷. Если Камариотиса – действительно древнейший образец храма с куполом на восьми опорах, константинопольское (или кавказское) происхождение этого типа становится вероятным (см. выше). Новый тип опоры купола позволял расширить подкупольное пространство и создать в центре храма более обширную залу, нежели в церквях того же размера с куполом на четырех колоннах.

Другое архитектурное новшество XI столетия – создание трех- или четырехлепесткового плана церковного здания, в котором купол укреплялся на четырех свободно стоящих опорах, а апсиды выступали за восточную, северную и южную стены; в этих храмах нарфик имел обширные размеры и включал подчас часовни-приделы²⁰⁸. Небольшие церкви этого типа встречались на Балканах уже в X в.²⁰⁹, но расцвет его начинается в XI столетии и связан преимущественно с Афоном (католикон Лавры св. Афанасия, около 1000 г. и несколько более поздние католиконы Ватопеда и Иви-рона). Вне пределов Афона этот тип представлен монастырской церковью Богородицы Милостивой у сел. Велюсы, близ Струмицы, воздвигнутой в 1080 г.²¹⁰.

Константинопольский тип храма с куполом на четырех колоннах распространился в Греции, видимо, в XI в.²¹¹ и существовал здесь в разных вариантах. Тенденция его развития проступает в стремлении перейти от спокойных, уравновешенных интерьеров к вытянутым вверх пропорциям, к подчеркиванию центральной части храма, увенчанной куполом на высоком барабане²¹². Среди церквей, построенных в этом стиле, по-своему примечательна афинская церковь XII в. Панагия Горгоэпикос, или Малая Митрополия, сооруженная из готовых мраморных блоков, сохраняющих подчас старые рельефные изображения.

Со столицей нередко связывают и возникновение типа храма с пятью куполами, встречающегося на Крите, в Греции и во Фракии²¹³. Своеобразный пример этого типа – Богородичная

церковь монастыря в Вире (Восточная Фракия), ктитором которого был один из крупнейших магнатов – Исаак Комнин, дядя Мануила I. Церковь выглядит, как крепостной бастион, она сложена из грубого камня и вытянута в плане, сохраняя базиликальные черты. Ее главный купол укреплен у апсиды на двух столбах, соединенных со стенами, а с запада – на колоннах, поставленных вдоль нефа. Остальные купола располагались по углам здания²¹⁴.

Базиликальные традиции устойчиво сохранялись в греческом зодчестве. В некоторых областях Греции были распространены небольшие двухколонные храмы, в которых купол, как и в Вире, укреплялся в восточной части на столбах, вплотную примыкавших к стенам апсиды, а западный край купола покоился на двух колоннах²¹⁵. Кое-где возводились простые базилики с плоской или сводчатой кровлей и «купольные залы», в которых купол опирался на арки, слитые с северной и южной стенами²¹⁶.

В некоторых случаях удастся даже проследить существование одной строительной школы: таковы четыре церкви в Арголиде, одна из которых точно датирована 1149 г. Это храмы с куполом на четырех свободно стоящих опорах, украшенные пестрым и разнообразным декором²¹⁷. Вообще убранство экстерьера греческих храмов отличается от константинопольских: здесь преобладает «перегородчатый» стиль, когда маленькие блоки камня оформляются линиями кирпичей, положенных в разных направлениях²¹⁸. Назначение этого декора аналогично столичному – он ведет к дроблению массы наружной стены.

Известные в Греции храмы X в., среди которых наиболее значителен храм Панагии (Богородичная церковь монастыря св. Луки), невелики по размеру²¹⁹. Напротив, в XI в. здесь, как и в Константинополе, возводится ряд крупных церквей, сооружаемых преимущественно для монастырей императорами и знатными ктиторами: XI в. датируются католикон монастыря св. Луки, церкви Нового монастыря и Дафни, Панагия Ликодиму – самый крупный храм в Афинах и пр. Сами монастыри представляли собой сложные комплексы, напоминавшие целую деревню. В отличие от этого епископальные церкви XI в. отличались небольшими размерами²²⁰.

Если это наблюдение К. Манго основательно, оно может свидетельствовать об известной «приватизации» религиозного культа в XI в. Официозное, государственное богослужение, сосредотачивавшееся в епископальных церквях, было как бы потеснено богослужением в монастырских храмах, которые оказывались в одних случаях патримониальными и сеньориальными

учреждениями, а в других – культовыми центрами локальных объединений в городах или сельских областях.

Вопрос о распространении частных, «сеньориальных» храмов в эту эпоху остается открытым.

Архитектура Малой Азии XI–XII вв. известна весьма плохо, и это естественно, поскольку военные действия с сельджуками не способствовали подъему зодчества, да и многие церкви были здесь уничтожены²²¹. Один из немногих уцелевших малоазийских храмов XI в. – Чанликилисе, у подножия горы Хасан (район Коньи). Он сложен из строгих каменных блоков и увенчан восьмигранным барабаном, ниши окон которого чуть украшены линиями кирпича. Сооружение пещерных храмов продолжалось в Каппадокии и в это время²²².

Было бы, пожалуй, слишком смело говорить об аристократизации и тем более о демократизации византийского культового здания в XI и XII вв. Скорее бросается в глаза устойчивость сложившихся в IX в. традиций крестовокупольного храма. Но все же можно предположить, что принцип подчинения материальной оболочки храма его духовной сверхзадаче был поставлен под сомнение, хотя экстерьер по-прежнему оставался производным внутренней структуры храма, не получив (как это случилось в западном зодчестве) независимого эстетического осмысления.

Все те явления, которые мы условно назвали «демократизацией» и «аристократизацией» быта и общественного сознания византийцев, развивались параллельно и подчас переплетались между собой. Их роднило, в конечном счете, то, что они противостояли той традиционности, которая вообще свойственна средневековому обществу и которая в византийских условиях составляла подчас непреодолимую силу. Наиболее бросающимся в глаза опытом разрыва с традицией явилось то, что византийский двор покинул Большой дворец, старинный центр Ромейской империи, где каждое здание было связано с государственными воспоминаниями, и переместился на северо-западную окраину Константинополя, во Влахерны, где издавна находился Богородичный храм и было построено несколько триклиний – небольших помещений, для того чтобы василевс мог ночевать и принимать своих близких. Алексей I воздвиг здесь дворец, который еще в XIV в. именовали крепостью. Он примыкал непосредственно к городским укреплениям недалеко от башни Анемы – одной из константинопольских тюрем. Во Влахернском дворце Алексей принимал крестоносных вождей, показав Бозмунду казнохранилище, полное ювелирных изделий, драгоценных шелковых тканей и монет.

Рядом с этим «триклинием Алексея» Мануил I соорудил залу, украшенную мозаиками, изображавшими его походы, и названиями 300 завоеванных им городов; затем был построен так называемый Высокий дом. По словам Одо Дейльского, он стоял в низкой части Влахерн, но с него можно было обозреть город, море и окрестные поля. Дворец был вымощен мрамором, украшен золотом и изображениями воинских подвигов василевса. В одной из зал находился золотой трон, а поблизости висела золотая корона, усеянная драгоценными камнями. В этих дворцах проходили важнейшие приемы и заседания, решавшие государственные и церковные проблемы²²³.

Впрочем, Большой дворец оставался в XII в. еще обитаемым: Комнины время от времени жили в Вуколеонте и принимали там знатных гостей. Когда Константинополь был взят крестоносцами, латинский двор утвердился на этом традиционном месте.

Этот перенос императорского двора в новое место, во дворец-замок, украшенный изображением воинских сцен, был в какой-то мере символичным, подчеркивая общую направленность развития византийского общественного сознания XI–XII вв., пытавшегося оторваться от традиционных устоев и форм быта.

Свои социальные симпатии и антипатии Никита Хониат выразил гораздо прямее и определеннее, нежели экономические интересы и взгляды. Его отношение к «толпе», к «народу», к горожанам однозначно негативное²²⁴, что находит себе соответствие в настороженной враждебности к торговле и ремеслу (см. гл. I). Можно было бы не возвращаться после Ф. И. Успенского к этой проблеме, если бы не одно обстоятельство: для Ф. И. Успенского на переднем плане стоит вопрос о степени объективности Хониата в изображении толпы, о пристрастности писателя, т. е. вопрос поворачивается в его источниковедческом ракурсе. Такая постановка проблемы существенна, если мы стремимся понять характер народных масс Византии. Но сейчас наша задача иная: мы пытаемся реконструировать место Хониата в византийской культуре, и поэтому нам следует повернуть проблему иначе и задать вопросом о том, как представлял себе писатель «образ» толпы независимо от степени объективности и пристрастности этого образа. Верен или неверен нарисованный Хониатом образ, он все равно существует для реконструкции идеалов и тенденций писателя, для понимания его отношения к проблеме византийской «демократизации».

Уже Ф. И. Успенский обратил внимание на неравномерность распределения суждений Хониата о «толпе»: крайне редкие в первой половине, они становятся обильными, начиная с книги, посвященной Алексею II. В это наблюдение, может быть, следует внести небольшое уточнение: в книге об Иоанне II и в начале первой книге о Мануиле I «народ» время от времени фигурирует в повествовании Хониата. Толпа врывается во дворец и пытается ограбить его в 1118 г. (НХ Ист., с. 7. 76–77). Толпа действует глупо (с. 45. 17). Мануил опасается толпы, жаждущей смуты и переворотов (с. 49. 43–44). С утверждением власти Мануила I тема толпы практически исчезает со страниц «Истории», чтобы возродиться в рассказе о событиях после 1180 г. Ориентировочное представление о варьировании интереса Хониата к теме «толпы» дает распределение терминов, обозначающих толпу, по книгам (табл. 2).

Таблица 2

Распределение терминов, обозначающих толпу в книгах «Истории»

Книга	ὄχλος	δῆμος	οἱ πλείστοι
Иоанн	2	—	3
Мануил, книга 1	—	—	1 ²²⁵
Мануил, книга 2	—	1 ²²⁶	—
Мануил, книга 3	—	—	—
Мануил, книга 4	—	—	—
Мануил, книга 5	—	—	1 ²²⁷
Мануил, книга 6	—	—	1
Мануил, книга 7	—	—	1
Алексей II	1	11	5

В характеристике толпы Хониатом можно выделить следующие элементы:

1. Общее негативное суждение: у жителей Константинополя, говорит Хониат, худшее всегда берет верх (с. 564. 7–8);

2. Толпа неразумна: он называет народ глупым (ἀβέλτεροι) (с. 270. 24–25), бестолковым и невежественным (с. 349. 14; ср. с. 393. 91), безрассудным (ἀνοῦστατος) (с. 350. 44), безголовым (ἄφρονες) (с. 558. 49). Жители Константинополя никогда не сделали ничего хорошего для себя и не слушали толковых советов (с. 234. 82–83; ср. 552. 77–78);

3. Толпа непостоянна (ἐνρίπιστον) (с. 562. 47) и склонна к мятежу. Эпитеты *ταραχώδης* (с. 456. 77), *φιλοτάραχος* (с. 49. 43, 455. 65) неоднократно прилагаются к плебсу. Народ Константинополя беззаконен и склонен к свинским порывам (с. 558. 45), готов к мятежу, закипает, как котел на огне, и испускает пары брани (с. 561. 33–35). Непостоянство и мятежность толпы Хониат связывает с ее пестрым составом и невежеством. Во всех других городах, рассуждает он, толпа лишена разума (*ἀλογία χαίρει*) и необузданна, в Константинополе же она особенно *φιλοτάραχος*, ибо здесь она многоплеменна и занята разношерстными профессиями. Она то поднимается на бунт, то позволяет первому попавшемуся попить себя (с. 233. 70 – 234. 80);

4. С неразумием и непостоянством связаны такие пороки, как гневливость (*ἄλογος θυμός*) (с. 350. 23, 392. 71–72), несдержанность в желаниях (*πλέον τοῦ θεληματαίνειν*) (с. 562. 48), трусость перед лицом врага и наглость по отношению к своим (с. 644. 56–57; ср. с. 399. 55–56). Толпа готова была вырвать бороду патриарху Феодосию, если бы он не уступил настояниям Андроника I (с. 265. 93–2). Наконец, Хониат осуждает жадность толпы к чужому имуществу (с. 392. 72);

5. Позорный порок толпы – пьянство. На Западе давно знали, что жители Ромейской державы заняты только пьянством и что Константинополь – новый Сибарис, утопающий в неге (с. 541. 54–56). Константинопольцы – пьянчуги (с. 393. 83), любители выпивки (с. 558. 47). Только трезвыми их можно склонить к миру, а если напьются, то уже никакие Сирены не настроят их на мирный лад (с. 393. 10–12);

6. Такой народ неспособен к политической активности. Торгашески настроенный (*ἐμπορικόν τε καὶ κάπηλον τὸ φρονεῖν*), он не встанет с ложа по зову боевой трубы, его не пробуждает пение птиц, он сладко спит, не думая о военных действиях (с. 584. 29–32). Зачисление ремесленников в войско вызывает насмешки Хониата (с. 209. 36–42). Столь же неприемлемо для писателя и вынесение «на площади и перекрестки» обсуждения догматических вопросов (с. 514. 38–41). Но всего более негодует он по поводу того, что люди, вчера еще жевавшие желуди и не очистившие рот от понтийской свинины, устремляют жадные взоры к императорской короне (с. 498. 23–25). Что могло быть безрассуднее (*ἀλογώτερον*) и смехотворнее глупости (*ἄβελτερία*) тех, восклицает Хониат, возвращаясь к эпитетам, связанным в его представлении с «народом», кто пытался посадить на престол прихлебателей толпы и искателей плебса (*ὀχλαρικούς καὶ δημοκόπους*) (с. 562. 55–59)!

Итак, толпа неразумна, вспыльчива и непостоянна – таковы ее основные пороки. Они лежат, таким образом, не в социальной, но в этической плоскости: народ дурен не потому, что он занимает низшее место в социальной иерархии, не как таковой, а потому, что ему не хватает цивилизованности, такта и выдержанности.

У этого глупого и беспокойного плебса есть еще одно свойство, о котором несколько раз говорит Хониат, – его «социабильность», общительность. Народ любопытен (с. 342. 12–15, 380. 15–17), до упопомрачения любит зрелища (с. 290. 95), и вместе с тем насмешлив и дерзок на язык (с. 120. 86–89). Толпа не могла удержаться от хохота при виде лысины Иоанна Дуки (с. 459. 47–49). Народ не только высмеивал царицу Евфросинию, но кое-кто научил и птиц выкрикивать по ее поводу непристойные слова (с. 520. 58–62). Недаром Хониат сообщает, что император Алексей I опасался насмешить все «ромейство» (с. 6. 18)²²⁸.

И оказывается, что эта живая струя народной жизни, этот раскованный смеховой мир наложил свою печать на Хониата, несмотря на всю настороженность писателя по отношению к плебсу.

Сочинения Хониата написаны на литературном, так называемом «чистом» языке. Он высоко ценит литературную грамотность и возмущается тем, что Алексей III подписывал грамоты, в которых фразы строились некорректно, отчего возникала бессмыслица, так что проситель «плыл по суше и возделывал море» (с. 455. 44–46). Прорывы народной речи в литературную упорядоченность Хониата крайне редки – и все-таки они совершаются. Прежде всего, мы найдем в «Истории» большой пласт административной терминологии – названий должностей и чинов (см. индекс в издании ван Дитена, т. 2, с. 89–97); далее, там же встречается новая этно- и топонимическая номенклатура (названия народов, как «инглины» или «рос», чужеземные города типа Медиолана и Тырнова), восточные, западные и славянские имена собственные, иностранные термины, как то эмир, атабек, *κόντος* (граф) и т. п. При этом традиционно-книжная и живая номенклатура подчас перемежаются, и рядом с преобладающим Истром появляется редкий *Δάνουβις* – Дунай (с. 153. 20).

Хониат отчетливо сознает существование разговорного языка, отличного от чистого языка литературы. Описывая сцену бегства родни Исаака Ангела в храм св. Софии, писатель между прочим замечает, что беглецы молили окружающих спасти их от гибели. Они, говорит Хониат, обращались *ὑλωττηματικώτερον* (с. 343. 28–29). Слово *ὑλωσσηματικός* словарь Лиддл-Скотта передает как

«перегруженный непонятными словами»; ван Дитен в индексе обедняет нюансировку и переводит просто *verbosus* – «много-словный»; в переводе Ф. Граблера (II, с. 143) мы читаем, что родня Исаака Ангела обратилась к толпе *mit leitseligen, gewinnenden Worten*, т. е. с приветливыми (?), убедительными речами. Скорее всего, «перегруженность» речей этих несчастных, обреченных, как им казалось, на гибель, заключалась в том, что они отбросили школьные нормативы и перемежали свои просьбы народными выражениями.

Как ни толковать это место, слова «народный диалект», «народная речь» появляются время от времени в «Истории». Народный диалект, говорит Хониат, именовал агарянское святилище *mitáton* (с. 553. 6): по-видимому, здесь скрывается игра слов, поскольку «митат» в византийской лексике – постоянный двор и склад для иноземных купцов²²⁹. «Народная речь» дала чучелу из ивовых прутьев название «деревянный осел» (с. 508. 94). Выступающие на стенах сооружения «общая и всенародная речь» именовала *ἀρκλαί* (с. 134. 85–86). «Общий диалект» называл какое-то популярное в Константинополе кушанье *ἀλμαία* (с. 57. 55). Иногда новые слова внедряются в текст «Истории» без подчеркивания дистанции, отделяющей их от литературной койне: таковы, к примеру, *ῥαφίδω* – вышивать (с. 623. 75, 647. 12), *βράκα* – штаны (с. 273. 87), *ζοῦμπρος* – зубр (с. 333. 52), *φελλῦρα* – мочало (с. 350. 36), *ἄρβυλα* – какая-то часть укреплений (с. 281. 68), *μακελλάριος* – мясник (с. 283. 14), как именовали Андроника I, так называемые *τζαγγροτόξοι* – арбалетчики (с. 539. 4; ср. с. 544. 32). Наряду со словами из живого обыденного языка Хониат применяет (если не сам создает) политические неологизмы, как *φίλαλέξιος*, сторонник Алексея III (НХ Речи, с. 62. 23, 102. 9; НХ Ист., с. 485. 18; ср. с. 448, прим. к стк. 8–9), или гумножег, как прозвали псевдо-Алексея (с. 421. 53).

От этого – живого – словотворческого слоя следует отличать словотворчество книжное, проявляющееся в наращивании приставок, в образовании новых существительных от традиционных глаголов и т. п. В какой мере книжные неологизмы принадлежали Хониату и в какой – составляли общий фонд образованных византийцев XII в., решать трудно. Бросается, однако, в глаза, что многие редкие слова, использованные Хониатом, встречаются и в языке его современника Евстафия Солунского. Во всяком случае, здесь мы имеем дело с воздействием народной стихии на язык писателя. Более сложное явление – переосмысление традиционных слов, употребление их в новых поворотах и аспектах,

подчас метафорически, с чем мы еще будем встречаться; но опять-таки крайне трудно решить, что перед нами – книжная игра или жизненная обновленная лексика. Поэтому я отказываюсь от систематического рассмотрения неологизмов такого рода.

Куда более существенным оказалось влияние на «Историю» другого элемента народной лексики – открытой скабрзности смехового мира. При этом парадоксально, что Хониат, который острее всех своих предшественников осуждал «толпу», щедрее всех других воспринял карнавальную игру «телесного низа», близкую, по его собственному признанию, константинопольскому плебсу. Половые органы, о которых бесстыдно говорит Анна Комнина (с. 10. 55–56); мужские члены покойников, которые турки обрезают после Мириокефалы (с. 190. 77–80); женские члены родственниц, которые нечестиво «пронзал» Мануил I (с. 54. 71–72; слова *τριμυλιά*, дыра, и *ἐμπερονάω*, застегивать, употреблены здесь в необычном значении) – это все звучит диссонансом с традиционным книжным целомудрием. Как синоним к слову *ἡμίονος* – мул, лошак (буквально «полуосел») – Хониат употребляет неологизм *ἡμίκερκος* (с. 342. 93; отсутствует не только в словаре Лиддл-Скотта, но и в индексе ван Дитена), образованный по образцу «полуосла» от *κέρκος* – мужской член. Сексуальная сфера входит в систему метафор: море не хочет отдаваться кораблям, но прыгает под ними и стряхивает их (с. 89. 62–69). Андроник Комнин уподобляется похотливому жеребцу (с. 141. 88–90), а формула *ἐπιβήτωρ τῆς ἀρχῆς* (насильник власти, т. е. насильно овладевший властью) становится стереотипом (с. 101. 70 и еще отчетливее – с. 225. 45–46). Сексуальная тема возникает неоднократно, причем Хониат не боится откровенно грубых выражений (с. 107. 28, 139. 56, 171. 36–40, 230. 1–2, 230. 84–85), вплоть до описания *coitus* скифа с кобылицей (с. 94. 86). Не избегает Хониат и темы испражнений (с. 131. 90–93, 155. 79, 273. 86–89), упоминает ягодицы (с. 139. 51, 149. 29) и даже называет «небесной ягодицей» (*οὐράνιον σφαίρωμα*) (с. 241. 37) храм св. Софии (значение *σφαίρωμα* – *buttocks* дает словарь Лиддл-Скотта).

Среди выражений Хониата, затрагивающих сферу телесного низа, два привлекают особое внимание. Писатель рассказывает о посланиях Андроника I в осажденную норманнами Солунь, где он призывал не бояться «латинян», но прыгать на них, жалить и колоть (*πηδᾶν δὲ καὶ δάκνειν καὶ βεντεῖν*), «если приводить собственные слова Андроника». Почему Андроник так написал, замечает Хониат, знает лишь он сам, но любящие посмеяться

горожане заменили эти слова похабными народными выражениями (δημοσία ῥήματα), которые не следует приводить (с. 317. 14 – 318. 21). Не нужно обладать особой догадливостью, чтобы сообразить, в каком направлении насмешливые солуняне переосмыслили слова Андроника, несомненно предвидевшего возможность такого поворота. В этом эпизоде переплелись все три элемента: типичная для горожан тяга к смеховой стихии, народная речь и тема телесного низа, которую будто бы нельзя выразить, но которая была ясна каждому читателю Хониата.

Второй эпизод относится к царствованию Алексея III. Царь приказал накануне поста (февраль 1200 г.) устроить во Влахернах потешные игры (γελοῖωδῇ παίγνιᾳ), одним из «участников» которых был сплетенный из ивовых прутьев манекен, в «народной речи» именуемый деревянным ослом; на нем восседал какой-то евнух, переодетый городским эпархом и ржавший по-лошадиному. Через короткое время он скинул одежду эпарха и вышел на середину с обнаженными руками, чтобы подать сигнал к состязанию; и всякий раз, как раздавалась его команда, стоявший за его спиной юноша с шумом ударял его пяткой по заднице (с. 508. 83 – 509. 17). Здесь опять-таки мы видим знакомые сочетания: смеховой мир потешных игр, острота восприятия которого усилена напоминанием о приближающемся посте; тема телесного низа, проступающего не только в словах τῶν πυχῶν καὶ τῶν γλουτῶν (с. 509. 15), но и в подчеркивании обнаженных рук мнимого эпарха; упоминание народной речи (δημώδης φράσις), что подкрепляется употреблением внелитературного слова διαπάρσις (с. 509. 4, 11), обозначавшего распорядителя игр²³⁰. Однако от предыдущего эпизода рассказ о Влахернских играх отличался одним существенным обстоятельством: на этот раз действующие лица – не горожане, которым смех приличествует, но царь и царица, их родня и слуги, знатная молодежь; сам евнух, сидевший на деревянном осле и ржавший, как лошадь, был богатейшим человеком, занимавшим высокие придворные должности. Народная речь, народный смеховой мир и народные грубые шутки с телесным низом оказываются перенесенными в неподобающую, как представляется Хониату, социальную среду – в мир аристократии. Но мы как раз видели, что в XII в. мода на народную литературу и «демократизация» была затронули не только городские, но и придворные круги. Хотел того или не хотел сам Хониат, он объективно отдавал этому дань, и прежде всего своим до XII в. немислимым интересом к теме телесного низа.

Оборотной стороной темы телесного низа, с ней органично связанной и ее естественно дополняющей, является в средневековом народном сознании тема еды-жратвы. Еда-жратва – столь же телесная функция, как и сексуальная активность или испражнения, далекая от официальной литературы и от официальной аскетической этики. Мы уже видели, как в XII в. (в частности, у Евстафия Солунского) возникает новое, «раблезианское» отношение к пище. Тема еды занимает существенное место в рассказе Хониата, и прежде всего в его образной системе. Конечно, аскетический идеал не мог исчезнуть вовсе из сознания Хониата, и обильная жратва представляется ему чуждым и странным явлением. Он смеется над латинянами, которые поедали бычьи хребты, приготовленные в котлах, копченую свинину с молотыми бобами, острые соусы с чесночной приправой (с. 594. 1–5). И византийские обжоры вызывают его насмешки. Один из них – Иоанн Путцийский, который не мог удержаться, чтобы не отведать на улице ἀλμαία (по-видимому, род квашеной капусты). И хотя его уговаривали, что, мол, дома его ждет «пристойная пища», Иоанн хотел на месте удовлетворить свою страсть (ἀποπλησαι τὸν ἔρωτα); схватив сосуд, где была «возлюбленная еда» (ἐράσιον ἔδεσμα), он стал жадно уплетать рассол и капусту (с. 57. 53–63). Эпизод этот весьма примечателен тем, что ряд жратвы здесь перемежается с рядом плотской любви, выраженным лексически, с введением уличного слова ἀλμαία, связывающего тему еды со сферой народной лексики.

Любопытная параллель эпизоду с Иоанном – рассказ об Иоанне Каматире, который был великим обжорой и пьяницей (с. 113. 93–94). Он пил не пьянея, перепивал «династов племен», опрокидывал себе в желудок целые бочки (πιθάκας) и амфоры брал в руки, словно чашки (с. 114. 11–12). Он побился об заклад с Мануилом I, что выпьет порфирный таз воды, и действительно вылакал, нагнувшись над сосудом, словно бык (с. 114. 15–27)²³¹. Он уничтожал целые поля зеленых бобов: однажды, увидев бобы на другом берегу реки, он сбросил последний хитон, переплыл реку, часть сожрал на месте, другие, связав в снопы, перевез с собой и, сидя на полу своего шатра, доел до конца, словно давно уже не брал в рот пищи (с. 114. 29 – 115. 37). В рассказе о Каматире ряд обжорства пересекается с рядом наготы (Каматир, сбрасывающий последний хитон), но самое примечательное здесь – сознательное нагромождение раблезианских гипербола: обжора льет себе в желудок вино бочками, поедает целые поля бобов, выпивает огромный сосуд залпом, словно бык.

Хониат смеется над обжорами, но сама тема не покидает его. Вельможи Алексея III мечтают о фигах и дынях, которыми изобиловала Пропонтида – истинный рай Божий (с. 504. 59–61). Чтобы охарактеризовать простонародье, он говорит: те, кто еще вчера жевал желуди и еще не очистил рот от понтийской свинины (с. 498. 23–24). Битва рождает в его воображении образ еды, как бы пересекающейся со смертью: ромеи, ворвавшись в Мосинополь, насыщались там убийствами, ибо давно изголодались по Аресовым приправам, а затем стали мечтать об Амфиполе, пренебрегая недавней победой, словно несвежей пищей (с. 358. 82–86). Французские рыцари двинулись на сарацинов, как на приготовленную пищу (с. 553. 94), а император Алексей V боялся попасть, словно пища в рот (буквально «в челюсти») латинянам (с. 571. 48). В одной из речей Хониат говорил об Алексее III: он призывал войско, как на приготовленный обед (НХ Речи, с. 64. 29).

У Хониата есть два эпизода, связанных с насильственным пострижением в монахи. Один из них касается Алексея Аксуха, видного вельможи при Мануиле I, подвергшегося несправедливым обвинениям и заключенного в один из монастырей на горе Папикий. Завершая рассказ о пострижении Аксуха, писатель замечает, что прежде он был большим любителем (ἐραστής) вкусно поесть, предавался пиршествам и даже в постные дни приказывал подавать мясную трапезу, – теперь же питался травами и фруктами, а изредка рыбой. Вспоминая о прежних лакомствах и излишествах, он называл чревоугодием и своеобразной похотью (ὀρέξεως μέθοδος) то, что обжоры и мясоеды выдвигали в свое оправдание – невозможность устоять. Нет, тело может противостоять любым соблазнам и таким путем достигнуть хорошего самочувствия (НХ Ист., с. 145. 16–29).

Казалось бы, тема решена вполне в традиционном духе, и воздержание поставлено выше обжорства. Но уже лексика этого эпизода протестует против такого истолкования, вступая в противоречие с внешним содержанием рассказа. Обильная синонимика как бы нагромождает перед читателем бесчисленные моменты еды: κρεωδαΐα, карυκείαι, βρώματα, πανθοίναι, κρεωβόρος, οὐ ἄρτιματα, τῶν κρεῶν, δαΐτρευσις, ἀδδῆφαγοὶ καὶ κρεωφαγοὶ – все это сгущено на каком-то десятке строк в раскованном барочном изобилии. Одно только слово κρέας и его производные встречаются четырежды. Пир, отвергаемый, словно заслоняет утверждаемую умеренность. И опять-таки любовная лексика перемежается здесь с лексикой трапезной.

Второй эпизод относится к пострижению Исаака Ангела в монастыре Вира: низложенный государь стал вести теперь простую жизнь, питаясь в умеренных размерах хлебом и вином, как и полагалось частному лицу (с. 452. 11–12). Здесь переход к умеренности отнюдь не приобретает ту окраску, как в рассказе об Аксуге, напротив, в нем есть некоторая насмешка, нечто связанное с потерей свободы и лишением зрения. Ироничность этого эпизода, однако ж, становится очевидной лишь в общем контексте императорских трапез.

Тема императорских трапез занимает большое место в «Истории» и решается по-разному применительно к трем василевсам, играющим в повествовании главную роль: Мануилу I, Андронику I и Исааку II. Мануила I в изображении Хониата никак нельзя назвать едоком. Собственно, лишь однажды писатель представляет его за едой: когда император начал есть и чистил ножом персик, объявили о нападении турок. Тут же отбросив плод, Мануил вооружился и сел на коня (с. 177. 73–77). Ни в этом эпизоде, ни в метафорической символике, окружающей Мануила, нет духа обжорства: если Хониат говорит, что воины были зачарованы медом речей Мануила (с. 152. 6), то этот стереотип²³², по-видимому, не должен быть отнесен к сфере еды, как и утверждение, что Мануил лечил жажду войск²³³ раздачами париков (с. 208. 23).

Иная картина предстает перед нами, когда мы обращаемся к Андронику I. Андроник был прост в еде, подчеркивает Хониат, но если простота Мануила носит, так сказать, апофатический характер, то простота Андроника приковывает к себе внимание. Он не был обжорой и лакомкой, прямо заявляет Хониат, и подчас смирял свой желудок трудом и постом, удовлетворяясь ломтем хлеба и глотком вина (с. 351. 60–65). Казалось бы, он следовал идеальным принципам Алексея Аксуга и осуществлял аскетическое воздержание? Ничуть не бывало. Обычно Андроник, подобно гомеровским героям, ел жареное на огне (τά ὀπτά τῷ πυρί) (с. 351. 61–62). Он приказал изобразить себя ведущим простую жизнь кочевника, охотником, который ест свою добычу, раздирая руками оленье или кабанье мясо, искусно жаря его на огне (ὀπτῶν πυρί). Здесь Андроник, несмотря на совпадение ведущей формулы, предстает, пожалуй, не гомеровским героем, а варваром, живущим в палатке (σκηνίτης). Недаром именно в этом контексте всплывает дикий, варварское слово «зубр» с пояснением, что это живущий в стране тавроскифов зверь больше медведя и барса (с. 333. 52–54). И архаичный этноним «тавроскифы» применен здесь не случайно вместо известного Хониату «рос»

(с. 92. 49 и др.), ибо с тавроскифами античная традиция ассоциировала жестокость и человеческие жертвоприношения.

И действительно, тема поджаривания и пожирания всплывает в иной, метафорической сфере при рассказах о расправах Андроника. Георгия Дисипата он собирался посадить на вертел и поджарить (ὀπτηθέντα – тот же глагол ὀπτάω, что и в описании охотничьих пиршеств) на угольях, и жирный Дисипат, подобно поросенку, был бы проткнут и его кожа обжарена (πυρρακίζων), если бы не заступничество тестя (с. 312. 13–20). Но Мамала император действительно бросил в костер (с. 310. 70), что Хониат называет «приготовил к последнему пиршеству» (намек на гомеровский рассказ о Киклопе: Одиссея, 9: 369), добавляя, что Андроник накрыл стол для эриний и тельхинов, положив всякие приправы (с. 310. 65–69). Лапарда надеялся избегнуть «приготовленного пиршества» и челюстей Андроника (сходный образ: с. 571. 48), но был доставлен зверю (с. 278. 78–80). Соответственно приверженцы Андроника находили у него «мифическую промолотую пищу» и так называемый стол Гелиоса и наедались досыта (с. 248. 70–72).

Итак, трапеза Андроника – варварская и вместе с тем мифическая: жареное на костре мясо незаметным образом трансформируется в человеческое мясо гибнущих жертв. Не остается следов ни от раблезианского кровоугодия, ни от аскетического воздержанности, ни от изыска Мануила I, счищающего ножиком кожицу с персика, прежде чем кинуться в схватку. Трапеза Андроника озарена мрачным заревом «тавроскифских» человекоубийственных костров.

Еда Исаака II кажется веселым фарсом после трагического пожирания и поджаривания Андроника I. Подводя итоги его правлению, Хониат отмечает между прочим: он жил в роскоши, днем уcinя пышные сибаритские пиршества, отведав сладчайшие соки, нагромождая холмы хлеба, заросли, полные зверей, проливы – рыб и предлагая гостям винные моря (с. 441. 9–12). Его стол украшала церковная утварь (с. 443. 72–73). Описания его пиршеств постоянно внедряются в «Историю». Вернув Алексея, незаконного сына Мануила I, из заключения в монастыре, Исаак II прежде всего посадил его за стол, угощал мясом (как Агамемнон Аякса – см.: Илиада, 7: 321 и сл.) и уговаривал есть без страха, повторяя все время: «Лопай, игумен» (с. 427. 37–41). Прекрасная новелла об обеде императора, который попросил подать ему соли, на что мим по прозвищу Халивури использовал омофонию греческого слова соль (ἅλας) и женского рода от при-

лагательного «другой» (ἄλλος) и воскликнул, озирая «хор царских наложниц и родственников»: «Отведай, государь, поначалу этих – потом уже прикажешь подать других» (с. 441. 23–27). Все разразились хохотом – игра слов, хоть и груба, но по-ренессансному остра и вызывает смех поныне. Что нам существенно, это снова встречающееся пересечение обеда, смеха и сексуальной тематики. Примечательно в этой связи, что в одной из речей Хониат говорит – не без иронии, – что Исаак в подражание Христу накрывал простой и безыскусный стол (НХ Речи, с. 99. 11–12).

Еда Исаака II сопоставляется и противопоставляется военным действиям. Он жадно хватал пищу и двигал руки на войну против подаваемых ему блюд (НХ Ист., с. 388. 62–63). Конрад Монферратский как-то воскликнул: «О если бы ты так заботился о предстоящей войне (он имел в виду мятеж Враны), как о подаваемой пище, когда ты облизываешься и уделяешь полное внимание подаваемым блюдам». На что Исаак, покраснев, заметил, что всему свое время – и еде, и войне (с. 384. 22–28). Когда же мятеж Враны был подавлен, император вернулся к еде, приказав отворить ворота дворца, чтобы все могли войти и смотреть на него (с. 384. 59–62). Наконец, Исаак говорил, что у него будут такие полководцы, не чета нынешним, которые пожрут богатство племен и высосут их жир (с. 432. 73–75, аллюзия на Ис. 29: 7–8, Числ. 24: 8).

Теперь мы можем вернуться к фразе о пострижении Исаака: в самом деле, если император, вся жизнь которого состояла в пиршествах, был обречен на скудный стол, – это явная насмешка, отнюдь не прославление умеренности. И не удивительно, что едва Хониат сообщает о его восстановлении, как на сцене появляются монахи, обедающие вместе с царем и пожирающие свежую и жирную рыбу (с. 558. 34–35).

Три императора – три разных типа отношения к еде, и все три далеко отстоят от аскетического воздержания. Уже само это разнообразие – свидетельство внутренней заинтересованности автора в теме вопреки его внешней враждебности к обжорству. И именно поэтому в речах нередко тема еды приобретает совершенно иной, интимно-дружеский оттенок: он мечтает насладиться пиршеством (πανδασία) достоинств своего друга, митрополита Филиппопольского, хотя и боится, что не сможет насытиться его добродетелями (НХ Речи, с. 192. 10–12). Феодору Троху все давалось само: еще не отведав, он уже был сыт знаниями, тогда как иные, долго сидевшие за столом, сохраняли чувство голода (с. 17. 29–31). Хониат оплакивает сына, который умер, дав отве-

дать от своего блага, но не насытив и оставив близких с открытым ртом, страдающими от влечения (πόθος) (с. 48. 1–3).

Итак, мы констатируем, что тема еды властно проникает в сочинения Хониата и находит там многообразно пестрое отображение. Тема эта связана, как и следует ожидать, с эротической и смеховой темой, что выдает ее народное происхождение, и это подтверждается вкраплением «народной» лексики в некоторые трапезные эпизоды. Вместе с тем было бы наивным думать, что «народное» отношение к трапезе, отличное от идеала аскетизма и даже отрицающее его, затронуло только демократические слои населения. Образы обжор, начиная с Исаака II, нарисованные Хониатом, живо опровергают такое предположение. Как ни парадоксально, «демократизм» языка и быта был модным при дворе XII в. Позиция же самого Хониата оставалась в этом вопросе двояственной: на содержательном уровне он склонялся к официальному воздержанию, но его образный мир обнаруживает явное любование, во всяком случае глубокий интерес к пиршественному столу, хотя и не такой откровенный, как у Евстафия Солунского.

Не только еда, но и одежда – предмет постоянного внимания Хониата, и в этом вопросе мы сталкиваемся с тем же противоречием: в идеале писатель стремится к одежде, глухо закрывающей тело, действительность же заставляет его видеть и говорить об одеянии иного типа.

Мы оставим в стороне частые у Хониата упоминания отдельных элементов одежды, вроде сообщения, что Косьма Аттик носил хитон, верхнее платье (ἐλευδύτης) и полотняную шапку на голове (с. 80. 93–94) или что Мануил I ходил в изящной хламиде, застегнутой на правом плече и оставлявшей руку свободной (с. 108. 60–62). Интереснее упоминания штанов: ἀναξυρίς (с. 186. 73, 298. 30) или βράκα (с. 273. 87). Как и повсеместно в средние века, одежда выражала в Византии социальный статус: синклитики носили особые головные уборы и белый полотняный плат на спине (с. 271. 35–36).

Хониат с удовлетворением говорит, что на статуе Афины, благодаря ее длинному одеянию и складкам, было скрыто все то, что природа наказала скрывать (с. 558. 52–54). Здесь целомудренность одеяний торжествует, но показательно, что она торжествует не в жизни, а на античной статуе; возможно, что именно иконография «закрытой» Афины привлекала писателя, в отличие от многих обнаженных фигур, которые он мог видеть. В жизни в длинном плаще до пят появлялся только Андроник Комнин

(с. 226. 88), и это чистое лицемерие, ибо мы увидим еще, что он отнюдь не был поклонником закрытой одежды, а в данном случае плащ был нужен ему, чтобы разыграть трогательную и фальшивую сцену унижения перед Мануилом I.

Чаще, чем о закрытой, мы слышим о новомодной, об открытой одежде. Хониат несколько раз говорит о новых модах – не всегда вразумительно, но всякий раз с осуждением. Иоанн II лично следил за стрижкой волос и за обувью своих приближенных, не разрешая им гоняться за модой. Он выступал против глупости (ἄσωτον) в одежде и еде (с. 47. 67–70). К сожалению, писатель не раскрывает нам, в чем состояли эти «глупости», во всяком случае, в этом месте. Напротив, протосеваст Алексей следовал новой моде или даже вводил ее и тем привлек на свою сторону большую часть знати. Согласно Хониату, новая мода состояла в том, что он спал днем и развлекался ночью, а также чистил зубы и вставлял на место выпавших новые, сделанные из смолы (с. 244. 51–60). Затронула ли «новомодность» Алексея одежду, об этом Хониат молчит.

Хониат связывает введение новой моды с Андроником Комнином. Он стал носить необычные (ἐξάλλους) одежды, которые, ниспадая до ягодиц и бедер, имели разрез (διασχίζονται) и были как бы облегающими (συνφασμέναι) тело (с. 139. 50–52). В другом месте говорится, что Андроник носил одежду с разрезом (σφιστήν), фиолетового цвета, сшитую из грузинской ткани; она ниспадала до ягодиц и колен и закрывала верхнюю часть рук; на голове у Андроника была дымчатая пирамидальной формы шапка (с. 252. 73–76). С этим совпадает и свидетельство Хониата о портрете Андроника, выставленном у храма Сорока мучеников: император был изображен в одежде из синеватой ткани, ниспадавшей до ягодиц и имевшей разрез (ἀμφισχιδῆ), и в белых сапогах до колен (с. 332. 25–27). Легко убедиться, что все три описания имеют в виду костюм одного типа – короткий (чуть ниже ягодиц) кафтан с разрезом. Некоторое уточнение в это описание вносит одежда Исаака Ангела: он ходил дома с непокрытой головой, в двухцветном кафтане, облегавшем (συνεῖχε τὸ σῶμα) тело, ниспадавшем до поясницы, а ниже разделенном надвое (с. 342. 88–90). Еще одну деталь вносит костюм Давида Комнина: на нем были штаны, закреплявшиеся завязкой сзади (ὀπισθίῳ δεσμεύματι) и расшитые золотом башмаки до лодыжек (с. 298. 30–32).

Я уже говорил, что в литературе комниновская мода обычно связывается с западной – вопреки прямому удивлению Одо Дейльского перед узким византийским костюмом. Хониат без

колебаний утверждает, что в одежде ромеев и латинян не было ничего общего (с. 300. 1–2). По описанию Хониата, Томмазо Морозини носил отеческую одежду, почти прилежавшую к телу (συνυφασμένην μικροῦ τῷ σώματι) и украшенную вышивкой (ραφιδουμένην) на запястьях обеих рук (ἐκάστης); она оставляла грудь свободной (с. 623. 74–76; ср. 647. 11–13)²³⁴. В этом описании узнается западная одежда XII в., свободная на груди, с рукавами, скрепленными у запястий, и обильными вышивками. Несмотря на употребление глагола συνυφάζω, примененного и в описании костюма Андроника, различие обоих одеяний очевидно: вместо разреза подчеркнуты свободные рукава и грудь, равно как и вышивка. Я уже не говорю о «грузинской ткани», гораздо существенней другой момент: в описании портрета Андроника прямо сказано, что представлен он был в одежде не царственной златотканой, а в рабочей (ἐργατικόν); к тому же в руке у него был серп (с. 332. 24–25, 28). Двухцветный кафтан Исаака Ангела – тоже домашняя, обыденная одежда. Короче говоря, новая мода, проникающая в придворные круги в XII в., пришла не с Запада, но из трудовой и будничной жизни; ее принципом было обеспечить максимальное удобство движений; благодаря короткому кафтану с разрезом и коротким рукавам, оставлявшим обнаженными руки до локтя, одежда была открытой, и именно эта ее открытость возмущала Хониата, не переставшего напоминать, что обнаженные руки непристойны (с. 509. 11–12) и символизируют унижение и безоговорочное подчинение (с. 285. 79).

Огромное внимание Хониат уделяет зрелищам. Императоры любят ристания на Ипподроме: и Мануил I (с. 91. 7–8, 158. 81), и Андроник I (с. 280. 40, 281. 92), и Алексей II (с. 223. 13), и Исаак II (с. 398. 72), и Алексей III (с. 508. 84–85, 530. 50–51). Хониат описывает зрелища на Ипподроме: ристания и гимнастические состязания, выступления канатоходцев, травлю «крылатоногих» зайцев собаками (с. 290. 6–10). На Ипподроме можно было видеть и карлика Зинцифица, потешавшего всех шутовскими выходками (с. 315. 85–89). Принимая Килич-Арслана, Мануил I устроил пышные зрелища: после конных состязаний какой-то агарянин обещал невиданное – он должен был лететь на крыльях, как на парусах, но, прыгнув с башни, разбился насмерть (с. 119. 55 – 120. 81). Подробно описаны торжественный въезд Мануила I в Антиохию и устроенный там по этому поводу турнир (с. 108. 44 – 110. 91; о въезде в Антиохию Иоанна II см.: с. 31. 16–18); процессия, сопровождавшая переезд патриарха Феодосия из Панэпоптова монастыря в храм св. Софии (с. 243. 20–27);

позорящая процессия, завершившаяся ослеплением протосебаста Алексея Комнина (с. 249. 2–8), и другая позорящая процессия, когда низложенного Андроника I везли по городу на паршивом верблюде (с. 349. 10 – 350. 38), сопровождаемого насмешками толпы. При Андронике I люди плясали на улицах (с. 271. 37–41; ср. с. 244. 26). Наконец, Хониат описывает пышную свадьбу, устроенную одним из влиятельных антиохийцев своей дочери: всю ночь играла музыка и продолжались пляски (с. 494. 5–9). Праздничный, карнавалыный мир зрелищ, сопровождающихся бурными эмоциями и прежде всего смехом, занимает значительное место на страницах «Истории».

Демократизация быта нашла свое выражение и в известной эмансипации женщины, в ее освобождении из-под кекавменовского «домостроя». «Свободное» поведение женщины Хониат воспринимает как западное явление: он удивляется немецким женщинам, участвовавшим во Втором крестовом походе, которые по-мужски (он добавляет «разнузданно») сидели в седле, держали в руках копьа, были одеты в мужской костюм и вели себя воинственное амазонок (с. 60. 48–53); он рассказывает о знатной итальянской даме (графине де Бертиноро), которая пришла на помощь осажденной Анконе (с. 202. 35–38). Но и византийские женщины подчас вели себя по-мужски: Хониат специально подчеркивает, что женщины при Андронике I испытали ослепление, голод, тюрьму и телесные муки (с. 324. 85–87), недаром женщины активно участвовали в расправе над ним (с. 349. 5), а некая распутная баба вылила на Андроника горшок горячей воды (с. 350. 30–32). По-мужски вели себя Мария, дочь Мануила I (с. 230. 2–3) и Евфросиния, жена Алексея III (с. 460. 78–79), которая даже ездила на соколиную охоту (с. 520. 63–66); Анна Комнина горевала, что не родилась мужчиной (с. 10. 53–56). Но не эти «мужеподобные» женщины вызывают у Хониата симпатию: именно по поводу Евфросинии писатель цитирует анонимное изречение, что женщина – зло и стремление спать с ней приносит больше вреда, чем пользы (с. 549. 5–7). Прекрасна женщина целомудренная, как жена Алексея Аксуха (с. 144. 92), и молчаливая, подобно супруге Алексея Враны (с. 389. 70–71). Идеалы гинекея, разрушаемые действительностью, сохраняли свою привлекательность для Хониата.

Отношение писателя ко второму компоненту византийской общественной жизни XII в., к аристократизму, было существенно иным. Хорошо известно, что родовитость, благородное происхождение рассматривается Хониатом в «Истории» как ценность

и знатные противопоставляются презируемой им толпе²³⁵. Соответственно и воинские доблести – в его представлении – неоспоримое достоинство²³⁶. К этому вопросу нет необходимости возвращаться специально: несмотря на заметные ему пороки многих аристократов, именно в этой среде, а не в мире купцов или чиновников писатель ищет людей, которых он мог бы противопоставить порочному и эгоистичному обществу.

Есть еще и другая причина, позволяющая обойти стороной трактовку Хониатом благородства и воинской доблести как высоких этических ценностей; в этих вопросах его взгляды не являются ни оригинальными, ни выраженными с максимальной последовательностью. Героический образ императора-воина родился в Византии в конце X в., в легенде о Никифоре Фоке, и отзвук этой легенды, кстати сказать, сохранен Хониатом (с. 207. 88–89), который видел в нем – единственном из государей прошлого – героически сильного и необычайно разумного правителя. Со второй половины XI в. этот образ становится общим местом византийской исторической и панегирической литературы.

К двум этим аристократическим категориям Хониат, однако, присоединил еще одну – верность. Идея верности, *fides*, как известно, стала краеугольным камнем феодальной идеологии европейского Запада в XII в., тем более существенно то напряженное внимание, с которым относился Хониат к этой проблеме.

Термин *πίστις*, как и латинское *fides*, имеет первое и основное значение «вера», и в этом значении неоднократно употребляется Хониатом (с. 80. 19, 117. 82, 212. 14, 213. 58, 217. 42). Вместе с тем писатель часто применяет его и его производные в значении «верность» и связанных с ним смыслах. Преимущественно в первых книгах «Истории» всплывает это понятие: время от времени идет речь о верном (*πίστος*) слуге (с. 42. 44; ср. 204. 12–13), о вернейших людях (с. 98. 88), о вернейших триерархах (с. 247. 34), о верном по природе и воспитанию (с. 205. 26), о верных клятвах (с. 61. 76). Иоанн II обязал свое окружение верности (*τὰ τῆς εὐνοίας καὶ πίστεως*) по отношению к своему наследнику Мануилу (с. 46. 49–50). Патриарх Феодосий советовал умиравшему Мануилу подыскать человека, который бы соблюдал верность царице (с. 220. 19–23). Несколько раз говорится о верных людях в итальянских городах (с. 201. 6) и в особенности о верности анконитов Мануилу I (с. 201. 18, 202. 46, 204. 12); сербский правитель после некоторых сомнений вновь стал верным царю (с. 159. 9–13).

Уже и здесь, особенно начиная с царствования Алексея II, мы можем встретить некоторые пассажи, где верность всплывает

в негативном или сомнительном смысле. Мануил обвинял протостратора Алексея Аксуха в нарушении верности (εὐνοίας καὶ πίστewς) (с. 144. 67). Андроник Комнин двусмысленно говорил о том, что, соблюдая верность (πιστοῦμένους ἡμᾶς) родившемуся наследнику престола, византийские вельможи нарушат клятвы, ранее данные дочери Мануила – Марии (с. 137. 75–77). Мария, в свою очередь, подняв мятеж против протосеваста Алексея, уверяла, что соблюдает верность царю и брату (с. 231. 17).

От отдельных казусов Хониат переходит к социальным обобщениям. Уже при Мануиле I чиновники часто оказывались взяточниками, а не соблюдающими верность (с. 205. 28–29) и только принимали видимость доброго и верного слуги (с. 205. 37). В царствование Алексея II жители Константинополя показали свое безразличие к государю: тот, кого они нынче законным образом провозглашали правителем, завтра оказывается низвергнутым (с. 234. 86–88). Во время восстания Андроника Комнина византийцы считали достаточной верностью царю, иронически замечает Хониат, оставаться дома и не принимать сторону ни тех, ни других. Он объясняет этот индифферентизм корыстолюбием и страхом перед убийствами во время государственных переворотов (с. 246. 23–27; ср. с. 224. 39–41). Редкостным исключением в этих обстоятельствах оказывается Андроник Лапарда, который считал позорным служить Андронику I после расправы с Алексеем II (с. 279. 4–5).

Тема неверности нарастает в рассказе о царствовании Андроника I. Он жаловался на неверность (ἀπιστία) всех окружающих (с. 315. 70); пикантность этих жалоб состоит в том, что Андроник сам был обманщиком, не соблюдавшим клятв: он и его сторонники нарушили клятвы, данные Мануилу I и его несчастному сыну, и Хониат возмущается патриархом Василием Каматиром, который освободил узурпатора от его присяги (с. 276. 22–27). Но и сам Андроник узнал неверность подданных, которые забыли о данных ему торжественных клятвах верности (πίστις καὶ εὐνοία) (с. 350. 22–23).

Осуждение неверности достигает апогея в конце «Истории»: Хониат восклицает, как бы подводя итоги своему повествованию, что ромеи по справедливости слывут у всех племен ехидна-матереубийцами, народом, потерявшим рассудок (Второзак. 32: 28), детьми развратившимися (Второзак. 32: 5), сынами погибельными (Ис. 1: 4), ибо, едва помазав государя на царство, они думают, как бы низложить его (с. 642. 81–85).

До сих пор мы говорили только об одной категории верности – о верности подданного царю. Но в рассказе об Андронике I это

понятие получает новый аспект. При нем, говорит Хониат, отсутствие верности (*ἀπιστία*) стало общим бедствием: брат предавал брата, а отец – сына (с. 258. 5–12).

Гораздо отчетливее феодальная природа верности проступает в рассказе Хониата о Пупаке, полководце, отличившемся во время осады Корфу в 1149 г., когда он был дружинником великого доместика Иоанна Аксуха (с. 83. 84–86). Позднее он служил Андронику Комнину; во всяком случае, когда тот бежал из константинопольской тюрьмы, Пупак приютил его в Анхиае и снабдил средствами, чтобы добраться до Галицкой Руси (с. 130. 79–82). За это Пупак был подвергнут бичеванию, и глашатай объявил его «врагом василевса». Во время позорной процедуры Пупак держался твердо и на слова глашатая возражал, говоря, что позорным для Пупака было бы предать благодетеля или надменно от него отделаться, а не служить ему в меру сил и не отправить радостным в дальнейший путь (с. 131. 10–18).

Пожалуй, нигде в византийской литературе XII в. не противопоставлены с такой очевидностью две формы идеологии: одна, основанная на принципе подданства и соблюдения государственных обязанностей, в свете которой Пупак и в самом деле оказывается врагом государства; другая же имеет в своей основе феодальную *fides*, личную верность, поставленную выше государственных обязанностей: интересы благодетеля (*εὐεργέτης*) оказываются для Пупака более важными и чем государственные нужды, и чем собственная безопасность. Хониат определенно сочувствует Пупаку, а в другом месте он влагает в уста Мануила осуждение султана, оказавшегося неблагодарным по отношению к *εὐεργέτης* (с. 177. 93).

В свете истории Пупака получает объяснение и рассказ Хониата о мятеже Константина Ангела, который был выдан Исааку II собственными сторонниками. В послании царю они заявили, что примкнули к мятежнику, подчиняясь обстоятельствам и опасаясь Константина, а теперь они дают василевсу неопровержимое свидетельство своей верности (с. 436. 73–84). Ход рассуждений мнимых сторонников Константина был прекрасно знаком византийцам: именно так наставлял вести себя Кекавмен в случае мятежа, руководствуясь известным принципом, что правящий в Константинополе всегда возьмет верх (Кек., с. 248. 22–27). Как и Кекавмен, предатели исходили из принципа *πίστις* в отношении к суверену, но Хониат отвергает эту *πίστις* во имя принципов личной (феодальной) верности.

Верность Хониата имеет двусторонний характер: она налагает определенные обязанности на обе стороны. Андроник I выка-

зал себя неверным (ἀπιστότατος) по отношению к собственным слугам: сегодня он возвышал их, завтра обходился наихудшим образом (НХ Ист., с. 259. 27–31). Алексей III не соблюдал то, что цари и полководцы, по мнению Хониата, должны были ценить выше всего – выполнение клятв: он нарушил клятву, данную Алексею (Иванко) и бросил его в тюрьму (с. 519. 28–33). Он предал Мануила Камица, предпочтя его богатства существовавшим между ними отношениям (σχέσις) (с. 533. 53–56).

Мы можем констатировать, что Хониат высоко ценит верность. Он требует от подданных верности василевсу, понимаемой им как личная верность, как преданность лицу, а не престолу. Выше государственных интересов он ставит феодальную *fides* – верность «благодетелю» (сеньору). Он понимает верность как систему двусторонних отношений, при которых не только суверен имеет право на πίστις καὶ εὐνοία, но и сам обязан соблюдать клятвы, данные подданным или вассалам. Несоблюдение клятв, бывшее принципом политики Кекавмена, осуждается Хониатом с аристократических позиций.

Итак, Хониат в самом деле отобразил наличие двух тенденций развития византийского общества: к демократизации и к аристократизации. Его отношение к этим явлениям было непростым: он с явной симпатией относился к феноменам феодальной аристократизации – к идеалам родовитости, воинской доблести и личной двусторонней верности; он критиковал, возможно, подчас преувеличивая бедствие, нестабильность византийской жизни; он впитывал элементы демократического, народного быта, хотя относился к ним настороженно-опасливо. При этом анализ его текста еще раз приводит к выводу о некоторой условности понятия «демократичность – народность» в применении к Византии XI–XII вв.: на «народность» установилась устойчивая мода при императорском дворе, видимо, именно потому, что демократизация быта параллельно с его известной аристократизацией если и не разрушала церемонийно-упорядоченную цивилизацию X столетия, то все-таки подрывала ее существенные устои.

¹ См.: *Psaltis S. B. Grammatik der byzantinischen Chroniken*. Göttingen, 1913. S. IX f. (непечатано: Göttingen, 1974); ср.: *Dieterich K. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache*. Leipzig, 1898. S. XVII (перепечатано: Hildesheim; New York, 1970); *Browning R. Medieval and Modern Greek*. London, 1969. P. 61 f.

- ² См.: *Beck H. G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur.* München, 1971. S. 27; ср.: *Aerts W. J. Anna's Mirror, Attic(istic) or «Antiquarian»?* Athens, 1976. S. 5. [О «стилистике» византийской литературы см.: *Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Literature* // *JÖB.* 31/1. 1981. P. 289–312.]
- ³ *Cantacuzenus. Historiae.* Vol. III. Bonnae, 1832. S. 94. 2 – 99. 9 (см. Reg. № 29507).
- ⁴ *Beck H. G. Geschichte...* S. 4–6.
- ⁵ *Joannes Tzetzes. Historiarum variarum chiliades* / Ed. Th. Kiessling. Lipsiae, 1826. S. 517, 204–206.
- ⁶ *Kurtz B. Unedierete Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos* // *BZ.* 16. 1907. S. 116, 148–158.
- ⁷ Вопрос о Продроме, или Продромах еще далек от разрешения. В. Херанднер, решительно отделяющий – вопреки устойчивой рукописной традиции – «Манганского автора» от Феодора Продрома (см.: *Hörandner W. Marginalien zum «Mangancios Prodromos»* // *JÖB.* 24. 1975. S. 99 f.), не исключает возможности, что Продрому принадлежат «народноязычные» стихи (см.: *Hörandner W. Theodoros Prodromos und die Gedichtsammlung des Cod. Marc. XI. 22* // *JÖB.* 16. 1967. S. 92; ср.: *Hörandner W. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte.* Wien, 1974, 21, 65 f.; *Hörandner W. Traditionelle und populäre Züge in der Profandichtung der Komnenzeit.* Athens, 1976. S. 10. Напротив, П. Вирт считает невозможным «запихнуть обоих литераторов в один горшок» (*Wirth P. Die sprachliche Situation in der umrissenen Zeitalter.* Athens. 1976. S. 28 f.). М. Кириакидис также разделяет трех «Продромов», подчеркивая однако языковую близость манганских стихотворений и народноязычной стихии (см.: *Kyriakidis M. Poor Poets and Starving Literati in XIIth Century Byzantium* // *Byz.* 44. 1974 (1975). S. 300 f. Помимо широко известных четырех птохопродромовых сатир на разговорном языке (*Poèmes Prodr.*) см. также: *Majuri A. Una nuova poesia di Teodoro Prodromo in greco volgare* // *BZ.* 23. 1914/19. Ср. еще: *Theodoros Prodromos. Philosophia tou krasopateros kai alla Ptochoprodromika* / Ekd. I. M. Chatzephotes. Athenai, 1969. О смешении рукописной традиции см.: *Sulogiannes E. Stichoi pheromenoi hos ptochoprodromikoi eis cheirographon tou Hagiou Orous* // *Parnassos.* 10. 1968. S. 587–594 (ср. *BZ.* 62. 1969. S. 136).
- ⁸ См.: *Eideneier.* Zur Sprache des Michael Glykas // *BZ.* 61. 1968.
- ⁹ Обращенность византийской «димотической» литературы к знати подчеркнул Ж. Гродидье де Матон, видя в этом отличие Византии от Запада, где первые памятники на народном языке были адресованы массам. Отмечив далее «гипердимотизм» сочинений Птохопродрома, близость его языка к арго, Гродидье де Матон находил в византийской народной литературе XII в. сильные элементы искусственности (см.: *Grosdidier de Matons J. Courants archaïsants et populaires dans la langue et littérature.* Athènes, 1976. S. 4–6.
- ¹⁰ Reg. Patr., 3, № 1032. См.: *Wirth P. Die sprachliche Situation.* S. 27; ср.: *Grosdidier de Matons J. Courants archaïsants...* P. 9 sq.
- ¹¹ *Hörandner W. Traditionelle und populäre Züge...* S. 11.
- ¹² Первые образцы этого стиха относятся к X в. (см.: *Ševčenko I. Poems on the Death of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes* // *DOP.* 23–24. 1969–70. S. 222–225), если они действительно современны описанным в них событиям. Детальный разбор эволюции типов политического стиха в XI–XII вв. см.: *Tiftixoglou V. Digenes, das «Sophrosyne» – Gedicht des Meliteniotes und der byzantinische Fünfzehnsilber* // *BZ.* 67. 1974. S. 46–58.

- ¹³ См.: *Jeffreys M. J. The Nature and Origins of the Political Verse // DOP. 28. 1974. S. 166.*
- ¹⁴ *Jeffreys M. J. The Nature and Origins... S. 173–175.*
- ¹⁵ В конце XII в. Неофит цитировал «народную» песню в ритме пятнадцатисложника (*Jeffreys M. J. The Nature and Origins... S. 160*). К народным аккламациям и церковным песнопениям возводит политический стих В. Херанднер: *Hörandner W. Theodoros Prodromos. Hist. Ged. S. 128–131* и особенно прим. 295; *Hörandner W. Traditionelle und populäre Züge... S. 7 f.* [М. Джеффриз также считает, что политический стих был уже широко распространен в устной народной поэзии к 900 г., когда он появляется в произведениях интеллектуалов и представителей константинопольской знати. К сожалению, это предположение пока остается гипотетическим (см.: *Jeffreys M. J. Byzantine Metrics: Non-Literary Strata // JÖB. 31/1. 1981. S. 323–329*).] И. Кодер, напротив, считает невозможным «прямое выведение пятнадцатисложника из так называемой народной поэзии» (*Koder J. Der Fünfzehnsilber am kaizerlichen Hof um des Jahr 900 // BS. 33. 1972. S. 219*).
- ¹⁶ *Jeffreys M. J. The Nature and Origins... S. 148–157.*
- ¹⁷ *Hörandner W. Theodoros Prodromos. Hist. Ged. S. 128.*
- ¹⁸ *Jeffreys M. J. The Nature and Origins... S. 195.*
- ¹⁹ *Liutprand von Cremona. Die Werke. Hannover; Leipzig, 1915. S. 171. 1–10* (см. русский перевод: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 209. [Возможно, Лиутпранд писал это, чтобы угодить собственному императору – Оттону. Однако и Ибн Хаукаль, его современник, изображает похожую картину (см.: *Ibn Hauqal. Configuration de la terre / Ed. and transl. J. H. Kramers and G. Wiet. Paris; Beirut, 1964. S. 195*).]
- ²⁰ *Успенский Ф. И. Путевые записки Вениамина из Туделы // Анналы. № 3. 1923. С. 12–14.* Ф. И. Успенский, впрочем, критически относился к словам Вениамина о богатстве жителей Константинополя и утверждал, что «византийцы были богаче в X веке, чем в XII».
- ²¹ «Константинополь, – говорит Одо, – превосходит все города богатством» (*Odo of Deuil. De profectione Ludovici VII in Orientem. New York, 1948. S. 64*); ср. описание золотых и серебряных изделий на столах менял: *Odo of Deuil. De profectione. P. 74*). О богатствах Кипра (серебряная посуда, шелковые ткани) писал в конце XII в. Амбруаз (см.: *Hubert M. J., La Monte J. L. The Crusade of Richard Lion-Heart. New York, 1941. P. 106 f.*
- ²² О византийской одежде см.: *Koukoulès Ph. Vie et civilisation byzantines. T. II. 2. Athènes, 1948. P. 5–59*, и дополнения: P. 267–294. Ср. еще: *Houston M. G. Ancient Greek, Roman and Byzantine Costume and Decorations. I–II. New York, 1931* (второе издание: London, 1947. S. 134–161). [К. Манго (*Mango C. Discontinuity in Byzantium // Byzantium and the Classical Tradition. Birmingham, 1981. S. 51 f.*) исследует изменения в костюме высшего класса в эпоху поздней античности, а не средневековой Византии.] Ср. также: *Наследникова В. История на болгарския костюм. София, 1969.* Но автор полагает (там же, с. 19), что памятники XI–XII вв. не сохранили нам облика болгарской одежды.
- ²³ О ранневизантийском шелкоделии: *Lopez R. S. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 20. 1945. № 1.* О шелкоделии XI–XII вв. см. выше, гл. I.
- ²⁴ *Poèmes Prodr., № 1, 59.* См. комментарии: *Koukoulès Ph. Vie et civilisation... VI. P. 270 sq.*
- ²⁵ Лонгивард в X–XI вв. еще с пренебрежением говорил о «воздушных» одеждах из льна и шелка (*Festa N. Longibardos // Byz. 6. 1931. P. 116. 10–11*; о дате –

там же. Р. 102). Писатели XI–XII вв. (Пселл, Евстафий Солунский, Николай Месарит) постоянно упоминают о тонком полотне (см.: *Koukoulès Ph. Vie et civilisation...* II. 2. Р. 23; VI. Р. 275 sq. Свидетельство снотолкователя Ахмета Ф. Кукулес (там же) относится к IX в. – однако эта дата произвольна: мы знаем лишь, что сочинения Ахмета возникли до 1176 г.

- 26 См.: *Божков А.* Миниатюры от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972. С. 22. [*Cirac Estopacan S. Scyllitizes Matritensis. Vol. 1. Reproducciones y miniaturas. Barcelona, 1965. E. g., fols. 12v, 50v, etc.*] В. Н. Лазарев (История византийской живописи. Т. 1. М., 1947. С. 168) считал ее памятником XIII в., целиком восходящим к традициям XII столетия. По мнению А. Грабара, она создана около 1300 г. (в Сицилии или Южной Италии), но по своему стилю напоминает константинопольские миниатюры середины XI столетия (*Grabar A. Les illustrations de la Chronique de Jean Scylitzès à la Bibliothèque nationale de Madrid // Cah. Arch. 21. 1971. P. 195 sq., 208.*) [Н. Г. Вильсон убедительно показала, что рукопись происходит из Южной Италии и относится к XII в. (см.: *Wilson N. G. The Madrid Scylitzes // Scrittura e civiltà 2. 1978. P. 209–214.*)]
- 27 См.: *Kondakov N. P. Geschichte und Denkmäler des byzantinischen Emails. Frankfurt a. M., 1892. S. 297–302.* По мнению Н. П. Кондакова, кафтан-скарамангий (первоначально одежда всадника) становится в X в. типичным элементом аристократической одежды (см.: *Kondakov N. P. Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byz. 1. 1924. P. 33.*)
- 28 *Horna K. Analecten zur byzantinischen Literatur. Wien, 1905. S. 10. 140–141; ср. еще: Koukoulès Ph. Vie et civilisation... II. 2. Р. 49 sq., 284.*
- 29 Первое упоминание брюк (βράκα) в византийской литературе – Евст. Сол., с. 82. 7; см.: *Koukoulès Ph. Vie et civilisation... VI. Р. 286.* [Неизвестно, оставались ли брюки в употреблении со времен античности (braccarii, «изготовители штанов», упоминаются в эдикте о ценах Диоклетиана и в нескольких египетских папирусах) на протяжении раннего средневековья, однако в XII в. их снова начинают носить. Евстафий Солунский несколько раз с раздражением пишет об одежде, покрывающей срам [штанам], известной римлянам как braccas или anazyrides (Commentary on the Iliad / Ed. van der Valk. Vol. 1. Р. 36. 11; 328. 28–29). Описывая плутоватого правителя Салоник Давида Комнина, Евстафий замечает, что никто никогда не видал его вооруженным или верхом на коне; обычно Давид развезжал на муле в braccas, модных сапогах и красной грузинской шляпе (Евст. Сол., 82. 6–8).]
- 30 [*Odo of Deuil. De profectione Ludovici VII in Orientem. New York. P. 26.*] См.: *Guillou A. La civilisation byzantine. Paris, 1974. P. 234; ср.: Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970. S. 411.*
- 31 По мнению Ф. Кукулеса (*Koukoulès Ph. Vie et civilisation... II. Р. 7*), узкая одежда появилась в империи под влиянием крестоносцев.
- 32 *Hägg I. Kvinnodräkten i Birka. Uppsala, 1974. S. 98 f., 109 f.* Возможно, что костюм этого типа проник из Византии в Польшу (см.: *Hensel W. Die Slawen im frühen Mittelalter. Ihre materielle Kultur. Berlin, 1965. S. 377 f.*).
- 33 См.: *Koukoulès Ph. Vie et civilisation... II. 2. Р. 19.*
- 34 См.: *Hunger H. Reich der neuen Mitte. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 84 f.* Об императорском церемониальном костюме – *Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081–1261. Washington, 1969. P. 65–68; ср.: Piltz E. Loros – ett bysantiskt insignium // Konsthistorisk tidskrift. 41. 1973 (см.: BZ. 68. 1975. Р. 196).* О ранней истории пурпура как государственного символа: *Reinhold M. History of Purple as a Status Symbol in Antiquity. Bruxelles, 1970.*

- ³⁵ [Городской префект (эпарх), например, носил черно-белый плащ (chiton); его цвета символизировали «меч правосудия», так что цвет преступления, чернень, был отделен от цвета закона, белого (Хр. Мит., № 30). Севастократор носил голубую обувь, а протовестиарий – зеленую. Красные сандалии и пурпурное одеяние являлись прерогативой императора, хотя в конце XII в. некоторые высокопоставленные чиновники двора имели право не только самим одеваться в пурпур, но и украшать им своих коней (см. НХ Ист., 438, 43–45.) Заметки о костюме византийских вельмож разбросаны в кн.: *Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines*. I–II. Berlin, 1967. Впрочем, он базируется преимущественно на поздних (XIV в.) свидетельствах псевдо-Кодина. Ср. также примечания Н. Икономидиса к изданным им тактикам: *Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantine des IXe et Xe siècles*. Paris, 1972. Вопрос заслуживает монографического изучения. [В одежде XI–XII вв. можно увидеть и этнические различия. Судя по миниатюрам в рукописях, болгары носили особый, только им присущий костюм (см.: *Ivanov J. Le costume des anciens Bulgares*. Paris, 1930), так же как и другие этнические группы империи, имевшие свой традиционный наряд. Скилица сообщает о некоем Алусиане, аристократе-болгарине, сосланном в Армению, который бежал из места заточения, переодевшись в армянскую одежду и оставшись таким образом незамеченным (Скил., 413. 1).]
- ³⁶ *Koukoulès Ph. Vie et civilisation...* II. 2. P. 26, 32, 42. [Пселл, предпочитавший простую одежду, описывает знатную женщину, носившую «необычайное украшение» на голове, золотое кольцо вокруг шеи и браслеты на запястьях в виде змей; на ней были серьги из жемчуга и пояс, украшенный золотом и жемчугом (Пс. Хрон., II: 135, № 87. 4–7; 2: 49, № 152. 6–10). Он с заметным удивлением замечает, что императрица Зоя пренебрегала золотыми нарядами, лентами и ожерельями и предпочитала лишь простую, легкую одежду (2: 49, № 158. 11–14). Евстафий Солунский, комментируя гомеровскую метафору (он полагал, что «одеться камнем» (Илиада, 3: 58) эвфемистически означало быть побитым камнями), неожиданно ссылается на современную ему моду, описывая наряды, усыпанные жемчугом и драгоценными камнями (см.: *Eustathios. Commentarii ad Homeri Iliadem* / Ed. J. G. Stallbaum. Vol. 4. Leipzig, 1830. S. 379. 24–25, 598. 27–28.)]
- ³⁷ *Korre K. G. Korona-parampykia-phlokos* // *EEBS*. 41. 1974. P. 128–135. Примечательно, впрочем, что термин *παράπυκία*, обозначавший завиток на лбу, засвидетельствован в Византии именно в XII в Евстафием Солунским: *Eustathios. Commentarii...* P. 130. [Comm. on the Iliad. P. 257. 26–37.]
- ³⁸ [PG, t. 137, p. 848 BC.] *Koukoulès Ph. Vie et civilisation...* IV. P. 344 sq. Ф. Кукулес ссылается также на Михаила Хониата и Феодора Продрома.
- ³⁹ *Koukoulès Ph. Vie et civilisation...* IV. P. 359 sq.
- ⁴⁰ Кек., с. 224. 21–22. Я понимаю ἄριστον как завтрак, а δειπνον – как обед.
- ⁴¹ *Teall J. L. The Grain Supply of the Byzantine Empire*. 330–1025 // *DOP*. 13. 1959. P. 99; *Каждан А. П. Сколько ели византийцы?* // *ВИ*. 1970. № 9. С. 215–218.
- ⁴² *Schilbach E. Byzantinische Metrologie*. München, 1970. S. 103. [О монастырских уставах см.: *Gautier P. Le Typicon du Christ Sauveur Pantocrator* // *REB*. 32. 1974. P. 57. 466–482.]
- ⁴³ О застройке Коринфа см.: *Morgan Ch. The Byzantine Pottery* // *Corinth*. 11. 1942. 5–7; ср. также: *Scranton R. L. Medieval Architecture...* Иррегулярный, «средневековый» характер имеет и застройка акрополя в Сардах в X–XI вв. (*Foss C. Byzantine and Turkish Sardis*. P. 70).

- ⁴⁴ MM, V, 297 sq. См.: *Nissen W.* Die Diataxis des Michael Attaliates von 1077. Jena, 1894. S. 108.
- ⁴⁵ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959. С. 294–299; ср.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. М.; Л., 1959. С. 86–89. Аграрный облик жилища в городах Греции подчеркивает и Х. Бурас: *Mpuras Ch.* Katoikies kai oikismoi ste byzantine Hellada // *Oikismoi sten Hellada.* Athenai, 1974. S. 30–52.
- ⁴⁶ См.: *Davidson G. R. A.* Mediaeval Glass-Factory at Corinth // *AJA.* 44. 1940. P. 299–305.
О византийском жилом доме см.: *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation... IV. P. 249 (без хронологического разграничения); *Kriesis A.* Greek Town Building. Athens, 1965. P. 182–189, а также: *Choisy A.* L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1883; *De Beylié.* L'habitation byzantine. Grenoble; Paris, 1903; *Gerland E.* Das Wohnhaus der Byzantiner // *Burgwart.* 16. 1915; *Kirova T.* Il problema della casa bizantina // *Felix Ravenna.* 2 (102). 1971.
- ⁴⁷ *Darrouzès J.* Deux lettres de Grégoire Antiochos... P. 277–279.
- ⁴⁸ *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und Kirchenunion, II // *SBAW. Philol.-hist. Kl.* 1923. Abh. 2. S. 45. 8–11.
- ⁴⁹ *Lampros S.* Kerkyraika anekdota. Athenai, 1882. S. 49. 1–7.
- ⁵⁰ См.: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt. S. 21. Anm. 100.
- ⁵¹ По мнению Ж. Выжаровой (Славяни и прабългари (тюрко-българи) в светлината на археологическите данни // *Арх.* 13. 1971. Кн. 1. С. 19), в VIII–XI вв. в северо-восточной и северо-западной Болгарии господствовали полуземлянки, тогда как в Южной Болгарии преобладали наземные жилища. Ср.: *Николова Я.* Жилищната архитектура в Търново през XII–XIV век // *Трудове на Велико-Търновск. унив. Ист. фак.* VIII. 2. 1970–71 (1973). С. 78–83. О болгарских жилищах см. также: *Миятев К.* Жилищната архитектура в България през IX и X в. // *Иархи.* 23. 1960. О памятниках XI–XII вв. авторы говорят мимоходом (см., например: *Николова Я.* Жилищната архитектура... С. 83). Огромный материал о терминологии болгарского (и византийского) жилища, о строительном процессе, об инструментах строителей, почерпнутый главным образом из письменных и иконографических памятников, собран в ст.: *Дуйчев И.* Бележки върху историята на българската архитектура през средновековието // *Изв. на Института по градоустройство и архитектура.* 10–11. 1957. С. 48–73. К сожалению, материал здесь, как и в книге Ф. Кукулеса, не распределен во времени, и изображения болгарских художников XIX в. приводятся наряду со свидетельствами византийских авторов VI в. Таким образом, статья не способствует пониманию эволюции болгарской и византийской строительной техники.
- ⁵² *Ioannes Tzetzes.* Historiae. Napoli, 1968. V. 620 (191); Ан. К., 3, с. 238. 21; см.: *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation... IV. P. 26.
- ⁵³ *Nicholas I, Patriarch of Constantinople.* Letters / Ed. R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington, 1973. Esp. 32. 101–103.
- ⁵⁴ *Horna K.* Die Epigramme des Theodoros Balsamon // *Wiener Studien.* 25. 1903. 190. № XXVI.
- ⁵⁵ См.: *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917. С. 86 и сл. [переиздано: СПб., 1997]; *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation... IV. P. 419–467; *Spiridakis G. S.* L'usage des bains à l'époque byzantine // *Les origines de la médecine en Grèce.* Athènes, 1968. P. 55 f.

- ⁵⁶ *Gautier P. Le Typicon... P. 91. 1051–1052.* [См. также: *Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. München, 1982. S. 56 f.* Цец, человек образованный и близкий к высшему обществу, не стеснялся признаваться в том, что он моется в бане два или три раза в год (цит. в: *Wilson N. G. Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 191*).]
- ⁵⁷ *Gautier P. Le Typicon... P. 59. 513–514.*
- ⁵⁸ Устав Евергетидского монастыря: *Дмитриевский А. Туриса. Т. 1. Кисв, 1895. С. 643. 10–16.*
- ⁵⁹ *Косм., с. 66. 28–29; устав монастыря Богородицы Благодатной: ММ, V, 369. 22.*
- ⁶⁰ *Банк А. В. Прикладное искусство Византии (IX–XII вв.). М., 1974. С. 11.*
- ⁶¹ *Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966. №№ 154–157; ср.: Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 280–284. С. М. Гайдин предполагает местное, солунское происхождение изображения иконографического типа Димитрия на одной из этих иконок (см.: *Гайдин С. М. Резная шиферная икона свв. Димитрия и Георгия // Сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 11. 1923. С. 40*). Г. Д. Белов, перечисляя ряд шиферных икон, происходящих из раскопок в Херсонесе, допускает, основываясь на их стилистическом и техническом сходстве, изготовление всех этих памятников в одной мастерской (*Белов Г. Д. Шиферная икона из Херсонеса // Сов. археология. 1960. № 2. С. 262*). Обе гипотезы излишне смелы.*
- ⁶² *Ваклинова М. Памятник на средновековна дребна пластика // Арх. 1970. № 2. С. 44. Автор приводит как параллель там же стеатитовый рельеф св. Димитрия из Лувра XI–XII вв. (Schlumberger G. L'épopée byzantine. II. Paris, 1900. P. 57).*
- ⁶³ *Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ. 14. 1958. С. 132. Издательница публикует некоторые энколпионы этого типа с изображением св. Георгия (табл. 1, 2, 3) из Древней Руси и Херсонеса.*
- ⁶⁴ *Spinei V. Les relations de la Moldavie avec la Byzance et la Russie au premier quart du II-e millénaire à la lumière des sources archéologiques // Dacia. 19. 1975. P. 231–234.*
- ⁶⁵ *Томев Т. Един недовършен бронзов модел-матрица от Преслава // Музеи и паметници на култура. IX. 1969. № 1. С. 1–3. Систематизация находок – еще дело будущего.*
- ⁶⁶ *Банк А. В. Гребень из Саркела – Белой Вежи // МИА. 75. 1959. С. 338.*
- ⁶⁷ *Bank A. V. Quelques monuments de l'art appliqué byzantin du IXe-XIIe ss. provenant des fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années // Actes du XIIe Congrès intern. des ét. Byz. Vol. III. Beograd, 1964. P. 14 sq.*
- ⁶⁸ *Bank A. V. Les modèles de Constantinople et les copies locales // Actes du XXIIe Congrès intern. d'histoire de l'art. T. I. Budapest, 1972. P. 182.*
- ⁶⁹ Об античной тематике в византийском искусстве X–XII вв. см.: *Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // DOP. 14. 1960. P. 49–52. В очень суммарном виде: Maksimović J. Les thèmes mythologiques grecs dans la sculpture byzantine // Actes du XIVe Congrès intern. des ét. byz. II. Bucarest, 1975. P. 481–485.*
- ⁷⁰ *Volbach W. F. Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten aus Byzanz // Actes du XIVe Congrès intern. des ét. byz. I. Bucarest, 1974. P. 371.*

- ⁷¹ См. некоторые образцы в кн.: *Банк А. В.* Византийское искусство... №№ 134–136, 138–139; см.: *Volbach W. F.* Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten... S. 368 f. Среди памятников особенно знаменит ларец из Вероли, см. о нем: *Beckwith J.* Veroli Casket. London, 1962; ср. еще: *Weitzmann K.* Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951. P. 152–188.
- ⁷² *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Bd. I. Berlin, 1930. S. 19.
- ⁷³ *Grabar A.* Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst.* Bd. II, 1951 (1952). S. 42–47.
- ⁷⁴ *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 159–187; ср.: *Даркевич В. П.* Путиями средневековых мастеров. М., 1972. С. 69 и сл. Изображения актеров и танцовщиц распространены и на ларцах слоновой кости. Вряд ли есть необходимость возводить эти изображения к восточному искусству, как это делает вслед за А. Грабарем В. Фольбах (*Volbach W.* Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten... S. 368).
- ⁷⁵ *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. С. 132–154. Чаши-близнецы из Вильгорта и Чернигова породили большую литературу. Если гипотезу Н. Холостенко, Б. А. Шелковникова и А. Н. Свирина о русском изготовлении этих изделий (см.: *Свирин А. Н.* Древнерусское ювелирное искусство. М., 1972. С. 66) можно считать отвергнутой, то предположение И. А. Орбели (Киликийская серебряная чаша конца XII в. // *Памятники эпохи Руставели.* Л., 1938) об их армянском происхождении продолжает находить сторонников (см.: *Токарский Н. М.* Серебряная чаша из Вильгорта в собраниях Государственного Эрмитажа // *ИФЖ.* 1976. № 3. С. 222–236; *Poutzko B.* Problème d'origine et de datation d'une coupe d'argent provenant de Vilgort // *Rev. des ét. arméniennes.* 10. 1973–74. P. 261–279). Выдвинутая В. П. Даркевичем гипотеза об изображении на чашах иллюстраций к византийскому роману о Дигенисе Акрите недостаточно обоснована: музыкант в «княжеском венце» вполне может быть не Дигенисом, а, скажем, царем Давидом.
- ⁷⁶ *Lampros S.* Ho Markianos kodix 524 // *NE.* 8. 1911. S. 172; см. английский перевод: *Mango C.* The Art of the Byzantine Empire. Englewood Cliffs; New York, 1972. P. 228.
- ⁷⁷ *Даркевич В. П.* Светское искусство в Византии. С. 154–158.
- ⁷⁸ См.: *Банк А. В.* Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // *Труды Отдела Востока Эрмитажа.* 3. 1940. С. 192. Табл. II, 1. Близкий тип представлен на композиции моливдовула из Эрмитажа (Там же. С. 193).
- ⁷⁹ См.: *Grabar A.* Le succès des arts orientaux... P. 47.
- ⁸⁰ Если В. П. Даркевич (Византийское светское искусство. С. 236–259) связывает изготовление серебряных чаш с константинопольской (дворцовой?) школой XII в., то А. В. Банк выдвигает мысль о провинциально-византийском происхождении большей части изделий этого типа (*Банк А. В.* Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа // *Сообщения Гос. Эрмитажа.* 15. 1959; *Банк А. В.* Серебряный сосуд из так называемого Тартусского клада // *Древние могильники и клады. Археологический сборник.* Вып. 11. Таллин, 1962). Чаши из Вильгорта и Чернигова она признает киликийскими (см.: *Банк А. В.* Серебряная братина XII–XIII вв. // *Памятники эпохи Руставели.* Л., 1938). От изделий со светской тематикой орнаментики следует отличать серебряные чаши светского назначения, подобные чаше из двух цилиндров с греческой монограммой (XI в.), ближайшая параллель которой – чаша из двух восьми-

- гранников в соборании собора св. Марка в Венеции (см.: *Grabar A. Un broc byzantin de Banlieu dans la Corrèze // Études de civilisation médiévale (IXe – XIIe ss.) / Mélanges E. R. Labande. Paris, 1974. P. 364–366).*
- ⁸¹ *Volbach W. F. Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten... S. 3.* Вряд ли имеет смысл сопоставление Фольбахом этого рельефа с китайскими и персидскими образцами.
 - ⁸² В XI в. Христофор Митиленский упоминал состязания колесниц четырех цветов (*Christophoros Mitylenaios. Die Gedichte. Leipzig, 1903. № 90*) и высмеивал неудачного колесничего Иеффая (№ 6). О ристаниях XII в. см.: *Пападимитриу С. Д. Партии ипподрома и димы в XII столетии / Сб. в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 89–95; Hörandner W. Theodoros Prodromos. Hist. Ged. Wien. S. 85–87.*
 - ⁸³ *Guilland R. Études de topographie de Constantinople byzantine. I. Berlin; Amsterdam, 1969. P. 542 sq.* Огромный, но не расчлененный во времени материал о народных зрелищах собран в: *Koukoulès Ph. Vie et civilisation... P. 247–269* (о ристаниях см. p. 7–73); [*Mango C. Daily Life in Byzantium // JÖB. 31/1. 1981. P. 349.*]
 - ⁸⁴ *Christophoros. Die Gedichte. № 136.* О маскараде школяров по Христофору см.: *Шестakov Д. Три поэта византийского ренессанса // Уч. Зап. Казанского унив. 73. 1909. № 7–8. С. 16 и сл.* Он же описывает страшную давку во время праздника св. Фомы (*Christophoros. Die Gedichte. № 1.*)
 - ⁸⁵ PG, t. 137, col. 729. Дж. Крофорд (*Crawford J. R. De Bruma et Brumalibus festis // BZ. 23. 1920. P. 390*) полагает, что римский праздник брумалий после X в. не упоминается в византийских текстах [см.: *Duval Y. V. Des Lupercales de Constantinople aux Lupercales de Rome // Revue des études latines. 55. 1977. P. 222–270.*]
 - ⁸⁶ См.: *Wirth P. Das religiöse Leben in Thessalonike unter dem Episkopat des Eustathios im Urteil von Zeitgenossen // Ostkirchliche Studien. 9. 1960.*
 - ⁸⁷ См.: *Любарский Я. Н. Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла // ВВ. 33. 1972. С. 104 и сл. [Любарский Я. Н. Михаил Пселл. С. 216 и сл.]*
 - ⁸⁸ По всей видимости, элементы обмирщения всегда наличествовали – в большей или меньшей степени – в византийской монастырской жизни (см.: *Savramis D. Zur Soziologie des byzantinischen Mönchtums. Leiden; Köln, 1962. S. 58 u. a.*). Строгие критерии для оценки степени обмирщения в ту или иную эпоху пока еще не разработаны. О монашестве см. также: *Charanis P. The Monk as an Element of Byzantine Society // DOP. 25. 1971. P. 63–84.*
 - ⁸⁹ *Каждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. С. 67 и сл.*
 - ⁹⁰ *Любарский Я. Н. Византийский монах XI в. Илья // АДСВ. 10. 1973. С. 198–202, [Любарский Я. Н. Михаил Пселл. С. 74–79].*
 - ⁹¹ *Papachryssanthou D. La vie monastique dans les campagnes byzantines du VIII au IX siècle // Byz. 43. 1973. P. 158–180.* Анализ слов Христодула (а. 1091) на с. 170. В аннотации на эту статью Х. Г. Бек (BZ. 68. 1975. S. 209) отметил, что и киновию не следует представлять себе «чересчур киношной». Смесшанные лавры могли быть и в городах (см.: *Sansterre J.-M. Une laure à Rome au IX siècle // Byz. 44. 1974. P. 514–517.* Впрочем, данные Жития Власия Аморийского касаются Рима, а не Византии.
 - ⁹² *Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. P. 29.* О монастырских завещаниях см.: *Herman E. Die Regelung der Armut in den byzantinischen Klöstern // OCRP. 7. 1941. P. 436 f.*

- ⁹³ Каждан А. П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // ВВ. 31. 1971.
- ⁹⁴ Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968. С. 35 [перездано: СПб., 1997]; Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 122 [перездано: СПб., 1997]; Guillou A. La civilisation byzantine. P. 212 sq. [Социальное развитие в X в. привело к тому, что женщина оказалась замкнутой в узком кругу семьи; изменение агнографического идеала отражает эти социальные сдвиги. Тип святой, которая ради своего спасения переодевается в мужскую одежду и оставляет обычаи, свойственные женскому образу жизни, исчезает к IX в. Его заменяет образ идеальной супруги, такой, как благочестивая Мария Новая или Фомаида Лесбосская, которые терпеливо сносят грубость, ревность или равнодушие недостойного супруга (см.: *Patlagean E. Structures sociales, famille, chretiené à Byzance IVe – Xle siècle*. London, 1981. Pt. 11. P. 620–623).]
- ⁹⁵ Литаврин Г. Г. в кн.: Кек., с. 99–101.
- ⁹⁶ Koukoulès Ph. Vie et civilisation... II. 2. P. 9 sq.
- ⁹⁷ Об эволюции брачного права в Византии см.: *Hunger H. Christliches und nichtchristliches im byzantinische Eherecht* // *Österreichisches Archiv für Kirchenrecht*. 18. 1967. Heft 3 (переч.: *Byzantinische Grundlagenforschung*. London, 1973. Pt. 11. P. 305–325; ср.: *Hunger H. Reich der neuen Mitte*. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 156–161. О положении женщины в семье см.: *Grosdidier de Matons J. La femme dans l'Empire byzantin* // *Histoire mondiale de la femme*. Paris, 1967; *Buckler G. Women in Byzantine Law about 1100 A. D.* // *Byz.* 11. 1936. [Сопоставление отношения византийского и западного права к разводу также обнаруживает важную роль семейной ячейки на Востоке. В Риме развод при добровольном согласии обеих сторон был еще разрешен в IX веке (см.: *Ritzer K. Formen, Riten und religiöses Brauchtum der Eheschliessung in den christlichen Kirchen des ersten Jahrtausends*. Münster, 1961. S. 104). В Византии античная практика, разрешающая развод, была упразднена к VIII веку. Самостоятельность собственности супругов, закреплённая в Кодексе Юстиниана, помогла оформиться понятию семейной собственности, состоявшей из приданого и предсвадебного дара как неделимого целого (см.: *Гуляев А. Предбрачный дар в римском праве и в памятниках византийского законодательства*. Тарту, 1981. С. 132, 142 сл.). Только после смерти супруга собственность могла дробиться. Она делилась поровну между женой и детьми. Понятия о наследовании отцовского имения первенцем не существовало. Значение семьи видно и из портретов донаторов, на которых обязательно изображались оба родителя и обычно один или два ребенка (см.: *Spatharakis J. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts*. Leiden, 1976. P. 26–36; *Pelekianides S. Kastoria I. Thessaloniki*, 1953. Pl. 62).]
- ⁹⁸ А. Гийу считает, что обучение девочек в школе началось в XII в. (*Guillou A. La civilisation byzantine*. P. 328), но он не ссылается на источник.
- ⁹⁹ См. прежде всего: *Диль Ш. Византийские портреты*. Вып. 2. М., 1914. С. 95–148 [перездано: М., 1994].
- ¹⁰⁰ См.: Каждан А. П. К вопросу о социальных воззрениях Кскавмена // ВВ. 36. 1974. С. 166; ср.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 30–33. Некоторые возражения см.: Литаврин Г. Г. Ответ рецензенту // ВВ. 36. 1974. С. 176.
- ¹⁰¹ Пс. Хрон., 2, р. 35, § 134. 4–17. Иначе расценивает этот пассаж Г. Г. Литаврин (Ответ рецензенту. С. 172 и сл.), по мнению которого Пселл «теоретически» на стороне афинской демократии, а не византийской монархии.

- ¹⁰² Подробнее см.: *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 33–36.
- ¹⁰³ См.: *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атагалиата // ЗРВИ. 17. 1976. С. 5–14. В отличие от этих двух свойств, третье «рыцарское качество» Вотаниата, щедрость, входит и в традиционную шкалу царских добродетелей.
- ¹⁰⁴ См.: *Каждан А. П.* Рецензия на издание Скилицы // ИФЖ. 1975. № 1. С. 206–212; [*Shepard J.* Skylitzes on Armenia in the 1040's and the Role of Catacalon Cesaumenos // *Revue des études arméniennes*. 11. 1975–1976. P. 269–311].
- ¹⁰⁵ Вриен., с. 37. 10–11. Об аристократизме Вриенния см.: *Carile A.* «Hyle historias» del cesare Niceforo Briennio // *Aevum*. 43. 1969. P. 246–248.
- ¹⁰⁶ См.: *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinistischen Historiographie. München, 1971. S. 144. При переработке речи Юстина II к Тиверию Зонара вводит два новых момента: требование сдерживать произвол стратиготов и обеспечить состоятельным людям спокойное пользование их имуществом (см.: *Вальденберг В. Е.* Речь Юстина II к Тиверию // Изв. АН СССР. Отд. гуман. наук. 1928. № 2. С. 135–137; см. о нем также: *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атагалиата. С. 30–33.
- ¹⁰⁷ См.: *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 39–47.
- ¹⁰⁸ *Hunger H.* Prooimion. Wien, 1964. S. 49–154; ср.: *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. S. 103–107. [Основные идеи этой доктрины получили дальнейшее развитие в IX–X вв., когда появляются три произведения, так или иначе связанные с Василием I: увещательные главы, приписываемые самому Василию, надгробное слово, посвященное Василию и его жене, написанное их сыном Львом VI, и биография Василия, созданная его внуком, Константином Багрянородным. Список императорских добродетелей зиждется в основном на понятиях классической этики и включает в себя справедливость, человеколюбие, щедрость, целомудрие, правдолюбие и ум. Ни военные подвиги, ни родовитость не рассматриваются как существенные качества. См.: *Vogt A., Hausherr I.* Oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage // *Orientalia christiana periodica*. 26. 1932. P. 42. 21–26; 42. 29–30.]
- ¹⁰⁹ *Lefort J.* Rhétorique et politique. Trois discours de Jean Mauropous en 1047 // TM. 6. 1976. P. 285–293.
- ¹¹⁰ PG, t. 126, col. 268 BC. В трактате Феофилакта есть еще две новых черты: поставление царя рассматривается не как акт богоизбранничества, но как результат согласия народа (стлб. 373 B); царь должен опираться на друзей (стлб. 276 B).
- ¹¹¹ *Каждан А. П.* Византийский публицист XII в. Евстафий... С. 64.
- ¹¹² *Hörandner W.* Theodoros Prodromos. Hist. Ged. № 30. S. 83–85. Во введении к своей публикации В. Херанднер рассматривает основные черты императорского идеала по Продрому (S. 89–108), среди которых победоносность (вместе с мотивом охотничьего гона) и легитимность занимают первенствующее место.
- ¹¹³ *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. XVI. 1959. С. 50.
- ¹¹⁴ *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection. V. III. Pt. 2. Washington, 1973. Pl. LIX. №№ 7 а. 1 – 7 б. 3.
- ¹¹⁵ *Grierson Ph.* Catalogue... Pl. LXIII. № 1. 2 – 2. 5. На монете № 3. 2–3 Исаак I изображен с мечом и сферой – гражданской инсигнией (см. об этом: *Grierson Ph.* Catalogue... Vol. III. Pt. 1, 126).

- ¹¹⁶ Изредка император в воинском кафтане с мечом и крестом (?) встречается на монетах Алексея I (см.: *Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire*. Pl. 2. № 13).
- ¹¹⁷ *Ensslin W.* Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl // *Klio*. 35. 1942.
- ¹¹⁸ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Washington, 1967. Cap. 38. 52–53.
- ¹¹⁹ О. Трайтингер (*Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Jena, 1938 (перепечатано: Darmstadt, 1956). S. 23. Anm. 63) допускает возможность поднятия Никифора на щит, как и Г. А. Острогорский (*Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973. S. 149), который видит в этом, однако, «не акт коронации, но лишь спонтанное выражение солдатского пронунсиамента». Сомнения в том, что в 963 г. имела место церемония поднятия на щит, см.: *Chrisophylou Aik.* Ekloge, anagoreusis kai stepsis tou byzantinou autokratoros. Athenai, 1956. S. 105 sq; *Walter Ch.* Raising on a Shield in Byzantine Iconography // *REB*. 33. 1975. P. 159.
- ¹²⁰ Пс. Хрон., I, с. 77, § 40. 21–22. Этот пассаж не учтен Ч. Уолтером в цитированной выше сводке данных. См., однако: *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945. С. 30, бел. 3.
- ¹²¹ [Erotici scriptores Graeci / Ed. R. Hercher. Vol. 2. Leipzig, 1859. S. 356.] См. об этом месте (V, 115 sq.): *Hunger H.* Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975. S. 4. Anm. 13. Это свидетельство также отсутствует у Ч. Уолтера.
- ¹²² См.: *Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. S. 150. Г. А. Острогорский полагал, что церемония поднятия на щит появилась только под западноевропейским влиянием. Напротив, И. Дуйчев (Проучвания... С. 30, бел. 3; ср. его же: Рецензия на кн. Лоньона // *BS*. 12. 1951. P. 282) считал, что этот обычай существовал неизменно с римских времен.
- ¹²³ *Walter Ch.* Raising on a Shield. P. 149 f.
- ¹²⁴ *Walter Ch.* Raising on a Shield. P. 143–147.
- ¹²⁵ *Walter Ch.* Raising on a Shield. P. 140–143. XI в. датируется также ряд Псалтирей с изображением поднятия на щит (см. P. 147–149, 150 f., 153 f.). Из стеммы на с. 174 отчетливо видно, что именно на XI в. приходится максимальный интерес к этой теме [См.: *Lassus J.* L'illustration du Livre des Rois. Paris, 1973, fig. 25 (fol. 15v). Fig. 83 (fol. 44), fig. 99 (fol. 89 v), fig. 101 (fol. 95); *Cirac Estopacan S.* Scyllitzes Matritensis. Fols. 10 v, 230.]
- ¹²⁶ *Walter Ch.* Raising on a Shield. P. 138 f.
- ¹²⁷ *Peirce H., Tyler R.* A Marble Emperor-Roundel of the XIIth Century // *DOP*. 2. 1941. P. 3–9.
- ¹²⁸ Ч. Уолтер справедливо подчеркивает специфический военный характер церемонии поднятия на щит (см.: *Walter Ch.* Raising on a Shield. P. 166).
- ¹²⁹ О турнирах см.: *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation. T. II. Athènes, 1949. P. 144–147.
- ¹³⁰ Основные свидетельства о византийском поло сохранили авторы XII в. Киннам и Никифор Хрисоверг (см.: *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation. T. III. P. 139–142), но эта игра существовала и ранее: верховые упражнения с мячом любил Иоанн Цимисхий (Скил., с. 313. 37–41).
- ¹³¹ См., например: *Hörandner W.* Theodoros Prodromos. Hist. Ged. № 44. 69–81.
- ¹³² См. сводку данных (к сожалению, систематизированных не по хронологическому принципу, в кн.: *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation. T. V. Athènes, 1952. P. 387–423).

- ¹³³ *Theophanes Continuatus*. Historia. Bonnac, 1838. 352. 1–2. Ироническое описание последней охоты Василия I см.: Vita Euthymii patriarchae CP. Bruxelles, 1970. P. 3. 2–15.
- ¹³⁴ *Leo Diaconus*. Historiae. Bonnac, 1828. S. 30. 22–23.
- ¹³⁵ См.: *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. М., 1947. С. 65.
- ¹³⁶ О византийской охоте XII в. см.: *Koukoulès Ph.* Kynegetica ek tes epoches ton Komnenon kai ton Palaiologon // *EEBS*. 9. 1932. S. 3–33.
- ¹³⁷ *Sternbach L.* Analecta Manassea // *Eos*. 7. № 2. 1901. P. 180–194; *Курц Э.* Еще два неслыханных произведения Константина Манасси // *ВВ*. 12. 1906. С. 79–88.
- ¹³⁸ *Miller E.* Description d'une chasse à l'once par un écrivain byzantin du XIIe siècle de n. è. // *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France*. 6. 1872. P. 47–52.
- ¹³⁹ См.: *Pignani A.* Un opuscolo già male attribuito: l'Encomio del cane di Niceforo Basilace // *Le parole e le idee*. 11. 1969. P. 59–68.
- ¹⁴⁰ *Hörandner W.* Theodoros Prodromos. S. 95.
- ¹⁴¹ *Weitzmann K.* Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951. P. 93–95. К. Вайцман полагает, что охотничьи миниатюры Марс. 479 восходят к античным образцам II в. до н. э., что для наших рассуждений не имеет существенного значения. Рукопись псевдо-Оппиана содержит и ряд охотничьих сцен во второй группе миниатюр – мифологических (см.: tabl. XXXV–XXXVII, fig. 127–131).
- ¹⁴² *Даркевич В. П.* Светское искусство... С. 210, № 333. Т. Толбот Райс ищет истоки средневизантийских изображений борьбы зверей в месопотамских и ахеменидских образцах (*Talbot Rice T.* Animal Combat Scenes in Byzantine Art. // *Studies in Memory of D. T. Rice*. Edinburgh, 1975. P. 17–23). Остается, впрочем, выяснить, где византийские мастера познакомились с ахеменидским искусством.
- ¹⁴³ См. свод данных: *Даркевич В. П.* Светское искусство... С. 208.
- ¹⁴⁴ *Даркевич В. П.* Светское искусство... С. 207–211.
- ¹⁴⁵ *Migeon G.* Orfèvrerie d'argent de style oriental trouvée en Bulgarie // *Syria*. 3. 1929. P. 141–144. Tabl. XXIX sq.
- ¹⁴⁶ *Volbach W. F., Salla G., Duthuit G.* Art byzantin. Cent planches. Paris, 1933. Tabl. p. 4 A.
- ¹⁴⁷ *Grabar A.* Le succès des arts orientaux... P. 47–50. Опять-таки А. Грабар ищет вдохновителя этих эмалей в восточном (персидском) искусстве, несмотря на чисто внешний и случайный характер приводимых им параллелей.
- ¹⁴⁸ *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). С. 196, № 105. А. В. Банк (Византийское искусство... № 217) датирует блюдо XII–XIII вв.
- ¹⁴⁹ См.: *Даркевич В. П.* Светское искусство... С. 151–154.
- ¹⁵⁰ *Pélékanidis S.* Un bas-relief byzantin de Digénis Akritas // *Cah. Arch.* 8. 1956. P. 215 sq., fig. 3. О дате см. p. 226.
- ¹⁵¹ О «двоинском» культе св. Георгия см.: *Howell D.* St. George as Intercessor // *Byz.* 39. 1969. P. 121–125. Св. Димитрий Солунский – в ранних легендах мученик, не имеющий социального лица, – лишь позднее оказывается выходцем из сенаторской семьи, воином и проконсулом Эллады (см.: *Vickers M.* Sirmium or Thessaloniki? A Critical Examination of the St. Demetrius Legend // *BZ*. 67. 1974. P. 341). Отмечая расцвет культа Димитрия при Македонской династии, Ю. К. Бегунов объясняет это исключительно происхождением этой династии из Солуни (sic!) (см.: *Бегунов Ю. К.* Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // *BS*. 36. 1975. P. 150).

- ¹⁵² См.: *Delehay H.* Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909; *Krumbacher K.* Der hl. Georg in der griechischen Überlieferung // SBAW. Phil.-hist. Kl. XXV. 3. 1911. S. 301 f.; ср.: *Binin St.* Essai sur le cycle de St. Mercure. Paris, 1937. [О «милитаризации» агиографии в XI в. А. П. Каждан писал позже в статье «Hagiographical Notes», опубликованной в: *Kazhdan A. Authors and Texts in Byzantium*. III. P. 544–545.]
- ¹⁵³ *Лопарев X.* Житие св. Евдокима // ИРАИК. XIII. 1908. С. 211. 20–24. О его назначении стратопедархом Каппадокии – там же, с. 20. 14–15. X. Лопарев (там же, с. 162) относит написание Жития к середине IX в. и считает его автором Никиту-Давида Пафлагонянина. То и другое спорно.
- ¹⁵⁴ *Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе // Зап. Новоросс. унив. Ист.-филол. фак. 7. 1911. С. 292.
- ¹⁵⁵ Об иконографии св. Георгия см.: *Xungopoulos A.* Ho cikonographikos kyklos tes zoës tou hagiou Demetriou. Thessalonike, 1970; *Myslivec J.* Svätý Jirů ve východokřesťanském umení // BS. 5. 1933; *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. 6. 1953; *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // ТОДРЛ. 12. 1956. С. 295–298. М. В. Алпатов разделяет столичный образ Георгия и образ св. воина, в котором «заметно отразились народные представления»: здесь Георгий не величественный триумфатор, а «неутомимый борец, попирающий врагов». Более поздним временем (XIII в.) А. В. Банк датирует рельеф пешего воина со щитом и копьем из Эрмитажа (см.: *Банк А. В.* Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа // Исследования культуры народов Востока. М.; Л., 1960. С. 25–28).
- ¹⁵⁶ *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи... С. 199.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 201–206. К XII в. Й. Мысливец относил возникновение сцены «борьбы со змеем», где композиция и облик святого приобретают особенно воинственный характер (*Myslivec J.* Svätý Jirů... P. 372), но этот тип характерен не для собственно византийской территории, а для ее периферии (см.: *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи... С. 206 и сл.).
- ¹⁵⁸ См. обзор памятников: *Voordeckers E.* A Byzantine Bronze Relief in the Mayer Van den Bergh Museum in Antwerp // *Orientalia Lovanensia Periodica*. 1. 1970. P. 189 f.
- ¹⁵⁹ *Даркевич В. П.* Светское искусство... С. 144–149. Здесь указывается также ряд аналогий.
- ¹⁶⁰ *Diez E., Demus O.* Byzantine Mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. Cambridge, Mass., 1931. Pl. VII, VIII, fig. 34, 36.
- ¹⁶¹ *Hadernann-Misguich L.* Kurbinovo. Les fresques de Saint-Georges et la peinture byzantine du XII siècle. T. II. Bruxelles, 1975. № 114. Автор считает эту фреску памятником типа XII–XIII вв. (t. I, p. 223 sq.). Как аналогию он приводит изображение св. Георгия и Димитрия в церкви св. Бессребренников в Кастории (Костур) XII в. (t. II, № 115; ср. также t. I, p. 224, где указаны изображения св. Георгия из Галлисты, Манастира и Белисираны).
- ¹⁶² *Hadernann-Misguich L.* Kurbinovo. T. II. №№ 146–150; ср. еще № 74; t. I. P. 276–283. По мнению автора, изображения св. Феодора и Димитрия на коне вообще редки для византийской иконографии.
- ¹⁶³ *Voordeckers E.* A Byzantine Bronze Relief... P. 187. Сюда следует добавить изображение из жизни Георгия в храме св. Георгия в Расе XII в. (*Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. I. М., 1947. С. 137 и сл.), Георгия на коне из храма в Старой Ладоре XII в. (с. 141), Георгия в грузинских

- церквах XII – начала XIII вв.: Навниси, Икви и Кинцвиси (с. 135, 184), а также Димитрия в Дмитровском соборе XII в. (с. 143).
- ¹⁶⁴ Hendy M. F. Coinage and Money... P. 437 f.
- ¹⁶⁵ Банк А. В. Геммы-стеатиты-моливдовулы // Пал. сб. 23. 1971. С. 47. Автор подчеркивает, что редкие изображения Георгия, Феодора и Димитрия в образе не воинов, а мучеников встречаются главным образом на печатях IX – начала XI вв.
- ¹⁶⁶ Beck H. G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 63–97. О жанровой особенности «Дигниса» см.: Trapp E. Digenis Akrites – Epos oder Roman? // Studi classici in on. di Q. Cataudella. II. Catania, 1972. P. 637–643 (ср. ответ X. Г. Бска: BZ. 69. 1976. P. 490).
- ¹⁶⁷ Упоминание некоторых исторических персонажей в песне об эмире позволяет ряду исследователей выдвигать гипотезу о возникновении поэмы о Дигенисе в павликианской среде (см.: Бартикан Г. М. Византийский эпос о Дигенисе и его значение для армяноведения. Ереван, 1970. С. 33–45).
- ¹⁶⁸ См.: Банк А. В. Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский // Юбилейный сб., посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939. С. 144; Beck H. G. Geschichte... S. 93. По мысли А. Я. Сыркина (Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964. С. 222), напротив, поэма – народный в своей основе эпос, отразивший в дошедших до нас версиях черты феодальной идеологии.
- ¹⁶⁹ Trapp E. Digenis Akrites. Wien, 1971. S. 232. 1997 (по Гроттафферратской версии).
- ¹⁷⁰ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962. С. 155 сл.
- ¹⁷¹ По мнению Э. Траппа, русская версия – поздняя переработка, тогда как к первоначальному тексту ближе всего трапезундско-андросская редакция (Trapp E. Hatte das Digenisepos ursprünglich eine antikaeserliche Tendenz? // Byz. 3. 1971. P. 203–211), свободная от антиимператорских тенденций. Напротив, А. Пертузи полагает, что этот эпизод свидетельствует о настороженном отношении эпического героя к «абсолютной власти вассалеса» (см.: Pertusi A. Tra storia e leggenda: akritai e ghazi sulla frontiera orientale di Bisanzio // Actes du XIVe Congr. intern. des ét. byz. 1. Bucarest, 1974. P. 263–267).
- ¹⁷² Trapp E. Digenis Akrites... S. 254. 2292.
- ¹⁷³ Weiss G. Beobachtungen zur Sozialgeschichte von Byzanz // Südostforschungen. 34. 1975. S. 11 f.
- ¹⁷⁴ Frantz A. Digenis Akritas. A Byzantine Epic and its Illustrators // Byz. 15. 1940–41. P. 87–91; Frantz A. Akritas and the Dragon // Hesperia. 10. 1941. P. 9–13.
- ¹⁷⁵ Комеч А. И. Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 64–77.
- ¹⁷⁶ Например: Grabar A. Byzance. L'art byzantin du moyen age. Paris, 1963. P. 92 sq.
- ¹⁷⁷ Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. Т. II. М.; Л., 1935. С. 493–509; Брунов Н. И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Т. III. М.; Л., 1966. С. 86–113 и особенно: Брунов Н. И. Архитектура Константинополя IX–XII вв. // ВВ. 2. 1949.
- ¹⁷⁸ Брунов Н. И. Архитектура Константинополя... С. 212–214.
- ¹⁷⁹ Защита тезиса о преобладании в Константинополе пятинафного храма: Брунов Н. И. К вопросу о средневизантийской архитектуре Константинополя // ВВ. 28. 1968. Впрочем, сам Брунов признает, что существование пятинафной крестовокупольной системы доказано только в одном случае – в Календерхане (с. 173). Остальное – гипотетично.

- ¹⁸⁰ *Megaw A. H. S., Macridy Th.* The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) at Istanbul // DOP. 18. 1964. P. 298.
- ¹⁸¹ См. о нем: *Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IV–X siècles). Paris, 1963. P. 100–122. Новые скульптурные находки X в. в Фенари-Иса: *Mango C., Hawkins E. J. W.* Additional Finds at Fenari Isa Camii, Istanbul // DOP. 22. 1968. P. 179 f.
- ¹⁸² *Mathews Th. F.* The Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. University Park and London, 1971.
- ¹⁸³ *Комеч А. И.* Византийская архитектура IX–XII веков и архитектура Кисва конца X – начала XII столетий. М., 1971. С. 11.
- ¹⁸⁴ *Stricker C. L.* A New Investigation on the Bodrum Camii and the Problem of Myrelaion // Annual of the Archaeological Museum of Istanbul. 13–14. 1966.
- ¹⁸⁵ *Комеч А. И.* Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры // Византия. Южные славяне и Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 72.
- ¹⁸⁶ *Pasidaos.* He en Chalke mone Panagias Kamariotisses // Archaiologike Ephemeris. 1971; *Mathews Th. F.* Observation on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul // DOP. 27. 1973.
- ¹⁸⁷ *Mango C.* Les monuments de l'architecture du XI siècle et leur signification historique et sociale // TM. 6. 1976. P. 359–365.
- ¹⁸⁸ О дате см.: *Lefort J.* Rhétorique et politique... P. 279 sq., 284.
- ¹⁸⁹ *Шмидт Ф.* Кахриз джами. София, 1906.
- ¹⁹⁰ *Underwood P. A.* The Kariye Djami. Vol. I. New York, 1966. P. 9–13.
- ¹⁹¹ *Schäfer H.* Die Gül Djami in Istanbul. Ein Beitrag zur mittelbyzantinischen Kirchenarchitektur Konstantinopels. Tübingen, 1973. S. 71–81. Н. И. Брунов (Архитектура Константинополя... С. 200) считает Эски-Имарет более архаичным памятником, нежели Молла-Гюрани. На Гюль джами в этой связи он не останавливается.
- ¹⁹² *Брунов Н. И.* Архитектура Константинополя... С. 178; *Брунов Н. И.* К вопросу о средневизантийской архитектуре... С. 177 и сл.
- ¹⁹³ *Megaw A. H. S.* Notes on Recent Works... P. 344. Н. И. Брунов считает южную церковь Пандократора пятинефной, а северную – трехнефной, к которой примыкали наружные портики с севера и юга, как бы переработанные крайние боковые нефы (*Брунов Н. И.* К вопросу о средневизантийской архитектуре... С. 174). По А. Мигу, оба храма – трехнефные.
- ¹⁹⁴ Владения Пандократора упомянуты в Договоре о разделе империи (*Carile A.* Partitio terrarum... P. 219. 60). Станным образом А. Кариле (Р. 262) колеблется в идентификации Пандократора и связывает его чуть ли не с Керкирой.
- ¹⁹⁵ О Пандократоре, помимо цитированных выше работ, см.: *Van Millengen A.* Byzantine Churches in Constantinople. London, 1912 (переиздано: 1974). P. 219–242; *Ebersolt J. Thiers A.,* Les églises de Constantinople. Paris, 1913. P. 185–207; а также: *Underwood P. A.* Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istanbul, 1954 // DOP. 9–10. 1956.
- ¹⁹⁶ *Megaw A. H. S.* Note of Recent Work... P. 336 f.
- ¹⁹⁷ См.: *Eyice S.* Two Mosaic Pavements from Bithynia // DOP. 17. 1963. P. 380 f.
- ¹⁹⁸ *Stricker C. L., Doğan Kuban Y.* Work at Kalenderhane Camii in Istanbul // DOP. 25. 1971. Совершенно неспрессимо отнесение Календерхане к рубежу VI–VII вв. (см., например: *Talbot Rice D.* Konstantinopel. Frankfurt a. M., 1966. S. 76).

- 199 Брунов Н. И. Архитектура Константинополя... С. 156.
- 200 Mango C. Les monuments de l'architecture... P. 352.
- 201 Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. М., 1973. С. 153. Прим. 1. Мысль В. М. Полевого, что это обстоятельство свидетельствует о связях архитектуры Кипра не только с Константинополем, но и с Грецией, не кажется обоснованной в свете новых наблюдений.
- 202 Мавродинов Н. Старобългарското изкуство. София, 1959. С. 167–170. Церковь в Патлейне датируется еще X в.
- 203 Stikas E. G. To oikodomikon chronikon tes mones hosiou Louka Phokidos. Athenai, 1970. S. 9–38; см. рецензию: Deichmann F. W. // BZ. 67. 1974. P. 423 f.; ср.: Stikas E. G. Nouvelles observations sur la date de construction du Catholicon le l'église de la Vierge du monastère de St. Luc en Phocide // Corsi di cultura sull'arte ravenn. e biz., 1972. P. 311–330. Более раннюю дату (ок. 1011 г.) отстаивает М. Хаджидакис: Chatzidakis M. À propos de la date et du fondateur de Saint-Luc // Cah. Arch. 19. 1969. 129. Сомнения в обоснованности той и другой датировки – Mango C. Les monuments de l'architecture... P. 364 sq.
- 204 Axiotakes A. He Nea Mone tou Chiou. Historia kai technē. Chios, 1969.
- 205 О дате (до 1044 г.) см.: Megaw H. The Chronology of Some Middle-Byzantine Churches // The Annual of the British School at Athens. 32. 1933. P. 95 f.
- 206 До сих пор основная работа: Millet G. Monastère de Daphni. Paris, 1899.
- 207 Stikas E. L'église byzantine de Christianou. Paris, 1951. К этому же типу относится разрушенная церковь св. Фотины в Фивах (X в.?), Палеопагия в Маноладе (XI–XII вв.) и несколько более поздний храм св. Николая на озере Преспа (см.: Mango C. Les monuments de l'architecture... P. 363).
- 208 См.: Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. С. 154 и сл.; Mango C. Les monuments de l'architecture... P. 358 sq. К. Манго опять-таки связывает возникновение этого типа храма с кавказским влиянием.
- 209 Такова церковка св. Пантелеймона в Охриде (см.: Миятев К. Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 105 и рис. 101).
- 210 Иванова В. Стари църкви и манастири в българските земи (IV–XII вв.) // Годишник на народния музей за 1922–25 год. София, 1926. С. 538–540; ср.: Тамић Ж. Велуса // Гласник скопског научног друштва. 3. 1928. С. 89. К этому же типу К. Миятев (Архитектурата... С. 191) относит и церковь Богородицы Кувелитисы в Кастории (Костур).
- 211 Возможно, даже раньше, если Панагия – Богородичная церковь монастыря св. Луки, – предшествовавшая Католикону, была сооружена в середине X в., как это считает Е. Стикас (см. выше, прим. 201).
- 212 Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. С. 150.
- 213 См.: Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. С. 151 сл. Автор считает вопрос о месте возникновения храма с пятью куполами открытым.
- 214 Orlandos A. Ta byzantina mnemeia tes Vras // Thrakika. 4. 1933. P. 3–34.
- 215 Один из наиболее крупных двухколонных храмов – церковь св. Троицы близ Сурпи в Фессалии (XII в.), см.: Koder J. Die Hagia Trias bei Nies (Thessalisch) // JÖB. 24. 1975. P. 251–255. Другие образцы XI–XII вв. известны преимущественно на острове Андрос (Orlandos A. K. Byzantina mnemeia tou Androu // Archeion Byz. Mnem. Hellados. 8. 1955–6. P. 35 sq.).
- 216 О греческих базиликах см.: Soteriou G. Byzantinai basilikai tes Makedonias kai palaia Hellados // BZ. 30. 1929–30. P. 568–576. См. список базилик в Греции XI–XII вв.: Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. С. 157. Прим. 1. Этот список должен быть пересмотрен: часть из указанных (храмы в Серрах, Калабаке,

- Веррии) – протовизантийские базилики, лишь перестроенные в XI в. (см.: *Mango C. Les monuments de l'architecture...* P. 356 sq.).
- 217 *Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1975. P. 279 f.*
- 218 *Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. P. 258 f.*
- 219 *Полевой В. М. Искусство Греции. Т. II. С. 145; Mango C. Les monuments de l'architecture...* P. 352. О дате см. выше.
- 220 *Mango C. Les monuments de l'architecture...* P. 355–358. Такова базилика XI в. в Сервии (см.: *Xyngopoulos A. Ta mnemeia ton Serbion. Athenai, 1957. S. 29–36; о дате С. 46–51. А. Ксингопулос полагает, что она построена вскоре после 1001 г. Невелика по размерам и митрополичья церковь в Охриде, время создания которой остается предметом дискуссии (см.: Stričević Dj. La renovation du type basilical dans l'architecture ecclésiastique des pays centrales de Balkans au IXe–XIe siècles // Actes du XIIe Congrès intern. d'ét. byz. T. I. Beograd, 1963. P. 187–195 и возражения: Mango C. Les monuments de l'architecture... P. 357, №. 24).*
- 221 *Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture...* P. 282 f.
- 222 См.: *De Jeriphnion G. Les églises rupestres de Cappadocce. Paris, 1926–42; Thierry N. et M. Nouvelles églises rupestres de Cappadocce. Paris, 1964; ср. еще: Lafontaine-Dosogne J. Une église inédite de la fin du XIIe siècle en Cappadocce: la Belisirana kilise dans la vallée de. Belisirana // BZ. IX. 61. 1963.*
- 223 *Janin R. Constantinople byzantine. Paris, 1964. P. 123–128. О Влахернском дворце см.: Papadopoulos J. B. Le palais et les églises des Blachernes. Athènes, 1928; Schneider A. M. Die Blachernen // Oriens. 4. 1951. S. 97–101; Dirimtekin F. Les fouilles dans la région des Blachernes pour retrouver les substructions de Palais des Comnènes // Türk Arkeoloji Dergisi. Sayı IX. 2. 1960; Runciman S. Blachernae Palace and its Decoration // Studies in Memory of D. T. Rice. Edinburgh, 1975. S. 277–283.*
- 224 *Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. С. 94–103. По словам Г. Вайса, Хониат изобразил «патологию народной души» (Weiss G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch // Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 76). Ср. также: Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik... S. 162.*
- 225 Это место, цитированное выше, относится к самому началу правления Мануила I, еще до его прибытия в Константинополь, и по существу примыкает к книге об Иоанне II.
- 226 Нейтральная формула: $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\acute{o}\upsilon\kappa\lambda\eta\tau\acute{o}\varsigma$ (НХ Ист., с. 90. 6).
- 227 Речь идет о жителях Египта: $\omicron\iota\ \pi\lambda\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\iota\ \tau\acute{o}\nu\ \kappa\alpha\tau\omicron\iota\kappa\acute{o}\nu$ (с. 162. 82).
- 228 Ср.: *Успенский Ф. И. Византийский писатель...* С. 102 сл.
- 229 См.: *Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962. С. 157 сл.*
- 230 *Koukoullès Ph. Vie et civilisation... Т. III. P. 31.*
- 231 Параллель к этой детали мы найдем у Пселла: некий священник выпивал мегарский сосуд, не переводя дыхания, как быки (Пс. Соч., I, с. 67. 4–7). У Пселла есть и образ не напивающегося пьяницы – Иоанна Орфанотрофа.
- 232 «Мед» в метафорах и сравнениях см.: НХ Ист., с. 352. 9, 585. 45.
- 233 «Жажда» в сравнении см.: НХ Ист., с. 556. 88–89.
- 234 Понимание этого места затруднило переводчиков. В русском переводе читаем, что костюм облегал тело «до самых ручных кистей», но $\tau\acute{\alpha}\ \epsilon\iota\varsigma\ \kappa\alpha\rho\lambda\acute{o}\upsilon\varsigma$ означает не «до запястья», а само запястье. У Ф. Граблера (III, с. 204) перевод иной: одежда должна быть ежедневно заново пошита на запястьях (jeden Tag

an den Handgelenken neu genäht werden musste); он понимает ἐκάστης как «каждый день». Ежедневное перешивание манжет маловероятно, скорее здесь ἑκάστος – синоним ἐκάτερος.

- ²³⁵ Успенский Ф. И. Византийский писатель... С. 72 сл.; Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik... S. 160 f.; Каждан А. П. Социальный состав... С. 42–46. Между «Историей» и речами есть некоторое различие: в «Истории» благородство связывается обычно с военно-аристократическими семьями, в речах – с чиновничеством, что, возможно, объясняется большей официозностью этого жанра.

- ²³⁶ Успенский Ф. И. Византийский писатель... С. 76–78.

Глава III

ШКОЛА И НАУКА

Система начального и общего («энкиклиос») образования, по всей видимости, не претерпела в XI–XII вв. сколько-нибудь существенного преобразования. По-прежнему в центре школьной системы находилась частная школа, и занятия (подчас бесплатные) проводились в доме учителя, как это было в первой половине XI в. у Иоанна Мавропода¹. Возможно, что константинопольские школяры и учителя образовывали подобие корпорации² с особыми нормами поведения и особыми празднествами, подобными тому шествию ряженных школяров, которое описывает Христофор Митиленский (см. ниже). Помимо частной школы, существовали и государственные учебные заведения: Алексей I учредил в Константинополе приют для сирот, где они должны были получать общее образование³. Весьма вероятно, что столичная монополия среднего образования в XI–XII вв. исчезает или, по крайней мере, слабеет в связи с общим экономическим и культурным подъемом провинции: во всяком случае, частная школа Евстафия в Солуни была настолько популярна, что к нему присылали учеников из столицы (Евст. Сол., с. 66. 26–27). Программа общего образования вряд ли существенно переменялась: в ее основе по-прежнему лежали грамматика и риторика, и задачей оставалось овладение мертвым языком, на котором писала и говорила элита, и тем культурным фондом, который позволял понимать классиков и хитроумные аллюзии современных авторов.

Но именно на XI–XII столетия приходится попытка коренного изменения византийской образовательной системы – возникнове-

ние высшей школы. Исследования последних лет показали, что распространенное представление о существовании в IX–X вв. императорского университета и высшей патриаршей школы (духовной академии) не соответствует действительности⁴. Только в середине XI в. в Константинополе создается высшее учебное заведение.

Сохранилась новелла императора Константина IX Мономаха, учреждающая высшее юридическое училище в столице⁵. Точная дата издания новеллы неизвестна; константинопольский «университет» родился, скорее всего, около 1046–1047 гг.⁶. Автором этой новеллы был, по всей видимости, Иоанн Мавропод, хотя выдвигалась также гипотеза, приписывающая ее создание Иоанну Ксифилину⁷. Как бы то ни было, инициатива организации высшей школы принадлежала тому кружку интеллектуалов, который формировался вокруг Константина Лихуда и пользовался одно время покровительством Константина IX.

Константинопольская юридическая школа не стала университетом в западноевропейском смысле слова, т. е. свободным самоуправляющимся корпоративным учреждением. «Музей законодательства», созданный Константином IX, был государственной школой, которую возглавлял номофилак (буквально «страж закона») – высокое должностное лицо, получавшее жалование золотом, шелковой одеждой и продовольствием. Номофилак пользовался правом личного доклада василевсу. В принципе, его должность объявлялась пожизненной, но несменяемость директора юридической школы оказывалась довольно условной. Новелла Мавропода предусматривает многочисленные основания для его смещения: невежество, небрежное выполнение обязанностей, неуживчивость, бесполезность на своем посту и, наконец, несоблюдение самой императорской новеллы. В условиях византийской политической нестабильности всегда можно было отыскать предлог для смещения номофилака.

Школа помещалась в обширном комплексе зданий монастыря св. Георгия в Манганах, где находилась и специальная библиотека, возглавляемая библиотекарем. Учебный план ее мы не знаем, но, по всей видимости, он включал и римское право, и латинский язык, нужный для усвоения римской терминологии. Обучение было бесплатным. Законодатель специально предусматривал, что студенты не должны давать взятки номофилаку, хотя и считал желательным, чтобы по окончании курса они делали своему наставнику подарки, имеющие, по его мнению, этическую ценность и способствующие сближению людей. Воспитанники шко-

лы получали от номофилака специальное свидетельство о достаточной юридической подготовленности, а также о наличии голосовых данных (если они собирались стать судьями) или каллиграфического почерка (если избирали карьеру нотариуса). Преуспевающим ученикам новелла сулила скорое продвижение на служебном поприще.

Хотя многие детали организации и истории юридической школы остаются неясными, и мы, в частности, не можем сказать, как долго она просуществовала, все же новелла Мавропода приоткрывает перед нами завесу над атмосферой константинопольского учебного заведения, имевшего, по-видимому, назначение изъять правовое образование из рук частных учителей и корпоративных организаций, которые в X в. направляли, во всяком случае, подготовку нотариусов. Куда меньше мы осведомлены о философском образовании в эти годы. Традиционное представление о создании при Константине IX философского факультета или философской школы подвергается в последнее время сомнению⁸. Однако о какой-то реформе в этой области мы можем догадываться. Константин IX ввел должность ипата философов, который должен был направлять все общее образование в столице. Ипат философов был государственным чиновником, получавшим от казны жалование и распределявшим деньги между другими, подчиненными ему учителями. Само же преподавание носило по-прежнему частный характер и складывалось из бесед и упражнений, которые проводил учитель в группе своих учеников. Пселл оставил несколько живых картинок профессорской деятельности XI в. До поздней ночи учитель готовится к занятиям, а утро вновь застаёт его за работой. Когда он входит в аудиторию, лучшие студенты вскакивают со своих мест и успокаивают шумливых товарищей. Профессор занимает место на возвышении, ученики сидят на скамеечках, кое-кто стоит поодаль: возможно, места для студентов определялись их прилежанием. Появляются, наконец, опоздавшие – те, у кого, по словам Пселла, в голове не занятия, а ипподром и другие развлечения. В дурную погоду приходят немногие, и места пустуют.

Круг своих преподавательских интересов Пселл сам определяет в панегирике матери. Ему приходится рассказывать студентам об античных классиках – Гомере, Архилохе, Менандре, объяснять отдельные слова, повествовать о троянских древностях. Ученики интересуются медициной, юриспруденцией, размерами Вселенной. Ему случается истолковывать греческие мифы и разъяснять, что такое нектар и амброзия. «Ученики пристаю́т ко мне

с вопросами, – замечает Пселл, – потому что любят мою манеру говорить и понимают, что я знаю больше других». Скромником молодого профессора не назовешь, но он и в самом деле знал больше своих современников⁹.

Центром философской школы был, по-видимому, портик Ахилла, неподалеку от Августеона, главной городской площади, но в подчинении ипата философов находились и другие учебные помещения, как, например, школа в Халкопатрии, квартале медиков, расположенная близ храма св. Софии¹⁰, и школа св. Петра, входившая в комплекс строений св. Софии¹¹.

Первым номофилаком был поставлен Иоанн Ксифилин, первым ипатом философов – Михаил Пселл. Оба они были молодыми людьми, вышедшими из среды горожан (Ксифилин – трапезундец, Пселл – родом из Константинополя, родные прочили его после начальной школы в ремесленники, и только мать настояла на продолжении обучения). Оба принадлежали к ученикам Мавропода и ревностно стремились насаждать знания¹². По всей видимости, новая образовательная система оказалась популярной: сохранилось письмо Мавропода, адресованное Пселлу, где бывший наставник нынешнего «главы философов» не без грусти вспоминает о своих учениках, отличавшихся возвышенным образом мыслей и острым умом, достоинством и научным эросом (страстью к знаниям), наконец, единодушным восторгом перед прекрасным. Они отошли от Мавропода и достигли высот, а Пселл занял учительский престол. Мавропод обещает им свою поддержку, сотрудничество, помощь – но он все-таки обойден, остался в стороне от новой школы. «Это ваше дело», – восклицает он и адресует к Пселлу как к «господину всех отраслей знания»¹³. Философская школа Пселла или, точнее, система подчиненных ипату философов школ оттеснила на задний план школу Мавропода.

Обе константинопольские школы должны были готовить высшие кадры государственной и церковной администрации и первоначально были очень близки ко двору. Но союз властей с высшей школой оказался непрочным. Уже около 1050 г. некто Офрида подал донос на Ксифилина; с рьяной защитой номофилака выступил Пселл, противопоставив невежественному Офриде, который «языком двигает, как мельничным жерновом», образованнейшего Ксифилина, знатока грамматики, поэтики, риторики, права. Однако придворная борьба кончилась поражением интеллектуалов. Ксифилину, а за ним и Пселлу пришлось уйти в монастырь, причем бывший номофилак принял постриг как

должное, стал образцовым монахом и в конечном счете достиг патриаршего престола, тогда как Пселл надел схиму против воли и до конца жизни оставался полумонахом, вернувшись при первой возможности ко двору и сделавшись воспитателем наследника – будущего Михаила VII.

Еще более резко противоречия между группирующимися вокруг философской школы интеллектуалами и византийским правительством обнаружились в конце XI в., после прихода к власти военной аристократии, руководимой Комнинами. В это время ипатом философов был преемник Пселла Иоанн Итал. Анна Комнина подробно рассказывает о нем: это был человек высокого роста, крепко сложенный, с большой головой и окладистой бородой; его ноздри широко раздувались при дыхании, выдавая эмоциональность борца. Он бежал с отцом из Италии и греческий язык выучил уже юношей, так что его произношение оставляло желать лучшего, а константинопольские пуристы считали его речь деревенской и упрекали в пристрастии к солееизмам. Грамматику и риторику он знал плохо, но был весьма начитан в Платоне и Аристотеле и отлично владел диалектикой. Человек, «исполненный дерзости и варварского безрассудства» (слова Анны), Итал не выносил учителей, и хотя он поступил в обучение к Пселлу, с первых уроков стал противоречить ипату философов: когда тот орлом налетал на его софизм, Итал смотрел на Пселла горящими, безумными глазами и приходил в волнение и неистовство¹⁴.

После пострига Пселла Итал занял его место. Он пользовался покровительством династии Дук, и среди его учеников были представители высшей столичной знати: Сервлии, Соломоны и другие. Но в 1082 г., вскоре после переворота Комнинов, против Итала был возбужден процесс, его осудили и предали анафеме. Преемником Итала стал Феодор Смирней, после которого титул ипаты философов на некоторое время исчезает вовсе.

Алексей I, начав с осуждения Итала, стремился передать образование под контроль церкви. При нем были введены три новые церковные должности: учитель (дидаскал) Евангелия, учитель Апостола и учитель Псалтири¹⁵. Церковь, следовательно, должна была активно насаждать среди константинопольских интеллектуалов знание основных книг Библии. В другом постановлении Алексея I, в новелле 1107 г., на дидаскалов были прямо возложены охранительные функции: их обязали не только проповедовать, но и доносить патриарху о настроениях жителей столицы, с тем чтобы в случае необходимости светская власть могла вовремя вмешаться¹⁶. Политическая и идеологическая роль

дидаскалов проступает в новелле 1107 г. с большой отчетливостью: пропаганда истинной веры и доносительство тесно переплетаются в их деятельности.

На базе образовательной реформы Алексея I в XII в. была создана новая система высшего образования. Главными преподавателями были три дидаскала церкви св. Софии, разбивавшие с учениками преимущественно псалмы, Евангелия и послания апостола Павла. Кроме того, в программу входила и риторическая подготовка, порученная так называемому магистру риторов. Преподаватели образовывали особую коллегию, включавшуюся в церковную иерархию и подчиненную патриарху. Преподавание проходило в отдельных школах, в том числе и в тех, что уже функционировали в XI в. (Халкопратийская, св. Петра), и носило характер частных занятий. Всю эту систему лишь условно можно назвать Высшей патриаршей школой, или Патриаршей академией.

Вытеснив философскую школу ипата философов, патриаршая коллегия дидаскалов однако не вытеснила преподавания светских наук. Во второй четверти XII в. одним из популярнейших учителей в Константинополе был Михаил Италик, занимавший последовательно посты дидаскала Псалтири, дидаскала Апостола и дидаскала Евангелия, или вселенского учителя. Однако интересы Италика не ограничивались толкованием Писания: он преподавал риторику и философию, математику и вытекающие из нее дисциплины, рассматривающие, по его собственным словам, «материальную субстанцию» – механику, оптику, катоптику (учение об отражении света зеркальной поверхностью), метрику (учение о мерах), теорию притяжения; наконец, он был учителем медицины¹⁷. Среди патриарших дидаскалов XII в. – виднейшие литераторы и ученые XII в., в том числе Евстафий Солунский, Никифор Васибеки, Михаил Ритор, Никифор Хрисоверг и ряд иных.

Связь Патриаршей школы с двором осуществлялась через магистра риторов, которого назначал император: магистр считался светским чиновником и членом синклита¹⁸. Дважды в год магистр риторов выступал с публичной речью: в праздник Святых Светов, или иначе Крещения, т. е. 6 января, он произносил энкомий василевсу, а на Лазареву субботу (накануне Вербного воскресенья) – слово в честь императора. Речи магистра риторов перед царем и патриархом были одним из существенных элементов государственной пропаганды: в них, как и в преамбулах хрисовулов, развивалась официальная концепция императорской влас-

ти – божественной по происхождению, самой мудрой и самой могущественной в мире; в них рисовался образ идеального василевса – отца подданных; в них оправдывалась его политика и восхвалялись его победы над внутренними и внешними врагами. Пользуясь традиционными формулами-стереотипами (императора сопоставляли с солнцем, с библейскими и античными героями – Давидом или Александром Македонским, говорили о золотом поте, который он проливал ради сограждан и т. п.), метафорами и игрой слов, цитируя Библию и классиков, магистр риторы стремился обрисовать конкретную политическую ситуацию и предсказывал дальнейшие успехи Римской империи. Сама стилистика и лексика византийского красноречия с его пропагандой традиционной морали, с его устойчивыми клише и последовательной ориентацией на античные и патристические образцы выдавала социально-политическую сверхзадачу риторика – создание ощущения незыблемой устойчивости сущего, всей классовой и административной системы Византийской империи¹⁹. А вместе с тем Патриаршая школа подчас оказывалась рассадником оппозиционных и еретических учений. Так, в 1156 г. были низложены и отправлены в ссылку Михаил Ритор (магистр риторы)²⁰ и дидакал Апостола Никифор Васибеки²¹, обвиненные в ереси.

Вскоре после конфуза Патриаршей школы правительство предприняло попытку воссоздать должность ипата философов. В середине 60-х гг. XII в. на этот пост был назначен Михаил, племянник (?) митрополита Анхиальского, служивший до того начальником патриаршей канцелярии и протэктиком – патриаршим судьей. Таким образом, и пост ипата философов переходит в руки духовного лица. По случаю своего назначения Михаил произнес речь, в которой говорил, что должность ипата восстанавливается после долгого забвения (вполне возможно, что она не замещалась со времен Феодора Смирнея, т. е. с конца XI в.). Своей целью Михаил считал не обучение философии, а борьбу против рационалистических учений²². На этом поприще Михаил сделал блестящую карьеру – в 1170 г. он занял патриарший престол.

Сохранилось довольно подробное описание школы при церкви св. Апостолов, существовавшей на рубеже XII и XIII вв. Николай Месарит рассказывает, что сюда приходили юноши, изучавшие общеобразовательную программу: грамматику, риторику, логику. Одни из них бродили вдоль портика, перелистывая черновики, другие зубрили наизусть записи, третьи учились счи-

тать на пальцах и за свою ошибку тут же подвергались наказанию. Здесь обучали и церковному пению. А вместе с юношами в портик при церкви св. Апостолов приходили взрослые люди. На своеобразных семинарах они обсуждали научные вопросы. Одна из специфических особенностей школы при церкви св. Апостолов – включение в ее программу медицинского обучения. По словам Месарита, там собирались врачи, чтобы обсудить природу лихорадки и пульса. Месариту шумные дискуссии школяров напоминают птичий гам на берегу какого-нибудь водоема. То ученик, то наставник выдвигали какую-либо проблему, одни утверждали одно, другие – другое и, не в силах найти решение, обрушивали друг на друга грубую брань. Случалось, что жаркие дискуссии не завершались приемлемым для их участников решением, и тогда спор должен был разрешать патриарх Иоанн X Каматир, которого Месарит представляет знатоком грамматических дисциплин и физики²³. Возможно, что эта похвала сильно преувеличена – другие современники отзываются об Иоанне X куда более скептически (см. НХ Речи, с. 65–85). И уж во всяком случае его роль арбитра определялась не его личными свойствами, но тем контролем, который в XII в. византийская церковь осуществляла над обучением.

В самой системе преподавания в XI–XII вв. происходят некоторые сдвиги. Энциклопедизм X столетия носил в очень большой степени безликий характер: личность учителя отступала на задний план перед объективным характером традиционного знания²⁴. С XI в. внедряется система вопросов и ответов в обучении, позволявшая выявить личность профессора, что приводило, в частности, к острому осознанию лучшими учителями своего преподавательского таланта. За системой вопросов и ответов в преподавание проникает и диспут: по сообщению Константина Манасси, ученики грамматических школ устраивали состязания-прения перед лицом императора, и руководил этими спорами один из высших государственных чиновников – логофет²⁵. Диспут был нормальной формой функционирования школы при церкви св. Апостолов.

Другой характерной чертой образовательной системы XI–XII вв. было использование сxedографии, которую практиковали уже Иоанн Мавропод и Пселл. Она состояла в том, что грамматика изучалась не только на основе усвоения классических текстов, но и при помощи специально составленных учебных упражнений в стихах и прозе²⁶. Острые споры, развернувшиеся в XII в. вокруг разделения грамматики на элитарную и элемен-

тарную и вокруг так называемой «новой» схедаграфии, которой еще Анна Комнина вменяла в вину пустую словесную игру, отражали широкую заинтересованность образованного византийского общества в методике обучения. Вполне возможно, что протест против последовательного разделения двух грамматик выражал демократическую оппозицию элитарному энциклопедизму X в.²⁷.

Таким образом, высшая школа, или «университет», была возрождена в Константинополе в середине XI в. и существовала до 1204 г. На Западе византийскую столицу считали одним из крупнейших университетских городов того времени: волшебник и поэт Клингсор, один из героев «Вартбургской войны», стихотворения, появившегося в Германии около 1300 г., называет Константинополь – наряду с Парижем и Багдадом – в числе главных школьных центров²⁸, и надо думать, что его слова относятся к Византии накануне Четвертого крестового похода, отражая традицию XII в., а не ситуацию в латинском Константинополе. Конечно, не следует модернизировать организацию византийской высшей школы: она противоречиво сочетала государственный и церковный контроль с частным преподаванием²⁹, а в основу учебной программы клала богословие, сочетающееся с ораторским искусством и классической античной философией. Но вместе с тем, особенно в XII в., константинопольские профессора все чаще обращались к тому, что можно было бы назвать естественными науками – к механике, оптике, медицине. Назначением высшей школы было готовить дипломированных правоведов и – шире – должностных лиц государственного и церковного аппарата, но, вопреки системе государственно-церковного контроля, вопреки вменяемой учителям обязанности вести официальную пропаганду и следить за верноподданностью населения, высшая школа Константинополя время от времени оказывалась центром идеологической оппозиции: уже само по себе сосредоточение интеллектуалов, как профессуры, так и особенно горячей молодежи, в одном месте, а также внедрение диспута как важной формы средневекового обучения содействовало тому, что гетеродоксия не умирала.

Специфической особенностью Константинопольского «университета» XI–XII вв. была нестабильность его организации: школы создавались и закрывались, учительские должности (например, ипат философов) отменялись и вновь восстанавливались, занятия переносились из одного места в другое. Прочной университетской традиции в Византии не сложилось, а в явном

противоречии с этим существовала устойчивая традиция программы, ориентировавшейся на античные учебники и образцы, на мертвый язык классической литературы³⁰.

Наряду с высшей школой научными и учебными центрами были в XI–XII вв. кружки интеллектуалов. Одни из них формировались вокруг какого-нибудь популярного учителя, другие – вокруг высшей школы. Кружок придворных интеллектуалов середины XI в., объединявший Мавропода, Пселла, Иоанна Ксифилина, Константина Лихуда, оказал огромное влияние на развитие византийской образованности. Несмотря на разницу характеров и случайные несогласия и обиды, Пселл, Мавропод и Лихуд оставались единомышленниками на протяжении долгих лет, тогда как Ксифилин отошел от своих юношеских взглядов и сделался идейным противником прежних своих друзей. Переписка Пселла позволяет выявить и другой кружок, состоявший из высокопоставленных чиновников (Хирсфакт, Аристин и др.), объединенных, по словам Пселла, «рвением к мудрости и разуму» (Сафа МВ, V, с. 452. 18–19). Но эти люди – «второе поколение» интеллектуалов, для них Пселл – не товарищ, а наставник, и часть из них, во всяком случае, вышла из его школы. Наконец, на периферии «круга Пселла» можно встретить людей, принадлежавших к высшей знати, как кесарь Иоанн Дука или племянники патриарха Керулария, которые, не входя непосредственно в «ученое братство», поддерживали с Пселлом дружеские отношения, во многом базировавшиеся на «преданности науке»³¹.

В XII в. Григорий Антиох вспоминает о годах своего учения как о пребывании в сладком саду, изобилующем деревьями познания, без которых человек впадает в невежество и тупость. Его наставник заповедовал Григорию пользоваться всеми плодами этого рая, вбирать всякие знания, всякую мудрость, не касаясь деревьев, растущих за оградой, дабы не впитать вместе с плодами смертоносный яд. Учителями Антиоха были магистр риторик Николай Катафлорон, умерший в 1160 г., и сменивший его Николай Айофеодорит – в будущем митрополит Афинский. К этому же кругу принадлежал Евстафий – племянник (?) Катафлорона, ставший позднее Солунским митрополитом, Евфимий Малаки, Михаил Хониат. Григорий Антиох покинул «сладкий сад» книг и ученых бесед ради императорской службы, но в письмах к Евстафию жаловался на свою судьбу: «Ты живешь на небесах, тогда как я пресмыкаюсь на земле»³².

Другие кружки группировались вокруг меценатов, в XII в. особенно часто вокруг аристократических дам, которым поэты

и ученые посвящали свои сочинения. Члены таких кружков называли друг друга братьями, а младших сотоварищей – племянниками, и в своих беседах и письмах поддерживали культ античной науки. Михаил Италик в одном из посланий приглашает «золотого своего племянника» на «умственное застолье», которое он устраивает ежедневно для своих «юношей»: там подают оленя по-философски и физиологического зайца, мидийского павлина, одическую куропатку и музыкального лебедя – блюда, каких не знали ни жители Сибариса, ни самый изнеженный из философов Аристипп (Киренский). Виночерпиями на ученых симпозиумах выступают Пифагоры и Платоны, Аристотель и все перипатетики – главные повара, древняя и новая Академия прислуживают пирующим, а на десерт Михаил сулит экстравагантность стойков и скепсис Пиррона³³. Шутливое письмо Италика передает радостную атмосферу ученых кружков, для участников которых знание составляло одну из самых важных и вместе с тем самых приятных ценностей.

Именно в этой среде зарождается культ дружбы (φιλία), резко противостоящий настороженно враждебному отношению к ней, господствовавшему в монашеской среде и отраженному Кекавменом³⁴. Восторженное отношение Пселла к φιλία было подчеркнуто в недавних работах Ф. Тинефельда и Я. Н. Любарского³⁵.

В высшей школе и в научно-литературных кружках создавалась и спланивалась особая социальная прослойка – византийская «интеллигенция». В историографии сложилось довольно устойчивое представление о постоянном существовании в Византии однородного слоя интеллектуалов, тесно слитого с господствующим классом империи³⁶. На самом деле картина оказывается не столь однородной – стоит только отказаться от глобальных оценок и подсчетов и попробовать определить различие социального состава литераторов в разные периоды.

Если в византийской литературе на рубеже VIII и IX вв. доминируют такие монашеские фигуры, как Феофан и Феодор Студит (оба активные деятели монастырского движения с самой юности), то среди интеллектуалов середины IX – XI вв. господствует иной тип: это светские люди, хотя известная их часть находит в конечном счете место в церковной иерархии; даже агиография создается в очень большой степени вне монашеской среды³⁷. Из монашеской среды, кроме житийных памятников, вышла в ту пору хроника Георгия Амартола.

Именно в середине IX–X столетий отчетливо обнаруживается та «интеграция» интеллектуалов в ряды господствующей верхуш-

ки, о которой говорит Х. Г. Бек: среди виднейших литераторов этого времени два императора (Лев VI и Константин VII), два светских администратора, занявших патриарший престол (Фотий и Николай Мистик), ряд видных чиновников: Лев Хиросфакт, Анастасий Квестор, магистр Никита, Феодор Дафнопат, Симеон Логофет (его отождествление с Симеоном Метафрастом не бесспорно), Никифор Уран, протоспафарий Иоанн Геометр; встречаются также епископы (Арефа Кесарийский) и (патриаршие?) диаконы: Лев и Феодосий.

В этом ряду светских и церковных администраторов мы не встречаем, по сути дела, ни одного профессионального литератора – социальный тип, характерный для XII столетия. Еще в XI в. интеллектуальная элита оставалась по преимуществу «интегрированной» в правящую верхушку: это относится и к кружку Пселла, и к Христофору Митиленскому, и к Михаилу Аталиату, и вообще к основной массе интеллектуалов. Но с XII в. на передний план выдвигаются две группировки: с одной стороны, это «бедняки» типа Феодора Продрома и Иоанна Цеца, живущие за счет аристократических меценатов, с другой – учителя высшей школы, нередко награждаемые за свою деятельность высокой церковной должностью. Таков, к примеру, только что упомянутый Михаил Италик, ставший митрополитом Филиппополя, Никита, получивший кафедру митрополита Ираклии, Георгий Торник – митрополит Эфеса, Евстафий – митрополит Солунский, Иоанн Кастамонит – митрополит Халкидона, Василий Педиадит – митрополит Керкиры. Этот новый социальный слой «учителей» и профессиональных литераторов отчетливо осознавал свое общественное место: кажущееся нам назойливым выпрашивание «подачек и наград» было в своей сущности борьбой литераторов за справедливую оплату своего труда. Это выпрашивание наград отличает не только писателей-«бедняков» Продрома и Цеца; одно из наиболее откровенных сочинений этого жанра – послание Евстафия патриарху Михаилу III, где писатель настойчиво подчеркивает невозможность просуществовать, если на него не прольется дождь милостей щедрого владыки³⁸.

Книжное дело не пережило каких-либо кардинальных сдвигов, подобных созданию минускульного письма в IX столетии: XI и XII вв. скорее завершают предшествующее развитие, нежели открывают новый этап. Папирусная книга еще встречалась, но крайне редко³⁹, и основной формой книги являлся пергаменный кодекс. В XI в. в Византию проникает бумага, производство которой было освоено арабами в Самарканде уже в середине

VIII в.: в инвентаре монастырского имущества, составленном в 1077 г. по приказанию Михаила Агталиата, перечисляются наряду с «кожаными» книгами и некоторые бомбикиновые, т. е. писанные на бумаге. Однако в это время новый писчий материал не породил сколько-нибудь существенной перестройки книжного производства – применение бумаги ограничивалось главным образом императорской канцелярией, которая использовала ее для изготовления царских грамот. Древнейшая из бумажных грамот, дошедших до нашего времени, – хрисовул Константина IX от 1052 г., содержащий привилегии лавре св. Афанасия на Афоне. Подобно папирусным грамотам, это длинный свиток (2,68 м), склеенный из серии листов, шириной в 40 см (Лавра, I, с. 189). Самая древняя датированная бумажная книга (строго говоря, она изготовлена частично на бумаге, частично на пергамене) – Vatic. 504, переписанная в 1105 г. Возможно, впрочем, что уже в 1043 г. была изготовлена бумажная рукопись из книгохранилища Иверского монастыря на Афоне, но ее дата не является бесспорной⁴⁰.

По-видимому, к XI–XII вв. относится попытка другого нововведения в книжном деле – использования пера с резервуаром для чернил⁴¹. Минускульное письмо, появившееся в начале IX в., господствует в книжном деле в XI–XII вв. Лишь в некоторых специальных случаях (при изготовлении богослужебных книг) писцы XI–XII столетий использовали торжественно архаичное унциальное письмо. От раннего, «чистого» минускула письмо XI–XII вв., так называемое «смешанное», отличалось прежде всего тем, что оно испытало некоторое влияние унциальных форм, а также тем, что строка теперь спускалась под линию разлиновки⁴².

Уже в X столетии существовал в Константинополе императорский скрипторий⁴³, расцвет которого, по всей видимости, приходится на вторую половину XI в. Именно в это время вырабатывается канонический шрифт XI в. («жемчужное письмо», *Perlschrift*, по характеристике Г. Хунгера), характерный для ряда рукописей константинопольского происхождения. Он отличается почти вертикальной постановкой букв, закругленностью форм, пропорциональностью выбрасываемых вверх и вниз хвостиков. Придыхание писалось закругленным, ударение – небольшим. Все это создает впечатление гармонического спокойствия, но не удручающего однообразия, особенно благодаря своеобразию дельты, ламбды, хи, фи и использованию некоторых лигатур и сокращений⁴⁴. Один из лучших памятников жемчужного пись-

ма – Псалтирь Российской Национальной библиотеки в Петербурге № 214, выполненная около 1080 г. в императорском скриптории, где сочетания строчных букв текста создают изящный и тонкий узор, причудливо прерываемый удлинёнными формами и хвостами некоторых букв; хвосты букв, завершающих строку, подчас выносятся на поля, разрушая сухость и однообразие структуры листа⁴⁵.

К изделиям императорского скриптория второй половины XI в. принадлежат также Апостол из Библиотеки МГУ, Слова Иоанна Златоуста из Парижской Национальной библиотеки и ряд других⁴⁶. К этой же школе В. Д. Лихачева относит Евангелие Российской Национальной библиотеки № 801⁴⁷. По всей видимости, с рубежа XI–XII вв. намечается упадок в деятельности императорского скриптория⁴⁸, точнее датируемый по изменению внешней формы императорских грамот этого времени. Хрисовулы, вышедшие из императорской канцелярии во второй половине XI в., также отличаются гармонической ровностью строки и закругленностью букв – с тем только отличием, что эта гармоничность время от времени нарушается огромной дзетой или дельтой, выбрасывающей свой хвостик высоко вверх. По-видимому, в конце XI в. эта гармоничность была константинопольской канцелярией утрачена: хрисовул Алексея I от февраля 1094 г. (Лавра, I, № 52, табл. III–IV) выглядит совершенно по-иному, буквы кажутся разношерстными, они толпятся в строке, некоторые словно вытолкнуты из ряда и приютились над неровной цепочкой. Жемчужное письмо исчезает и из книжного дела.

От жемчужного письма отличаются другие дукты XI в. – то более острые и наклонные, то лишённые благородного единства строки⁴⁹. Уже отличие дуктов (равно как и особенности книжной миниатюры) заставляют ставить вопрос о существовании иных скрипториев, помимо императорского. В. Д. Лихачева констатирует наличие ряда монастырских скрипториев XI в. (впрочем, без точных указаний на созданные там рукописи)⁵⁰ и подробно рассматривает продукцию одной из мастерских – студийской⁵¹. Однако вопрос этот недостаточно ясен. По всей видимости, сохранились датированные XI в. рукописи, переписанные в монастыре Хоры⁵², но в монастыре Одигон школа писцов засвидетельствована лишь в XIV–XV вв.: XI столетием датирована лишь одна рукопись, созданная Антонием при Лаврентии, игумене Одигона в 1057 г.; впрочем, помета читается плохо, и в чтении, как и в дате, нельзя быть уверенным. Затем до 1319 г. следов переписывания рукописей в этом монастыре нет⁵³.

Студийский скрипторий засвидетельствован в IX–X вв.⁵⁴, когда он был, по всей видимости, одним из основных, если не основным центром книжного дела в столице⁵⁵. В XI в. ведущая роль переходит к императорскому скрипторию. Из созданных в это время студийских рукописей бесспорен, как будто, лишь список Дионисия Ареопагита, переписанный в 1048 г. (Sinait. 319), тогда как студийское происхождение созданного в начале XI в. списка Григория Назианского (Vatic. 1675) остается проблематичным⁵⁶. К студийским рукописям причисляют также манускрипт работы монаха Сергия (середина XII в.) – Четвероевангелие Vatic. 2564, как и сходную с ним рукопись «Церковной истории» Евсевия (Paris. 1431)⁵⁷. Атрибуция Студийскому монастырю серии лицевых манускриптов основывается на довольно шатких аргументах. Лишь Лондонская Псалтирь 1066 г., изготовленная монахом Феодором из Кесарии для студийского игумена Михаила, может быть (да и то, пожалуй, не без сомнений) отнесена к иллюминированным студийским произведениям; остальные лицевые рукописи зачисляются сюда по их художественному родству с Псалтирью Феодора Кесарийского. Насколько этот путь атрибуции сложен, свидетельствует дискуссия о рукописи евангельских чтений из Афонского Дионисиева монастыря, которую К. Вайцман считал изготовленной в императорском скриптории для Студийской обители, а В. Д. Лихачева – произведением студийских писцов и художников⁵⁸. Промежуточную позицию занимал в этом вопросе В. Н. Лазарев, который выделял Псалтирь Феодора Кесарийского и примыкающие к ней по стилю манускрипты в особую «группу столичных рукописей», хотя и не связывал их создание непременно со Студийским монастырем⁵⁹.

Таким образом, вопрос о соотношении императорского скриптория с монастырскими столичными монастырями остается пока открытым. По всей видимости, в XI столетии школа императорского скриптория преобладала в Константинополе.

Мы оставляем сейчас в стороне изготовление греческих рукописей в Италии⁶⁰ и Палестине⁶¹ и тем более данные о случайных манускриптах, созданных в Египте и Алании. Если сводка Деврезса (см. гл. I) при несомненной ее неполноте репрезентативна, мы можем констатировать, что основные центры книжного дела располагались в XI в. в Константинополе и в Малой Азии, тогда как с конца XI в. они переносятся на острова Эгейского моря, а в XII столетии – в материковую Грецию, на Крит и Кипр. Рукописи XII в., происходящие из Константинополя, Деврезсом не отмечены, что в какой-то мере подкрепляется наблюдением

об упадке императорского скриптория в XII в. Достаточно ли этих данных, чтобы констатировать «провинциализацию» книжного производства в XII столетии?

Но даже если эта «провинциализация» имела место, в целом византийское книжное письмо XI–XII вв. гораздо более унифицировано, нежели продукция западноевропейских средневековых скрипториев с их ярко выраженными местными чертами.

Книга X–XII вв. оставалась еще предметом роскоши, элементом «высокой культуры». Она стоила дорого: из надписи 1057 г. мы узнаем, что патрикий Поф уплатил переписчику 150 номисм, хотя работа еще не была закончена⁶². Это колоссальная сумма – за эти деньги можно было купить пшеницы на полтора года для семьи из 5–6 человек⁶³. Библиотеки были невелики, причем монастырские состояли преимущественно из библейских, агиографических и богослужебных книг: так, в 1201 г. в библиотеке монастыря Иоанна Предтечи на острове Патмос числилось 13 рукописей отдельных книг Ветхого Завета, 124 литургические книги, 116 сборников отцов церкви и житий, а помимо того только Иосиф Флавий, «Варлаам и Иоасаф», хроники патриарха Никифора и Иоанна Скилицы (все эти книги близки монашеским интересам) и две рукописи Аристотеля⁶⁴. Однако в руках интеллектуалов находилось немало сочинений античных классиков. Как известно, возрождение античных традиций начинается в Византии в середине IX столетия и находит свое внешнее выражение в интенсивной трансмиссии – переписывании старых унциальных списков классиков с помощью нового минускульного письма. Основные этапы этой трансмиссии А. Дэн представил следующим образом: сперва были переписаны Священное Писание и связанные с ним памятники богословского и литургического характера, затем последовали естественнонаучные (математика, астрономия) тексты, ораторы и философы – от Платона до Лукиана. Освоение исторических сочинений началось со времени Константина Багрянородного. Прототипы поэтов появились не ранее 1000 г. и интенсивно создавались в XI в.⁶⁵ Уже Ж. Иригуэн внес ряд коррективов в схему Дэна: переписку философских сочинений он датировал концом IX-го, а не началом X в., трансмиссию поэтического наследия – второй половиной X в.⁶⁶

Намеченная Ж. Иригуэном тенденция – относить создание минускульных прототипов классиков в более раннее время, чем это делал Дэн, – подхвачена современной кодикологией. А. Диллер, в частности, пересмотрел датировку группы рукописей, содержащих тексты Гомера, Эсхила, Софокла, Аристофана,

Фукидида, Аристотеля и проч., и пришел к заключению, что основная активность в переписывании античных рукописей падает на середину, а не на конец X в.⁶⁷ Особенно решительной критике подверглась мысль А. Дэна об относительно позднем возникновении прототипов античных поэтов: Г. Цунц обратил внимание на создание Кефалом антологии эпиграмматистов в начале X в. и на сохранение списков трагедий Софокла, относящихся еще к X в.⁶⁸

Несмотря на спорность ряда частных вопросов в истории трансмиссии (один из таких вопросов – датировка древнейших сохранившихся манускриптов Еврипида⁶⁹), можно считать установленным, что создание минускульных прототипов основной части античного наследия было завершено в X в. и, может быть, даже к 950 г.

С периодом трансмиссии довольно четко совпадает время, которое удачно было охарактеризовано П. Лемерлем как энциклопедизм – время справочников, лексиконов и эксцерптов⁷⁰. Эта полоса открывается «Библиотекой» Фотия и тянется через «Антологию» Кефала, эпитоматорскую деятельность в окружении Константина Багрянородного, сборник фрагментов Иоанна Златоуста, составленный Дафнопатом, «Геопоники» до так называемой «Суды» – толкового словаря. Трансмиссия и энциклопедизм знаменовали накопление и систематизацию античной традиции, но отныне не освоение ее. Освоение античной традиции начинается на следующем этапе.

История этого освоения классиков еще не написана, и все-таки ее основные черты проступают довольно четко и позволяют судить о принципиальном отличии нового периода отношения к античной традиции. Судьба «византийского Гомера» может явиться показателем совершавшихся в это время перемен.

Древнейший полный список «Илиады» относится к началу X в.⁷¹, и, по всей видимости, серединой X в. следует датировать древнейший средневековый манускрипт «Одиссеи». Принято считать, что трансмиссия гомеровского эпоса имела место уже в IX в., поскольку грамматик Комит в середине IX столетия упоминает о реставрации рукописей «Илиады» и «Одиссеи»⁷². Ранние списки сопровождалась схолиями, восходящими к эллинистической учености, и эллинистические же комментарии к Гомеру легли в основу византийских этимологических словарей X в. Собственно византийское толкование Гомера, имевшее первоначально целью этическое «раскрытие» аллегорий, прослеживается лишь с XI в. – с Никиты, старшего современника Михаила Пселла,

стремившегося раскрыть «тайную красоту» гомеровского эпоса, объяснявшего, в частности, эпизод связывания Ареса как символ победы разума над страстью и усматривавшего в отечестве, к которому устремлялся Одиссей с острова волшебницы Кирки, горний Иерусалим, ибо, забывая о нем, люди, по мысли Никиты, превращаются в диких зверей⁷³.

Интерес к Гомеру становится особенно глубоким в XII в.⁷⁴ Оставляя в стороне вопрос о деятельности анонимного комментатора, относимого к XII в., можно указать прежде всего на ученые толкования Евстафия Солунского. Евстафий пользовался комментариями, ныне уже утерянными (он называет своими предшественниками неизвестных по другим источникам Апиона и Геродора), но вместе с тем его толкования – плод самостоятельных размышлений: он не только стремится дать исправления текста, сделав его более понятным, но и воспринимает Гомера как человека из своего мира и привлекает для его разъяснения современные Евстафию обычаи, народные верования, события недавнего прошлого и даже факты разговорного языка XII в.⁷⁵

Гомер – не единственный объект изучения Евстафия; он составил также комментарии к Аристофану, Пиндару, Дионисию Перизгету. Его цитаты всегда точны⁷⁶. Он первый византийский комментатор, не ограничивающийся воспроизведением оригинала, но время от времени предпринимая попытки конъектур⁷⁷. С Евстафием рождаются элементы критического отношения к античному тексту.

Совершенно иной тип филолога XII в. – Иоанн Цец. «Аллегории» Иоанна Цеца, написанные политическим стихом в середине XII в., – показатель широкого интереса читающей публики к Гомеру: они парафразируют сюжетную линию гомеровского эпоса, перебивая ее время от времени аллегорическими объяснениями и несистематизированными сведениями по географии, философии или истории. К «Аллегориям» примыкают написанные Цецом «Стихи на темы Илиады» – три поэмы в гексаметрах, излагающие события до, во время и после Троянской войны⁷⁸. «Аллегории» были первоначально посвящены императрице Ирине, супруге Мануила I; правда, когда казначейство перестало оплачивать труд поэта, Цец нашел себе нового мецената – Константина Котерца и адресовал ему конец своего сочинения.

Как и Евстафий, Цец не ограничивал себя одним Гомером – ему принадлежат также комментарии к Гесиоду, Аристофану, к популярной в Византии «Александре» Ликофрона, к медицинским и философским книгам. Цец был большим знатоком антич-

ности: он гордился тем, что после продажи своих книг держал в голове целую библиотеку; и в самом деле, его обширные цитаты из классиков подчас далеко отходят от оригинала, выдавая, что наш писатель цитирует по памяти. Как и Евстафий, Цец органически воспринимает античность, в его сознании она переплетается с современностью, связана с действительностью тысячью нитей, и результатом такого отношения к прошлому является рождение нового по жанру, оставшегося, пожалуй, уникальным сочинения Цеца – его комментированной переписки⁷⁹.

Сборник писем Цеца, содержащий более сотни посланий, обращенных к реальным, а частью, видимо, и к фиктивным персонажам, затрагивает вполне бытовые, подчас сознательно приземленные сюжеты: он говорит о себе, о своих болезнях, о том, что он живет в доме, нуждающемся в ремонте, и у него над головой обитает священник, обремененный многочисленным потомством, который к тому же держит дома свиней, и от них на голову поэта текут потоки грязи (Цец. Эп. № 18, с. 33. 3–16). Цец говорит о людях, которых знает, о набегах варваров, о дипломатических миссиях – но иногда отклоняется от житейского и сопоставляет наблюдаемое с героями мифа, с историческими событиями, с явлениями античной жизни. Такие переходы естественны для византийской эпистолографии, мы могли бы наблюдать их и в переписке Фотия. Однако сборник писем сопровождается как называемыми «Историями» – огромной поэмой, своего рода стихотворным комментарием к будничным письмам, и тут, в «Историях», Цец обрушивает на голову читателя бездну полиматии – рассуждений об истории и географии, о мифах и памятниках искусства, о философах и полководцах. Он не стремится ни к какой классификации своих безбрежных знаний – он просто наслаждается причудливым звоном имен, укладываемых в многословные стихи.

Сходство между Евстафием и Цецом бросается в глаза: они не только знают и любят античность – они воспринимают ее как «свое» время, без ощущения какой-либо дистанции. Сходство перекрывает несомненные различия между ними: то, что Цец был нищим и разболтанным любителем, а Евстафий – ученым филологом.

Третий их современник, увлекавшийся Гомером, – Иоанн Багрянородный. Он оставил прозаическое изложение истории Троянской войны, включавшее, помимо всего прочего, характеристики виднейших ахейан и троянцев, подчас с насмешливым описанием их внешнего облика⁸⁰.

Различие между «систематизирующим» и «энциклопедическим» X веком и «вживающимся» в классику византийским предвозрождением здесь проступает вполне отчетливо. Сходным образом сложилась и судьба трагиков: хотя их прототипы уже существовали в X в., гномологи цитировали их по Стобею и древним флорилегиям, а не по оригиналу⁸¹; подлинное возрождение интереса к ним приходится на XI столетие, когда создается трактат «О трагедии»⁸² и когда неутомимый Пселл внимательно читает Еврипида – впервые после Георгия Писиды в начале VII столетия⁸³. В XII в. трагики, как и Аристофан, становятся объектом пристального изучения и комментирования уже упоминавшихся выше Цеца и Евстафия Солунского.

Платона транслитерировали в IX в., но он не стал популярным писателем до XI в., когда его читал и популяризировал Пселл⁸⁴. И «издание» сочинений Аристотеля появилось в Константинополе около 850 г.⁸⁵. Но если можно говорить (да и то довольно проблематично) об использовании Аристотеля в IX–X вв. только Фотием, Львом Математиком и Арефой⁸⁶, то с XI в. появляются его настоящие толкователи: Григорий Анзпоним комментировал «Логiku», а Пселл и Иоанн Итал – разнообразные сочинения Стагирита, на рубеже XI и XII вв. им много занимались Михаил Эфесский и Евстратий Никейский, в XII в. – Феодор Продром и Цец.

В XI и XII столетиях проявляется интерес не только к классической древности. С XI в. возрождается изучение неоплатонического наследия, в первую очередь Прокла⁸⁷. Более того, на протяжении длительного периода времени – со второй половины X-го до XII в. – была переписана рукопись позднего языческого историка Зосима, враждебно относившегося к христианству. Возможно, что она возникла в Студийском монастыре⁸⁸. Во всяком случае, ее создание – показатель относительной терпимости к языческому образу мышления, утвердившейся в определенных кругах византийского общества XI–XII вв.

Итак, мы можем констатировать, что в отношении к античному наследию два периода отличались друг от друга: в IX–X вв. совершалось по преимуществу разыскивание и переписывание (трансмиссия) рукописей и был создан основной корпус античных классиков; к XI–XII вв. эта предварительная стадия в главных чертах была уже позади и наступила пора освоения и осмысления накопленного.

Отличие между обоими периодами проступает еще в одном моменте. Писатели IX–X вв., относясь к античному наследию

с несомненным любопытством, вместе с тем как бы отталкиваются от него, противопоставляя свое время «эллинскому», т. е. языческому. Даже Арефа Кесарийский, собиратель античных авторов, ставит в вину Хирсфакту близость к эллинскому миру, где причудливо соединяются театры и мимы с сатирами и менадами⁸⁹. Даже «Жизнеописание императора Василия I», вышедшее из-под пера Константина Багрянородного или, во всяком случае, составленное в его окружении, противопоставляет своего героя античным персонажам: он не нуждался, как Ахилл, в полчеловеке Хироне, или в законодателе Ликурге, или в Солоне; он установил суд величественнее Ареопага и Гелиэй⁹⁰. Напротив, с библейскими персонажами Василий сопоставляется: как Авраам Исаака, он посвятил своего сына Стефана Богу (§ 35). В отличие от него негативный герой рядопологается фигурам античного мифа: Михаил III, оказывается, стремился подражать Дионису (§ 26). Еще более показательно в этом отношении сочинение Феодосия Диякона «Покорение Крита», завершенное в 963 г. Хотя Феодосий постоянно обращается к античной номенклатуре, он использует ее, чтобы отвергнуть: Гомер, по его суждению, воспел недостойные события, выведенные им полководцы были незначительными, действовавшие под Троей войска – ничтожными. Римские военачальники Сципион, Сулла, Цезарь, Помпей несравнимы с современниками Феодосия. «Демосфен, твой Филипп не имел могущества; Плутарх, твой Цезарь не обладал смелостью; твой Сулла, Дион, был пустым демагогом. Довольно, Ксенофонт, писать о мнимо непобедимых – восхищайся Романом (имеется в виду император Роман II. – А. К.) и пиши о нем одним»⁹¹.

Но уже со Льва Диякона, писавшего на рубеже X и XI вв., намечается поворот в отношении античных героев: Лев не смущается, уподобляя своего любимого Никифора Фоку античному Гераклу, а Иоанна Цимиския – Тидею⁹². Эта тенденция расцветает в «Алексиаде» Анны Комнины, которая постоянно сопоставляет своего отца с Гераклом и Александром Македонским⁹³. Резкое ощущение античного мира как заманчивого, но вместе с тем чужого и чуждого исчезает в период византийского предвозрождения, подготавливая наступившее позднее самоотождествление с «эллинами» и одновременно трагическое ощущение своей зависимости от античной традиции. Характерного для Ренессанса понимания своей близости к миру древних классиков, понимания идентичности без тождества, понимания, короче говоря, дистанции, отделяющей ее от античности, Византия XI–XII вв. не знала.

Любопытную параллель к этому наблюдению содержит работа К. Вайцмана, посвященная внедрению мифологической тематики в византийскую книжную иллюстрацию⁹⁴. Согласно К. Вайцману, в X в. возник ныне утерянный иллюминированный «справочник» мифологических сюжетов – скорее всего, византийский список «Библиотеки» Аполлодора, который можно рассматривать как своего рода «энциклопедию», адекватную энциклопедическим памятникам времен Константина VII. Сохранившиеся иллюстрированные рукописи псевдо-Нонна («Толкования на Григория Назианского») и псевдо-Оппиана («Кинегетика»), древнейшие из которых К. Вайцман датирует XI веком, показывают, что художники этого времени не ограничивались только энциклопедическим воспроизведением классических образцов, но активно приспособляли мифологические сцены к своим задачам. Так, иллюстраторы псевдо-Нонна наряду с чисто мифологическими композициями, восходящими к классическим моделям («Состязание Пелопса и Энома на колесницах», «Хирон, обучающий Ахилла» и т. п.), представили ряд новых композиций, где основное внимание уделено культу, оракулам и историческим легендам. В рукопись псевдо-Оппиана введено небольшое число мифологических сцен, размещенных там параллельно с дидактическими миниатюрами, иллюстрирующими охотничьи приемы и вооружение: эти мифологические сцены частично представляют охотящихся героев, что в какой-то мере соответствует тексту «Кинегетики», частично же имеют художественное назначение («Беллерофонт и Химера», «Персей и Горгона» и др.), обнаруживая осведомленность художника в энциклопедизме X в.

Что образованные византийцы, и особенно византийцы XI–XII вв., хорошо знали классическую литературу, – тривиальное наблюдение, не нуждающееся в специальной аргументации. Х. Г. Бек усматривает в этом структурную особенность византийского общественного сознания, вытекающую из господствовавшей в стране «политической ортодоксии», результатом которой был своеобразный вакуум между реальностью и творчеством. Этот вакуум заполнялся в известной мере античными реминисценциями, которые давали писателю возможность безопасной игры⁹⁵. Действительно, подражание античности не ограничивалось только языком, терминологией, употреблением старинной этнической и географической номенклатуры, но подчас выливалось в сознательное отстранение от современных писателю реалий, имен и понятий. Многократно упоминавшемуся Пселлу принадлежит диалог «Тимофей, или О демонах», внешняя канва

которого сводится к следующему: двое приятелей, Тимофей и Фракиец, встретились в Византии (антикизированное имя Константинополя) и беседовали, покуда надвигающийся дождь не заставил их разойтись. Фракиец, выпрашиваемый Тимофеем, рассказывал о том, что провел два года, общаясь с еретиками-евхитами, или энтузиастами, которые, по его словам, пожирали фекалии, предавались кровосмешению, приносили в жертву младенцев и почитали демонов. После этого он принялся подробно рассуждать о демонологии, опираясь на сведения, полученные от месопотамского монаха Марка, с которым судьба свела его в Северной Греции.

Диалог – жанр, популярный в античное время. Византийцы охотно переписывали диалоги Лукиана и подражали им. Еще выше ценили диалоги Платона. Но ориентация Пселла на античность простирается не только в жанровом родстве. Диалог «Тимофей» не несет внешних примет XI столетия, – напротив, встречающиеся там реалии, казалось бы, не позволяют видеть в нем памятник, возникший позднее VI в., когда евхиты-мессалиане, распространившиеся из Месопотамии, исчезают с исторической сцены. Упоминание гностиков и дикарей, населяющих Британию, также плохо совмещается с XI в., когда уже не было гностиков, а жители Британии давно приняли христианство. Тимофей и Фракиец действуют в эпоху, когда язычество еще остается реальной силой и когда ожидали возрождения ужасных мистерий Диониса и трагедий Кроноса, Тиеста и Тантала, пожиравших собственных детей⁹⁶.

Диалог Пселла, разумеется, не единственный памятник, который можно было бы привлечь в подкрепление концепции, выдвинутой Х. Г. Бекон, – и все-таки предложенное им объяснение лишь кажущееся. Прежде всего, сам Х. Г. Бек хорошо подчеркнул амбивалентность византийской политической ортодоксии, в самой природе которой, следовательно, заключалась возможность выступления против господствующих идей. Политическую ортодоксию Византийской империи не следует абсолютизировать, и соответственно в обращении к античности не следует видеть только (и, тем более, прежде всего) средство ухода от жизненно важных проблем. Наоборот, обращение к античности и ощущение (скажем наперед, иллюзорное) своей непрерывающейся связи с античностью, ощущение эллинского мира как пересекающегося с их собственным давали византийцам иллюзию стабильности в нестабильной действительности. Ощущение себя современником Тимофея и Фракийца было для Пселла не простой забавной

игрой в социальном вакууме, а интенсивным самоубеждением в константности зыбкого мира, т. е. решением одной из коренных идеологических проблем.

Но этого мало. Византийская антикизирующая литература отнюдь не уходила от животрепещущих проблем, но использовала традиционную топику, образную систему, лексику для намека на общественные и идеологические явления византийской действительности. Это было в известных пределах «аллюзивное» искусство⁹⁷. Так, во внешне антикизированной «Катомиомахии» («Война кота и мышей»), потешной пародии Феодора Продрома, прощупываются аллюзии на византийскую действительность. Усиленно подчеркнутое в пародии «подземное», «скрытое» бытие мышей – это отражение формы существования византийца, живущего в страхе перед гнетущими политическими силами, и соответствующие сентенции Продрома имеют выразительные параллели у ряда писателей XI–XII вв. В образе мышиного короля Креилла представлен типичный константинопольский псевдовождь, узурпатор, мнимый герой, изрекающий громкие речи⁹⁸.

Г. Хунгер, который выявил ряд аллюзий в византийской антикизирующей литературе, подходит к ним с вневременной мерой⁹⁹: для него нет сомнения, что византийская риторика содержала «эффективные компоненты политического и социального характера». Однако, понимая византийскую литературу (с существенной для нее чертой подражания античности) как неизменный феномен неизменной общественной структуры¹⁰⁰, он видит в ней аллюзии лишь на вечные признаки византийского мира, но не на конкретное историческое бытие данной эпохи. Самая интенсификация интереса к античности в XI–XII вв. ускользает от его внимания: так, подражания Цеца гомеровскому эпосу – для Хунгера лишь исключение в общем потоке византийского литературного творчества¹⁰¹, а не типичное явление XII столетия.

Однако в псевдолукиановском диалоге «Тимарион», возможно, вышедшем из-под пера современника Алексея I, поэта и врача Николая Калликла¹⁰², мы встречаем отчетливую переключку с конкретным временем. У Лукиана заимствована общая ситуация – герой внезапно попадает в подземное царство, но все остальное – и описание солунской ярмарки, составляющее введение к рассказу о подземном царстве, и состав персонажей, пребывавших в аду «Тимариона» (византийские императоры и деятели культуры, включая Михаила Пселла), – принадлежит Византии на ру-

беже XI–XII вв. и актуально и «современно» Калликлу. И даже в антикизированном и как будто бы совершенно лишенном конкретных примет времени любовном романе (см. о нем ниже) подчас всплывают почерпнутые из окружающей действительности образы¹⁰³.

Традиционные топики и лексика антикизирующей литературы создавали особые художественные возможности воздействия на читателя, особую емкость художественного слова, позволившую с помощью цитаты, знакомого историко-мифологического образа, даже одного слова пробудить у подготовленного читателя сложную и подчас неконтролируемую гамму чувств¹⁰⁴. При этом следует учитывать избирательную тенденцию византийской литературы, ее способность отбирать в античном наследии необходимое для самосознания, способность полемизировать с классиками и переосмысливать их. Византийцы XI–XII вв. ценили Пиндара, но они видели в нем не страстного поэта, создателя взволнованно-причудливых образов, но носителя необычной и редкостной лексики¹⁰⁵. Цenia Аристотеля, византийцы полемизировали с ним по существенным вопросам понимания природы, материи и формы¹⁰⁶. Антикизирующий пуризм языка и стиля сочетался в византийской литературе XI–XII вв. подчас с отказом от основных принципов античной эстетики.

Например, анонимная драма «Христос страждущий»¹⁰⁷, составленная, скорее всего, в XII в., по форме имитирует древнегреческую трагедию, более того, она смонтирована из отдельных строк Еврипида, а также Эсхила и Ликофрона. Однако сознательный антидраматизм структуры византийской драмы противостоит драматизму Еврипида, несмотря на последовательное заимствование анонимным автором «Христа страждущего» еврипидовской фразеологии. Византийцы как бы возвращаются к эсхилловской и даже доэсхилловской драме-оратории¹⁰⁸, где важнее действия реакция на рассказ о действии: это – ритуализированное «действие», исключжающее действие. Мария, главное действующее лицо в «Христе страждущем», с самого начала предчувствует недоброе, и очень скоро вестник сообщает ей о предательстве Иуды, обходя в своем рассказе всю драматическую остроту ситуации и сосредоточиваясь на оценке поступка предателя. Далее следует второй вестник, объявляющий о предстоящей гибели Иисуса, что вводит плач Марии, а затем еще один – с сообщением о распятии. Центральный момент трагедии – оплакивание мертвого Христа, тренос, хотя и составленный из античных стихов, однако полный лирического напряжения:

Каким, о Боже, плачем воззову к Тебе?
 Из недр сердечных вырвется какая песнь?
 Вот Ты лежишь, и саван спеленал Тебя,
 Дитя мое, как пелена в младенчестве!

(Перевод С. С. Аверинцева.)

Тренос сменяется перипетией: ангел возвещает о воскресении Христа, вселяя радость в душу матери.

Иными словами, отношение византийских авторов к античному наследию избирательно-активно, они перестают быть просто собирателями и коллекционерами, из подражателей они превращаются в учеников.

В этой связи, по всей видимости, нуждается в пересмотре традиционное представление о подражательности византийских имитаций античных изобразительных средств*. На византийских

* [В конце IX–X вв. византийское изобразительное искусство переживает подъем, связанный, по всей вероятности, с возрождением интереса к религиозным образам после периода иконоборчества (см.: *Cormack R. S. Painting After Iconoclasm* // *Iconoclasm* / Ed. A. Bryer and J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 147–164). Идея о возрождении классицизма в это время получила наиболее отчетливую формулировку у Вайцмана: *Weitzmann K. Geistige Grundlagen und Wesen der Makedonischen Renaissance*. Cologne, 1962; *Weitzmann K. Das klassische Erbe in der Kunst Konstantinopels* // *Antike und neue Kunst*. 3. 1954. S. 54 f. См. также: *Kitzinger E. The Hellenistic Heritage in Byzantine Art* // *DOP*. 17. 1963. P. 95 f. Миниатюры некоторых рукописей, таких как Евангелие из монастыря Ставроникита или Парижская Псалтирь, выполнены в классицистическом стиле (см.: *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts*. Berlin, 1935. S. 23 f.; *Buchthal H. The Miniatures of the Paris Psalter*. London, 1938). При этом античная стилистика проникает в христианские изображения. Вместе с тем, использование античных образов в X в. носит по существу эклектический характер: из классических деталей и приемов складывается совсем не классическое целое (см.: *Weitzmann K. Greek Mythology in Byzantine Art*. Princeton, 1951; *Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and Their Impact on Christian Iconography* // *DOP*. 14. 1960. P. 43–68; *Weitzmann K. The Joshua Roll, Work of the Macedonian Renaissance*. Princeton, 1948). Принято считать, что монументальная живопись X в., в отличие от современных ей рукописей, не имеет примеров этого стиля (см.: *Belting H. Problemi vecchi e nuovi sull'arte della cosiddetta «Rinascenza Macedone» a Bisanzio* // *Corso di cultura sull'arte Ravennate e Bizantine*. 29. 1982. P. 31). Исключением являются фрески Новой Церкви в Токали Килисе (Каппадокия) (см.: *Epstein A. W. Monks and Caves in Byzantine Cappadocia*. Durham, N. C., 1983). Замысловатый стиль, представленный несколькими рукописями X в., не нашел продолжения в последующем столетии, искусство которого было обращено к более широкой аудитории и стремилось воплотить более общие ценности христианской культуры: художник передавал не естественную, а божественную реальность, изображал события, обладающие не историческим, а универсальным смыслом; это не искусство миниатюры и предметов роскоши, но монументальная живопись мозаик и фресок (см.: *Diez E., Demus O. Byzantine Mosaic in Greece*. Hosios Loukas and Daphni. Cambridge, Mass. 1931)].

ларцах слоновой кости, служивших для разнообразных светских нужд, постоянно воспроизводятся языческие мотивы. Один из наиболее известных памятников этого круга – ларец из Вероли (ныне в музее Виктории и Альберта в Лондоне), создание, скорее всего, императорской мастерской XI в. Он покрыт сценами, изображающими похищение Европы, группу людей, бросающих камни, Геракла, играющего на лире в окружении эротов, кентавров и пляшущих менад, Беллерофонта с Пегасом, жертвоприношение Ифигении и т. п. Вся эта обширная программа предполагала у интеллектуального зрителя XI в. хорошее знание античной литературы, прежде всего Еврипида и Мосха. Но мало того, по предположению Г. Хунгера, многие фигуры в группе трактованы на ларце из Вероли в подчеркнуто буффонадном духе. Они вмешиваются в серьезный сюжет (путто, сидящий на плечах кентавра; другой, предлагающий Елене (?) мужскую бородатую маску); их антиэстетичные, подчеркнуто корпулентные тела, их неестественные позы вносят диссонанс в псевдоантичную гармонию плавных изображений. Античная тематика, как и в «Тимарионе», становится предметом скоморошества, полупристойной шутки¹⁰⁹.

Новое умонастроение – элементы критического отношения к традиции – оказывается характерной чертой научной жизни XI–XII вв., затрагивая даже такие сферы умственной деятельности, как богословие и представление об императорской власти.

Активное освоение античного наследия, которое перестает восприниматься как обособленная от жизни и от богословия сумма фактов, не могло не привести к рождению скептицизма, если не по отношению к религии как таковой, то, во всяком случае, к некоторым традиционным представлениям и догмам. Пселл еще удерживался на острие ножа, хотя и ему приходилось время от времени слышать обвинения в неправославии. Пселл был рационалистом, выступавшим против оккультизма и магии, против демонологии и суеверий, против астрологии и предсказаний, исходя из того, что человеческий разум способен достичь истины с помощью собственных средств – с помощью логики¹¹⁰. В полемике с Керуларием он отстаивал право науки на существование, право человека на научное познание мира¹¹¹. Но наука и логика применимы лишь к явлениям видимого мира, к природе; Пселл был достаточно осторожен, чтобы не пытаться прилагать научные критерии к богословским проблемам. Кроме познания, основанного на доказательстве, Пселл допускал существование мудрости, стоящей выше доказательств, доступной возвышенному и вдохновенному уму, мудрости, которая открывается вере. Бог оставал-

ся, таким образом, вне природы и вне логики, хотя в некоторых случаях Пселл допускал силлогизм и в богословии.

Иоанна Итала обычно называют учеником Пселла. Это положение справедливо лишь в формальном смысле – Итал, действительно, посещал лекции Пселла, но с самого начала вступил с ним в конфликт (см. выше). Он не был преемником Пселла, но занял место ипата философов после опалы своего предшественника. Речь идет, следовательно, не о преемственности, а о перерыве традиции. Оценка Итала в современной литературе крайне противоречива, и это обусловлено наличием двух типов информации о его взглядах: с одной стороны, это предъявленные ему в 1082 г. обвинения, где, надо думать, еретические моменты учения подчеркнуты и усугублены, с другой – уцелевшие сочинения Итала, в которых, напротив, оригинальность его воззрений сглажена и отличие от официальных концепций максимально стерто. Италу были предъявлены тяжкие обвинения. Его обвиняли прежде всего в увлечении античной философией, в результате чего он ставил языческих мыслителей выше отцов церкви и повторял их лжеучение относительно души, неба, земли и всех творений; он усматривал в светской науке не только служебное средство умственного формирования человека, но полагал, что она обладает самостоятельной истинностью; он пытался приложить систему логических рассуждений к постижению тайн воплощения и единства ипостасей; он отрицал чудеса, совершенные Христом, Богородицей и святыми, полагая их противоречащими природе и потому невозможными; он признавал извечность материи и идей, считая, что материя сама создает свои формы – под воздействием идей, а не Творца; он отрицал бессмертие души и учил, что люди воскреснут не в том облике, которым они обладали при жизни¹¹².

Пусть кое-что в этих статьях 1082 г. усилено, пусть они не находят подтверждения в сохранившихся сочинениях Итала, посвященных традиционным темам логики, диалектики, грамматики, риторики¹¹³ (надо думать, неортодоксальные труды Итала, если они существовали, были уничтожены). Нельзя, однако, не видеть, что обвинения эти содержат определенную систему воззрений, суть которой состояла именно в том, что новый ипат философов попытался, опираясь на античную науку и прежде всего неоплатонизм, приложить логику к богословию, т. е. двинулся в ту запретную область, перед которой благоразумно остановился Пселл¹¹⁴.

В ереси были обвинены и ученики Итала, в том числе и Евстратий Никейский. Евстратий – талантливый комментатор Аристотеля, чьи толкования были переведены на латинский язык

и использовались крупнейшими схоластами, включая Фому Аквинского. Он занимал пост вселенского дидакала и был официальным придворным богословом, пользовавшимся покровительством Алексея I. Он был поставлен митрополитом Никей. И тем не менее в 1117 г. его подвергли осуждению на соборе, несмотря на поддержку императора и патриарха Иоанна IX Агапита, несмотря на то, что он отрекся от своих сочинений и заявил, что его противники стащили у него черновики и использовали незавершенные формулировки¹¹⁵.

Подобно Италу (от которого он, кстати сказать, в свое время также отрекся), Евстратий противопоставлял логику традиции: он строил свои доказательства не на цитатах из Писания, отцов церкви и постановлений соборов, но на принципах разума, и утверждал, что сам Христос в своих речах опирался на Аристотелевы силлогизмы¹¹⁶. С позиций Аристотелевой логики Евстратий подошел к одному из центральных вопросов христианского вероучения – к проблеме воплощенного Божества. По словам его противника Никиты Сиды, обратившегося к Алексею I с опровержением учения Евстратия, Никейский митрополит утверждал, что Иисус, подобно всем людям, был рабом и тварью и как раб поклонялся Богу: Слово, т. е. второе лицо Троицы, присутствовало в нем в той же мере, как и во всех. Иисус обладал божественностью не по своей природе, а в меру того, что соприкасался со Словом, и, следовательно, его – раба, стремившегося к совершенству, удостоенного сыновства по благодати, как и все люди после крещения, – не должны были почитать как Бога¹¹⁷. Иначе говоря, Евстратий отказывал Иисусу в божественности, подчеркивал его человеческую природу и именно с этих позиций вел резкую полемику против армян-монофиситов.

Если Итал и Евстратий принадлежали к интеллектуальной элите, то Нил Калабрийский, которого считали учеником Итала, как и его монашеское окружение, вышел из совершенно иной среды и настойчиво подчеркивал свою необразованность, неосведомленность в догматике. И тем не менее рассуждения Нила близки ереси Евстратия: он также подчеркивал человеческую природу Иисуса, обожествленного по усыновлению, а не по естеству; из этого он, по-видимому, делал вывод, что воплощение создавало возможность для каждого человека «стать Словом», т. е. возвыситься до Божества¹¹⁸. Еретическое учение Нила было осуждено еще в конце XI в.

В середине XII в. вновь вспыхнули богословские споры, начало которым положило выступление Никифора Васибеки и Михаила

Ритора против традиционной формулы литургической молитвы: «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш». Рационалисты XII в. усматривали в литургической формуле противоречие: Сын Божий оказывался жертвой и одновременно сам вместе с Отцом принимал эту жертву. Никифор и Михаил были поддержаны одним из виднейших иерархов, образованнейшим богословом Пантевгеном Сотирихом, диаконом церкви св. Софии, только что избранным на пост Антиохийского патриарха. Сотирих придал своей критике более широкое значение: он не ограничился литургической молитвой, но затронул ряд принципиальных догматических вопросов¹¹⁹. Свои соображения он изложил в диалоге, написанном в платоновской манере, который даже противники называли блестящим. К сожалению, «еретический» диалог Сотириха до нас не дошел, и мы вынуждены изучать взгляды Антиохийского патриарха по полемике его противников, прежде всего Николая Мефонского, который предпочитает грубую брань изложению позиции своего оппонента*.

Главным в концепции Сотириха и его единомышленников было фактическое разделение Отца и Сына: крестная жертва приносилась одному Отцу, Сын же, приносимый в жертву, не принимал ее. Именно поэтому Николай Мефонский не устает повторять тезис о единстве и неделимости Троицы: ты же, обращаясь он к Сотириху, хочешь говорить о двух богах, а то еще прибавишь и третьего (т. е. Св. Духа¹²⁰); ты считаешь природу Отца иной, нежели природу Сына¹²¹, разделяешь их энергии и воли¹²² и вводишь понятие подчинения (υποτάσσειν) в систему Троицы¹²³. С этим связана и мысль Сотириха о двух этапах в спасении человечества: сперва благодаря единению плоти с Логосом-Сыном, а затем (и отдельно) принесению себя (προσαγωγή) Отцу¹²⁴. И опять-таки Николай Мефонский решительно настаивает на том, что не было двух спасений, а был единый акт взаимоотношений человека с Богом. Самый характер этого акта Сотирих и Николай понимали по-разному: если верить Николаю Мефонскому, Сотирих подменил понятие примирения (κατάλλαξις) человечества с Богом, примирения, которое было результатом божественного милосердия, – понятием обмена (ἀνταλλάξις) ценностями¹²⁵, обме-

* [О Николае см.: *Angelou A. Nicholas of Methone: The Life and Works of a Twelfth-Century Bishop // Byzantium and the Classical Tradition / Ed. M. Mullett and R. Scott. Birmingham, 1981. P. 143–148.*]

на человеческого естества (Христос воплотился) на оставление грехов (человечество отказалось от греха). Это превращение человечества в своеобразного контрагента Бога особенно возмущает Николая Мефонского, утверждающего, что не было никакого обмена, но лишь божественное милосердие, человеколюбие и доброта¹²⁶. Наконец, Сотирих поставил под сомнение церковное учение о евхаристии, в которой видел не действительное пресуществление, превращение вина и хлеба в кровь и плоть Христа, но лишь напоминание о Тайной Вечере¹²⁷. Рационалистическое учение Сотириха было осуждено собором в 1157 г.

Острота христологических споров XII в. выразилась еще и в том, что церковь попыталась расширить иконографическую программу апсиды храма, введя туда литургическую тематику. Г. Бабич выдвинула гипотезу, что иконография храма св. Пантелеимона в Нерези (1164 г.) и Богородичной церкви в селе Велюсе близ Струмицы (построена в 1080 г., но расписана позднее) отражает богословские дискуссии середины XII в. Близ Престола предуготовленного (Этимасия) с традиционными символами Троицы (Евангелие, голубь и крест) изображены создатели литургии Василий Великий и Иоанн Златоуст, держащие в руках свитки с текстами молитв. Тем самым подчеркивается, в противовес Сотириху, единство созданного Василием и Иоанном богослужебного ритуала с основным принципом догмы – учением о Троице. Внимание к литургической проблематике проявляется и в характерной для XII в. теме Христа – агнца (символ евхаристической жертвы), которого в монументальной живописи (Курбиново, св. Целители в Кастории, св. Николай в Прилепе) подчас окружали фигурами создателей литургии и других епископов¹²⁸.

Наконец, к XII в. относится и деятельность Михаила Глики (Сикидита). Он выступал сперва с критикой астрологических увлечений императора Мануила I, за что был брошен в тюрьму, ослеплен и пострижен в монахи. Но Глика не смирился: помимо «Тюремных стихов», созданных на народном языке и упрекающих императора в несправедливости, он написал сочинение «О Божественных тайнах» (осужденное за еретические идеи, оно было уничтожено и, подобно диалогу Сотириха, до нас не дошло). Кроме того, Глика подверг осмеянию идею воскресения во плоти, утверждая, что после воскресения люди не будут иметь человеческого облика, но уподобятся бесплотным теням¹²⁹.

Богословский рационализм XI–XII вв., родившийся в среде византийских интеллектуалов и редко распространявшийся за ее пределы, поднял ряд острых вопросов и, самое главное, проти-

вопоставил вере, основанной на авторитете традиции, принципы разума и логики. Византийская церковь, осудившая еретиков-рационалистов¹³⁰, обрушила на их сочинения ряд трактатов и компендиумов, в которых, с одной стороны, рассматривалась история еретических учений, а с другой – отстаивались традиционные религиозные принципы.

Ортодоксальные богословы XI–XII вв. боролись на два фронта: против рационалистической, интеллектуальной ереси, захватившей, как мы видели, церковную иерархию и особенно константинопольскую высшую школу, и против дуалистической ереси, продолжавшей павликианско-богомильские традиции и охватившей гораздо более широкие круги – от образованного врача Василия, сожженного на костре по распоряжению Алексея I¹³¹, до рядовых стратигот и крестьян на Балканах и в Малой Азии¹³². Э. Вернер выдвинул два момента, отличающие богомилство XI в. от более раннего: распространение ереси в городах (что, видимо, связано с общим оживлением городской жизни) и сосредоточение богомильских «совершенных» в некоторых монастырях¹³³. К сожалению, источники слишком скудны, чтобы можно было решительно поддержать эти важные социологические наблюдения.

В 1140 г. специальный собор (Reg. Patr., 3, № 1007) разбирал сочинение уже скончавшегося к этому времени Константина Хрисомала, который был обвинен в ереси «энтузиастов и богомилов», ибо он, по словам обвинителей, бесчестил всякую власть, утверждая, что всякий, кто чтит какого-нибудь архонта, на деле поклоняется сатане. Хрисомал, далее, отвергал принцип крещения в младенчестве и считал действительными христианами лишь тех, кто позднее был оглашен, освящен и перерожден посредством возложения рук «мудрыми учителями». Более того, выше тайнств Хрисомал ставил индивидуальное восхождение к Богу, которое должно было совершаться под наблюдением особых епископастов. Хрисомал решительно отвергал и традиционный культ, утверждал, что христианам не должно ходить в церковь, молиться и петь в ней. Учение Хрисомала было осуждено, а найденные копии его сочинений преданы огню.

В 1143 г. два каппадокийских епископа – Климент Сасимский (или Сосандрский) и Леонтий Бальбиский – были обвинены в богомилстве (Reg. Patr., 3, № 1011–1012, 1014). Их учение отличалось последовательным аскетизмом. Они призывали мужей воздерживаться от общения с женами, рекомендовали три года не брать в рот мяса, рыбы и вина и утверждали, что никто

из мирян не спасется, если не станет монахом¹³⁴. Они отвергали иконы и ограничивали поклонение кресту, отрицали чудеса, вводили перекрещение детей, рукополагали женщин диакониссами, разрешая им участвовать в литургии. Попутно Клименту и Леонтию вменяли в вину, будто бы они продают женщин-христианок варварам.

В 40-е годы XII в. в богомилстве был обвинен монах Нифонт (Reg. Patr., 3, №№ 1013, 1015), а вслед за ним – его покровитель патриарх Косьма II Аттик. Примечательно, что и Нифонт был связан с Каппадокией и находился в переписке с какими-то каппадокийцами, а Климента и Леонтия признавал вполне православными¹³⁵. Довольно туманные намеки на расправу с еретиками (богомилами?) при Мануиле I содержатся в некоторых сочинениях Михаила Хониата и Евстафия Солунского¹³⁶. Но еще в начале XIII в. богомилы были многочисленными в Филиппополе и играли важную роль в отношениях города с болгарским царем Калояном¹³⁷.

Виднейшим полемистом при Алексее I был Евфимий Зигавин, составивший объемистую книгу «Догматическое всеоружие», где после краткого изложения патристического учения о Боге, творении и спасении излагает историю и опровержение древних, а затем и современных ему ересей и иноверия, в том числе воззрений армян-монофиситов, павликиан, богомилов, мусульман. Книга Зигавина (в составлении которой принимали участие и другие богословы, в том числе Иоанн Фурн) – не самостоятельное сочинение, а в основной своей части компиляция из старых сборников – флорилегиев. «Догматическое всеоружие» должно было дать ортодоксам удобное средство борьбы с инакомыслящими: защищая традицию, Зигавин не претендовал на оригинальность ни мысли, ни изложения¹³⁸.

За Зигавином последовал ряд полемистов: Никита Сид и Никита Иракийский¹³⁹, опровергавшие учение Евстратия Никейского; Николай, епископ Мефоны, советник Мануила I по богословским вопросам, выступивший против Сотириха. Не удовлетворяясь критикой современных ему еретических учений, Николай направил огонь своей полемики против позднеантичных корней «заблуждений», осудив идеи Прокла, которым увлекались Пселл и его последователи. Он нападал на языческих философов, отстаивавших извечность материи – идея, которая, видимо, продолжала бытовать в XI–XII вв.¹⁴⁰

Идеи Николая – охранительны: он стремится не к развитию богословия, а к защите его от рационалистической (языческой)

критики. При этом богословские спекуляции Мефонского епископа отчетливо и откровенно переплетаются с его политической программой: он защитник сильной императорской власти, он мечтает о том, чтобы Мануил I объединил всю христианскую церковь¹⁴¹, он возмущается тем, что Сотирих выступил со своими идеями в трудный для империи момент, когда ей отовсюду угрожали варвары¹⁴².

Острая полемика против рационализма, сопровождавшаяся стремлением поставить высшую школу под контроль церкви, свидетельствует о серьезной опасности, которую представляли в XII в. новые учения для традиционного богословия.

Хотя монархия мыслилась в Византии единственной возможной формой политического устройства, тема критики императора занимала важное место в византийском политическом мышлении¹⁴³. Однако эта критика оставалась парадигматически ограниченной: она строилась с постоянной оглядкой на парадигму, на идеального государя, образ которого либо помещался глубоко в прошлое (таков был Константин Великий для Феофана), либо совмещался с современным василевсом (Василий Македонянин для историков из окружения его внука, Константина VII). Сформулированная Кекавменом мысль, что правящий в Константинополе в данный момент государь всегда возьмет верх (Кек., с. 268. 8–13; ср. с. 248. 25–27), была абсолютизированным выражением идеи царского парадигматизма, и многие историки XI–XII вв. создавали идеализированные образы если не правящего василевса, то во всяком случае его ближайшего предшественника: для Атталиата парадигмой был Никифор III, для Анны Комнины – ее отец, Алексей I, для Киннама – Мануил I. Но одновременно с этим сложилось и принципиально иное отношение к императорской власти.

Критика императора Пселлом (при всех его реверансах в адрес династии Дук) имеет обобщенный характер: он осуждает не того или иного василевса, а «императоров» вообще: императоры податливы на лесть и не терпят свободной речи (Пс. Хрон., т. 2, с. 147, § 18. 5–10; ср. т. 1, с. 153, § 74. 21–23), они руководствуются не благом, а своеволием (т. 2, с. 59, § 179. 8–11). Никто из государей, настаивает Пселл, не может оставаться благим на протяжении всей жизни: одним удастся быть хорошими в начале царствования, другим – в конце (т. 1, с. 130, § 27. 1–4; ср. с. 131, § 27. 31–32); одни цари дурны по собственному характеру, другие – из-за общения с недостойными людьми (т. 1, с. 58, § 11. 3–5; ср.: т. 2, с. 52, § 163. 7–10). Иначе говоря, в царской власти

по самой ее природе заключено какое-то зло, которое обычно ведет к разрушению моральных принципов и физического здоровья носителя власти. Константинопольские интриги приобретают под пером рационалиста Пселла оттенок роковой неотвратимости: государи не только не выполняют своих благих намерений и щедрых обещаний, но заболевают водянкой, подагрой и иными хворями, от немощей теряя человеческий облик. В свете этого немудрено, что к идее божественности и богоизбранничества василевса Пселл относится с сугубым скептицизмом: писатель возмущен, что царям кажутся недостаточными внешние признаки власти – венец и пурпур, но они хотят править подданными словно боги (т. 1, с. 153, § 74. 15–21) и ведут себя, будто располагают божественной поддержкой (т. 2, с. 83, § 1. 7–10). И точно так же Иоанн Зонара заявлял, что идеального, парадигматического царя никогда не бывало (Зон., III, с. 767. 12–19).

Но если царь – человек, наделенный человеческими слабостями, то естественным становится требование ограничить его самодержавие, если не конституционно (эта мысль еще не созрела), то хотя бы этически, с помощью наставлений, советов и критики. Византийская политическая жизнь конца XI–XII вв. знает не только официозные панегирики, составленные магистрами ритор, но и критические выступления против василевсов, попытки дискуссии с ними по политическим и, особенно, по богословским вопросам. Алексей I встретился с упорной оппозицией высшей духовной иерархии, стремившейся отстоять имущественную независимость церкви¹⁴⁴. Иоанн Оксит, патриарх Антиохийский, пошел дальше, подвергнув критике всю политическую линию Алексея¹⁴⁵. Возможно, что к этому же времени относится творчество анонимного церковного писателя, которого иногда идентифицируют с Никитой Анкирским¹⁴⁶, митрополитом в конце XI в. По его концепции, не император должен наставлять епископа, а наоборот – епископ должен воспитывать государя, ибо епископская власть выше¹⁴⁷; он восхваляет патриарха Полиевкта, благородно боровшегося против царей (р. 254. 12–15); он полемизирует с государем, утверждавшим, будто противящийся василевсу – святотатец: ведь иначе пришлось бы всех мучеников считать святотатцами (р. 240. 4–5). Ссылаясь на Иоанна Дамаскина, он говорит: «Не царям законодательствовать в церкви» (р. 248. 15–16).

Резко критикует писатель и патриаршую власть, сравнивая Константинопольского патриарха с многоруким Бриареем или даже с полипом, присосавшимся к камням (р. 200. 21–26), тог-

да как ему надлежит быть матерью, пекущейся о своих детях-митрополитах (р. 198. 13–19). Писатель подчеркивает единство и равенство епископата, одним из членов которого остается и патриарх (р. 230. 28–30), и более того, он мечтает о создании совета митрополитов и высшей чиновной знати – архонтов, выдающихся своей жизнью и разумом, чтобы те и другие вносили свои предложения государю и тем самым укрепляли империю (р. 202. 30 – 204. 6).

Еще Фотий защищал теорию двух властей и тем самым поднимал значение патриарха до императорского¹⁴⁸, но анонимный автор конца XI в. (Никита Анкирский?) идет значительно дальше и выдвигает принцип ограничения василевса и патриарха советом церковной и светской знати.

Весьма примечательно, что в XII в. Евстафий Солунский, панегирист и сторонник Мануила I, несколько раз выступал с критикой мероприятий государя. В 1166 г. или несколько позднее он произнес речь о нехватке воды в Константинополе. Конечно, критика была задрапирована бархатом восхвалений: Евстафий твердил о райском изобилии в столице, где не хватает лишь малого – воды. Но, несмотря на все формулы раболепной вежливости, оратор не боится сказать, что город страдает от жажды и может запустеть. Он рисует картину морозной зимы, когда колодцы перестали давать спасительную воду: «Город кричит моими устами!» – заявляет Евстафий.

Во многих речах Евстафий призывал императора к прекращению активной военной политики, восхвалял мир, называл войну кровавым бедствием. Разбрасывать железные триболы по вражеским долинам, засеять солью чужие пашни, вырывать ямы для конницы и пехоты противника, отравлять воду – все это неблагородные действия. «Что благородного в низости? Что мужественного в коварстве?» Вместо этого надо ставить крепости, которые заменят и триболы, и ямы, и яд, отравляющий воду.

Наконец, Евстафий выступал с критикой богословских новшеств Мануила I, пытавшегося ввести новую огласительную формулу против мусульман¹⁴⁹.

От XII в. сохранился своеобразный памятник – протокол диспута Мануила I с патриархом Михаилом III. Согласно протоколу, император потерпел поражение в споре и признал правоту своего противника¹⁵⁰. Ситуация, обрисованная в протоколе (капитуляция императора в диспуте), кажется настолько невероятной, что исследователи склонны считать рассказ о диспуте апокрифом и относить его возникновение к более позднему времени¹⁵¹. Но

вряд ли есть необходимость в таком объяснении: мы видим, что традиционная концепция божественной исключительности государства была расшатана в конце XI–XII вв. По мере того, как в василевсе все более усматривали образец благородного воина (см. гл. II), его человеческая природа стала обнаруживаться все откровеннее.

Характерной особенностью правовой науки IX–X вв. было создание компиляций, носивших официальный или полуофициальный характер и имевших целью привести в упорядоченную систему формулы римского права. Юриспруденция XI в. освобождается в известной мере от официозности: многие компендиумы римского права состояются теперь частными специалистами и от их собственного лица – таково «Обозрение законов» Пселла, изложенное в стихах и адресованное императору Михаилу VII. По распоряжению того же Михаила VII современник Пселла Михаил Атталиат написал небольшое руководство по римскому праву, названное им «Практическим обозрением». В начале XII в. судья Патцис выпустил так называемый «Типукит» (буквально «Что где лежит») – своего рода предметный указатель к «Василикам», своеобразную систематизацию воспринятого византийской юридической наукой римского наследия¹⁵². Но не одно римское право привлекало внимание юристов XI–XII вв. Уже к середине XI в. создается юридический сборник, включавший не только «Большой синопсис Василик» (компендиум X в.), но и новеллы императоров X столетия: этот сборник сохранился в большом количестве (15!) рукописей XI–XII вв., позволяющих говорить о наличии ряда изданий, выполненных разными лицами: некоторые из них обнаруживают черты подлинного исследования и заботу о воссоздании аутентичного текста императорских новелл¹⁵³.

С конца XI в. объектом пристального изучения становится церковное (каноническое) право. Около 1090 г. юрист Феодор Вест (вопрос о его тождестве одноименному автору «Похвалы мученице Евфимии» остается открытым) составил новую редакцию Номоканона в XIV титулах; при этом он с большой тщательностью воспроизвел текст юстиниановых новелл, включенных в Номоканон: греческих в полном объеме, латинских в сокращенном изложении¹⁵⁴. Юристы XII в. создали толкования (комментарии) к основным памятникам церковного права: так называемым Апостольским правилам, правилам церковных соборов, Номоканону в XIV титулах. Алексей Аристин и особенно Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон привлекают огромный материал (не только

старых схолиастов, но и современное светское законодательство) и стремятся критически отметить устаревшие, вышедшие из употребления нормы. Вместе с тем толкование соборных постановлений используется канонистами для выражения собственной политической программы, и если Зонара был идеологом синклита, склонным к ограничению автократии, то Вальсамон, наоборот, является апологетом Комниновской монархии¹⁵⁵.

Но еще более существенной новой чертой юриспруденции XI в. было обращение к практике, к судебным решениям как к своеобразному источнику права, что коренным образом расходилось с византийским юридическим традиционализмом предшествующего периода. В этом отношении весьма показателен памятник, составленный во второй четверти XI в. и сохранившийся в единственной поздней рукописи XV столетия, – так называемая «Пира» («Опыт», или «Практика»).* Это запись свыше 275-ти судебных решений константинопольского судьи Евстафия Ромея, чередующаяся с систематизированным изложением отдельных положений «Василик». Изложение судебных прений в «Пире» обнаруживает, что сам Евстафий стоял на почве традиционализма и стремился гармонизировать противоречивые постановления юстинианова права и «Василик», тогда как его противники подчас относились критически к устаревшим и противоречивым нормам¹⁵⁶.

По-видимому, к судейской практике восходило и сочинение «О неформальных соглашениях»¹⁵⁷.

Естественные науки оставались и в это время прежде всего книжными дисциплинами, ориентировавшимися на античные образцы. Античные математики (Евклид, Птолемей¹⁵⁸ и др.) были транслитерированы одними из первых в IX–X вв., когда только началось восстановление классического книжного наследия. В XI–XII вв. продолжалось изготовление математических рукописей: этими веками, в частности, датированы манускрипты, содержащие тексты Евклида, Птолемея, Герона, Аполлония Пергского и других¹⁵⁹. Вместе с тем начинают появляться и математические компиляции, как например, приписанные Герону «Геометрия», «Стереометрия» и «Геодезия»¹⁶⁰. В 1008 г. был создан позднее приписанный Пселлу компендиум – учебное пособие по четырем математическим дисциплинам, включая музыку; оно несамостоятельно и довольно примитивно, но все же знаменует переход от простого копирования к осмыслению накопленных знаний¹⁶¹.

* [См.: *Zepos J. and P. Jus graecoromanum*. Athens, 1931. Vol. 5.]

Пселлу принадлежат несколько математических трактатов, в том числе об алгебраической терминологии Диофанта и о мистическом значении чисел¹⁶². Опираясь на неоплатоническую традицию, Пселл стремился осмыслить значение математики в христианском обществе. По его мысли, перед этой наукой стоят три задачи: чисто практическая, затем специфически математическая – создающая путь от чувственного мира к миру рассудочному – и, наконец, богословская – ведущая к созерцанию духовного. Если физика имеет своим объектом телесные элементы, то математика учит мыслить о бестелесном. При этом, по Пселлу, противоречивое двуединство космоса раскрывается в двуединстве геометрии и арифметики: первая учит о стабильном, вторая – о нестабильном. Космос разделяется арифметикой и объединяется геометрией и предстает перед нами одновременно разделенным и единым¹⁶³.

В области практической математики одно из крупнейших достижений XII в. – знакомство с арабской позиционной системой цифр: арабские цифры (кроме нуля) впервые встречаются в схолиях к X-й кн. Евклида в рукописи Vindob. XXXI, 13¹⁶⁴. Мы мало осведомлены о конкретных задачах, стоявших перед византийской математикой, но показательно, что Леонардо Пизанский, с именем которого связано начало возрождения западной математики, посетивший в конце XII в. Византию, познакомился здесь с постановкой ряда арифметических и алгебраических проблем¹⁶⁵.

История византийской астрологии еще не написана. Интерес к ней пробуждается, во всяком случае, к началу XI в., когда появилось сокращенное изложение астрологического компендиума Гефестиона, писавшего в IV в.¹⁶⁶. К XII столетию астрология стала всеобщим увлечением, захватив высшие придворные круги вплоть до Мануила I, которого за эту страсть порицали многие – от Глики до Анны Комнины. Иоанн Каматир посвятил Мануилу I стихотворное сочинение о двенадцати знаках зодиака и других небесных феноменах (планетах, неподвижных звездах, кометах), а также о землетрясениях, громах и иных чудесных явлениях, где предсказывал, какое сочетание светил влечет за собой неудачный поход, нехватку вина, обмельчание рек, падение вельмож, гражданские войны, смуты и многие иные беды¹⁶⁷. Конечно, несбывавшиеся предсказания не раз давали повод к насмешке над астрологами, но в средние века астрология – единственный источник знаний о небесных светилах, и подчас эти знания оказывались довольно глубокими. Та же Анна Комнина, которая потешается над астрологическими увлечениями своих современников, рас-

сказывает, как во время переговоров Алексея I с печенегами писец Николай шепнул василевсу на ухо, что в этот день должно состояться солнечное затмение, и как царь умело использовал астрономическую информацию в дипломатических целях¹⁶⁸.

Античная гелиоцентрическая концепция строения вселенной возрождается или, во всяком случае, становится известной в XII в.: Михаил Италик в энкомии Мануилу I сравнивает императора с солнцем, которое, как говорят некоторые философы, находится в центре планетарной системы таким образом, что одни планеты размещаются «ниже», а другие «выше» по отношению к солнцу. Мысль эта могла быть заимствована Италиком из «Метафизики» Аристотеля¹⁶⁹.

Астрологические наблюдения способствовали и выработке целостного философского представления о космосе, где земля и небо связаны внутренними причинными связями – нитями «мировой симпатии» – и где, напротив, всякая вещь имеет свою противоположность¹⁷⁰.

Окружающий мир с его удивительными явлениями привлекал мыслящих византийцев, искавших обычно ответ у Аристотеля или иных классических авторов. Мы уже говорили, что Михаил Пселл составил комментарий к «Физике» Аристотеля. Пселл проявляет там известную самостоятельность по отношению к Стагириту, подвергая критике его учение о природе как о сущем, а не акцидентальном принципе движения и покоя. Для Пселла природа (φύσις) – это «искусство Божие», стоящее между Богом и вселенной, порождающее и приводящее в движение телесные предметы. Божественный разум мыслится Пселлом вполне в духе христианской концепции как источник всего, однако он не воздействует на мир непосредственно, а лишь через «душу» и «природу». Душа – это внутренняя сила, создающая внутренне обусловленное движение, тогда как природа дана материальному миру извне; душа имеет тенденцию вернуться к «первой природе», т. е. к божеству, а природа остается нераздельной с материальным миром. Материя и форма, полагает Пселл, не начало, ибо начало заключено в Боге; они лишь непосредственные принципы, из которых возникают элементы, а затем реальные вещи. Материя и форма поэтому мыслятся им тварными. Форма содержится в божественном разуме как парадигма (образец), но не является ипостатическим бытием, а лишь «оплодотворяющим словом». Материя же сама по себе не имеет бытия, или онтологической значимости, но является воспринимающим форму принципом, приобретая бытие в качестве «оформленной материи»¹⁷¹.

Таким образом, Пселл преобразует учение Аристотеля о природе, материи и форме, приспособляя его к неоплатонической системе взглядов и к христианской концепции. Бог остается в его учении первым началом, но его непосредственное воздействие на материальный мир фактически сводится к роли творца и первого двигателя: элементы и телесные вещи выводятся из природы с ее закономерностями.

Во многих работах Пселл касается конкретных физических проблем. Почему, например, обмахивание охлаждает тело, хотя, казалось бы, движение должно создавать теплоту? Пселл отвечает, что при обмахивании происходит удаление нагретого телом воздуха – в бане же, где воздух сам по себе теплый, обмахивание не дает прохлады (Пс. Соч., 2, с. 231. 8–25). Конечно, его наблюдения и умозаключения подчас ложны и стоят на уровне средневековых легенд: черепахи пьют не все, но если одна из них напьется, все этим насыщаются (Сафа МВ, V, с. 326. 6–8, 11–13). Падающие звезды – не истинные светила, но сгустившиеся пары; дело в том, что с земли ввысь возносятся два типа испарений: влажные, которые не поднимаются высоко и выпадают затем дождем и градом, и более легкие, уносящиеся вверх и образующие метеоры и падающие звезды. Они воспламеняются и падают в тучи, причем летят не вниз, а вбок, под действием двух сил: легкости, поднимающей вверх, и принуждения, давящего вниз (Пс. Соч., 2, с. 222. 25 – 223. 18). Рассматривая вопрос о громе и молнии, Пселл утверждал, что человек раньше видит молнию, чем слышит гром, поскольку его глаз «выдается», а ухо, напротив, полое. Его современник Симеон Сиф дал иное, гораздо более резонное объяснение этого явления: звук нуждается во времени для своего распространения, свет же не зависим от времени¹⁷².

Древнейшая греческая алхимическая рукопись – Marc. 299 – датируется X–XI вв., и, видимо, к этому времени относится возрождение византийской алхимии. В центре византийской алхимии XI в. стоит проблема, как делать золото – актуальная в условиях резкой нехватки драгоценных металлов в обращении. Около 1000 г. датируется (впрочем, на основании довольно шатких допущений – наличия «варварской» терминологии) сочинение некоего Косьмы на эту тему. Вездесущий Пселл также оставил два трактата об изготовлении золота: один был обращен к патриарху Михаилу Керуларию, другой – к патриарху Ксифилину¹⁷³.

Атталиат подробно описывает удивительных животных, приобретенных Константином IX: слона и «кампилпардала», в кото-

ром легко узнать жирафа. У слона, говорит Атталиат в доброй антикизирующей манере, ноги подобны атлантовым колоннам, уши – не меньше щита пелтаста. Уши его в постоянном движении из страха перед комарами, ибо слон, самый большой и самый сильный зверь, может быть побежден только комаром: если тот влетит в его ухо (буквально «достигнет его слуха»), слон погибнет от страха. Вот почему слон, точно щитом, отгоняет комара ушами. Нос (хобот) служит слону рукой: им он направляет в рот пищу, его же использует как оружие. Он повинуется не узде и ремням, но топорiku. Сочленения его ног так жестки, что слон не может лечь и отдыхает, привалившись к дереву (Аттал., с. 48. 14 – 49. 16). Пусть это описание местами отдает народной легендой, отказать Атталиату в наблюдательности нельзя¹⁷⁴. Писатель задумывается и о природных причинах грома и о механизме его действия, высмеивая простецов, считающих гром порождением большого дракона (с. 310. 19 – 311. 17). Его интересуют и причины землетрясений: правда, в этом случае Атталиат возражает против естественнонаучного объяснения, которое встречалось еще у Фотия, и возвращается к религиозно-назидательному истолкованию этого явления (с. 88. 20 – 89. 21).

Географические представления византийцев формировались из двух источников. Это была книжная традиция*, восходящая прежде всего к Страбону, интерес к которому возрождается с IX в.¹⁷⁵. Уже в IX-м или в середине X в. была создана «Хрестоматия» – эпитоме Страбона, не содержавшее никаких новых сведений; она сохранилась в рукописи Palat. Herdelb. 398¹⁷⁶. Внимание к Страбону усиливается в XI–XII вв., когда им много занимались известные константинопольские книжники: Пселл, Цец и Евстафий¹⁷⁷. Столь же книжный характер носят и географические экскурсии Михаила Глики о природе рек, об Индии или о нильских разливах, восходящие подчас к легендарной традиции¹⁷⁸. А вместе с тем в XI–XII вв. может быть прослежен и живой интерес к соседним странам; этот интерес мог быть чисто практическим: известно,

* [Интерес к географии исчезает после VI в., одновременно с упадком городской жизни. Безразличие Феофана к географии и топонимике типично для его эпохи сузившегося горизонта (см.: Чичуров И. Феофан Исповедник – компилятор Прокония // ВВ. 37. 1976. С. 64–67). Короткое путешествие Елифания Айюполита с Кипра в Палестину и Египет, совершенное в VIII или IX вв., вряд ли свидетельствует о широком или сколько-нибудь научном интересе к географии. Перелом наступает в X-м или, может быть, уже во второй половине IX в., когда начинают собирать древние географические сочинения, особенно принадлежащие Страбону и Птолемею (Change. P. 152)].

что некоторые византийцы путешествовали в Египет, Индию и Эфиопию (Пс. Соч., 2, с. 10. 2–5; ср.: Сафа МВ, V, с. 372. 22–24), хотя у нас нет данных о том, что эти путешествия совершались чаще или были длиннее, чем в IX–X вв. Интерес к чужим землям мог принять и литературную окраску: именно к XII в. относится первое византийское описание паломничества. Его автор – Иоанн Фока – в 1177 г. совершил паломничество в Палестину¹⁷⁹.

Медицинские проблемы занимали византийское общество XI–XII вв. не менее астрологических. В частной переписке тех лет* постоянно попадаются и жалобы на нездоровье, и врачебные советы; историки подробно описывают болезни своих героев. Чисто средневековой настороженностью к медицине пронизано сочинение Кекавмена: по его словам, лекари – обманщики, которые только и заботятся о том, чтобы обобрать пациента, и не раньше вылечат больного, чем вытянут из него все деньги. Поэтому надо обходиться без врача и без лекарств, но питаться умеренно, избегать охлаждения, пить настои из полыни и ревеня и трижды в год пускать кровь (Кек., с. 224 и сл.). Напротив, диалог «Тимарион» свидетельствует, что «высокая» медицина интересовала интеллигентного читателя: автор (а им, возможно, был придворный врач Алексея I Николай Калликл) осуждает Гиппократу, противопоставляя ему Галена, – впрочем, и труд Галена «О различных видах лихорадок» страдал, по мнению автора «Тимариона», серьезными пробелами¹⁸⁰.

Сохранилось очень подробное описание константинопольской больницы XII в., учрежденной при богатом столичном монастыре Пандократора¹⁸¹. Эта больница была рассчитана на 50 мест и состояла из 5-ти отделений. Хирургическая палата имела

* [Именно частная переписка показывает, насколько изменилось отношение к медицине в XII в. Писатели IX и X вв. практически игнорировали врачей. Из сотен писем, написанных в это время, только два коротеньких письма обращены к врачу: Фотий дважды пишет какому-то Акакию, «врачу и монаху», который вполне мог быть скорее врачом нравственных болезней, чем настоящим доктором. Напротив, в XII в. авторы постоянно адресуют послания медикам, в которых видят людей того же круга, т. е. представителей интеллектуальной прослойки. Михаил Италик, например, хвалит своего друга-медика как одного из самых образованных и сведущих в философии врачей (Мих. Итал., с. 204 и сл.). К концу X в. поразительно меняется отношение к образу врача в агиографии: вместо безличного и невятного упоминания о врачах появляются подробные описания их жадности и профессионального бессилия. Особенно богаты таким медицинским материалом Жития Луки Столпника, Луки Нового или Стириота, Никона Метанойте, Афанасия Афонского и Нила Россанского, все написанные около 1000 г. (Change... P. 155).]

10 коек, палата для больных глазами, желудочных и других страдающих острыми заболеваниями – 8, женское отделение – 12; о распределении госпитальных мест монастырский устав ничего не сообщает. Кроме того, в каждой палате имелось по одной резервной кровати на случай экстренной надобности. Наконец, устав упоминает о 10-ти дополнительных койках, не указывая, как они были распределены. Каждая койка должна была иметь коврик, войлочный тюфяк, подушку и покрывало, а на зиму – два одеяла. Для тяжелых больных, не способных двигаться, имелись специальные тюфяки с отверстиями посередине. Больница была снабжена хитонами-рубашками и плащами-гиматиями, так что больных переодевали в казенную одежду, а их собственные вещи стирали и возвращали после выздоровления чистыми. Ежегодно спальное белье и одежда должны были просматриваться, и пришедшие в негодность вещи раздавались бедным, а остальные чинились.

Персонал больницы был весьма многочислен. В каждом мужском отделении числилось два врача, три штатных помощника-«фельдшера», два дополнительных (сверхштатных) помощника и два служителя-санитара, т. е. всего 36 человек на 38 коек (не считая дополнительных). Женское отделение обслуживали два врача, одна женщина-врач (акушерка?), четыре штатные помощницы, две сверхштатные и две или три санитарки, итого 11 или 12 человек персонала на 12 мест. Кроме того, имелись врачи, хирурги и терапевты, принимавшие амбулаторных больных. Некоторая противоречивость указаний устава не позволяет точно определить общую численность медицинских работников при больнице Пандократора.

Врачи работали посменно: каждый был занят в больнице один месяц из двух. Ночью дежурили четыре фельдшера и одна фельдшерица – по одному человеку в отделении. Кроме того, при больнице была аптека, которую обслуживали шесть человек¹⁸², и ряд служб, где имелись прачки, повара, конюхи, привратник и т. д.

Врачи разделялись на разряды, которые носили разные наименования: первый – протоминиты, затем – примикирии, дидаскал врачебного искусства и, наконец, оптионы, которые вели регулярную лечебную работу. Примикириям вменялось в обязанность ежедневно обходить больных и контролировать процесс лечения, выправляя ошибки и карая нерадивых. Они же консультировали в трудных случаях амбулаторных больных. О функциях протоминитов устав прямо ничего не говорит. Жалование выплачивалось деньгами и натурой (пшеницей, ячменем, сеном и т. п.)

и регламентировалось в соответствии с разрядом и должностью – выше всех оплачивались протоминиты и старшие хирурги: они получали 7 1/2 номисм и 38 модиев хлеба в год, тогда как оптионам полагалось 3 1/6 номисмы и 28 модиев; санитары и конюхи оплачивались выше, чем оптионы и фельдшера, повара и швейцар – примерно так же, как оптионы. Кроме того, врачи и фельдшера получали месячные подарки. При этом врачам строго-настрого возбранялись частная практика и особенно визиты к высокопоставленным лицам, кроме тех случаев, когда последует распоряжение самого василевса. Это делалось, по словам устава, для того, чтобы врачи всегда оставались на своем посту и не расходовали на посторонние нужды больничные лекарства.

Наконец, при больнице была специальная школа, в которой проводили обучение дети врачей.

Больницы существовали и при других церковных учреждениях, но далеко не повсюду они были так хорошо обеспечены, как в Пандократоровом монастыре. При Исааке II возникла больница при столичной церкви Сорока мучеников. Провинциальный Богородичный монастырь Спасительницы мира имел госпиталь на 36 коек, который обслуживал один врач и восемь служителей; все больные размещались в одной палате¹⁸³.

Устав Пандократора предусматривает мельчайшие хозяйственные расходы – устройство мастерских, мельницы, пекарни, бани, изготовление лекарств, покупку посуды, хирургических инструментов, свечей и пр., но, к сожалению, в нем нет сведений об уровне медицины XII в.*.

Автор «Тимариона» свидетельствует о критическом отношении к медицинским светилам древности, которое начало зарождаться в Византии. Были ли это только общие слова, или византийским медикам XI–XII вв. действительно удалось пройти вперед – этого мы не знаем, ибо до нас почти не дошла оригинальная научная литература тех лет. Уже упомянутый выше Симеон Сиф, видный чиновник и писатель второй половины XI в., составил сочинение о свойствах продуктов питания, где рассматривал диетические и лечебные особенности растений, плодов, напитков, сортов мяса; он следует в основном за Галеном, но учитывает и практический опыт, в том числе и почерпнутую с Востока

* [Симеон Новый Богослов и Георгий Торник упоминают о практике вскрытия трупов в научных целях, см.: *Traité théologiques et éthiques* / Ed. J. Darrouzès. Vol. 2. Paris, 1967. P. 138. 267 – 140. 274; *Georges et Démétrios Tornikès. Lettres et discours*. P. 225. 12–19.]

рецептуру. Под именем Сифа сохранились и другие медицинские сочинения¹⁸⁴. Что касается анонимного лечебника Флорентийской библиотеки, упоминающего среди прочего мази царицы Зои, то время его составления колеблется между XI и XIV вв.¹⁸⁵. Небольшая работа некоего Дамнаста, посвященная уходу за беременной женщиной и младенцем, по всей видимости, относится к XI в.¹⁸⁶.

Византийская наука XI–XII столетий опиралась в очень большой степени на книжную традицию, на античное наследие. Однако в постановке некоторых задач ромейские ученые начинали обращаться к живому опыту и к достижениям своих западных и восточных соседей. Научные контакты, впрочем, были лишь одним из элементов общих контактов Византии с окружающим миром, которые в XI–XII вв. становятся все интенсивнее.

Казалось бы, нет никакой нужды специально подчеркивать уважение Хониата к образованности¹⁸⁷. Прославляя Иоанна Велисария, своего друга, писатель отмечает этапы полученного им образования: сперва он научился правильному словопотреблению, затем окунулся в воды Каллиопы, т. е. познакомился с гомеровским эпосом, далее закалил язык в огне риторики, прикоснулся к философии – вершине всех наук и, наконец, обучился праву (НХ Речи, с. 150. 30 – 151. 24). Перед нами традиционное описание довольно традиционного курса обучения, причем наиболее примечательная часть этого описания – восхваление памяти Велисария, твердо удерживавшей полученные знания (с. 151. 29–34). Велисарий – образованный человек, но его образованность не выходит за пределы нормы византийского интеллектуала. В «Истории» Хониат называет ряд лиц, чья мудрость и красноречие достойны специального внимания. Таковы Михаил Италик – «великий в красноречии и мудрости» (НХ Ист., с. 62. 13), Евстафий Солунский – «великий в красноречии и добродетели», отличавшийся богословской и светской мудростью (с. 307. 74–77), Евфимий Малаки – «великий в красноречии» (с. 331. 95), Михаил Хониат, овладевший всякой мудростью и всяким знанием, светским и богословским (с. 607. 28–30), и намногое превосходивший своего брата Никиту и добродетелью, и красноречием (с. 605. 77–80). Сюда можно прибавить и Феодора Вальсамона – большого знатока юриспруденции (с. 406. 45–46). Все эти люди действительно занимали видное место в византийской интеллектуальной элите XII в., все они, кстати сказать, принадлежали к высшему духовенству.

Аналогичных суждений о светских людях мало, и носят они несколько иной характер. Протостратор Алексей (Аксух) обладал полководческим искусством и языком, который соперничал с его умом (с. 97. 69–70), Василий Рендакин назван «рассказчиком мифов» (Илиада, 9: 443) и учителем военного дела императора Исаака II (с. 370. 3–5); Феодор Стипиот – человек глубокого и быстрого разума (с. 59. 10–11). В этих случаях речь идет явным образом не об образованности, а в лучшем случае о природном разуме и бойком языке.

Но приглядимся к приведенным примерам – далеко не во всех случаях они оказываются однозначными. Стипиот, как мы видели выше (см. гл. I), вызывает сочувствие Хониата лишь как жертва (впрочем, довольно сомнительная) императорского произвола. Правовая подготовленность Вальсамона – предмет насмешки писателя, ибо Антиохийский патриарх выступает в рассказе Хониата наивным человеком, которого легко сумел обойти Исаак II (с. 406 и сл.). Михаил Италик сравнивается с Протеем (с. 63. 18), символом изменчивости, с которым в дальнейшем Хониат будет сопоставлять узурпатора и тирана Андроника I (с. 245. 78) и хитрого придворного Константина Месопотамита (с. 489. 48).

«Протеизм» умного человека, видимо, не случайность для Хониата, ибо ум и красноречивость Андроника I он подчеркивает не один раз. Андроник превосходил своих противников разумом (с. 104. 46), он «глубокоумен» и строит военные машины (с. 281. 72); Хониат относит к нему свойственные «многоумному» Одиссею эпитеты *πολύτροπότητος* (с. 106. 88, 348. 88; ср.: с. 243. 40), *πολύμηχανος* (с. 226. 86) и *πολύμητις* (с. 253. 94, 348. 75) и подчеркивает его искусство писать письма (с. 229. 54; ср.: с. 245. 72). В свете всего этого становится понятной и характеристика Иоанна Каматира – человека, едва прикоснувшегося кончиком пальца к высоким материям, но говорившего легко и свободно (с. 113. 88–93), этот обжора отнюдь не вызывает уважения писателя. Наконец, Хониат называет Иоанна Дуку оратором (*ἐρμῆακός*) и воином, хотя он не прикоснулся и кончиком пальца к «свободным наукам» (с. 94. 3–5)¹⁸⁸.

Итак, с точки зрения Хониата, образованность, и ум, и во всяком случае красноречивость далеко не автоматически являются достоинством. И это настороженное отношение к образованности проступает не только при характеристике отдельных лиц, но и в некоторых общих формулировках – на первый взгляд, безоговорочно однозначных, но оказывающихся в контексте двусмысленно ироничными.

В самом начале «Истории», описывая интриги у постели умирающего Алексея I, Хониат заставляет Ирину Дукену защищать права на престол Никифора Вриенния – мужа Анны, старшей дочери Алексея: в числе его достоинств она называет и овладение «свободными науками», которые упорядочивают нрав и в небольшой степени помогают намеревающимся управлять (с. 5. 3–5). Абстрактно взятые, эти слова должны были бы знаменовать уважение Хониата к свободным наукам – однако нельзя забывать, что перед нами «чужая речь», а не авторская, и что значение этих слов Ирины Дукены начисто снимается презрительным отзывом Анны о своем муже, оказавшимся негодным для того, чтобы овладеть престолом (с. 10. 52–56). Анна говорит о его вялости (τὸ χαυνόν τοῦ ταύτης ἀνδρός), и эти слова наводят на мысль, что знание свободных наук может оказаться препятствием для энергичных действий.

Что такой ход мыслей не случаен, подтверждается последовательным противопоставлением ромейской образованности невежеству и варварству латинян. В иных случаях суждения о латинском варварстве приобретают характер безоговорочно негативной оценки. Нет у варваров пристанища для харит и муз – вот почему они жестоки и гнев опережает у них слова, – так говорит Хониат (с. 598. 89–92), подчеркивая, казалось бы, с помощью слова ὅμαι свое личное отношение, вложенное в эту оценку. И ему вторит Андроник Кондостефан, утверждающий, что ромеи превосходят варваров-венгров разумом и воспитанием, опытом и пониманием, полководческим искусством и военной тактикой (с. 155. 72–74). Но это лишь одна сторона дела, ибо Хониат дает возможность и латинянам высказать свое отношение к ромейской образованности.

Крестоносцы-победители издевались над византийцами, носившими с собой перья и чернильницы, и именовали их писцами (с. 554. 90–91). Алдуин высмеивал Исаака II, который был далек от ратных подвигов, но отдал себя «призрачному дыму букв» (Еврипид. Ипполит, 954), с детских лет посещая учителя-грамматиста, привыкнув держать в руках дощечку и перо и познав страх перед палочными ударами по рукам и по заднице (с. 365. 72–77).

Уже в этих словах Алдуина возникает без всякой симпатии обрисованный образ грозного школьного учителя, держащего розгу (σκούτλη) в руке, – и соответственно Андроник I сравнивается с грозным учителем (παῖδαγωγός ἐμβριθής), часто поднимающим розгу над юношами (с. 323. 72–73). Грозного учителя напоминает писателю и Мануил I, после кончины которого все

пришло в беспорядок (с. 224. 25–26). Школьного учителя Хониат вспоминает еще раз – вспоминает саркастически, говоря о каком-то фаворите Исаака II, мальчишке, еще нуждавшемся в грамматисте и учебных дощечках (с. 439. 69).

Итак, мы не найдем у Хониата ни пселловского восторга перед наукой, ни подлинного интереса к образованности. Образованность, в его представлении, – свойство лучших представителей высшего духовенства, тогда как у светских людей ему соответствует хитроумие и красноречие – качества отнюдь не однозначные, становящиеся подчас опасными, ибо они сочетаются с коварством и к тому же влекут за собой известную вялость и пассивность. Позиция Хониата до какой-то степени напоминает критику в адрес Пселла (Скил. Прод., с. 141. 15–16, 152. 22–24, 156. 7–8, 171. 6–10), который своими «гуманитарными» занятиями развращал императора Михаила VII и подготавливал крушение империи ромеев.

Одним из характерных явлений византийской общественной и культурной жизни XI–XII вв. было возникновение кружков интеллектуалов и поддерживаемый в них культ дружбы, *philía*. О такой интеллектуальной дружбе Хониат ничего не хочет знать, хотя в его речах и письмах термин *philía* встречается неоднократно, и он говорит о «каноне дружбы» (НХ Речи, с. 164. 20), о дружеской связи (с. 15. 28, 199. 18), о том, что у друзей все общее (с. 206. 19–20) и т. п. Такие общие формулировки, впрочем, довольно тривиальны и не дают представления о том, какой именно смысл вкладывает писатель в это понятие. Поэтому нужно от общих формулировок обратиться к более конкретным суждениям Хониата, позволяющим выявить реальное содержание «дружбы» в его понимании.

Чрезвычайно широко Хониат использует термин *philía* для обозначения межгосударственных отношений – союза: венгры отбросили «договор о дружбе» (*τὰς ἐπὶ φιλάς ὁμολογίας*) (НХ Ист., с. 17. 41–42); Иоанн II принудил западных соседей против их воли к «дружбе» (с. 18. 63–64); жители островков на озере Пусгуса поддерживали с турками «взаимную дружбу» (с. 37. 90); протостратор Алексей получил предписание установить, если будет нужно, «дружбу» с норманнским королем (с. 7. 67–68); Мануил I рассчитывал деньгами склонить восточных варваров к «дружбе» (с. 199. 51); он настроил дружески Венецию и другие приморские города (с. 199. 60). Напротив, Хониат отмечает, что отношения Мануила с Килич-Арсланом не привели к чистой дружбе (*φιλίαν ἀκραφνῇ*) (с. 123. 79); султан пренебрегал дружбой и нарушал

мирные отношения (с. 177. 1–2). Точно так же писатель говорит, что в начале 1204 г. переговоры о «дружбе» велись, но оставались безрезультатными (с. 567. 55–56).

В соответствии с этим субстантивированное прилагательное φίλια (gñ) употребляется в значении «дружественная (страна)» в формуле: «пройти как по союзной территории (ὡς διὰ φίλιας)» (с. 61. 66, 110. 94, 401. 24).

Иногда в понятие φίλια у Хониата вносится новый оттенок: речь по-прежнему идет о международных (союзных) отношениях, но отношениях, которые определяются не равенством сторон, но известной односторонностью. Одна из сторон (обычно это Византийская империя) как бы жалует свою дружбу (φίλιαν прос-ένειπεν) венецианцам (с. 173. 15), сатрап Анкиры стремился приобрести дружбу с ромеями (с. 461. 22–23); во время переговоров Аарон предательски советовал западным послам упорствовать и тем самым извлечь выгоду, получив от Мануила I «большую дружбу» (с. 147. 58), а от своих соотечественников – почет. Эти примеры словоупотребления почти не отличаются от приведенных выше, но у Хониата есть и более яркие: он говорит о вассальных землях (τῶν φίλων χωρῶν) аламанского короля (с. 98. 83), о том, что маркиз Монферратский «записался» вассалом императора (с. 200. 84), и прямо определяет, что вступающие в отношения «дружбы» именовались в Италии φίλοι (с. 201. 12), т. е. вассалами. Слово φίλια могло означать не только международный союз, но и вассальные отношения к империи.

Уже в этих случаях φίλια и φίλος приобретают феодальное содержание, хотя до сих пор речь шла о межгосударственных отношениях. Но φίλια и производные от нее могут употребляться и в специфическом значении в приложении к внутренним связям Византийской империи.

Когда влахи схватили Андроника Комнина, рассказывает Хониат, никто не пришел ему на помощь: ни друг-утешитель (φίλος παρήγορος), ни оруженосец, ни слуга (с. 131. 88–89). «Феодальное» окружение, в котором находится здесь слово «друг», весьма показательно: рядом со «слугой» и «оруженосцем» оно звучит синонимом λίσιος, «вассал». Иоанн II перед смертью собирает родню и друзей (τὸ συγγενὲς καὶ φίλον) (с. 41. 17) и обращается к ним с просьбой поддержать молодого Мануила. И тем же стереотипом – τὸ συγγενὲς καὶ φίλον (с. 386. 88) – обозначено ядро войска Алексея Враны. И опять-таки φίλοι в том и другом случае – не просто «друзья» (ибо о какой «дружбе» с императором могла бы идти речь), но «верные», «близкие», «вассалы»¹⁸⁹.

О болгарском царе Калояне Хониат говорит, что тот принял византийцев не как государь «друзей», но словно слуга, говорящий с господами (с. 613. 58–59): и в этом случае φίλοι должно подчеркнуть зависимость от государя, оно составляет явную параллель слову ὑπέρτης; отношение между φίλος и василевсом мыслится как аналог отношению «слуга – господин»; φίλος и здесь – вассал. Феодор Ласкарь напал на город Прусиаду и отвратил ее от φίλία к Давиду Комнину (с. 640. 14–15), т. е. от вассальной зависимости.

В соответствии с этим слово φίλία приобретает значение «верность». Хониат говорит о людях, еще сохранявших «искру верности» к усопшему царю Мануилу (с. 228. 44–45): здесь φίλία никак не может означать дружбу, хотя в другом случае та же формула ζώπυρον φίλιας (с. 105. 75) описывает отношение государя к знатному подданному и сородичу.

Слово φίλία и производные от него могут обозначать иные явления: политическую поддержку (с. 267. 51), искательство¹⁹⁰, амнистию (с. 173. 15), почтение (с. 353. 22), – но все это далеко не φίλία в манере Пселла.

Лишь изредка Хониат касается дружбы в широком этическом плане. Верный друг, говорит он, слаще меда (НХ Речи, с. 165. 26), показательно соединяя φίλία со специфическим понятием πίστις (см. о нем гл. II; о φίλος πιστός, еще с. 196. 10). Он восхваляет чистую дружбу (φιλίας... τὸ ἀκραίφγές), свободную от коварства, и готовность на жертву во имя друга (с. 196. 7–9). Истинной дружбе противостоит ложная – мелочная и хрупкая (с. 198. 9–14), порожденная выгодой, которая чужда самому Хониату (с. 209. 13–20). В «Истории» он упоминает несколько случаев ложной дружбы: Иоанн Каматир погубил Стипиота, прикинувшись другом (НХ Ист., с. 112. 44–45); Алексей Ангел под завесой дружбы таил ненависть к брату (с. 448. 8–9), но кекавменовского панического страха перед дружбой у Хониата нет. Скорее наоборот, он видит опасность не столько в том, что друг предаст или отвернется, но в том, что природа наделила нас склонностью прощать себе и друзьям недостойные поступки (с. 447. 1 – 448. 6). С сарказмом он передает слова Андроника I, горевавшего об отсутствии у него кровожадных друзей, готовых по одному его знаку пойти на убийство (с. 269. 81–82).

Анализ понятия φίλία у Хониата приводит нас к двоякому заключению: во-первых, Хониат не пользуется или почти не пользуется этим термином в значении, типичном для Пселла и обозначающем интеллектуальную дружбу; во-вторых, он вкла-

дывает в понятие *philia* оттенок феодальной верности, идентифицируя *philia* с лидзиями – вассалами. Зная о возможности «неверной дружбы», он, в отличие от Кекавмена, далек от того, чтобы начисто зачеркнуть этот институт, играющий в его представлении важную общественную роль, хотя и совсем не в той сфере, где его разместил Пселл.

Один из основных элементов византийской образованности – античное наследие. Хониат, несомненно, владел им в очень широком масштабе. В новых изданиях «Истории» и «Речей» тщательно указываются аллюзии и скрытые цитаты из античных авторов. Конечно, еще не все выявлено, и индексы Я. Л. ван Дитена могут быть расширены¹⁹¹. Так, НХ Ист., с. 19. 88–89 – характерный гомеровский стереотип (Илиада, 5: 323, Одиссея, 3: 475 и др.); с. 65. 76–77 – из «Илиады» (2: 1, 24: 677); с. 79. 78 – из «Илиады» (8: 306; ср.: 23: 697); с. 94. 82–83 – из «Илиады» (3: 17 и др.); с. 126. 64 – намек на «Одиссею» (9: 94); с. 168. 59 – из «Одиссеи» (2: 370 и др.); с. 248. 67 – из «Илиады» (22: 370); с. 251. 50 – из «Одиссеи» (22: 19); с. 261. 85 – из «Илиады» (1: 157) и т. д. Можно также отметить дополнительные аллюзии на Пиндара (с. 99. 28 – из Пиф. 10: 51, с. 113. 91 – из Олимп. 9: 100), Анакреонта (с. 171. 39 – из 16: 5), трагиков: Эсхила (с. 83. 88 – из Агамем. 376, с. 89. 65 – из Промет. 1062), Софокла (с. 74. 38 – из Акса 345, с. 92. 38 – из Антиг. 52, с. 242. 7 – из Электры 331), Еврипида (с. 69. 93 – из Иппол. 73, с. 84. 30 и с. 168. 73 – из Гекубы 29), на Аристофана (с. 155. 81–82 – из Богатства 585, с. 261. 85 – из Богатства 612), на прозаиков: Геродота (с. 85. 61–62 – из 9: 58, с. 156. 25 – из 7: 224, с. 171. 44 – из 2: 101), Фукидида (с. 82. 68 – из 4: 108, 7: 25, с. 86. 76 – из 7: 53), Ксенофонта (с. 87. 15 – из Мемораб. 2: 3.5, с. 163. 7 – из Анаб. 2: 2.16), Демосфена (с. 76. 10 – из 13: 19), Плутарха (с. 73. 5 – из Филопемена 15, с. 79. 91 – из Гальбы 17, с. 131. 15 – из Алекс. 19, с. 195. 54 – из Лукулла 17, с. 209. 46–47 – из Алекс. 26), Лукиана (с. 84. 13 – из Морских разговоров 12: 2, с. 85. 58 – из Алекс. 57). Список добавлений мог бы, разумеется, быть расширен. Однако пренебрежем этими добавлениями и рассмотрим индексы ван Дитена как представительную выборку.

Всего в «Истории», речах и письмах содержатся цитаты и аллюзии примерно на 90 древнегреческих светских авторов; при этом показательно, что в речах и письмах (несмотря на их меньший объем) круг цитируемых классиков шире, чем в «Истории». Почти все цитируемые в «Истории» классики встречаются нам в речах и письмах, кроме Галена, Гегесиппа, Геродиана,

Гесихия Милетского, Гигина, Иосифа Флавия и «Жизнеописания Гиппократа». Напротив, ван Дитен учитывает в речах и письмах следующие, не использованные в «Истории», тексты: Анакреонт¹⁹², Аппиан, Арат, Аристэнет, Архилох, Арриан, Бабрий, Бион, Гермоген, лексикограф Гесихий, Демокрит, Диодор Сицилийский¹⁹³, Дион Кассий, Каллимах, Кратин, Ктесий, Ливаний, Ликофрон, Олимпиодор, Оппиан Аназарбский, Оппиан Апамейский, Полибий, Поллукс, Прокопий Газский, псевдо-Каллисфен, псевдо-Филипп, Сапфо, Симонид, Стобей, Тимей, Филострат, Феогнид, Феон Смирнский, Эпихарм, Эрастофен, Эсхин, Юлиан, Ямвлих. Всего в «Истории» учтены 463 цитаты, в речах и письмах – 662. Таким образом, мы констатируем прежде всего значительно большую интенсивность цитирования и аллюзий в риторико-эпистографических сочинениях Хониата, нежели в «Истории».

Основные цитируемые Хониатом авторы распределяются так, как показано в табл. 3 (учтены авторы, цитированные в общей сложности 10 раз и более). Несмотря на различие жанров, «История» и риторико-эпистографические сочинения Хониата обнаруживают примерно одинаковый разброс античных цитат и аллюзий на основных авторов: на первом месте в обоих случаях стоит «Илиада», на втором – «Одиссея», на третьем – Лукиан. Дальше мы можем заметить некоторые колебания, но, кроме случая с Аррианом, вовсе пренебреженным в «Истории», эти колебания не имеют качественного характера. Бросается в глаза, что из философов Хониат предпочитает Платона Аристотелю, из историков Плутарха и Геродота – Фукидиду и Полибию, из трагиков Еврипида и Софокла – Эсхилу. Дальнейшие исследования покажут, в какой мере это пристрастие отражает личные вкусы Хониата и в какой – моду XII в. или же общевизантийскую образованность.

Хорошо владея античным наследием, Хониат постоянно возвращается в мире древней истории и особенно древнего мифа. Сравнения с явлениями античности подчас выстраиваются в длинный ряд, перемежаясь с цитатами из классиков. Мануил I поступал, говорит Хониат (НХ Ист., с. 76. 1–5), просто как гомеровский Зевс – «все он в уме размышлял» (Илиада, 2: 3), что ему делать, иначе говоря, он уподоблялся Фемистоклу, сыну Неокла, который «не однажды бессонною ночью томился» (Илиада, 9: 325) и вечно был погружен в раздумье, а когда его спрашивали, отвечал, что ему не дает покоя трофей Мильтиада (см.: Плутарх. Фемистокл, 3). Солуняне, рассказывает он в другом месте (с. 304. 85–86), пробегали мимо домов, оккупированных

Частота цитирования Хониатом греческих классиков*

Автор	Количество цитат (в процентах к общему числу цитат)	
	«История»	Речи и письма
Гомер, «Илиада»	37,0 %	23,5 %
Гомер, «Одиссея»	14,5 %	12,4 %
Лукиан	6,2 %	7,3 %
Плутарх	3,2 %	6,0 %
Геродот	2,3 %	4,2 %
Еврипид	4,3 %	2,7 %
Платон	2,0 %	4,4 %
Аристофан	2,0 %	3,7 %
Гесиод	2,0 %	3,2 %
Элиан	2,6 %	2,0 %
Софокл	1,7 %	2,3 %
Пиндар	2,3 %	1,6 %
Афиней	2,6 %	1,0 %
Эзоп	1,7 %	1,2 %
Ксенофонт	0,9 %	1,1 %
Арриан	–	1,5 %

норманнами, как мимо пасти Аида, или критского Лабиринта, или лаконской Кеады (пропасти, куда в Спарте сбрасывали преступников). Развратный Андроник I последовательно сравнивается с Дионисом, которого сопровождают менады, собаки, вакхи; с Сарданапалом, любившим наслаждения; с Гераклом, растлившим пятьдесят дочерей Тиеста (см. об этом ниже); к тому же он назван последователем Эпикура и Хрисиппа (т. е. стоиком!) (с. 321. 13 – 322. 35).

События, современные писателю, постоянно воспринимаются в сопоставлении с историческим и мифологическим прошлым, и действие представляется ему разворачивающимся на «антич-

* Учтены авторы, цитированные в общей сложности 10 раз и более.

ной» земле: норманны вторгаются в «Кадмейскую страну» и попадают в семивратные Фивы (НХ Ист., с. 74. 28–29); впрочем, Кадмейская страна нужна здесь писателю для игры слов: он добавляет, что Рожер II грабил, не опасаясь одержать кадмейскую (т. е. бесплодную – провербиальное выражение) победу (с. 74. 39–40). Крестоносцы, замечает Хониат в другом месте, достигли Пилоса – родины Нестора (с. 610. 9–10). Прибывших в Пилос крестоносцев Бонифация Монферратского, испивших воды из Алфея и окунувшихся в него, писатель заставляет вспомнить древнюю легенду о любви Алфея к сицилийскому источнику Аретузе (см.: Павсаний, 5: 7. 2 и др.), которая поит сынов Италии: я боюсь, полухотливо добавляет Хониат, как бы варвары, овладев Алфеем, не написали бы «на воде» («писать на воде» – провербиальное выражение, означающее бесплодный поступок; ср. с. 221. 46 и особенно НХ Речи, с. 61: «писать на воде и засевать камни») и не сообщили с этой реки своим соплеменникам на берегах Аретузы о победах над эллинами (НХ Ист., с. 610. 10–15). Описывая Акрокоринф, писатель напоминает о расположенном там источнике Пирена, будто бы известном (Хониат ошибается) Гомеру (с. 75. 65). По поводу реки Марсий, текущей близ города Келены, он сообщает, что здесь Аполлон, по преданию, содрал шкуру с Марсия, вздумавшего состязаться с ним в искусстве езды (с. 178. 24–26). В связи с некоторыми городами Хониат приводит и их древнее название: Таксара, прежде именовавшаяся Колонией (с. 53. 45–46); Хоны – прежние Колоссы (с. 178. 19–20). Нынешние города сопоставляются с городами древней легенды и истории: крепость Коркита оказывается выше прославленной Аорны (с. 78. 45–46); Мануил I отстраивает на берегах Пропонтиды роскошные дворцы, подобные Сузам и Экбатанам персидских царей (с. 206. 53–56). Соответственно и этноним «эллины» прилагается не только к мифологическим грекам (с. 473. 41, 652. 77), не только к язычникам, считавшим христианское учение глупостью (с. 444. 2), но и к современникам Хониата (с. 301. 18, 602. 5, 610. 15; ср.: «эллинские города» – с. 496. 50); такое словоупотребление, впрочем, свойственно только «Истории» – в более традиционных речах эллинами именуются только греки мифа и античной древности (см. индекс в НХ Речи, с. 224). Хониат не только использует античные этникины (параллельно с современными ему), но и связывает с ними стереотипные античные качества: так, напоминая о жестокости тавроскифов к странникам¹⁹⁴, он замечает, что Андроник мог научиться у них этому обычаю во время странствий (с. 312. 2–4): здесь

тавроскифы античного мира сливаются с «тавроскифами» – русскими, у которых нашел приют Андроник.

Несмотря на относительную однородность фонда, из которого Хониат черпал свои знания о древности, в «Истории», с одной стороны, и в риторико-эпистографических сочинениях, с другой, факты античного мифа отбираются и препарируются им по-разному в произведениях разного жанра. Риторические памятники традиционнее: как мы видели, в них оказывается невозможным самоотожествление византийцев с эллинами, и поэтому надменную мысль о превосходстве своих героев над древними Хониат выражает здесь с большей определенностью. В сравнении с подвигами Феодора Ласкаря кажутся ему ничтожными и ратная сила, дарованная Афиной сыну Тидея – Диомеду, и чудесное превращение муравьев в людей – знак благочестия Эака (НХ Речи, с. 133. 6–9), и Алексей III выше Персея со всем его сказочным вооружением (с. 66. 24–28). Если некоторые из древних правителей, заявляет Хониат в самом общем виде, могли вымолить у богов воду для страдающего войска (он имеет в виду Марка Аврелия) и даже превратить муравьев в воинов (снова тема мифа об Эаке), хотя их боги не те, что создали небо и землю, – то какие только подвиги не в состоянии совершить благочестивый царь (с. 95. 13–20)? Хониат противопоставляет языческому Орфею, укрощавшему диких зверей, христианина Феодора Троха, смирявшего дурные страсти (с. 15. 8–11). Иначе формулирует писатель оппозицию мифу в другой речи: Иоанн Велисарийот испытал горькую судьбу – он черпал не из двух гомеровских пифосов (см.: Илиада, 24: 527 и сл.), но щедро испил полную чашу бедствий (с. 155. 33 – 156. 1). Рядом с идеей христианского превосходства над языческой древностью проходит в речах родственная этому мысль о ложности мифа: дважды возвращается Хониат к образу Диоскуров и оба раза подчеркивает, что это выдумка, обман, отход от истины (с. 24. 7–11, 149. 16–17), тогда как в «Истории» миф о Диоскурах приводится без всяких оговорок, как прямая параллель перевороту Алексея III, когда брат сменил брата на царском престоле (НХ Ист., с. 452. 13–15).

Конечно, и в «Истории» подчас констатируется превосходство современных героев над мифологическими: Раймонд из Пуатье («Петевин»), князь Антиохийский, лучше Приама владеет ясеновым копьем (с. 116. 58–59)¹⁹⁵; ромейские цари дрыхли слаще Эндимиона (с. 584. 25–26). Иногда Хониат настаивает на несходстве действий византийцев с поступками героев мифа: Евфросиния не поддавалась гневу, как (это сделала) Медея (с. 489.

40–41); Евфросиния была излечена (= избавлена от своих бед), но не тем способом, каким Ахилл излечил Телефа (с. 489. 31–33); с никейцами произошло нечто противоположное случившемуся с (лапифом) Кенеем: тот, согласно мифу, сделался мужчиной из женщины, они же сменили мужество на бабью слабость (с. 285. 60–62). Но той интенсивности оппозиции «нашего» и «эллинского», христианского и языческого, какую мы видели в речах, здесь нет – за исключением, кажется, единственного случая, когда Богородица противопоставляется «псевдодеве» Афине (с. 158. 70–72)¹⁹⁶. Наоборот, случаи прямого сопоставления с античным мифом бесчисленны: Каломодий по своему богатству подобен садам Алкиноя (с. 523. 56)¹⁹⁷; Андроник Комнин увез Феодору из Иерусалима, как некогда Зевс – Европу (с. 142. 16–17); беглецы мечтали, чтобы их кони летели подобно Пегасу (с. 389. 82); ветра дули, подобно мифологическим мешкам Эола (с. 329. 36–37); Исаак Ангел отказался возглавить мятеж никейцев – он вышел из битвы подобно Энею; возможно, добавляет Хониат, он предвидел, что его ждет престол, как Эней предвидел грядущую славу своего рода (с. 284. 48–51).

Более того, Хониат в «Истории» осмеливается ставить в пример ромеям эллинов, которые во время Троянской войны тщательно расследовали причину начавшегося мора, вопрошали об этом Калханта и стремились исправить зло, пренебрегая гневом царя Агамемнона (с. 473. 41–44), в отличие от корыстного византийского духовенства.

Круг мифологических образов, освоенных в речах и письмах, более равномерен и нейтрален, нежели тот, что использован в «Истории». Если Зевс одинаково упоминается как в «Истории» (с. 76. 2, 142. 17, 310. 47 – случаи прямого сопоставления; ср. еще поговорбиально – с. 227. 17), так и в речах (здесь форма упоминания многообразна: от прямой цитаты из «Одиссеи», 4: 74 (НХ Речи, с. 35. 30) через сравнение с обликом Зевса (с. 56. 3) к утверждению превосходства над ним (с. 87. 8); прямое сравнение – с. 76. 13, сравнение с элементом противопоставления – с. 93. 4–7); если вместе с Зевсом в «Истории» несколько раз названа Гера (НХ Ист., с. 116. 63, 226. 76, 310. 48; мы еще вернемся к образу Геры; ср. еще статую Геры – с. 648. 38–41; она упомянута и в речах: НХ Речи, с. 42. 16, 54. 33, 90. 21; в первом случае подчеркнуто превосходство над Герой и Афиной), то многие бог-олимпийцы фигурируют только в речах и письмах, как Посейдон (с. 56. 3, 212. 3; в «Истории» – поговорбиально: НХ Ист., с. 260. 61) и Гефест (с. 84. 5, 154. 2) или фигурируют там несравнимо

чаще, чем в «Истории». В «Истории» названо лишь моли (чудодейственное растение) Гермеса (НХ Ист., с. 349. 91), тогда как в речах и письмах он упоминается многократно (НХ Речи, с. 37. 20, 54. 4, 86. 14, 129. 21–25, 150. 18, 212. 12); Афина представлена в «Истории» один раз, в только что цитированном противопоставлении Богородице, если не считать описания статуи Афины (НХ Ист., с. 558. 46–49, 559. 70–77), в речах ее упоминания очень часты (НХ Речи, с. 42. 16, 54. 33, 66. 25, 67. 10, 96. 25, 133. 7). Аполлон встречается в «Истории» однажды – в этимологическом экскурсе по поводу реки Марсий – сдирающим шкуру с Марсия (НХ Ист., с. 178. 24–26), тогда как в речах он выступает в различных обликах: и как мечущее стрелы грозное божество (НХ Речи, с. 51. 5, 86. 7), и играющим на кифаре (с. 42. 2, 103. 21), и как Феб-предсказатель (с. 97. 18). В «Истории» практически нет Пана (НХ Речи, с. 14. 6, 60. 17, 82. 21–22, 148. 11; в «Истории» только «ужимки Пана» – НХ Ист., с. 449. 29–30), Прометея, многократно упомянутого в речах (см. индекс ван Дитена: НХ Речи, с. 234; в «Истории» – лишь однажды: НХ Ист., с. 393. 84), нет Адониса (НХ Речи, с. 15. 13–18, 53. 2–6), являвшего собой образец красоты, нет превращенной в камень Ниобы (с. 22. 19–20, 109. 8, 148. 15); многократно и подробно описан в речах Орфей (с. 15. 3–12, 49. 29–30, 129. 27), тогда как в «Истории» только однажды говорится об Орфеевом пении (НХ Ист., с. 301. 10). Сыновья Алоэа дважды названы в речах (НХ Речи, с. 93. 3–5, 191. 15) – но их нет в «Истории», хотя там говорится о водружении Афона на Олимп (НХ Ист., с. 455. 48) или Оссы на Афон (с. 82. 63–64). Из других героев примечательно отсутствие в «Истории» Ореста и Пилада, символизирующих дружбу (НХ Речи, с. 149. 1–2, 196. 13; об одном Пиладе, сыне Строфия – с. 161. 7, об Электре, увидевшей локон брата Ореста – с. 130. 21), равно как Пирифоя и Молионидов (с. 196. 13), умелого строителя Дедала (с. 36. 2, 61. 6, 212. 9), хотя разбившийся о землю воздухоплаватель Икар там фигурирует (НХ Ист., 1. с. 120. 78; см. о нем: НХ Речи, с. 61. 5–11). Другой неудачник на небе, Фаэтон – один из излюбленных мифологических образов речей (с. 19. 21–23, 21. 31–32, 23. 11–15, 69. 2–3, 99. 30), тогда как в «Истории» о нем говорится только раз (НХ Ист., с. 223. 7–9). Нет в «Истории» и славного своим благочестием Эака (НХ Речи, с. 133. 9; намек на него – с. 95. 15–17, где опять-таки подчеркнуто почитание богов), превратившего муравьев в стратиотов, хотя намек на метаморфозу муравьев-мирмидонян в отважных мужей встречается и в «Истории» (НХ Ист., с. 358. 75–77) – на этот раз, однако, вне

всякой связи с благочестием и без упоминания Эака. Я оставляю в стороне те мифологические образы, которые лишь спорадически, по одному разу, упоминаются в речах Хониата.

Отсутствующие или редкие в «Истории» (сравнительно с речами) мифологические фигуры могут быть рассмотрены как образующие известную систему. Это ремесленники (Гефест и Дедал), символы ума в разных формах (Прометей, Афина, Гермес) и искусства (Аполлон, Орфей), образцы дружбы (Орест, Пилад и др.), благочестия (Эак) и мужской красоты (Адонис). Лишь немногие из них представляют трагическую тему (Ниоба, Фазтон). Суть этой системы, однако, обнаруживается отчетливее при рассмотрении групп мифологических фигур, не отсутствующих, а, наоборот, представленных в «Истории».

Первая из этих групп связана с темой смерти. Царство Аида упоминается в «Истории» постоянно (НХ Ист., с. 12. 92, 83. 3 и 6, 128. 16, 196. 77, 259. 40, 262. 11), в том числе и в стереотипных выражениях $\sigma\tau\omicron\mu\iota\omicron\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \text{Ἅδου}$ (с. 134. 93, 187. 12, 329. 44) и даже $\text{Ἅδου δ\omicron\mu\alpha\tau\alpha}$ (с. 335. 9–10; ср.: Илиада, 22: 52, Одиссея, 12: 21 и др.); это словоупотребление, включая $\delta\omicron\mu\iota\omicron\ \text{Ἅδου}$ (НХ Речи, с. 149. 12), хорошо засвидетельствовано в речах¹⁹⁸. Примечательно при этом, что не связанный с темой смерти мотив шапки Аида (шапки-невидимки – см.: Илиада, 5: 845) в «Истории» встречается только раз (с. 389. 83), тогда как в речах – трижды (НХ Речи, с. 38. 15, 66. 26, 133. 13). Помимо Аида, «История» знает Ахеронт (НХ Ист., с. 134. 95, 624. 10; ср. с. 295, прим. к стк. 59, где кроме Ахеронта назван и Стикс), упомянутый также и в речах (НХ Речи, с. 48. 20, 51. 13, а также с. 13. 25, где Ахеронт и Кокит), ладью (или переправу) Харона (НХ Ист., с. 168. 72, 329. 44) и Хароновы жилища (с. 360. 53); о Хароновых жилищах, охраняемых Кербером, говорится один раз и в речах (НХ Речи, с. 163. 28; о Кербере еще с. 76. 12): «трехголового зверя», т. е. Кербера, «История» тоже знает (НХ Ист., с. 625. 45). К этому же кругу принадлежат Танатос, Хаос и Эреб (НХ Ист., с. 143. 44). Итак, тема смерти занимает в мифологическом арсенале «Истории» не меньшее место, нежели в речах; учитывая же общую большую мифологическую насыщенность речей, можно констатировать, что удельный вес этой темы в «Истории» более высок, чем в речах.

Вторую группу составляют фигуры, связанные с темой войны и – шире – гибели. Арес упоминается почти столь же часто, как и Аид, и тоже по большей части метонимически: согласно индексам ван Дитена, Арес назван 18 раз в «Истории» (НХ Ист., 2, с. 17) и 21 раз в речах (с. 221). Рядом с Аресом выступают его

постоянные спутники: богиня войны Энио (с. 63. 28, 109. 82; она отсутствует в речах), боги войны Деймос и Фобос (с. 139. 30; ср.: НХ Речи, с. 30. 23). Эринии названы в «Истории» несколько раз (НХ Ист., с. 310. 68, 311. 92, 574. 28), причем с Эринией отождествляются Андроник I (с. 283. 16) и Исаак Кипрский (с. 340. 42).

Эрида-раздор представлена равномерно в «Истории» (с. 260. 61; ср.: 648. 43) и речах (НХ Речи, с. 42. 4–19), и то же относится к пожирающему людей Киклопу (НХ Ист., с. 266. 17–18, 343. 41; НХ Речи, с. 89. 14, 205. 33–34). «История» знает Скиллу (НХ Ист., с. 303. 59; ср.: 651. 28) и другой опасный пролив – Симплегады (с. 99. 32), в связи с которыми возникает образ стремительно летящего Арго (с. 99. 31; ср.: 173. 4); всему этому соответствует упоминание Харибды в одной из речей (НХ Речи, с. 23. 26). Гарпии названы и в «Истории», и в речах (НХ Ист., с. 283. 8, НХ Речи, с. 84. 4), как Химера (НХ Ист., с. 319. 47, НХ Речи, с. 76. 11) и сторукий Бриарей (НХ Ист., с. 485. 3, НХ Речи, с. 197. 22). Другие чудовища преобладают в «Истории»: гиганты названы по меньшей мере четыре раза (НХ Ист., с. 77. 21, 423. 7–8, 534. 63–64; ср. еще с. 569. 18 с аллюзией на «Одиссею», 11: 312), в речах – только один раз (НХ Речи, с. 67. 11); многоглавый Аргус фигурирует только в «Истории» (НХ Ист., с. 257. 77, 485. 2) Тифон – частая фигура в «Истории»: там речь идет о Тифоне, брате Осириса (с. 457. 12), и о стоглавом Тифоне (с. 338. 1) – отличным от него сыне Тартара, с которым сближаются сицилийские норманны; кроме того, Тифон вместе с Приапом и Кроносом¹⁹⁹ – символ старческой дряхлости (с. 283. 16), отчего Тифоново дыхание (с. 281. 57–58) – старческое и тяжкое. В речах образ Тифона всплывает однажды – в связи с сицилийцами (НХ Речи, с. 39. 19). Трижды упоминается в «Истории» Гидра с отрастающими головами²⁰⁰ (см. ниже); этот образ встречается и в «Речах».

Наконец, в «Истории» (и только в «Истории») дважды всплывает образ Тантала-мученика: один раз идет речь о камне, нависшем над его головой (НХ Ист., с. 262. 10), другой – о Танталовой жажде (с. 524. 68).

Третья группа образов связана с темой непостоянства. Сюда относится прежде всего меняющий облик Протей, многократно упоминаемый в «Истории» (с. 63. 18, 245. 78, 489. 48) и лишь один раз – в речах (НХ Речи, с. 164. 30). Та же тема проходит через образ братьев Диоскуров, как он трактован в «Истории», где он символизирует неверность Алексея III по отношению к брату Исааку II (НХ Ист., 452. 13–15); этого оттенка непостоянства нет в речах, где,

напротив, Диоскуры – аллегория братской любви (НХ Речи, с. 149. 15–17; ср.: с. 24. 7–8, там они названы «братолюбивыми»). Патроков предлог, т. е. мнимая, лживая причина, дважды фигурирует в «Истории» (НХ Ист., с. 161. 68, 368. 55–56) – и опять-таки в речах Патрокл выступает в ином, героическом облики, надевшим доспехи Ахилла (НХ Речи, с. 18. 16–17). До какой-то степени к этой теме можно причислить образ Сирен – символ соблазна. Сирены неоднократно проходят на страницах «Истории» (НХ Ист., с. 207. 5, 349. 90, 393. 11, 496. 59, 651. 39; ср. еще выражение ἀδελφοὶ σερήνων – из Иов. 30: 29 – в одной из версий; см. с. 592, прим. к стк. 28) и только два раза в речах и письмах (НХ Речи, с. 191. 24, 204. 17). Наконец, Эпиметей символизирует в «Истории» глупость и позднее раскаяние (НХ Ист., с. 161. 59–60, 393. 83–84, 534. 74) – в речах он вспоминается лишь один раз (НХ Речи, с. 84. 17) как противоположность Прометею.

Несколько неожиданной кажется четвертая группа образов, относящихся к сфере женской красоты. Говоря о Гере (см. выше), Хониат подчеркивает ее красоту (НХ Ист., с. 116. 63), связь с Иксионом – облаком (с. 226. 76; ср.: НХ Речи, с. 90. 21) и соитие (μίξις) с Зевсом (НХ Ист., с. 310. 47–48). Прекрасна и Афродита (с. 116. 62; Афродита как символ красоты выступает и в речах: НХ Речи, с. 42. 15, 55. 1), но и с ней Хониат связывает мотив совокупления (с Аресом – НХ Ист., с. 109. 82; напротив, в речах Афродита противостоит Аресу – см.: НХ Речи, с. 41. 33); метонимически об оргиях Афродиты идет речь в том и другом памятнике (НХ Ист., с. 139. 30, НХ Речи, с. 181. 31–32; ср. еще в неопределенном смысле: НХ Ист., с. 652. 76; Афродита как мать Эроса и Антэроса – НХ Речи, с. 197. 16, 201. 4–20, о ее статуе – НХ Ист., с. 648. 42). Наконец, прекрасна и Елена (с. 116. 64, 139. 32–35, 652. 63–77), с именем которой связывается гибель Трои, а также лекарство, приносящее забвение (с. 165. 82–83, 652. 78). В речах Елена не упоминается. Итак, Хониат – особенно четко в «Истории» – подчеркивает сопричастность красоты разврату, гибели и забвению; примечательно при этом, что девственная красота Артемиды его не интересует – он упоминает лишь мимоходом о сожжении эфесского храма богини (с. 580. 2–3; НХ Речи, с. 74. 7–8, 112. 17–18).

Последняя группа мифологических образов, использованных Хониатом, – герои, но, как ни странно, их героизм менее всего подчеркивается писателем.

Геракл, знаменитейший из героев Эллады, появляется в «Истории» много раз, но лишь однажды говорится о его подвиге:

Андроник I вспоминает «полубога и героя Геракла», который с помощью Иолая уничтожил отравившие головы Гидры (НХ Ист., с. 334. 88–89). Об Иолае, помогавшем Гераклу в борьбе с Гидрой, идет речь в другой раз (с. 322. 36–37), и, кроме того, Хониат еще раз говорит о Гидре с отравляющими головами, но уже без всякой связи с Гераклом и Иолаем (с. 160. 25). Обычно же Геракл появляется в совершенно ином контексте: как влюбленный в негодную бабу Омфалу (с. 520. 54–55; ср. с. 139. 41), как растлитель дочерей Тиеста (с. 322. 34–35) и, наконец, как уничтоженный Еврисфеем (с. 520. 52–54; ср. с. 650. 93–94). Напротив, Геракл речей всегда победоносен: он уничтожает многоголовую гидру сам (НХ Речи, с. 111. 12–14) или вместе с Иолаем (с. 59. 28–30; ср. с. 213. 18–19, где формулировка наиболее близка к «Истории»); он одерживает верх над разбойником Антеем и дикими зверями (с. 58. 10–12; о победе над Антеем еще с. 213. 18). В речах и письмах отсутствуют позорные эпизоды с Омфалой, Еврисфеем и дочерьми Тиеста, тогда как в «Истории», наоборот, не фигурирует победа над Антеем. О спасении Гераклом Тесея см. ниже.

Персей назван в «Истории» один раз – в иронически-саркастическом контексте: сикофанты, рассказывает Хониат, обвиняли Алексея Аксуха в колдовстве, в том, что он мог летать, становиться невидимым и совершать разные другие фокусы, как это эллины доносили (κατηγόρευον) на Персея (НХ Ист., с. 144. 79–83). Глагол, употребленный здесь Хониатом, – κατηγόρευον – очень характерен: он как бы стирает временную и содержательную дистанцию между Персеем и Аксухом, делая того и другого жертвой сикофантов. В данной связи, однако, важнее подчеркнуть, что и Персей «Истории» – не творящий подвиги герой, а волшебник и колдун, будто бы умеющий делать фокусы (βωμολόχα). Иное дело в речах: Исаак Ангел выступает подобно Персею и даже героичнее Персея, ибо не надевает шлем Аида, не берет щит с головой Горгоны, не вооружается мечом, но действует с божественной помощью как вестник (ἄγγελος) мира (НХ Речи, с. 38. 13–19). Здесь эллины не «доносят» на Персея, но сказочно (μυθικῶς) вооружают его, так что он, невидимый и крылатый, устремляется против Горгоны – царь же (Алексей III) с божественной помощью оказывается выше Персея и рассеивает врагов (с. 66. 24–30). Здесь Персей спасает Андромеду (с. 89. 6–11) и, наконец, ловко летает над землей (с. 212. 11). Кроме, может быть, последнего штриха, имеющего нейтральный характер, Персей представлен у Хониата-ритора настоящим богатырем, хотя писатель не забывает отметить и сказочность эллинского героя, и превосходство

над ним византийских василевсов, опирающихся на божественную помощь. Все эти черты, как мы видели, характерны именно для речей и писем – в отличие от «Истории».

Лишь раз назван в «Истории» и Тесей – как победитель разбойников (НХ Ист., с. 150. 49–51). В речах он скорее символ дружбы, чем герой: эллины считали образцовой его дружбу с Пирифоем (НХ Речи, с. 196. 13–14), Геракл спас его из пасти Аида (с. 58. 12–14), с помощью Ариадны он выбрался из Лабиринта (с. 36. 3–4).

В самой общей формулировке Хониат в «Истории» признает Ахилла идеальным воином (НХ Ист., с. 209. 48), но когда он выбирает детали Ахилловой биографии, они оказываются далекими от воинских подвигов: мы слышим, что Феникс (сын Аминтора) учил Ахилла искусству рассказывать мифы и военному делу (с. 370. 4–5) и что Ахилл излечил Телефа (с. 489. 33). В речах подчеркивается прежде всего воинская доблесть Ахилла: обращаясь к Феодору Ласкарю, Хониат восклицает, что тот больше устрасил многотысячное «персидское» войско, нежели сам Ахилл троянцев (НХ Речи, с. 171. 10–11). Намек на Ахилла (не названного по имени), от которого только при виде его шлема отступали троянцы, содержится в другой речи к Феодору (с. 133. 12; имеется в виду «Илиада», 16: 70–71). Ахилл вооружает в битву Патрокла (с. 18. 15). Наконец, не называя его имени, Хониат вспоминает тот эпизод из «Илиады» (1: 197 и сл.), где рассказывается, как Афина подошла сзади к «гомеровскому герою» и, тронув за волосы, дала разумный совет – но в отличие от него Исаака II наставляла и вела сама Богородица (с. 97. 1–8).

Агамемнон опять-таки появляется в «Истории» не с полководческими функциями: кратко отмечено, что он – отец Электры (НХ Ист., с. 170. 34–35), что он угощал Аякса (с. 427. 38–39), что он, начальник эллинского войска, испытывал гнев (с. 473. 43–44). Напротив, в речах он не только назван вождем ахейцев (НХ Речи, с. 56. 2), но и сообщается, что им была взята Троя (с. 117. 32).

Одна из самых сложных гомеровских фигур в изображении Хониата – Одиссей. Уже было показано, что в представлении писателя Одиссей идентифицируется с Андроником Комнином и что на Андроника переносятся типичные эпитеты, приложенные в эпосе к Одиссею²⁰¹. Этими эпитетами подчеркивается прежде всего «многоумность», т. е. коварство и хитрость Андроника (НХ Ист., с. 106. 1, 253. 94, 348. 75: πολύμητις, с. 131. 90:), его «многообразие», т. е. переменчивость, непостоянство (с. 348. 88: πολυτροπότητος), его бродячая жизнь (с. 142. 38: πολύπλευκτος;

ср. с. 226. 65–66). Но примечательно, что прямо Хониат не сопоставляет Андроника с Одиссеем. Там, где он называет имя Одиссея, оно связано с другими персонажами, но и в этих случаях приобретает отнюдь не энкомиастическое звучание: Мануил I, говорит Хониат, играя двусмысленностью глагола ἀναλίσκειν, не хотел понапрасну губить дни, как некогда Одиссей – быков Гелиоса (с. 82. 57–60); монахам надлежало держаться от столицы подальше, как Одиссей держался от лотоса и напевов Сирен (с. 207. 2–5); наконец, Хониат описывает статую Скиллы, препятствовавшей некогда плыть кораблю Одиссея (с. 651. 30). Как ни толковать эти места, воином Одиссей никогда не представлен. Примечательно, что даже супруга Одиссея Пенелопа появляется в «Истории» в контексте бедствия: судьбы империи ромеев были горестнее, чем испытанные Пенелопой (с. 498. 34). И еще раз: Евфросиния распутала заговор мятежников, словно нить Пенелопы (с. 519. 36–39).

В речах и письмах Одиссею придан совсем иной колорит. Прежде всего Хониат сравнивает себя самого с тоскующим по родине Одиссеем (НХ Речи, с. 209. 7)²⁰². Феодор Ласкарь явился, словно Одиссей, некогда вынырнувший из морской пучины. И хотя Хониат прилагает к Одиссею-Феодору свойственные Андронику эпитеты: многоумный (с. 131. 9) и – ниже – «пестрый по характеру» (с. 131. 22), т. е. переменчивый, непостоянный, все же в речах Одиссею свойственна известная героика: он именуется тут «итакйским героем, многострадальным и многоумным» (с. 38. 29) или «гомеровским героем с глазами, как рог или железо» (с. 23. 32–33: аллюзия на «Одиссею», 19: 211)²⁰³. Сравнение Ромейского государства с Пенелопой, терзаемой бесстыжими женихами, сохраняется и в речах (с. 39. 5–6).

Наконец, замечу, что Гектор, неоднократно названный в речах (с. 140. 31, 149. 27, 150. 7), вовсе неизвестен «Истории», если не принимать во внимание «Гекторов щит» (НХ Ист., с. 24. 20–21).

Итак, можно видеть, что Хониат не просто был начитан в античной литературе и широко пользовался мифологическими образами, не просто воспринимал их как «свои», относящиеся к его времени или, во всяком случае, сопоставимые с ним, – Хониат умел активно и сознательно отбирать из мифологического арсенала нужные ему фигуры; поэтому мифологический фон «Истории» и риторико-эпистографических сочинений оказывается разным и подчас получает разную культурно-этическую трактовку. В «Истории» Хониат оперирует им свободнее и субъективнее, и хотя его принципиальное отношение к античному мифологиче-

скому космосу нигде четко не определено, мы можем его восстановить. Территориально и этнически близкий, этот мифологический мир чужд Хониату в религиозном и этическом плане: это мир смерти, чудовищ, непостоянства и соблазнов, мир красивых женщин и разврата, мир неподлинных мужчин. Постоянно оперируя мифологическим материалом, сопоставляя своих героев с героями эпоса, соблазненный их художественной привлекательностью, Хониат тем не менее не сроднился с ними, как это сделали Цец или Евстафий Солунский. Идеалы Хониата отнюдь не совпадают с гомеровским космосом.

Нет, вероятно, ни малейшей необходимости подчеркивать, что внимание Хониата к античной традиции не приводило его к «эллинизации», к отходу от христианства²⁰⁴. Его античный мир метафоричен и аллегоричен, с одной стороны, а с другой – отвечает распространенному в Византии традиционализму, сознательно поддерживаемой иллюзии о тождестве настоящего с прошлым. Хониат не просто религиозный человек, но и богослов, автор специального историко-церковного сочинения «Догматическое всеоружие», имевшего полемическую, антиеретическую направленность²⁰⁵. И в «Истории» ереси и разнообразные неправославные суждения привлекают его пристальное внимание. Монах Нифонт был обвинен в неправославии, за что патриарх Михаил II приказал остричь ему бороду и бросить в темницу (НХ Ист., с. 80. 17–21). С Нифонтом был тесно связан патриарх Косьма (с. 81. 21–24), которого Хониат наделяет мудростью и всяческими добродетелями, а в первую очередь редкостной заботой о бедняках (с. 79. 89 – 80. 1). Затем возник спор о толковании слов литургии Иоанна Златоуста (см. выше), которые Хониат странным образом называет словами Писания (τοῦ ὑραφικοῦ ρήτοῦ – с. 210. 85). И опять-таки обвиненные по этому делу ритор Михаил и Никифор Василиаки получают от Хониата лестную оценку: Михаил украшал (κοσμοῦν) кафедру риторики, а Василиаки светом своего красноречия разъяснял темные места в речениях апостолов (с. 211. 92–2). Хониат описывает спор о евангельском выражении «Отец Мой более Меня» (с. 211. 15 из Ин. 14: 28), который император разрешил, иронически замечает писатель, пурпурными письменами (синеκδοха: вместо «царской грамотой»), словно огненным мечом (с. 212. 43–44). Он останавливается на попытке Мануила I исключить из молитв проклятие Богу Мухаммеда (с. 213. 52–54), причем противник Мануила в этом споре, митрополит Солунский Евстафий, награждается похвалой за ораторское искусство (с. 216. 26–27). Гораздо резче его отзыв

о волшебнике Михаиле Сикидите (возможно, тождественном писателю Михаилу Глике), который написал еретическое сочинение против учения о Божественных тайнах и которого Хониат именует недостойным святых даров (с. 150. 33–34); псевдомонаха и ересиарха Сикидита он вспоминает еще раз (с. 514. 45) и разъясняет, что тот и его сторонники отрицали нетленность частиц в евхаристии (с. 516. 84–85), равно как и воскресение во плоти (с. 517. 91–93). К вопросу о святых дарах Хониат возвращается и в памфлете против Иоанна Каматира, который будто бы называл их тленными (НХ Речи, с. 71. 25–28), а своим противникам приписывал (ложное) утверждение, что освященный хлеб нельзя ни жевать, ни раскусывать, но только глотать целиком, не разрушая его неделимости (с. 73. 7–9).

Более того, Хониат констатирует – без особой аффектации – распространение скептицизма, безразличия к религии. Когда посольство сторонников Алексея Враны прибыло к Исааку II, он обещал им амнистию, но распорядился, чтобы мятежники получили у патриарха разрешение от анафемы. Многие отправились к патриарху, – этим людям, говорит Хониат, было присуще благочестие (εὐλάβεια). Другие, однако, отказались это сделать, считая ерундой (λῆρον) посещение храма св. Софии. Нашлись и такие нечестивцы, которые высмеивали Исаака, говоря, что он был в юности посвящен Богу (т. е. предназначен к духовному поприщу) и теперь навязывает им то, к чему привык смолоду (НХ Ист., с. 390. 12–25). Хотя терминология Хониата в этом эпизоде традиционна и нечестивцы названы нечестивцами, а благочестие – благочестием, мы еще увидим, что позиция писателя по отношению к благочестию Исаака II довольно критическая.

Отношение Хониата к ересям непростое. Он, безусловно, отвергает вмешательство царской власти в богословские дискуссии: он резко отрицательно относится к догматическим новшествам (νέα δόγματα – с. 514. 45–46), но он не может не видеть, что богословские сомнения в XII в. затронули людей не только красноречивых, но также умных, благочестивых и мужественных. И эта напряженная двусмысленность, проступающая в отношении Хониата к ересям, заставляет ставить вопрос о природе его религиозности.

Термины, означающие Бога – θεός, θεῖον, κύριος, – разумеется, часто встречаются в «Истории». Они имеют сплошь и рядом объективно-нейтральное значение, т. е. прилагаются к описанию священных мест («Гроб Господень» – с. 39. 35, 42. 31), храмов («храм Премудрости Божьей» – с. 178. 14, 243. 26; ср. с. 51. 95),

церковного имущества (с. 75. 59, 207. 1) и особенно действий и помыслов людей (обороты типа «воздавать хвалу Богу» – с. 7. 60, 157. 49, 169. 87 и др.). Здесь Бог фигурирует как объект человеческих акций, но не провиденциалистски, не как сверхреальная сила, определяющая ход истории.

К разряду объективно-нейтральных формул можно отнести также некоторые прямые цитаты из Писания (с. 89. 6, 117. 85, 217. 43, 255. 25) и метонимическое понимание Господа как высшего блага и справедливости (с. 207. 77, 222. 58, 302. 39–40; ср. с. 178. 14, с. 602, прим. к стк. 32).

Другая группа упоминаний относится к кругу чужой речи. Так, в книге об Иоанне II из 26-ти упоминаний названных трех терминов 18, т. е. значительно более половины, приходится на текст речи Иоанна, произнесенной им перед смертью. Далее, правда, процент упоминаний этого рода снижается: в I книге о Мануиле I – 2 случая из 9, во II – 2 из 5, в III – 1 из 6, в IV – 1 из 3, в V – 3 из 8, в VI – 0 из 5. В VII книге о Мануиле, где большой раздел специально посвящен богословским дискуссиям, упоминаний Бога опять становится много: 22, не считая 7 случаев, где речь идет о «Богe Мухаммеда»; из них 12 – в чужой речи. В книге об Алексее II 6 из 14 упоминаний относятся к неавторской речи.

Чрезвычайно существенно в этой связи, что Бога сплошь и рядом поминают иноземцы, в том числе выступающие против Византии. Так, норманнский полководец, вступивший в Акрокоринф, заявил, что он воюет с помощью Бога (σὺν θεῷ) и что Бог позволил ему овладеть этой местностью (с. 75. 80; формулу σὺν θεῷ см. еще на с. 62. 4, 152. 93 и др.); в небольшой речи Ренье Монферратского слова θεός и θεῖον встречаются 6 раз (с. 239. 9, 14, 17, 23, 29, 31). Бога упоминают и Вильгельм II, король Сицилии (с. 363. 29), и граф Алдуин (с. 366. 94). Немецкие крестоносцы благодарили лаодикийцев, хорошо их встретивших, и желали, чтобы Бог даровал им всяческие блага (с. 412. 20, 23).

Бога поминают и византийские императоры. Уже говорилось о предсмертной речи Иоанна II. Несколько раз Мануил I призывает Бога (с. 153. 17, 178. 14), но для него, пожалуй, это не характерно, если не считать его речей и посланий, связанных с дискуссией о «Богe Мухаммеда» (см. особенно с. 216. 22–24). Тиран Андроник также упоминает Бога (с. 328. 7, 24; 331. 93), однако от «Божественных формул» Андроника и его приспешников Хониат, как правило, отстраняется, отчетливо подчеркивая их неавторскую природу. Это проступает прежде всего в его поле-

мике с постановлением о казнях противников императора и их родни, которое начиналось словами: «Подвигнутые Богом» (θεόθεν κίνηθέντες) (с. 336. 29). Хониат возмущается, что эти люди, не краснея, могли приписать Божьему внушению (κίνησις θεόθεν – выражение двусмысленно, ибо θεῖα κίνησις может означать и гнев Божий, см. 241. 71–72) столь кровожадное решение, на которое в действительности вдохновил их «человекоубийца» (с. 337. 55–56), т. е. диавол. Они могли бы, продолжает Хониат, сформулировать иначе, а не приписывать Богу стремление к кровопролитию (с. 337. 56–58). Хониат негодует в другом месте, что патриарх освободил Андроника и его сторонников от клятвы верности покойному Мануилу I, «как если бы он получил от Бога право все вязать и разрешать» (с. 276. 24–25) – писатель явно цитирует формулу синодального постановления, но осуждает ее. В свете этого становится понятным, что Хониат отнюдь не присоединяется к словам Андроника, называвшего смерть Иоанна Ватаца «Божьим явлением в гневе» (θεῖα ἐποκοπή – о термине см.: Lampe, s.v.) (с. 264. 73–74), тем более, что в дальнейшем он заставляет Андроника скорбеть, что ромеи жаждут его собственной смерти и видят в ней ἐποκοπή θεοῦ (с. 338. 2). Он смеется над Андроником, который из суеверных соображений сменил наследника, а сам возводил это решение к Божьей воле (с. 426. 83–86).

Исаак II Ангел, по словам Хониата, молился в своих покоях Богу Отцу, Который втайне (с. 355. 17–18; аллюзия на Мф. 6: 6). И этот император не раз возвращался к Богу в словах и мыслях (с. 385. 39; 443. 67, 447. 80, 83). Но опять-таки есть ряд мест, где ссылок на Исаака и его близких на Бога придан негативный и иронический оттенок. Придворные восхваляли указ Исаака, словно они слышали глас Божий, а самого царя именовали даром Божьим (с. 367. 10–12). Исаак был суеверен и любил размышлять и рассуждать о продолжительности царствования. Так, он утверждал, что Бог назначил Андронику править 9 лет, но из-за его жестокости сократил до трех (с. 433. 89–92). Еще отчетливее возмущение Хониата в сообщении о том, что Исаак исчислил свое царствование в 32 года, словно он предвидел Божье решение: он определял пределы человеческой жизни, которые Бог установил своей властью (с. 419. 8–10). Хониат отвергает и «дурное мнение», будто Бог выдал мириады благочестивых на смерть от рук «племен» в наказание за бесчинство каких-то отдельных лиц (с. 432. 61–65), он говорит об этом в связи с мыслью Исаака II, видевшего в бедах империи Божью кару за мятеж Алексея Враны (с. 431. 55 – 432. 60).

Итак, чужие «Божественные формулы» Хониата далеко не всегда однозначны, и писатель не отождествляет свои суждения о Боге с мыслями и словами о нем героев «Истории».

Третья группа «Божественных формул» Хониата – авторские официозно-ортодоксальные суждения, среди которых ряд providentialistских высказываний, придающих Богу роль непосредственного двигателя исторических событий. Бог не выпускает из своих рук мельчайшее событие (с. 424. 33–37), – прямо формулирует Хониат. Господь побуждает к миру (с. 188. 33), Господь устрашает зло (с. 481. 95). Поскольку Бог – личностная сила, направляющая течение событий, Хониат признает возможность мольбами склонить Бога к тому, чтобы отвратить от человека грядущие бедствия (с. 190. 83–86). Писатель упоминает, что его брат в осажденных Сгуром Афинах молил Бога отвратить беду от города (с. 607. 25–27), и сам включает в текст «Истории» несколько прямых обращений к Богу с просьбой о справедливости или, скорее, с недоумением по поводу долготерпения Божьего, допускающего беззакония (с. 113. 75–81, 116. 79 – 117. 90, 209. 54–55, 269. 92). Но вот что любопытно: Бог выступает в «Истории» скорее не как прямая сила, направляющая человеческие судьбы, но преимущественно в двух, до известной степени ограниченных, аспектах. Во-первых, ему суждена карающая роль: это он судил пасть Константинополю, ибо все – и духовенство, и народ – забыли свой долг (с. 569. 7–10); сельджуки извели Боже правосудие (с. 31. 13–14); крестоносцы познали Божий гнев (с. 65. 86); Господь направил на византийцев свой гнев, наказывая их за нечестие в храме св. Софии (с. 241. 71–72); Божий гнев падает на Андроника I (с. 349. 92), на норманнов (с. 306. 60–64). Этот список акций Бога-карателя легко может быть расширен. Разумеется, гнев Божий – это знак его милосердия: заботясь обо всем и направляя все, Бог немного покарал византийцев, но куда строже наказал за жестокость норманнов, которые сами явились орудием Бога, каравшего византийцев (с. 361. 63–67, 361. 75 – 362. 86). Господь, говорит Хониат в первой половине «Истории», воспитывает и вновь излечивает, наносит удары и дает жизнь – и писатель цитирует в этой связи Пс. 124: 3: «Не оставит Господь жезла нечестивых над жребием праведных» (с. 188. 21–22). Но с течением времени исторический опыт Хониата сделал его пессимистичнее, и в конце рассказа об Исааке II он с грустью заметил, что Господь судил, чтобы жезл нечестивых поразил жребий праведных (с. 447. 84–85).

Во-вторых, Бог «Истории» выступает на сцену, чтобы нарушить естественный ход событий. Люди ждут одного исхода, Бог

поворачивает все по-другому. «Бог иначе бросил кости» – эта метафора Хониата (с. 358. 89–90) четко выражает функцию сверхреальной силы в историческом процессе. «Бог дул в противоположную сторону» (с. 278. 81) – и эта формула выражает ту же идею. Человеческие усилия ничтожны, если их не поддерживает Бог (с. 128. 20–24) – эта мысль проходит через всю «Историю», подкрепленная ссылкой (ошибочной!) на авторитет Давида (с. 89. 58–61), на самом деле, как это отмечено в одной из маргинальных схолий, это слова Соломона (Премудр. 9: 14), свидетельствующего, что людские решения непрочны, а воля Господня неизменна. Хониат иллюстрирует идею поворота истории по воле Божьей многократными примерами: Бог внезапно (ἐξαίφνης) превратил ромеев в отчаянных воинов (с. 361. 71–72); мятеж псевдо-Алексея оказался бы великой бедой для ромеев, если бы Бог не пожалел Ромейское государство (с. 463. 71–72); ромеи попали бы полностью под латинское иго, если бы Господь не нарушил их замыслы и не рассеял бы племена, жаждущие брани (с. 612. 39–41; аллюзия на Пс. 67: 31); отступая с Гема, Исаак II погубил много войска, и, не будь с ним Господа, сам попал бы в царство Аида (с. 429. 77–78); Мануил I готовил торжественный прием Килич-Аслану – Господь помешал этому, послав землетрясение (с. 199. 43–46); во время похода Исаака II на болгар Бог неожиданно послал солнечное затмение и скрыл во тьме охраняемые варварами теснины (с. 372. 51–53). Отсюда вытекает неоднократно высказываемая Хониатом мысль о непознаваемости Божьих решений (с. 178. 13–17, 279. 1–3, 416. 27–28, 446. 59, 479. 44–45). Весь этот круг мыслей не противостоит ортодоксии, своеобразным является лишь то обстоятельство, что акцент ставится не на позитивной, творческой активности Бога, но на его разрушающей человеческие планы и на его карающей деятельности. Бог Хониата – это Бог нестабильного мира, сулящего и приносящего наказание.

Ограничение Божественной активности осуществляется еще одним способом – с помощью условных формул, делающих Божественное вмешательство нереализованным, мнимым. Мануил Камица приказал Хониату отступить с частью войск, как если бы (ὥς εἰ) ему это было внушено Богом (с. 408. 4–5); было похоже (ὥς ἔοικεν), что Бог благословил эти поступки (с. 60. 31); было похоже, что Бог сохранял его до дня гнева (с. 141. 8–9); было похоже, что по воле Божьей Андроник I отсутствовал в тот момент во дворце (с. 344. 49). События совершались не по воле Божьей, но как бы по воле Божьей, иными словами – в них заключалась

внутренняя, но не очевидная логика, которую Хониат считает свойственной Богу: Камица не знал, что он попадет в плен и что, отправляя Хониата отдельно, он спасет его; Андроник не знал, что в этот день толпа провозгласит Исаака Ангела царем. Таким образом, условные формулы прилагаются Хониатом опять-таки к случаям внезапного поворота событий.

Наконец, в «Истории» время от времени встречаются формулы языческого толка, приобретающие подчас ироническое звучание. Иоанна Путцийского толпа приветствовала, словно Бога (с. 57. 70); севастократор Исаак высоко чтит монаха Косьму, разве что не поклонялся ему как Богу (с. 80. 2–4). В рассказе о Фридрихе I Хониат неожиданно говорит: как если бы Божество выпряло для смертных конец мирных дней (с. 401. 20–21). Однако вряд ли словам из античного арсенала: *τὸ θεῖον ἐπέκλωσεν* – нужно приписывать мировоззренческий смысл, скорее перед нами метафора, антихристианское содержание которой остается неосознанным, латентным.

Ф. И. Успенский придавал большое значение упоминанию Хониатом таких языческих понятий, как Дика, Тиха, Немесида, демон, злая сила и именно в этом словоупотреблении усматривал «языческое представление о судьбе, играющей человеческими судьбами»²⁰⁶. Однако само по себе употребление этих понятий отнюдь не означает отхода от христианства; к тому же их функции в рассказе Хониата различны. Дика и Немесида – по всей видимости, такие же метафоры, как и прядущее дни божество. «Божественная Немесида» (с. 452. 3) означает лишь божественную кару, не более того. Дика, подкрадывающаяся неслышным шагом (с. 135. 32, 586. 75 и особенно с. 536. 15–17), – чисто литературный образ, почерпнутый у Еврипида (Троянки, 887 и сл.). В другом случае Хониат комбинирует Софокла (Электра, 479), Еврипида (Электра, 771) и «Илиаду» (9: 537) и создает образ многоногой и многорукой (ср. с. 586. 76), всевидящей Дики, которая не оставляет преступления безнаказанным (с. 146. 30–35). Именно эта многоноготь и многорукость выдает литературно-аллегорическую природу Дики-возмездия.

Иное дело *κακολοῖς δύναμις* – злая сила, которая, по словам Хониата, вела под уклон государство ромеев (с. 510. 49–50)²⁰⁷. В данном случае речь идет отнюдь не о метафоре или об аллегории, но о сверхреальной силе зла, могущественной и действенной. Эта злая сила выступает в «Истории» также под именем демона: о нем сказано, что он увлекал ромейские дела к беде (с. 262. 8–9) и что он мог предвещать будущее (с. 340. 36; в этом

случае он именуется также «злым духом» – стк. 29, ср. стк. 47–48). Хониат говорит также о демоне, который подверг бедствиям Фракию (с. 637. 25). Но появление этого демония, или демона, ни в коем случае не нуждается в объяснении из языческой религиозной системы: могущественная злая сила занимала важное место и в христианской системе взглядов.

У злого духа-демония были свои подручные, которых Хониат именует демонами и тельхинами. Хотя оба термина восходят к античности, представления о демонах были широко распространены в средние века, и вопросы демонологии занимали умы даже таких просвещенных византийцев, как Пселл. Демоны действуют на службе чародеев (с. 146. 49, 148. 92 и 3); на подземного (*ὑποταρτάριος*) демона кажется похожим Андроник Комнин (с. 107. 23), позднее Хониат сравнит его с демоном, губящим царский род (с. 263. 21). Хониат упоминает людей, в которых вселялись демоны и у которых были кровавые глаза, вращающиеся зрачки и распущенные волосы (с. 371. 19–20). Тельхины, упоминаемые в одном ряду с демонами (с. 311. 90–91) или с эриниями (с. 310. 68), обрисованы гораздо абстрактнее демонов: они определяются обычно эпитетом «губительный» (*φθοροποιός* – с. 340. 41 или *φθοερός* – с. 135. 16, 310. 68) или «злой» (*πονηρός* – с. 567. 68) и символизируют злые деяния (с. 24. 17–18). Представления о тельхинах, как и о близких к ним аласторах (*ἀλάστορες φθοεροί* – с. 576. 9²⁰⁸; ср. 311. 91, где они фигурируют рядом с тельхинами и эриниями), у Хониата несравнимо более книжны, нежели о демонах. Но как бы то ни было, этот круг представлений не выходит за рамки нормативной средневековой религиозности.

Гораздо более сложен вопрос о Тихе. Я старался показать²⁰⁹, что не Хониату, а его современнику Киннаму было свойственно представление о судьбе, именуемой Тихой, промыслом или даже необходимостью (*ἀνάγκη*), которая и определяет дела человеческие. Напротив, Хониат связывает Тиху с сельджуками, т. е. с неверными, с людьми, чуждыми христианского мировоззрения; иронизирует по поводу Тихи: говорит о неразумной судьбе и глупом случае. Более того, он прямо осуждает веру в *ἀνάγκη* и судьбу (*εἰμαρμένη*), будто бы определяющую жизненный путь человека (с. 433. 2–3); он полемизирует с астрологами, которые, по его словам, ложно ссылаясь на Божественный Промысл, незаметно протаскивают представление о судьбе и необходимости (с. 95. 29 – 96. 36; в одной из редакций добавлено, что это ложное мнение разделяли почти все владыки в прошлом и ныне – см. с. 95, прим. к стк. 29). В своих прямых высказываниях Хониат

отнюдь не был рационалистом – даже в том весьма ограниченном смысле слова, который допустим в приложении к XII в.

Но совершенно другим предстает перед нами писатель, взятый на ином уровне – на уровне его образной системы. Вопреки его собственным (и официальным) суждениям система сравнений и метафор Хониата создает особый космос, детерминированно движущийся к гибели; космос, бытие которого определяется образами бури и кораблекрушения, диких зверей, западни, яда²¹⁰.

Противоречия между суждениями и образами Хониата в некоторых случаях прорываются в формулировках, которые получают скептическую окраску. Скепсис Хониата двойственный, имеющий двоякое происхождение. Один из его источников – исконная народная игра со священными предметами, народное панибратство с миром божественным, когда смех органически слит с религиозным поклонением и является его оборотной стороной. Следы народной религиозности скудны в «Истории», но все-таки наличествуют в ней. Самый показательный в этом плане эпизод – сон, который видел некий «тертый калач» Мавропул, ромей по происхождению, однако говоривший на двух языках. Ему приснилось, что он вошел в храм и услышал голос, исходивший от иконы Богородицы; голос этот говорил, что император в беде, и вопрошал, кто же поможет ему. Кто-то другой, невидимый, предложил послать св. Георгия. «Он ленив», – отвечал первый голос, на что второй сказал: «Пусть отправится Феодор». Но и это было отвергнуто, и (Богородица?) с горечью заметила, что некому помешать надвигающемуся несчастью (с. 190. 93 – 191. 8).

Сон Мавропула прекрасно передает народную легенду со свойственным ей отсутствием дистанции между слушателями и святыми, с ее дерзкой возможностью назвать св. Георгия ленивым (νωθής). Сходное смещение дистанции между мирским и священным проступает подчас в сравнениях: Хониат рисует, как священники выходят из храма св. Софии с крестом и иконой Христа, а мятежники устремляются на священные предметы, словно мухи на молоко (с. 234. 1–4). «Голиардическая» двусмысленная игра со Священным Писанием и с богословской терминологией время от времени возникает на страницах «Истории». Описывая катастрофу в лагере крестоносцев у Хировакхов в 1147 г., Хониат замечает, что река, если говорить словами Псалмов, унесла (ἄλῃρεν) голоса гибнущих (с. 65. 82). Лексически здесь явная аллюзия на Пс. 92: 3 – с тем только небольшим изменением, что в библейском тексте стоит ἑλῃραν; однако смысл стиха в Псалмах совершенно иной: «Возвышают реки голос свой». Во время похода 1189 г.

немцы, по словам Хониата, кинулись в погоню за ромеями, желая найти ищущих (с. 409. 21); ромеи названы ищущими (ζητοῦντες), потому что они сами «искали» немцев, готовили им засаду. «Найти ищущих» – аллюзия на слова Христа: «Ищите и найдете», «Ищущий находит» (Мф. 7: 7–8, Лк. 11: 9–10), но в «Истории» им придан совершенно иной смысл, отчего текст приобретает двусмысленно-иронический характер. В рассказе о пленении сельджуками Андроника Комнина и Феодора Дасиота в 1143 г. турки названы «ловцами (θηρευταί) человека» (с. 50. 62) – с намеком на евангельское ἀλιεῖς ἀνθρώπων («ловцы человеков» – Мр. 1: 17), где это определение, однако, отнесено к апостолам. Венецианцы, повествует Хониат (с. 86. 83–86), насмехаясь над Мануилом I за то, что он не был светловолосым, но темным, как невеста из Песни Песней, о которой сказано: «Черна я, но красива... ибо солнце опалило меня» (Песнь, 1: 5–6). Сопоставление Мануила с героиней Песни Песней не только парадоксально, но и стоит на грани кощунства, ибо слова Писания, восхваляющие красоту, используются для насмешки над ненормативным обликом императора. Андронику Комнину приписана фраза, что молва об угрозе Алексею II на стенах проповедует и при входах к вельможам восседает (с. 228. 50–52), – это цитата из Притч (1: 21; канонический русский перевод неверен, далеко отклоняется от Септуагинты), но смысл ее смещен, ибо Андроник говорит о «невероятных слухах», тогда как в Притчах «проповедует» и «восседает» сама Премудрость.

Голиардическая озорная игра распространяется и на «высокую» богословскую лексику, и на образы христианской легенды. Хониат рассказывает об изготовлении ключей для темницы Андроника Комнина: они были оттиснуты на воске, словно подобие архетипа, во всем точно воспроизводящее образ (с. 129. 36–38). Употребленные в одной фразе слова ἀρχέτυπος, ἐκμαγεῖον, ἱνδαλμα ἀπαράλλακτος (устойчивый эпитет при слове εἰκὼν здесь – при его синониме ἱνδαλμα) – все принадлежит к языку богословов (см., например, у Григория Богослова: ὁ λόγος... τὸ ἐκμαγεῖον τοῦ ἀρχέτυπου... κάλλους – PG, t. 36, col. 325 B) и в данной бытовой ситуации звучат почти пародийно. Мы читаем, что в лице Феодора Кантакузина никейцы потеряли необоримого защитника (ἄμαχος πρόμαχος – с. 284. 45), что в точности соответствует эпитету иконы Богородицы: ἀπρόσμαχος σύμμαχος (с. 158. 69) или ἄμαχον ὁμήρωμα (с. 382. 56). Купец Каломодий смело назван плодом познания, взращенным, словно в Эдеме, на константинопольских улицах и площадях: как некогда этот цветущий плод соблазнил

прародителей, так блеск Каломодиева золота привлекал чиновников царского казначейства (с. 523. 58 – 524. 63).

В этой озорной словесной игре нет и капли рационалистических сомнений: скепсис ее – лишь кажущийся, иллюзорный. По сути дела, она восходит к архаическому интимному общению со священным, устойчиво державшемуся в средневековом аграрном обществе. Она отнюдь не составляла специфику мировоззрения Хониата, мы найдем такую игру, к примеру, в стихах Николая Музалона, описывающего свое плавание на Кипр: Бог Отец натягивал канаты, Сын управлял рулем, а Дух надувал паруса – с такими морями корабль благополучно добрался до гавани на десятый день²¹¹.

Более сложный и менее традиционный характер носит другая группа скептических суждений Хониата. Она имеет то общее, что писатель говорит о вмешательстве Бога в ход событий, но тут же «снижает» это вмешательство ссылкой на рационалистическое обоснование. После битвы при Мириокефале, рассказывает Хониат, Бог повернул душу султана к не свойственному для него милосердию и отвратил «персарха» от привычного ему поведения (с. 188. 24–29). Однако из дальнейшего рассказа выясняется, что для перемены характера Килич-Арслана имелись и гораздо более земные причины: на него воздействовали турецкие «мегистань», которые до начала войны черпали обеими руками деньги из казны императора, и под их нажимом султан отправил к побежденному Мануилу послов с мирными предложениями (с. 188. 29–32). Итак, Хониат говорит «Бог», а подразумевает «деньги» (χρήματα) в качестве движущей силы событий. Но, сказав это, Хониат тут же отступает назад: султан только думал, что он поступает по своей воле (προαίρετός), на самом же деле его побуждал Всевышний (с. 188. 32–34).

В этом случае Хониат решителен и после робкого сомнения недвусмысленно возвращается к официальной причинности. Но, говоря о неудачной осаде ромеями Просека, он предлагает амбивалентное объяснение: то ли сказалась нерадивость, то ли Бог не сочувствовал византийцам. И тут же писатель спохватывается, добавляя: «Да помилует меня Господь, если я легкомысленно (ἐμλῆκτως) сужу о его решениях» (с. 506. 22–25). Еще категоричней в своем скепсисе Хониат, когда прямо представляет другим судить, почему Исаак II был ослеплен в монастыре Вира, основанном отцом Андроника I, и не карал ли его здесь Божий гнев и человеколюбивый Промysl за жестокость по отношению к низложенному тирану (с. 452. 3–6); осторожность Хониата про-

является, кстати, в том, что именно в этом рационалистическом пассаже он использует метафору «Божья Немесида» для обозначения Божьего гнева.

Человеческие события могут объясняться человеческими причинами – это Хониат-историк видит и понимает. Но, видя и понимая это, он вступает в противоречие с эпической и провиденциалистской трактовкой человеческой истории, выраженной последовательно Феофаном. Хониат понимает противоречие между эпическим провиденциализмом и историей как суммой человеческих акций и предлагает следующее объяснение этому противоречию: в истории осуществляется «рука Господа», но она не воплощает непосредственно (ἄμεσως) то, что является спасительным (с. 464. 14–15). В данном случае опосредованность Божественного деяния заключалась в том, что он наказал «тирана» не естественной смертью, но дал отравить его (с. 465. 15–16): воля Бога осуществилась через человека. И еще показательнее другая оппозиция: Кай Хосров разграбил бы Антиохию Фригийскую, если бы не встретил помеху – не в человеческой предусмотрительности, но в событии, которое осуществилось само собой (αὐτομάτως) или по Божьей воле (θεόθεν) (с. 494. 1–3). Таким образом, Хониат как бы допускает возможность тройкой причинности: Божественной воли, случая и человеческой предусмотрительности.

И неожиданным образом человеческое и божественное начала подчас вступают между собой в конфликт. Когда Алексей Врана осаждал Константинополь, Исаак II проявил позорную вялость: он собрал монахов, рассчитывая с их помощью рассеять опасность гражданской войны; он возлагал свои надежды на «всеоружие духа» (с. 383. 83–91). Казалось бы, позиция благочестива, и могла бы вполне удовлетворить Иоанна Мавропода, противопоставлявшего надежду на Бога Константина IX воинской ловкости безбожного зверя Торника (см. выше). Но Хониат видит в ней ἀγεννής χαλάρότης и противопоставляет струсившему благочестивому Исааку Конрада Монферратского, желавшего пробудить царя ото сна и убеждавшего его уповать не только на правое оружие (II Кор. 6: 7), т. е. на помощь святых мужей, но и на левое – на меч и панцирь (с. 383. 91–1). Благочестие не помогло Исааку и в другом случае: он пошел походом на болгар в 1195 г., «вверив себя Богу» (с. 447. 80), а все предприятие тем не менее завершилось его низложением. Когда Хониат и его спутники покинули занятый латинянами Константинополь, другие, говорит писатель, воздали хвалу Богу, а он бросился на землю и стал порицать

стены, остававшиеся бесстрастными (с. 591. 12–16). Хотя в рассказе о бегстве из столицы писатель неоднократно упоминает о Боге (с. 589. 39, 60–61; 590. 90 и др.), однако в решительный момент Хониат видит именно в стенах, а не в Боге оплот города.

Столкновение божественного и человеческого начал проступает и в том, что Бог обнаруживает свою волю по пустяковым и даже нелепым обстоятельствам. Идет рассказ о последних месяцах существования империи, приближается катастрофа. И в этот момент Господь показал, что он владыка часов и времени (контаминация из Мф. 24: 36 и Деян. 1: 7), а именно: когда Алексей III решил в субботу на Великий пост переехать из Большого дворца во Влахерны, под его ложем сам собой (αὐτομάτως) провалился пол (с. 530. 52–64). Когда Мануил I проигрывал битву при Мириокефале, с его головы съехал на сторону шлем, но Господь оборонил царя и, словно Давиду (см. Пс. 139: 8), покрыл ему голову в день брани (с. 183. 71–74). Господь оборонил Мануила – но битва, тем не менее, была проиграна. Та же самая ситуация создавалась еще раз: в неудачной битве Исаак II потерял шлем; когда же он все-таки сумел уйти живым с поля брани, то восславил словами Давида Бога, покрывшего ему голову в этом бою (с. 430. 16–24).

Итак, Ф. И. Успенский был прав, когда почувствовал элементы неортодоксальности в религиозности Хониата – но он свел эту неортодоксальность к античному влиянию. На самом деле, она обладала более сложной природой, и античное влияние в этом комплексе выступает не самым существенным фактором, его роль сказывалась скорее в метафорически-аллегорической форме выражения, нежели в действительном восприятии Хониатом языческих взглядов. Его истинная неортодоксальность происходила частично из исконного народного представления о природе сверхъестественного, которое мыслилось близким и допускающим, может быть даже требующим панибратского и смехового к себе отношения, частично же из рождающегося рационализма и скептицизма по отношению к традиционной ортодоксии. Проблема, которую мучительно решал и не мог решить Хониат, заключалась в определении степени, в какой Бог и в какой сами люди направляли движение истории.

Двойственная природа религиозности Хониата находила свое выражение еще в двух существенных аспектах: в его отношении к миру магии (включая всякого рода колдовские акции, гадания, предсказания) и астрологии и в его отношении к носителям культа – духовенству и особенно к монашеству.

Сфера магии чрезвычайно притягивает Хониата. Алексея Аксуха обвиняли в колдовстве, в умении сделать человека невидимым и способным летать (с. 144. 79–81). Переводчик Мануила I Аарон был уличен в перелистывании книги Соломоновой²¹², с помощью которой можно было вызвать легионы демонов (δαιμόνια), просящих приказаний и охотно выполняющих их; он также изготовил колдовскую фигурку в виде черепахи, внутри которой помещался человек со связанными ногами и грудью, пронзенной гвоздем (с. 146. 44–51). Стали уже хрестоматийными новеллы Хониата о волшебниках Склире Сифе и Михаиле Сикидите (Глике?), и я не буду повторять их здесь и только напомним «обвинительную формулу» Хониата: они были ослеплены будто бы за астрономические занятия, на деле же за «демоническое колдовство» (с. 148. 83–85). В отличие от этого кратко упоминание о нищем, обвиненном в занятии колдовством (с. 255. 41–42).

К колдовству тесно примыкают гадания и предсказания всякого рода. Если поверить Хониату, римские формы гаданий по птицам и по снам в Византии исчезли и остались только лжегадатели (φενακομάνταις), предсказывающие будущее по тазам, да астрологи (с. 339. 12–15). Но, вероятно, Хониат представил здесь более оптимистическую картину, чем было в действительности. Конечно, он не забывает заметить, что сновидения пусты и обманчивы (с. 278. 85–85, 562. 65), что они насылаются демонами (с. 408. 88), – но сам сообщает о нескольких вещих снах: сон Иоанна II предвещал скорую кончину его наследника Алексея (с. 17. 32–38); Мануил I перед Мириокефалом видел во сне, как он плыл на корабле, который внезапно развалился, увлекая в пучину всех спутников императора, и как он сам с трудом добрался до берега (с. 190. 87–92).

И птицы вели себя не так уж нейтрально в это время: белый ястреб вырвался из неволи, летал над дворцом и трижды облетел храм Божественного Слова, прежде чем был схвачен. Многие утверждали на основании этого, что восставший Андроник Комнин будет схвачен и наказан, ибо ястреб, как мы бы сказали, сопричастен ему, неоднократно убежавшему из темницы и уже посевшему. Но тот, кто судит мудрое, неожиданно продолжает Хониат, видел в полете ястреба предвещение трехлетнего правления Андроника, которое должно было завершиться его арестом (с. 251. 53 – 252. 69). И в другом месте мы читаем, что невиданное скопление галок и ворон во Фракии было неслучайным, но предвещало скифский (половецко-болгарский) набег 1206 г. (с. 637. 20–24). Значит, гадания по снам и по птицам еще сохраняли

известное значение для византийцев – и снотолкователь Ахмета, как и другие книги этого рода²¹³, выдает интерес соотечественников Хониата к возможности проникнуть в будущее. Сходную книгу – о гадании по грому и землетрясениям – упоминает и сам Хониат (с. 211. 7–8).

Особое внимание Хониата приковывает магия букв и цифр. Он думает, что к Мануилу относится древнее изречение (имеется в виду оракул Льва Мудрого – PG, t. 107, col. 1132 B): «Тебе пойдет на пользу последний повод для слова (λαβῆ λόγου)». Он перетолковывает λαβῆ как συλλαβῆ, слог, и так как последний слог имени Мануил составляет перевернутое число ηλ – 38, видит в последнем слоге исчисление продолжительности его царствования (с. 222. 66–70), действительно составлявшей 38 лет. Мануил I боялся, что его лишит власти Α (τὸ ἄλφα, с. 146. 37–39), т. е. Андроник; ему было предвещено, что потомство Алексея I должно продолжаться «до крови», ἐς αἶμα, и Хониат объясняет, что слово состоит из начальных букв всех императоров Комниновской династии: Алексея I, Иоанна II, Мануила I и Алексея II (с. 169. 94–4); оно содержит также аллюзию на кровавый режим Андроника I, покончившего с правнуком Алексея I. Сам Андроник говорил, что его власть перейдет не от Α к Α, т. е. не к Алексею, побочному сыну Мануила I, поставленному одно время наследником, но к его иоте (Ι), к его собственному сыну Иоанну (с. 426. 83–86). Α вместе с тем он опасался, что «иота» уничтожит его власть (с. 292. 60–61); наконец, колдун Сиф называл ему и вторую букву опасного имени – «сигму», намекая на Ис(аака), только Андроник не понял, какой Исаак имелся в виду (с. 340. 32–33). Примечательно, что во всех этих случаях предсказания сбываются.

Отношение к гаданиям – само по себе не простая проблема. С одной стороны, для Хониата бесспорно, что предсказывать может «злой дух», сознательно затуманивающий свои слова (с. 340. 29–30). Но столь же бесспорно, с другой стороны, что Бог может творить чудеса и предвещать будущее: накануне падения Андроника I икона апостола Павла в храме Сорока мучеников стала проливать слезы (с. 353. 12–18); Хониат также утверждает в благочестивой уверенности, что его брат мог бы низвести на нечестивое войско Сгура огненный дождь или наслать на них ос (аллюзии на Быт. 19 и Исход 23: 28), ибо Господь не медлил, если бы Михаил молил Бога, протягивая к нему руки, – но Бог отвратил его, ибо, когда огонь нисходит с неба, не ясно еще, от какого он духа (с. 607. 30–37; аллюзия на Лк. 9: 54–55). Никита,

архиепископ Хонский, – «убежище всякой добродетели», и писатель не сомневается, что он – прорицатель, предвидящий будущее (с. 210. 73–74). Некий священник предсказал Асеню близкий конец – и пророчество его исполнилось (с. 468. 24 – 469. 35).

Широкая шкала чудес и предсказаний располагается между акциями злого духа и действиями праведников-чудотворцев, и далеко не всегда Хониату ясно, из какого источника проистекает данный сверхъестественный поступок. Иногда кажется, что его рассказ нейтрален: Мануил I перед походом на венгров в 1167 г. приказал поставить упавшую было медную статую на форуме Константина, так называемую «римлянку», и, наоборот, опрокинуть другую фигуру, «венгерку», думая, как замечает Хониат, перемещением статуй повлиять на ход событий (с. 151. 65–74). Так же без комментария писатель сообщает, что студийский монах Досифей предсказал престол Исааку Ангелу (с. 405. 14–17). Предсказанием может служить рождение большеголового младенца (с. 225. 50–55) – оно знаменовало анархию; им может быть и бессознательный жест: Андроник Комнин во время ристаний указал Мануилу I на столб, где будет повешен некогда император ромеев (с. 352. 78–83), – он не знал, что предсказание относится к нему самому. Падение противника с лошади перед битвой – благоприятное знамение (с. 152. 12 – 153. 16); назначение слепца полководцем, напротив, дурная примета (с. 369. 83). Комета знаменует грядущие бедствия (с. 251. 45–46), землетрясение – дурной знак (с. 119. 48–49), но вместе с тем, описывая солнечное затмение во время мятежа Враны (с. 384. 29–32), и «мрак», посланный Богом во время похода Исаака II на болгар (с. 372. 51–52), Хониат воздерживается от профетического истолкования этих знамений.

Во многих приведенных Хониатом случаях знамения носят «объективный» характер – они вытекают из самой природы, а не создаются профессиональными гадалцами. Таинственную связь между природными феноменами и судьбой человека и особенно государства Хониат признает. Его сомнения начинаются там, где между природными знамениями и предвещаемой ими судьбой вторгается человеческий ум, пытающийся раскрыть эту неочевидную связь. Трижды останавливается писатель на загадочном поведении коня при воцарении нового императора, явно предполагая существование сверхъестественной связи между этими двумя совершенно разнородными в своем существе явлениями. Когда Мануил I въезжал во дворец, конь под ним заржал, описал несколько кругов и затем гордо прошел в ворота (с. 51. 86–88).

В момент переворота Исаака Ангела один из царских коней внезапно вырвался, опрокинув конюшего, помчался по улицам Константинополя, но был пойман и приведен к новому царю (с. 346. 6–9). Алексей III после коронации садился на коня, но тот закапризничал, стал подниматься на дыбы, откуда не стряхнул с царя корону и не сбросил его самого (с. 458. 23–37). Второй эпизод Хониат оставляет без комментария, по поводу третьего скупое замечает: «Его сочли дурным предзнаменованием грядущего» (с. 458. 38), но о первом говорит подробно: поведение коня Мануила ловкачи толковали как благоприятный знак, особенно те, кто усталились на небо (т. е. астрологи), а сами не могут понять, что у них под ногами: они по кружению коня предсказывали самодержцу долгую жизнь (с. 51. 89–92). Между прочим, она и была долгой.

Насмешек над предсказателями немало в «Истории». Многократно в литературе был использован рассказ Хониата о популярном пророке Василики, который разумным людям представлялся смехотворным и бестолковым старикашкой (с. 449. 38). Он ничего не говорил истинного или мудрого о будущем, но изрекал какие-то туманные слова (с. 448. 21–23). С образом Василики сливаются три однозначно оцениваемые, уже знакомые нам темы: тема смеха (его поведение достойно осмеяния – с. 448. 23–24), тема народа (его окружали пастухи, пахари и гребцы – с. 448. 24–25) и тема телесного низа (приходивших к нему женщин Василики хватал за грудь и задирали им подол – с. 448. 25–26). Но вот что примечательно: нелепыми своими действиями юродивый Василики все-таки предсказал ослепление Исаака II (с. 449. 53–55), и Хониат объясняет пророческие возможности «смехотворного старикашки» действием «духа прорицательного» (см. Деян. 16: 16) – буквально «духа Пифона» (с. 449. 39).

Хониат высмеивает льстецов, прославлявших брак Ирины, дочери Андроника I, с побочным сыном Мануила I – Алексеем. Эти льстецы уверяли, что они мудры и предвидят будущее, но сами не видели того, что у них под ногами (с. 310. 50–53); они говорили приятное царю и прорицали ради денег (с. 310. 55–56). О чревоуважающих²¹⁴, но не предвидящих будущее говорится в одной из версий «Истории»: они предсказывали, что Фридрих Барбаросса войдет в Константинополь через Ксилокеркские ворота и будет творить нечестие, но ему воздастся по справедливости Божьей; в другой версии, положенной в основу издания ван Дитена, чревоушатели заменены патриархом Досифеем, пророчествующем словно с треножника (с. 404. 94–6).

В ноябре 1189 г. Исаак II предсказывал Фридриху Барбароссе, что тот умрет еще до Пасхи. Хониат замечает, что Исаак поступал недостойно царя (с. 410. 53–54), но он знает, что предсказание исполнилось.

Итак, отношение Хониата к магии, знамениям и предсказаниям противоречиво. Он признает наличие благих знамений – и пророчеств, идущих от злого духа; он смеется над предсказателями – и признает, что их туманные и немудрые пророчества сбываются. До этого момента Хониат остается в пределах средневековой противоречивости религиозного сознания. Но он делает еще один шаг – может быть, неосознанный, – ведущий к рационалистическому освобождению от магически-профетического груза. Во-первых, он отказывается от попыток найти для каждого общественного поворота предзнаменование в кругу природных феноменов. Бог, замечает Хониат по поводу победы над норманнами, не давал знамений: стихии не меняли свою природу, из земли не исходили полчища древоточцев, река не извергала лягушек, осы не летели впереди войска (здесь ряд аллюзий на книгу Премудрости Соломона), – но внезапно он превратил побеждаемых и поражаемых в победоносных воинов (с. 361. 67–72). Во-вторых, он секуляризует предсказание и превращает его в предвидение. Лев Монастириот говорил, что «влахи» восстанут, так как Исаак II отменил «устав» Василия Болгаробойцы (с. 373. 69–72), – но царь высмеивал его и утверждал, что предсказание (πρόρρησις) Монастириота ошибочно и что тот напрасно изрекает ложь из набитой лавром глотки и словно с треножника (с. 373. 73–78). Слова Исаака нам знакомы, примерно так оценивал прорицателей и сам Хониат: мы видели, что он упрекал Досифея за то, что патриарх пророчествовал, словно с треножника. Но ведь Монастириот не пророчествует – он просто понимает, что политика Исаака по отношению к болгарским землям должна привести к мятежу «влахов»; он опирается не на сверхъестественные явления, а на политический здравый смысл.

Хониат осуждает Евфросинию, жену Алексея III, которая увлекалась предсказаниями будущего, магией (ἀρρητοურγία) и мантикой, так что докатилась до бесстыдных поступков и даже отрезала рыло статуе Калидонского вепря на Ипподроме (с. 519. 44–46). Эта фраза вполне отвечает традиционному отвращению Хониата к гадателям. Но в другом месте он замечает, что Евфросиния обладала умом, мужской повадкой, красноречием, обаянием, способностью предвидеть будущее (и управлять настоящим – с. 460. 78–81). Речь идет, в сущности, о том же самом,

но способность Евфросинии предвидеть будущее перемещена из магического в рациональный контекст и поставлена в связь с ее умом и административным искусством.

Мы уже могли заметить, что Хониат ставит на одну ступень колдунов – и предсказателей и астрологов. Астрологи возникали в его рассказе в совершенно неожиданном контексте: это они почему-то истолковывали странное поведение коня Мануила I. Отношение Хониата к астрологам однозначно критическое. Для него они лживые чревоушатели, а не звездочеты (с. 221. 30–31); они утверждают, будто им ведомо то, что своей властью установил Бог Отец и о чем Спаситель запретил ученикам вопрошать (с. 221. 34–35). Особенно часто о звездочетах говорится в разделе о царствовании Мануила I, увлечение которого астрологией хорошо известно. Поход Константина Ангела был отложен из-за неблагоприятного расположения звезд (с. 96. 39–47), и это дает Хониату основание для резкой инвективы в адрес астрологов, подменяющих Божественный Промысл судьбой и необходимостью (с. 95. 29 – 96. 35). При рождении сына Мануил страдал за мучившуюся родами жену, но – замечает тут же писатель – еще больше внимания уделял рассматривавшему звезды и уставившемуся в небо (с. 169. 82–85). Во время войны с венграми Мануил направил послание полководцу Андронику Кондостефану, запрещающая ему давать сражение в неблагоприятный по звездному гаданию день, ибо, говорит Хониат, император придавал огромное значение расположению и движению звезд и видел в болтовне астрологов чуть ли не божественное откровение (с. 154. 51–55), но Андроник спрятал царское послание, дал бой и выиграл его. Астрологи предвещали выздоровление Мануила и победы (с. 220. 24–26), но он вскоре умер.

Наиболее замечательный антиастрологический выпад связан с предсказанием астрологами колоссального катаклизма незадолго до смерти Мануила I. Хониат насмешливо описывает панику, охватившую придворных (с. 221. 36–43), хотя катастрофа не произошла. Особенно возмущает Хониата, что астрологи пытались указать точный срок катаклизма (с. 221. 33). События, здесь описанные, хорошо известны по ряду восточных и западных источников: действительно, астрологи всего мира предсказывали, что 16 сентября 1186 г. будет иметь место соединение всех семи планет в зодиаке Весов, что приведет к страшным природным бедствиям²¹⁵. Оставляя сейчас в стороне значение этого явления для истории астрономической науки, заметим, что в 1186 г. Мануила давно уже не было в живых и что, следовательно-

но, Хониат произвольно перенес в его царствование события, которые должны были происходить позднее, скорее всего, при Андронике I.

После Мануила I упоминания астрологов становятся реже. Во время мятежа Враны погиб знаменитейший из астрологов Константин Стифат, который полагался на свое «точное знание» и оставался в палатке, не страшась военных действий, но вражеское копье поразило его в пах (с. 388. 37–44). Говорят, продолжает Хониат, что он предвещал Вране, что тот торжественно вступит в город, но это можно отнести только к тому, что голову убитого мятежника пронесли на шесте через форум (с. 388. 44–55). Алексей III не решился перейти во Влахерны в неблагоприятный день – наши цари, смеется Хониат, не могут и шага шагнуть, не сверившись с положением звезд (с. 530. 52–56). И Исаак II был весьма расположен к астрологам (с. 558. 41), что не нравится Хониату.

Между отношением писателя к магии и его отношением к астрологии замечается некоторое различие. К магии он относится с суеверным страхом и, насмехаясь над колдунами, думает, что их действия могут быть эффективными. Его позиция в этом вопросе отвечает традиционным народным представлениям, хотя иногда Хониат поднимается над традиционными взглядами. К науке астрологии он настроен резко отрицательно и непрерывно подчеркивает бесплодность астрологических предвещаний. Юродивый Василиаки может предвидеть ослепление Исаака II – умнейший из астрологов Константин Стифат не в силах предсказать ни собственную гибель, ни поражение Враны. Народным верованиям отдано должное – рождающаяся наука отвергнута начисто.

Отношение Хониата к монашеству в «Истории» и в риторико-эпистографических сочинениях неодинаково. В речах, естественно, акцент ставится на монашеском идеале: черная одежда монахов – символ огня, ведущего нас к добродетели в ночи страстей, словно огненный столп, предводительствовавший Израилем (НХ Речи, с. 124. 26–29; аллюзия на Исход 13: 21–22). Монахи уподобляются невесте из Песни Песней, говорившей о себе: «Черная, но красива... ибо солнце опалило меня» (с. 124. 32–33); напомним, однако, что этот образ используется в «Истории» для насмешки над Мануилом I (см. выше). Но и в речах Хониат не принимает морально-аскетической монополии монашества: братья Велисарииоты, по его словам, выполняли все необходимые обеты и подавляли свою плоть без того, чтобы надевать черные одеяния (с. 162. 6–8).

В «Истории» центр тяжести переносится с идеала на практику, и картина оказывается неутешительной. Монахи должны были строить свои обители в глухих местах и всячески избегать столицы – они же, ища славы от человеков, воздвигали монастыри на площадях и перекрестках (НХ Ист., с. 207. 2 – 208. 9). В монастырях собирались не избранные по добродетели, но те, кто отличался от других людей длинными волосами, окладистой бородой и особой одеждой (с. 208. 9–12). Хониат смеется над Исааком II, возлагавшим в опасный момент свои надежды на босоногих монахов, спящих на голой земле или стоящих на столпах (с. 383. 86–87). Его окружали гнуснейшие из монахов, отравившие бороды на позор себе, богоненавистники, надевшие боголюбивую схиму; они стремились сидеть за столами вельмож и обедались свежей и жирной рыбой (с. 558. 31–35). С гневом повествует Хониат о негодном монахе Антигонова монастыря, которому «гегемон здешних мест» Феодор Врана вручил письмо с извещением, что скифы готовят набег на Куперий. Этот отрекшийся от мира человек, облачившийся в рубище Христово, боялся тем не менее, что недосчитается медного статира, если народ преждевременно разойдется с ярмарки в Куперии, а потому не только скрыл послание Враны, но и заявил, что слухи о набеге скифов ложны (с. 500. 78–92).

Критическая картина монашества, нарисованная Хониатом, полностью соответствует описанию Евстафия Солунского и отвечает, надо думать, той критической оценке этого института, которая сложилась к XII в. и которая была бы немыслима в VII–IX столетиях, в «героический» период истории византийского монашества.

Отношение к духовенству имеет иной оттенок. Наиболее резкий выпад против иерархов содержится в рассказе о неудачной войне с болгарами, где высшее духовенство ставится в один ряд с монахами: никто из высокотронных епископов, занимающих первые места, никто из длиннобородых монахов, надвигающих клубок до самого носа, не задумался о причинах бедствия и не дерзнул предложить царю спасительные для ромеев меры (с. 472. 35–39). Разумеется, мы найдем в «Истории» осуждение поступков церковной верхушки: он осуждает патриарха Василия Каматира и церковный собор, освободивший сторонников Андроника I от присяги покойному Мануилу I (с. 276. 22–24); он говорит, что Константина Месопотамита осудили дурные епископы и судьи, искавшие царского расположения (с. 492. 35–37). С насмешкой говорит Хониат о епископах, обманутых Исааком II, который сумел

возвести на константинопольский патриарший престол Досифея (с. 407. 68–69).

А вместе с тем мы найдем в «Истории» уважительные и сочувственные отзывы о ряде – хотя, конечно, не обо всех – патриархов. Михаил II был славен добродетелью и богословскими знаниями (с. 51. 6–7); вернувшись после отречения в свой монастырь на острове Оксия, он вел до предела скромный образ жизни (с. 79. 82–87). Его преемник, Косьма Аттик, отличался мудростью и добродетелями, особенно милосердием к нищим (с. 79. 89 – 80. 1); он был оклеветан кликой епископов (с. 80. 6–11) и в гневе заклал чрево императрицы, заявив, что она не родит наследника-мальчика (с. 81. 27). Особой любовью Хониата пользуется Феодосий, награждаемый эпитетами «великий» (с. 213. 59, 228. 43–44, 265. 91), «мудрый и трижды блаженный» (с. 220. 19), «священный» (с. 242. 3, 12).

К Василию Каматиру, ближайшему сподвижнику Андроника I, Хониат относится скорее с насмешкой, чем с ненавистью. Общий смех вызвало то, что патриарх, получив было право сидеть рядом с императором, затем лишился его (с. 276. 30–35); против воли, хотя и без особого сопротивления Василий короновал Исаака Ангела (с. 346. 10–12). О Досифее Хониат сообщает, что тот направлял дурную политику Исаака II, впрочем, эффект этого заявления смягчается вводным словом ἐλέγχο (с. 432. 78): писатель как бы снимает с себя ответственность и перекладывает ее на молву. Хониат еще замечает, что Досифей был всем ненавистен за свое стремление к патриаршему престолу и за поддержку дурных деяний царя (с. 407. 80–82), – и здесь он отстраняется от собственной оценки. Там же, где Хониат говорит от себя, его информация о Досифее звучит нейтрально: монах Студийского монастыря, родом из венецианцев, предсказал престол Исааку Ангелу и т. д. (с. 405. 14–20). Еще более нейтрально суждение Хониата о Георгии Ксифилине. «Он управлял церковью семь лет», – замечает писатель (с. 514. 41–42), сообщаящий также ряд сведений о биографии Георгия. И даже об Иоанне Каматире сообщается лишь, что он умер спокойной смертью в изгнании (с. 633. 57–59), хотя против этого Каматира Хониат в свое время направлял специальный памфлет.

Такое уважение к патриарху как таковому получает оправдание и объяснение в речах Хониата: он не только высоко оценивает роль церкви в победе над Иванко (НХ Речи, с. 63. 15–23), – в прямом расхождении с «Историей», где духовенству, как мы видели, было поставлено в укор безразличие к болгарской вой-

не, он развивает здесь теорию двух мечей (с. 81. 16–18, 90. 1, 184. 21–22).

Итак, мы можем констатировать, что в своем критическом отношении к монашеству Хониат идет далеко; его критика монашеских нравов не уступает по остроте Евстафиевой. Но критическое рвение покидает писателя, когда он затрагивает высшее духовенство: его тон по отношению к патриархам может быть нейтральным и даже насмешливым, но никогда не перерастает в инвективу, а часто звучит панегирически.

Гораздо резче, чем в сфере религиозности, критическая направленность Хониата дает себя знать в отношении к императорской власти. Критика императоров была свойственна византийскому общественному сознанию, но до XI в. она не переходила в критику императорской власти. Дурным императорам противопоставлялась императорская парадигма, которую могли искать в далеком прошлом, как Феофан – в лице Константина Великого, но могли искать и в настоящем, как окружение Константина VII – в Василии Македонянине. Это стремление к парадигме мы встретим и у Агталиата, и у Анны Комнины, и у Киннама; для последнего образцом государя был Мануил I.

Коренным образом порывает с этой тенденцией Пселл, для которого императорская власть сама по себе, в силу своей природы, губит человека морально и физически (см. выше). Намеченную Пселлом линию четко и последовательно развивает Хониат.

Суровые суждения Хониата о современных ему императорах хорошо известны²¹⁶, и воспроизводить их нет никакой необходимости. Нужно, однако, выяснить, как соотносятся представления писателя об императорской власти с тем традиционным идеалом государя, который сложился еще в VI столетии и был сформулирован в официальных и неофициальных памятниках – от преамбул императорских хрисовулов до сочинений моралистов.

Единственный государь прошлого, который воспринимается Хониатом с безусловно позитивной оценкой, – это герой воинской легенды конца X в. Никифор Фока. Ему писатель приписывает два достоинства – героическую силу и великий разум (НХ Ист., с. 207. 88–89). Список добродетелей Исаака II, перечисленных в одной из речей Хониата, пространнее: Исаак был, по словам оратора, молод, целомудрен, памятлив, мужествен, величествен, знаниемлюбив (НХ Речи, с. 37. 12–13); Алексея III он называет молодым, доблестным и памятливым (с. 56. 19). Во всех этих характеристиках поражает одно обстоятельство – они секуляри-

зованы, идея императорской божественности и благочестия оставлена за бортом, несмотря на то что поведение Никифора Фоки и Исаака Ангела давало достаточно оснований, чтобы подчеркнуть их любовь к Богу и особенно к монахам.

Правда, в речах взаимная связь императора с Богом проступает с большей определенностью. Император именуется богоподобным: *θεοεικέλος* (с. 3. 5 и 12, 103. 7) и *θεοειδέστατος* (с. 133. 31), его появление – явление Бога, хотя и не по естеству (с. 170. 14–16); его приказы приравниваются к Божьему гласу (с. 133. 28–31); царь богоравен (с. 67. 3), близок Богу (с. 106. 29), подражает Богу (с. 136. 21). Оратор не боится сравнить царя с Христом (с. 58. 24–25, 89. 17–18, 99. 2–3, 11, 172. 30), с библейским Давидом (с. 39. 11–18, 98. 26–28, 103. 22 – 104. 3, 106. 30, 127. 25–36, 138. 9–10) и Моисеем (с. 6. 11–12, 128. 25, 147. 1, 174. 17–18), не говоря о Константине Великом (с. 175. 5–6). В «Истории» представление о божественности государя подается только как чужая речь и подчас с отчетливой критичностью. Это Андроник I смело сопоставлял себя с Богом (НХ Ист., с. 328. 7–8; ср. послание Андроника, цитируемое в одной из версий «Истории», с. 331, прим. к стк. 91); в изданном при Андронике постановлении говорилось, что оно издано «от Бога» или «по Божьему внушению» (с. 336. 29), что, как мы видели, возмущало Хониата; приспешник Андроника Константин Трипсих называет престол «божественным местом самодержавия» (с. 315. 80–81). Исаак II считает себя помазанником Господним (с. 364. 51), а Иоанн II просит принять его сына как «богопомазанного вождя» (с. 45. 25). Но особенно важна в этой связи обобщающая инвектива Хониата, возмущенного тем, что большинство ромейских царей не удовлетворяются своей властью, но хотят казаться мудрецами, богоподобными по облику и наделенными героической силой (с. 209. 59–63). Здесь употреблен именно тот эпитет *θεοεικέλος*, который в речах использовался самим Хониатом для построения идеального образа царя. Мы видели, что благочестие Исаака II – предмет постоянных насмешек Хониата, а вмешательство Мануила I в богословские диспуты резко осуждается. И когда писатель говорит, что Иоанн II «радостно жил в Боге» (с. 46. 59), он имеет в виду не внешнее благочестие, а понимает здесь свойства характера государя как высший этический принцип.

Наряду с благочестием богоизбранность – один из существеннейших элементов традиционного императорского идеала. Он в полной мере сохраняется в речах, где Хониат подчеркивает, что Феодор Ласкарь получил власть не по «родовому наследству»,

но от Бога за собственную доблесть и труды (НХ Речи, с. 130. 27–28; ср. с. 131. 4–5). Божья десница вознесла Феодора на престол, повторяет оратор в другом месте (с. 121. 15–17). Но эта идея, по сути дела, отвергается Хониатом в «Истории», где переход власти от одного государя к другому изображается как результат отнюдь не избрания Божьего, но серии грязных интриг, восстаний и убийств. Подробно описаны интриги вокруг постели умирающего Алексея I, когда Иоанн похитил из спальни отца царский перстень (НХ Ист., с. 6. 34–36). Иоанн II передал трон младшему сыну Мануилу (с. 41. 18) в обход его брата Исаака, который, не забывает заметить Хониат, по рождению был призван царствовать (с. 48. 15). Даже Алексей II, единственный сын Мануила, получил престол незаконным путем, ибо его отец – еще до рождения Алексея – клятвенно обещал трон жениху своей дочери Марии Алексею-Беле и должен был затем торжественно освободить себя от клятвы (с. 169. 7 – 170. 12). Писатель осуждает и насильственный переворот Андроника I, завершившийся убийством мальчика Алексея II, и расправу Исаака Ангела с Андроником, и смещение Исаака II его братом Алексеем. Более того, Хониат прямо отвергает идею богоизбранничества: «Причиной этих мятежей, – говорит он, – была вялость (τὸ μαλακώτερον) Исаака (II Ангела) в управлении империей, глубоко убежденного, что он получил власть от Бога и им одним может быть охранен» (с. 423. 21–23). Мы уже видели, к стати сказать, что образ царя, обороняемого Богом в битве (когда с императора спадает шлем), подается Хониатом во вполне ироническом контексте.

Нет у писателя и должного почтения к императорскому культу. Конечно, в речах передана традиционная царская символика, начиная от сопоставления государя с солнцем (НХ Речи, с. 26. 19–20, 36. 17–18, 68. 13–14, 109. 29–30, 170. 7–8 и др.). Пурпур императорских чернил постоянно сопоставляется с «багряной смертью» (Илиада, 5: 83), с кровью варваров и, следовательно, с освобождением ромеев (с. 59. 5, 104. 6–10, 109. 24–26, 174. 24–25 и особенно с. 31. 15–21). Элементы традиционного осмысления императорского пурпура могут быть отмечены и в «Истории». Хониат замечает, что Мануил I вдохнул жизнь в указ Никифора Фоки о монастырском землевладении, отогрев старое постановление, словно кровью, пурпуром императорских чернил (с. 207. 90–91). И чуть ниже он говорит, что Мануил I, словно огненным мечом, утвердил постановление собора багряными письменами (с. 212. 43). Но Хониат выходит за рамки стереотипа. Когда Андроник Комнин уехал в Иерусалим и вступил там в незаконную

связь с Феодорой, император направил палестинским властям багрянцем подписанное послание, приказывая схватить Андроника и ослепить его. И пожалуй, говорит далее Хониат, глаза Андроника стали бы багровыми от крови или он окрасился бы «багряной смертью», если бы это письмо, отмеченное царскими чернилами, не попало ему в руки (с. 141. 5–8). Функциональная роль стереотипного образа здесь совершенно иная: от панегирической его направленности не осталось и следа, «багряная смерть» не восхищает писателя, и кровь, отождествленная с царскими чернилами, сулит не возрождение, не свободу, а человекоубийство.

Так переосмысленный образ пурпурных чернил несколько раз повторяется в «Истории». Алексей II подписал указ о казни собственной матери просто-напросто каплями материнской крови (с. 268. 68–70). Андроник I отмечал, что постановления его предшественников остаются в пренебрежении и багряные чернила царских грамот отбрасываются в сторону, и угрожал, что злоумышленники заплатят за свои преступления не слезами, а кровью (с. 327. 73–77).

Может быть, еще отчетливее распад хроматической иерархии проявляется в отношении Хониата к другому царственному цвету – золоту. Если в одной из речей он говорит, что волосы Авессалома, сына Давидова, были рыжими, как золотая стружка (НХ Речи, с. 107. 9–10), то в «Истории» буднично сказано, что лицо Исаака Ангела блестело, а волосы были рыжи (НХ Ист., с. 452. 16–17); упоминания о золоте здесь нет. Случайность ли это, или же сознательное снижение образа Исаака II, сказать трудно. Однако один эпизод из царствования Мануила I недвусмысленно свидетельствует об отношении Хониата к золоту царских одеяний.

После разгрома византийцев под Мириокефалом к Мануилу I прибыл турецкий посол Гавр. Он застал императора еще в боевой одежде – поверх панциря был накинута плащ, украшенный пурпуром и золотом. Но Хониат говорит о нем – «цвета желчи». И Гавр, развивая негативную оценку, вложенную в этот эпитет, наставляет царя: «Этот цвет, государь, неблагоприятен, а в день сражения он, более того, враждебен» (с. 189. 57–60).

Так Хониат превращает царский пурпур в цвет крови и казней, а царское золото – в цвет желчи, сулящей поражение.

Хониат потешается над теми, кто подчеркнуто сгибался перед государем и внимал его словам, словно речениям высшего существа (с. 54. 80–82); над теми, кто в страхе принимал перед госу-

дарем молитвенно-смиренную позу (с. 456. 88–90). Торжественной роскоши царских одеяний он недвусмысленно противопоставляет отвагу детей Ареса, чьи мужественные глаза горят ярче драгоценных камней, а трудовой пот прекраснее, чем блистающий жемчуг (с. 477. 72 – 478. 1).

Но если императорский идеал секуляризован в «Истории», если из списка царских достоинств исключены благочестие, богоизбранность и величественный блеск богоравного культа, то каковы же те достоинства, которые автор «Истории» считает необходимыми для государя? Два из них мы отмечали – воинскую доблесть и разум, свойства Никифора Фоки. Характеризуя Иоанна Комнина, Хониат оказывается более красноречивым и более подробным.

Оставим в стороне оценочный момент (с. 47. 82–85; ср. с. 52. 14–16): нам важно сейчас не то, что Иоанн представляется Хониату лучшим из династии Комнинов и способным состязаться, а то и превосходящим государей древности, но то, какие элементы писатель считает необходимым включить в царскую характеристику. В общей оценке Иоанна, завершающей рассказ о его царствовании, благочестие не фигурирует, хотя попутно и мимоходом Хониат упоминал εὐσεβεία этого царя (с. 15. 86–93), сообщая о его мольбах, обращенных к иконе Богородицы. На первом месте поставлены человеческие качества Иоанна, его ἥθος (с. 46. 60), из которого выводятся щедрость (с. 46. 60–61), отвращение к непристойным речам и роскоши одежды (с. 47. 68–70), а также милосердие: он никого не казнил и не подверг усечению членов (с. 47. 80–81; ср. с. 11. 57–58). И говоря о недостатках Иоанна, Хониат опять-таки выделяет свойства его этоса: он был мрачен (с. 47. 73–74), гнался за славой (с. 46. 63–64), был чрезмерно требователен к войскам (с. 33. 69–72). Щедрость и милосердие – традиционные категории «княжеского зеркала», но здесь они представлены не самостоятельными, а включенными в более общее понятие – человечности.

В другом месте Хониат говорит, что Иоанн был чрезвычайно царственным (βασιλευτάτος) и «рыцарственным» (στρατηγικώτατος) (с. 77. 24–25). Рыцарственность проявлялась как в заботе о войсках (с. 77. 26–29), так и в собственной доблести (с. 15. 84–86), царственность – в стремлении к общественной пользе (κοινῇ λυσιτέλεια) (с. 77. 25–26). И опять-таки, критикуя Иоанна II за неудачную реформу флота, Хониат подчеркивает, что император уничтожил институт, полезный для общества (κοινωφελές) и спасительный (с. 55. 5–7).

Итак, основные элементы императорского идеала по Хониату – государственный ум, реализующий себя в общественной пользе; воинская доблесть, соединенная с заботой об армии, и, наконец, высокий моральный уровень. Именно с этих позиций оцениваются преемники Иоанна II. В речах Хониат говорит о Мануиле I как о «великом самодержце», чьи подвиги оправдывали его божественное имя (НХ Речи, с. 40. 21–23) – Эммануил. Образ Мануила в «Истории» более сложный и противоречивый. Здесь подчеркивается рыцарственность императора: он победил в единоборстве сербского архиепископа Вакхина (НХ Ист., с. 92. 36–42), мечом сразил венгерского воина, служившего образцом мужества (с. 92. 54 – 93. 57), на турнире победил двух рыцарей, поразив своей доблестью антиохийцев (с. 110. 89–92); вместе с воинами он участвовал в строительстве крепостных стен Дорилея (с. 176. 56–57). Хониат описывает стремительный бросок Мануила к осажденному сельджуками Клавдиополю, когда император не взял с собой ни постели, ни подстилки, ни каких-либо предметов царской роскоши. Он двигался ногами, освещая себе путь факелами: он отдыхал на куче хвороста, под дождем, не боясь мокрой постели. «И за это, – заканчивает Хониат, – его любили и ценили больше, чем в те моменты, когда он надевал диадему, облачался в пурпур и садился на коня, украшенного золотыми бляшками» (с. 197. 14 – 198. 31). Император был воинственным и не страшился опасностей (с. 50. 73), доблестным и смелым в битве, он первым бросался в сражение (с. 175. 44 – 176. 48), может быть, он был даже более смелым, чем нужно (с. 35. 29–38). А вместе с тем Хониат ставит ему в вину поражение при Мириокефале, заставляя какого-то воина сказать царю: «Разве не ты погубил нас в этих пустынных местах?» (с. 187. 8–9).

Государственная политика Мануила также находится в центре внимания писателя. Одни мероприятия получают полное одобрение Хониата (с. 150. 45–47), другие осуждаются (с. 208. 26–28); писатель подчеркивает изменение отношения царя к подданным, которых он стал рассматривать со временем как зависимых слуг, отказавшись от прежней щедрости (с. 60. 35–40); но особенно существенно то, что Хониат задумывается над целостной оценкой политики Мануила I. То, что он делал, не было бессмысленным новшеством (с. 203. 65), и его правота ясно обнаружилась после смерти «мудрого кормчего» (с. 203. 75 – 204. 78). И в другом месте, констатируя неудачу Мануила в войне с норманнами, писатель спрашивает, можно ли упрекнуть в этом человека, из всех сил стремившегося остановить инозем-

цев (с. 100. 43–45), но не сумевшего этого сделать (как добавлено в одной из версий)?

И третий элемент – этос императора – подробно освещен в портрете Мануила. Характер его был противоречиво сложным: в мирное время казалось, что наслаждение – цель его жизни, а в трудную пору царь забывал об удовольствиях (с. 206. 60–66). Хониат рисует императора чуждым позорных захватов, морем щедрости, бездной милосердия, человеком приятного нрава, несравнимым по царственной доблести, обладателем простой души и бесхитростного сердца (с. 59. 13–16). Он не был робок, не падал духом в трудных обстоятельствах, не возносился от благоприятного течения событий (с. 95. 19–22). Наконец, он был наделен красноречием (с. 210. 72–73). А вместе с тем Мануил развратен и распушен (с. 54. 67–70), легко поддается гневу (с. 113. 73–74, 171. 59, 215. 93–94 и др.). Хониат не забывает отметить предсказанное Мануилу безумие, которое должно было наступить накануне его смерти, хотя никто не знал, какова будет эта *manía*: одни относили ее к стяжательству, другие – к физической слабости, а потом поняли, что имелся в виду неправославный догмат Мануила о Боге Мухаммеда (с. 219. 93 – 220. 9).

И в своих общих суждениях о византийских императорах Хониат постоянно акцентирует отсутствие у них необходимых моральных достоинств. Цари гневливы (с. 32. 52–55), вялы (с. 72. 83–84, 549. 10–11, 586. 67–69), легкомысленны (с. 584. 25–29), несдержанны в своих желаниях (с. 405. 21–23), завистливы к лучшим (с. 143. 43–64). Если идеальный царь должен быть милосердным (с. 288. 52), то реальные правители империи оказывались жестокими (с. 548. 3–4). Цари, говорит Хониат, из-за неограниченности своей власти теряют рассудок (с. 143. 63).

Итак, мы можем констатировать: лишая императорскую власть ореола божественности, Хониат выдвигает на передний план достоинства государя как политического и военного деятеля и его моральные качества. Именно в этой области, в десакрализации императорского идеала, рационалистические тенденции эпохи проступают в творчестве Хониата с наибольшей отчетливостью.

¹ О Мавропode см.: Любарский Я. Н. К биографии Иоанна Мавропода // ВВulg. 4. 1973. Р. 41–51 [переиздано: Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 161–173]; Karpozelos A. Symbolic stc melete tou biou kai tou ergou tou Ioanne Mauropodos. Ioannina, 1982. [Книга А. Карпозилоса вызвала возражения А. П. Каждана (Kazhdan A. Some Problems in the Biography

- of John Mauropous // JÖB. 93. 1993; ср.: *Kazhdan A.* Some Problems in the Biography of John Mauropous II // *Byz.* 65. 1995), на которые в свою очередь последовал ответ А. Карпозилоса (*Karpozilos A.* The Biography of John Mauropous again // *Ellenika.* 44. 1994)]. О его школе – *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками // Пал. сб. 23. 1971. С. 129 и сл. [статья вошла в кн.: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. С. 40 сл.]. Другой популярный педагог первой половины XI в. – Никита – известен только по похвале Пселла (Сафа МВ, V, с. 87–96). Он преподавал риторику, философию, орфографию.
- ² Ср.: *Speck P.* Die kaiserliche Universität von Konstantinopel. München, 1974. S. 36–50.
- ³ *Constantelos D. J.* Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, 1968. P. 244 f.
- ⁴ См.: *Beck H. G.* Bildung und Theologie im frühmittelalterlichen Byzanz // *Polychronion.* Heidelberg., 1966. S. 69–81 [вошло в его книгу: *Ideen und Realitäten in Byzanz.* Part 3. London, 1972]; *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Paris, 1971. P. 184 sq. и особенно цитированную выше (прим. 2) книгу П. Шпска. Старый тезис о существовании высшей дворцовой школы в IX в. отстаивает Ф. Дворник: *Dvornik F.* Photius' Career in Teaching and Diplomacy // *BS.* 34. 1973. P. 211–218.
- ⁵ *Salac A.* Novella constitutio saec. XI medii. Pragae, 1954; см.: *Черноусов Е.* Страница из культурной истории Византии. Харьков, 1913; *Hussey J. M.* Church and Learning in the Byzantine Empire. 867–1185. London, 1937. P. 51–72.
- ⁶ *Lefort J.* Rhétorique et politique: trois discours de Jean Mauropous en 1047 // *TM.* 6. 1976. P. 279 sq.
- ⁷ *Cvetler J.* The Authorship of the novel on the Reform of the Legal Education at Constantinople (about 1045 A. D.) // *Eos.* 48. 1956. № 2.
- ⁸ *Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 68–76. Однако борьба будущих студентов-юристов с будущими студентами-философами, о которой писал Пселл в энкомии Ксифилину (Сафа МВ, IV, с. 433. 4–6), свидетельствует, что современники видели в обеих школах равноправные учреждения. [См. также: *Wolska-Conus W.* Les écoles de Psellos et de Xiphilin sous Constantin IX Monomaque // *TM.* 6. 1976. P. 242 f.] Общие замечания об «университетах» XI в. см.: *Kyriakidis M. J.* The University: Origin and Early Phases in Constantinople // *Byz.* 41. 1971. P. 170 f.; [*Lemerle P.* Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977. P. 215–227].
- ⁹ *Безобразов П. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. С. 122–181 [перепечатано: *Безобразов П. В., Любарский Я. Н.* Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 1999]. Не зная работы П. В. Безобразова, о том же писал М. Кириакидис: *Kyriakidis M. J.* Student Life in XIth Century Constantinople // *BYZANTINA.* 7. 1975. P. 377 f.; [383. 72–74]. [См. также: *Lemerle P.* Cinq études... P. 212–221.]
- ¹⁰ См. о ней: *Browning R.* The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century // *Byz.* 32. 1962. P. 171 f.
- ¹¹ *Browning R.* The Patriarchal School... P. 172 f.
- ¹² *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками... С. 136 и сл. [вошло в книгу: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. С. 49 и сл.]. О Ксифилине см. также: *Bonis K.* Ioannes ho Xiphilinos, ho nomophylax, ho monachos, ho patriarches kai he epoche aytu. Athenai, 1937; *Hussey J. M.* Church and Learning ... P. 46 f.

- ¹³ См. об этом: *Weiss G. Oströmische Beamte...* P. 70 f. Вайс относит это письмо ко времени 1042 г., – по-видимому, оно было отослано позднее, после создания школы ипата философов (см.: *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками... С. 130 и сл. [вошло в книгу: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. С. 43 и сл.]).
- ¹⁴ Ан. К., I, с. 33–37. См. о нем: *Stéphanou P. Jean Italos, philosophe et humaniste.* Roma, 1949; ср.: *Кечакмадзе Н. Н.* Творчество Иоанна Итала. Тбилиси, 1970 (на груз. языке); *Joannou P. Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos.* Ettal, 1956; *Browning R. Enlightenment and Repression in Byzantium in the XIth and XIIth Century // Past and Present.* 1975. № 69. P. 11–15 [вошло в его книгу: *Studies on Byzantine History, Literature and Education.* London, 1977. Pt. 15]; [*Gouillard J. La religion des philosophes // TM.* 6. 1976. P. 306–315; *Clucas L. The Trial of John Italos and the Crisis of Intellectual Values in Byzantium.* München, 1981].
- ¹⁵ *Чичуров И. С.* Новые рукописные сведения о византийском образовании // *ВВ.* 31. 1971. С. 241.
- ¹⁶ *Darroutès E. Recherches sur les ophphikia de l'Église byzantine.* Paris, 1970. P. 72–75.
- ¹⁷ См.: *Gautier P. Michel Italikos. Lettres et discours.* Paris, 1972. P. 16–26.
- ¹⁸ *Wirth P. Zu Nikolaos Kataphloros // Classica et mediaevalia.* 21. 1960. P. 213 f.
- ¹⁹ См.: *Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz // SB der Östern Akad. der Wiss. philos.-hist. Kl.* 277. 1972. P. 16 f.
- ²⁰ См. о нем: *Lefort J. Prooimion de Michel, neveu de l'archevêque de Thessalonique, didascale de l'Évangile // TM.* 4. 1970. P. 376.
- ²¹ См.: *Garzya A. Un lettré du milieu du XIIe siècle: Nicéphore Basilakès // RESEE.* 8. 1970. № 4 [реценз.: *Garzya A. Storia e interpretazione di testi bizantini.* London, 1974. Pt. 8. P. 613–615]; ср.: *Garzya A. Un letterato bizantino del sec. XII alla luce di nuove ricerche // Cultura e scuola.* 37. 1971.
- ²² Текст речи: *Browning R. A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century // Balkan Studies.* 2. 1961. P. 189. 69–84 [см.: *Browning R. Studies on Byzantine History...* Pt. 4].
- ²³ Описание церкви св. Апостолов и школы при ней см.: *Heisenberg A. Grabeskirche und Apostelkirche.* Bd. II. Leipzig, 1908. S. 9–96; ср.: *Nikolaos Mesarites. Description of the Church of the Holy Apostels at Constantinople // Transactions of Amer. Philosoph. Society.* 47. 1957. Pt. 6. [Атмосферу шумных дебатов среди студентов передает Пселл, который, обращаясь к спорщикам, призывает их к миру, поскольку, как он утверждает, обе стороны имеют общую задачу, – см.: *Pseudo-Psellos. De operatione daemonum.* P. 131–135. Лемерль предположил, что эту задачу составляла полемика с адептами другой философской школы (см.: *Lemerle P. Cinq études ...* P. 216).]
- ²⁴ *Browning R. Enlightenment and Repression...* P. 10. Об ограниченности энциклопедизма X в. см.: *Lemerle P. Le premier humanisme...* P. 229 sq.
- ²⁵ *Horna K. Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses // Wiener Studien.* 28. 1906. S. 181. 264–265.
- ²⁶ О схеодграфии см.: *Schirò G. La schedografia a Bisanzio nei sec. XI–XII e la scuola dei SS. XL Martiri // Bollettino della Badia greca di Grottaferatta.* 3. 1949; *Browning R. Ho Markianos hellenikos kodikos XI.31 kai he byzantine schedographia // Parnassos.* 15. 1973; *idem.* Il Codice Marciano gr. XI.31 e la schedografia bizantina // *Miscellanea Marciana di studi Bessarionici.* Padova, 1976 [см.: *Studies on Byzantine History...* Pt. 16. P. 21–34].

- ²⁷ Garzya A. Literarische und rhetorische Polcmiken der Komnenzeit // BS. 34. 1973. P. 2–6 (теперь: *Garzya A. Storia e interpretazione...* 1974. Pt. 7).
- ²⁸ Der Wartburgkrieg / Hg. von K. Simrock. Stuttgart; Augsburg, 1858. 131. № 102. См.: *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; Berlin, 1926. S. 54.
- ²⁹ Г. Вайс (*Weiss G.* Oströmische Beamte... S. 72) справедливо говорит о неприемлемости к Византии XI в. современного разграничения между «частным» и «общественным» учителем.
- ³⁰ *Каждан А. П.* Византийская школа // ВИ. 1972. № 7. С. 213 и сл.
- ³¹ *Любарский Я. Н.* Пселл в отношении с современниками (Опыт характеристики личности) // ВВ. 37. 1976. С. 101–104 [периздано: *Любарский Я. Н.* Византийские историки и писатели. С. 188 и сл.].
- ³² [Escor. V–II–10, fol. 402]; *Каждан А. П.* Григорий Антиох // ВВ. 26. 1965. С. 80 и сл.
- ³³ *Gautier P.* Michel Italikos... P. 156. 1 – 157. 2, 158. 8–13.
- ³⁴ См.: *Каждан А. П.* Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X–XI вв. Симсона // ВВ. 28. 1967. Мой тезис о негативном отношении Кскавмена к дружбе оспаривает Г. Г. Литаврин (в кн.: Кек., с. 101), но и он пишет: «Кскавмен делает акцент не на положительных, а на отрицательных сторонах дружбы».
- ³⁵ *Tinnefeld F. H.* «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit // JÖB. 22. 1973. P. 151–168; ср. *Любарский Я. Н.* Пселл в отношении с современниками (Опыт...). С. 111 [см.: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и творчество. С. 117–122].
- ³⁶ См. особенно: *Beck H. G.* Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wien, 1974. S. 12 f. В известной мере с этим расходится наблюдение, сделанное на поздневизантийском материале: по мысли Г. Хунгера, основными творцами литературы и науки были в XIV в. выходцы из среды «бедных» (см.: *Hunger H.* Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14 Jhs. // Actes du XIVe Congrès Intern. des ét. byz. I. Bucarest, 1974. P. 147; ср. возражения: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 18 [периздано: СПб., 1997; а также: *Kazhdan A.* Der Mensch in der byzantinischen Literaturgeschichte // JÖB. 28. 1979. P. 12 f.].
- ³⁷ Светским лицом был даже Симеон Мстафраст, хотя возможно, что он принял схиму в конце жизни. Светским лицом – вопреки Х. Г. Беку, считавшему его монахом (*Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 565), – был Григорий, автор одного из лучших агиографических памятников X в. – Жития Василия Нового. Он константинополец, владевший небольшим проастием близ Редесто. Среди агиографов этого времени – протаскирит Василий и другие светские лица.
- ³⁸ Издано: *Wirth P.* Zur Biographie des Eustathios von Thessalonike // Byz. 36. 1966. P. 262–282 [теперь: *Wirth P.* Eustathiana. Amsterdam, 1980. P. 11–33].
- ³⁹ К XI–XII вв. относится папирусный фрагмент «Жития Нифонта» (*Deissmann A., Maas P.* Ein literarischer Papyrus des 11.–12. Jahrhunderts n. Chr. // Aegyptus. 13. 1933. S. 11–20). С. Дж. Меркати считает этот папирус сицилийским (см.: *Mercati S. G.* Collectanea byzantina. Vol. II. Bari, 1970. P. 166).
- ⁴⁰ О бумаге в Византии см.: *Irigoin J.* Les débuts de l'emploi du papier a Byzance // BZ. 46. 1953. P. 314 f.; *Irigoin J.* Les premiers manuscrits grecs sur papier et le problème du bombicin // Scriptorium. 4. 1950. P. 198–200; *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. S. 27 f.

- К более раннему времени (около 800 г.) относится Vatic. 2200, но она была создана за пределами Византии, в Дамаске.
- ⁴¹ *Wehlte K.* Füllfederhalter aus dem J. 1173 gefunden // *Maltechnik*. 74. 1968.
 - ⁴² *Гранстрем Е. Э.* К вопросу о византийском минускуле // *ВВ*. 13. 1958. С. 227. Автор, следуя за В. Гардтхаузенем и Э. Томпсоном, выделяет как особый период в истории византийской книги время второй половины X – XII вв., отмечая вместе с тем (там же, с. 239) некоторое ухудшение качества манускриптов XII в.
 - ⁴³ См.: *Irigoín J.* Pour une étude des centres de copie byzantins. II // *Scriptorium*. 13. 1959. P. 180 sq.; ср.: *Weitzmann K.* Ein kaiserliches Lektionär einer byzantinischen Hofschule // *Festschrift K. M. Swoboda*. Wien; Wiesbaden, 1959. Один из лучших памятников императорского скриптория начала XI в. – менологий Василия II (Vatic. 1613); см. о нем: *Ševčenko I.* The Illuminators of the Menologium of Basil II // *DOP*. 16. 1962. И. Шевченко видел в этом памятнике плод коллективной работы восьми иллюстраторов, один из которых, Пантолкон, жил, согласно Житию Афанасия Афонского, на рубеже X и XI вв. (*Ševčenko I.* On Pantolcon the Painter // *JÖB*. 21. 1972). Напротив, А. Фролов подчеркивал стилистическое однообразие менология, допуская, что он восходил к коллективному труду миниатюристов X в. (*Frolov A.* L'origine des miniatures du Ménologe Vatican // *ЗРВИ*. 6. 1960; ср. его рецензию на работу И. Шевченко: *BS*. 26. 1965. P. 404–408).
 - ⁴⁴ *Hunger H.* Die Perlschrift, eine Stilrichtung der griechischen Buchschrift des 11. Jhs. // *Hunger H.* Studien zur griechischen Paläographie. Wien, 1954 (теперь: *Hunger H.* Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1974. Pt. I. P. 24). Ж. Иригуэн считает, что «жемчужное письмо» нашло применение уже в константинопольском скриптории Ефрема в середине X в. (*Irigoín J.* Pour une étude des centres... II. P. 193 sq.).
 - ⁴⁵ *Лазарев В. Н.* Царьградская лицевая псалтирь XI в. // *ВВ*. 3. 1950. С. 213; *Лихачева В. Д.* Искусство книги. Константинополь, XI век. М., 1976. С. 45 и сл.
 - ⁴⁶ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. I. М., 1947. С. 109 и сл.; ср.: *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи библиотеки Московского университета // *ВДИ*. 1967. № 4. С. 99 и сл.
 - ⁴⁷ *Лихачева В. Д.* Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской Публичной библиотеки // *ВВ*. 19. 1961. С. 144 и сл.
 - ⁴⁸ *Лазарев В. Н.* История... Т. I. С. 112 и сл.
 - ⁴⁹ *Hunger H.* Die Perlschrift... S. 29 f.
 - ⁵⁰ *Лихачева В. Д.* Искусство книги... С. 33.
 - ⁵¹ Там же. С. 72–87.
 - ⁵² К сожалению, В. Д. Лихачева не остановилась здесь на характеристике шрифта «студийных» рукописей и его соотношении с духом императорского скриптория.
 - ⁵³ *Politis L.* Eine Schreiberschule im Kloster von Hodegon // *BZ*. 51. 1958. P. 275 f. О скриптории монастыря Петры см.: *Weinberger W.* Beiträge zur Handschriftenkunde. II // *Sitzungsberichte der Akad. der Wiss. in Wien. Phil.-hist. Kl.* 161. 1909. Abh. 4.
 - ⁵⁴ *Eleopoulos N. E.* He bibliotheke kai to bibliographikon ergasterion tes mones tou Studiou. Athenai, 1957. См. резко критическую оценку этой монографии: *Irigoín J.* Les manuscrits grecs // *REG*. 85. 1972. P. 567 sq. Ж. Иригуэн подчеркивает, что только скрипторий Студийского монастыря представлен

- относительно большой группой созданных в нем рукописей (*Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins. I // Scriptorium. 12. 1958. P. 208*); помимо того, он выделяет еще один скрипторий IX в., неизвестно где работавший (см. о нем: *Allen T. W. Palaeographica III. A Group of Ninth-Century Manuscripts // Journal of Philology. 21. 1893. P. 48–55*).
- ⁵⁵ *Devreesse R. Introduction à l'étude des manuscrits Grecs. Paris, 1954. P. 32 sq.*
- ⁵⁶ См.: *Devreesse R. Introduction à l'étude... P. 56 (et n. 9).*
- ⁵⁷ *Gianelli C. Un nuovo codice di provenienza studita // Bollettino Arch. Palcogr. ital. 2/3. 1956–1957. № 1. P. 347–359; см. также: Irigoin J. Les manuscrits grecs // Lustrum. 1962 (1963). P. 63 sq.*
- ⁵⁸ *Weitzmann K. An Imperial Lectionary in the Monastery of Dionysiu on Mount Athos. Its Origin and its Wanderings // RESEE. 7. 1969. № 1. P. 246 f.; Лихачева В. Д. Искусство книги... С. 75–79. С этой рукописью В. Д. Лихачева сближает кодекс Святогробской библиотеки в Иерусалиме № 14, два фрагмента которого хранятся в Петербурге (см. о них: Пуцко В. Г. Два фрагмента лицевых рукописей третьей четверти XI в. из собрания ГПБ (греч. 334 и 373) // ВВ. 31. 1971).*
- ⁵⁹ *Лазарев В. Н. История... Т. 1. С. 107 и сл. Н. Элеопулос (Eleopulos N. E. Не bibliothekes...) считает студийскими две иллюминированные рукописи XI в.: Псалтирь Феодора и Евангелие Paris. 74. Возможность создания в Студийском монастыре некоторых других лицевых рукописей допускают К. Вайцман и М. Боникатти: Weitzmann K. A Constantinopolitan Lectionary, Morgan 639 // Studies in Art and Literature for B. da Costa Green. Princeton, 1954; Bonicatti M. Per l'origine del Salterio Barb. gr. 372 e la cronologia del Tetracvangelo Urb. gr. 2. // Rivista di cult. class. e medioev. 2. 1960.*
- ⁶⁰ *Devreesse R. Les manuscrits grecs de l'Italie méridionale. Città del Vaticano, 1955; ср. дополнительную литературу: Irigoin J. Les manuscrits grecs. P. 66 sq.*
- ⁶¹ Дж. Меркати, в частности, выделил небольшую группу манускриптов, переписанных в Антиохии в 70-е гг. XI в. (*Mercati S. G. Origine antiochena di due codici greci del secolo XI // AB. 68. 1950*).
- ⁶² *Treu K. Griechische Schreibermotizen als Quelle für politische, soziale und kulturelle Verhältnisse ihrer Zeit // BBul g. 2. 1966. S. 139.*
- ⁶³ Исходя из примерной стоимости 1 модия в 1 номисму (см.: *Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 106*).
- ⁶⁴ *Diehl Ch. Le trésor et la bibliothèque de Patmos au commencement de XIIIe siècle // BZ. 1. 1892. P. 496–508; ср.: Wilson N. G. The Libraries of the Byzantine World // GRBS. 8. 1967. P. 64 f.; Kakulide E. D. Не bibliothekes tes mones Prodromou sten Konstantinoupole // Hellenica. 21. 1968; Фонкич Б. Л. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X–XIII вв. // Пал. сб. 17. 1967. С. 167–175. О царской и патриаршей библиотеках в Константинополе XI–XII вв. см.: Manaphes K. A. Hai en Konstantinoupolei bibliothekai autokratorikai kai patriarchike. Athenai, 1972. S. 50–53, 123 sq.*
- ⁶⁵ *Dain A. Les manuscrits. Paris, 1949. P. 122, [Dain A. La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète // DOP. 8. 1954. P. 41–46; Dain A. Les manuscrits. 2d ed. Paris, 1964. P. 126 f.].*
- ⁶⁶ *Irigoin J. Histoire du texte de Pindare. Paris, 1962. P. 123 sq.; ср.: Irigoin J. Survie et renouveau de la littérature antique à Constantinople (IXe siècle) // Cahiers de civilisation médiévale. 5. 1962. P. 287–302.*
- ⁶⁷ *Diller A. The Age of Some Early Greek Classical Manuscripts // Serta Tutyniana. Urbana; Chicago; London, 1974. P. 524.*

- ⁶⁸ Zuntz G. An Inquiry into the Transmission of the Plays of Euripides. Cambridge, 1965. P. 262.
- ⁶⁹ Их датировка расходится между временем ок. 1000 г. и XII в. (см.: Wilson N. G. Three Byzantine Scribes // GRBS. 14. 1973. P. 224 f.).
- ⁷⁰ Lemerle P. Le premier humanisme... P. 267–300, [особенно p. 299 f. – об ограниченности энциклопедизма в X в.; см. также: Wilson N. G. Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 89–147].
- ⁷¹ Впрочем, Ж. Иригуэн датирует его более поздним временем – после 950 г. (см.: Irigoin J. Les manuscrits grecs. P. 65).
- ⁷² Aubreton R. La translittération d'Homer // Byz. 39. 1969 (1970). P. 18 sq. Возражая Р. Обретону, П. Лемерль писал, что нет оснований говорить о «научном издании» Гомера, будто бы подготовленном Комитом (см.: Lemerle P. Le premier humanisme... P. 167. N. 70).
- ⁷³ Browning R. Homer in Byzantium // Viator. 6. 1975. P. 25.
- ⁷⁴ Basilikopoulou-Iocnnidou A. He anagennesis ton grammaton kata ton 12 aiona eis to Byzantion kai ho Homeros. Athenai, 1971–72.
- ⁷⁵ Browning R. Homer in Byzantium. P. 25 f.
- ⁷⁶ Müller H. W. Euripides and Eustathios // Amer. Journal of Philology. 61. 1940. P. 428; ср. еще: Neumann M. Eustathios als kritische Quelle für den Iliastext // Jahrbuch für Philologie. Supplementum-Band. 20. 1893; Colonna A. De Sophocleo exemplari ab Eustathio adhibito // Bollettino Comit. per la preparaz. dell'ediz. naz. classici gr. e lat. 20. 1972.
- ⁷⁷ Maas P. Eustathios als Konjekturekritiker // BZ. 36. 1936. P. 29 f.
- ⁷⁸ Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. Pt. XIV. P. 44–52. [Следуя античной традиции, Цец различает три вида аллегорического толкования Гомеровского эпоса: элементарный, психологический и прагматический. В рамках элементарного толкования мифологические персонажи интерпретируются как физические, космические или метеорологические явления; в рамках психологического – как силы и функции человеческой души; наконец, прагматическая, или историческая, аллегория представляет богов как мужчин и женщин, царей и цариц, разбойников и проституток. Однако за этой ученой игрой образованного классициста подчас скрывались аллюзии на современные события и факты. Например, Парис-Александр описывается как юноша, образованный в соответствии с византийской программой воспитания наследника престола: верховая езда, метание дротика, стрельба из лука, игра с мячом «и другие упражнения, приличные будущему императору». Стоит заметить, что античный герой, согласно описанию Цеца, искусен в риторике и даже не чужд писательского труда (см.: Matrangola P. Anecdota Graeca. Roma, 1850. P. 9. 235–240). Более сложен пассаж в «Аллегориях к Одиссее», где Цец описывает киммерийцев как племя, живущее по соседству с тавроскифами (византийский термин, обозначающий русских). Он настаивает на их этническом родстве с жителями Италии (см.: Hunger H. Johannes Tzetzes, Allegorien zur Odyssee Buch 1–12 // BZ. 49. 1956. S. 297 f.). Вероятно, эта этнографическая деталь имела большое значение для Цеца: он возвращается к ней и в его «Историях», и в Житии св. Лукки Сицилийской (см.: Tzetzes. Hist. 835–852; Vita St. Luciae / Ed. A. Papadopoulos-Kerameus // Varia Graeca sacra. СПб., 1909. С. 82). Учитывая, что Цец писал «Аллегории» приблизительно в период между 1146 и 1160 гг. – как раз, когда норманны организовали мощный альянс против Византии, включавший и киевского князя, – можно догадаться, что его подчеркнутое внимание к историческим связям русских и норманнов имело важный политический смысл.]

- ⁷⁹ К сожалению, о Цеце-писателе существуют лишь старые работы (см.: *Giske H. De Joannis Tzetzae scriptis ac vitae. Rostochii, 1881; Hart G. De Tzetzarum nomen vitis, scriptis // Jahrbücher für classische Philologie. Supplementum. 12. 1880–81*). Об аллегорическом толковании Цецом античных мифов см.: *Hunger H. Allegorische Mythendecutung in der Antike und bei Johannes Tzetzes // JÖB. 3. 1954. P. 44–52*; ср. еще: *Allegrini S. Note di Giovanni Tzetzes ad Eschilo // Annali Fac. Lett. e Filos. Univ. di Perugia. 9. 1971–72*. Об античных цитатах у Цецы см.: *Leone P. Tzetziانا // I cento anni del Liceo «Duni» di Matera. Fasano, s. d. (см.: BS. 27. 1966. P. 219)*.
- ⁸⁰ *Browning R. Homer in Byzantium. P. 28.*
- ⁸¹ *Tuilier A. Recherches critiques sur la tradition du texte d'Euripide. Paris, 1968. P. 132.*
- ⁸² *Browning R. A Byzantine Treatise on Tragedy // Acta Univers. Carolinae philos. et. hist. 1. 1963. P. 67 f. [переиздано: *Browning R. Studies on Byzantine History. Pt. 11*].*
- ⁸³ *Colonna A. Michaelis Pselli de Euripide et Georgio Pisida iudicium // SBN. 7. 1953. P. 16–21.*
- ⁸⁴ *Sicherl M. Platonismus und Textüberlieferung // JÖB. 15. 1966. P. 202–205.*
- ⁸⁵ *Huby P. H. The Transmission of Aristotle's Writings and the Places Where Copies of His Works Existed // Cl. Med. 30. 1969 (1974). P. 241–257.*
- ⁸⁶ Список комментаторов Аристотеля см.: *Harlfinger D. Die Textgeschichte der Pseudo-Aristotelischen Schrift Peri atomon grammon. Amsterdam, 1971. P. 43 f.* Фотий, вероятно, использовал сочинения Аристотеля в «Амфилохиях» (*Lemerle P. Le premier humanisme... P. 201*); об Арефе известно, что он был собственником некоторых рукописей Аристотеля (*Lemerle P. Le premier humanisme... P. 217 sq.*). Гипотеза о принадлежности Венской рукописи Аристотеля Льву Математику (*Irigoin J. L'Aristote de Vienne // JÖB. 6. 1957*) далека от бесспорности. К тому же в двух последних случаях речь идет не более чем о принадлежности списка, а не о толковании Аристотеля.
- ⁸⁷ См.: *Westerink L.G. Excerpta aus Proklos' Enneaden-Kommentar bei Psellos // BZ. 52. 1959. P. 9*; *Sicherl M. Michael Psellos und Iamblichos de mysteriis // BZ. 53. 1960. P. 12, 18*. О традиции Прокла см.: *Beck H.G. Überlieferungsgeschichte der byzantinischen Literatur // Geschichte der Textüberlieferung. Bd. 1. Zürich, 1961. S. 457.*
- ⁸⁸ *Paschoud F. in: Zosime. Histoire universelle. T. I. Paris, 1971. P. LXXVII–LXXIX.*
- ⁸⁹ *Arethas. Scripta minora / Ed. L. G. Westerink. Vol. 1. Lipsiae, 1968. P. 204 sq.* [ср. с использованием античных аллегорий у Феодора Дафнопата (*Theodore Daphnopates. Correspondance. Paris, 1978. Nos. 12. 16, 17. 12, 18. 6–8*) и у Никиты Магистра (*Niketas Magistros. Lettres d'un exilé. Paris, 1973*).
- ⁹⁰ *Theophanes Continuatus. Bonnac, 1828. S. 211–352, §§ 6, 31.* [О Василии I см.: *Ševčenko I. La civiltà bizantina dal IX al XII secolo. Bari, 1978.*]
- ⁹¹ *Panagiotakes N. Theodosios ho Diakonos kai to poiema aytou «Halosis tes Kretes». Herakleion, 1960. Cap. I. P. 255–259; [Crisuolo V. Aspetti letterari, stilistici del poema Halosis tes Kretes di Teodosio Diacono // Atti dell' Accademia Pontaniana. 28. 1979. P. 71–80].*
- ⁹² *Leo Diaconus. Historia. Bonnac, 1828. Lib. III, § 8; lib. IV, § 3.*
- ⁹³ [С Гераклом: *Ан. К., 1: 16. 6, 36. 14; 2: 24. 18; 3: 110. 24; с Александром: 2: 105. 2–3; 3: 217. 21–22*]. См.: *Я. Н. Любарский в кн.: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965 [переиздано: СПб., 1996]. С. 44.*

- ⁹⁴ Weitzmann K. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951.
- ⁹⁵ Beck H. G. Byzantinistik heute. Berlin; New York, 1977. P. 17–19.
- ⁹⁶ Mango C. Byzantine Literature as a Distorting Mirror. Oxford, 1975. P. 10–13. [Авторство Пселла принимается не всеми, см., например: Gautier P. Le De Dæmonibus du Pseudo-Psellos // REB. 38. 1980. P. 105–194 (автор датирует диалог XII в. и пытается атрибутировать его Николаю Мефонскому).]
- ⁹⁷ Garzya A. Topik und Tendenz in der byzantinischen Literatur // Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Österreichischen Akad. der Wiss. 113. 1976. S. 307. Скептическое отношение к попыткам выявить аллюзии такого рода высказывает Х. Г. Бек (Beck H. G. Byzantinistik heute... S. 19). [В другой работе Бек признает наличие следов социального критицизма в византийской литературе: Das byzantinische Jahrtausend. S. 136–142.]
- ⁹⁸ Hunger H. Die byzantinische Katz-Mäuse-Krieg. Graz; Wien; Köln, 1968. S. 55–65.
- ⁹⁹ Hunger H. Aspekte der griechischen Rhetorik... S. 26.
- ¹⁰⁰ Помимо цитированной выше работы о греческой риторике, эта идея отчетливо проводится в статье о «мимесис» – подражательности византийской литературы (см.: Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. Pt. XV). Г. Хунгер допускает лишь количественное изменение – возрастание роли христианства в византийской культуре (см. об этом: Hunger H. Reich der neuen Mitte. Graz; Wien; Köln, 1965).
- ¹⁰¹ Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. Pt. XV. S. 19.
- ¹⁰² См. введение к изданию «Тимариона»: Pseudo-Luciano. Timarione / A cura di R. Romano. Napoli, 1974. P. 13–31 (ср.: Romano R. Sulla possibile attribuzione del «Timarione» pseudo-Luciano a Nicola Callicie // Giornale ital. di Filol. 4. 1973. P. 309–315); ср. предисловие Е. Э. Липшиц к русскому переводу: Византийская сатира «Тимарион» // ВВ. 6. 1953. С. 357–365. [Хунгер полагает, что автором «Тимариона» мог быть Продром: Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. 2. München, 1978. S. 154.]
- ¹⁰³ Každan A. P. Bemerkungen zu Niketas Eugenianos // JÖB. 16. 1967. S. 101–117.
- ¹⁰⁴ См. об этом: Garzya A. Topik und Tendenz... S. 306 f. Г. Хунгер отмечает очень существенный момент: сочетание в византийской литературе подражательности и оригинальности, антиномию строгой imitatio и богатого разнообразия деталей (Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. Pt. XV. P. 33). [Hunger H. Antiker und byzantinischer Roman. Heidelberg, 1981.]
- ¹⁰⁵ Irigoin J. Histoire du texte de Pindare. P. 135.
- ¹⁰⁶ Benakis L. Michael Psellos' Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis-» und «Materie-Form»-Problematik // BZ. 56. 1963. S. 213 f.
- ¹⁰⁷ Название «Христос страждущий» – условное, не восходящее к древним манускриптам. Вопрос о датировке памятника дискусионен. Попытка А. Тюилье отнести его к IV в. (в предисловии к изданию: Grégoire de Naziance. La passion du Christ. Paris, 1969. P. 72 f.) подверглась критике (см.: Grosdidier de Matons J. À propos d'une édition récente du Christos paschon // TM. 5. 1973. P. 363–372).
- ¹⁰⁸ См.: Аверинцев С. С. Византийские эксперименты с жанровой формой классической греческой трагедии // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 255–270. Ср. еще: Hunger H. Die byzantinische Literatur der Kommenzeit // Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Östen. Akad. der Wiss. 105. 1968. № 3. S. 63–65.

- ¹⁰⁹ *Backwith J.* The Veroli Casket. London, 1962; см.: *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. S. 206–208; *Simon E.* Nonnos und das Elfenbein-Kästchen aus Veroli // *Jahrb. des Dtsch. Archäol. Instituts.* 79. 1964.
- ¹¹⁰ *Tatakis B.* La philosophie byzantine. Paris. 1949. P. 171.
- ¹¹¹ *Tatakis B.* La philosophie byzantine. P. 179 sq. О полемике Пселла с Керуларием см. подробно: *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Керулариев) // ВВ. 35. 1973. С. 93–100 [вошло в книгу: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. С. 79 и сл.]. Об учении Пселла см. также: *Вальденберг В.* Философские взгляды Михаила Пселла // Виз. сб. М.; Л., 1945. С. 250–254; *Joannou P.* Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos. Ettal, 1956; *Karahalios G.* Michael Psellos on Man and His Beginnings // *The Gr. Orth. Theol. Rev.* 18. 1973. P. 80 [автор рассматривает антропологию Пселла как производную его эпохи].
- ¹¹² См.: *Guillard J.* Le synodikon de l'Orthodoxie // ТМ. 2. 1967. P. 57–61 и комментарий (Р. 188–202). Враждебно относятся к Италу Анна Комнина и автор «Тимариона».
- ¹¹³ *Joannes Italos.* Quaestiones quodlibetales. Ettal, 1956; *Иоанн Итал.* Сочинения. Тбилиси, 1966.
- ¹¹⁴ См. о нем: *Брянцев Д.* Иоанн Итал и его богословско-философские взгляды, осужденные византийской церковью. Харьков, 1905; *Stephanou P.* Jean Italos, philosophe et humaniste. Roma, 1949.
- ¹¹⁵ *Joannou P.* Der Nominalismus und die menschliche Psychologie Christi. Das Semeioma gegen Eustratios von Nikaia (1117) // BZ. 47. 1954. S. 347 f.; ср.: *Joannou P.* Eustrate de Nicée. Trois pièces inédites de son procès (1117) // REB. 10. 1952 (1953). P. 24–27; *Joannou P.* Le sort des évêques hérétiques réconciliés // Byz. 28. 1958. P. 2.
- ¹¹⁶ *Joannou P.* Der nominalismus... S. 373.
- ¹¹⁷ *Darrrouzès J.* Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966. P. 306–308, fr. 3–9. О Евстратии см. еще: *Joannou P.* Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia // BZ. 47. 1956. P. 358–365; *Giocacinis K.* Eustratius of Nicaea's Defense of the Doctrine of Ideas // *Franciscan Studies.* 24. 1964. P. 159–204.
- ¹¹⁸ *Gouillard J.* Le synodikon... P. 202–206. О богословских спорах второй половины XI в. см. еще: *Salaville S.* Philosophie et théologie ou épisodes scholastiques à Byzance de 1059 à 1117 // EO. 29. 1930. P. 132–156.
- ¹¹⁹ См.: *Beck H. G.* Kirche und Theologische Literatur... S. 623 f.; *Gouillard J.* Le synodikon... P. 210–216.
- ¹²⁰ *Nikolaos, ep. Methones.* Logoi dyo. Leipzig, 1865. S. 31. 25–29.
- ¹²¹ *Demetrakopulos A.* Bibliotheca ecclesiastica. Lipsiae. 1866. P. 332. 19–21.
- ¹²² *Demetrakopulos A.* Bibliotheca... P. 337. 7–8.
- ¹²³ *Demetrakopulos A.* Bibliotheca... P. 348. 15. «Ты считаешь Сына меньшим Отца», — говорит он в другом месте (*Nikolaos, ep. Methones.* Logoi... P. 28. 7).
- ¹²⁴ *Demetrakopulos A.* Bibliotheca... P. 22. 24–29.
- ¹²⁵ *Demetrakopulos A.* Bibliotheca... P. 338. 3–4.
- ¹²⁶ *Nikolaos, ep. Methones.* Logoi... P. 29. 4–6.
- ¹²⁷ См. возражения Николая Мефонского: *Demetrakopulos A.* Bibliotheca... P. 355. 4–6.
- ¹²⁸ *Babuћ Г.* Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских црква // *Зборник за ликовне уметности.* 2. 1966. С. 18–

- 26, 28 и сл.; [Babić G. Les discussions christologiques et le décor des églises byzantines au XIIe siècle. Les évêches officiant devant l'Hétimasie et devant l'Amnos // *Frühmittelalterliche Studien*. 2. 1968. P. 368–386. О литургической функции образа см.: *Bornert R.* Les commentaires byzantins de la divine Liturgie du XIIe au XVe siècle. Paris, 1966. P. 227; *Taft R. F.* The Great Entrance. A History of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Vatican City, 1977].
- ¹²⁹ О Гликe см.: *Krumbacher K.* Michael Glykas. München, 1895 и рецензию В. Г. Васильевского (ВВ. 6. 1899. С. 524–537), а также: *Beck H. G.* Kirche... S. 654 f. Тюремные стихи: *Tzolakes E. Th.* Michael Glykas. Stichoi hous egrapse kath'hon kateschete kairon. Thess., 1959.
- ¹³⁰ Р. Браунинг насчитал 25 процессов против еретиков-интеллектуалов в православии Комнинов (см.: *Browning R.* Enlightenment and Repression... P. 19).
- ¹³¹ См.: *Любарский Я. Н.* Расправа императора Алексея Комнина с богомилем Василием // *Вопр. ист. религии и атеизма*. XII. 1964. С. 310–319.
- ¹³² Основные общие работы о богомилах: *Ангелов Д.* Богомилство в България. София, 1969. С. 356–420; *Loos M.* Dualist Heresy in the Middle Ages. Praha, 1974. P. 84–102; ср. также: *Obolensky D.* The Bogomils. Cambridge, 1948; *Runciman S.* The Medieval Manichee. Cambridge, 1947. Специально о богомилстве и родственных еретических движениях в Византии XI–XII вв. см.: *Ficker G.* Die Phundagiagiten. Leipzig, 1908 (ср.: *Соловьев А.* Фундајити, патарини и кудугери у византиским изворина // *ЗРВИ*. 1. 1952. С. 122–126); *Angelov D.* Dei Bogomilismus auf det Gebiete des byzantinischen Reiches // *ГСУ ИФФ*. 44. 1947–1948. С. 1–60; 46. 1949–1950, С. 1–45; *Loos M.* Certains aspects du bogomilisme byzantin des XIe et XIIe siècles // *BS*. 28. 1967. P. 39–53 (анализ данных Евфимия Перивлептского и Евфимия Зигавина); [*Gress-Wright D.* *Bogomilism in Constantinople* // *Byz.* 47. 1977. P. 163–185].
- ¹³³ *Werner E.* Geschichte des mittelalterlichen Dualismus: neue Fakten und alte Konzeptionen // *Zeitschrift für Geschichtswiss.* 23. 1975. № 5. S. 542.
- ¹³⁴ Мысль, что после трехлетнего пищевого и сексуального воздержания человек становится «чистым» и свободным от каких-либо ограничений в этой сфере, отличает, по мнению Д. Оболenskого (*Obolensky D.* Bogomilism in the Byzantine Empire // *Actes du VIe Congr. intern. d'ét. byz.* Т. 1. Paris, 1950. P. 294 sq.), учение Климента и Леонтия от обычного богомилства: она – как и тезис о спасении только монашествующих – восходит, по его мнению, к мировоззрению мессалиан.
- ¹³⁵ См. об этом: *Гроссу Н. С.* К истории византийских богомилов 12 века // *Тр. Киевской духовной академии*. 54. 1913. Сп. XII. Н. С. Гроссу утверждает (с. 610), что богомилство в XII в. не встречало «особенного сочувствия» византийского населения. М. Лоос (*Loos M.* Certains aspects... P. 41. N. 2) считает, что мистическое учение Хрисомала отличалось от богомилства.
- ¹³⁶ *Каждан А. П.* Новые материалы о богомилах (?) в Византии XII в. // *ВВулг.* 2. 1966. С. 275–277.
- ¹³⁷ *Примов Б.* Българи, гърци и латинци в Пловдив през 1204–1205 г. Ролята на богомилите // *ИБИД.* 22–24. 1948. С. 155 и сл. О полемике с византийскими богомилами в XIII в. см.: *Дуйчев И.* Едно пренебрегнато византийско известие за богомилите // *Изв. на Инст. за българска лит.* VI. 1958. С. 248 и сл.
- ¹³⁸ *Beck H. G.* Kirche... S. 614–616.

- ¹³⁹ *Darrouzès E.* Notes de la littérature et de critique, I: Nicétas d'Heraclée ho tou Serron // REB. 18. 1960 [теперь: *Darrouzès E.* Littérature et histoire des textes byzantins. London, 1972. Pt.6. P. 179–184].
- ¹⁴⁰ *Stiglmayr J.* Die «Streitschrift des Prokopius von Gaza» gegen den Neuplatoniker Proklos // BZ. 8. 1899. P. 263–301. Очень слабая работа: *Черемухин П.* Константинопольский собор 1157 г. и Николай, епископ Мефонский // Богословские труды. Т. 1. М., 1959. [См. также: *Podskalsky G.* Nikolaos von Methone und die Proklosrenaissance in Byzanz // *Orientalia Christiana Periodica*. 42. 1976. P. 509–523.]
- ¹⁴¹ *Nikolaos, ep. Methones.* Logoi... P. 8. 23–27.
- ¹⁴² *Nikolaos, ep. Methones.* Logoi... P. 44. 1–4, 27–28; 70. 27 –71. 2; 72. 6–7.
- ¹⁴³ См.: *Tinnefeld E.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971; [*Magdalino P.* Aspects of Twelfth-Century Byzantine Kaiserkritik // *Speculum*. 58. 1983. P. 326–346].
- ¹⁴⁴ См.: *Glabinas A. A.* He epi Alexiou Komnenou (1081–1118) peri hieron skeuon, keimelion kai hagian eikonon cris. Thess., 1972.
- ¹⁴⁵ *Gautier P.* Diatribes de Jean l'Oxite contre Alexis Ier Comnène // REB. 28. 1970. P. 5–55. Иоанн прямо обращается к царю, спрашивая, как тот, будучи смертным, осмеливается отдавать в дар то, что ему не принадлежит, но отдано Богу, Богородице и святым (*Gautier P.* Réquisitoire du patriarche Jean d'Antioche contre le charisticariat // REB. 33. 1975. P. 111. 286–289).
- ¹⁴⁶ *Darrouzès J.* Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966. P. 38–42; см. возражения в рецензии А. Каждана (BB. 30. 1969. С. 283).
- ¹⁴⁷ *Darrouzès J.* Documents inédits... P. 214. 5–8.
- ¹⁴⁸ См.: *Каждан А. П.* Социальные и политические взгляды Фотия // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 2. 1958. С. 128 и сл.
- ¹⁴⁹ *Каждан А. П.* Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // BB. XXVIII. 68. С. 71 и сл.
- ¹⁵⁰ *Лопарев X.* Об униатстве императора Мануила Комнина // BB. XIV. 1907 (1908); *Dyobouniotes K.* Dialogos tou patriarchou Konstantinoupolcos Michael III tou Aytokratora pros ton aytokratora tou Byzantiou Manucl I Komnenon // EEBS. 15. 1939.
- ¹⁵¹ *Darrouzès J.* Les documents byzantins du XII-e siècle sur la primauté romaine // AEB. 23. 1965. P. 79–82.
- ¹⁵² О трактатах Пселла и Атталиата см.: *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953. S. 710–713. А. Берджер (*Berger A.* Tipoukeitos. The Origin of a Name // *Traditio*. 3. 1945. P. 400 f.) считает, что «Типукит» не было официальным, авторским названием «указателя» Патциса. Этот памятник изучался преимущественно как источник для восстановления текста и схолий «Василик» (см.: *Seidl E.* Die Basiliken-Scholien im Tipoukeitos // BZ. 44. 1951; *Seidl E.* Il Tipoukeitos e gli scolii dei Basilici // *Bollettino dell'Istoria di diritto romano*. 18–19, 1956). [«Василики» (*Basilika*), т. с. «Имперские книги» – кодекс законов, составленный Львом VI, – содержал Юстиниановы Деяния, законы, установления и новеллы, расположенные по тематическим рубрикам. Социальные изменения отразились на характере схолий к нему: схолии, созданные в X в. преимущественно при дворе Константина VII, составляли отрывки из сочинений юристов VI–VII вв. и из так называемых Катен – компиляций, составленных анонимными авторами между 570 и 612 гг. Напротив, юристы XI–XII вв. писали свои собственные глоссы к «Василикам»; далее, в XI в. резко возрастает число монографий, посвященных специаль-

- ным юридическим вопросам, известно несколько анонимных трактатов этого рода, а также сочинения под именами Георгия Фобена, Гариды и Евстафия Ромея. Обзор юридических сочинений XI–XII вв. см.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur. 2. S. 461–472. – Change... P. 145–146.*
- ¹⁵³ *Svoronos N. G. La Synopsis major des Basiliques et ses appendices. Paris, 1964. P. 173. Н. Своронос связывает создание некоторых изданий с деятельностью юридической школы середины XI в., что, разумеется, чистая гипотеза. [Wolska-Conus W. L'école de droit et l'enseignement du droit à Byzance au XIe siècle: Xiphilin et Psellos // TM. 7. 1979. P. 13–53, – атрибутирует некоторые юридические сочинения (схолии Иоанна Номофилака, *Meditatio de Pactis nudis* и др.) Иоанну Ксифилину.]*
- ¹⁵⁴ *Beck H. G. Kirche... S. 146.*
- ¹⁵⁵ См. о них: *Павлов А. С.* К вопросу о хронологическом отношении между Аристином и Зонарой как писателями толкований на церковные правила // ЖМНП. 303. Янв. 1896; *Красножен М.* Толкователи канонического кодекса восточной церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892; *Stevens G. P. De Theodoro Balsamone. Analysis operum et mentis juridicae. Roma, 1969.*
- ¹⁵⁶ См.: *Weiss G. Hohe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaios und seine Kollegen // JÖB. 22. 1973. P. 117–143.* В отличие от Г. Вайса, рисующего идеализированную картину деятельности Евстафия Ромея, защитника справедливости и предтечи современных судебных чиновников, Д. Зимон подчеркивает, что, по мысли автора «Пиры», судья должен был обладать прежде всего навыками красноречивого оратора (см.: *Simon D. Rechtsindung at byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a. M., 1973. S. 32.* Ср. еще: *Iryonis S. The Peira as a Source for the History of Byzantine Aristocratic Society in the First Half of the XIth Century // Near Eastern Numismatics, Iconography and History. Studies in Honour of G. C. Miles. Beirut, 1974.*
- ¹⁵⁷ *Monnier H., Platon G. La meditatio de pactis nudis // Nouvelle revue hist. du droit français et étranger. 1913–14.*
- ¹⁵⁸ Н. Уилсон недавно отверг традиционное представление о принадлежности древнейшего минускульного кодекса Птолемея Льву Математику (см.: *Wilson N. G. Three Byzantine Scribes. P. 223.*)
- ¹⁵⁹ *Vogel K. Byzantine Science // Cambridge Medieval History. IV. Pt. 2. Cambridge, 1967. P. 273; idem. Byzanz, ein Mittler – auch in Mathematik – zwischen Ost und West // Beiträge zur Geschichte der Arithmetik / Ed. K. Vogel. München, 1973. S. 35–53.*
- ¹⁶⁰ *Heiberg J. L. Mathematici graeci minores. Copenhagen, 1927. P. 3 sq., 25 sq.; ср.: Dain A. La tradition du texte d'Héron de Byzance. Paris, 1933.*
- ¹⁶¹ *Diller A. Byzantine Quadrivium // Isis. 36. 1945–46.*
- ¹⁶² См.: *Heiberg J. L. Geschichte der Mathematik und Naturwissenschaften im Altertum. München, 1925. S. 46.*
- ¹⁶³ *Stuloff N. Mathematische Tradition in Byzanz und ihr Fortleben bei Nikolaus von Kues // Das Kuzanus-Jubiläum. Mainz, 1964. S. 423.*
- ¹⁶⁴ *Tannery P. Mémoires scientifiques. T. IV. Toulouse; Paris, 1920. P. 200.* Ноль впервые зафиксирован Пахимером на рубеже XIII и XIV в. (P. 201).
- ¹⁶⁵ *Vogel K. Byzantine Science... P. 273 f.*
- ¹⁶⁶ *Pingree D. Hephæstionis Thebani Apotelesmaticorum epitomae quattuor. Vol. II. Lipsiae, 1974. P. XXV.* Одна из древнейших астрологических рукописей – хранящаяся в Москве (ГИМ 186) – датируется XI–XII вв. (см.: *Шангин М. А.* XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей» // ВДИ.

1939. № 1. С. 181). О византийской астрологии XI–XII вв. см. общие замечания: *Boll F. Stern Glaube und Stern deutung*. Leipzig; Berlin, 1926. S. 33 [и особенно: *Tihon A. L'astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle)* // *Byz.* 51. 1981. P. 610–612]. По всей видимости, должно быть отвергнуто традиционное представление о принадлежности Цецу комментария к астрономическим таблицам Птолемея (см.: *Browning R. Tzetzes' Commentary on Ptolemy: a Ghost Land* // *Classical Review*. 15. 1965. P. 262 f. [Не ограничиваясь греческой астрономической традицией, византийцы использовали и арабские источники. В греческой рукописи 1032 г. анонимный схолиаст провел критическое сравнение между Птолемеем и «современными» (арабскими) астрономами. Другой анонимный византийский астроном, сочинение которого было опубликовано в 1070 г., не только использует труд некоего Хабаш-аль-Хашиба, но и впервые в Византии применяет в своих расчетах тригонометрические методы (Change... P. 149–150).]
- 167 *Johannes Kamateros. Eisagoge astronomias* / Ed. L. Weigl. Leipzig; Berlin, 1908; ср.: *Шангин М. А.* Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по академической рукописи // *Изв. АН СССР. Сер. 6. Т. 21. 1927. № 5–6. С. 425–432*; [*Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur*. 2. S. 241–243].
- 168 *Ferrari d'Occhieppo K. Zur Identifizierung der Sonnenfinsternis während des Petschenegenkrieges Alexios' I Komnenos* // *JÖB*. 23. 1974. P. 179–184. Отнесение К. Феррари затмения к 1084 г. небесспорно; см. еще: Я. Н. Любарский в кн.: *Анна Камнина*. Алесиада. С. 532. Прим. 752.
- 169 *Michel Italikos. Lettres et discours*. Paris, 1972. P. 278. 25–30 (см. об этом: *Wirth P. Zur Kenntniss heliosatellitischer Planetentheorien im griechischen Mittelalter* // *Hist. Zft*. 212. 1971. S. 364 f.
- 170 См.: *Шангин М. А.* О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // *Изв. АН. Отд. гуман. наук. 1930. № 5. С. 309*. Сохранился византийский компендиум по космологии, содержащий ряд неоплатонических идей: издатель А. Делятт датировал его широким временным промежутком – от VIII до XV вв. (*Delaite A. Un manuel byzantin de cosmologie et de géographie* // *Acad. Belgique. Bulletin de la cl. des lettres*. 18. 1932. P. 189–222).
- 171 *Benakis L. Michael Psellos' Kritik on Aristoteles...* P. 213–226.
- 172 *Vogel K. Byzantine Science...* P. 284.
- 173 *Taylor F. Sh. A Survey of Greek Alchemy* // *JhellSt*. 50. 1930. P. 112 f., 122; [*Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur*. 2. S. 279–282].
- 174 Изображения животных встречаются во многих иллюминированных рукописях, см.: *Théodoridès J. Remarques sur l'iconographie zoologique dans certains manuscrits médicaux byzantins et étude des miniatures zoologiques du Codex Vaticanus graecus 284* // *JÖB*. 10. 1961. P. 21–30. Автор останавливается преимущественно на рукописях X в. Рукописи сочинения Тимофея Газского «О животных» известны с XI в., компиляции зоологического сочинения Аристотеля – с X–XI вв. (см.: *Théodoridès J. Introduction à l'étude de la zoologie byzantine* // *Actes du VIIe Congr. intern. d'hist. des sciences*. Paris, 1953. P. 601 sq.).
- 175 О ранних схолиях к Страбону см.: *Diller A. The Scholia of Strabo* // *Traditio*. 10. 1954; [*idem*. Excerpts from Strabo and Stephanus in Byzantine Chronicles // *Transactions of the American Philological Association*. 81. 1950. P. 241–253].
- 176 Ф. Збордоне относит эту рукопись к середине X в. (*Sbordone F. Excerpta ed. epitomi della Geografia di Strabone* // *Atti dell' VIII Congr. intern. di st. biz.*

- T. 1. SBN 7. Roma, 1953. P. 204), Ф. Лассерп – к IX в. (*Lasserre F. Étude sur les extraits médiévaux de Strabon // L'Antiquité classique*. 28. 1959. P. 61).
- 177 Ф. Лассерп издал небольшой географический трактат Пселла, основанный на Страбоне (*Lasserre F. Étude...* P. 76–79), о Евстафии и Цеце см. p. 64–68.
- 178 *Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde*. Leipzig, 1912. S. XLI. [У Цеца и в других исторических сочинениях географические заметки опираются скорее на современные наблюдения, чем на древнюю литературную традицию. Так, Цец сообщает, что озеро Меотис называется «Кармпа-лук», что на «скифском» языке означает «город рыб», и это слово, по-видимому, действительно имеет печенежское происхождение – см.: *Moravcsik Gy (Byzantinoturcica*. 2. Berlin, 1958. S. 154).]
- 179 См. о нем: *Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur*. München, 1976. S. 38. [О путешествии Николая Музалона с Кипра в Константинополь см.: *Doanidou S. He paraitesis Nikolaou tou Mouzalonos apo tes archiepiskopes Kyprou // Ellenika*. 7. 1934. Константин Манасси описал свое путешествие из Константинополя в Иерусалим в поэме *Hodoiporikon* («Путеводитель»), см.: *Horna K. Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses // BZ*. 13. 1904.]
- 180 См.: *Temkin O. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism // DOP*. 16. 1962. P. 95–115; [*Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur*. 2. S. 305–310. Авторы XII в. противопоставляли смешных врачей, объект их насмешек, хорошим врачам, см.: *Podestà G. Le satire Lucianesche di Teodoro Prodromo // Aevum*. 21. 1947. P. 17–21; *Georges et Démétrios Tornikès. Lettres et discours / Ed. J. Darrouzès*. Paris, 1970. P. 164 f., 255. 13–14, 293. 27–28].
- 181 *Дмитриевский А. Типика*. Т. 1. Киев, 1895. С. XXX–XCI; *Gautier P. Le typicon du Christ Sauveur Pantocrator // REB*. 32. 1974. P. 8–12; см. также: *Codelas P. S. The Pantocrator, the Imperial Byzantine Medical Centre of XIIth Century A. D. in Constantinople // Bulletin of the History of Medicine*. 12. 1942. № 2. P. 392–410. По мнению А. Филиппсона (*Philipsborn A. Hieria nosos und die Spezialanstalt des Pantokrator-Krankenhauses // Byz*. 33. 1963. P. 227–230), при монастыре Пандократора был создан также лепрозорий (ср.: *Gautier P. Le typikon du Christ...* P. 110. N. 5).
- 182 *Павловић Ј.* О аптексима и фармацевтичким елементима према типу Пандократоровог манастира у Цариграду // Зборник II Конгр. фармацеута Југославија. Београд, 1956.
- 183 *Philipsborn A. Der Fortschritt in der Entwicklung des byzantinischen Krankenhauswesens // BZ*. 54. 1961. P. 356 f. О византийских больницах XI–XII вв. см. еще: *Janselme E., Oeconomos L. Les œuvres d'assistance et les hôpitaux byzantins au siècle des Comnènes*. Anvers, 1921. P. 6–20; *Павловић А.* Больнице и лече а према неким грчким типичима из XI и XII века // Неки споменици култура. IV. Смедерево, 1967.
- 184 *Brunet M.-E., P. L. Syméon Seth, médecin de l'empereur Michel Doucas*. Bordeaux, 1939.
- 185 *Литаврин Г. Г. Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. // ВВ*. 31. 1970. С. 256 [см.: *Литаврин Г. Г. Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. СПб., 1997*].
- 186 *Vogel K. Byzantine Science...* P. 290.
- 187 См.: *Успенский Ф. И. Византийский писатель...* С. 73 и сл.
- 188 Фраза эта трудна для понимания. Ф. И. Успенский (Византийский писатель... С. 73) придает ей противоположный смысл: «Дука получил хорошее научное образование, был сведущ и в свободных науках», т. е. считает, что οὐκ ἄρκυ

- λίχονϛ ὑγευμένος означает «серьезно овладеть», «коснуться не кончиком пальца». Так же понимает эти слова и Ф. Граблер (I, с. 113). См., однако, обоснование моего перевода: *Каждан А. П.* Немецкий перевод Никиты Хониата // ВВ. 32. 1971. С. 253.
- ¹⁸⁹ В некоторых редакциях «Истории» идет речь о том, что Андроник Комнин опирался на сыновей, φίλοι и родню (с. 254, прим. к стк. 21–23). Здесь опять-таки родня и «друзья» – основная опора.
- ¹⁹⁰ В таком контексте φίλια встречается в некоторых редакциях «Истории»: см. с. 225, прим. к стк. 44.
- ¹⁹¹ Некоторые добавления к индексу цитат в речах и письмах см. в моей рецензии на издании ван Дитена (ВВ. 35. 1973 (= BS. 34. 1973). С. 212).
- ¹⁹² Анакреонт, по-видимому, цитируется и в «Истории»: см. с. 171. 35 (из 16: 5).
- ¹⁹³ По всей видимости, к Диодору (17: 11) восходят слова НХ Ист., с. 93. 55, хотя они могли быть заимствованы и у других авторов.
- ¹⁹⁴ О гиперборейях, не знающих любви, и климатах Понта, славившихся в древности дурным обращением с чужеземцами, писал брат Никиты Михаил Хониат (Мих. Аком., II, с. 5–7).
- ¹⁹⁵ Странно, что ван Дитен, приводя в тексте ссылку на «Илиаду», 6: 449 (ср. также 4: 47, 165; 8: 442), в индексе (2, с. 73) определяет Приама вне всякой связи с Гомером как bellator hastatus Petebino inferior.
- ¹⁹⁶ Противопоставление Богородицы Афине рано становится стереотипом (см.: *Kaegi W. E.* Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. P. 141. N. 111). Псевдодсевой Афина названа и в речах (см.: НХ Речи, с. 96. 25–30), где она тоже противопоставлена Богородице.
- ¹⁹⁷ Сравнение с садами Алкиноя см. у Феодора Продрома (PG, t. 133, col. 1251B – 1252B).
- ¹⁹⁸ См. индекс, составленный ван Дитеном (с. 219). В отличие от этого ван Дитен не включает имя Аида в указатель к «Истории» (кроме формулы «шапка Аида») и пишет его повсюду со строчной буквы.
- ¹⁹⁹ Ср.: ὁ Κρονικός (НХ Речи, с. 90. 12) – глубокий старец. Приама в речах нет.
- ²⁰⁰ Παλιφούης – постоянный эпитет Гидры.
- ²⁰¹ *Basilikopoulou A.* Andronikos ho Komnenos kai Odysseus // EEBBS. 37. 1969–70.
- ²⁰² Тот же образ мы встречаем у Михаила Хониата (см.: Мих. Аком., II, с. 153. 18).
- ²⁰³ Та же аллюзия встречается и в «Истории» (НХ Ист., с. 249. 92–93), но показательно, что упоминания «героя» здесь нет.
- ²⁰⁴ По словам Ф. И. Успенского (Византийский писатель... С. 43), у Хониата мы «нередко можем встретиться с явными и резкими уклонениями от церковного учения»; у него имеются «мысли и выражения... совсем не христианские» (там же. С. 44).
- ²⁰⁵ См. о нем: *Van Dielen J. L.* Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates. Amsterdam, 1970.
- ²⁰⁶ *Успенский Ф. И.* Византийский писатель... С. 44 и сл.
- ²⁰⁷ Успенский ссылается в этой связи (с. 44, прим. 6) еще на одно место «Истории», но оно не имеет отношения к делу, ибо там говорится о χρόνους κακοτοιοῦς, вредоносных годах правления Андроника (с. 433. 4–5). Κακοτοιοῖ δυνάμεις – см. еще с. 576. 8.

- ²⁰⁸ В прямом соседстве с алласторами фигурируют в изданном тексте «безумные любовники» (μαλιώδες ἔρασταί), тогда как ряд рукописей даст иное чтение – безумные тельхины (с. 576, прим. к стк.10). Возможно, что отвергнутое ван Дитеном чтение все-таки лучше.
- ²⁰⁹ Каждан А. П. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // BS. 24. 1963. С. 29 и сл. (Публикуется в настоящем издании. – Прим. изд.)
- ²¹⁰ Каждан А. П. «Корабль в бурном море». К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М. 1976. С. 3–16. (Публикуется в настоящем издании. – Прим. изд.)
- ²¹¹ Doanidou S. He paraitesis Nikolaou tou Mouzalonos... S. 119. 259–266; см. об этом: Dölger F., Maas P. Zu den Abdankungsgedicht des Nikolaos Muzalon // BZ. 35. 1935. S. 6.
- ²¹² В книгах Соломоновых и патриарх Досифей находил «образы грядущего» (с. 408. 87–88).
- ²¹³ См.: Beck H. G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 203 f. Бек датирует Ахмет бен-Сирина IX–X вв. Сочинение его возникло, во всяком случае, до середины XII в.
- ²¹⁴ В рукописи (и в издании И. Беккера) φωνούτων ἀπὸ γαστρός – видимо, надо читать φωνούτων. См.: Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik... S. 169, A. 462.
- ²¹⁵ См.: Мәпп Ю. Н., Чайкин Н. И. Хакани, Низами, Руставели. Вып. II. Тбилиси, 1966. С. 181 и сл.
- ²¹⁶ См.: Успенский Ф. И. Византийский писатель... С. 49–56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предмет нашего рассмотрения был двояким: с одной стороны, это византийское общество и его культура накануне и при жизни Никиты Хониата, с другой – сам Никита Хониат. Характеристика, которую я пытался дать византийскому обществу, повернута во временном аспекте, и потому односторонняя и смещена: то, что меня интересовало в первую очередь, – динамичное начало, движение, перестройка общественной структуры и культуры на протяжении XI–XII вв. Статический момент, «общевизантийское» начало, сознательно был смещен, отодвинут в сторону, затенен, хотя и не забыт. Отрицать его существование нет ни оснований, ни необходимости – просто акцент настолько последовательно ставился именно на нем, что реакция, нормальная и естественная, рано или поздно должна была наступить.

Основные черты византийской динамики XI–XII вв. я усматриваю в двух, казалось бы, противоречивых феноменах: в укреплении как урбанистических, так и сеньориальных начал. Подчеркну еще раз: речь идет именно о динамике, а не о византийском бытии. Рассмотренное в ином повороте, в своем целостном самоопределении, в со- и противопоставлении западному миру, современному Хониату, византийское общество не только покажется, но и окажется и недостаточно урбанизированным, и недостаточно сеньориальным. Его традиционные черты (акорпоративная индивидуализированность, централизованность, статичность культурной жизни) продолжали доминировать – и все-таки они давали трещины, и новые тенденции пробивали себе путь.

Но странное дело! Несмотря на свою прекрасную репутацию большого историка, Хониат вызывал у исследователей трудно скрываемое раздражение: бросаются в глаза и давно уже отмече-

ны противоречия между Хониатом и «контрольными» источниками, между «Историей» Хониата и его собственными речами, прямые погрешности, хронологическая непоследовательность и хронологические ошибки. Одновременно с этим нельзя не видеть откровенной тенденциозности многих оценок писателя, относящихся как к отдельным лицам, так и к целым общественным группам.

Конечно, можно пытаться разобраться в этих противоречиях применительно к каждому отдельному случаю и с безжалостностью хорошо осведомленных потомков клеймить неосведомленность и недобросовестность Хониата. Но действительно ли мы имеем дело с серией частных ошибок, с банальной неосведомленностью и недобросовестностью, или нужно искать этому явлению иное объяснение? Хорошо известно, и это обстоятельство было сравнительно недавно вновь подчеркнуто Ф. Тинфельдом¹, что Хониат противоречиво характеризует личность и деятельность императора Андроника I – настолько противоречиво, что последующие историки могли, опираясь на Хониата, воссоздать идеализированный облик Андроника – крестьянского царя и представлять его коварным тираном и извергом. Подобное противоречие несводимо до уровня тривиальной ошибки, и Ф. Тинфельд с полным основанием связывает сложную характеристику Андроника с особенностями творческой манеры Хониата. Но, может быть, и иные «промахи» вытекают не из неосведомленности или недобросовестности историка, а из его представлений о задаче писателя? Так возникает второй аспект исследования – Хониат как писатель.

Этот аспект затронут куда менее первого и его направленность куда менее ясна. Перед исследователем литературной манеры Хониата открываются два, казалось бы, противоположных пути. Во-первых, можно проследить применение Хониатом традиционных художественных средств, восходящих еще к античным эстетическим нормам: именно таким путем пошел, по существу, Ф. Граблер, известный своим переводом «Истории», речей и писем Хониата. Его результат: Хониат был хорошо подготовленным ритором, хотя и не обладавшим большими природными способностями, но относившимся к своему делу ревностно и трудолюбиво². Грустный вывод, если только он не базируется на предвзятых критериях и на ложном ожидании увидеть на византийской сцене нового Фукидида или Демосфена. Мне кажется, что мера Хониата как писателя не может быть основана на степени овладения им античной ораторской техникой и антич-

ной образованностью. Близкие к Хониату по времени мозаики на галерее св. Софии, видимо, оставили бы равнодушными современников Демосфена и Фукидида, ибо в разные времена создаются разные эстетические нормы. Хониат пользовался античной ораторской техникой, но у него были свои задачи и свои художественные принципы.

Во-вторых, можно попытаться наметить особенности писательской манеры Хониата, исходя не из предвзятых «антикоподобных» критериев, а из сопоставления его с близкими ему по времени писателями, исходя не из меры овладения Хониатом традиционными техническими приемами, а из специфики использованных им художественных средств³. Идя таким путем, мы можем увидеть, что «История» Хониата обладает особой художественной структурой, что она ни в коей мере не памятник анналистического жанра, а скорее роман на историческом материале, подчиняющийся закономерностям романной прозы с ее сложностью и противоречивостью характеристик, разрывом между реальным и художественным временем, амбивалентной ироничностью речи.

И тут мы подходим к третьему аспекту. Если сочинения Хониата – не просто умелое воспроизведение античных образцов*...

¹ Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik ... S. 174–177.

² Grabler F. Niketas Choniates als Redner // JÖBG. 11–12. 1962–1963. P. 78. Cp. Grabler F. Das Zitat als Stilmittel bei Niketas Choniates // Akten des XI Intern. Byzantinischen-Kongresses. München, 1960.

³ Я пытался поставить некоторые связанные с этим вопросы в частных исследованиях: Роберт де Клари и Никита Хониат (Некоторые особенности писательской манеры) // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 294–299; «Корабль в бурном море» (К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей) // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 3–16; Цвет в художественной системе Никиты Хониата // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 132–135. Опыт предварительной общей характеристики Хониата как писателя см. в моей работе «Книга и писатель в Византии» (М., 1973. С. 82–119). (Все упомянутые статьи публикуются в этом издании. – Прим. изд.)

* На этом машинопись обрывается. – Прим. изд.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НИКИТА ХОНИАТ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

[13 апреля 1204 г. войско участников Четвертого крестового похода захватило Константинополь. Потеряв столицу на Босфоре, Римейская империя временно прекратила свое существование. Граф Балдуин Фландрский взошел на трон василевсов, а немного спустя венецианец Томмазо Морозини стал первым латинским патриархом в городе, который всегда был главным оплотом восточного христианства.

Как могло случиться, что могущественная империя была завоевана, а ее неприступная столица сдалась почти без боя? В уже ставшем классическим учебнике Георгия Острогорского можно найти убедительную теорию, которая объясняет причины происшедшего (кстати сказать, эта теория заимствована из трудов русских византистов дореволюционного периода). По мнению Острогорского, Византийская империя достигла наивысшего могущества в X в., когда императоры активно укрепляли ядро византийского общества, которое составляли крестьянство и войско – те, кто платили налоги и вели войны; а слабые правители XI в., уступив западному влиянию, пошли по пути развития феодального строя и тем самым подготовили кризис XII в. и падение Константинополя.

Однако два обстоятельства не вписываются в эту стройную теорию. Прежде всего, западное войско, занявшее Константинополь в 1204 г., было феодальным; почему же та система, которая делала сильными западных рыцарей, должна была ослабить византийских правителей? Вторая проблема более сложная. XII век, породивший катастрофу 1204 г., отнюдь не был периодом упадка.

Уже во времена Острогорского было хорошо известно, что в XII в. Византия пережила настоящий культурный расцвет; теперь же начинают говорить о некоем «предвозрождении» в Византии XII в., сопоставимом с культурной «революцией», происходившей в то же время на Западе. Еще большее значение приобретает другой вывод, сделанный в последние десятилетия: XII век был периодом экономического подъема и экспансии как в городах, прежде всего провинциальных, так и в сельской местности.

Об этом изменении традиционных представлений пишет в своей недавно вышедшей книге П. Магдалино¹. Вслед за Магдалино мы можем заключить, что Византия в середине XII в. была процветающей страной, могущественной соперницей Германии, богатой в финансовом и культурном отношении. Но тогда что же случилось за четверть века, прошедшую после смерти Мануила I?

В XII в. перестали существовать последние универсалистские монархии средневековья – державы Генриха II Плантагенета в Англии и Фридриха I Барбароссы в Германии. Оба монарха были выдающимися государственными деятелями, но их политика закончилась крахом, ибо время универсалистских монархий уже прошло. На Западе возникли национальные государства: первой была Франция, вскоре ее примеру последовала Англия. В Византии же после Мануила все сохранялось по-прежнему; и, что еще хуже, Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила, завладевший престолом в 1183 г., нашел способ уничтожить военную аристократию и провинциальные города – те здоровые силы, которые обеспечивали процветание страны при Мануиле. Андроник и царствовавшие после него Ангелы вернулись к традициям управления докомниновской эпохи, которые выглядели анахронизмом в конце XII в. Евнухи и чужеземцы вновь были призваны на высокие придворные должности, а члены царской фамилии – истреблены физически или отстранены от власти. Наступило засилье бюрократии в ее худшей форме. Иными словами, не западный феодализм, как считал Острогорский, был причиной крушения Византии; наоборот, именно из-за слабости феодального развития, отступления от него после смерти Мануила империя осталась беззащитной перед вторжением крестоносцев.

13 апреля 1204 г. латинские рыцари вошли в Константинополь. Они стали обладателями несметных богатств, собранных в «царстве городов» (так греки гордо именовали свою столицу); в руках латинян оказались храмы, церковное убранство и утварь,

дворцы и сокровищницы, мастерские и лавки, вдовы и дочери побежденных. Победители с презрением смотрели на побежденных, чьих обычаев и верований они не понимали и на чьем языке они не говорили. Многие жители Константинополя, обездоленные и униженные, пытались бежать из города в отдаленные провинции, где еще не угасли очаги сопротивления, – на острова Эгейского моря, в горы Эпира, в Понт и Никою.

В числе тех, кто покинул Константинополь вскоре после падения города, была и семья Никиты Хониата. В суматохе, возникшей при вторжении латинян, родственники и друзья Никиты сбежались к нему в дом, находившийся в квартале Сфоракий, возле Форума. Спаслись они случайно,] благодаря помощи какого-то венецианского купца, давно уже жившего в Константинополе и сохранявшего к Никите приятельские чувства: он выдал Хониатов и их друзей за своих пленников, а затем помог им покинуть разграбленный город.

В этот момент произошло событие, по-видимому, обычное для тех тревожных дней: какой-то варвар схватил красивую девушку, находившуюся среди спутников Хониата, и потащил к себе домой. Казалось бы, что можно было сделать побежденным, кучке невооруженных людей, в городе, наводненном латинскими рыцарями? Рыдать, рвать на себе волосы, умолять о помощи? Так поступил большой старик, отец похищенной девицы, не так – Хониат. Он побежал к дому варвара, собрал толпу, обрушился на похитителя с обвинениями, и тот – как ни удивительно – испугался угроз и уступил. Это по рассказу самого Хониата, а если поверить его биографу и брату, безоружный защитник похищенной просто вырвал ее из рук варвара – подвиг, который, по словам биографа, превосходит деяния Геракла и ветхозаветных героев Симеона и Левия (см. Быт. 34: 25).

Но оставим в стороне византийскую страсть сравнивать дела века нынешнего с поступками мифологических и библейских персонажей. В конце концов, даже не сопоставляя действия Никиты Хониата с победами Геракла над львом или Гидрой, мы не можем отказать нашему византийцу ни в смелости, ни в находчивости. Сколько людей прошло бы (и в самом деле проходило) мимо в такой ситуации, смущенно потупив взор и подавляя укоры совести. Хониат рисковал жизнью и в этом неравном столкновении победил.

Кто же он был, этот смелый и честный человек, один из самых больших византийских прозаиков, историк, оратор, политический деятель?

Никита Хониат родился около 1150–1155 гг. в малоазийском городе Хоны (возникшем, по-видимому, на месте древних Колосс), в семье, по всей вероятности, принадлежавшей к местной знати, – во всяком случае, его восприемником при крещении стал сам митрополит Хонский. Старший брат Никиты, Михаил, был предназначен к духовной карьере, и в 1182 г. он занял афинский митрополичий престол. Известен еще один Михаил Хониат: в 1199 г. он вместе с братом Константином, а также со своей женой и с женой Константина подарил храму Богородицы Милостивой рукопись, ныне хранящуюся в Петербурге, – но кто эти Михаил и Константин Хониаты и состояли ли они в родстве с Никитой, сказать затруднительно.

Учиться девятилетнего Никиту отправили в Константинополь, где уже жил в ту пору его старший брат. Никита готовился к административной деятельности: он изучал риторику и юриспруденцию. О начале его служебной карьеры упоминает его брат Михаил в послании, написанном около 1180 г.: Никита был направлен податным чиновником в какую-то отдаленную область, подвластную Византийской империи, – возможно, в Матрахи, русскую Тмутаракань.

При малолетнем императоре Алексее II (1180–1183) Никита – при дворе, он занимает пост императорского секретаря. Это уже начало большой карьеры, но она внезапно прерывается. В Константинополе происходит переворот: Андроник Комнин приходит к власти, сперва в качестве регента при малолетнем Алексее, затем – соправителя, наконец – единовластного государя.

Недолгое царствование Андроника I (1183–1185), сопровождавшееся суровыми расправами с византийской знатью, с людьми, часто близкими Хониятам, произвело на молодого чиновника страшное впечатление. Позднее в «Истории» он посвятит этому времени много горьких страниц. При жизни Андроника он не примкнул к тем, кто славословил всемогущего императора, хотя даже его брат Михаил участвовал в этом восторженном хоре. Никита же вышел в отставку. Судьба благоприятствовала ему: он не был ни арестован, ни ослеплен, а вскоре Андроника свергли, и Никита смог возвратиться на службу.

Новый правитель, Исаак II Ангел, на первых порах обещал либерализацию. Он запретил, в частности, смертную казнь и членовредительские наказания. Подданным показалось, как писал позднее Хониат, что весна сменила зиму и после бури наступила тихая погода: со всей страны в Константинополь стекались воины и чиновники, желавшие служить новому государю.

Теперь Никита Хониат пошел в гору: придворный оратор, наместник Филиппополя, один из высших судей империи – так называемый судья вила, наконец, логофет секретов – глава столичных канцелярий, нечто вроде нынешнего премьер-министра. Он был богат. Только в столице ему принадлежали два дома: один, огромный и красивый, в квартале Сфоракий, неподалеку от Месы, главной улицы Константинополя; другой, более скромный, в непосредственной близости от храма св. Софии. Ему принадлежала домашняя церковь. Многие столичные дамы засматривались на Никиту, а их отцы и братья искали его внимания. (Он женился со временем на сестре своих друзей – видных чиновников Велисаритов.)

И все это рухнуло вместе с Византийской империей, рухнуло в апреле 1204 г. Пешком, в сопровождении немногочисленных слуг, унося детей на руках, [Хониат и его близкие покинули Константинополь. В дороге они испытали на себе жестокость судьбы, терпя обиды и насмешки жителей окрестных деревень, которые старались продать беженцам необходимые продукты питания как можно дороже. Через фракийский город Силимврию семья Хониата направилась в Никею, где будущий император Феодор Ласкарь собирал силы для сопротивления крестоносцам.

Никита не имел успеха при дворе Феодора, хотя речи, которые он произносил перед царем, были полны словословий. Семья его бедствовала. Его брат Михаил, бежав из Афин, захваченных крестоносцами, жил на острове Кеос и постоянно жаловался на бедность в своих остроумных письмах. Смерть уносила самых близких друзей Никиты. Сам он умер, по-видимому, весной или летом 1217 г.²

Перу Никиты Хониата принадлежат многочисленные письма, адресованные различным высокопоставленным чиновникам, таким, как Василий Каматир и Феодор Ириник; восемнадцать речей, произнесенных в Константинополе и Никее (некоторые из них – неофициального характера, как, например, надгробная речь сыну); а также изданное пока только в отрывках «Сокровище православия»³ – богословское сочинение, в котором опровергаются все ереси, вплоть до современных автору. Но главное сочинение Хониата – это «История»⁴. Сам он дал ей заглавие «Хроника» (Χρονική διήγησις), подобно тому как Пселл назвал свое основное произведение «Хронографией». Следует помнить, что византийцы никогда не проводили четкой грани между рассказами о современных им событиях и летописными повествованиями, начинавшимися с сотворения мира или пришествия Христа.

Византийские историки смотрели на прошлое как на непрерывный процесс и выстраивали свои сочинения как звенья единой цепи: «История» Хониата является продолжением «Алексиады» Анны Комнины; в свою очередь продолжателем Хониата стал Георгий Акрополит, рассказавший о недолгом существовании греческого государства с временной столицей в Никее.]

«История» Никиты Хониата охватывает большой, почти столетний, отрезок времени – от смерти императора Алексея I в 1118 г. до военной экспедиции латинского императора Генриха Константинопольского против болгар в 1206 г. Сочинение распадается на [19 книг (или обширных глав)]. Первая, сжато повествующая о событиях царствования Иоанна II Комнина (1118–1143), опирается главным образом на письменные источники [и имеет много общего с историческим сочинением Иоанна Киннама, секретаря императора Мануила I Комнина и старшего современника Хониата⁵. Содержание остальных частей основывается либо на рассказах очевидцев (на которых Никита постоянно ссылается), либо на архивных документах] (историк приводит или пересказывает некоторые письма государей и вельмож, например переписку Исаака II Ангела с Фридрихом Барбароссой) либо, что самое ценное, на его собственных наблюдениях. Лишь некоторые части «Истории» восходят к литературным свидетельствам: например, эпизод взятия Солуни норманнами в 1185 г. основан на повести Евстафия, митрополита Солунского, близкого друга Михаила Хониата.

[Χρονική διήγησις, несомненно, является одним из самых значительных исторических сочинений средневековья. В отличие от хроники, написанной Феофаном в IX в., «История» не носит «универсального» характера: Хониат ничего не сообщает об истории соседних государств и не делает специальных отступлений, чтобы рассказать о событиях, происшедших за пределами Византии; если он говорит о Венгрии, Италии или Египте, то только в связи с отношениями греков с этими странами. Интерес Хониата сосредоточен на Византийской империи и ее судьбе; но его кругозор не ограничивается дворцовыми интригами, как в «Хронографии» Михаила Пселла. Он много пишет о Константинополе, но при этом хорошо осведомлен и о жизни в провинции. Разумеется, он подробнее пишет о том, с чем лучше знаком. Стоит отметить, например, различия в описании городов Греции и Малой Азии: если о греческих городах сообщаются типично «городские» сведения (о торговых связях, о внутригородском устройстве), то малоазийские рассматриваются главным образом как резиденции епископов, крепости и сельскохозяйственные центры.

Многие сведения Хониата являются уникальными, и мы не можем определить, насколько они достоверны. Кроме того, историк не просто фиксирует события, но и рисует образы людей, творивших историю. Часто его отношение необъективно; однако он тонкий наблюдатель, сообщающий мельчайшие подробности о войнах, дипломатической деятельности и интригах в Византии своего времени. Собранные им анекдоты могут быть вымышленными, а образы героев – искаженными, но основные черты византийской жизни изображены с большой точностью, а вернее сказать, «со страстью и гневом».]

«История» – плод многолетнего труда. Конец ее, разумеется, создан уже после трагических событий 1204 г., причем, по всей видимости, в несколько приемов. оплавав падение Константинополя, Никита хотел было остановиться, чтобы не воспевать, по его собственным словам, деяний варваров и битвы, проигранные эллинами, но возобновил свой рассказ, когда узнал о разгроме латинян болгарскими войсками 14 апреля 1205 г.

[Я. Л. ван Дитен, детально изучивший многочисленные рукописи «Истории», разделил их на три основные «семьи», причем различия в рукописях были связаны с авторской переработкой текста. По мнению ван Дитена, Никита переписал свое сочинение после 1204 г. с целью смягчить критический настрой, особенно в разделе, посвященном царствованию Алексея III Ангела (1195–1203). Трудно определить, когда Никита начал свой труд; ван Дитен полагает, что это едва ли могло случиться до свержения Андроника I, о котором в одной из первых глав говорится, что он «впоследствии захватил трон ромеев» (НХ Ист., с. 116. 61–62). С другой стороны,] слова Хониата о том, что ныне можно видеть в долине Меандра кучи костей – останки воинов, павших в 1147 г. (с. 71. 64–67), или что в Сицилии и поныне остаются в рабстве фивяне и коринфяне, уведенные в плен норманнами в том же 1147 г. (с. 98. 7–11), – слова эти вряд ли были написаны уже очень много лет спустя после событий 1147 г.

Как часто у нас бытует представление о средневековом летописце, как о бесстрастном регистраторе событий, не вносящем в повествование ни крохи личного, субъективного. Разумеется, тенденция к подобной «объективизации» изложения свойственна многим средневековым памятникам, однако не «Истории» Хониата. Личность автора проступает здесь не только в выборе формы, не только в упоминании им некоторых эпизодов из собственной жизни (и в частности, уже известного нам эпизода, связанного со спасением девушки-гречанки в захваченном крестоносцами

Константинополе), но и косвенно (может быть, не всегда осознанно) – в подборе материала.

Приглядимся хотя бы к географии сочинения Хониата. Далеко не безразличен он к разным областям Византийской империи: [у него есть свои любимые места]. Чаще всего Никита упоминает те, с которыми так или иначе сопрягается, соприкасается его жизненный путь. [Если не считать Константинополя, «царицы городов» и места, где он сделал успешную карьеру, то] прежде всего это «мои Хоны», родина, [упомянутая не менее десяти раз;] а затем города по реке Меандр, расположенные по соседству и, видимо, с детства знакомые; помимо того, Филиппополь, где некоторое время Хониат служил наместником. [Отдельно говорится о Солуни, втором по величине и значению городе Византии;] остальные города и районы появляются реже, довольно sporadично. Эта субъективная неравномерность распределения географической номенклатуры становится особенно заметной при сопоставлении труда Хониата с книгой [уже упомянутого] Иоанна Киннама, рассказывающего о царствовании Иоанна II и Мануила I (книга обрывается около 1176 г.).

И то же самое можно сказать об отборе персонажей. Многократно Хониат вспоминает судебных и особенно так называемых судей вила. Император Мануил I назначал [невежественных полуварваров, едва знающих по-гречески, не только на «верховные должности», но даже судьями, как будто они были знатоками в области права (с. 204. 10 – 205. 15)]. При Андронике I судьи являлись опорой узурпатора; [некоему судье вила («Я опушу его имя», – замечает Хониат) был доверен пост начальника прошений, поскольку он был верным слугой императора (с. 270. 27–29); был назначен судьей вила и другой приспешник Андроника, Иоанн Апотир (с. 341. 55–58). Судьи вила Димитрий Торник, Лев Монастириот и Константин Патрин отказались потворствовать всем прихотям императора и попытались защитить вдову Мануила I (с. 265. 3 сл.). Некоторые судьи вила отказались ехать заложниками к Фридриху Барбароссе, и их имущество было конфисковано (с. 411. 90 сл.)]. Некий судья вила («Я сознательно опушу его имя», – опять говорит Хониат) опозорил себя угодничеством перед Феодором Кастамонитом (с. 438. 57 сл.). Ни одна из должностей не упоминается Хониатом столь часто, и не удивительно: ведь он сам занимал пост судьи вила и интересы судебных ему особенно близки.

Индивидуально окрашено и отношение Хониата к возрасту – к юности и старости, отношение, постепенно меняющееся по мере писания «Истории». В первых книгах старость вызывает

постоянную иронию, более того – враждебность. О ненавистном ему Андронике Комнине писатель все время говорит: «старый», «дряхлый», «плешивый», «грязный старик, древнее Тифона и Кроноса», – по меньшей мере 14 раз поминается старость Андроника! С насмешкой пишет Хониат о лысом старике Иоанне Дуке, дяде императора Исаака II Ангела, который добивался короны, но был отвергнут плебсом, не желавшим иметь государем дряхлого старика (с. 345. 94 сл.). [Впоследствии толпа посмеялась над ним, когда во время одной из процессий престарелый Дука уронил с головы венец севастократора, выставив всем на обозрение свой лысый череп, светившийся, подобно луне.] «Разве я вовсе потерял рассудок от старости?» – заставляет Хониат сказать Иоанна Дуку. И старость врага империи, уродливого султана Килич-Арслана II (1156–1192), подчеркивает Никита – «злосчастную старость» султана, под конец жизни низложенного собственными детьми (с. 413. 38–70). И старость Иоанна Кондостефана, неудачно командовавшего походом на Кипр. И старость патриарха Никиты Мундана, которая вместе с простоватостью оказалась причиной его смещения. Наконец, предсказателя Василиаки Хониат именует «болтливым старикашкой» и с пренебрежением описывает пьяных старух из окружения Василиаки (с. 449. 38 сл.). Но в конце «Истории» тема старости исчезает. Только о венецианском доже Энрико Дандоло Хониат говорит как о древнем старике, [коварном и хитром,] называвшем себя мудрейшим из мудрецов.

Совсем иное отношение к юности. В первых книгах, где, правда, время от времени вспоминаются пороки молодого возраста, молодость в общем воспринимается позитивно. Молодой Мануил I всем любезен – и приятностью юного лица, и разумностью своих решений. И хотя многие сомневались, сумеет ли он, чьи щеки еще покрыты первым пушком, управлять государством, митрополит Хонский, воспитанник Никиты, заявил: [«Этот юноша будет править империей... Воистину это решено и предопределено Богом» (с. 219. 89–90)]. И любопытно, что Никита нигде не упоминает о старости Мануила, несмотря на то что тот был сверстником «дряхлого, как Тифон и Кронос», Андроника Комнина.

Не только юность Мануила привлекательна. Константин Дука, по мнению Хониата, – многообещающий юноша. Говоря об от важном полководце Конраде Монферратском, Хониат отмечает его цветущий возраст. С сочувствием пишет Хониат о судьбе молодых людей – Феодора Ангела и Мамала, несчастных жертв Андроника I.

А затем восприятие юности меняется: из явного достоинства она превращается в недостаток. [Слово νεότης («юность») появляется три раза во второй части «Истории». Хониат говорит о «буйной νεότης», свойственной мятежникам; на Константина, двоюродного брата Исаака II, нельзя было положиться из-за его νεότης; дочери Алексея III страстно желали повторно выйти замуж по причине своей νεότης. «Молодой и своенравный» Михаил, внебрачный сын севастократора Иоанна, поднял мятеж против Алексея III, но потерпел поражение и бежал к туркам; молодой севастократор Исаак ринулся в бой, не оценив сил врага.] С нескрываемой злобой Хониат клеймит фаворита Исаака II – «мальчишку, еще нуждавшегося в учителе азбуки и учебных табличках для письма», только недавно оставившего тростниковое перо и чернила, сразу, чуть не с пеленок, дорвавшегося до кормыла власти. Он осуждает Алексея IV – молокососа не только по возрасту, мальчишку легкомысленного и невежественного. Он упоминает какого-то юношу, несправедливого, не ведающего законности, причинившего массу зла родной Аттике. [Существительное νεῖραξ («юноша», «отрок») и связанные с ним слова в первых восьми главах четыре раза употребляются в положительном или нейтральном значении. В центральных главах (от Андроника I до первой книги об Алексее III) слово «отрок» три раза используется для обозначения невинной жертвы. Рассказывая о событиях, происшедших со времен Андроника I до второго царствования Исаака II, Хониат шесть раз употребляет то же слово в ироническом контексте. В восьми случаях оно имеет негативный оттенок, причем все данные примеры находятся между последней главой об Исааке II и концом «Истории». Молодые люди во второй части сочинения Хониата – это дурные правители, никудышные военачальники, неучи, неспособные внять доброму совету.] Пожалуй, только для молодого Феодора Ласкаря, будущего императора, сделано исключение – он назван «дерзким юношей, неукротимым в битвах».

Итак, молодой Хониат смеялся над старостью и ценил юношеские доблести. По мере того как он становился старше, его взгляды менялись: молодость открывала свои пороки, старость – свои достоинства. Что это? Сознательная и продуманная программа? Вряд ли. Скорее всего, неосознанное смещение в психике, подвижное отношение к окружающему миру.

Живое, личное, индивидуальное в повествовании Хониата проявляется в ощущении постоянного авторского присутствия, которое выражается не только в упоминании о себе или в подборе

материала, но и в активном отношении к собственному повествованию.

Автор без конца напоминает о себе. То скажет: «Я думаю», то заметит: «Это я вставляю», то, наоборот: «Этого имени я не назову». Иногда он пишет: «Не знаю, истинно ли это»; иногда, напротив, просит читателя поверить ему и подтверждает свои слова ссылкой на какое-нибудь событие. В других случаях Хониат не без известного кокетства словно устраняется от оценки и вкладывает ее в уста одного из своих персонажей. Не автор, а норманнский граф Алдуин смеется над Исааком Ангелом, не сведущим в военном искусстве, ибо с детских лет он привык не к оружию, а к воощке и стилю (с. 365. 64). Не автор оценивает династию Ангелов, а в уста «влахов» (по-видимому, речь идет о болгарах) вкладывает он молитву о долголетьи этой династии, ибо они надеялись при Ангелах добиться политических успехов (с. 436. 65 сл.).

Разумеется, отмечая элементы личного, субъективного в творчестве Хониата, я отнюдь не собираюсь подтягивать его к литературным нормам нового времени, когда стремление к индивидуализации стало осознанным, а отстранение возводилось в художественный принцип. Субъективность Хониата скромнее, она словно пробивается сквозь толщу стереотипов и унаследованных, готовых, давно сложившихся формул, через традиционные суждения и общеобязательные оценки.

Рука Божья, воля Господня, гнев Божий, воздаяние за грехи – все эти (и родственные им) понятия определяют, согласно Хониату, ход событий. Это естественно и нормально для XII [и XIII] столетий, когда христианство было общей знаковой системой Европы. Но любопытно, что сквозь традиционно-теологическую систему взглядов Хониата [(нужно помнить, что он также был автором «Сокровища православия»)] пробиваются неожиданно скептические, вольно фрондирующие, иногда насмешливо-иронические пассажи.

В 1176 г. Мануил I потерпел сокрушительное поражение от сельджуков в битве у Мириокефала; рассказывая об этом сражении, Хониат внезапно называет императора «хранимый Богом» (с. 173. 82–83). Как же «хранимый», если битва проиграна? И еще раз, повествуя о походе Исаака II против болгар в 1195 г., Хониат сообщает, что император «препоручил себя Богу» (с. 447. 79–80). Нейтральная фраза, которую легко принять за стереотип, но в конкретном контексте она оборачивается скепсисом, насмешкой – ведь поход завершился низложением и ослеплением Исаака. Эта

скептическая нотка усиливается благодаря тому, что писатель настойчиво подчеркивает благочестие помыслов государя: Исаак хотел в случае победы отнести успех за счет Божьего расположения и готов был вместе с тем принять решение Господа, если бы тот сулил поражение. Весь текст пронизан библейскими аллюзиями: Хониат говорит о «желе нечестивых», вознесенном над «жребием праведных» (Пс. 124: 3), пользуется характерным для книги пророка Иезекииля клише «обратить лице» (Иез. 6: 2; 13: 17 и др.). Больше того, стремясь приблизить повествование к библейскому образцу, Хониат рассказывает, что у Мануила и – в другой раз – у Исаака съехал на сторону или свалился шлем, и добавляет: «Словно некогда Давиду, Господь покрыл ему голову в день брани» (аллюзия на Пс. 139: 8). «Покрытие головы», таким образом, из возвышенной метафоры становится чуть ли не будничной реальностью, поскольку голова и того и другого государя буквально обнажилась в пылу битвы, и в результате противоречие высокого, библейского низменному приобретает особенно ироничный оттенок.

Еще показательнее другой эпизод, тоже относящийся к царствованию Исаака II. Мятежные войска Алексея Враны подступили к Константинополю. Исаак собрал монахов, рассчитывая с их помощью умолить Господа прекратить гражданскую войну. Он возлагал все надежды на «всеоружие Духа» (с. 383. 90). Казалось бы, благочестиво и соответствует средневековому умонастроению. Однако Хониат усматривает в действиях императора «недостойную вялость» и противопоставляет ей позицию Конрада Монферратского, убеждавшего Исаака уповать не на одних монахов, но и на войска, не только на оружие в правой руке (аллюзия на II Кор. 6: 7), но и на оружие в левой – на меч и панцирь.

И еще одна история: Хониат со своими спутниками уходит из занятого крестоносцами Константинополя. После трудностей и испытаний беглецы наконец оказались на свободе, и тут спутники писателя возблагодарили Бога за спасение. «Я же, – продолжает Хониат, – бросившись как был наземь, только порицал стены [за их бесстрашие]» (с. 591. 12 сл.). Нет, он не забывает о Боге: все свершилось, замечает Хониат, не по воле случая, но согласно Божественному решению, и, пересказывая свою речь, обращенную незадолго до того к латинянам, упоминает о «слезах, которым внимает Бог». Но все-таки в решительный момент, в момент спасения, он думает (как Конрад Монферратский) не о Боге, но о крепостных стенах.

И, может быть, еще существеннее, чем подобные элементы религиозного скепсиса, неосознанно вольное использование библейских образов или теологической терминологии в ситуациях, для этого совершенно не подходящих. Ростовщик Каломодий уподобляется райскому древу познания, плоды которого некогда соблазнили прародителей, – ведь блеск его золота манил чиновников царской казны (с. 523. 58–60). Немцы кинулись в погоню за ромеями, стремясь найти ищущего. Здесь явная аллюзия на известные слова Иисуса в Нагорной проповеди: «Ищите и найдете» (Мф. 7: 7). Ищущими же ромеи названы потому, что они готовили немцам засаду. Как, однако ж, переосмыслены, как секуляризованы евангельские слова, в какой неожиданно отстраненный контекст они помещены! И когда сельджуки названы «ловцами человеков» (аллюзия на Мк. 1: 17), и когда к смуглому Мануилу I прилагаются слова «Песни песней» (1: 4–5): «Черная и красива... ибо солнце опалило меня», – разве это не секуляризация Библии? Рассказывая, как арестованному Андронику Комнину изготовили по восковому слепку ключ от его темницы, Хониат озорно наполняет рассказ богословскими терминами «архетип», «подобие», «точный образ» (с. 129. 37–38). А чего стоит сравнение священных хоругвей, выносимых из храма св. Софии, с молоком, привлекающим мух!

Суеверия, гадания, гороскопы, астрология вызывают самые злые насмешки Хониата. Он издевается над верой в существование неблагоприятных дней, опасных букв, несчастливых цветов. Он хвалит Андроника Кондестефана, решившегося дать сражение венграм несмотря на запрет императора, по мнению которого, день был выбран вопреки знамениям и потому сулил неудачу (с. 154. 43 сл.). Хониат потешается над юродивым пророком Василиаки, славившимся своими чудачествами не меньше, чем предсказаниями: он хватал женщин за грудь, задира л им платье, на вопросы отвечал прыжками и даже государю не оказывал ни малейшего почтения (с. 448. 17 сл.). Никита смеется, но, если взглядеться повнимательнее, он и побаивается колдунов и предсказателей, ибо их пророчества того и гляди сбудутся.

Нет, конечно, я не имею целью утверждать, что Никита Хониат был свободомыслящим. Он ужаснулся бы, если бы услышал подобный домysel. Он был религиозен, как его современники, он жил богословскими спорами, он чтит Библию и молился Богу. И тем, пожалуй, показательнее, что в его повествование, в его образную систему врывается, проникает смутное и неосознанное, абсолютно несистематизированное сомнение. Оно питалось

в какой-то степени античными идеалами и образами, почерпнутыми Хониатом у высоко чтимых им классиков: недаром он считает возможным рисовать картину переправы душ через Ахеронт (с. 624. 10; ср. 134. 94) или сопоставлять икону Богоматери, водруженную на разукрашенную колесницу, с языческой богиней – воительницей и девой Афиной (с. 158. 71). А вместе с тем сомнения естественно возникали у художника, воспитанного, как и все его современники, в убеждении, что он принадлежит к избранной части человечества, и пережившего мучительную эпоху ослабления и распада Византийского государства – эпоху, завершившуюся взятием Константинополя иноземцами, варварами, «грязной гольтьбой». Как он ни убеждает себя, что падение Константинополя – результат Божьей кары, которая в грядущем обратится на сами орудия Божьего гнева, превзошедшие меру в своей жестокости, как ни надеется на милосердие Божье к византийцам, он не может уйти от мысли, что трагедия Византии – закономерное завершение длительной эпохи, в которую он жил, и ожидание катастрофы, мы это еще увидим, пронизывает всю его «Историю».

Яснее, чем религиозный скепсис, проступает в книге Хониата политический скепсис, сомнения в божественности государственной власти.

Божественность императорской власти – один из коренных элементов официальной доктрины или даже, можно сказать, государственной религии в Византии. Эта официальная доктрина всего отчетливее сформулирована византийскими ораторами, разработавшими длинную серию стереотипов, связанных с императорским культом: прославление царского милосердия, щедрости, военных успехов; прославление золотого царского пота, пролитого на благо подданных; сравнение императора с великими героями прошлого – греческим царем Александром Македонским и еврейским царем Давидом; сравнение государя с весной, морем и особенно с солнцем; наконец, сравнение царя с Христом, с Богом. Вся эта терминология, присущая императорскому культу, представлена и в речах Никиты Хониата: «Равный Господу царь», – говорит он об Алексее III, и еще раз в той же самой речи: «За твое сострадание я дерзну сблизить тебя с самим господом Христом» (НХ Речи, с. 58. 24–25). В другой речи он сопоставляет победы Алексея III с гласом Господним, высекающим пламень огня (НХ Речи, с. 111. 24; имеется в виду Пс. 28: 7), или с тем, как Господь сошел на землю и смешал язык людей (НХ Речи, с. 111. 24–25; аллюзия на Быт. 11: 7), а об Исааке II он недву-

смысленно заявляет, что тот получил власть не по человеческому замыслу, но от Бога.

Совсем по-иному и совсем не традиционно трактует Хониат императорскую власть в «Истории». Разумеется, стереотипы императорского культа можно обнаружить и здесь, – но вот что любопытно: они вложены обычно в уста персонажей Хониата, подаются в прямой [(в терминологии Бахтина – «чужой»)], а не в авторской речи. Это Исаак II называет себя помазанником Господа, а Константин Трипсих, приспешник Андроника I, объявляет самодержавие божественным. Сам же Хониат высмеивает, например, свойственное царям заблуждение, будто Господь дал им право посылать тысячи подданных на убой, словно скот. Он осуждает царей, стремящихся распоряжаться государством, словно отчим достоянием, и трактующих подданных как рабов. Он возмущается царями, что предаются праздности, храпят слаще Эндимиона (героя греческого мифа, усыпленного юноши) и с утра садятся за пиршества, тогда как дела страны идут все хуже и хуже. Он обрушивается на царскую роскошь, на безрассудные траты, на несправедливость и подозрительность монархов. [«Сильные мира сего, – пишет он, – поистине подобны соснам с высокими кронами: как те при слабейшем дуновении ветерка шелестят иглами на своих ветвях, так и властители подозревают всякого, кто хвалится своим богатством... Если человек прекрасен, как статуя, или говорит, как сладкоголосая птица, или учтив в обращении, то венценосец теряет и сон, и покой...» (НХ Ист., с. 143. 46 сл.)]. И в самом общем виде Хониат констатирует: всевластие самодержцев лишает их в конце концов рассудка.

В серии царских образов, созданных Никитой Хониатом, особое место занимает характеристика Андроника Комнина. Двоюродный брат Мануила I, он вырос у самого подножия трона, он получил все, что можно было, – образование, власть, богатство. Природа наделила его красотой, но не только ею; она наделила его жгучей жаждой, которая заставляла его спешить, искать, добиваться. Он добивался женщин, до старости подстегивая себя лекарственными снадобьями; он искал денег и брал в долг у итальянских ростовщиков; он жаждал престола, и Мануил не без оснований видел в двоюродном брате опасного соперника. Андроник пережил тюрьму, бежал на Русь, примирился с Мануилом, был назначен наместником, познал горечь военного поражения, искал приюта у своей родственницы, вдовы иерусалимского короля. Вступил с ней в связь, опять бежал, скитаясь в Сирии и Закавказье, и наконец явился к царственному кузену

и бросился к его стопам, протягивая железную цепь и умоляя, чтобы за эту цепь его позорно волочили по полу. Мануил брезгливо поморщился и отправил его в ссылку, в пафлагонский городок Иней, номинально поручив Андронику командовать захолустным гарнизоном.

И вот Мануил умер. Андроник был уже лысым стариком, но спокойствие не снизошло на него. Он интриговал, пользуясь тем, что опекуны Алексея II (сына и наследника Мануила I) снискали всеобщую ненависть. Он обещал райскую жизнь всем. Он заявлял, что обязан защитить своего племянника. И Андронику поверили: его поддержали пафлагонские земледельцы и константинопольский плебс, его сторону приняли столичные чиновники. Он явился в Константинополь спасителем и наконец достиг того, за чем гнался всю жизнь, — престола.

Победа Андроника повлекла за собой царство террора. Погибла верхушка византийской знати: император Алексей, его сестра, его мать — вдовствующая императрица. Погибли ближайшие родственники императорского дома. Тюрьмы были полны. Люди умирали — сожженные, забитые камнями. И вся эта расправа совершалась внешне с соблюдением полнейшей законности: Андроник сам не выносил приговоров — это делали судьи, подчиняясь его намекам и опережая его желания, а государь проливал слезы над несчастьями своих жертв.

Андроник в изображении Хониата — отнюдь не наместник Божества. И в то же время он не слуга дьявола, не антихрист, не воплощение космического зла. Его образ (как и образы других византийских императоров) десакрализован: перед нами встает человек, несомненно одаренный, мужественный, пренебрегавший болезнями и физической усталостью, но вместе с тем развратный, честолюбивый, безжалостный, лицемерный. От культа императорской власти не остается и следа. Хониат прямо смеется над теми, кто поддерживал императорский культ. С иронией говорит он об Иоанне Айофеодорите, который всегда устремлял глаза на лик государя и принимал его повеления, словно выражение высшей воли.

Одна любопытная черта — отношение Хониата к символике цвета, к «царским» цветам. Средневековые вообще склонно было обнаруживать высший («символический») смысл в фактах, казалось бы, ординарных, в обыденных явлениях. Византийцы разработали сложную систему символов, и в ней важное место принадлежало истолкованию цветовой гаммы. Цвета разделялись на высшие и низшие, причем золото и пурпур считались специ-

фически царскими цветами: только император мог носить пурпурные сапоги, только государь подписывался пурпурными чернилами.

Традиционная символика «императорского» цвета разрабатывается Хониатом в его официальных сочинениях – в речах. Он прославляет Исаака Ангела, который кровью побежденных варваров окрасил реку Мораву и своим грозным копьем, словно каламом, погруженным в эти алые чернила, подписал грамоту об освобождении от варваров, начертав им «багряную смерть» (гомеровское выражение – см.: Илиада, 5: 83). И в «Истории» нередко пурпурные чернила сопоставляются с кровью: Мануил I пурпуром царских чернил, словно кровью, отогрел и оживил законодательство Никифора Фоки о монастырском землевладении (с. 207. 89–91). Но иногда тот же образ приобретает в «Истории» противоположное значение или, во всяком случае, противоположную оценку. Мануил I посылает грамоту об аресте Андроника Комнина, грамоту, не забывает добавить Хониат, подписанную пурпурными чернилами. И затем продолжает: пожалуй, глаза Андроника окрасились бы кровью или он познал бы «багряную смерть», если бы послание государя не попало ему в руки. Юный Алексей II подписывает грамоту о казни матери «попросту каплями материнской крови» (с. 268. 68–70). Пурпур чернил Андроника I грозит разрушителем его повелений пролитием не слез, а крови. Его пурпурная одежда кажется Хониату обрызганной кровью. Здесь те же образы, та же аллюзия на Гомера с его «багряной смертью». Но кровь-то не варварская, и пролитие ее не вызывает восторга историка: императорский пурпур переплетается в его представлении с кровавой жестокостью царского произвола.

Не менее отчетлива ирония Хониата по поводу золотой символики императорских одеяний. В битве при Мириокефале, бесславно проигранной Мануилом I, император надел поверх панциря златотканый плащ – «цвета желчи», как насмешливо обозначает его Хониат, влагающий в уста турецкого посла замечание, что цвет этот – дурной символ, не подходящий для часа сражения (с. 189. 58).

Итак, императорская символика словно бы вывернута наизнанку: царский пурпур сопрягается с кровью расправ, царское золото оборачивается мрачным «цветом желчи», сулящим поражение.

Но если царская власть лишена Хониатом божественного ореола, где, в какой общественной среде ищет он в пору тяжелых

испытаний опору и силу, способные противостоять надвигающейся гибели? Демократия не привлекает его. Он возмущен тем, что простонародье, оставив портняжью иглу и едва отмыв руки от гончарной глины, лезет в ряды воинов-стратиотов. Он негодует, когда обсуждение догматических вопросов выносятся на площади и перекрестки. Он негодует, видя вчерашнюю чернь устремляющей глаза к царской власти, и прямо заявляет, что коллективные решения куда хуже единодержавия. Народ – и особенно константинопольский плебс – предмет постоянных инвектив Хониата. Это болтуны, пьяницы, глупцы, трусы, у которых худшее всегда берет верх; люди, не способные пойти по лучшей дороге и внимать добрым советам. В любом городе, утверждает он, толпа безрассудна, а особенно в Константинополе, где она готова к бунту, – ведь столичное население многоплеменно, у людей здесь разные занятия и потому разные взгляды. Иногда константинопольский плебс смело ополчается против вооруженных войск, продолжает писатель, иногда оказывается трусливым и позволяет попирать себя ногами. Настроение толпы [меняется, словно ветер]: сегодня она выбирает своего кумира властителем, завтра [осуждает его, свергает и убивает].

Да и о других общественных слоях писатель отзывается не слишком уважительно. Монашество и духовенство обрисованы с нескрываемой иронией, [в отличие от речей, в которых он следовал традиционным канонам, воспевая черное монашеское одеяние как символ очищения, во мраке страстей ведущий нас к добродетели, как огненный столп вел израильтян в землю Обетованную (НХ Речи, с. 124. 26–29; аллюзия на Исх. 13: 21). Направленность «Истории» совсем иная.] Почему, спрашивает Никита, никто из высокотронных иерархов не помог стране во время опасной войны с болгарами, не расследовал причины неудач, а долгобородые монахи только натягивали себе клобук до самого носа? [Епископы, исполняющие обязанности судей, в глазах Хониата являются людьми «суетными и алчущими царских милостей». Монахи, утверждает он, суть враги Божьи, которые, «к стыду своему облачившись в богоугодные одежды, устремляются на царские пиршества, где поглощают свежие и лакомые кушанья». Выпады Хониата против монахов почти столь же суровы, как у Евстафия Солунского, посвятившего этой теме специальный трактат.]

Не мягче суждение Хониата и о том общественном слое, к которому он принадлежал по своему положению, – о служилой знати. Безудержная лесть и угодничество, корыстолюбие и взяточ-

ничество, несправедливый суд и невежество должностных лиц – такова непривлекательная картина придворной жизни, нарисованная Хониатом. Выскочки вызывают его презрение: говоря об Иоанне Спиридонаки, он издевается даже над внешностью этого «человечишки», ремесленника по происхождению, который всякими правдами и неправдами дослужился при дворе до высоких постов. Историк возмущен произволом Алексея III, повышавшего царедворцев в чинах не по заведенному порядку, но возносившего случайных людей, и к тому же минуя соответствующую ступень.

Один за другим проходят в его изображении царские фавориты и вельможи. Вот, к примеру, Иоанн Путцийский, ведавший налоговым обложением при Иоанне II и его сыне Мануиле I. Человек патологической скаредности, он продавал на базаре то, что давали ему как взятку. Бывало, смеется Хониат, приносили в «дар» редкостную рыбину, а Иоанн отправлял ее на продажу. Другой взяточник покупал ее, и морское чудо снова попадало на стол всесильного чиновника и снова оказывалось на базарных лотках – и так до трех раз! Как-то Иоанн стал жертвой насмешников, которые подложили на его пути пустячный предмет – железную подкову. Главный податной сборщик сам кинулся ее подбирать, но подкова была только что из горна, и скряга обжег себе руки (с. 57. 67 сл.).

Пожалуй, только одно общественное сословие вызывает какую-то симпатию Хониата. Это аристократия. Благородное происхождение увязывается в его сознании с активностью, с боевым мужеством. Правда, похвалы знати непоследовательны и спорадичны, они сменяются насмешками над царской родней, украшавшей себя пышными прическами и золотыми ожерельями, но незнакомой с боевым сигналом. [«Прожорливые и алчные» императорские родственники не научились ничему, кроме «умения воровать и грабить, обирать народ с помощью налогов и наживать огромные богатства». И все-таки те редкие люди, к которым писатель относится сочувственно, принадлежат к аристократической элите.] Не на купцов и монахов, не на податных сборщиков и судейских, а на высшую военную знать Византии, военачальников из Кондостефанов, Палеологов, Кантакузинов или Ватацов возлагает известные надежды Хониат.

Помимо благородного происхождения и воинской доблести историк высоко ценит также образованность (особенно философию – как высшую ступень образования), ораторское искусство, общительность, телесную красоту. К этим светским достоинствам, необходимым византийскому аристократу, он присоединяет еще

и некоторые христианские добродетели – такие, как сострадание и щедрость.

В соответствии с этим аристократические порядки западного феодального мира явным образом привлекали Хониата, хотя, казалось бы, он должен был ненавидеть Запад, ибо пережил Третий и Четвертый крестовые походы (он пишет также и о Втором – 1147 г., но, разумеется, не по своим наблюдениям), взятие Солуни норманнами, был свидетелем постоянных конфликтов с итальянскими купцами, норманнскими правителями, германскими государями. Разумеется, то, что можно было бы назвать его «западничеством», объясняется, как мы увидим, не только его социальными симпатиями, но и редкой для средневековья широкой взглядом.

Достаточно сопоставить описание Второго крестового похода у Хониата и у его старшего современника Иоанна Киннама, [автора сочинения «Деяния Иоанна и Мануила Комнинов»]. Вывод Киннама однозначен: крестоносцы виноваты во всех недоразумениях, а отношение к ним византийского правительства абсолютно оправданно и справедливо.

В принципе Хониат также придерживается традиционного представления об избранничестве византийцев – «святого народа», находящегося под покровительством Господа. В общем виде он противопоставляет Ромейскую империю, мать цивилизации, варварам – иноземцам, грабителям, корыстолюбцам, невеждам, у которых не находят себе пристанища хариты и музы. [И почти что в стихотворной форме Никита нагромождает пороки латинян: по природе они продажны, очи их ничего не видят, утроба их ненасытная, нрав гневливый и жестокий, а рука всегда готова схватиться за меч.] Варвары не в состоянии сдерживать свою раздражительность, а когда они пытаются говорить, слюна вылетает у них изо рта раньше слов. Однако [в отдельных случаях] Хониат куда более осторожен в оценках: осуждает нечестные действия Мануила по отношению к участникам похода, винит византийцев в обмане рыцарей, а вместе с тем подчеркивает мужество иноземцев. О воинской доблести латинян речь идет многократно также в следующих разделах, и сравнение их с византийцами обычно оказывается не в пользу соотечественников Хониата. Достоинствам германского императора Фридриха Барбароссы (1152–1190) посвящен особый панегирик; среди этих достоинств – благородство происхождения, разум, непобедимость в битве и удивительное христолюбие: [«Его ревность была апостольской, – утверждает Никита, – намерения – богоугодными, а плоды дел его – более чем

прекрасными» (с. 417. 1).] Писатель прославляет красоту, мужество, разум, силу Конрада Монферратского и многих других латинян. И даже в самом конце книги, приближаясь к печальной развязке, Хониат вспоминает о венецианском купце, который был ему другом с той поры, как писатель спас его вместе с женой, и прямо называет глупостью и бессмыслицей неразборчивую враждебность к латинянам, нежелание отличить в их среде друга от врага.

Мы должны очень хорошо представить себе, в каких условиях это писалось: накануне и вскоре после падения Константинополя, когда враждебность к латинянам широко распространилась в разных слоях византийского общества и духовенство особенно интенсивно подогревало это чувство. Старые церковные споры теперь превратились в настоящую схизму, в раскол. Хониат же оказался выше этой слепой ненависти.

Размышляя о причинах вражды между латинянами и византийцами, Никита не ищет объяснения в вероисповедной розни: пропасть между двумя мирами коренилась, по его убеждению, в зависти латинян к благоденствию империи, к ее богатству и роскоши, а недоверие и коварство ромейских политических деятелей со своей стороны усиливало вековую враждебность. При этом историк подчеркивает различие социально-политического устройства Византии и стран Запада, противопоставляет Запад Византии.

Есть в «Истории» любопытнейший эпизод – рассказ о прибытии в 1189 г. византийского посольства к Фридриху Барбароссе, одному из любимцев Хониата. Принимая ромеев, рассказывает Никита, Фридрих приказал сесть не только послам, но и всем сопровождавшим их слугам – вплоть до поваров и конюхов. Он поступил так, оказывается, в насмешку над ромеями; он хотел подчеркнуть, что в Византии не чтут доблесть и родовитость, но всех, словно свиней в хлев, загоняют в общее стойло (с. 410. 55 сл.). Не станем сейчас разбираться, в какой мере приведенная тут оценка отвечала византийской действительности конца XII в., – это другая задача, и не здесь ее решать. Не будем также доискиваться, кому принадлежит объяснение поступка Фридриха – самому германскому императору или его византийскому панегиристу. В данной связи нам важно лишь то, что в понимании героя Хониата (и соответственно самого Хониата) западное общество отличалось большим аристократизмом. И поскольку аристократизм у Хониата сопрягается, как мы видели, с доблестью и энергией, эти качества оказываются свойственными многим из его персонажей-латинян.

Противопоставление Византии и Запада имело в глазах Хониата еще и иной аспект. На Западе, говорит он, давно уже знали, что в Римейской державе только и заняты пьянством и что ее столица превратилась в новый Сибарис, утопающий в неге (с. 541. 55–56). На Западе, пишет он в другом месте, византийцев называют ехиднами-матереубийцами, имея в виду отсутствие в империи верности государю, бесчисленные государственные перевороты, неустойчивость политического устройства. Иными словами, Хониат вспоминает о Западе, когда говорит о моральном упадке византийского общества; Запад видится ему осуждающе глядящим на безнравственную, изнеженную, развращенную Византию.

Хониат описал катастрофу – падение Византийской империи, и мы видим, что это падение представляется ему отнюдь не случайностью. Трагедия Византии в испорченности государей и вместе с тем в испорченности всего общества, за исключением разве что некоторой части аристократии, да и то уступавшей в отваге и благородстве западному рыцарству. Каковы, по Хониату, эти язвы общественной жизни? Прежде всего эгоизм, себялюбие, забота исключительно о самом себе. Люди забывают о близких, родных, родине – ими движет лишь желание спасти себя, корыстная трусость. Моральные нормы утратили сдерживающую силу – человек действует, только руководствуясь обстоятельствами и масштабами своих сил, по принципу «все дозволено». Хониат остробно ощущает нестабильность, неустойчивость, подвижность или, как он иногда говорит, пестроту сущего. Неустойчив общественный порядок, слуги неверны господину, изменчивы людские настроения, нестабильно положение человека.

Официальное христианское учение исходило из ничтожности земных богатств, и Хониат [в своих речах] прославлял нестяжательство и осуждал сребролюбие. Но [в «Истории»] подобные традиционные суждения оттесняются другой, для него гораздо более важной темой – трагической нестойкостью собственности. Конфискация имущества, разграбление имущества – об этом Хониат говорит непрестанно, и не ликование нестяжателя порождают у него рассказы о грабежах и конфискациях, но теплое сочувствие ограбленным и скорбь, рожденную ощущением нестабильности общественного устройства.

Но если нестабильность имущественных отношений огорчает и гнетет Хониата, то куда в большей степени гнетет его ощущение незащищенности человеческой жизни. С каким-то болезненным постоянством вновь и вновь говорит о казнях писатель, переживший террор Андроника I. Рассказ об отрезан-

ной голове, которую либо поднимают на шесте, либо бросают к ногам правителя, о голове с оскаленными зубами, которую пинают ногами, перебрасывают, словно мяч, превращается, повторяясь, в стереотип: мы слышим об отрезанных головах Андроника Ватаца, Алексея II, Феодора Кантакузина, Алексея Враны, мятежника псевдо-Алексея, еще одного Ватаца (при Алексее III), наконец, Иоанна Толстого. В этом стереотипе не только средневековое любование ужасами [(такова природа византийских мученичеств, в которых повествуется об увечьях, об отсечении голов, о телах, охваченных огнем, и о вливании расплавленного свинца в глотку святому; подобные рассказы типичны и для византийских историков: например, описание казни Фоки Ираклием, встречающееся уже на второй странице хроники патриарха Никифора)], но и чувство отвращения к самой возможности безжалостной расправы с человеком, свойственное немногим средневековым писателям.

Сопоставим два эпизода, переданные Анной Комниной и Никитой Хониатом. В том и другом идет речь о мучительной казни государственного преступника – о сожжении на костре, но как по-разному оценивают эту казнь оба писателя! Анна повествует о расправе с богомилом Василием. Ни слова сочувствия у писательницы-женщины, ни малейшего содрогания перед страданиями сжигаемого человека. Только одно беспокоит Анну: как бы демоны, поддерживающие богомилов, не вынесли Василия живым из огня и как бы не причинило это ущерба православной вере. Она спокойно констатирует: «Пламя, как будто разгневавшись на него, целиком пожрало нечестивца, так что даже запах никакой не пошел и дым от огня вовсе не изменился, разве что в середине пламени появилась тонкая линия из дыма»⁶.

Напротив, рассказ Никиты Хониата о сожжении юноши Мамала не просто пронизан сочувствием к жертве насилия – он передает человеческий страх Мамала, которого шестами загоняли в огонь и который в ужасе бросался на острия шестов, предпочитая эту боль мучениям в пламени. [Хониат говорит, что присутствовавшие при этом не могли сдержать слез.] Мало того, Хониат осуждает казнь вообще: это – всесожжение, вождевленное для демонов, превосходящее «тавроскифскую жестокость» (античные писатели считали, что тавроскифы совершают человеческие жертвоприношения), противоречащее христианским нормам (с. 310. 61 сл.).

Сочувствие Мамалу не случайно. Переживший кровавое правление Андроника I писатель неоднократно возвращается

к мысли о святости человеческой жизни. Изложив содержание указа Андроника о карах для заговорщиков, Хониат пишет, что он потрясен этим [«беззаконным постановлением»]; он особенно возмущен тем, что законодатели приписали Богу собственную злую мысль, подкасанную «древним човекоубийцей», т. е. дьяволом. [Никита приводит библейское изречение, очень любимое византийцами:] Господь не желает смерти грешника, но хочет, чтобы тот обратился к истине и жил (с. 337. 60–61; см. Иез. 33: 11). В другом месте Хониат изображает всеобщее ликование, рожденное законом Исаака Ангела, запретившего членовредительские наказания, – столь распространенные в Византии отсечение рук или ног, выжигание глаз, отрезание ушей или носа, – даже для худшего из преступников, даже для цареубийцы (с. 366. 4 сл.).

Ни в чем, пожалуй, человечность и терпимость Хониата не выразились с такой отчетливостью, как в нравственной (этической) характеристике действующих лиц. Раннесредневековые византийские хронисты, подобно Феофану, или византийские агиографы и риторы последовательно делили человечество на благочестивую и, следовательно, «положительную» часть и на людей нечестивых, злых, «отрицательных». Такое «оценочное» разделение оставалось нормой и для историков XII в. – для Зонары, Анны Комнины, Киннама: панегирику всюду противостоял «псѡгос», хула, хотя, разумеется, у разных авторов оценка одного и того же персонажа оказывалась различной.

Хониат нарушает утвердившуюся традицию (нарушает, замечу попутно, в «Истории», но никогда – в речах, где построение образов вполне канонично). Он даже с некоторой навязчивостью настаивает на сложности человеческого характера, на сочетании в одном и том же человеке противоположных качеств. Выше шла речь об отношении писателя к Фридриху Барбароссе, об отношении, казалось бы, чисто панегирическом, однако жестокости Фридриха, распорядившегося умертвить заложников-сельджуков, Хониат и не думает скрывать.

Но Барбаросса в общем-то эпизодический персонаж, а принцип противоречивой сложности человеческого характера приложен и к построению образов главных героев повествования – таких, как Мануил I или Андроник Комнин. Мануил в изображении Хониата умен, энергичен, смел в битвах; уже на пороге смерти, когда понадобилось выступить на помощь осажденному турками Клавдиополю, он спешно двинулся в путь, не взяв с собой ни постели, ни подстилки; он двигался ночами, освещая путь факелами, а спал на земле, подстелив ветки и хворост (с. 197. 14 сл.).

Но вместе с тем Мануил сладострастен, несдержан в гневе, безгранично доверяет астрологам и предсказателям. В мирное время, как бы подводит итог Хониат, казалось, смысл жизни для Мануила состоял в наслаждении, ибо он предавался неге и роскоши, обжирался и слушал музыку, но в трудную пору начисто забывал обо всех сладостных удовольствиях. И еще любопытнее другая мысль Хониата: не следует упрекать Мануила за его действия; [его политика не принесла ромеям долговечного процветания, и он не вернул Италию под власть василевсов, «но можно ли судить того, кто боролся и сражался столь мужественно, дабы усмирить чужеземцев?»] (с. 100. 43–45)].

Пожалуй, в целом Хониат все-таки любит Мануилом, его рыцарственностью, его самоотверженностью, хотя и не скрывает его просчетов и неудач. Напротив, Андроника I историк ненавидит: Андроник для него мерзкий плешивец, кровожадный тиран, лицедей и развратник. [Простой статистический подсчет выявляет его истинное отношение к этому императору. Хониат упорно не желает называть его «василевсом», «государем» и употребляет это слово по отношению к Андронику всего 18 раз, главным образом в прямой речи своих персонажей. Но статистика изменяется весьма существенно, когда он говорит о других государях: так, Мануил назван «василевсом» 321 раз, Исаак II – 156 раз, а Алексей III – 160. Тем не менее] отвага и находчивость Андроника, скромность его быта не скрыты от читателя, и ряду его мероприятий Хониат в полной мере отдает должное, рисуя даже идиллическую картину благоденствия, будто бы наступившего в стране в короткий период царствования узурпатора. Но думается, что это продиктовано не действительными фактами, а своеобразно понятым принципом объективности, необходимостью отыскать позитивный противовес мерзостям тирана. И как показательно, что Хониат сострадает и жертвам Андроника, и ему самому, погибшему во время бунта, когда вчерашнего владыку посадили на паршивого верблюда, возили по константинопольским улицам, поливали кипящей водой, кололи мечами.

При конструировании сложно-противоречивого человеческого характера художник подчас берет в Хониате верх над историком, действительность отступает перед художественным замыслом. Никита смеется над суеверием Мануила I, которому предсказали наступление катаклизма; напуганный государь приказал вынуть стекла из дворцовых окон, копать ямы и убежища, чтобы пережить грозные вихри. Предвещание катаклизма, о котором упоминает Хониат, и в самом деле волновало астрологов на Востоке

и на Западе. О нем упоминают многочисленные арабские, персидские, латинские авторы. По суждению астрологов, грозные события должны были произойти примерно 16 сентября 1186 г. В этот день должна была иметь место редкая конstellляция планет – соединение их в созвездии Весов, что вызвало бы ветры, песчаные бури, разрушение городов и гибель многих людей. Астрономические выкладки подтверждают, что указанная конstellляция действительно приходилась на 15–16 сентября 1186 г.⁷ Однако эта дата выходит за хронологические рамки царствования Мануила, скончавшегося еще в 1180 г. Во всяком случае, испанские и сицилийские звездочеты только в 1184 г. рассылали письма, предвещавшие стихийное бедствие. Подготовка к катаклизму 1186 г. если и проводилась в Константинополе (а это вполне вероятно), то не при Мануиле, а при одном из его преемников – скорее всего, при Андронике I. Однако писатель перенес это событие в эпоху царствования Мануила I и с сарказмом отозвался о Мануиле.

Именно человечность («гуманизм») Хониата заставляла его со скорбью смотреть на эгоистическое и нестабильное общественное устройство Византийской империи, на современное ему общество, пропитанное жадностью и лицемерием, трусостью и гневливостью, надменностью и иными бесчестными пороками. Что, однако ж, мог он противопоставить развращенности византийского общества? Может быть, традиционный христиански-аскетический идеал, который на все лады расписывала и прославляла агиографическая литература?

На первый взгляд кажется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Добродетель, богословская образованность, смирение – этими качествами Хониат наделяет ряд константинопольских патриархов, о которых пишет с уважением. [Но в самом ли деле этот агиографический идеал в XII в. оставался столь же незыблемым, как и раньше⁸, и Хониат превыше всего ценил аскетические добродетели?] Известно, что *ταπεινότης*, «смирение» – краеугольный камень византийской аскетической этики, Хониат же заявляет с удовлетворенностью: ромеи отбросили «смирение духа» и разбили норманнов (с. 359.1). Еще заметнее скепсис и ирония в отношении агиографического идеала проступают в характеристике графа Балдуина Фландрского, [ставшего в 1204 г. константинопольским императором, избранного, как подчеркивает Хониат, благодаря интригам и ухищрениям венецианского дожа Дандоло. Балдуин, продолжает историк, во всем шел на уступки венецианцам и из-за своей молодости не имел

большого опыта в государственных делах]. После столь определенной оценки Балдуина [как политика] Хониат продолжает: говорят (он словно отстраняется от собственного суждения), что Балдуин благочестив и целомудрен, ведет скромный образ жизни, на женщин даже глядеть не хочет, бесконечно твердит божественные гимны, поддерживает нуждающихся и терпеливо выслушивает тех, кто ему противоречит. Что это – действительное восхищение простоватым аскетом, занявшим престол византийских государей, или насмешка? Конечно, насмешка. «А самое главное, – заканчивает Хониат иронический панегирик, – он приказывал дважды в неделю по вечерам объявлять, чтобы никто в его дворце не смел спать ни с какими женщинами, помимо законных жен» (с. 597. 73–78). Здесь все пропитано иронией: не только точность и детализация целомудрия, но прежде всего отнесение благочестия и целомудрия к латинскому феодалу, отстаивавшему будто бы (вспомним оговорку Хониата: «говорят») аскетические моральные принципы посреди насилий латинян, описанных самим Никитой.

Хониат ценит иные – светские – достоинства: знание, опыт, мужество, энергию. И еще одно качество, которое заботит Хониата, – верность, сохранение родственных связей, дружеских отношений, соблюдение обязательств, данных господину. О родстве, этом «священном даре природы», Никита вспоминает неоднократно, и показательно, что почти всякий раз он говорит о людях, нападающих на своих, забыв о «законе родства» (с. 117. 10; с. 261. 68): о тиране, не считающемся с родством; о детях сельджукского правителя, пренебрегающих узами родства; о вражде между сыновьями Стефана Немани из-за власти. Братоубийство, замечает историк по этому поводу, родившись в Константинополе, распространилось затем среди «персов» [(т. е. турок)], «тавроскифов» [(русских)], далматов, паннонцев и других народов.

И проблема «филии», дружбы, заботит Хониата. Здесь нужно остановиться и выяснить, какое именно содержание вкладывает писатель в понятие *φιλία*. Конечно, можно отметить немало случаев, когда этот термин употреблен в «Истории» в своем обыденно-традиционном значении, но иногда контекст наводит на размышления. Мануил I, рассказывает Хониат, послал в итальянский город Анкону своих людей, поручив им привлечь к «филии» тех, кого называют «лидзиями» (с. 291. 10 сл.). Лидзий (*λίγιος*) – средневековое латинское слово (*ligius*), обозначавшее «верного» человека, вассала; связь «филии» с лидзиями знамена-

тельна: здесь, по всей видимости, привлечение к «дружбе» оказывается вовлечением в вассальную систему связей. В других местах идет речь о φίλοι царя, о царских друзьях. Но как можно быть другом византийского самодержца, рассматривавшего всех подданных как своих рабов? Царские φίλοι – не равноправные друзья, а верные люди; φίλοι, следовательно, понимается (в некоторых случаях) как подобие феодальной верности, вассалитета.

Но дело не только и не столько в терминологии. Верность господину – верность, столь редко соблюдавшаяся в Византии, – представляется Хониату бесспорным достоинством. Он подробно рассказывает историю [некоего Пупака (Абу-Бакра?)], отважного воина, отличившегося [при осаде византийцами Корфу в 1149 г.]. Позднее Пупак помог бежать Андронику Комнину из тюрьмы, куда его бросил Мануил I. По царскому приказу Пупака подвергли бичеванию и водили по улицам, громогласно именуя «врагом императора», а он, пренебрегая побоями, заявлял: «Пусть, кто хочет, считает мое поведение позорным, но я не предал благодетеля, не оттолкнул его, оскорбив, но служил ему, как умел, и дал возможность уйти в веселии» (с. 131. 12–15). Верность господину, личная, [«феодальная»] верность, поставлена здесь выше [долга подданного перед царем].

Мы возвращаемся, таким образом, к началу наших рассуждений о моральных принципах Никиты Хониата: в отчаянии перед неустойчивостью и себялюбием византийского общества он искал выхода не в христианском аскетическом идеале, но в принципах родства и «дружбы», в принципах, напоминавших рыцарскую идею вассальной верности.

Нравственное назначение «Истории» Хониата было подчеркнуто автором предисловия к женеvскому изданию, выпущенному в 1593 г. Время, описанное Никитой, говорится в этом предисловии, очень сходно с нашим временем (т. е. с эпохой контрреформации и утверждения абсолютизма). Трагедия Греции и придворные язвы легко могут быть отнесены к «нашему времени». Вдумываясь в сказанное Хониатом, читатель начнет понимать, продолжает автор, что нужно уважать справедливость и не забывать о Боге; что Хониат приводит свободные воззрения честных государственных мужей, чуждых подбострастия и притворства, высказывающих чистую правду; что политической доблести учит его сочинение⁹.

Общественные и нравственные идеалы Хониата порождены, если так можно выразиться, его трагическим восприятием дей-

ствительности, ощущением надвигающейся катастрофы и затем, в поздних частях, переживанием катастрофы совершившейся. Ожидание катастрофы пронизывает и образную систему «Истории», в которой удивительным образом сочетается традиционное и личное, стереотип и индивидуальное видение.

Как всякий средневековый писатель, Никита Хониат мыслит и оперирует готовыми формулами – клише, или стереотипами, почерпнутыми в литературной традиции – в Библии, в гомеровских поэмах. [Библия и Гомер – основные источники мудрости для Хониата (это относится как к «Истории», так и к речам); за ними, в произведениях обоих жанров, следует Лукиан. Плутарх занимает четвертое место в речах и пятое в «Истории», где он уступает Еврипиду; в речах же трагика, несмотря на его популярность, опережают Платон, Геродот, Гесиод и Аристофан. Таким образом, можно сказать, что, несмотря на некоторые отличия, главные источники заимствований в обоих жанрах более или менее одинаковы.

Но тем не менее как сильно различается в речах и в «Истории» трактовка образов мифологических героев! Если Хониат-ритор представляет их в эпической манере, воспевая их доблесть и повествуя об их славных подвигах, то Хониат-историк видит в древних мифах лишь страшные и отталкивающие черты. Как в речах (НХ Речи, с. 59. 28–30, 111. 13), так и в «Истории» (НХ Ист., с. 334. 88–90) Хониат приводит знаменитый эпизод уничтожения Гидры, но на этом сходство заканчивается. В речах Геракл убивает множество ливийцев и египтян, побеждает «разбойника» Антея, извлекает Тесея из пасти Аида (НХ Речи, с. 58. 10–13; ср. одно из писем, с. 213. 18) и мстит Нессу за предательство (НХ Речи, с. 80. 28–31). Напротив, в «Истории» Геракл предстает как раб Омфалы (НХ Ист., с. 520. 52 сл.) и растлитель пятидесяти дочерей Тиеста (с. 322. 34–35). В речах Зевс – истинный царь богов, карающий Прометея (НХ Речи, с. 76. 12–14) и подавляющий безумный бунт сыновей Алоэя (НХ Речи, с. 93. 3–5), а в «Истории» Зевс похищает и бесчестит Европу (НХ Ист., с. 142. 17). Разные образы использованы с разными целями.

Никита искусно оживляет застывшие мифологические образы, с давних пор вошедшие в пословицу. Сицилийский король Рожер II (1130–1154) грабит Беотию; «Он пренебрег законом Адраста... – пишет Хониат, – не боясь так называемой кадмейской победы» (с. 74. 39). Как закон Адраста, то есть принцип Божьего воздаяния, так и победа Кадма, гибельная для победителя, уже давно стали поговорками, но поскольку Кадм одержал

победу над драконом недалеко от Фив, а Адраст, царь Аргоса, участвовал в походе Семерых против Фив, эти поговорки обретают совершенно новое значение в контексте норманнского вторжения в Беотию, и Хониат увязывает их абстрактное содержание с конкретной географией нашествия под предводительством Рожера.]

Стереотип выражения не означает или, во всяком случае, далеко не всегда означает отсутствие искреннего чувства. Напротив, готовая формула, рождая у образованного читателя определенные аллюзии, может создавать эмоциональную напряженность: недаром Хониат, переходя к описанию падения Константинополя, резко увеличивает число библейских формул. Он поступает так не потому, что не способен отлить свои чувства в свежие формы, но потому, что библейский пафос, порождающий дополнительные ассоциации, кажется ему (и, видимо, его читателю) более соответствующим драматизму ситуации, нежели будничная, лишённая риторического накала речь.

Основная задача библейской цитаты – разрушить индивидуальность характеризуемого явления, поставить его вне конкретного времени, связать со всемирно-историческими (библейскими) событиями и тем самым придать ему больше пафоса, больше величия. Падение Константинополя, оплаканное цитатами из ветхозаветных пророков, перестает быть эпизодом в истории конкретного города и превращается во всечеловеческую катастрофу. [Аналогичным образом описание осады болгарами Дидимотихона во Фракии в 1206 г. (с. 632) при помощи слов и выражений, заимствованных из рассказа Иосифа Флавия об осаде римлянами Иотапаты, поднимает исторический факт локального масштаба до уровня великих событий славного прошлого.] Хониат знает эту силу цитаты и широко ею пользуется, но он умеет использовать библейскую цитату и иначе, в совершенно будничном и индивидуально-конкретном повороте.

Хониат приводит драматический эпизод – столкновение Андроника Комнина с патриархом Феодосием [Ворадиотом (1179–1183)]. Они еще не были достаточно знакомы, но, говорит Хониат, патриарх сразу разгадал своего собеседника. Однако он ничего не сказал, а лишь процитировал из книги Иова (42: 5): «Я слышал о тебе слухом уха, теперь же глаза мои видят тебя», и еще из псалмов Давида: «Как слышали мы, так и увидели» (Пс. 47: 9). [Слова патриарха кажутся нам вполне безобидными, но] Хониат продолжает: «Не укрылась двусмысленность слов от многоумного Андроника... Словно двулезвийным мечом, двузначно-

стью сказанного была уязвлена его душа» (с. 253. 87 сл.). Он как бы играет противоположностью безличного стереотипа, почерпнутого в Писании, и конкретностью личного намека Феодосия, «словно двулезвийным мечом» поражающего Андроника. Сами по себе слова Писания неопределенны – определенность они обретают в данной ситуации, и глубина обретенного смысла оттеняется внешней бессодержательностью цитат.

[История с цитатами не ограничивается одним эпизодом. Немного позже Хониат рассказывает о чудовищной расправе над Константином Макродукой, «самым видным из царских родственников», после чего восклицает: «В первый раз константинопольцы увидели воочию то, во что не могли поверить, когда слышали» (с. 294. 29–30). Между горькими словами писателя и цитатами, произнесенными патриархом, нет лексического сходства, если не считать единственного слова ἀκοή, «слух»; но эти высказывания близки по смыслу: раньше жители Константинополя «лишь слышали то, что говорилось» об Андронике, и не верили этому; теперь «они увидели» то, о чем слышали. Цитата реализуется, она превращается в жизнь.]

Стереотип, однако, сочетается с конкретно-индивидуальным в характеристиках героев, и подобное сочетание обобщенно-деконкретизированной формулы с неповторимым своеобразием образа дает неожиданный эффект. На страницах «Истории» Хониата проходит длинная вереница византийских императоров, и каждый из них: рыцарственный Мануил, беспомощный юноша Алексей II, кровожадный лицемер Андроник, обжора Исаак II, беспринципный Алексей III – не похож на другого, наделен своими, ему одному присущими свойствами. Образы индивидуальные, но не только индивидуальные. О каждом или почти о каждом государе Хониат сообщает: наслаждался покоем на Пропонтиде, развлекался зрелищами Ипподрома; при описании вступления на престол Мануила I, Исаака II и Алексея III дурные предзнаменования Никита всякий раз связывает со странным поведением коня. Поступки Алексея III словно повторяют действия Андроника I: оба высмеивают внешнеполитическую угрозу и занимаются пустяками в момент наивысшей внешней опасности; оба собирают для обороны корабли и разрушают жилища около стен; оба бегут из Константинополя с любовницами. А параллелизм в образах Андроника I и Исаака II доходит до того, что и тому и другому приписывается разрушение одного и того же [здания, в одном случае названного «Манганским дворцом», а в другом – «знаменитой резиденцией в Манганах»].

Чего достигает Хониат этой итеративностью, переходящей в стереотип, который воспринимается тем более отчетливо потому, что образуется на фоне индивидуализированных характеристик? Хониат создает ощущение повторяемости в действиях императоров, ощущение известной закономерности их акций; сколь бы разными они ни были, в их поступках заключается нечто общее, заключается, если так можно сказать, известный стереотип поведения. Хониат не формулирует эту мысль с научной определенностью, но внушает ее читателю; он обращается не к разуму, а к эмоциональному восприятию и для достижения этого эффективно использует систему клише.

И еще один пример итеративности. Говоря об Исааке Ангеле, Хониат все время возвращается к теме обжорства. Конрада Монферратского он заставляет упрекнуть государя в том, что тот пирует с большим рвением, чем ведет войну, а Исаак, покраснев, отвечает, что всему свое время – и воевать, и обедать (с. 384. 28). Этот разговор происходит перед битвой с мятежным Алексеем Враной, а после подавления мятежа Исаак устраивает обильную трапезу, причем Хониат замечает, что ворота дворца были распахнуты и каждый мог заходить и смотреть на пирующего государя, который [«набрасывался на хлеб и вступал в яростную битву с мясом» (с. 388. 59–62)]. Когда Исаак вернул из монастыря [Алексея], незаконного сына Мануила I, он прежде всего посадил его с собою за стол и принялся потчевать. Во время обедов Исаака везде громоздились горы сластей, рыб, хлебов, дичи и разливалось море вина (с. 441. 9 сл.). Рассказ о низложении императора завершается ироническим сожалением, что отныне Исааку пришлось довольствоваться скромным количеством вина и хлеба (с. 452. 9 сл.); [а сразу после сообщения о его восстановлении Хониат рассказывает о том, что пизанцы сели за один стол со своими бывшими соперниками – венецианцами, а богомерзкие монахи разделили с Исааком ужин, где им подавали вино с изысканным букетом, не разбавленное водой]. Настойчивое повторение темы благодушно радостного гурманства создает отчетливый фон для конструирования образа, фон, который рождает ощущение фарса, комедийности и сам по себе, и тем более потому, что противостоит близкому стереотипу, пронизывающему (уже с трагедийной окраской) историю Андроника I, – теме поджаривания и пожирания людей.

Среди излюбленных стереотипов Хониата – образ бурного моря и корабля, потерявшего управление. Казалось бы, перед нами чисто литературная ассоциация, восходящая к «Деяниям

Апостолов» и глубже, к греческой классике. Примеров можно привести сколько угодно, но я не стану этого делать. Вместо отыскания литературных корней я позволю себе применить прием, к которому уже не раз обращался, – противопоставление.

Столетием раньше Хониата жил другой византийский прозаик Михаил Пселл, который широко пользовался тем же стереотипом – образом морской бури. Но формула эта подается Пселлом почти всегда в одном аспекте – спасения от бури и возвращения в гавань. Только о Константине IX он по меньшей мере пять раз говорит: «После великих валов и бури он укрылся в гавани царства»¹⁰, и аналогичная формула прилагается к императрице Феодоре, к Исааку I Комнину, к Константину X и, наконец, к самому автору.

[У историка XIV в. Никифора Григоры образ моря также отличается от созданного Хониатом. С одной стороны, море – это символ опасности; но, с другой стороны, Григора часто представляет этот образ и в «положительном» свете: например, море похвал; море подвигов; житейское море, которое человек благополучно переплывает, если уповает на бога¹¹; моряки мирно плывут под парусами из одной гавани в другую; корабль завершает свой путь, несмотря на все преграды¹². Тема счастливого спасения от бури у Хониата всплывает крайне редко (к примеру, о Мануиле Камице он говорит: «Словно из обширного моря он добрался до гавани и выплонул из рта соленую воду битвы»), тогда как в сочинении Григоры она постоянно присутствует.

У Хониата метафоры, связанные с образом застигнутого бурей корабля, не случайно имеют трагическую окраску. Большая часть его метафор символизирует разрушение. В системе его сравнений постоянно повторяются преследуемые жертвы, западни, сети и капканы. Вероятно, самым показательным является уподобление греков, живущих за пределами Константинополя, зверям, которых охотники отрезали от стаи и поместили под колпак из прозрачного стекла. Для Хониата характерно именно такое, проникнутое драматизмом изображение жизни как вечной и неизбежной западни. Кроме того, он отдает предпочтение образам болезни, падения, пожара, диких зверей и пресмыкающихся.]

Сознательно или бессознательно ощущение катастрофы находит выражение в довольно однозначном подборе формул. Конечно, образы-клише Хониата не исчерпываются этим кругом, несущим на себе, так сказать, печать гибельности, он пользуется также метафорами нейтральными, не соприкасающимися с темой катастрофы, и все же трудно считать случайностью напряженный

[и почти болезненный] интерес к буре, к западне, к хищным зверям, к болезням. [И опять-таки речи Хониата, в отличие от «Истории», полны «нейтральных» метафор, лишенных трагической образности.]

Главная тема – катастрофа, ожидаемая и затем свершившаяся, – воплощается (думается, не всегда осознанно) также и в том, что можно было бы несколько условно назвать «принципом поворота». Постоянно Хониат, рассказывая о тех или иных событиях, отмечает неожиданность исхода, несоответствие результатов предпосылкам, внезапное изменение ситуации. Примеры подобного рода «поворотов» можно приводить без конца: те, кто хотел избежать дыма податного обложения, попали в огонь рабства (с. 73. 9); норманны из тех, кто брал в плен, превратились в пленников, из господ – в тех, над кем господствуют (с. 362. 83). [Почти то же самое говорится об Андронике Лапарде, неожиданно схваченном тем, от кого он бежал, попавшем в руки того, от кого он пытался спастись: тесня и преследуя императора, он думал напасть на него с тыла, а вместо этого столкнулся с ним лицом к лицу и, не выдержав лобовой атаки, был разбит (с. 279. 3 сл.).] От Алексея III все ждали военных успехов и исправления прежних ошибок, а он повел себя совсем по-другому; ромейское войско разбило скифов (половцев) и обратило их в бегство, но торжество оказалось недолгим: жадность византийцев погубила все дело, ибо они занялись грабежом и не заметили, как враг вернулся назад и обрушился на грабителей. Алексей III весело забавлялся на масленице, но детские эти забавы были омрачены печальным известием о мятеже Иванко (с. 509. 18 сл.). О неудачной попытке чиновников казначейства присвоить богатства Каломодия Хониат говорит: «Они уже имели источник, да не имели возможности пить из него»; здесь «поворот» усугубляется игрой слов, ибо «источник» (πηγήν – винительный падеж) и «пить» (πιεῖν) звучат по-гречески почти одинаково. Каждый из этих случаев сам по себе незначителен. «Работающей» оказывается множественность, повторяемость подобных «поворотов»; от эпизода к эпизоду усиливается ощущение, что людские надежды тщетны, стремления бесплодны и никто не может знать, куда все движется.

И, вероятно, с «принципом поворота» связано известное пристрастие Хониата к приставке *μετα-*, главное значение которой – перемена. Рассказывая о непостоянстве характера Стефана Немани, он в пределах небольшой страницы шесть раз употребляет глаголы с приставкой *μετα-*, а в коротком эпизоде о заговоре

Иванко против Асеня – четырежды. (При выборочных подсчетах оказалось, что в некоторых разделах «Истории» приставка *μετα-* составляет 3–4% всех приставок, тогда как в хронике Феофана на ее долю приходится обычно 1–1,2%.)

Антитеза вообще характерный прием средневекового искусства и даже шире – христианского мировоззрения с его противопоставлением земли и неба, твари и Творца. Что Хониат обращается к антитезам, следовательно, не должно никого удивлять. И вместе с тем антитеза у Хониата по своей природе родственна «принципу поворота», и в ней также раскрывается свойственное писателю трагическое восприятие неустойчивой, чреватой катастрофой действительности. Вот характерная антитеза: Андроник I после своей коронации поклялся на святых дарах, что принял власть исключительно ради помощи [племяннику], Алексею II, «которого, – добавляет Хониат, – он несколько дней спустя задумал и выбросил в морскую пучину» (с. 272. 79–80). И еще одна антитеза, тоже относящаяся к Андронику: он показывался своим вельможам (да и то немногим) лишь в установленные дни, а флейтисток и проституток допускал к себе в любое время (с. 321. 26 сл.). Относительно Исаака II, конфисковавшего украшения из разных церквей, чтобы поместить их в храме Михаила Архангела, Хониат, [вновь пользуясь игрой слов,] замечает: «Он считал похищение дарением [(*προσθήκη*)] – специальный термин] и перенос [(*μετάθεσις*)] вкладом [(*πρόσθεσις*)]» (с. 443. 65–66)].

Вглядимся в эти антитезы. Здесь отнюдь нет противопоставления «верха» и «низа», земли и неба; антитезы Хониата, как правило, десакрализованы, отнесены целиком к земной сфере и обрисовывают нелепость или лицемерие человеческих поступков. Вот почему так настоятельно подчеркивает Хониат разрыв между истинными замыслами и произнесенным словом, между намерением и клятвой, между выгодой и красивым предлогом. [Любезные речи латинян были мягче бесшумно текущего масла, но слова их были подобны стрелам (аллюзия на Пс. 54: 22) и ранили сильнее обоюдоострого меча (с. 301. 25–27; аллюзия на Евр. 4: 12).] Иоанн Каматир одно говорил, другое делал, одно имел на устах, другое на сердце. Исаак Ангел осуждал тех, кто устами был с ним, сердцем же – с мятежным Враной. Об Алексее IV сообщается, что устами он принадлежал ромеям, сердцем же склонялся к латинянам. [Часто писатель сокрушается: «Казалось так, но в действительности...» (с. 323. 57 сл.), или открыто заявляет: «То был явный обман, лживое обещание мошенника»

(с. 272. 67).] Подобное обнаружение истинных намерений за благолепной личиной – постоянная тенденция Хониата.

«Принцип поворота» и обилие антитез создают в «Истории» Никиты Хониата настроение нестабильности, предчувствие катастрофы. И эти напряженность и неустойчивость усугубляются размеренностью и организованностью структуры книги. История правления Мануила I описана в семи книгах (частях) – все они примерно одного объема, [около 25 страниц в издании ван Дитена]. Отдельные эпизоды часто заключены в своего рода стилизовую рамку, куда они вписываются, словно византийский портрет в медальон, что порождает ощущение композиционной завершенности, целостности. Рамка возникает из дублирования слов в начале и конце эпизода. Например, [Хониат пишет, что жители Константинополя с ликованием встретили Мануила Комнина, затем в общих чертах рисует портрет молодого императора, а в конце замечает, что горожане приняли Мануила «с распростертыми объятьями» и что он «с ликованием» (употребляется то же слово, что и в начале) вступил во дворец (с. 50. 69 сл.)]. О Рожере Сицилийском Никита сообщает, что тот не имел равного себе противника, затем повествует о разграблении Фив сицилийскими норманнами и заканчивает почти так же, как начал: «Не было ему в ту пору противника» (с. 74. 50–51); [а в греческом языке слова *ἀντίπαλος* и *ἀντίμαχος* почти равнозначны]. Или в экскурсе о скифах (половцах) писатель начинает с констатации, что им легко давалась переправа через Дунай, а затем, обрисовав оружие и быт скифов, повторяет, что они легко переправляются через Дунай.

Течение рассказа медлительно, постоянно прерывается риторическими декламациями, экфразами (описанием местностей или архитектурных сооружений), вставными новеллами и просто повторами, но медлительность Хониата, оттеняющая напряженность конфликта, не есть свидетельство того, что он в рабстве у рассказываемого факта. Хониат не анналист, не регистратор событий, совершавшихся год за годом, он владеет временем и комбинирует факты, подчиняя их сочетание творческому замыслу. Последовательность, которой он руководствуется и о которой время от времени сам – свободно и раскованно – напоминает читателю, не хронологическая, а логическая; [это было характерно для стиля Михаила Пселла, но не Феофана].

Каждая книга «Истории» – скорее очерк, эссе, характеристика лица или события, чем последовательное повествование обо всем происходившем в империи. Мы видели, что географический го-

ризонт Хониата субъективно окрашен, произволен – и точно так же субъективен отбор героев. В этом отношении чрезвычайно любопытна V книга истории Мануила I, посвященная, вопреки заголовку, не императору, а византийскому полководцу Андронику Кондестефану, его победе над венграми в 1167 г., походу на Дамьетту в 1169 г. и преследованию венецианского флота в 1171 г. Из многообразной истории Византии тех лет выбираются три события, объединенные личностью героя. Мы ничего не знаем о взаимоотношениях Хониата с аристократом Андроником Кондестефаном, которому писатель явным образом сочувствует, однако известно, что владения семьи Кондестефанов были расположены как раз в долине Меандра, вблизи от Хон, в районе, который пользовался преимущественным вниманием Никиты¹³. Вполне возможно, что субъективный отбор материала определялся и личными связями писателя и героя. (При этом бросается в глаза структурное единство всех трех эпизодов, начинающихся с присылки царского послания, включающих, кроме третьего случая, речи Кондестефана и основанных на противопоставлении его другим лицам: в двух случаях Мануилу I, в одном – Амальриху [I, королю] Иерусалимскому.) По-другому, но тоже очерково строится VII книга истории Мануила I, дающая обзор внутренней политики и богословских споров того времени вне временной последовательности.

Таким образом, художественное время Хониата не совпадает с реальным временем; иными словами, он группирует материал не во временной последовательности (запутанность хронологии, кстати сказать, исследователи византийской истории не раз ставили в упрек Никите). Медлительность повествования Хониата не только оттеняет драматический по существу конфликт, но играет и самостоятельную роль, способствуя неожиданному у средневекового автора стремлению осознать постепенность психологического сдвига. В этом, пожалуй, Хониат намного опередил свое время, и на этой его особенности следует задержаться подробнее.

Мы сопоставим один эпизод «Истории» – свержение Андроника I – с соответствующим рассказом французского хрониста начала XIII в. Роберта де Клари. (Повесть о низложении Андроника, надо заметить, вообще была хорошо известна на Западе: она включена в ряд западных летописей, в том числе в старофранцузское Продолжение хроники Гийома Тирского и в английскую хронику, ошибочно приписываемую Бенедикту из Питерборо.) [Роберт де Клари, рыцарь из Амьена, участвовал в Четвертом крестовом походе и оказался в Константинополе в то время, когда

воспоминания об Андронике были еще достаточно живы. Роберт завершает свой рассказ сведениями, которых нет у Хониата: над входами в константинопольские церкви висели картины, изображавшие, как Исаак чудесным образом сделался императором, как Господь возложил ему на голову венец и как ангел в решающий момент перерезал тетиву лука Андроника, целившегося в Исаака¹⁴. Возможно, это византийское «народное творчество» в какой-то мере послужило источником для версии событий, представленной Робертом. Разумеется, Хониат не мог не видеть этих изображений, и таким образом можно объяснить удивительное сходство общего плана произведений обоих историков, ни один из которых не имел возможности читать сочинение своего современника. Благодаря этому сходству легче уловить стилистическую индивидуальность каждого автора.

Различие в стиле двух произведений поразительно.] Роберт де Клари динамичен, стремителен, склонен к передаче прямой речи, к введению второстепенных, случайных персонажей (в том числе женщин), и на фоне этой стремительности медлительная описательность Хониата проступает с особенной наглядностью. Роберт начинает с попытки ареста Исаака Ангела (Кирсаака), затем повествует о том, как бальи (управитель) Андроника (Хониат сообщает его имя – Айохристофорит) является в дом «доброй дамы», где остановился Кирсаак. После переговоров с ним хозяйка дома идет к Исааку и говорит ему: «[Ах, добрый сир Исаак!] Вы мертвец. Вот бальи императора и много людей с ним». Исаак берет шпагу, направляется к бальи и спрашивает его: «Мессир, что вы хотите?». Тот отвечает оскорбительно, [говоря: «Вонючий мужлан, я пришел, чтобы тебя повесить»]. Тогда Исаак с криком: «Негодяи, вас повесят!» – ударяет бальи шпагой по голове и разрубает ее до зубов¹⁵.

Повторяю еще раз: здесь все – диалог и действие, тогда как Хониат описывает одежду Исаака, поведение слуг Айохристофорита, его попытку бежать, его труп, наконец. Он развернуто характеризует с помощью ряда сравнений настроение Исаака. Но самое существенное впереди.

Исаак ищет спасения в храме св. Софии, вокруг которого собирается толпа. Его дальнейшая судьба в изображении амьенского рыцаря представлена четко и определенно: люди восхищены смелостью Исаака, и они говорят друг другу: «Сделаем этого рыцаря императором!»

Совершенно по-другому, психологически несравнимо тоньше повествует о тех же событиях Хониат. Сначала все думали, что

к заходу солнца Исаак будет схвачен и подвергнут суровой казни, — теми, кто сбегался к церкви, двигало поначалу чистое любопытство; затем кое-кто осмелился высказать жалость к Исааку и его родным. Но так как Андроник медлил, собравшиеся осмелели — посылались дерзкие речи, обещания поддержать Исаака. К утру, говорит Хониат, не осталось константинопольца, который бы не молил о низложении Андроника и воцарении Исаака. Еще немного времени, и теперь рискнувшим осуждать мятежника стали грозить смертью. Толпа росла, люди возбуждались и осыпали бранью тех, кто им не сочувствовал. Наконец все, прежде трусившие, присоединились к сторонникам Исаака.

Какое удивительное для средневекового художника место! То, что у Роберта де Клари совершается мгновенно, чуть ли не парадоксально, под пером Хониата получает психологическое обоснование, изображается результатом постепенного процесса. [Но в «Истории» это не единственный пример тонкого психологического наблюдения. Рассказывая о режиме террора, установленном кровожадным Андроником I, Хониат живо описывает страдания людей, которые постоянно думали о грозящей им опасности и теряли сон по ночам, мысленно представляя себе всякого рода казни. «Другие оставляли свои горестные раздумья, как только зло, о котором они столь много размышляли, становилось явью» (с. 294. 36–37). Ожидание несчастья, говорит Хониат, более мучительно, чем само несчастье. Но вернемся к сопоставлению с Робертом де Клари.

Андроник (у Роберта «Андромес») также по-разному изображен двумя писателями. У Роберта действие развивается по прямой линии, представляя собой единственную, простую цепь событий; следовательно, Андромес появляется в его рассказе лишь после коронации Исаака: он очень своевременно приходит в св. Софию, чтобы увидеть там Исаака с царским венцом на голове. Подход Хониата к хронологии описываемых событий более гибкий: их сюжетная последовательность в «Истории» иногда заметно отличается от их реальной последовательности. Так, сообщив об утреннем настроении толпы, о ее готовности к мятежу, Никита возвращается к событиям предыдущего вечера, когда император Андроник еще находился в своем дворце за пределами Константинополя (с. 344. 79 сл.).]

Субъективно окрашенное повествование Хониата иронично. Живой участник собственного рассказа, он активно относится к героям; он не стремится вынести им величественный вердикт [(столь характерный для Феофана, часто прибегавшего к таким

определениям, как «преступный царь»)], но смеется над ними – над их внешностью, над их неразумным поведением, над нелепостью их суждений.

Трагическая ситуация кануна Четвертого крестового похода обрисована серией иронически-саркастических частных характеристик. Царские евнухи не дают рубить лес для строительства судов, словно это Богом насаженный сад; комизм усугубляется игрой слов: по-гречески *ἐκτοσίσι*, «евнухи», и *ἐκτεμεῖν*, «рубить», восходят к одному корню. Командующий флотом Михаил Стрифн распродает по частям корабли. Сам царь, Алексей III, занимается пустяками, называя мифом уже стоящую перед глазами опасность; и опять-таки ирония подчеркивается употреблением деконкретизирующего стереотипа: «Он сравнивал с землей холмы и засыпал ущелья». О Феодоре Кастамоните, [дяде Исаака II по матери], Хониат рассказывает: у него болели суставы, и потому на приемы к царю Кастамонита вносили на креслице двое слуг, словно винную амфору. Само по себе сравнение высокого государственного мужа [(Кастамонит был логофетом секретов, главой императорской канцелярии)] с амфорой смело и комично, но Хониат и дальше не расстается с «винной» терминологией, только превращает Кастамонита из «сосуда» в виноторговца, ибо, по словам Никиты, он «торговался» (*κατηλέω* – глагол, обычно прилагающийся к действиям корчмаря, держателя винной лавки – *κάπηλος*) и задешево продавал судьбы ромеев. А затем ирония Хониата приобретает грозно-саркастические очертания: креслице Кастамонита уже не амфора, но похоронные носилки, перед которыми народ и члены высшего совета оплакивают собственную судьбу, ибо фаворит императора претендует на императорские почести, а сам властитель покорно уступает требованиям своего дяди.

Норманнское войско приближается к Константинополю, и Андроник I начинает энергичные действия: он сжигает дома, примыкавшие к городским стенам, собирает в гавани военные корабли. Но, дойдя в своих государственных заботах до этого, продолжает Хониат, Андроник «отвалился», словно сделанного было достаточно для серьезного сопротивления. И еще об Андронике: он сравнивал себя с Давидом и даже считал, что превзошел библейского царя. Почему? Давид, удалившись в изгнание, жил поблизости от Палестины и бедствовал, а Андроник объездил все восточные народы и повсюду был встречен с почетом. Хониат не опровергает Андроника, он только ставит акцент: «Это все он излагал с достаточной убедительностью» (с. 334. 70), и от такого

спокойствия дерзкое самовосхваление Андроника оказывается особенно неуместным.

Нередко повествователь прибегает к словесной эквилибристике, обнаружению неожиданных смысловых значений, противоречий звучания и смысла. [Игра слов – важный стилистический прием средневековой литературы, и Хониат часто использует его. Некоторые из построенных им созвучий] традиционны и сводятся к этимологизации имени, как это присуще агиографии: Стефан сопоставляется с венком (по-гречески *στέφανος*), Хрис – с золотом (*χρυσός*), Аспиет – со щитом (*ἀσπίς*). Игра слов такого рода лежит на поверхности, но Хониат использует и более сложные созвучия. Болгарский царь Асень заявляет, что его цель не освободить ромеев, а погубить их: [он играет на звуковом сходстве между словами *λύειν*, «освободить», «избавить», и *ἀπολλύειν*, «уничтожить», «разрушить до основания». Очень изящный каламбур можно обнаружить в конце первой книги об Исааке II:] щебетание каких сирен (*Σειρήνων*) привело бы к успокоению (*πρός εἰρήνην*) (с. 393. 11)? В других случаях игра основывается не на созвучии, а на синонимике, на противоречивом сходстве значений. Исаак II был ослеплен; его лишили света, говорит Хониат, те, на кого он полагался, как на собственные очи.

Владение словом само по себе внушает радостное чувство Хониату. Его словарь богат. Он щедро использует редкую лексику, забытые слова. Он придает им новый смысл. Он творит неологизмы [и бросает вызов пуристам, прибегая к словам из разговорного языка (например, названия должностей), а также к заимствованиям из языков соседних народов (к примеру, славянское слово «зубр»). Писатель с удовольствием употребляет разные синонимы для обозначения одного и того же предмета: некий лодочник, незадачливая жертва колдуна Сикидита, перевозил горшки, которые Хониат последовательно называет *τρίβλι*, *σκευάρια*, *κεράμια*, *λοτάδες*, *φόρτον* (с. 148. 5 сл.). Синонимы, применяемые для описания гробницы Мануила I, не менее разнообразны: *μνήμα*, *σόςος*, *τάφος* и *λίθος νεκροδέμνων* (с. 256. 49 сл.); возможно, последнее словосочетание навеяно эсхиливским «Прометеем», стк. 153.] Иногда нагнетание синонимов усиливает напряжение: так, Андроник Комнин, брошенный в темницу, просит прислать ему веревки для бегства, и Хониат использует четыре синонима: «сплетенные из льна канаты», «клубки бечевы», «нити», «шнурки». Речь идет не о разных предметах – одно понятие выражено разными словами.

Хониат подбирает бесконечно разнообразные синонимы для обозначения кажущихся ему существенными явлений византийской жизни – особенно для столь частого в ту пору ослепления: [ἐκτυφλῶ, ἐξομμάτω, σκοτόω, ἐξορύσσομαι, στερέω, ἐκκόπτω, διαλῶβῶ, ἀμαυρῶ, ἀποσβέννυμι, ζημιῶ, πατταλεύω; даже глаголы с неопределенным значением, такие, как τίθημι и δέικνυμι, используются с той же целью. Особенно интересна судьба глагола πηρώ, который в греческом языке классического периода употреблялся в значении «ослаблять» или «калечить», а у Хониата означает «лишать зрения».

Производное от него слово ἐκπηρώ отмечено в «Тезаурусе греческого языка» только как *scriptura vitiosa*, но оно обнаруживается в произведении Хониата (с. 314. 43). Слово ἐκτερονάω, сходное с ним по звучанию и смыслу, в классическую эпоху означало «связывать воедино»; у Хониата оно приобретает значение «выкалывать глаза» (с. 293. 83). Аналогичным образом существительное πῆρωσις, прежде обозначавшее общее понятие («нанесение увечья»), в «Истории» появляется пять раз и всякий раз при описании ослепления. Производное прилагательное πηρωτικός отсутствует в «Тезаурусе», но о его существовании свидетельствует выражение «ослепляющее железо» (с. 375. 6) – перифраза, при помощи которой Хониат обозначает орудие для выжигания глаз. Даже такой утонченный интеллектуал, как Пселл, ограничивался довольно скудным набором словосочетаний для наименования этого вида казни: τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐκκόπτειν или τῶν ὀφθαλμῶν ἀποστερεῖν (ἀφαίρειν).

Словарь Хониата позволяет иногда проникнуть в его бессознательный мир. Так, Хониат полностью разделяет христианское представление о целомудрии и отвергает античную скульптуру с ее нагими телами; напротив, он радуется, что статуя Афины одета в платье из бронзы, доходящее ей до пят, «так что ни одна часть тела, которую Природа повелела скрывать под одеждой, не оказывается обнаженной» (с. 558. 50–52). Но вместе с тем, при столь враждебном отношении к наготы наш средневековый автор использует по меньшей мере 17 слов для обозначения половых органов и прочих «низменных» частей тела¹⁶.

Хорошо известно, что византийцы любили неподвижность и фронтальность, считая подвижность свойством демонов и варваров. Ж. Лефор наглядно показал такое мировоззрение на примере ритора XI в. Иоанна Мавропода¹⁷. Ранее мы уже отмечали, что повествование Хониата не обладает динамичностью, присущей Роберту де Клари; однако при изучении его словаря

становится очевидно, что он чаще говорит о движении или нападении, чем о покое или обороне. Своей «Историей» он пробивает брешь в византийской эстетике неподвижности.

Никита Хониат был честным и мужественным человеком. Он был выдающимся историком; его книга представляет собой источник уникальной информации о внешней и внутренней политике Византии. Он был выдающимся писателем с необычной для средневекового литератора склонностью к психологизму, со свойственной ему одному способностью улавливать настроения широких масс. Хониат умел давать яркие характеристики своих персонажей и обладал удивительно богатым словарем, которым пользовался не только для традиционной игры слов (кстати, игра слов часто применялась им в явно нетрадиционном контексте), но и для отражения своего бессознательного мира, который иногда приходил в противоречие с его сознанием, определявшимся современной ему действительностью.]

Впервые опубликовано: Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 83–119. В расширенном виде текст напечатан в качестве предисловия к изданию: Niceta Choniata. Grandezza catastrofe di Bisanzio // Narrazione cronologica. Vol. I / Introduzione di A. Kazhdan, testo critico e commento a cura di R. Masano. 1994. Авторские добавления в итальянском варианте учтены в настоящей публикации (текст в прямых скобках).

- ¹ [Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos. 1143–1180. Cambridge, 1993.]
- ² Ср.: Katsaros V. A Contribution to the Exact Dating of the Death of the Byzantine Historian Niketas Choniates // JÖB. 32/3. 1982. P. 83–91.]
- ³ См. о нем: Van Dieten J. L. Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates. Amsterdam, 1970.
- ⁴ Nicetas Choniates. Historia // Ed. J. L. van Dieten. Berlin; New York, 1975 (НХ Ист.). Русский перевод: Никита Хониат. История. Ч. 1–2. СПб., 1860–1862.
- ⁵ [О параллелях и различиях между первой книгой Киннама и Хониата см.: Каждан А. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // BS. 24. 1963. P. 4–31. (См. настоящее изд.)]
- ⁶ Anne Comnène. Alexiade. T. 3. Paris, 1945. P. 228; цит. в персв. Я. Н. Любарского: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 424 сл.
- ⁷ Март Ю. Н., Чайкин К. И. Хакани, Низами, Руставели. Вып. II. Тбилиси, 1966. С. 181 сл.
- ⁸ [П. Магдалино убедительно показал, что в XII в. агиографическая литература переживала кризис (см.: Magdalino P. Tradition and Transformation in Medieval Byzantium. Aldershot, 1991. Pt. VII. P. 51–66).]
- ⁹ Цит. по кн.: Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 38–40.

- ¹⁰ *Michel Psellos. Chronographic. Paris, 1926–1928. Т. 1. P. 134, 151; Т. 2. P. 6, 58, 59.*
- ¹¹ [*Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia // Ed. I. Schopen, I. Bekker. Bonn, 1829–1855. V. I. P. 495. 5; V. II. P. 902. 21–22; V. III. P. 214. 9–12.*]
- ¹² [*Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia. V. II. P. 576. 10–13; 978. 23 – 979. 6.*]
- ¹³ [В «Partio Romania» сообщается, что в 1204 г. Кондестефана принадлежали большие имения в тех местах. Ж.-К. Шейне (*Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance. 963–1210. Paris, 1990. P. 155*) считает, что они «извлекли для себя выгоду из нашествия латинян», но больше оснований предполагать, что они просто сохранили свои владения.]
- ¹⁴ [*Robert de Clari. La conquête de Constantinople. Paris, 1924. P. 28.*]
- ¹⁵ [*Robert de Clari. La conquête... P. 22.*]
- ¹⁶ [*Kazhdan A. Der Körper im Geschichtswerk des Niketas Choniates // Fest und Alltag in Byzanz / Ed. G. Prinzg und D. Simon. München, 1990. S. 103 f. (см. настоящее изд.).*]
- ¹⁷ [*Lefort J. Rhétorique et politique. Trois discours de Jean Mauropous en 1047 // Travaux et Mémoires. 6. 1976. P. 285–293.*]

ЕЩЕ РАЗ О КИННАМЕ И НИКИТЕ ХОНИАТЕ

Большая часть того, что мы знаем о политической истории Византии XII в., почерпнуто из сочинений Иоанна Киннама и Никиты Хониата. Почти современники, оба эти историка начинают свое повествование со смерти Алексея I Комнина (1118 г.) и доводят его: первый – до кануна неудачного сражения при Мириокефале (1176 г.), второй – до печальных событий, последовавших за падением Константинополя, а именно до 1206 г. Возникает естественный вопрос о соотношении обоих исторических сочинений (в пределах до 1176 г.).

Никита Хониат, живший и писавший немного позднее Киннама, называл себя во введении к «Хронике» первым историком описанных им событий (Nis. Ch., p. 7. 4–5); быть первым куда труднее, писал он далее, чем «идти по проторенной дороге, иными словами – следовать за чужим историческим сочинением» (Nis. Ch., p. 7. 7–8). Основываясь на собственных словах Хониата, большинство исследователей, писавших в конце XIX столетия (в том числе такие авторитетные знатоки византийской литературы, как К. Крумбахер и К. Нейман), категорически утверждало, что Хониат не пользовался сочинением Киннама¹.

Впрочем, подобным заявлениям византийских хронистов не всегда можно верить. Сошлюсь хотя бы на то, что один из наиболее откровенных компиляторов X в. Генесий в предисловии к «Книге царей» гордо заявлял, что не пользовался письменными материалами. И действительно, уже византилисты XIX столетия отметили некоторые места «Хроники» Никиты Хониата, восходившие к различным письменным источникам². Поэтому вполне

естественно, что время от времени предпринимались попытки пересмотреть вопрос о соотношении обеих хроник. Еще в 1874 г. Ф. И. Успенский отметил ряд эпизодов, которые, по его мнению, были заимствованы Хониатом у Киннама, и пришел к выводу, что «в описании внешних дел императора И[оанна] Комнина Никита и Киннам не только владеют почти одним и тем же материалом, но и следуют одинаковой системе изложения»³. Сходный взгляд – хотя и без специальной аргументации – был высказан и венгерским ученым Г. Марчали⁴.

Судьба концепции Ф. Успенского сложилась неблагоприятно: на Западе ее не заметили (К. Нейман, например, оспаривает высказывание Г. Марчали, но не подозревает о существовании детально аргументированной работы Ф. Успенского), в России – не приняли. «Никита Акоминат, – писал В. Г. Васильевский, полемизируя с Ф. И. Успенским, – по всем признакам не был знаком с сочинением своего предшественника»⁵. Однако бросается в глаза то обстоятельство, что противники концепции Ф. Успенского противопоставляли его конкретным доказательствам лишь самые общие рассуждения: действительно, что значит «по всем признакам»?

Как бы то ни было, суждение о независимости Хониата от Киннама было воспринято и позднейшими специалистами⁶, хотя кое-кто и придерживался более осторожной позиции, утверждая, что проблема еще не решена⁷. В 1950 г., почти три четверти века спустя после Ф. Успенского, попытку пересмотреть традиционный взгляд предпринял румынский византист В. Греку; он показал, что многочисленные совпадения (как во введении, так и в тексте) не могут объясняться случайностью, и пришел к заключению, что Хониат пользовался «Историей» Киннама, которая, по мнению Греку, оставалась неизданной⁸.

Греку не использовал книги Ф. Успенского⁹, и, хотя его аргументация уступала в доказательности рассуждениям его русского предшественника, изложенные по-французски выводы румынского историка были немедленно приняты авторитетнейшими византистами¹⁰: научные открытия, как и книги, имеют свою судьбу.

Итак, о независимости обоих историков в настоящее время не приходится говорить. Но работы Ф. Успенского и Греку, давая решение проблемы в общем виде, оставляли неясными некоторые существенные вопросы. Действительно, в какой мере далеко заходил Никита Хониат в своих заимствованиях? В каких частях «Хроники» он ближе к Киннаму и в каких – отступает от своего предшествен-

ника¹¹? Что нового он вносит и что он исключает в сравнении с Киннамом? В какой мере достоверны его добавления? Являются ли эти добавления и исключения случайными, или они помогают понять политические и общественные взгляды обоих авторов? Все эти вопросы остались не затронутыми в трудах Ф. Успенского и Греку потому, что и тот и другой византинист ограничились сравнением отдельных пассажей в обоих исторических сочинениях, тогда как для решения проблемы необходимо последовательное сопоставление, шаг за шагом, хроник Хониата и Киннама. Это сопоставление и является предметом настоящей работы.

Прежде чем приступить к сопоставлению текста хроник, необходимо сделать два предварительных замечания.

1. Оба автора имеются лишь в некритических изданиях первой половины XIX столетия¹²; что касается Киннама, то он сохранился в единственной рукописи XIII в. (Vatic. 163)¹³, и проблема критического издания в данном случае сводится, по существу, к колляции изданного текста с рукописью¹⁴ и к предложению более или менее остроумных конъектур¹⁵. Сложнее обстоит дело с рукописной традицией «Хроники» Никиты Хониата: известно большое количество списков этого сочинения, причем принято считать, что эти списки, помимо поздней перифразы, варианты которой по мюнхенской рукописи (Monac. 450, XIV в.) сообщает И. Беккер в постраничных примечаниях боннского издания, могут быть объединены в две редакции: краткую и пространную¹⁶. Следовательно, необходимо было сопоставить «Историю» Киннама не с изданным текстом Никиты Хониата, а с рукописями обеих редакций, поскольку до такого сопоставления нельзя было решать, какая из редакций ближе к тексту Киннама.

Благодаря любезности проф. М. Ришара, мне удалось получить в кратчайший срок микрофильмы четырех рукописей «Хроники» Никиты Хониата. Все рукописи датируются XIII в. и, следовательно, стоят чрезвычайно близко к моменту завершения сочинения (начало XIII в.). Две из них (Vindob. hist. 53 и Vatic. 169) Д. Моравчик относил к краткой редакции, две другие (Vatic. 163; Paris. 1778) – к пространной. Для обозначения рукописей используются принятые Д. Моравчиком сиглы, а именно:

- D* – Vindob. hist. 53,
- E* – Vatic. 169,
- V* – Vatic. 163,
- P* – Paris. 1778.

Изданный И. Беккером текст обозначается сиглом *ed.*, издание в *Recueil des historiens des croisades* – сиглом *Rec.*

2. Сохранившиеся свидетельства современников в некоторых случаях могут быть сопоставлены с нашими хрониками. Из греческих авторов для наших целей наиболее важны Продром¹⁷, Михаил Италик¹⁸ и анонимный панегирист Иоанна II Комнина, сохранившийся в Эскуриальской рукописи (Escor. Y II 10)¹⁹. Хотя эти авторы, по-видимому, не участвовали в военных походах Иоанна II (Продром и Михаил Италик подчеркивают это обстоятельство)²⁰, они, однако, располагали официальными данными: так, в одном из писем Михаил Италик восхваляет логофета дрома Стефана Мелита за его великолепные реляции о походе Иоанна II в Киликию и Сирию²¹. Возможно, что эти официальные сведения были доступны и позднее писавшим историкам.

Опуская введение (сходство обоих введений было хорошо показано уже Греку²²), перехожу непосредственно к тексту первой книги, посвященной правлению Иоанна II Комнина (1118–1143).

Подробный рассказ о воцарении Иоанна Комнина и заговоре Анны Комнины, пронизанный определенной антикомниновской тенденцией, имеется только у Хониата (Nic. Ch., p. 8. 1 – 17. 17)²³. Хониат рассказывает здесь о склоке в семье Алексея I: жена его Ирина не любила своего старшего сына Иоанна и хотела видеть наследником престола Никифора Вриенния, мужа кесарисы Анны. Поэтому Иоанн, когда отец его лежал при смерти, тайно пробрался к нему и снял с живого еще императора перстень (Nic. Ch., p. 10. 6–8). Ирина же, узнав об этом, поспешила к умиравшему супругу и, обливаясь слезами, жаловалась, что сын украл у него императорскую власть (Nic. Ch., p. 11. 1–4). Не в лучшем виде представлена и кесариса Анна, старшая дочь Алексея I, возглавившая заговор против родного брата (Nic. Ch., p. 15. 2–14). Киннам же ограничивается в этом месте лишь скупыми словами о том, что после смерти отца Иоанн получил царскую власть (Cinn., p. 5. 12–14), и сразу же переходит к следующему эпизоду – к походу в Азию.

Вслед за тем мы находим у обоих авторов несколько сходных эпизодов.

1. Взятие Лаодикии византийскими войсками в 1119 г. (Nic. Ch., p. 17. 18–25; Cinn., p. 5. 15 – 6. 5), причем и в той и в другой хронике упомянут Альп-кара²⁴, названный у Хониата начальником лаодикийского гарнизона, а у Киннама – опытным воином из варварской знати.

2. Взятие Созополя с помощью военной хитрости (Nic. Ch., p. 18. 1 – 19. 15; Cinn., p. 6. 5 – 7. 11), причем рассказ Киннама

более богат деталями, в частности, он называет двух командиров передового отряда византийцев: Пактиария и Декана (Cinn., p. 6. 19–20), тогда как у Хониата назван лишь один Пактиарий (Nic. Ch., p. 18. 14)²⁵.

3. Взятие Иеракокорифита²⁶ и других крепостей, которые, по словам Киннама, находились в окрестностях Агталии (Nic. Ch., p. 19. 15–18; Cinn., p. 7. 12–15)²⁷.

4. Разгром «скифов» – печенегов в 1122 г.²⁸. При этом в обеих хрониках мы встречаем сходные эпизоды: описание печенежского «вагенбурга» (у Хониата (Nic. Ch., p. 21. 11–17) более эмоциональное, у Киннама (Cinn., p. 8. 8–12) более деловое: в частности, только он говорит о бычьих кожах, которыми сверху были покрыты телеги), атака византийской гвардии (только у Киннама она обозначена как «британский отряд» (Cinn., p. 8. 15)); сдача печенегов в плен, описанная почти теми же словами, но с широким использованием синонимов – как будто один из авторов старался скрыть сходство своего повествования с оригиналом:

Cinn., p. 8. 20

τῷ φίλτρῳ τῶν ἐαλοκότων

αὐτόμολοι βασιλεῖ γεγονότες.

Nic. Ch., p. 22. 18

αὐτόμολον τῷ πόθῳ τῶν

ζωρηθέντων ὁμογενῶν.

Вслед за этим эпизодом Хониат рассказывает о столкновении с сербами, нарушившими договор, и о походе на восток (Nic. Ch., p. 23. 4–15; ср. Ephraemius, vers. 3834 sq.), тогда как Киннам, не упоминая сербского похода, говорит только об экспедиции в Азию (Cinn., p. 9. 2–6).

Далее у Хониата (Nic. Ch., p. 23. 16 – 24. 7) неожиданно следует рассказ о сыновьях Иоанна II и о том, как Иоанн видел во сне своего старшего сына Алексея²⁹. Этот эпизод, отсутствующий у Киннама, разрывает повествование о войнах на западе, к которым непосредственно вслед за тем возвращается Хониат, и является, скорее всего, вставкой.

После вставки порядок изложения у обоих историков вновь совпадает.

5. Война с венграми – «гуннами» в 1127–1129 гг.³⁰ (Nic. Ch., p. 24. 8 – 25. 18; Cinn., p. 9. 10–13. 9) описана у Киннама более подробно. По словам Хониата, она началась с нападения венгров на Браничево (ср. Ephraemius, vers. 3848), стены которого были разрушены, а камни увезены в Землин; напротив, Киннам свидетельствует, что венгры, перейдя Дунай, разрушили Белград, из камней которого был возведен Землин, Браничево же было взято несколько позднее (Cinn., p. 12. 1–2). При этом Киннам,

забегая вперед, упоминает о постройке стен Белграда при Мануиле I (Cinn., p. 10. 15–17), зато только у Хониата мы находим упоминание об ограблении жителями Браничева венгерских купцов, что было использовано венграми для объявления войны (Nic. Ch., p. 24. 15–18). Возмущение «далматов» – сербов (по-видимому, то, о котором Хониат упоминает выше, в несколько иной связи) описано Киннамом (Cinn., p. 12. 9–14) вместе с историей венгро-византийской войны³¹.

Продром перечисляет (при этом перенумеровывая их) военные успехи Иоанна II примерно в том же порядке: сперва – взятие Лаодикии, затем – захват Созополя, уничтожение скифского племени, порабощение «далматов» и, наконец, победа над «дакийцами» (PG, t. 133, col. 1384 AB)³²; в другом месте он перечисляет победы лаодикийскую, созопольскую, скифскую и «далматскую», к которым прибавляет еще неизвестные Киннаму и Хониату победы у Амория и Лемноса (PG, t. 133, col. 1382 B); наконец, несколько неопределенное известие об этих событиях сохранилось в монодии Продрома на смерть Андроника Комнина. Здесь Продром упоминает об участии Андроника вместе с отцом в походах на персов³³, а также о том, что он успешно действовал против «гетов» и одержал победы за Истром (ὕπερίστρια κаторθώματα)³⁴. Следовательно, оба хрониста упустили кое-какие существенные события военной истории того времени; далее, победа над сербами имела место, скорее всего, до венгерской войны³⁵ – таким образом, внесенное Хониатом исправление последовательности основано было на хорошем источнике.

Вслед за тем оба хрониста переходят к описанию военных действий в Малой Азии, останавливаясь на следующих эпизодах.

6. Первый захват Кастамона (Nic. Ch., p. 25. 20 – 26. 2; Cinn., p. 13. 10–16).

7. Триумф в Константинополе (Nic. Ch., p. 26. 2–26; Cinn., p. 13. 16 – 14. 2)³⁶.

8. Война с каппадокийским правителем Мухаммедом³⁷, приемником «Данишменда»³⁸ (Nic. Ch., p. 27. 1 – 29. 10; Cinn., p. 14. 3 – 15. 23), т. е. эмира Гази, который умер в 1134 г.³⁹; Мухаммед первоначально враждовал (оба историка пользуются одним словом διὰφορος – Nic. Ch., p. 27. 10, Cinn., p. 14. 11) с султаном Икония Масутом, но затем объединился вместе с ним против ромеев. Тем не менее Иоанну удалось вторично взять Кастамон и занять Гангры.

У Киннама нет имени Масута, он именует его филархом Икония, которого «персы» называют султаном (Cinn., p. 14. 12–

13), Хониат же сперва говорит о «начальнике» города Иконий Масуте (Nic. Ch., p. 27. 11) и лишь позднее употребляет термин султан (Nic. Ch., p. 27. 22). Не следует ли предположить, что в оригинале, которым пользовался Хониат, имелось (подобно тому, как это стоит в «Истории» Киннама) разъяснение, что начальник Икония именуется у «персов» султаном? Опустив этот термин в первом случае, Хониат, однако, сохранил его во втором.

Осада Гангр в этом эпизоде описана Хониатом (Nic. Ch., p. 28. 7 – 29. 5) подробнее, нежели Киннамом (Cinn., p. 15. 13–20).

Военные действия Иоанна II в Малой Азии и особенно триумфальный въезд императора в Константинополь были предметом нескольких стихотворений Продрома, который сообщает ряд деталей, отсутствующих в обеих хрониках: названия городов, занятых византийцами во время первого похода на Кастамон (PG, t. 133, col. 1380 B, 1382 B); рассказ о вдове сельджукского правителя, возглавлявшей оборону Гангр⁴⁰; перечисление имен пленных сельджуков (PG, t. 133, col. 1381 B).

9. Начало следующего эпизода – война с армянами и киликийцами – сходно у обоих авторов. Так, о действиях правителя Малой Армении Льва Рубенида Киннам и Хониат говорят почти одно и то же:

Cinn., p. 16. 2–3

ἄλλας τε ὡς πλείστας τῶν
'Ρωμαίους κατήκοις πόλεις εἶλεν.

Nic. Ch., p. 29. 12–13

ἄλλα τε κατήκοα 'Ρωμαίοις
πολίσιματα χερῶσάμενον.

О походе в Памфилию и Киликию рассказывает также анонимный панегирист Иоанна II (Fontes, f. 2, p. 336, 21 sq.). По его словам, император, несмотря на трудные условия горной страны, уничтожил разбойничье гнездо и взял в плен фрурарха (Fontes, f. 2, p. 338. 10–11); ему подчинился киликийский Тавр (Fontes, f. 2, p. 339. 7–8); был занят город в горах (Fontes, f. 2, p. 340. 10–22); жители Тарса сдались без боя (Fontes, f. 2, p. 340. 25 – 341. 3); после упорной осады была взята Килисса (Fontes, f. 2, p. 343. 27 – 346. 7)⁴¹. Эти данные отсутствуют у Киннама и Хониата, известия которых восходят к иной версии⁴².

Хониат совершенно опускает все то, что Киннам после этого эпизода сообщает о «латинах» (переговоры о браке Мануила с дочерью Бозмунда Антиохийского (Cinn., p. 16. 7–11), женитьба на ней Раймунда Пуатье, сына графа аквитанского⁴³ (Cinn., p. 16. 21 – 17. 16)); зато им подробно описаны осада крепости Вака⁴⁴, о которой Киннам упоминает позднее (Cinn., p. 18. 10), и поеди-

нок, закончившийся победой македонца Евстратия (Nic. Ch., p. 31 sq); подробнее описывает Хониат и осаду Аназарва⁴⁵ (Nic. Ch., p. 33. 18 – 35. 24; Cinn., p. 17. 16 – 18. 2). Оба историка упоминают о постройке военных машин во время осады Аназарва, но только Киннам (Cinn., p. 17. 21) называет имя изобретателя глиняных покрытий для осадных орудий – Исаака Комнина, сына Иоанна II. Анонимный панегирист Иоанна II также рассказывает, что жители одной из осажденных крепостей сожгли военные механизмы ромеев, но император приказал построить новые и покрыть их глиняной обмазкой (Fontes, f. 2, p. 345. 27–29); он, однако, относит этот эпизод не к осаде Аназарва, а к военным действиям у стен Килиссы.

Описав взятие Аназарва, Киннам довольно подробно повествует об осаде Антиохии осенью 1137 г., закончившейся тем, что Раймунд признал императора своим сюзереном (Cinn., p. 18. 4 – 19. 3); Хониат же ничего не сообщает о военных действиях, ограничиваясь кратким описанием красот Антиохии, князь которой Раймунд с распростертыми объятиями принял Иоанна II и признал себя вассалом императора (Nic. Ch., p. 36. 1–7; ср. Ephraemius, vers. 3912 sq.). В этом отношении версия Хониата близка к рассказу анонимного панегириста: тот тоже ничего не знает об осаде Антиохии; по его словам, правитель Антиохии, видя мощь императора, послал к нему гонца с просьбой о мире, «и протянул десницу, и склонил выю, и сделался союзником» (Fontes, f. 2, p. 348. 1–6)⁴⁶.

10. Поход в глубь Сирии в апреле 1138 г. (Nic. Ch., p. 36. 7 – 38. 14; Cinn., p. 19. 8–22). Рассказ начинается с описания осады Визы⁴⁷, более подробного у Хониата, хотя только Киннам упоминает об императорском секретаре Фоме, которого Иоанн II послал с пленными в Антиохию⁴⁸; затем оба кратко сообщают о неудачной попытке взять Веррою (Халеп), и в заключении следует сходная фраза: ἐξ ἐφόδου παρατήσμενος, с тем только отличием, что, согласно Хониату (Nic. Ch., p. 38. 9–10), с ходу был взят Фереп, а по Киннаму (Cinn., 19. 21) – Хама и Хаварда⁴⁹.

11. Осада Шайзара⁵⁰ описана Хониатом подробнее (у Киннама отсутствуют упоминание об остановке Иоанна II у Нистрия⁵¹ (Nic. Ch., p. 38. 17), анекдот о камышовых копьях агарян, оказавшихся бесполезными (Nic. Ch., p. 39. 4–11), рассказ о разделении войска по «племенам» – на македонян, кельтов⁵², «скифов» и «персов» (Nic. Ch., p. 39. 17–20)), но в описании осады города (рассказ о том, как защитники Шайзара оставили наружную стену и перешли к обороне внутренних укреплений) Киннам (Cinn.,

р. 20. 1–2) более четок, чем Хониат (Nic. Ch., р. 40. 3–4). Дальнейшие события изложены Хониатом недостаточно ясно: по его словам, Шайзар был бы взят, если бы не дурные вести об окружении Эдессы (Nic. Ch., р. 40. 14–20); после этого остается непонятным, почему Иоанн II все-таки получил от жителей Шайзара драгоценные дары. Последовательнее изложение Киннама (Cinn., р. 20. 8–9): после нескольких неудачных попыток взять город Иоанн II приступил к переговорам, в результате которых византийцы получили богатый выкуп⁵³. Оба автора (Nic. Ch., р. 41. 1–2; Cinn., р. 20. 11; ср. Fontes, f. 2, р. 353. 12) подробно описывают полученный византийцами крест из лучезарного камня (λίθος λυχνίτης), который, по словам Киннама (Cinn., р. 20. 14–15), «каким-то образом» оказался в руках сарацинов; Хониат же, прямо ссылаясь на свидетельство шайзарских арабов, утверждает, что этот крест был захвачен их предками в лагере Романа Диогена (Nic. Ch., р. 41. 5–12).

В описании остальных даров Хониат и Киннам расходятся. Киннам, помимо драгоценного креста, говорит лишь о деньгах, Хониат же перечисляет драгоценности, коней, шелковые материи и стол Романа Диогена; точно так же и анонимный ритор говорит о драгоценных камнях, золоте и серебре, конях (Fontes, f. 2, р. 352. 17–20) и особо – о столе (Fontes, f. 2, р. 354. 8). По-видимому, Хониат воспользовался этим (или аналогичным) панегириком Иоанну II, чем и объясняется отклонение его (в деталях) от Киннама.

Только у Хониата приведено описание возвращения Иоанна II в Антиохию (Nic. Ch., р. 41. 21 – 42. 4), откуда император отправился в Киликию, тогда как, согласно Киннаму, он двинулся в Киликию непосредственно после получения в Шайзаре присяги и обещания платить дань (Cinn., р. 20. 15–16). Картина торжественной встречи императора в Антиохии, где толпы народа (τὸ ἄστικὸν πλῆθος) вышли с образами в руках⁵⁴, могла быть навешана Хониату каким-либо современным панегириком (как это имело место и при описании взятой в Шайзаре дани); во всяком случае в уже цитированном анонимном панегирике Иоанну II мы находим подробный рассказ о том, как весь многолюдный плебс (ὁ πολυάνθρωπος ἐκεῖ ἄπας δῆμος τοῦ ἁγίου) высыпал на улицу в торжественной процессии (Fontes, f. 2, р. 358. 17–19); слышался разноязычный гомон, и можно было видеть то итальянца, то ассирийца, то ромея (Fontes, f. 2, р. 358. 24–25); мостовые были покрыты тканями, и благовония попирались ногами (Fontes, f. 2, р. 359. 2–3).

Подводя итоги восточной кампании, Хониат (Nis. Ch., p. 42. 16; ср. p. 44. 19–20) исчисляет ее срок в три года, тогда как Киннам (Cinn., p. 21. 1–2) – в два. В данном случае Хониат предполагал, по-видимому, более надежным источником, так как и Продром свидетельствует, что поход Иоанна против исаврийцев, киликийцев и парфян продолжался три года⁵⁵. При этом Киннам подчеркивает, что писал он о событиях, которых сам не видел, и потому изложил все кратко (Cinn., p. 20. 19–22), – аналогичной оговорки у Хониата нет.

Эти события описаны в адресованном Феодору Стипиоту стихотворении Продрома, где помимо более ранних успехов Иоанна II (взятие Гангр и Кастамона, победа над скифами, далматами и персами), восхваляется подчинение кельтов и сирийцев, жителей Ваки, Тарса и Антиохии, война против Алеппо (в действительности неудачная) и победа над жителями Шайзара (PG, t. 133, col. 1370 C – 1371 A)⁵⁶.

Дальнейшее изложение идет с существенными отличиями. Киннам, переходя к событиям в Малой Азии, кратко упоминает о неудачной осаде Неокесарии, останавливаясь лишь на одном эпизоде – на героическом поступке восемнадцатилетнего Мануила, который решил исход боя в тот момент, когда «персы» уже брали верх (Cinn., p. 21. 14 – 22. 2). Хониат же сообщает ряд сведений, свидетельствующих как о его хорошем знакомстве с семейной историей Комнинов, так и о весьма сдержанном (если не сказать резко) отношении к правившей династии: он подробно рассказывает о возвращении севастократора Исаака Комнина с сыном Иоанном после бегства к врагам империи (Nis. Ch., p. 42. 17 – 44. 6)⁵⁷; о недовольстве войска действиями Иоанна II, который делал вид, что не замечает этого (Nis. Ch., p. 44. 16 – 45. 10); о трудном положении ромеев во время перехода (в 1139 г.) через Пафлагонию в Каппадокию (Nis. Ch., p. 46. 9–12); о попытках Иоанна II показать врагам, что у него еще много конницы (Nis. Ch., p. 46. 23 – 47. 8); о ссоре императора с его племянником Иоанном (сыном севастократора Исаака) и переходе Иоанна на сторону врагов⁵⁸, что вынудило ромеев отступить (Nis. Ch., p. 48. 1 – 49. 9). По словам Хониата, император вернулся из похода 15 января (Nis. Ch., p. 49. 16).

Эпизод с Мануилом, имеющийся, как уже было сказано, у Киннама, изложен Хониатом иначе, причем Хониат подчеркивает не героизм младшего сына императора, а его безрассудство. Согласно Хониату, Мануил напал на врагов не во время битвы, когда это могло быть оправдано необходимостью, но по своей

инициативе, и тем самым вовлек войско в неравный бой (Nic. Ch., р. 47. 11–15). Если Киннам утверждает, что действия Мануила укрепили дух ромейских воинов, уже ослабевший, и что Мануил отразил врагов (Cinn., р. 21. 19–20), то из описания Хониата следует, напротив, что Мануил был спасен воинами, опасавшимися, как бы юноша не попал в беду (Nic. Ch., р. 47. 18). Наконец, Хониат (Nic. Ch., р. 47. 19–21) подчеркивает, что отец лишь на людях похвалил Мануила (о публичной похвале Иоанна II говорит и Киннам (Cinn., р. 20. 24)), а в палатке выпорол розгами (διὰ λύου)⁵⁹, считая его поступок скорее дерзким, нежели действительно смелым.

Наоборот, Михаил Италик в панегирике Мануилу говорит не об одном отважном поступке молодого царевича, но вообще изображает его героем в блестящем вооружении, наводящим страх на врагов⁶⁰. Впрочем, что еще можно ждать от византийского панегириста...

В этот же пассаж Хониата включен (также отсутствующий у Киннама) краткий рассказ о «тираническом» правлении Константина Гавры в Трапезунте (Nic. Ch., р. 45. 12–14). Значительно более подробные сведения о Гавре содержатся в монодии Продрома трапезундскому митрополиту Стефану Скилице: также называя правление Гавры тиранией, Продром указывает срок этой тирании – 14 лет – и сообщает некоторые сведения о внутренней политике Гавры. По словам Продрома, Гавра поработил город, превратил церковь в кладбище и, присвоив церковные доходы, раздавал стратиотам то, что принадлежало священникам⁶¹. Все эти сведения отсутствуют не только у Киннама, но и у Хониата.

Продром сообщает также некоторые детали относительно похода в Каппадокию (PG, t. 133, col. 1345 B). Еще не начался февраль (PG, t. 133, col. 1344 B), читаем мы у него, когда пришла радостная весть: ромейское войско, лишенное конницы, припасов, фуража, грязное, страдавшее от голода и питавшееся кониной, разбило Мухаммеда и похоронило в волнах Лика, хотя у него было вдоволь и пропитания, и конницы (PG, t. 133, col. 1345 A). Что речь идет именно об этом походе, подтверждается упоминанием Мануила, младшего сына императора, «которого ты вооружаешь против персов» (PG, t. 133, col. 1346 B). В этом же стихотворении содержится и намек на бегство Иоанна, племянника императора, к сельджукам (PG, t. 133, col. 1349 AB)⁶². Значит, добавления Хониата, рассказывающего о трудностях, испытанных ромеями в Каппадокии (ср. еще PG, t. 133, col. 1347 A), основаны опять-таки на достоверных свидетельствах.

Далее изложение обоих историков снова совпадает. Киннам сразу же (Cinn., p. 22. 4–6), а Хониат после небольшого введения (Nic. Ch., p. 49. 16 – 50. 2) переходят к рассказу о походе на «персов» 1142 г.⁶³ Правда, целью похода Киннам выставляет Созополь, а Хониат – Агталию.

12. Центральный эпизод этого рассказа – описание озера Каралис⁶⁴ и военных действий Иоанна II против обитателей озерных островов (Nic. Ch., p. 50. 3 – 51. 9; Cinn., p. 22. 6–22).

Только у Киннама (Cinn., p. 23. 1 – 24. 4) говорится о намерении Иоанна II отдать Киликию, Антиохию, Агталию и Кипр в удел Мануилу – четвертому сыну императора, и в связи с этим перечислены предзнаменования, с детских лет сулившие ему царскую власть.

13. Оба историка сообщают о смерти двух старших сыновей Иоанна II, Алексея и Андроника (Nic. Ch., p. 51. 10–17; Cinn., p. 24. 4–6)⁶⁵.

О походе на Антиохию Киннам упоминает мимоходом (Cinn., p. 22. 23 – 23. 1) и до рассказа о смерти обоих царевичей; наоборот, «Хроника» Хониата содержит подробное повествование, помещенное после упоминания о смерти старших сыновей Иоанна II и окрашенное враждебной императору тенденцией. Хониат говорит о неблагоприятных предзнаменованиях дальнего похода (Nic. Ch., p. 51. 20–21); подчеркивает, что официально объявленная цель экспедиции (укрепление крепостей в Армении) отличалась от действительной – захвата Антиохии (Nic. Ch., p. 52. 4–10); рассказывает о жестоком разграблении пригородов Антиохии, иронически подчеркивая, что Иоанн-де стремился избежать войны с христианами (Nic. Ch., p. 53. 9–15).

14. Подробный рассказ о несчастном случае на охоте и о болезни Иоанна II схож у обоих авторов (Nic. Ch., p. 53. 17 – 55. 26; Cinn., p. 24. 10 – 26. 2). В частности, они приводят один и тот же медицинский термин⁶⁶ для обозначения средства, с помощью которого император пытался лечить полученную на охоте рану.

Только у одного Хониата этот эпизод завершается упоминанием о предвещаниях кончины Иоанна II, о которых вспоминали теперь и сам император, и его окружение (Nic. Ch., p. 55. 15–26).

15. Оба историка очень подробно излагают предсмертную речь Иоанна Комнина. При этом у Киннама отсутствует вся первая часть речи, пронизанная официальной церковной идеей: судьба определяется волей Божьей, и подвиги императора совершены по Божьему велению (Nic. Ch., p. 56 sq.). Нет у Киннама

и описания негодного царя (Nic. Ch., p. 58. 5–10), которое, видимо, было навеяно личными впечатлениями Никиты от событий конца XII столетия; нет и рассуждения о том, что Бог воздает народам в соответствии с мерой греховности или добродетели их правителей (Nic. Ch., p. 58. 10–17).

Существо же речи передано Киннамом и Хониатом примерно одинаково: и тот и другой вкладывают в уста императора слова о том, что он унаследовал «отцовский удел» (πατρὺς κληρὸς – Nic. Ch., p. 58. 20; Cinn., p. 26. 7), и весьма сходную аргументацию передачи престола Мануилу в обход его старшего брата Исаака.

При этом обращают на себя внимание два момента:

а) оба историка говорят о знамениях (σύμβολα), предвещавших воцарение Мануила (Nic. Ch., p. 61. 10–12; Cinn., p. 28. 10–12). Отмечу попутно, что об этих σύμβολα в предшествующем изложении упомянул лишь Киннам⁶⁷, тогда как Хониат о них молчал, и у него слова Иоанна II, не подготовленные предшествующим изложением, повисают в воздухе. К тому же и трактовка знамений в обоих вариантах речи Иоанна II несколько различается: согласно Хониату, император мог бы сказать (εἴτοι μὲν ἄν) о ясных знамениях, свидетельствующих, что Бог (θεός) не хотел никому, кроме Мануила, вручить скипетр ромеев; у Киннама же император заявляет несколько сдержаннее: «Я бы мог вам сказать (εἴποι ἄν) о некоторых знамениях, которые предвещали Мануилу его судьбу (τύχη), когда бы не знал, что многие считают это вымыслом». Киннам, который выше спокойно описывал знамения, сулившие Мануилу престол, внезапно отгораживается от наивной веры в предсказания;

б) оба историка заставляют Иоанна II упомянуть об отважном поступке Мануила под Неокесарией (Nic. Ch., p. 61. 16–20; Cinn., p. 27. 20–22). На этот раз Хониат забывает о прежней трактовке действий юного царевича и не только описывает их в духе Киннама как подвиг, но и пользуется терминологией Киннама (см., например, τὰ δὲ ῥωμαίων ἀνερρώσθη πράγματα – ср. Cinn., p. 21. 20).

16. В конце первой книги, посвященной правлению Иоанна II, оба историка отмечают продолжительность его царствования: согласно Киннаму, он правил 25 лет и 7 месяцев (Cinn., p. 29. 1–2), Хониат же приводит другую цифру – 24 года и 8 месяцев (Nic. Ch., p. 62. 16–17). Последняя цифра правильна (с 15 августа 1118 г. до 8 апреля 1143 г. прошло действительно 24 года и восемь (неполных) месяцев), но следует отметить, что *V, E* вместо слова «царствовал» (βασιλεύσας -ed) дают в этом месте «жил» (ζήσας), что, разумеется, ошибочно.

Повествование Хониата неожиданно завершается характеристикой Иоанна II как идеального монарха (Nic. Ch., p. 62. 17 – 64. 3). Похвалы Иоанну II щедро разбросаны и в эскуримальском панегирике: как Хониат, так и анонимный ритор прославляют, в частности, щедрость императора (Nic. Ch., 62. 19–23; Fontes, f. 2, p. 343. 3–5). Однако в большинстве случаев оба автора подчеркивают различные достоинства своего героя: Хониат останавливается в первую очередь на добродетельной жизни и скромном поведении Иоанна II, изгнавшего из дворца суесловие и роскошь (Nic. Ch., p. 63. 2–18), и подчеркивает, что император никого не лишал жизни и не обрекал на членовредительские наказания (Nic. Ch., p. 63. 20–22); анонимный ритор, происходивший из семьи воинов (ἰπλόται), где военное искусство переходило от отца к сыну (Fontes, f. 2, p. 360. 27 – 361. 1), выдвигает на первое место воинские доблести Иоанна II (Fontes, f. 2, p. 338. 16), умение переносить трудности во время походов (Fontes, f. 2, p. 357. 12–16). Таким образом, весьма вероятно, что похвалы Иоанну II, противоречащие общей антиимператорской направленности вставок «Хроники» Хониата, были почерпнуты им из какого-то панегирика этому императору, хотя и не из дошедшего до нас анонимного сочинения⁶⁸.

Обращаясь к истории правления Мануила I Комнина (1143–1180), мы можем видеть, что совпадения в повествовании обоих источников становятся все более редкими. Если началу II книги у обоих историков содержит более или менее сходное описание отправки тела Иоанна II в Константинополь (Nic. Ch., p. 67. 20–22; Cinn., p. 29. 14–17; 30. 21 – 31. 2), то в целом история правления Мануила изложена по-разному. Киннам уделяет серьезное внимание политическим событиям (например, речь Мануила к антиохийцам (Cinn., p. 30. 6–20); забота императора о том, чтобы севастократор Исаак не предал сожжению дома его сторонников (Cinn., p. 31. 17 – 32. 4)), тогда как Хониат подробно излагает семейные дела Комнинов (посланный Мануилом Иоанн Аксук заключает в монастырь севастократора Исаака (Nic. Ch., p. 65 sq.); Андроник Комнин попадает в плен к туркам (Nic. Ch., p. 68. 2–16); детально описаны въезд Мануила I во дворец (Nic. Ch., p. 69. 9–23), его характер и облик (Nic. Ch., p. 68. 21 – 69. 9)).

При этом в изложении наших хронистов имеются прямые противоречия: если, по Киннаму (Cinn., p. 31. 14–17), Мануил I не знал о заключении Исаака в монастырь Пандократора, то, согласно Хониату (Nic. Ch., p. 66. 4–7), это было сделано Аксухом, посланным императором.

Заслуживает внимания еще и то обстоятельство, что один эпизод, относящийся к 1143 г. и описанный Хонниатом по собственным воспоминаниям, помещен им не в этом месте, а значительно позднее: я имею в виду рассказ о Никите, митрополите Хонском, предсказавшем юному Мануилу, возвращавшемуся из Армении через Хоны, долгое царствование⁶⁹. Не следует ли предположить, что Хониат не поместил рассказ о своем тезке в соответствующем месте, при описании возвращения Мануила, поскольку при написании начала II книги он был еще скован письменной традицией – будь то Киннам или какой-то общий для обоих источник? Разумеется, это чистая догадка.

Сходно изложены Киннамом и Хониатом, хотя и в разной последовательности, следующие затем два небольших эпизода: рукоположение патриарха Михаила II (Nic. Ch., p. 70. 1–14; Cinn., p. 33. 2–10) и сближение императора с братом Исааком (Nic. Ch., p. 70. 14–16; Cinn., p. 32. 19–20). К этому Хониат прибавляет, повторяясь (см. Nic. Ch., p. 60. 15–18), характеристику Исаака как человека гневливого (Nic. Ch., p. 70. 16–23), зато у него нет ничего о другом Исааке – дяде Мануила I (см. Cinn., p. 32. 8–16).

Поход византийских войск против Раймунда Антиохийского (Nic. Ch., p. 71. 6–12, Cinn., p. 33. 16 – 35. 23)⁷⁰ описан Киннамом несравнимо подробнее, однако краткое сообщение Хониата соответствует одному пассажиу Киннама (Cinn., p. 33. 20–23) и, возможно, восходит к тому же источнику⁷¹. Точно так же рассказ о походе на сельджуков и осаде Икония у Киннама куда более обширен, нежели заметки Хониата (Nic. Ch., p. 71. 14 – 72. 22, Cinn., p. 38–63). К тому же Киннам (Cinn., p. 37 sq.) вставляет сюда сообщение о Рожере Сицилийском, тогда как Хониат в соответствующем месте осуждает Мануила I за разгульный образ жизни (Nic. Ch., p. 73. 9–15) и с еще большим осуждением говорит об окружавших императора вельможах: Иоанне Пуцисском, Иоанне Агиофедорите и Феодоре Стиппиоте (Nic. Ch., p. 73 sq.).

За обширным рассказом Киннама о походе под стены Икония следуют известие о церковных спорах при патриархе Косме (1146–1147), связанных с ересью Нифонта (Cinn., p. 63. 21 – 66. 9), и краткая заметка о новом походе против «персов» (Cinn., p. 66. 10 – 67. 2). Далее Киннам переходит ко Второму крестовому походу. И Хониат, упомянув о щедрости Мануила I, в скором времени сменившейся скарденностью (Nic. Ch., p. 79. 21 – 80. 7), тоже переходит ко Второму крестовому походу.

Повествование о крестовом походе у обоих авторов не только не совпадает, но и отлично по своему характеру. Хониат скользит

по поверхности явлений, отмечая преимущественно анекдотические факты (женщины в войске крестоносцев (Nic. Ch., p. 80. 12–20); испуг Мануила I, притворяющегося, что будет помогать крестоносцам (Nic. Ch., p. 81. 14–16); Мануил I возбуждает в ромеях ненависть к крестоносцам (Nic. Ch., p. 82. 2 – 83. 6); архиерей Филиппополя Михаил смиряет дух короля алеманнов (Nic. Ch., p. 83. 7–21)); наоборот, изложение Киннама содержит существенные данные: известие о посольстве Димитрия Макреволита и Александра Гравинского к крестоносцам (Cinn., p. 67. 12 – 68. 17)⁷²; сообщения об иерархической структуре немецкой армии (Cinn., p. 68. 18 – 69. 5) и о численности (пусть преувеличенное) крестоносцев (Cinn., p. 69. 13–20); описание пути крестоносцев через Ниш (Cinn., p. 69. 22), Сердику (Cinn., p. 70. 4), Адрианополь (Cinn., p. 70. 7).

Хотя в рассказе о продвижении крестоносцев по византийской территории у обоих авторов имеются общие эпизоды (например, нападение ромеев на больного родича Конрада III в Адрианополе (Nic. Ch., p. 84. 17–21; Cinn., p. 71. 11–15) и затопление лагеря Конрада у Хировакхов (Nic. Ch., p. 85. 14 – 87. 5; Cinn., p. 73. 19 – 74. 10)), в целом же описание событий не совпадает (например, только у Киннама содержится переписка Конрада и Мануила I (Cinn., p. 75. 21 – 80. 23))⁷³. При этом Киннам подчеркивает воинскую доблесть ромеев, а Хониат – их хитрость и коварство. Так, если, по Хониату (Nic. Ch., p. 85. 6–14), Просух просто смягчил (*κατεπράϊνε*) Фридриха, племянника Конрада III, то у Киннама мы читаем, что Просух разбил Фридриха и «устроил большую резню варваров» (Cinn., p. 71. 22 – 72. 1); лишь Киннам рассказывает о разгроме немцев под Константинополем (Cinn., p. 77. 23), напротив, только Хониат пишет о бесчестном поведении ромеев по отношению к крестоносцам в Малой Азии (Nic. Ch., p. 88. 6–24) и о стремлении Мануила I причинить им возможно больше неприятностей (Nic. Ch., p. 89. 6–11); Киннам подчеркивает важность для Конрада союза с Византией (Cinn., p. 81. 2–5) и винит немцев в его нарушении, наоборот, Хониат обращает внимание на действия Мануила I, поднимавшего сельджуков на крестоносцев (Nic. Ch., p. 89. 12–14); Киннам (Cinn., p. 81. 11 – 82. 4) с нескрываемым удовлетворением говорит о поражении Конрада от Мамплана⁷⁴ – Хониат же едва упоминает о «некоем Памплане» (Nic. Ch., p. 89. 14–16), но зато передает чрезвычайно подробный рассказ о героической переправе крестоносцев через Меандр (Nic. Ch., p. 89. 23 – 96. 3), когда, по его словам, только стойкость крестоносцев спасла

ромейские фаланги от разгрома, а города от разорения (Nic. Ch., р. 90. 5–9)⁷⁵.

По-разному описан и набег норманнов в 1147 г.: Киннам подробно излагает предысторию норманно-византийской войны (Cinn., р. 89. 9 – 92. 7), о чем совершенно не упоминает Хониат; наоборот, самый ход военных действий описан Киннамом (Cinn., р. 90. 10–16) кратко (причем, по его словам, Рожер Сицилийский взял Коркиру с боя уже после ограбления Фив), а у Хониата – подробно; к тому же из его слов следует, что Коркира сдалась норманнам добровольно еще до похода на Фивы (Nic. Ch., р. 97. 12–17). В подробном рассказе Хониата мы найдем описание Фив (Nic. Ch., р. 98. 20–22), Коринфа (Nic. Ch., 99. 24 – 100. 14), крепости Коркиры (Nic. Ch., р. 104. 2–8); ему известны новые географические названия Коруφώ (Nic. Ch., р. 96. 16), Ἀρτινοί (Nic. Ch., р. 98. 12). По всей видимости, Хониат либо хорошо знал эти местности, либо пользовался каким-то местным – устным или письменным – источником.

Можно было бы и дальше продолжать детальное сопоставление наших хронистов, но оно не дает уже ничего нового: в описании основных событий истории Мануила I Киннам и Хониат расходятся и в выборе фактов, и в порядке изложения, и в оценке событий. По-разному описаны ими и осада Коркиры, и походы на венгров, и экспедиция в Италию, и восточные походы Мануила I, и осада Землина в 1165 г. Лишь изредка (например, в рассказе о бегстве Андроника Комнина (Nic. Ch., р. 168 sq., Cinn., р. 232)), приводятся одинаковые детали (Андроник скрывается в густой траве, перелезает через стену, обманывает стражу, уплывает на лодке), но и тут можно заметить некоторое различие в повествовании (по Хониату, Андроник прятался в траве два-три дня, по Киннаму, только до ночи; по Хониату, разговор со стражниками произошел уже в то время, когда Андроник плыл в лодке, и выдавал он себя за беглого раба, по Киннаму, Андроник говорил только с одним стражником еще до того, как сел в лодку, и выдавал себя за беглого должника)⁷⁶. Расхождения между Хониатом и Киннамом в этой части позволяют выяснить и политические тенденции, и особенности мировоззрения, и характер повествования обоих авторов. Приведу здесь в качестве примера лишь описание осады Землина в 1165 г.

У Хониата все изложение (Nic. Ch., р. 174. 16 – 177. 18) распадается на несколько разрозненных эпизодов: жители Землина издеваются над византийцами с городских стен; Мануил I ударяет копьём по воротам; успешно действует осадная машина

Андроника⁷⁷; один из жителей Землина убивает свою красавицу-жену, попавшую в плен к ромеям; часть жителей Землина подерживает византийцев; какой-то ромей расправляется с пленным венгром и надевает его шапку, но сам убит другим ромеем. У Киннама, который был очевидцем осады (Cinn., p. 241. 17–18), рассказ последователен и внимание сосредоточено на существенных моментах: постройка деревянной осадной башни, осмотр города и начало приступа, известие о приближении венгерских войск и совет у Мануила I, продолжение осады, сдача Григория и других жупанов, разграбление города (Cinn., p. 241. 19 – 245. 22); лишь в конце Киннам говорит о некоторых деталях: о женщине, которая колдовала на стене и была ранена стрелой, о пленном ромее, который отказывался стрелять в своих (Cinn., p. 246. 2–17).

Для политических тенденций обоих авторов показательнее прежде всего их отношение к Мануилу I: для Киннама именно он – герой осады (Cinn., p. 241. 21, 243. 20 – 244. 1), зато Киннам ни словом не обмолвился об Андронике, и если ему верить, башня Землина обрушилась не от удачных действий осадной машины Андроника (см. Nic. Ch., p. 175. 15 – 176. 7), но от попытки венгров сбросить огромный камень (Cinn., p. 244. 18–23); напротив, Хониат отводит Мануилу очень скромную роль⁷⁸.

Но вернемся к поставленной проблеме: ведь эта статья посвящена не общему анализу исторических сочинений Киннама и Хониата (что могло бы стать предметом обширной монографии), а более скромной задаче – установлению природы совпадений в обоих хрониках. Мне кажется, что проделанный выше анализ позволяет прийти к некоторым выводам.

1. Сходство между Киннамом и Хониатом не ограничивается близостью отдельных фраз, что было показано уже В. Греку, оно проявляется прежде всего в совпадении основного плана повествования.

2. Тождество плана повествования в обоих хрониках имеет место в I-х книгах, посвященных правлению Иоанна II Комнина, и практически исчезает после рассказа о его смерти. В дальнейшем мы можем наблюдать лишь случайные совпадения. Независимость обоих историков в рассказе о царствовании Мануила I особенно ярко подчеркивает сходство повествования в I-х книгах их трудов.

3. Анализ четырех рукописей I книги «Хроники» Никиты Хониата подкрепляет тезис о близости обоих сочинений, поскольку выясняется, что ряд имен собственных, переданных в издан-

ном тексте Хониата в иной транскрипции, нежели у Киннама, в рукописях Хониата имеет написание такое же, как у Киннама, или весьма близкое. Некоторые имена воспроизводятся в присущей Киннаму транскрипции у позднего хрониста Ефрема, следовавшего за Хониатом; видимо, так они были написаны и в использованной им рукописи Хониата.

4. Предположение о существовании двух версий «Хроники» Хониата – краткой и распространенной – не подтвердилось, во всяком случае, для того ее раздела, который близок к «Истории» Киннама, т. е. для I книги, посвященной царствованию Иоанна II. Разночтения в обследованных мною рукописях, две из которых причислялись к краткой, а две – к пространной редакции, сводятся лишь к изменению порядка слов, подстановке синонимов и незначительным вставкам и сокращениям (причем наибольшее количество разночтений в сравнении с *ed*, и в том числе наибольшее число сокращений, обнаруживает V, которую принято относить к пространной редакции). Обилие разночтений, лишь в ничтожно малой части учтенных Э. Миллером, настоятельно заставляет поднимать вопрос о подготовке критического издания «Хроники» Никиты Хониата.

5. Основные эпизоды, добавленные Хониатом в сравнении с «Историей» Киннама, касаются семейной хроники Комнинов, причем все они окрашены отчетливо выраженной антикомниновской тенденцией. Никита Хониат выставляет на осмеяние теневые стороны характера и самого Иоанна II, и его матери Ирины, и сестры Анны, и брата – севастократора Исаака, и племянника Иоанна, и сына Мануила. Такая тенденция вставок Хониата резко отличается от тенденции Киннама – преданного сторонника Мануила I, прославляющего также и его отца; поскольку же основной текст «Хроники» Хониата близок к «Истории» Киннама, естественно, что Хониат впадает в противоречия; наиболее существенным из таких противоречий является двоякая трактовка поведения царевича Мануила под Неокесарией: один раз как дерзкой глупости, другой – как героизма, спасшего государство ромеев.

Различие между Киннамом и Хониатом в оценке Комнинов становится еще более четким в последующих книгах, посвященных царствованию Мануила I.

6. Помимо антикомниновских вставок в «Хронике» Хониата имеются добавления (например, описание добычи, взятой в Шайзаре; вступление Иоанна II в Антиохию; возможно, также заключительная его характеристика как идеального царя), кото-

рые восходят к современной императору панегиристической литературе (подобной анонимному панегирику Эскуриальской рукописи).

7. Сопоставление с сочинениями Продрома, посвященными Иоанну II или его современникам, приводит к двум заключениям: во-первых, Продрому был известен ряд фактов, опущенных Киннамом и Хониатом; во-вторых, некоторые добавления и исправления Хониата, подкрепляемые данными Продрома (исчисление в три года восточного похода Иоанна II; сообщение о трудностях, испытанных ромейским войском в Каппадокии; отнесение первого сербского похода ко времени до венгерской войны), восходят к достоверным источникам, какими могли быть официальные реляции логофетов дрома (подобные реляциям Стефана Мелита, упомянутым Михаилом Италиком).

8. Хониат привносит в рассказ также и официальную церковную систему взглядов. Представление о том, что поступки людей непосредственно определяются Божьей волей, пронизывает всю «Хронику» Хониата (см., например, Nic. Ch., p. 245. 4–5, 247. 20 – 248. 3, 361. 1, 473. 14–16, 610. 15–16, 611. 21, 636. 1, 655. 8, 671. 3–5, 753. 15–18). В отличие от него, Киннам сравнительно редко говорит о том, что божество определяет действия людей: обычно в тех случаях, когда он передает содержание императорских писем и речей (см., например, Cinn., p. 172. 23–24, 243. 8, 248. 10–11, 257. 4–5). Там же, где Киннам выступает от собственного имени, у него идет речь о судьбе (τύχη) или промысле (πρόνοια), игрушкой которых являются дела человеческие (Cinn., p. 214. 11–12; ср. p. 96. 7–9, 144. 4–5, 165. 7–8, 214. 15–17, 215. 17–18, 216. 7, 230. 17–18), а иногда – о необходимости (ἀνάγκη – Cinn., p. 275. 12–14).

Различие мировоззрения Хониата и Киннама проступает еще отчетливее из тех мест, где Хониат сам упоминает τύχη или ἀνάγκη. О τύχη он говорит обычно в применении к сельджукам (Nic. Ch., p. 160. 1, 161. 10, 246. 12–13), т. е. к неверным, к людям, враждебным христианскому мировоззрению; когда же он прилагает этот термин к византийцам, рассказывая, например, как τύχη покинула Иоанна Агиофеодорита и перешла к Стиппиоту (Nic. Ch., p. 78. 6–10), в его словах звучит явная ирония. Хониат говорит о неразумной судьбе (τύχης ἀγνώμονος – Nic. Ch., p. 614. 15–18), о глупом случае (ἄλογον συκυρίαν – Nic. Ch., p. 296. 11–14), прямо осуждает веру в ἀνάγκη и судьбу (εἰμαρμένη), будто бы определяющую жизненный путь человека (Nic. Ch., p. 568. 5–8)⁷⁹; Хониат полемизирует с древними авторами и со своими современ-

менниками (οἱ στήνερν), которые, по его словам, ложно ссылаясь на Божественный Промысл, незаметно протаскивают представление о судьбе и необходимости (Nic. Ch., p. 126. 10–17). Не следует ли из этого сделать вывод, что Хониату были известны взгляды Киннама (или близких к нему по мировоззрению лиц) и что он к ним резко отрицательно относился⁸⁰? Как бы то ни было, разница во взглядах на движущие силы исторического процесса хорошо объясняет богословский уклон Хониата и робкие элементы рационализма у Киннама в передаче предсмертной речи Иоанна II.

Таковы факты. Остается их объяснить.

Разумеется, нам приходится отбросить взгляд Неймана и Крумбахера на соотношение между Киннамом и Хониатом: об их полной независимости говорить не приходится. Напротив, в повествовании об Иоанне II близость обоих авторов несомненна (позднее, правда, она исчезает: не только оценка событий, но и план изложения становится различным). Естественно, что Хониат, писавший уже в конце XII в., должен был обращаться к письменным памятникам для описания царствования Иоанна Комнина. Таким письменным памятником и была «История» Киннама – по-видимому, в ее первоначальном, до нас не дошедшем варианте. Текст ее был частично переработан Хониатом (иногда просто путем подстановки синонимов, что делалось – конечно, в меньшем масштабе – и при переписке рукописей Хониата), частично дополнен (главным образом за счет антикомниновских преданий или прокомниновских панегириков). Может быть, впрочем, и Киннам, и Хониат использовали, по-своему переработав, какое-то ныне утерянное сочинение о правлении Иоанна II.

В последующих частях Хониат писал, основываясь на иных источниках, – но этот вопрос уже выходит за пределы поставленной задачи.

Впервые опубликовано: BS. 24. 1963. P. 4–31. Ссылки на «Историю» («Хронику») Никиты Хониата даются по изданию: Nicetas Choniata. Historia. Bonnae, 1835. – Прим. изд.

¹ Kap-Herr H., von. Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. Straßburg, 1881. S. 122; Neumann C. Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen in XII. Jhd. Leipzig, 1888. S. 103; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897². S. 283 (ср. русский перевод: Очерки по истории Византии / Под ред. В. Н. Бенешевича. Вып. III. СПб., 1913. С. 50).

- ² См., напр.: *Tafel G. L. F. Komnenen und Normannen*. Ulm, 1852. S. 232 f.; *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 150 сл.; *Васильевский В. Г.* Василия Охридского... неизданное надгробное слово // ВВ. I. 1894. С. 101. Ср. ссылку самого Никиты Хониата на συγγραφή или ἱστορία, повествовавшую о страданиях солунян в 1185 г. (Nic. Ch., p. 398. 19–20), т. е. на сочинение Евстафия Солунского.
- ³ *Успенский Ф. И.* Византийский писатель... С. 155.
- ⁴ *Marczali H.* Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Árpáden. Berlin, 1882. S. 134 f. Венгерский оригинал книги вышел в 1880 г.
- ⁵ *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 76; ср.: *Гром К.* Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889. С. XVIII сл.
- ⁶ См., напр.: *Chalandon F.* Les Comnènes. II. Paris, 1912. P. XXV sq.; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940. S. 249.
- ⁷ *Васильев А. А.* Византия и крестоносцы. Пг., 1923. С. 110; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Budapest, 1942. Bd. I. S. 272; впрочем, несколько ниже (S. 274) Д. Моравчик без колебаний говорит об использовании Хониатом известий Киннама о византино-венгерских отношениях.
- ⁸ *Grecu V.* Nicétas Choniátès a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos? // REB. 7. 1950. P. 199 sq.
- ⁹ Греку упоминает о ней лишь в следующем, весьма неопределенном контексте: «А. А. Васильев, ссылаясь на Ф. Успенского <...> ограничивается утверждением, что мнения исследователей по вопросу об использовании Никитой Хониатом "Истории" Иоанна Киннама расходятся» (*Grecu V.* Nicétas Choniátès... P. 199).
- ¹⁰ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica². Berlin, 1958. Bd. I. S. 446. И Г. А. Острогорский (*Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. Oxford, 1956. P. 312. N. 3) ссылается на Греку, а не на Ф. Успенского. Станным образом С. Рансимен, писавший уже после выхода в свет статьи Греку, категорически утверждал, что «Хроника» Никиты Хониата совершенно независима (is quite independent) от «Истории» Киннама (*Runciman S.* A History of the Crusades. Cambridge, 1952. Vol. II. P. 475). В книге М. Колонны (*Colonna M. E.* Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Napoli, 1956. P. 89 sq.) вопрос о соотношении трудов Хониата и Киннама не затронут вовсе (ср. также: *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 273 сл.).
- ¹¹ Уже Ф. Успенский (*Успенский Ф. И.* Византийский писатель... С. 160) ставил вопрос о том, использовал ли Хониат работу своего предшественника при составлении истории Мануила I. «Мы не успели, – писал он, – довести до конца этой предварительной работы и потому ограничиваемся только общим соображением: следы знакомства с Киннамом ясны и на второй части труда Никиты, хотя нельзя оспаривать и того, что он пользовался также другими материалами, даже, может быть, записками». Н. Иорга высказывал предположение, что Хониат знал «Историю» Киннама в части, касающейся царствования Иоанна II и начала правления Мануила I (*Jorga N.* Médiavillons d'histoire littéraire byzantine // Byz. 2. 1925. P. 288), но не приводил никаких доказательств.
- ¹² *Ioannis Cinnami* Epitome rerum / Rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836; *Nicetas Choniata*. Historia / Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1835.
- ¹³ Произвольно утверждение М. М. Фрейденберга (Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. XVI. 1959. С. 30), что «труд Киннама дошел до нас в рукописях (разрядка моя. – А. К.) XIII в.». Фрейденберг ссылается на Г. А. Острогорского (*Ostrogorsky G.* History... P. 312), но у Острогорского

- сказано: in a single manuscript. В Ватиканской рукописи текст Киннама обрывается на середине фразы – на следующем листе начинается новое сочинение. Остальные рукописи XVI–XVIII вв. являются простыми копиями Ватиканской (см.: *Moravcsik Gy. Συμβολαὶ εἰς τὴν χειρόγραφον παράδοσιν τῆς ἑπιτομῆς Ἰωάννου τοῦ Κιννάμου. Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου. Ἀθήναι, 1935. Σελ. – 312).*
- ¹⁴ Как показал уже Д. Моравчик (*Moravcsik Gy. Συμβολαὶ... P. 314*), Киннам был издан не по Ватиканской рукописи, а по одной из ее поздних копий (скорее всего, по Barberin. 242). Поэтому колыяция с Vatic. 163 позволит сделать некоторые поправки. Так, ученик Д. Моравчика Ф. Бабош предложил список разночтений к тем частям сочинения Киннама, которые касаются истории Венгрии (*Babos F. Adalékok Kinnamos szövegtörténetéhez. Budapest, 1944. Old. 6–13*).
- ¹⁵ Высказанная К. Нейманом гипотеза (*Neumann S. Griechische Geschichtsschreiber... S. 80 f.*) о том, что сохранившийся текст Киннама – лишь сокращение первоначального текста, позволяет предполагать наличие еще большего сходства между нашими авторами. Однако доказать это невозможно (отмечу как курьез, что Фрейденберг (Труд Иоанна Киннама... С. 29) приписал гипотезу К. Неймана Ф. Шаландону, который лишь пересказывал (в 1912 г.) взгляды немецкого историка).
- ¹⁶ См.: *Успенский Ф. И. О рукописях «Истории» Никиты Акомината в Парижской национальной библиотеке // ЖМНП. 194. 1877. С. 65.* В качестве рукописи краткой редакции Ф. Успенский выделил Paris. 1772, XV в. (эта рукопись была использована Э. Миллером при издании отрывков из Никиты Хониата, см.: *Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs. T. I. Paris, 1875. P. 211. N. 1*), отметив при этом, что до царствования Андроника I Комнина парижская рукопись не сообщает существенных особенностей (*Успенский Ф. И. О рукописях... С. 66*). Д. Моравчик считал рукописями краткой редакции Vindob. hist. 53 и Vatic. 169 (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica². Bd. I. S. 447*; в первом издании (S. 273) он говорил об этих рукописях как о первоначальной редакции). Вывод Моравчика (не знавшего статьи Ф. Успенского) о двух редакциях принял и ван Дитен (*Van Dielen J. L. Two Unpublished Fragments of Nicetas Choniates' Historical Work // BZ. 49. 1956. S. 312*), подготавливающий новое издание «Хроники» Хониата; он считал также Vatic. 168 списком краткой редакции. К сожалению, законченная в 1920 г. работа Г. Лайхта об истории текста Никиты Хониата осталась неопубликованной (см.: *BZ. 24. 1924. S. 288*).
- ¹⁷ Сводного издания произведений Продрома нет. См. о нем: *Παναδιμύτριου Σ. Δ. Феодор Продром. Одесса, 1905; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica². Bd. I. S. 522 f.* (тут и литература вопроса).
- ¹⁸ Письма Михаила Италика изд. J. A. Cramer: *Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium. Vol. III. Oxonii, 1836.* Панегирик в связи с походом Иоанна II в Киликию и Сицилию сохранился в рукописи Болонского университета (Bononiensis 2412), см. о нем: *Mercati G. Gli anedotti d'un codice Bolognese // BZ. 6. 1897. P. 128 sq.; Lamma P. La spedizione di Giovanni Comneno in Cilicia ed in Siria in un panegirico inedito di Michele Italico // Memorie della Accad. Delle sc. di Bologna. Cl. di sc. morali. V. 4. 1952 (мне недоступно – см. BZ. 45. 1952. P. 428).* Там же находится и другой панегирик Михаила Италика, произнесенный в начале правления Мануила I Комнина и затрагивающий некоторые события предшествующего царствования (см. о нем: *Lamma P. Manuele Comneno nel panegirico di Michele Italico // Studi bizantini e neoellenici. VII. 1953. P. 397 sq.*). Список сочинений Михаила Италика см.: *Browning R. Unpublished Correspondance between Michael Italicus,*

- Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromus // *Byzantinobulgarica*. I. 1962. P. 280 f.
- ¹⁹ *Fontes rerum byzantinorum* / Acc. W. Regel. Fasc. 2. Petropoli, 1917. P. 330 sq. Согласно P. Wirth (*Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jahrh.* München, 1960. S. 13 f.), этим панегиристом был Никифор Василики.
- ²⁰ См.: *Παναδιμύτριου* С. Д. Феодор Продром. С. 175; *Cramer J. A. Anecdota graeca*. P. 202, 1–6 (см. конъектуру: *Treu M. Michael Italikos* // *BZ.* 4. 1895. 22).
- ²¹ *Cramer J. A. Anecdota graeca*. P. 202, 9–19. О Стефане Мелите см.: *Treu M. Michael Italikos*. S. 7 f. Ср. также адресованное ему стихотворение Продрома (*Gallavotti C. Laurentiani codicis altera analecta* // *Atti della Accademia Naz. dei Lincei* a. 346. Ser. VIII. Rendiconti. Cl. di sc. morali, stor. e filol. 4. 1949. P. 354), где также прославляется сладкоречие Мелита. Мелит сам был поэтом: ему принадлежит ямбическим стихом написанное «Житие Феодора Студита». (*Mercati S. G. Stefano Meles é l'autore della vita giambica di S. Teodoro Studita del cod. Barocc. gr. 27* // *BZ.* 25. 1925. P. 43 sq.).
- ²² *Grecu V. Nicétas Choniátès*... P. 199 sq.
- ²³ См. об этом также: Ephraemius. Bonnac, 1840. Vers. 3721 sq. *V* дает в этой части некоторые разночтения в сравнении с *ed.*, напр. p. 10. 11: τοῦς συμφράδμονας; p. 10. 15: συναλιζομένων αὐτῷ [Βασιλεύς; p. 11. 3: λαποδυπεί; p. 11. 4: εἰρημένα, а также сокращения, например, p. 8. 12–14: ἐνδιαβάλλουσα.] ὑπὸν τὸν βίον ἀποκαλοῦσα, [παλίντροφον. В *D* имеется опущенный *ed.* заголовок: Βασιλεία κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ; в *E* мы находим на полях любопытную приписку, перечисляющую сыновей, дочерей и зятьев Алексея I: мужем Анны назван Никифор Вриенний, Марии – Никифор, Евдокии – Михаил Иасит, Феодоры – Константин Куртикий.
- ²⁴ *V*, *ed.*: Ἀλλιχαράν, *P*: Ἀλλιχαράν, *D*: Ἀλλιχαράν, *E*: Ἀλλιχαράν, Cinn., p. 6. 3: Πιχαράς, но в рукописи: Ἀλλιχαράς (см.: *Moravcsik Gy. Συμβολαὶ... Σελ.* 313).
- ²⁵ Рукописи Хониата дают здесь ряд разночтений: p. 18. 4: *P*: τῇ θυραυλίᾳ τοῖς ἔξωθεν (ср. *ed.*, *nota*), *V*, *D*: τοῖς ἔξωθεν; p. 18. 6–7: *V*, *D*, *E*: τὸ θύραυλον; p. 18. 9: *V*, *E*: ἐκ τῆς μάχης [ιδρώσι; *D*, *P*: ἐκ τῆς καυστηρᾶς μάχης ιδρώσι; p. 18. 13: *V*, *D*, *E*, *P* om. σκόπων (ср. *ed.*, *nota*); p. 18. 21: *V*: τῆς πόλεως; p. 19. 4: *V*, *D*, *E*: αὐτῶν (ср. *ed.*, *nota*); p. 19. 9–11: *V*, *D*, *E* om. διὰ τοῦς... κατάληψιν (отсутствующая здесь фраза в *P* приписана на полях).
- ²⁶ *V*, *D*: Ἱερακοκоруφί τис, *ed.*: Ἱερακοкоруφίτης, Cinn.: Ἱερακοкоруφίτην, Ephraemius, vers. 3801: Ἱερακοкоруφίτου.
- ²⁷ Ср.: *Успенский Ф. И.* Византийский писатель... С. 155.
- ²⁸ Nic. Ch., p. 19. 19 – 23. 3; Cinn., p. 7. 15 – 8. 22. Ср.: *Успенский Ф. И.* Византийский писатель... С. 155 сл. (Ἔθνος в *ed.* p. 19. 21–22 следует исправить на ἔθνους). Э. Курц (*Kurtz E. Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos* // *BZ.* 16. 1907. P. 86) датировал победу 1122 г. Он исходил из того, что Хониат относит вторжение «скифов» к пятому году правления Иоанна II (Nic. Ch., p. 19. 19), т. е. к 1122–1123 гг., а также из предположения, что в этой битве принимал участие севастократор Андроник, брат императора, умерший до февраля 1123 г.; последнее обстоятельство доказывается, по Э. Курцу, монодией на смерть Андроника в cod. Barocc. 131, упоминающей о его успехах близ Дуная в борьбе против «живущего на повозках племени». Предложенная Э. Курцем дата подтверждается сообщением Михаила Сирийца, который относит военные действия против печенегов к 1121–1122 г. (см.: *Chalandon F. Les Comnènes*. P. 48. N. 3; ср. также: *Расовский Д. А.* Печенеги,

торки и берендси на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. 6. 1933. С. 18; *Ostrogorsky G. History...* Р. 335). Не учитывая ни монодии на смерть Андроника Комнина, ни известия Михаила Сирийца, В. Н. Златарский отнес нападение печенегов к 1122-му, а разгром их – к 1123 г. (*Златарски В. Н. История на Българияската държава през средните векове*. Т. II. София, 1934. С. 368. Бел. 1); за ним следует и Б. Радойчиц, считая 1123 г. точно установленной датой печенежского разгрома (*Радойчиц Б. О хронологии угорско-византийских борьбы и устанку Срба за време Јована II Комнина* // ЗРВИ. 7. 1961. С. 178). О печенежской войне см. также: *Dawkins R. M. An Echo in the Norse Sagas of the Patzinak War of John II Komnenos* // *Annuaire de l'Inst. de philol. et d'hist. orient. et slaves*. 5. 1937 (нам недоступно).

²⁹ Все рукописи дают *ράβρα* [τοῦ σώματος (р. 23.19) вместо *ed.*: ἄρβρα.

³⁰ Точная дата венгро-византийской войны устанавливается по сообщениям западных хронистов. Наиболее существенное значение имеет чешская хроника современника событий, каноника Вышеградского (продолжателя Козьмы Пражского); по его словам, в 1129 г. герцог Собеслав (1125–1140) послал Венцеслава (Wenczelus), сына Святошлука, на помощь (венгерскому) королю Стефану II против греков (contra Graecos); через четыре месяца после возвращения Венцеслав умер (MGH SS, v. IX, p. 134). В XII в. было составлено в Цветтеле (Австрия) продолжение «Мелькских анналов», где под 1129 г. упомянута встреча венгров и грсков на Саве (MGH SS, v. IX, p. 502). К XIII в. относится венгерская хроника, «*Annales Posonienses*», которая датирует 1127 г. захват Стефаном II города Ниш – впрочем, как видно из примечаний издателя, «*Annales Posonienses*» вплоть до 1145 г. часто приводят ошибочные даты (*Scriptores rerum Hungaricarum*. Vol. I. Budapestini, 1937. Р. 126). В соответствии с этим большинство исследователей относит начало военных действий к 1127 или к 1128 г. (см.: *Грот К. Из истории Угрии...* С. 27 сл.; *Јиречек К. Историја Срба*. Део I. Београд, 1911. С. 233 (иначе: *Зборник К. Јиречека*. I. Београд, 1959. С. 131, где дата – 1124 г.); *Chalandon F. Les Comnènes*. Р. 58; *Златарски В. Н. История...* Т. II. С. 373 сл.; *Hóman B. Geschichte des ungarischen Mittelalters*. Bd. I. Berlin, 1940. S. 380 f.; *Šišić F. Poviest Hrvata za kraljeva iz doma Arpadovića (1102–1301)*. Zagreb, 1944. S. 44 nsl.; *Ostrogorsky G. History...* Р. 336; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*². Bd. I. S. 132). Сравнительно недавно Б. Радойчиц отверг известия западных хронистов – «живших далеко (?), плохо осведомленных и поздних (?)» (*Радойчиц Б. О хронологии...* С. 185) и пришел к произвольному выводу, что нападение венгров следует отнести к 1125 г. (с. 182 сл.); при этом Б. Радойчиц ошибался, считая, что венгерская война началась до похода Иоанна II на сербов (об этом см. ниже, прим. 35).

³¹ О различии в рассказе Киннама и Хониата о начале венгро-византийской войны см.: *Chalandon F. Les Comnènes*. Р. 59.

³² В несколько ином порядке эти успехи перечислены Продромом в более позднем стихотворении, написанном уже после смерти Иоанна II (*Gallavotti C. Laurentiani codicis altera analecta*. Р. 357): поэт говорит о победе над персами, далматами, дакийцами, скифами. Сходный порядок мы находим и в типичном монастыря Пандократора, где названы победы «над персами, скифами, далматами, дакийцами и пэонами» (*Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*. Т. I. Киев, 1895. С. 656. 19–20). Автор эскуриальского панегирика ничего не говорит о венгерской войне, но победу над далматами связывает с разгромом скифов, народа, живущего на повозках (*Fontes*, f. 2, p. 334.16–19).

- ³³ *Majuri A. Anecdota prodromea dal Vat. gr. 305 // Rendiconti della R. Accademia dei Lincei. Cl. di sc. morali, stor. e filol. Ser. V. Vol. 17. 1908. P. 527. 1–2.*
- ³⁴ *Majuri A. Anecdota prodromea... P. 527. 8; ср. p. 527. 26.* Э. Курц (*Kurtz E. Unedierte Texte... S. 86*) полагал, что Андроник участвовал в походе на печенегов и умер до февраля 1123 г.; Ф. Шаландон (*Chalandon F. Les Comnènes. P. 15. N. 2*) возражал ему, указывая, что геты это венгры, и, следовательно, Андроник должен был дожить до 1129 г. Следует, кстати, отметить, что Хониат упоминает о военных действиях против венгров не за Истром, а в междуречье Истра и Савы (*Nic. Ch., p. 25. 7*); согласно Киннаму, река находилась в тылу у венгров, и они отступили к ней (*Cinn., p. 11. 14*); вряд ли речь могла бы идти таким образом, если бы сражение происходило на левом берегу Дуная. Относительно трудности в локализации города Храм, о котором в этой связи говорит Киннам, см.: *Грот К. Из истории Угрии... С. 267. Прим. 2.*
- ³⁵ Дата победы над сербами остается спорной. Ф. Шаландон отдает в этом вопросе предпочтение Киннаму и относит поход на сербов ко времени венгерской войны (*Chalandon F. Les Comnènes. P. 71*; ср.: *Јуречек К. Историја Срба. I. С. 234; Šišić F. Poviest Hrvata. S. 46*). Наоборот, В. Златарский, следуя, видимо, за Хониатом, относит поход Иоанна II на сербов к 1124 г. (*Златарски В. Н. История... II. С. 370*); по мнению Г. Острогорского, поход Иоанна II на жупана Рашки также имел место вскоре после победы над печенегами (*Ostrogorsky G. History... P. 335*). Б. Радойичич отдал предпочтение Киннаму, не учитывая всей совокупности известий современных Иоанну II авторов; согласно Б. Радойичичу, дата сербского восстания – 1126 г. (*Радойичић Б. О хронологији... С. 184*). В свете известий Продрома и других панегиристов Иоанна II мы можем считать вероятным, что поход императора в Рашку состоялся до венгерской войны, скорее всего, сразу после войны с печенегами; точная дата его установлена быть не может, однако предположение В. Златарского остается наиболее убедительным.
- ³⁶ Ср.: *Успенский Ф. Византийский историк... С. 156*. Отмечу, что *V* опускает в этом эпизоде некоторые слова: р. 26. 5: *μη λάνυ* (что меняет смысл); р. 26. 10: *ἀ καὶ εἰρηκεν... ἐνυφαντά*; р. 26. 13: *ἦν*. Остальные рукописи дают текст, совпадающий с *ed*.
- ³⁷ Его имя приведено у Киннама в транскрипции *Μαχούμєт*, тогда как *ed* читают *Μουχούμєт*. Однако это чтение подкрепляет лишь *P* – в *V* мы всюду находим транскрипцию Киннама, а в *D, E*: в первом случае (р. 27. 10) *Μουχούμєт*, во втором (р. 27. 14) – *Μαχούμєт*. В транскрипции *Μουχούμєт* передает это имя Продром (*PG, t. 133, col. 1345A, 1358A*).
- ³⁸ *Cinn., p. 14. 3: Τατισμάν, P, ed: Τατισμάνιος. Однако V, D, E приводят это имя в транскрипции, близкой к Киннаму: Τατισμάνιος (так и Ephraemius, vers. 3890). Ср.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica². Bd. II. S. 298.*
- ³⁹ *Chalandon F. Les Comnènes. P. 88; ср.: Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 211; Mélékoff I. Dānismendids // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. F. 24. 1961/ P. 110; С. Д. Пападимитриу (Пападимитриу С. Д. Феодор Продром. С. 152) отнес смерть Гази к 1135 г.*
- ⁴⁰ *Kurtz E. Unedierte Texte... S. 76. 25–53.* Военные действия в Малой Азии Э. Курц (*S. 72, ср. S. 119*) датировал 1130–1134 гг. Ф. Шаландон, опираясь на свидетельство Михаила Сирийца, не использованное Курцем, отнес их к 1130–1135 гг. (*Chalandon F. Les Comnènes. P. 82 sq.*); основное различие между датировкой Курца и Шаландона состоит в том, что Курц относит первое взятие Кастамона к самому началу войны, к 1130 г., тогда как Ша-

ландон, ссылаясь на бар-Эбрая (*Chalandon F. Les Comnènes. P. 85. N. 3*), – к декабрю 1132 г. (ср.: *Mélíkoff I. Dānīshmēdids. P. 110*). С. Д. Пападимитриу (Феодор Продром. С. 151 сл.) относил первый поход на Кастамон к 1133–1134 гг., а второй – к 1135–1136 гг. По словам Михаила Италика (*Lamma P. Manuele Comneno... P. 402*), в походе на Кастамон и Гангры участвовал младший сын Иоанна Мануил – другие источники молчат об этом.

- ⁴¹ Это, видимо, al-Kilis арабских источников (см.: *Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935. S. 43*).
- ⁴² Дата этих событий недостаточно ясна. Авторы общих работ (*Ostrogorsky G. History... P. 336; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 211 f.*) относят обычно экспедицию в Киликию к весне 1137 г. Ф. Шаландон, исходя из данных латинских хроник, считал, что император прибыл на территорию Антиохии летом 1137 г., и датировал поход в Киликию 1136–1137 гг. (*Chalandon F. Les Comnènes. P. 112; ср. p. 17*). К еще более раннему времени отодвигает начало похода Э. Курц (*Kurtz E. Unedierte Texte... S. 85; ср. S. 119*); он рассуждает следующим образом: в походе принимал участие и в Сирии смертельно заболел кесарь Никифор Вриенний (*Anne Comnène. Alexiade. Vol. I. Paris, 1937. P. 6. 21–26*), который включен уже в поминальный список в типиконе монастыря Пандократора, составленном в октябре 1136 г. (*Дмитриевский А. Описание литургических рукописей... Т. I. С. 662. 30*); следовательно, он умер не позже 1136 г., а начало похода должно относиться еще к 1135 г. Но можно ли быть уверенным, что «кесарь и зять мой царственности Вриенний» в типике Пандократора – это действительно смертельно заболевший в Сирии муж Анны Комнины? В таком случае пришлось бы считать, что византийские войска вступили на территорию Сирии еще летом 1136 г. Отмечу попутно, что Д. Моравчик и Р. Жанэн ошибочно относят составление типикона Пандократора к 1137 г. (*Moravcsik Gy. Byzantinoturcica². Bd. I. S. 552; ср.: Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Part I. Vol. III. Paris, 1953. P. 529*).
- ⁴³ См. об этом: *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 198 f.*
- ⁴⁴ Об этой крепости: *Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. S. 130*. Краткое упоминание победы над жителями Ваки (Βαχτινοί) мы находим у Продрома (PG, t. 133, col. 1370 C).
- ⁴⁵ Cinn.: 'Ανάζαρβος ('Ain Zarba у ибн-Хордадбеха; см.: *Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. S. 43*); ed, *Rec. D. E. P.*: 'Ανάβαρζα, но в V мы находим чтение, близкое к Киннаму: 'Ανάζαρβα (так и Ephraemius, vers. 3906).
- ⁴⁶ Подробный рассказ об осаде Антиохии в 1137 г. и переговорах между Иоанном II, Раймундом Антиохийским и королем иерусалимским Фульком содержат латинские хроники, см.: *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 212 f.*; ср. также: *A History of the Crusades. Vol. I. Philadelphia, 1955. P. 439; Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956. С. 133*.
- ⁴⁷ Nic. Ch., p. 36. 11: Πιζά, Cinn., p. 19. 11: Πιζά. В E также Πιζά.
- ⁴⁸ Это, видимо, тот Фома, которого Продром называет «апостолом императора», подчинившим персов (PG, t. 133, col. 1371 B).
- ⁴⁹ Хаваред (Хафардā) Киннама соответствует Кафардā Хониата (Nic. Ch., p. 38. 12), т. е. *Kafartāb. P. 37. 9: V: Φάρετ*, что несколько ближе к арабскому названию города – al-Aḡārib. Сообщение Киннама о взятии Хамы (Hamāh), по-видимому, ошибочно (см.: *Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. S. 131. A. 8*). Об этом походе см. также: *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 215*. Продром, восхваляя Иоанна II, говорит, что

- он возвратился из Сирии и Финикии, а именно ἐκ Φέρει, Χαλέτ καὶ Φαρτῶν (PG, t. 133, col. 1364 С: надо исправить Кафартῶν) и снова его ждали сражения (PG, t. 133, col. 1365 А). Ср.: *Παπαδимиτριу С. Д.* Феодор Продром. С. 184. Прим. 132.
- ⁵⁰ Σέξερ – Nic. Ch., p. 38. 16; Σέξερ – Cinn., p. 19. 22.
- ⁵¹ P: τὸ Νίστριον, D, Rec: τὸν 'Ιστριον (но в D, на л. 14 об., в заметке на полях: Νίστριον), E: τὸν 'Ιστριον, V, ed: τὸ 'Ιστριον. Написание Νίστριον мы находим также у Ефрема (Ephraemius, vers. 3299; ср.: *Neumann C.* Griechische Geschichtsschreiber... S. 105. А. 2; *Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. S. 132. А. 1). Нистрий – это арабская крепость Madinat al-ḡsir.
- ⁵² P. 39. 19; V, D, P, Rec: τὸ ἐκ Κελτῶν, E: ἐκ Κελτῶν, ed: ἐκλέκτων (ср.: *Chalandon F.* Les Comnènes. P. 141. N. 2).
- ⁵³ Эскуриальский панегрик Иоанну II содержит несколько иной рассказ: защитники города решили встретить византийцев за городскими стенами, но были разбиты (Fontes, f. 2, p. 351. 15–24), а после поражения стали молить о пощаде (Fontes, f. 2, p. 352. 12–14). Удивительно, что византийские авторы проходят мимо противоречий между Иоанном II и его латинскими союзниками, не стремившимися к захвату Шайзара (см. об этом: *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. II. P. 216 f.; A History of Crusades. Vol. I. P. 440).
- ⁵⁴ Именно к этому моменту относит Киннам взятие крепости Вака (Cinn., p. 20. 17).
- ⁵⁵ PG, t. 133, col. 1367 А; см.: *Παπαдимиτριу С. Д.* Феодор Продром. С. 174.
- ⁵⁶ С. Д. Παπαдимиτριу (Феодор Продром. С. 190) относит эти стихи к 1142 г.
- ⁵⁷ Согласно Михаилу Сирийцу, бегство Исаака относится к 1130 г. (*Chalandon F.* Les Comnènes. P. 83). О бегстве Исаака подробно рассказывает Продром (см.: *Kurtz E.* Unedierte Texte... S. 101 f.; Э. Курц отнес бегство Исаака к 1122 г.).
- ⁵⁸ Он женился на дочери правителя Икония (ἰκονιάρχου – I); см.: *Nic. Ch.*, p. 49. 1–2. Другие рукописи дают то же чтение, что и ed: τοῦ 'Ἰκονιῶς Πέρσου. Правильность чтения I подтверждается сообщением Хониата (Nic. Ch., p. 72. 8–14) о том, что сын севастократора Исаака был женат на дочери иконийского султана.
- ⁵⁹ ed: δι ὀλίγου, т. е. немного, но V, D, P дают чтение διὰ λύγου (E: δια λυγον).
- ⁶⁰ *Lamma P.* Manuele Comneno... P. 403.
- ⁶¹ *Petit L.* Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzes métropolitain de Trébizonde // ИРАИК. VIII. 1902. № 1–2. P. 10. 107–121. Продром не называет имени Константина Гавры, но уже Л. Пти (*Petit L.* Monodie... P. 3 sq.) показал, что речь идет именно о нем, а не о Григории Тароните, как думал С. Д. Παπαдимиτριу (*Παπαдимиτριу С. Д.* Иоанн II, митрополит Киевский, и Феодор Продром // *Летопись истор.-филол. общества при Новоросс. ун-те.* X. 7. 1902. С. 21; Феодор Продром. С. 98 сл.); см. также: *Chalandon F.* Les Comnènes. P. 37. N. 5. Время «тирании» Константина Гавры: 1126–1140 гг.
- ⁶² См.: *Παπαдимиτριу С. Д.* Феодор Продром. С. 185 сл.
- ⁶³ См. об этом: *Chalandon F.* Les Comnènes. P. 180.
- ⁶⁴ Πασγούση – Cinn., p. 22. 8; Πουσυούση – Nic. Ch., p. 50. 6. Ефрем (Ephraemius, vers. 3994) придерживается принятой Киннамом транскрипции. Об идентификации названий см.: *Chalandon F.* Les Comnènes. P. 181. N. 3.
- ⁶⁵ Наиболее существенные разночтения – вставка в E к р. 51.11: 'Αλέξιος, ἀλλὰ δὴ καὶ 'Ανδρόνικος ὁ αὐτάδελφος αὐτοῦ, (№. Эта вставка хорошо объяснила бы следующее далее μετέδωκεν) (передал после смерти Алксея Андронику),

однако вторичное упоминание Андроника (ниже) не позволяет считать, что вставка в *E* принадлежит к первоначальному тексту). Отмечу еще р. 51. 11: *V* от. καὶ; р. 51. 13: *D*: νόστιμα (сверху написано: εἶδος); р. 51. 16: *E*: от. κακείνος (ср.: *Rec.*, р. 224, п. 2). О смерти царевича Алексея см. также в письме Михаила Италика (*Cramer J. A. Anecdota graeca*... Р. 180. 10). Из монодии Михаила Италика следует, что Алексей умер в Аггалли, а Андроник вслед за тем, когда перевозил труп брата на корабле (см.: *Παναδιμπτριу С. Д.* Феодор Продром. С. 193 сл.).

- ⁶⁶ 'Εκδῆρά – Cinn., р. 24. 19; ἐκδωρά – Nic. Ch., р. 54. 9. В *E* это слово написано неясно, так что можно читать и ἐκδῆρά, и ἐκδωρά. Аналогичный рассказ о смерти Иоанна мы находим у латинского хрониста Вильгельма Тирского, который, возможно, пользовался источником, легшим в основу версии Киннама и Хониата (см. *Browning R. The Death of John II Comnenus // Byz.* 21. 1961. Р. 236). Иную версию содержит неизданный анонимный панегирик патриарху Михаилу II Окситу (1143–1146), где Р. Браунинг усматривает намек на насильственную смерть Иоанна (*Browning R. The Death of John II Comnenus*. Р. 232); ту же версию, по мнению Р. Браунинга, пересдают и принадлежащие Цезу (?) «ямбы, оплакивающие убиенного императора».
- ⁶⁷ Киннам рассказывает здесь (Cinn., р. 23. 5–12), что Мануил во сне видел женщину, принесшую ему царские сапожки. Это же предание мы находим и в панегирике Михаила Италика, где говорится, что Мануилу во сне явилась Богородица с пурпурными сапожками (*Lamma P. Manuele Comnenos*... Р. 400).
- ⁶⁸ Михаил Хониат, брат историка, также хвалит Иоанна II, который будто бы постановил, что никого не следует подвергать членовредительским наказаниям (Μιχαὴλ Ἀκομινάτου Τὰ σωζόμενα. 'Αθήναι, 1879–1880. Т. I, σελ. 318. 20–21); возможно, что оба брата использовали общий источник. В в конце опускает ряд мест: р. 63. 16: συνεφής τὴν ὑφ' ὅν καὶ; р. 63. 17–18: οὐδέτερον... γέλωτα; р. 63. 19: τε καὶ ἀσφαλοῦς; р. 63. 21: τὸ.
- ⁶⁹ Nic. Ch., р. 284. 10 – 285. 18. О том, что Никита, митрополит Хонский, дал предсказание «тогда правившему императору», упоминает также брат нашего историка Михаил Хониат (Μιχαὴλ Ἀκομινάτου Τὰ σωζόμενα, т. I, σελ. 60. 2–4) – однако его свидетельство куда более кратко, чем рассказ Никиты Хониата. Ср.: *Stadtmüller G. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma*, 1934. S. 118.
- ⁷⁰ *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 234.*
- ⁷¹ См., например, характеристику Просуха: οὐκ αἰδρὶν τὰ πολέμια – Nic. Ch., р. 71. 10–11; ἱκανὸς τὰ πολέμια – Cinn., р. 33. 22–23.
- ⁷² См. об этом: *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 260.*
- ⁷³ О переписке Конрада III и Мануила I см.: *Ostrogorsky G. History*... Р. 339. N. 1 и указанную там литературу.
- ⁷⁴ Об имени см.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*². Bd. II. S. 181.
- ⁷⁵ О пристрастности Никиты Хониата в описании Второго крестового похода см.: *Chalandon F. Les Comnènes. P. 286 sq.; Lemerle P. Byzance et la croisade // Relazioni del X Congresso Intern. di Scienze Storiche. VII. III. P. 607.* О смещении у Хониата Конрада III и Людовика VII см.: *Chalandon F. Les Comnènes. P. 309.*
- ⁷⁶ В Греку (*Grecu V. Nicétas Choniates*... Р. 200 sq.) приводит также лишь два весьма случайных примера совпадений наших авторов в истории Мануила I.
- ⁷⁷ Неясно, был ли это Андроник Комнин, незадолго до того вернувшийся из Галича (см.: *Грот К. Из истории Угрии*... С. 344). При анализе известий

об осаде Землина К. Грот (*Грот К.* Из истории Угрии... С. 341) справедливо отдаст предпочтение версии Киннама, хотя и не выясняет принципиальных отличий в изображении событий обоими авторами; ср.: *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама... С. 38.

⁷⁸ Возможно, что в некоторых случаях совпадения в обеих хрониках первоначально могли быть более значительными. Напр., Хониат (Nic. Ch., p. 199. 9–12) говорит об обещании венгерского полководца Дионисия воздвигнуть курган (κόλωνό) из костей павших в бою ромесв, подобно тому как он сделал после победы над Гаврой и Враной в 1166 г., и отсылает к предыдущим главам (см. еще подобную отсылку к прошлому: Nic. Ch., p. 171. 2–3, 173. 13–14). Но в соответствующем месте «Хроники» (Nic. Ch., p. 173. 25) Дионисий лишь упомянут, а о кургане из костей нет ни слова. Зато у Киннама в рассказе о сражении 1166 г. мы читаем, что Дионисий собрал тела павших и сложил над ними высокий курган (Cinn., p. 259. 20–21). Не следует ли предположить, что этот эпизод первоначально имелся также и в «Хронике» Хониата, но был удален из нее затем в процессе сокращения?

⁷⁹ В поздней парафразе «Хроники» Никиты Хониата в этом месте сказано, что человек, так рассуждающий, оскорбляет Бога и верит в судьбу, словно эллин, т. е. язычник (Nic. Ch., p. 568. 25–27).

⁸⁰ Михаил Хониат в письме Димитрию Тронику, написанном, по-видимому, в начале 1186 г. (см.: *Stadt Müller G.* Michael Choniates... S. 123), говорит об Эпикуре или о «каком-нибудь ином яростном защитнике самопроизвольности (αὐτομάτου) и судьбы (τύχης)»; и эти люди, полагает он, поверили бы в Божественный Промысл (θεῖας προνοίας), управляющий человеческими делами, – настолько ясно проявился «в наши дни» этот промысл (Μιχαὴλ Ακοκινάτου Τὰ σωζόμενα, т. II, σελ. 52. 8–11). Возможно, что в этих словах Михаила Хониата отразились споры его современников о судьбе и промысле. Ср. также употребление им слова τύχη в значении «злая» или «тяжкая судьба» ((Μιχαὴλ Ακοκινάτου Τὰ σωζόμενα, т. II, σελ. 58. 20–21). Резко осуждает веру в судьбу и Иоанн Зонара (PG, t. 137, col. 725 B).

РОБЕРТ ДЕ КЛАРИ И НИКИТА ХОНИАТ

Некоторые особенности писательской манеры

Драматическая история правления византийского императора Андроника I (1183–1185) привлекла, как известно, внимание многих западных хронистов¹. Пожалуй, наиболее красочный рассказ об этих событиях, и особенно о падении Андроника, содержится в мемуарах французского рыцаря Роберта де Клари, участника Четвертого крестового похода, который сам побывал в Константинополе, когда память об Андронике еще не стерлась у жителей византийской столицы². Не приходится говорить о том, что повествование Роберта во многих своих деталях легендарно и по степени достоверности не идет в сравнение с рассказом грека Никиты Хониата, бывшего современником событий³. Сопоставление двух этих авторов, которое следует ниже, имеет в виду не выяснение их источниковедческой ценности, но постановку совершенно иной задачи.

Различие между Робертом де Клари и Никитой Хониатом проявляется не только в том, *что* они рассказывают, но и в том, *как* они это делают, не только в отборе фактов, но и в подаче их.

Сопоставление обоих авторов облегчается тем обстоятельством, что оба они, пикардийский рыцарь и константинопольский чиновник, излагают события примерно в одной и той же последовательности, внешняя канва повествования оказывается примерно одинаковой, отчего особенности писательской манеры обнаруживаются с большей четкостью.

И Роберт, и Никита начинают рассказ о перевороте, стоившем жизни Андронику, с того, как посланные императором люди пытаются арестовать одного из византийских аристократов Иса-

ака Ангела – Кирсаака, как называет его Роберт (от греческого кир-Исаак, «господин Исаак»). По сообщению Роберта (с. 22), «бальи» Андроника I (его имя – Стефан Айохристофорит – сохранил нам Никита Хониат) явился в дом «доброй дамы», где остановился Исаак. Главную часть эпизода составляет диалог «бальи» с «доброй дамой», после которого она направляется к Исааку и говорит ему: «Вы мертвы: вот бальи императора и много людей (gent) вместе с ним». И так как Исаак уже не мог бежать, он взял шпагу, вышел к бальи и спросил его: «Сир, что Вы хотите?». Тот ответил ему оскорбительно, и тогда Исаак воскликнул: «Негодяи, вас повесят!». И он ударил бальи шпагой по голове и разрубил ее до зубов.

Здесь все – диалог и действие. Напротив, у Хониата рассказ наполнен чисто описательными деталями, замедляющими развитие действия. Хониат (с. 444 и сл.) не только сообщает, что дом Исаака был расположен близ монастыря Перивлепта, что Айохристофорит явился туда к вечеру 11 сентября 6794 [1185] г., не только описывает одежду, в которой Исаак вышел к Айохристофориту, поведение слуг Айохристофорита, его попытку ускакать на муле, его бездыханное тело, наконец, но и цитирует Гомера (Илиада, 6: 507; 15: 263) и Софокла (Электра, 25), наполняя рассказ сравнениями и метафорами.

Бегство Исаака по городу к храму св. Софии описано у Роберта примерно так же, как у Хониата. Но, в отличие от византийского историка, Роберт опять-таки применяет прямую речь, заставляя Исаака кричать, что он покончил с дьяволом и убийцей, причинившим всяческое зло этому городу и другим. А в храме Исаак поднимается в алтарь и обнимает крест, ибо он хотел спасти свою жизнь (с. 23). Этого стремительного «enbracha le crois» у Хониата нет – зато он, словно замедляя бег художественного времени, останавливается на назначении амвона, куда поднялся его Исаак: «Отсюда убийцы объявляли о совершенном ими преступлении и просили прощения у тех, кто входил и выходил из священнейшего храма» (с. 446).

К церкви собирается толпа. Ее поведение описано обоими авторами совершенно по-разному. В представлении Роберта отношение толпы к Исааку определилось с самого начала. Люди приходили, чтобы взглянуть на этого рыцаря (vaslet), который вел себя так мужественно. Они сразу сказали (опять-таки прямая речь!): «Он смел и мужествен, ибо он совершил столь мужественный поступок». И тут же потребовали: «Сделаем этого рыцаря императором» (с. 23).

В отличие от Роберта, Хониат видит, как изменялось настроение константинопольского плебса. Он тоже говорит, что люди пришли посмотреть на Исаака, но тут же добавляет: «Все думали, что не успеет солнце зайти, как Исаак будет схвачен и обречен Андроником на невероятные и невиданные муки» (с. 446 и сл.). Так думали «все», подчеркивает Никита. Но когда прошло некоторое время, а посланцы императора все не появлялись (ни кто-либо из знатных, неторопливо повествует Хониат, ни из верных слуг Андроника, ни варвары-секироносцы, ни жезлоносцы в пурпурных одеждах – вообще никто), толпа стала дерзкой, языки развязались и собравшиеся стали обещать Исааку свою поддержку (с. 447). А утром уже каждый житель Константинополя молился, чтобы царство перешло Исааку, а Андроник ответил за все совершенные им злодеяния (с. 448). Днем воодушевление толпы достигло такой силы, что появление сторонников императора уже ничего не могло изменить. Люди побуждали друг друга к действию и высмеивали тех, кто не проявлял должного рвения и не вооружался, а только стоял и глядел на все происходящее. И, наконец, те, кто прежде выражали недовольство Андроником, но медлили, считая дело слишком рискованным, теперь открыто примкнули к мятежникам (с. 449).

По-разному оба писателя вводят в события Андроника, которого Роберт называет Андромес. У Роберта действие течет прямолинейно и события выстраиваются в последовательную цепь. В соответствии с этим повествовательным принципом Андроник-Андромес появляется лишь после коронации Исаака Ангела: он приходит в храм св. Софии, чтобы взглянуть на Исаака, уже надевшего корону (с. 24). Хониат же свободнее владеет временем, и его художественная последовательность подчас отличается от последовательности реальной. Поэтому, переходя к Андронику уже после рассказа об утреннем боевом настроении толпы, он смело возвращается назад, к «первой страже ночи», когда император еще находился вне Константинополя, в одном из загородных дворцов (с. 448). Но и по существу трактовка этого эпизода различна у Роберта и Хониата.

У Хониата речь идет прежде всего о колебаниях и медлительности Андроника: он остался на месте и не дал никаких указаний, ограничившись коротким письмом, обращенным к жителям Константинополя. Лишь на следующий день он прибыл в город (с. 448). Наоборот, Роберт представляет императора рыцарственным и деятельным: взяв с собой много людей (*gent*), Андроник прошел крытыми переходами из Большого дворца в храм св. Со-

фии. И там он увидел того, кто был коронован, и скорбь охватила его. И он спросил у своих людей, нет ли у кого-нибудь лука и стрелы. И взяв лук, он натянул его, чтобы поразить Исаака в сердце. Но тетива лопнула, и Андроник, растерянный и смущенный, удалился во дворец, приказав запереть ворота (с. 24). Кстати сказать, образ Андроника, стреляющего из лука, проходит и у Никиты Хониата, но в совершенно иной связи: император поднимается на башню Кентинарий и некоторое время обстреливает из лука толпу, штурмующую Большой дворец (с. 451). Образ лишен той романтической приподнятости, которая присуща Андромесу, целящему в сердце своего коронованного соперника.

В рассказе о коронации Исаака, как его передает Хониат, есть еще один момент, отсутствующий у пикардийского рыцаря. Когда Исааку предложили корону, он некоторое время от нее отказывался, и его дядя Иоанн Дука, тоже находившийся в храме св. Софии, обнажил голову и просил, чтобы царский венец был возложен на него. Однако народ, увидев сияющую лысину, отверг претендента-старика: народ Константинополя, добавляет Хониат, достаточно натерпелся от дряхлого Андроника и не желал иметь царем стоящего на краю могилы старца (с. 450). Такой характерный для Хониата сарказм совершенно чужд писательской манере Роберта де Клари.

Сопротивление Андроника было недолгим. Он бежал на корабле, и, конечно, Роберт добавляет, что вместе с ним были его gens (с. 25), тогда как Хониат подчеркивает, что он взял с собой только двух женщин: свою жену Анну и гетеру Мараптику, которую он любил, поясняет писатель, больше, чем некогда Деметрий Полиоркет Ламию (с. 452).

За бегством Андроника у обоих историков следует рассказ о вступлении Исаака во дворец, возведении его на трон и захвате государственной казны. Последовательность повествования одинакова, но трактовка опять-таки совершенно различна. Роберт в изложении этих событий лоялен и благочестив: Исаака посадили на Константинов трон, его почитали как святого императора. Он возблагодарил Бога и специально отметил, что случилось великое чудо: в тот день, когда его должны были арестовать, он получил венец (с. 25). (Отмечу попутно хронологическое стяжение у Роберта: усиливая динамику событий, он помещает в пределах одного дня то, что на самом деле занимало два, ибо арест Исаака должен был произойти 11 сентября, а коронация имела место 12-го.) Весь этот благочестивый рассказ отсутствует у Хониата, который вообще с известным скепсисом относится к императорскому культу. Центр этого эпизода у Хониата – раз-

грабление толпой казны: он даже указывает в точных цифрах, сколько было присвоено золотых, серебряных и медных монет, не считая металлических слитков (с. 453). Напротив, Роберт влагает в уста Исаака следующие слова: «За ту великую честь, которую вы мне оказали, я предоставляю вам сокровищницу этого дворца и дворца во Влахернах». То, что под пером Хониата выступает как чистый грабеж, Роберт определяет как «великий дар» (с. 25).

Самый рассказ о бегстве Андроника имеет некоторые общие черты: и там, и здесь рассказывается, что буря помешала бегству. Правда, у Роберта отсутствует этическая оценка, а Хониат заявляет, что море негодовало на Андроника, осквернившего стихию убийствами (с. 454). Вместе с тем отличие обеих писательских манер здесь также очевидно.

У Роберта все дано в действии, тогда как Хониат по-прежнему нетороплив. Средоточие этого эпизода у византийского историка – рассказ о том, как схваченного Андроника везут на суденышке назад в Константинополь и он оплакивает свою судьбу, а обе женщины поддерживают его жалобы (с. 454 и сл.). Здесь лирический комментарий к действию как бы вытесняет самое действие. Совершенно по-иному, энергично и напряженно, построен рассказ Роберта: корабль Андроника относит бурей в Константинополь, люди высаживаются и идут в таверну, хозяйка которой узнает низвергнутого императора; ее муж отправляется к какому-то «высокому человеку», который жил неподалеку во дворце и ненавидел Андроника, ибо тот погубил его отца и подверг насилию жену; вместе со своими gens он приходит в таверну и арестовывает Андроника (с. 26). Энергичность действия подчеркнута здесь обилием прямой речи: Андроник беседует со своими людьми, которых он называет «сеньоры», а они говорят ему «сир», хозяйка таверны обращается к своему мужу. К тому же Роберт стягивает события: согласно Хониату, Андроник бежал в город Хилу, откуда он намеревался отправиться к «тавроскифам», здесь ему готовили корабль, но буря не позволила отплыть; наконец, прибыли преследователи, схватили Андроника и отвезли в Константинополь. По Роберту, всего этого пребывания в Хиле не было: корабль сразу же отнесло к Константинополю и здесь, в таверне, Андроник был схвачен.

Далее у Роберта следует характерный эпизод. Андроника приводят к Исааку Ангелу, который – в соответствии с нормами феодального права – обвиняет своего предшественника в том, что тот предал своего сеньора императора Мануила, на что Андроник – опять-таки вполне рыцарственно – отвечал: «Молчите, я не удо-

стою Вас ответом». После этого Исаак собирает многих жителей города и советуется с ними о предстоящей казни Андроника (с. 27). Совершенно по-другому представлена встреча Андроника с Исааком у Хониата: низложенного государя посадили в башню Анемы (одну из константинопольских тюрем), надели ему на шею тяжелые цепи, которыми обычно приковывали львов, а ноги забили в колодки; потом его привели к Исааку и здесь подвергали оскорблениям, били по щекам, пинали в зад, вырывали бороду, выбивали зубы (с. 455).

Самое описание казни Андроника, которого посадили на паршивого верблюда и возили по городу, подвергая всяческим поношениям, сходно у Роберта и Хониата, хотя и здесь можно заметить некоторую тенденцию к «облагораживанию» действия, присущую французскому рыцарю: он заставляет врагов Андроника колоть его шпагами (с. 28), тогда как у Хониата толпа забрасывает свою жертву камнями и навозом, избивает дубинами, поливает мочой (с. 456 и сл.).

Рассказ Роберта завершается отсутствующим у Хониата пассажем. На порталах церковей были выставлены изображения, представлявшие, как чудо сделало Исаака императором, как Господь возложил на него корону и как ангелы порвали тетиву лука, когда Андроник намеревался его поразить (с. 28). Может быть, именно этим византийским «лубкам» в какой-то мере обязан своим повествованием Роберт де Клари.

Различие между Никитой Хониатом и Робертом де Клари бросается в глаза. Проще всего, пожалуй, выделить различие в трактовке реалий: Роберт явным образом «феодализирует» византийскую действительность, вводя привычную ему терминологию и представляя отношения между людьми в привычном ему стереотипе поведения. Сцена встречи Исаака Ангела с арестованным Андроником в этом отношении особенно показательна: византийский историк не мыслит ее иначе, как палочную расправу, французский писатель обрамляет ее формулами, почерпнутыми из понятий рыцарской чести.

В соответствии с этим строятся и образы действующих лиц: Кирсаак и Андромес Роберта – это прежде всего рыцари. Дело не только в том, что их повсюду сопровождают их «люди» и что они пользуются западноевропейской рыцарской терминологией, – их поведение подчинено принципам рыцарского идеала, где мужество, верность и благочестие являются основными качествами. Герои Никиты Хонната куда более «приземлены», и отношение автора к ним гораздо более скептическое.

Не менее существенным является и еще один аспект различия. Рассказ Роберта де Клари динамичен, стремителен. Уже П. Шон отметил темпераментность повествования Роберта, с чем связана редкость у него картин и сравнений, а также обилие прямой речи⁴. Сопоставление с Хониатом еще более оттеняет эти черты художественной манеры французского прозаика: Хониату свойственна медлительность повествования, сопряженная с тенденцией к психологическим характеристикам.

Однако что представляет собой это явление, которое мы могли наблюдать? Можем ли мы говорить о стилистическом различии произведений Роберта де Клари и Никиты Хониата как о сугубо индивидуальном явлении, как о разнице двух индивидуальных манер – или за этим различием лежат более глубокие социально-художественные причины? Вопрос этот слишком велик, чтобы его можно было решать в пределах маленькой статьи, я позволю себе ограничиться только постановкой проблемы.

В самом деле, динамичность западного искусства в сопоставлении с медлительной лиричностью и психологизмом искусства Византии – явление, отмечавшееся неоднократно. Романская скульптура и константинопольская живопись, готический шпиль и византийский купол, западная мистерия и византийская литургия – различие между всеми этими социально-культурными явлениями идет как раз по той же главной линии, что я пытался провести между Робертом де Клари и Никитой Хониатом. Вообще средневековая художественная манера была в очень большой степени определена коллективными представлениями, господствовавшими в данном обществе и часто находившими свою реализацию в формулах и стереотипах. А если это действительно так, то противопоставление Роберта де Клари и Никиты Хониата может иметь известное значение для понимания чрезвычайно важной проблемы: «Средневековый Запад и Византия» – проблемы, которая имеет и экономический, и социальный, и политический, и богословский, и этический, и, наконец, художественный аспекты.

Впервые опубликовано: Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 294–299.

¹ Mac Neal E. H. The Story of Isaak and Andronicus // Speculum. IX. 1934. P. 324–329.

² Robert de Clari. La conquête de Constantinople. Paris, 1924. См. о нем: Заборов М. А. Современники — хронисты и историки крестовых походов // ВВ. XXVI. 1965. С. 145 сл.

- ³ *Nicetas Choniata. Historia.* Bonnac, 1835. До настоящего времени основной монографией о Хониате остается старая работа: Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874; ср. также: Stadtmüller G. Zur Biographie des Nicetas Choniates // *Byzantinische Forschungen.* I. 1966. S. 321–328.
- ⁴ *Schon P. M. Studien zum Stil der frühen französischen Prosa.* Robert de Clari, Geoffroy de Villehardouin, Henri de Valenciennes. Frankfurt a/Main, 1960. S. 61 f., 67 f., 190 f.

«КОРАБЛЬ В БУРНОМ МОРЕ»

К вопросу о соотношении образной системы
и исторических взглядов двух византийских писателей

Образ корабля в бушующем море приковывал внимание многих византийских писателей¹. Само по себе это неудивительно: с одной стороны, сказывалась литературная традиция как античная, так и новозаветная; с другой – жизненные наблюдения живущего у моря народа. Проблема возникает лишь тогда, когда мы констатируем *различие* в трактовке этого образа.

Бурное море принадлежит к излюбленным сравнениям и метафорам как Никиты Хониата, писателя, умершего в начале XIII в., так и Никифора Григоры, жившего столетием позже². По словам Хониата, Мануил I бушевал, как море, вздуваемое северным ветром (НХ Ист., с. 223. 12–14); Андроник I сравнивается с бурным морем (с. 409. 14), со шквалом (с. 410. 14); султан Кылич-Арслан II именуется бурным и беспокойным, словно морской залив (с. 160. 15–16). Хониат говорит о море бед (с. 443. 15), о море испытаний и шквале бедствий (с. 840. 10–12). Зло вздымается, как морской прибой (с. 424. 5), несчастья кажутся писателю хуже бури (с. 483. 21), грабители приносят больше бед, чем шквал (с. 423. 14–16). Неудачный поход сравнивается с кораблекрушением (с. 484. 22), царская власть накануне 1204 г. – с судном, разбиваемым бурей (с. 756. 3). При Мануиле I события едва не потопили челн царства (с. 265. 22–23). Алексей III пренебрегал управлением, словно неопытный кормчий (с. 605. 23–24).

Система этих сравнений и метафор довольно однозначна: море рисуется гибельным, грозным, сулящим кораблекрушения. Лишь изредка появляется у Хониата тема спасения от морской

опасности. Он говорит об анконцах, которые отбили осаду немцев: они как бы подняли свой город из морской пучины (с. 264. 3–4). Мануил Камиц, разбитый немцами, бежал с поля боя и только на третий день достиг своих – словно из открытого моря добрался до гавани, отплевывая горькую влагу битвы (с. 535. 12–13).

Более противоречивой оказывается система морских образов у Григоры. Здесь мы встречаем прежде всего грозное море, с которым сопоставляются набеги врагов (Григ. I, 33. 3–5; III, 19. 1–2) и церковные смуты (I, 126. 5–6, II, 1137. 16 и многие другие), море бедствий (I, 421. 15, 467. 7–8), *Σάλοι, χεῖμῶνες, κλύσωνες, κύματα* – и прочие синонимы бури упоминаются Григорой постоянно. Но вместе с тем выступает у него море как позитивный образ: море похвал (I, 495. 5), жизненное море, которое человек, обратившийся к Богу, пересекает успешно (III, 214. 9–12), море подвига (II, 902. 21–22). В системе сравнений Григоры – мореплаватели, мирно плывущие от острова к острову, от гавани к гавани (II, 576. 10–13); корабль, благополучно завершающий плавание вопреки всяческим опасностям (II, 978. 23 – 979. 6).

Опасностей моря можно избежать (III, 148. 14–16): незачем прыгать в него, не научившись плавать (I, 340. 25 – 341. 1). Наконец, Григора пользуется и образом утихающей бури (II, 646. 12–14; 1005. 8–9).

Шутить с морем Хониату не приходило в голову. Напротив, у Григоры время от времени море становится конструктивным элементом юмористического эпизода. Человек плывет в море, и вдруг начинается дождь; неразумный пловец, испуганный первыми каплями, собирается погрузиться в воду, чтобы скрыться от изливающейся с неба влаги (II, 992. 1–4). Григора смеется над своими противниками: вот ведь расшумелись, пуще морского прибоя (II, 971. 5–6; ср. II, 994. 5–6).

Тема корабля в бурном море возникает у Григоры постоянно, начиная с того, что он сравнивает Ромейское государство с большим судном, гонимым суровыми ветрами и волнами моря (I, 13. 10–12). Он говорит о корабле, потерявшем якорь (I, 544. 23–24; ср. I, 179. 12–14; 308. 16–18), о корабле со сломанными мачтами (I, 230. 21–24); о неуправляемом судне (II, 1052. 4–5; III, 25. 17–19) и постоянно – о кораблекрушении (II, 714. 11–14; 823. 17 и многие другие). А вместе с тем опасность эта не кажется безысходной. Во-первых, Григора различает плохой и хороший корабль; только первому грозит беда (II, 844. 3–6); во-вторых, даже после крушения можно спастись, уцепившись за обломок разбитого корабля (II, 803. 9–16).

Тема спасения из моря – такая случайная для Хониата – среди морских образов Григоры занимает центральное место. Он заставляет сказать Кантакузина, что у него много средств, как помочь кораблям, стремящимся выбраться из бурного моря и пристать к берегу (II, 588. 16–19). Спасительная гавань, где находят пристанище моряки, терпящие кораблекрушение, – одно из излюбленных клише писателя: вопреки ожиданию Господь рассеял «бурю многовластия» и укрепил в Никее спасительную гавань (I, 97. 1–6). Хорский монастырь – спасительная гавань для Феодора Метохита (I, 459. 12–13), мать Андроника III – спасительная гавань для всех нуждающихся (I, 492. 11–12), и Андроник II также назван гаванью для всякой терпящей крушение души (I, 468. 24; ниже он сравнивается со спасительной гаванью – I, 469. 7). Подобные образы встречаются многократно (I, 379. 5–6; 411. 18–19; II, 611. 9–11; 639. 20–21; 681. 2; 818. 7–9; III, 235. 14–15), и лишь однажды Григора использует образ гавани, окрашенный сожалением: он говорит о корабле, возвращающемся назад после бури, во время которой моряки потеряли свой «многоценный груз» (I, 563. 16–19). Опорой мореплавателю служит не только гавань, но и остров (I, 380. 10–11; ср. II, 802. 4–6). Даже песок морской смягчает разгневанную стихию: северный ветер, взъярив волны, ведет их войной на материк, но, заслышав голос морского песка, беззвучными губами повторяющего каноны Создателя, сразу же отступает в робости перед Божьими велениями (II, 923. 17–25).

По-видимому, к другому кругу образов принадлежит мыс «несотрясаемый», противостоящий ярости волн. Григора вкладывает в уста Кантакузину гордые слова: «Я камень прибрежный и мыс несотрясаемый, презревший бешеные валы моря, вечно враждебные мне» (II, 588. 14–16). И своего сына Матфея Кантакузин сравнивает с мысом, сдерживающим «бескрайнее море трибаллов» (II, 815. 19–22). Мыс – не гавань, образ этот не несет в себе успокоения и спасения, но подчеркивает стойкость в опасностях (ср. еще I, 421. 17–18; 491. 15–16; 517. 17–18), и образ мыса несотрясаемого, выдерживающего морскую бурю, не чужд и Никите Хониату (НХ Ист., с. 339. 5–8; ср. с. 98. 3–4).

Если от бури можно скрыться, она перестает казаться безысходно грозной, и Григора позволяет себе пошутить даже с гибелью корабля: он заставляет язык бездарного оратора бесстыдно записаться и терпеть кораблекрушение (Григ. II, 1035. 20–22).

Различие в трактовке темы «корабля в бурю» между Хониатом и Григорой как будто бы ощутимо: Хониат ставит акцент на самом феномене бури, в ее гибельности видит смысл и суть образа, тогда

как Григора идет дальше, подчеркивая, что есть устойчивость, есть спасение, есть надежда – есть, следовательно, силы, позволяющие преодолеть бурю.

Противоположность Хониата и Григоры в трактовке данного образа могла бы показаться случайностью, результатом личного опыта или литературной традиции. Однако она подкрепляется всей совокупностью образной системы того и другого автора. В самом деле, в образной системе Хониата доминируют трагические сравнения и метафоры. Это прежде всего добыча, которую преследуют (НХ Ист., с. 240. 21; 254. 16; 385. 9–10 и другие), и связанные с уловлением добычи силки – сеть: *σαγήνη* (с. 445. 5–6; ср. с. 66. 7; 244. 7), *ἄρκυς* (с. 138. 21; 171. 8; 563. 22; 616. 20–21), *ἀμφίβληστρον* (с. 184. 14–18; 342. 14–15; 680. 6–7), *δίκτυον* (с. 471. 1–2), или западня (с. 190. 15–16; 294. 16; 434. 6–7; 556. 14–16 и другие). Логическое завершение и осмысление этот образ получает в сравнении греков, находящихся вне Константинополя, с животными, которых ловчие отделили от их собратьев и поместили в прозрачные стеклянные сосуды (с. 766. 9–10). Ощущение себя в западне, в силках весьма показательно для Хониата.

Помимо того Хониат постоянно обращается к теме болезни: государство больно (с. 297. 4; 340. 1; 422. 20); расходы, как гангрена, пожирают сокровища (с. 127. 22); страсти пылают, словно в лихорадке (с. 129. 5–6; 163. 13–15; 229. 20–21; 246. 7–9; ср. с. 401. 1–2); недостойных людей он именует загнившим членом (с. 449. 11–13). Писатель использует и тему падения: зависть к Феодору Стиниоту опрокинула его, перевернула и превратила в несчастную жертву (с. 145. 10–13). Гомеровский образ падения на темя (Илиада, 5: 586) становится стереотипом у Хониата (с. 143. 5–6; ср. с. 176. 5–6; 368. 7); неоднократно упоминает он падение с коня (с. 198. 15–16; 204. 4–5; 254. 5–7), с городских стен (с. 371. 7).

Стереотипичен у Хониата и угрожающий образ зверя и змея (с. 612. 4–6; 807. 14–15). Одна часть норманнского войска уподобляется льву, другая – змею (с. 413. 13–16), бесчеловечные латиняне ставятся в один ряд со смертоносной ехидной, с жалящим в пятю змеем, с разящим быков львом (с. 390. 21–24). Зверем постоянно именуется Андроник I (с. 330. 10; 352. 16; 454. 6 и другие), со зверьми сравниваются норманны (с. 82. 15; 395. 4; 476. 5–7), венецианцы (с. 114. 11–12), султан Кылич-Арслан II (с. 227. 1–2), крестоносцы (с. 779. 18). «Зверь» нередко конкретизируется, и Хониат использует для своих сравнений отдельные виды диких тварей: тут грозный лев (с. 473. 20; 544. 10; 742. 10–

11 и многие другие), мифический муравьеделец (с. 652. 19; ср. Иов, 4: 11); медведь (с. 367. 14–15), вепрь (с. 345. 13–14; 416. 2), волк (с. 323. 11–14; 779. 21–22), барс (с. 179. 1–2; 473. 21) и шакал (с. 150. 9); наконец, «гады» – ехидна (с. 390. 21), дракон (с. 798. 13–16; ср. с. 188. 18–19, 203. 11–12 и др.), аспид (с. 512. 10, 612. 3–4).

Из этого круга образов Григоря охотно использует сеть – западню – силки (Григ. I, 45. 11; 100. 14–17; 267. 19 и многие другие); болезнь вообще (I, 297. 16 и другие) и отдельные заболевания: лихорадку (II, 622. 12), водянку (III, 217. 13–14), некоторые другие; «зверья» вообще (I, 35; II, 1011. 14 и другие) и некоторых конкретных зверей: особенно часто волка (I, 161. 16–21; 317. 12–14 и другие) и изредка льва (I, 19. 2–4; II, 1046. 15) и вепря (II, 729. 2–3). Но вот что характерно: тема болезни как бы смягчается у Григоры частым образом врача (I, 316. 7–8; II, 753. 4–8 и другие) и лечения (особенно III, 70. 22–23), тогда как Хониату свойственно подчеркивать, что недуг сильнее лечения (НХ Ист., с. 722. 23–24), что беды трудно исцелимы (с. 423. 21), что врач оказывается отравителем (с. 387. 21).

Та же самая нюансировка замечается при сопоставлении темы зверя у обоих писателей. Не только «ассортимент» звериных образов у Григоры менее разработан, не только отсутствует в этом «ассортименте» такой существенный элемент Хониатовых сравнений, как змей (с его вариантами – ехидной, драконом и аспидом), но и сам дикий зверь оказывается способным превратиться в ручного (Григ. III, 126. 20–24). Звери Григоры часто вызывают не ужас, а скорее смех, как обезьяна, с которой он сопоставляет своего противника Варлаама (I, 555. 20–23; ср. II, 885. 2), или же удивление, как нильский крокодил (I, 444. 5–6).

Тема огня развита у Григоры детальнее, нежели у Хониата. Для Хониата огонь – грозная и злая сила. Неповиновение, говорит он, ужаснее огня (НХ Ист., с. 218. 14–15), толпа – ужаснее огня (с. 304. 15). Спасаящиеся от дыма налогов попадают в огонь рабства (с. 97. 17–19). Натиск латинян сравнивается с огнем, перерастающим в грозный пожар (с. 265. 14–16). Особенно охотно он сопоставляет с огнем дурные страсти: гнев (с. 115. 15–17; 147. 18), зависть (с. 335. 3–5), подозрение (с. 147. 3–5). Лишь изредка встретим мы у него огонь [любви] к детям (с. 295. 12–13) или тлеющий жар блага, который память, словно меха, раздувает в пламя (с. 773. 13–15).

И у Григоры нет недостатка в сравнениях с огнем губительным и страшным. Монголы, словно огонь, обрушившийся на лес,

уничтожали все вокруг (Григ. I, 38. 17–20). Он говорит о пламени наказания (II, 885. 3) или пламени зла (III, 57. 14–16; 457. 13). «Вражеский огонь», – говорит он в другом месте (I, 496. 6–7). Огонь жжет (III, 339. 4; ср. II, 957. 17–19), причиняет беспокойство (I, 422. 2–3), вызывает стенания (I, 382. 13–14), и сами стенания сравниваются с густым дымом, вылетающим из глубины души (II, 617. 10–11; III, 4. 13–15). Но вместе с тем Григора пользуется метафорами «огонь сердца» (II, 1138. 7) и «уголья печали» (I, 307. 8–12), сравнивает с пламенем душевные движения (II, 804. 23–24) и даже собственное рвение (II, 824. 5–7). У Григоры есть и образ, чуждый Хониату: выпрыгивание из огня (III, 269. 3–4). От огня, следовательно, можно спастись, и потому Григора охотно прибегает к сравнению с неразумным человеком, который, вместо того чтобы тушить пожар, угрожающий его дому, начинает бросать в огонь хворост и лить оливковое масло (I, 225. 14–17; ср. II, 671. 11–14). Кто поступает таким образом, говорит Григора в другом месте, вздувает пламя до небес и сжигает не единый дом, а целый город (III, 216. 21 – 217. 6).

Мы можем констатировать известное различие между Хониатом и Григорой в используемой ими системе сравнений и метафор. При том, что набор «ужасных» образов (буря, западня, болезнь, зверь, огонь) остается одинаковым, нюансировка оказывается другой: Григора отходит от безнадежной трагичности, свойственной Хониату, смягчает эти пугающие образы, допуская возможность спасения, выздоровления, отвержения зверем его звериной природы. Даже пожар можно осилить – не нужно только подбрасывать хворост в огонь.

Если мы правы, констатируя различие образных систем Хониата и Григоры, то различие это нуждается в объяснении. Легче всего было бы отделаться от объяснения, назвав противоположность обоих писателей случайной. Однако «случайным» могло бы быть различие в трактовке одного образа (скажем, корабля в бурю); обнаруживающаяся противоположность кажется более глубокой, связанной с более общими концепциями обоих писателей.

Одна из характерных черт мировоззрения Никиты Хониата – представление о неустойчивости, изменчивости, нестабильности человеческой судьбы. «О изменчивое течение вещей, иной раз быстрее слова меняющее свое направление», – так восклицает Никита, прямо формулируя свой тезис (НХ Ист., с. 324. 2–4). Разумеется, в такой формулировке нет ничего философски оригинального, но Хониат не философ, и от него не следует требовать философской оригинальности. Не будучи созданием Хониата, тезис

этот «освоен», стал сердцевиной его «Истории», где во множестве эпизодов раскрывается поворот от благополучия к несчастью, от удачи к провалу. Поэтому людские замыслы кажутся писателю тщетными, а усилия бесплодными. В конце «Истории» он оплакивает судьбу – свою и близких ему людей, потерявших город, очаг, средства к существованию и переставших быть знатыми и богатыми (с. 851. 6–8), и это восприятие человека в аспекте «несвершения» господствует в книге Хониата. Смерть Стефана, брата венгерского короля и претендента на престол, отравленного слугой, показала, по Хониату, бесплодность человеческих стремлений (с. 168. 6–11). Алексей Врана уже лелеял в уме, как он займет Константинополь, но задуманное им не свершилось (с. 496. 17–18). Осада Мануилом I Коркиры при всех стараниях ромеев оказывалась безрезультатной (с. 105. 2–4): словно козы, карабкались воины на кручи – и ничего не могли добиться (с. 116. 6–7). «Глубокоумный» Андроник I строил всевозможные военные механизмы, рассчитывая занять Никею, но никейцы, выскочив из городских ворот, сожгли их и разломали (с. 365. 6–13). Норманны, прежде сами бравшие в плен врагов, стали пленниками, покорявшие других – покоренными (с. 473. 21–22). Все ждали, что Алексей III окажется воином и стражем, способным исправить промахи брата, но надежды не оправдались (с. 605. 11–19). О тех, кто пытался овладеть богатствами ростовщика Каломодия, Хониат говорит: «Они имели источник, но не умели, как пить из него» (с. 693. 17–18), причем противопоставление обостряется тем, что слова πηγήν (источник) и πῖνν (пить) звучали в произношении современников Хониата почти одинаково.

Таких противопоставлений в «Истории» Хониата десятки. Трагедия потери и неудачи – поистине лейтмотив его книги.

Что человеческое бытие неустойчиво и непрочно, охотно повторяет и Григора. «Я уже неоднократно говорил, – пишет он в связи с рассказом о низложении Стефана Дечанского в 1331 г., – что никакое жизненное благополучие не сохраняется в невредимости» (Григ. I, 456. 7–9). Все человеческое – неверно и ненадежно (II, 637. 4; ср. I, 90. 19–20). В жизни нет ничего устойчивого, все легко переворачивается (II, 575. 18–21). Ромейские воины не понимали, замечает Григора, что в мире нет устойчивости и что человеческие судьбы, согласно Платону, лишь игралище бога (παίγδιον θεοῦ) (см.: Платон. Законы, 803 с.), а их движение – вверх и вниз – неясно и непонятно (I, 257. 3–7). Таких формулировок у Григоры много; кстати сказать, они у него встречаются куда чаще, чем у Хониата, который охотнее показывает,

чем констатирует нестабильность человеческого существования. Однако из тезиса о нестабильности Григора не делает столь последовательного трагедийного вывода, как его предшественник.

Вот как он рассуждает: я бы горевал и плакал, наблюдая острый натиск зла, если бы не древние мудрецы, которые укрепили наши души, показав нам постоянную текучесть вещей (τῶν πραγμάτων ἀστάθμητον φύσιν) (II, 1013. 20 – 1014. 3). Поскольку вообще нет ни чистой радости, ни сплошной печали, но все в мире смешано, человеку нужно и в бедах сохранять стойкость (II, 1014. 8–10, 15–16). Вот почему Григора убежден, что вихри и бури уступят место безветрию (III, 130. 20–21), и валы, вздымающиеся выше Олимпа и Кавказа, удивительным образом превратятся в свою противоположность (III, 131. 5–9). И в этой связи он напоминает о птице-зимородке, которая устраивает гнездо на прибрежных песках в разгар зимы, в пору непогоды – и дикость ветров утихает, спадает ярость волн, покуда птенцы зимородка не научатся летать (III, 131. 9–13). Григора верит, что буре можно противопоставить преграду прочную, словно Истм (III, 94. 7–9), и поэтому он восхваляет Андроника II, вынесшего испытания и выдержавшего тяготы (I, 337. 20–22), которые опять-таки сопоставляются с ветрами и бурей.

Итак, двум разным образным системам соответствуют два разных взгляда на историю: Хониат видит в течении событий непрерывное изменение к худшему, Григора же – не постижимое человеческим умом, кажущееся беспорядочным движение «вверх и вниз»: то к худшему, то, напротив, от худшего к лучшему.

И античность, и средневековые нередко обращались для объяснения подвижности, текучести, изменчивости человеческих состояний к образу Судьбы – Фортуны – Тихи. Античность рисовала ее автономной богиней, средневековые христианизировало Фортуну, подчинив ее Богу³. Однако введение Судьбы в христианскую систему мировоззрения привело к возникновению антиномии между детерминированностью, порождаемой действием «повелительницы мира» Фортуны, и волей Бога, стоящей выше всякой детерминированности (другой стороной той же антиномии является спор о предопределении и свободе воли, проходящий через все средневековые – от пелагианской ереси до диспутов эпохи Ренессанса).

Как Хониат, так и Григора выступают против детерминизма. Хониат, в отличие от своего современника Иоанна Киннама, противник «концепции» Фортуны⁴. Он полемизирует с «нынешними», не названными им по именам, которые, лживо ссылаясь

на Божественный Промысл, незаметно протаскивают представление о Судьбе и Необходимости (НХ Ист., с. 126. 10–17). О детерминизме пишет и Григора. В уста Иоанна Асеня он вкладывает мысль о наличии двух точек зрения: жизнь человеческая определяется либо волей людей (προαίρεσες καὶ βουλή), либо Тихой, которая властвует над людьми и произвольно (τῷ αὐτομάτῳ) направляет «парус событий» по непостижимому морскому пути, который не дано выбирать (Григ., II, 799. 2–8). Иоанн Кантакузин обрисован у Григоры сторонником «концепции Фортуны». Согласно Кантакузину, Тиха произвольно (τῷ αὐτομάτῳ) направляет человеческие поступки, она скорее, чем Бог, управляет людскими делами. Кантакузин, следуя за ненавистным Григоре Паламой, объявляет Фортуна несотворенной Божьей энергией (III, 96. 9–15). Наконец, концепцию Фортуны отстаивает и Матфей Кантакузин, сын Иоанна, который делает из нее последовательный вывод: «Если Тиха и самопроизвольность (τὸ αὐτομάτου) направляют наши дела и по неясным причинам подчиняют себе нашу волю, то мы действуем и испытываем действие вопреки себе, подчиняясь необходимости (ὕπὸ ἀνάγκης)». Эту необходимость Матфей сопоставляет с бурлящим морем (III, 206. 7–10). Он идет дальше и отождествляет Фортуна с Божественным Промыслом (III, 209. 9–10). Григора возражает Матфею: молодой император хотел восславить Промысл, а на деле унижает его (III, 210. 5–8); Бог знает будущее, но не навязывает людям их поступки, ибо Бог не может быть причиной дурных дел (III, 210. 17; 211. 23 – 212. 1).

Мы сталкиваемся с характерным явлением средневековья: перед нами две противоборствующие концепции, но различие между ними почти неуловимо, касается скорее акцентировки, чем сущности. Кантакузины отнюдь не отвергают Божественный Промысл (это было бы по средневековым масштабам невиданной ересью!), но они сближают его с Тихой – Фортуной. Григора в свою очередь не отвергает Тиху: о постоянной изменчивости Фортуны он говорит неоднократно в «Ромейской истории» (I, 201. 23; 185. 25 – 186. 1). Не правила и законы направляют течение вещей, но Тихи и насильствующие руки – и от этого все движется по неровной дороге (II, 1014. 4–6).

И все-таки различие есть. У Кантакузинов Тиха выступает как космическая сила (энергия Божья), не оставляющая места для человеческой воли. У Григоры она обычно случайность, удача, благополучие. Андроник III, например, видит Фортуна, улыбающуюся и протягивающую ему свою десницу (I, 411. 1–2), – эта

Фортуна лишь аллегория успеха. Григора говорит о «Тихе ромеев» (I, 399. 17), т. е. о процветании Византийской империи. Таких формулировок много.

Но различие идет дальше. Для Кантакузинов деятельность человека слепо детерминирована, для Григоры она оказывается равнодействующей человеческой воли и Божественного Промысла, результатом синэргизма. Иначе говоря, концепция Григоры складывается как сознательный антидетерминизм.

Не приходится специально говорить, что провиденциализм в общем виде свойствен каждому средневековому писателю, и в соответствии с этим общим христианским принципом Хониат провозглашает, что Господь все держит в своей руке (НХ Ист., с. 555. 6–7). В жизни не избежать бедствий, рассуждает Хониат, если Господь, услышав жаркие молитвы, не отвратит несчастья (с. 247. 21 – 248. 1). Господь карает и исцеляет, наказывает и животворит, не оставляя жезла нечестивых над жребием праведных (с. 244. 13–15; аллюзия на Пс. 124 [125]: 3). Поэтому неудивительно, что в некоторых конкретных случаях течение событий и его поворот определяются у Хониата выражениями *ὕπὸ θεοῦ* (по воле Бога) (с. 473. 7–9) и *θεόθεν* (от Бога) (с. 469. 8–13), его двигателем называется Божество (с. 496. 17–18, 552. 10–11), «обитающий в высях» (с. 398. 21). Отмечу попутно, что современник Хониата Киннам, как правило, вовсе избегает подобных стереотипов. Но и Хониат подчас отходит от традиционных формул. Иногда этот отход проступает в скрытой иронии, в переосмыслении высокой фразеологии. Бог показал, заявляет Хониат, что он Господь часов и времен и что в его власти направить шаги людей, – это положение, однако, высказывается по совершенно пустяковому поводу: Алексей III собрался в субботу на Великий пост перебраться из Большого дворца во Влахерны, но под его ложем провалился пол (с. 703. 1–16). После победы турок у Мириокефала Господь, полагает Хониат, внушил султану не свойственное тому милосердие (с. 244. 17–18), и победитель отправил к византийцам послов для заключения мира. Султан, настаивает Хониат, полагал, что делает это по своей воле (*προαφρητῶς*), на самом же деле был побуждаем Творцом (с. 245. 4–5). В чем же выразилось «побуждение Творца»? Султан, оказывается, поддался уговорам своих «мегистанов», которые до начала войны обеими руками черпали деньги из казны василевса (с. 245. 1–3).

Такое же смещение человеческих побуждений с клише Божественной воли мы находим и в рассказе о неудачной осаде Про-

сека. Хониат не знает, что воспрепятствовало успеху ромеев – то ли их нерадивость, то ли сам Господь (с. 671. 3–4). Я предоставляю другим судить, замечает Хониат по поводу ослепления Исаака II, проявилась ли в этом Божественная кара (с. 595. 6–10). А иногда он вовсе обходится без Божественной первопричины. Мануил I знал, говорит историк, что подчас ничтожное событие порождает перевороты и колоссальные несчастья (с. 225. 15–17).

Перед нами, таким образом, разворачиваются два уровня причинностей: один – провиденциалистский, отнесенный на небо, другой – земной, человеческий. Разрешая противоречие между подобной двуплановостью, Хониат говорит, что рука Господня уничтожает тиранов, но она осуществляет спасение не непосредственно (οὐκ εἰωθεν ἀμέσως) (с. 612. 10–11). И в самом деле, в «Истории» Хониата действующие лица – люди с их страстями, пороками, корыстными соображениями. Они заполняют передний план повествования, и в их столкновениях, а не на небе подготавливается трагическое событие, составляющее логический стержень «Истории», – захват Константинополя латинянами в 1204 г.

Отношение Григоры к Божеству, направляющему ход истории, гораздо более личное, чем у Хониата. Я назову того одержимым злою силой, восклицает Григора, кто отодвигает на задний план Божественное начало, не почитая престола Справедливости и не страшась Божьих молний (Григ. II, 904. 21 – 905. 2). Бог, подчеркивает Григора, выше природы: с его соизволения законы природы могут быть нарушены (II, 1042. 3–4). Как и Хониат, Григора утверждает, что все в руках Божьих (III, 172. 14–15; ср. III, 221. 23–25), но для него этот тезис не остается сухой формулой – Григора расцветчивает ее. Воля Божья, по его словам, движет всем; Богу все служит: звезды, воздух, море, земля, люди, громы, молнии, мор, землетрясение, сильные ливни и изобильные урожаи – все ведет то к благополучию, то к несчастной доле, а пуще всего к наставлению и воспитанию (I, 423. 1–5). Господь делает трудное легким (II, 655. 12–14), и, напротив, замысел, не соответствующий Божьей цели, окажется бесплодным (I, 353. 1–2).

Еще раз должен повторить: речь идет не о разнице мировоззрения. Оба писателя остаются в пределах христианского, провиденциалистского, антидетерминистического объяснения истории. И все-таки различие ощутимо: то, что для Хониата внешняя формула, для Григоры является внутренним убеждением. Постоянно на протяжении его книги подчеркивается справедливость Божественных решений (I, 180. 2–3; II, 587. 16; II, 777. 10–13), и потому Григора выражает уверенность, что Господь все повер-

нет к лучшему (I, 263. 14–15; III, 57. 13–14). Правда, воля Божья непостижима: Бог действует в соответствии с ему одному ведомой причиной (I, 318. 5–7), и устремления Промысла остаются скрытыми от людей (I, 316. 1–5; 358. 12–15).

Суждения Григоры банальны. Разумеется, в средние века такие понятия были общепринятыми. Я привожу их здесь не ради их религиозно-философского своеобразия, не ради их оригинальности (нет у Григоры религиозно-философской оригинальности), но чтобы дать ощутить *интенсивность* его отношения к Промыслу, к Божественной воле. И эта интенсивность провиденциалистского понимания исторического процесса отличает Григору от Хониата в трактовке конкретного успеха и неуспеха.

Хониат говорит о Мануиле I в момент неудачной для византийцев битвы у Мириокефала 1176 г. – «хранимый Богом» (НХ Ист., с. 237. 23). Но как же «хранимый Богом», если битва была проиграна? В марте 1195 г. Исаак II Ангел направлялся, согласно Хониату, в поход против болгар, «вверив себя Богу»; более того, в случае победы он готов приписать успех Богу, а при неудаче – смириться с Божественным решением (с. 588. 17–22). И при всем столь благочестивом настроении Исаака II его действия завершаются провалом, низложением, ослеплением, ибо не отвратил он гнев Всевышнего (с. 589. 3–4). Еще показательнее другой эпизод. Мятажный Алексей Врана осаждает Константинополь. Император Исаак II пребывает в недостойной распущенности. Он собирает монахов, умоляя их просить Господа рассеять междоусобную войну, – все надежды Исаак II возлагает на «всеоружие духа». Его полководец Конрад Монферратский высмеивает оробевшего государя и убеждает уповать не только на иноков, далеких от жизни, но и на войска, не только на правое оружие (аллюзия на II Коринф. 6: 7), т. е. на помощь святых мужей, но и на левое – на меч и панцирь (с. 498. 9 – 499. 2). Когда Никита Хониат и его близкие, покинув занятый латинянами Константинополь, оказались за пределами города, спутники писателя возблагодарили Господа за спасение, «я же, – говорит Хониат, – бросившись наземь, едва лишь не порицал городские стены» за их бесстрашие (с. 782. 5 – 8). Он не избегает благочестивых формул и в рассказе о своем уходе из города (с. 778. 13–14, 781. 6 и другие), но приписывать спасение Господу он оставляет другим: сам он, подобно Конраду Монферратскому, ждет защиты от крепостных стен.

Иначе у Григоры. Михаил Энирский и его союзники не понимали, что любая материальная сила, любая конница, любое оружие ничем не будет отличаться от стайки муравьев, если нет

помощи от Бога. И они проиграли битву, потому что их противники уповали на Бога и ему одному вверили свою защиту (Григ. I, 73. 16–24). Кантакузин был бы разбит, если бы Господь не протянул ему неожиданно спасительную длань (II, 660. 9–10). Если бы Господь неожиданно повторяет Григора ту же формулу по поводу морского сражения 1275 г. (I, 118. 4–5), не протянул длань ромеям, замысел врагов исполнился бы. Но разве не удивительно, продолжает он, что неисповедимый Промысл Бога чудесным образом превратил поражение на суше в источник спасения на море (I, 119. 15–17). После битвы все восславили Бога, даровавшего чудесное (*παραδόξως*) спасение и победу (I, 120. 17–19).

Кстати сказать, это морское сражение 1275 г., исход которого решили войска деспота Иоанна Палеолога, бежавшие из-под Новых Патр, где они только что потерпели суровое «поражение на суше», описано также Нахимером, историком конца XIII – начала XIV вв., стоявшим ближе к событиям, чем Григора. Он тоже рассказывает, как деспот Иоанн подошел к Димитриаде, когда ромейский флот находился в опасности, и как битва, вначале неудачная, завершилась победой⁵, но у Нахимера нет ни утверждения, что победу даровал Бог, ни даже свидетельства, что Иоанн кинулся в бой, призвав Бога в соратники (Григ., I, 120. 7–8). Вопрос о различии повествовательной манеры Нахимера и Григоры – особая тема, к которой мы уже не будем здесь возвращаться. Мне важно было лишь подчеркнуть, что провиденциалистское изложение (во всяком случае этого эпизода) идет целиком от Григоры.

Божий гнев, Божественная десница, недреманное око присутствуют почти в каждом из описанных Григорой событий, направляют их, руководствуясь благочестием участников борьбы и прислушиваясь к их молитвам. И если благочестивые все-таки оказываются побежденными, то это лишь испытание, посланное свыше (III, 253. 5–7).

У Григоры нет августиновского противопоставления земного и Божьего царств. Бог вмешивается в земные события, карая и вознаграждая здесь, еще задолго до вечных кар и наград. Так, Божественное воздаяние настигает на земле Паламу, посылая ему мучительную болезнь раньше, чем нечестивец будет обречен на вечные муки (III, 185. 2–5). Бог, полагает Григора, поддерживает равновесие сил между двумя борющимися «епархиями»: то он поставит во главе обеих многомудрых и деятельных вождей, способных парализовать усилия друг друга и сохранять свои

владения в безопасности, то, наоборот, делает обоих вождей слабыми, чтобы они не решились выступить друг против друга и нарушить старые границы (I, 145. 5–15).

Итак, мы могли бы сказать, что образная система Григоры оказывается тесно связанной с его провиденциалистской концепцией истории, с его историческим антидетерминизмом. Поскольку мир не детерминирован, всегда остается возможность для поворота к лучшему: от грозной бури можно укрыться в гавани, от болезни – излечиться, а зверь может стать ручным. При всем том, что Григора пишет в трудных условиях (и в общественном, и в личном плане, ибо страна переживает бедствия, а он сам гоним паламитами), он сохраняет известный оптимизм. Конечно, этот оптимизм странный, я бы даже сказал, ущербный: вся надежда основывается на том, что пути Господни неисповедимы и что любое бедствие парадоксально может обернуться удачей.

Хониат на концептуальном уровне не вступает в противоречие с Григорой: в общем виде он и провиденциалист, и антидетерминист. Различие проступает в акцентировке, в объяснении конкретных событий. Хониат в гораздо большей степени, нежели Григора, оставляет место для свободной деятельности человека: если Григора в критике детерминизма ставит акцент на понятии Промысла, Провидения, то Хониат подчеркивает человеческую сторону исторического синергизма.

Мы могли бы назвать концептуальное тождество Хониата и Григоры неполным – но, будучи неполным, оно существует и оно существенно. Однако тем большее значение приобретает то обстоятельство, что разрыв тождества, незаметно подготавливаемый акцентировкой, совершается на другом уровне – на уровне художественного образа.

Если мои рассуждения верны, в исторической концепции Хониата и в его художественной системе (в системе сравнений и метафор, точнее говоря) нет той гармоничности, которая отличает творчество Григоры, – напротив, между концепцией Хониата и его образной системой создается напряженное противоречие. В художественном языке Хониата не остается места для религиозного оптимизма.

Это противоречие может быть объяснено рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, тот религиозный скепсис Хониата, который дает себя знать в акцентировке отдельных эпизодов, свободнее и раскованнее проявляется на художественном уровне. Здесь писатель менее рационален, больше подвластен воображению, и официальная догматика не сковывает его построения.

Во-вторых, мироощущение Хониата – вопреки официальной провиденциалистской концепции истории, им самим принятой, – трагично. Он живет и пишет в непосредственном ощущении скорого падения Византии (он кончал книгу вскоре после взятия Константинополя крестоносцами). Его герои (даже такие одаренные люди, как Андроник I) порочны, неверны, жестоки. Ни народ, ни чиновничество, ни монашество не вызывают его симпатий. Государство ромеев обречено. Удивительно ли, что его образная система пронизана ощущением безнадежности, трагедийности? Воистину, корабль Хониата в бурном житейском море не имеет надежды спастись.

Впервые опубликовано: Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 3–16.

- ¹ Тема корабля во время бури неоднократно затрагивалась в позднесантичной и раннехристианской литературе. См.: *Миллер Т. А.* Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста (Опыт сопоставительного анализа) // Античность и современность. М., 1972. С. 360–369; *Rahner H.* Symbole der Kirche. Die Ecclesiologie der Väter. Salzburg. 1964. S. 239–564.
- ² Оба писателя цитируются по Боннскому корпусу: *Nicetas Choniates*. Historia. Bonnac. 1835; *Nicephoros Gregores*. Byzantina historia. Vol. I–III. Bonnac, 1829–1855. О Хониате см.: *Van Dieten J.-L.* Niketas Choniates // Erläuterungen zu den Reden und Briefen... Biographic. Berlin; N. Y., 1971. S. 1–60; *Каждан А. П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 82–119. О Григоре до сих пор лучшей остается монография: *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1926.
- ³ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 130.
- ⁴ *Каждан А. П.* Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // Byzantinoslavica. 24. 1963. С. 29 сл. (См. настоящее издание. – *Прим. изд.*).
- ⁵ *Georgius Pachymeres*. De Michaelae et Andronice Palaeologis libri tredecim. Vol. I. Bonnac, 1835. P. 332–335.

ИДЕЯ ДВИЖЕНИЯ В СЛОВАРЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА НИКИТЫ ХОНИАТА

Пожалуй, наиболее характерная черта историографии последних десятилетий – это поиск неочевидного. Нарративная историография исчерпала свои возможности (если не говорить о тех случаях, когда открываются новые источники), и вряд ли можно надеяться, что мы сможем лучше описать великие битвы прошлого или внешний облик исторических героев, чем это сделали наши предшественники в XIX столетии. К тому же мы часто задаемся вопросами, которые не приходили в голову древним и средневековым писателям и на которые, естественно, мы не в состоянии найти у них прямого ответа. От перерассказа событий в одном источнике, от его внутренней критики, от его сопоставления с параллельными текстами мы все чаще тянемся к задачам, предполагающим создание «вторичного» источника: таким вторичным источником может стать список знатных линияжей определенного региона, который мы не обнаруживаем в рукописных хранилищах, но создаем на базе многообразных документальных и повествовательных материалов, пишем и свинцовых печатей, скреплявших корреспонденцию.

Одним из таких вторичных источников может явиться словарь того или иного автора. Составление словарей-конкорданций не новое явление; конкорданции давно уже составлены к Библии, Гомеру, многим античным авторам, отцам церкви. Конкорданций византийских авторов в строгом смысле слова (т. е. начиная с VII в.), насколько я знаю, нет. Наиболее поздний греческий автор, удостоившийся индивидуального словаря, – это Нонн Панополитанский¹, автор псевдоэпической поэмы о подвигах Ди-

ониса, живший в V в. Но и существующие конкорданции – лишь справочные пособия, не пригодные для аналитической работы: они не дадут нам ответа на вопрос, какими терминами Гомер или Нонн пользовались для характеристики (осмысления) того или иного общественного или психологического феномена. Они хорошо помогают понять текст, но они не позволяют удалиться от текста, проникнуть за текст, в мир, созданный воображением писателя. Это еще не вторичный источник.

Лет двадцать тому назад я задумал преодолеть эту источниковедческую ограниченность жанра конкорданции и создать такой словарь, который мог бы служить вторичным источником для изучения видения мира одного византийского автора; в качестве такого автора я выбрал Никиту Хониата, замечательного историка, умершего в начале XIII в. и оставившего после себя хронику, как он ее сам называл, по-нашему историю, охватывающую события от 1118 до 1206 г.; значительную часть событий Хониат мог наблюдать, в иных он сам участвовал. Критическое издание «Хроники» появилось сравнительно недавно², но текст ее давно уже был известен, переведен на разные языки (включая русский) и был предметом тщательного анализа – преимущественно как источник для политической и военной истории. Моя работа над текстом состояла из двух этапов: во-первых, я составил традиционную конкорданцию к «Хронике», построенную в алфавитном порядке; во-вторых, я перегруппировал словарный фонд, расположив его в систематическом порядке так, что слова собраны в смысловые (тематические) гнезда. Словарь позволяет увидеть, какой терминологией Хониат пользовался, скажем, чтобы описать человеческое тело, или растительный мир, или атаку и оборону. Издание такого словаря вряд ли целесообразно – он слишком объемён, но я передал его библиотеке Дамбартон-Окса, где он доступен для чтения и для ксерокопирования*.

Я хорошо вижу недостатки этой конкорданции. Они могут быть разделены на внутренние и внешние. Важнейший внутренний недостаток – это ее субъективность. Обычный словарь научен, т. е. построен по бесспорному принципу алфавитности: тут не может быть двух мнений относительно того, в каком порядке слова следуют друг за другом. В тематической конкорданции организация гнезд зависит от исследователя, и то, что представляется разумным одному, будет нелогичным для другого. Более того, греческие слова многозначны, но разделение слова

* Словарь передан сейчас в кабинет новогреческой и византийской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета.

по нескольким гнездам мало целесообразно: движение смысла от буквального к метафорическому само по себе любопытное явление, да и смысловые грани необычайно условны. Так, в отдельных случаях привязывание слова к тематическому гнезду оказывается условным, и наоборот, какие-то слова «выпадают из гнезда», будучи отнесенными в иную логическую связь.

Внешним недостатком я называю то обстоятельство, что такая конкорданция может заговорить в полную силу, только будучи сопоставленной с серией аналогичных конкорданций, охватывающих других авторов. Только в сравнении мы в состоянии понять, что является случайным, что системным, что типичным для данного лица, что общевизантийским. Без сравнения все заключения остаются наметкой («программой» для будущего), а не результатом. Но где-то приходится начинать.

Я опубликовал уже некоторые частные наблюдения, основанные на конкорданции к Хониату, например статью о трактовке тела в его «Хронике»³. Результат этого анализа «тела» оказался для меня неожиданным: обнаружилось, что этот византийский (синоним к «благочестивому») писатель был весьма озабочен теми вопросами, которые относятся к сфере телесного низа (секс, испражнения и т. п.). Я проделал анализ терминологии атаки и обороны у Хониата⁴ и опять-таки получил неожиданный результат: Хониат был гораздо более внимателен к теме атаки, чем обороны, вопреки политической ситуации в стране, оборонявшейся от врагов, наседавших со всех сторон, и вопреки традиционному византийскому представлению о войне как печальной необходимости (византийцы, как известно, не создали идеала «справедливой» или же «благородной» войны).

Я лишен возможности сказать, были ли оба подхода специфической особенностью Хониата, или наши традиционные представления о византийском мышлении вообще нуждаются в пересмотре, но, как бы то ни было, эти наблюдения заставляют задуматься над вопросами, которые, казалось бы, не возникали.

Вопрос о концепции движения, к которому я сейчас перехожу, во всяком случае, не стоял. Я не говорю о философском истолковании движения, вопросе, который поднимался комментаторами и критиками Аристотеля, — речь будет идти о бытовой интерпретации движения, ибо нет нужды напоминать, что Хониат не писал философского трактата и не задумывался над Аристотелевыми категориями. И опять-таки мы не сможем рассчитывать на окончательное решение вопроса без сопоставления Хониата с его предшественниками и современниками.

Легко видеть, что статья чудовищно диспропорциональна: прежде чем сформулировать несложный, хотя и, по-моему, неожиданный вывод, я предлагаю читателю длинный список слов, которыми Хониат пользовался для выражения идей движения и его противоположности, покоя. Строго говоря, этот список должен был бы сопровождаться конспектом и сносками, отсылками к «Хронике». Именно так построены гнезда в рукописной конкорданции, но, как я уже сказал, именно эта деталь делает мою конкорданцию неудобопечатаемой; только в очень редких случаях я позволил себе дать ссылку на «Хронику» – там, где словоупотребление казалось мне особенно необычным.

Я отнюдь не исключаю возможности субъективных ошибок как в отборе, так и в интерпретации данных, но читатель увидит, что мой вывод построен на такой разительной противоположности двух понятий, что частые сдвиги в ту или иную сторону не могут существенно изменить основное наблюдение. Разница в отношении Хониата к покою и движению бросается в глаза. Другое дело, как ее интерпретировать.

Основной глагол, выражающий движение, κινέω, употреблен 20 раз; с ним связаны родственные существительные κίνησις (30 случаев) и κίνημα (5 раз). Они описывают физическое движение (органов тела), приведение в движение механизмов, военные экспедиции, а также эмоциональное движение. Тот же глагол с приставкой, διακινέω (4 раза), также появляется и в буквальном, и в переносном смысле; существительное μετακίνησις (1 раз) имеет значение физического перемещения. Другая группа слов для движения связана с корнем βα; это βάδιςμα, «походка» (2 раза), βαίνω (13 раз) и βαδίζω (20 раз), обозначающие «идти», «шагать»; только изредка эти глаголы приобретают метафорическое значение, как-то: «следовать» или «быть наравне». Сюда же относится гомеровское βίβημι/βιβάω (2 раза), «широко шагать». βηματίζω (1 раз) тоже характеризует физическое перемещение в пространстве.

Εἶμι (14 раз) употребляется для описания движения, часто движения через определенную территорию, подчас с враждебным оттенком; 5 раз повторяющаяся формула εἰς χεῖρας ἵεσθαι, «вступать в сражение», встречается преимущественно с отрицанием: «не было никого, чтобы вступить в сражение». Метафорическое словоупотребление («никогда не становилось осязательным» – с. 625. 33) крайне редко. Тот же глагол с предлогом, πρόεμι, встречается в 40 случаях, преимущественно для обозначения

физического движения, а также в переносном смысле «следовать» (часто с дополнением ὁδῷ, «по дороге»); глагол мог характеризовать такие абстрактные понятия, как «время», «молва», «успех». Иногда слово обозначает движение из какого-то места («пчелы вылетают из ульев» – с. 620. 79) и в переносном смысле «происхождение» (с. 243. 42).

Глагол τέμνω, буквально «резать», 7 раз употреблен для выражения стремительного движения, обычно с прямым дополнением (τὴν ὁδόν); метафорически он мог обозначать попытку («пробовать разные пути») или полет птиц («резать воздух»).

Ἐπιβαίνω (36 случаев), глагол, образованный от βαίνω (см. выше) с помощью приставки ἐπι-, приобретает специфическое значение движения сверху вниз: «наступать на», «садиться верхом», «садиться на корабль», а также «прибывать». Метафорически глагол означал «захватывать власть». Родственное существительное ἐπιβάσις (2 раза) сохраняет основное значение движения сверху вниз, тогда как прилагательное ἐπιβατήριος отклоняется от основного значения: ἐπιβατήριοι μηχαναὶ означает «осадные лестницы» (с. 633. 46, заимствовано из Иосифа Флавия), а τὰ ἐπιβατήρια (с. 51. 93) – «приветственная церемония».

Наконец, Хониат употребляет, хотя и изредка, прилагательные, выражающие вечное движение: αἰκίνητος (о солнце) и αἰετός (о вечно бегущей воде); к этой группе принадлежит и наречие αἰννεα, появляющееся во фразе, заимствованной из Геродота (I: 145), о непрерывно, как реки, бегущих слезах; все три слова употреблены только по одному разу.

Обширная категория слов, также обозначающих перемещение в пространстве, имеет более конкретный оттенок путешествия. Сюда относится в первую очередь существительное ὁδός («путь, дорога»), употребленное 70 раз, к чему надо прибавить еще 26 случаев, когда писатель употребляет только артикль ἡ, подразумеывая ὁδός. От слова ὁδός образован глагол ὁδεύω – «идти, путешествовать, направляться» (8 раз), равно как глагол ὁδοιπορεῖν (1 раз). Родственное существительное ὁδοιπορία (5 случаев), «путешествие», употребляется обычно в контексте, подчеркивающим трудности передвижения.

Глагол χωρεῖω означает буквально «двигаться», «идти», часто указывая на дальность дороги. Но в этом прямом значении он появляется у Хониата лишь 6 раз, гораздо чаще (20 раз) – в специфически военном значении «атаковать»; он встречается также и во множестве дополнительных смыслов: «шествовать», «удаляться», «пронзать», «действовать», «поддерживать» (всего 39 случаев).

Πορεία (41 раз) характеризует путь, путешествие, военную экспедицию, а фигурально – этический принцип («жизненный путь»). Соответственно глагол πορεύομαι прилагается ко всякому виду передвижения, начиная от пешего; часто он связан со словами, означающими «дорога», – «двигаться другой дорогой» (с. 190. 69, 403. 67).

Редкие глаголы διαπορεύομαι и παραπορεύομαι (оба – 1 раз) тоже связаны с идеей перемещения в пространстве и означают соответственно «двигаться» или «двигаться мимо». Глагол того же корня ἐπιπορεύομαι (8 раз) имеет более специфическое значение «следовать», хотя и употребляется для характеристики других разнообразных форм движения: «бродить» (о медведе), «пересекать», «прибывать» и в специфическом значении «идти вдоль фронта воинского соединения», т. е. инспектировать.

Остальные слова, принадлежащие к категории «путешествия», сравнительно немногочисленны. Κέλευθος (2 раза) обозначает как дорогу, так и военную экспедицию; группа слов, связанных с глаголом πεζεύω (также прилагательное πεζός и наречие πεζῇ), характеризует преимущественно движение по суше; все три слова вместе появляются 5 раз. Глагол στείβω («идти») употреблен лишь однажды. Глагол περιφοιτάω (2 раза) означает неорганизованное движение – «странствовать, бродить», и тот же смысл вложен в прилагательные πολυπλάκτος (2 раза) и πολυπλάνης (3 случая), оба означающие «много странствующий».

Разнообразные слова применены Хониатом для описания верховой езды: ἱπλάζομαι (2 раза), ἐφιπλάζω (1 раз: активный залог, насколько я могу судить, не типичен для классического греческого), ἐνιπλάζομαι (2 раза), ἱπτεύω (3 раза). От того же корня происходит и прилагательное ἐφιπλος, «конный» (10 раз). Тот же смысл имеет и прилагательное ἔποχος («сидящий верхом»), употребляемое обычно с косвенным дополнением «на коне» или «на муле». В том же смысле употребляется и причастие ἐποχοῦμενος (5 случаев). Оба слова иногда приобретают метафорическое значение: Хониат говорит о философии, охватывающей (ἔποχος) все виды знания (с. 10. 45). Тот же образ появляется и в одной из его речей (Orationes, p. 150. 22–23). Любопытную эволюцию обнаруживает глагол ἐπικάθημαι, который в классическом греческом применялся для описания покоя, – «сидеть на», иногда «осаждать»; Хониат пользуется им 5 раз, и всегда для обозначения движения («скакать верхом»). Я опускаю разнообразные слова, примененные Хониатом для описания различных предметов конской сбруи; отмечу только существительное

ἥνία[ι] – «поводья», «вожжи» (6 раз), поскольку оно употребляется метафорически для характеристики быстрого движения («отпустив или ослабив поводья»); глагол того же корня ἥνιοχέω (буквально «держат поводья») применялся для описания верховой езды (2 раза).

К той же категории относятся и слова, характеризующие процессии. Торжественная процессия обозначалась словом πομπή (4 случая), а также родственными πομπεία и πομπικώτερον (оба по 1 разу). От того же корня образовано прилагательное πομπαῖος (3 раза), «относящийся к процессии», и глагол πομπεῖω (4 раза), «вести в торжественной процессии». Этот глагол появляется один раз в пассивном залоге для описания позорящего шествия (с. 131. 14) и дважды с приставкой ἐν-, ἐμπομπεῖω – в описании отрубленной головы, которую несут на шесте. Трижды Хониат применил тот же корень с другой приставкой – существительное προπομπή («процессия»).

Сходное по структуре существительное πρὸδος (от: ὁδός, «путь») тоже означало «процессия». Оно встречается 9 раз, иногда в метафорическом смысле («продвижение» или «прогресс»). Στεφανήφορία в классическом греческом имело конкретное значение «несение венков» (у Хониата оно появляется только 1 раз и в более широком смысле «процессия»). Слово θρίαμβος, пожалуй, не может быть причислено к этой категории, хотя и обозначает процессию или парад; оно, однако, включает в себя прежде всего элемент торжественности, а не движения, шествования.

Я оставляю в стороне специфические формы движения по воде и по воздуху.

Очень трудно провести грань между словами, выражающими собственное перемещение в пространстве, и теми, что описывают перемещение в пространстве объектов. Глагол ἄγω (81 случай) характеризует прежде всего перенесение или перемещение предметов с одного места на другое: телег (с. 100. 48, 500. 70) или трупов (с. 8. 86, 294. 26); 12 раз говорится о перемещении армий. В пассивном залоге (ἄγομαι) глагол означал «идти» (например, «Персы двигались дорогой, ведущей к смерти» – с. 413. 56). Идиоматическое выражение «привести жену» (т. е. жениться) встречается 4 раза. Другое идиоматическое значение этого глагола «уводить в плен». Наконец, он употребляется во многообразных метафорических смыслах: «отдавать под суд» (буквально «приводить под суд»), «продвигать», «управлять», «праздновать», «соблюдать» и многие другие. Специфическим было применение этого глагола для датировки: «Было 15 августа» (с. 8. 80).

С приставками глагол ἄγω давал многообразные производные. Προάγω (27 раз), «привозить к», «придвигать», часто характеризует придвижение военных механизмов (9 случаев), но также прилагается к лицам, животным («подводить лошадь») или военным соединениям, а также неодушевленным объектам; глагол мог означать «давать», «предлагать», «притягивать», а в непереходном значении – «приближаться». ἑλάνω (44 раза) в активном залоге означал «вести (армию)», тогда как в среднем залоге его значение было «нести с собой или для себя», а также «созывать», «приглашать» (о наемниках). Другой оттенок слова «налагать» появляется и в буквальном («физическом») значении («налагать раскаленное железо»), и в фигуральном – «ударять», «начинать (военные действия)», «угрожать», «спрашивать» («налагать вопрос»). Глагол употребляется как юридический термин: «возбудить дело» или же «наложить наказание»; в последнем значении он может употребляться и применительно к Божьей каре. Προάγω (13 случаев), «вести вперед», мог употребляться в метафорическом значении «продвигать». Довольно часто глагол употребляется в непереходном значении «вести» или «двигаться вперед». От него следует отличать проάγουμαι (средний залог) с совершенно отличным смыслом «принимать решение», «предпочитать». Κατάγω (27 раз) описывает различные типы перемещения: «уносить из», «двигать к морю», «вести назад»; особенно часто глагол употребляется применительно к кораблям, движущимся к берегу (в страдательном залоге), дважды – к триумфальной процессии. Заключение в глаголе оттенок движения вниз (например, «ронять [слезы]») проявляется также в фигуральных смыслах, как-то: «лишать должности», и особенно с дополнением εἰς θάνατον или εἰς ᾄδου, «умерщвлять». Специфическим был генеалогический оттенок глагола: «возводить [род] к». Глагол ἀπάγω (52 раза) обозначал «движение от или из» (из лагеря, из дворца, из храма) как людей, так и неодушевленных предметов («уводить» или «уносить»). Особенно часто он прилагался к захвату пленных, а также к отправке в тюрьму или в ссылку; метафорически он приобрел значение «обвинять»: «Арестованные, они были обвинены (или: «осуждены») без того, чтобы иметь возможность защититься» (с. 232. 30). Другие формы движения, передаваемые этим глаголом, – «приносить в какое-то место или назад», «прибывать» (в пассивном залоге), «тащить к или от», «уводить от». Среди метафорических смыслов глагола – «отвергать», «освободить», а с дополнением, τοῦβίου – «умерщвлять». Родственное существительное ἀλαγωγή означает «уведение прочь, угон» (11 раз)

и прилагается особенно часто к уводу в плен. Прямое значение глагола μεταῦω (9 случаев) – «перемещать», но он чаще появляется в фигуральном значении – «менять», «направлять», «отсылать» (с. 282. 4 – редкое значение) и «приписывать» (с. 388. 53 – тоже редкое значение). Только 2 раза Хониат употребил глагол σκευαῶωέω в значении «увозить», «перевозить».

Другой глагол, обозначающий перемещение, φέρω, еще более популярен, чем ἄω, – он встречается 156 раз. Его употребление может быть разделено на три основные группы. Во-первых, это прямое значение – «носить» (64 случая), в частности оружие, а также «возить» и «иметь», «передавать», «направлять», «производить». Во-вторых, в пассивном залоге φέρομαι (53 случая) характеризует движение как таковое с подчеркиванием стремительности – «нести»; глагол прилагается к стихиям (волны, огонь и т. п.), к движению войсковых соединений («атаковать»), равно как – более абстрактно – к сфере эмоций. Наконец, третья группа (опять в активном залоге) означает «нести» в метафорическом смысле, т. е. «переносить», «терпеть», и в сущности не относится к категории движения.

Производные от φέρω многочисленны. Ἀποφέρω (20 раз), вопреки своей приставке, лишь изредка означает «уносить» и (в страдательном залоге) «удаляться» – глагол мог передавать просто (как бы без приставки) смысл «нести» или «везти», подчас с дополнительным оттенком «приносить» или «приобретать»; несколько раз Хониат говорит о «принесении» победы, но также и поражения. Фигурально глагол означает «лишать» (в пассиве: «терять» – надежду или жизнь), но также «придавать значение» или «объяснять» (с. 213. 49). Μεταφέρω, как и μεταῦω (см. выше), – 34 случая – имеет прямое значение «перемещать, переносить на другое место» и прилагается к людям, животным, предметам и абстрактным понятиям («Власть перешла к более справедливым» – с. 159. 6). В страдательном залоге глагол приобретает непереходное значение «перемещаться, бродить». Со значением «перемещать» связан другой оттенок глагола – «менять», в том числе – «менять курс, поворачивать». Διαφέρω (7 раз) означает «нести, приносить», но чаще, как и φέρω, «переносить, терпеть»; совершенно особое значение глагола διαφέρω «отличать[ся]» не относится вовсе к категории движения. Περιφέρω (6 случаев) означает разные виды движения – «носить», «тащить», «качаться» (в пассиве); метафорически (тоже в страдательном залоге) глагол характеризует вовлеченность в определенные действия: так, Исаак Ангел «был увлечен чуждыми идеями»

(с. 557. 25). Редкое прилагательное περιφορητός («переносный») появляется лишь 1 раз, во фразе, заимствованной из Афиней (12: 533е). Тот же смысл «носить», «приносить» имеют глаголы παραφέρω (4 раза) и παρεισφέρω (5 раз), тогда как ὑλεκφέρω (1 раз), в соответствии с его приставками, употребляется в смысле «уносить прочь». Более сложна семантика глагола συμφέρω (16 случаев): хотя он иногда может быть передан как «нести с собой» или «сносить вместе», его метафорический смысл «приносить пользу», употребляемый чаще, лежит по существу за пределами темы движения.

Следующий глагол, выражающий ту же идею перемещения, – κοιίζω (8 раз), несколько раз употребляется в связи с передачей информации и, может быть, поэтому прилагается к идее обретения рассудка (с. 541. 47). Μετακοιίζω (4 раза) рисует перенесение объектов с одного места на другое; ἀνακοιίζω (5 раз) – перенесение вверх или назад, обычно в Константинополь, хотя однажды (с. 282. 84) Хониат пользуется им для описания движения из Константинополя. Ἀλοκοιίζω (7 раз), по-видимому, утерял идею «унесения» или «возвращения» и применяется Хониатом в простом смысле «нести, переносить» (о вещах) или «перевозить» (о людях – реже). Дважды Хониат употребляет глагол διακοιίζω, «переносить», «перевозить», в обоих случаях прилагая его к кораблю или лодке.

Глагол πέμπω (55 случаев) тоже выражает идею перемещения в пространстве, хотя и с несколько иным оттенком; его первое значение «посылать», и он часто употребляется по отношению к вестникам и послам, но также и к воинским соединениям и предметам (письмам или подаркам). Специфическое его значение «стрелять» («посылать стрелы»), и однажды он использован для описания заключения брака («отдать в жены»). С разнообразными приставками глагол приобретает уточняющий оттенок, как, например, проστέμπω (1 раз), «посылать дополнительно», или ξυμπτέμπω (1 раз), «посылать вместе с». Ἀναπέμπω (7 случаев) выражает в принципе идею движения вверх, в словоупотреблении Хониата – преимущественно в Константинополь или к императору, чаще всего речь идет об отсылке пленных. Глагол мог также характеризовать отправку назад (с. 401. 6). С приставкой ἐκ- – ἐκπέμπω (29 раз) – он должен был бы описывать «посылку из», но в этом смысле он употребляется редко – в основном когда речь идет об отправке армий, флота, людей или предметов без указания на место, откуда все это было послано; отличие глагола с приставкой от основного πέμπω едва ли прослеживается. Как и πέμπω,

он обозначает заключение брака, а кроме того, «отпускать на волю» (с. 131. 14), «ставить под начало» (с. 534. 81), «помещать в доме» (с. 590. 80). От ἐκτέμω с дополнительными приставками образованы: проεκτέμω (3 раза), «посылать вперед»; συνεκτέμω (5 случаев), «посылать вместе с», и διεκτέμω (1 раз), «рассылать»; последний глагол, насколько я могу судить, не зарегистрирован в словарях классического греческого языка, но и ван Дитен не включил его в индекс к Хониату. Наконец, проπέμω (9 раз) имеет смысл «приводить в движение», «вести» и особенно часто – «сопровождать».

Очень часто Хониат употребляет глагол στέλλω (71 случай), синонимичный λέμω. Он также относится к пересылке предметов, отправке людей с поручениями, в частности посланников, к отправке воинских частей и особенно часто к назначению на командный пост (стратегом, протостратором и т. п.) или к поручению специальной военной задачи, например, разведывательной операции (с. 195. 32). В пассивном залоге глагол означает «двигаться», и однажды Хониат применил его для описания смерти (с. 17. 38). С приставкой ἀπο- – ἀποστέλλω (20 раз) – он сохраняет то же значение «отправлять, посылать» и применяется в аналогичном контексте писем, посольств, военных походов, равно как назначения на должность. В одном случае (с. 227. 10) этот глагол использован для описания отправки в ссылку. Родственное существительное ἀποστολή (7 случаев), «отправка», применяется в аналогичных ситуациях и может метонимически означать самое посольство или миссию. Глагол встречается с двойной приставкой ἐξαποστέλλω (1 раз) с тем же значением «отправлять».

В словаре Хониата есть несколько слов, передающих идею перемещения с помощью приставки μετα-, соединенной с разными корнями. Μετατίθημι (36 раз), буквально «перекладывать», лишь изредка характеризует физическое перемещение предметов в пространстве, чаще же глагол появляется в метафоре (трижды Хониат говорит об «удалении гор»), в приложении к нематериальным объектам, как-то эмоции, и шире – к перемене и превращению. Родственное существительное μεταθesis (буквально «перенесение», 18 раз) обозначает изменение (взглядов, обычаев) и в первую очередь смену императоров и патриархов. Μεταγγίζω (4 раза) имеет более специфическое значение «переливать» (жидкость), но в этом прямом смысле Хониат применяет его лишь один раз, тогда как трижды слово употреблено метафорически – «растрачивать» (с. 100. 42, 204. 86, 234. 86); словари классиче-

ского греческого языка не сообщают, насколько я могу судить, этого метафорического значения глагола. Глагол μετακτερεύω (1 раз) редок; из классических греческих словарей Liddel-Scott не упоминает его вовсе, а Thesaurus и Passow дают отсылки к двум текстам, видимо, постклассическим; оба переводят его как «пересаживать», и Хониат (с. 108. 48) придает ему тот же смысл.

Другая приставка, придающая словам тот же смысл перемещения, – παρα-. Глагол παραδίδομι (66 случаев) изредка встречается в его прямом смысле «передавать», но чаще Хониат говорит о передаче командования армией (1 раз – о передаче императорской власти) или о сдаче населенного пункта; глагол имеет оттенок бедствия – речь идет о передаче врагам, о заключении в тюрьму, о ввержении в огонь. Наконец, метафорически глагол описывает передачу информации, будь то в исторических книгах или с помощью молвы; «предать» можно было и молчанию.

Паракатаτίθηνι (4 раза) применялся и в буквальном смысле «передавать, вручать», и в специфическом значении – «отдавать в залог», а метафорически – в контексте смерти («передать душу» – с. 621. 15).

Несколько редких глаголов также выполняли эту функцию: διαβαστίζω (1 раз), «нести»; τηλεβολέω (1 раз), «посылать издали», слово, по-видимому, неизвестное в классическом языке; ἀνασκευάζομαι (1 раз), «быть унесенным»; ἀχθοφορέω (2 раза), «переносить груз»; от последнего глагола образованы два существительных – ἀχθοφορία (1 раз) и ἀχθοφόρημα (1 раз), «несение груза». Ἀχθοφόρημα не зарегистрировано в классических словарях; Хониат использует его в специфическом контексте, говоря о нерожденном ребенке в утробе матери.

Некоторые глаголы (особенно φέρω – см. выше) с помощью специальных приставок передают оттенки движения внутрь или наружу, например εἰσκομίζω (1 раз), «вносить»; ἐμφέρω (3 раза), в буквальном значении «передавать» (соль за столом), но в пассивном залоге «содержаться в [книгах]»; третий случай употребления этого глагола – цитата из Солона (Плутарх. Солон, 30): «Не обращайтесь свой гнев против великих богов». Хониат употребляет глагол ἐμφέρετε вместо солоновского ἐλατφέρετε. Ἐπιφέρω (15 раз), буквально «приносить [дополнительно]», появляется также во многих других значениях: «класть на», «прикладывать», «причинять»; в среднем залоге – «врываться, вторгаться» (с. 159. 15). Напротив, глагол ἐκφέρω (23 случая) характеризует прежде всего движение «из» – «выносить», но употребляется также во многих дополнительных значениях: «снимать», «растрачивать»,

«объявлять», «начинать военные действия». Другой глагол с тою же приставкой, ἐκκομίζομαι, употреблен Хониатом только в страдательном залоге (3 раза) в значении «быть вынесенным» – дважды в контексте похорон, выноса трупов.

С понятием движения тесно переплетается идея скорости, и мы находим у Хониата широкую гамму слов, выражающих эту идею. Слово τάχος, «скорость», встречается 10 раз, а родственное прилагательное ταχύς (преимущественно в адвербиальных формах – ταχύ, ταχέως, τάχιον, ταχύτερον) – 19. От него образовано несколько сложных прилагательных. Одно из них, ταχύπους (2 раза), «быстроногий», вполне традиционно; с ним сходно по структуре и несет тот же смысл гомеровское ὠκύπους (6 раз), относимое Хониатом к лошадям. Напротив, прилагательное ταχυλήτης, («стремительно летящий») встречается редко. Классические словари хотя и учитывают его, но отсылают к византийским текстам; Хониат применяет его лишь однажды (с. 610. 2), в форме наречия сравнительной степени, для описания стремительного движения варваров. От того же прилагательного образован глагол ταχυνάυεω («быстро плыть»); Хониат употребляет его 5 раз как причастие в установившейся формуле «быстро плывущие корабли». От того же корня происходит и глагол ἐπιταχύνω (2 раза), «двигаться быстро».

Другая группа слов, выражающих стремительное движение, – это ὄρμη и родственные ему. Ὀρμή (51 случай), «порыв, натиск», применяется к описанию физического движения и специфически военного нападения, атаки или экспедиции; с прилагательными μετά и κατά это слово означает «стремительно». Вместе с тем ὄρμη служит для характеристики эмоциональных движений («порыв» или «желание»). Родственное ὄρμηα (13 раз) практически неотличимо от ὄρμη, также описывая физическое движение, атаку и эмоциональный порыв. Сходное существительное ῥύμη (5 раз) означает скорее энергичный порыв, нежели быстрое движение, скорее силу, чем быстроту; как и ὄρμη, оно употребляется с предлогами (μετά и σύν), но означает в такой комбинации не «стремительно, быстро», а «энергично, с силой». Глагол ὀρμάω (33 случая) соответствует существительному ὄρμη и прилагается как к физическому движению – «устраиваться», «атаковать», так и к эмоциональному порыву или начинанию, особенно часто к попытке.

Существительное δρόμος (20 раз) означает «бег» (особенно конский), а также всякое (групповое?) движение – экспедицию, отступление, битву, состязание в беге. Я оставляю в стороне

специфическое (техническое) значение слова «почтовое ведомство». Фигурально δρόμος приобретал смысл всякого состязания. Образованное от него прилагательное δροικός (4 случая), «быстрый», встречается только при описании лошадей. Существительное λοβοκεία (1 раз) – другого корня, но имеет тот же смысл «быстрый бег» и встречается тоже при характеристике лошадей.

По странности греческого языка глагол τρέχω (аорист: ἔδραμον) того же корня, что и существительное δρόμος.

Глагол τρέχω («бежать») встречается только 12 раз, и лишь дважды в его прямом смысле; 3 раза – применительно к быстрому маршу и 6 раз, с дополнением περὶ ψυχῆς, – к бегству для спасения жизни. Он мог обозначать «преследование» и абстрактно – «течение времени». С приставками глагол приобретает разнообразные оттенки: περὶτρέχω (5 случаев), «бежать кругом», имеющий также метафорические значения, как, например, «перебирать струны»; простρέχω (2 раза), «врываться» (у Хониата с оттенком «в поисках убежища»); ἐπιτρέχω («налетать, устремляться», 8 раз), употребляется трижды в своем прямом значении и один раз при описании атаки; в остальных случаях глагол использован метафорически – «распространяться» или же «сжато излагать».

Еще один глагол, характеризующий быстрое движение, θέω («бежать»), употреблен Хониатом 6 раз; трижды – применительно к животным (лошадям и собакам), дважды – к бегу на стадионе. Редкий глагол ἐγκονέω (1 раз) переводится «торопиться». В известном смысле к этой же группе относятся глаголы, наделенные специфическим смыслом, как-то: ὑποφθάνω («обгонять», 1 раз) и гомеровское κροαίνω (2 раза), «бить копытом».

Есть у Хониата ряд глаголов, которые сочетают значение «гнать» с непереходным «спешить». Таковы ἐπισπέρχω (5 раз) и его синоним ἐπισπέρχω (2 раза): оба управляют прямым дополнением – ὄλεθρον – «гибель», и могут быть переданы – «ускорять». Συνωθέομαι появляется только в страдательном залоге (2 раза) со значением «торопиться под натиском». Ἐπειύω (10 случаев) значит как «гнать, преследовать», так и «спешить», а вместе с тем – уже вне идеи скорости – «принуждать» и «намереваться». От этого глагола образовано редкое существительное ἐπειγώλη (2 раза): Passow не включил его вовсе, Liddell-Scott ссылается только на Etymologicum magnum, а Thesaurus, кроме Словаря, на обе фразы из Хониата. Что касается перевода, то Liddell-Scott дает «haste», «поспешность», а Thesaurus-studium – «энергичность». Изредка идея быстрого движения передается другими глаголами: διαίτσω или διάττω (2 раза) и родственным ἐξάττω (1 раз) οἰμάω

(1 раз). Все они могут быть переведены «гнать». Редкий глагол ἄρσσω (1 раз), обычно характеризующий стремительное движение, у Хониата имеет смысл «бродить» или «быть подвижным» (с. 517. 93).

Ряд прилагательных означает «быстрый». Сюда относится в первую очередь ὀξύς, который в этом смысле употреблен 14 раз. Его другое значение, «острый», я оставляю в стороне. Ὀξύς применяется для характеристики движения, а также акций («ско-рый арест» – с. 280. 29) и метафорически означает «энергичный». Εὐκίνητος, «подвижный» (1 раз), выступает как синоним ὀξύς в его метафорическом значении. Κρηπνός, «быстрый» (1 раз), появляется в цитате из Геродота (VI. 86 γ 2); ποδῖνεμος, «быстрый как ветер» (1 раз) – гомеровское слово, эпитет богини Ириды, использовано Хониатом для описания повозок (с. 31. 10). Чаше встречается εὐζωνός, «подвижный, проворный», буквально «красиво подпоясанный» (6 раз); это прилагательное имело также техническое значение – «легковооруженный». Ряд прилагательных с прямым значением «крылатый» приобрел естественный смысл «быстрый, подвижный». Таково, в первую очередь, прилагательное πτηνός (7 случаев). Πτερόεις появляется однажды в гомеровской формуле (Илиада, 1: 201 и др.): «крылатые слова». Πτηνόπους, «быстроногий [крылоногий]», по-видимому, не встречается в классическом греческом. Прилагательное ἄπτερος, «бескрылый» (2 раза), является только в формуле ἀπτέρω τάχει, заимствованной из неизвестной трагедии, и означает «с большой скоростью».

Существительное ῥυτήρ («вожжа») употребляется 8 раз только адвербиально, в формуле «во весь опор». Несколько наречий также принадлежат к этой категории понятий: περίσπερχως (1 раз), см. выше глагол того же корня ἐπισπέρχω; ἐξαίφνης (5 случаев), ἐξάλινα (6 случаев), ἐξάλιναίως (1 раз) – все три родственных слова переводятся «стремительно». То же значение имеет наречие προτροπᾶν (3 раза), примененное Хониатом только для описания стремительного бегства. Интереснее, однако, оказывается наречие ῥύδην, употребленное Хониатом 2 раза: если в классическом греческом оно имело значение «в изобилии» (так переводят Passow, Liddell-Scott и Thesaurus), то Хониат применяет его только в формуле ῥύδην φέρομαι (с. 458. 25, 558. 43) – «стремительно нестись».

Мы встречаем у Хониата разнообразные слова, связанные с Ипподромом, конными бегами и сходными состязаниями. Я отвлекаюсь от этих терминов, поскольку они принадлежат скорее к понятиям, описывающим зрелища, нежели движение и скорость.

Движение, естественно, есть перемещение из одного пункта в другой, и никакое движение без этого невозможно. Есть, однако, слова, которые акцентируют не процесс движения («идти»), но его характер (обходное движение, сопровождение, движение вперед или назад) или начальные или конечные этапы процесса. Различные нюансы передаются часто с помощью тех или иных приставок. Оттенок продвижения, движения вперед вводится прежде всего приставкой *προ-*. Сюда относится в первую очередь глагол *προβαίνω* (45 случаев), обозначающий физическое движение, в том числе атаку, и движение абстрактных феноменов, как-то время или речь; он также применяется метафорически – «случаться», «возрастать» (подчас о дурных явлениях) и «быть заключенным» (о соглашениях). *Προέρχομαι* (15 раз) – глагол сходной структуры; помимо физического движения вперед он обозначал «появиться, выйти на свет, происходить». Ту же мысль – «идти вперед» – передают глаголы *προχωρέω* (27 раз), *προπορεύομαι* (3 раза) и *προποδίζω* (3 раза); последний глагол встречается только в применении к коням, тогда как существительным того же корня *προποδισμός* описывают прогрессивное движение планет (1 раз). То же значение – «двигаться вперед» – передают глаголы *προεξέρχομαι* (1 раз), *προέξειμι* (1 раз) – в классическом греческом это слово обозначало «делать вылазку», и *προϊπτεύω* (1 раз) – с оттенком «скакать вперед», опять-таки отличным от классического языка, в котором глагол означал преимущественно «ехать перед фронтом». Несколько отличен глагол *προηγέομαι* (11 раз), «вести вперед», употребляемый Хониатом по большей части в форме причастия среднего залога *προηγούμενος* – «ведущий» или (о времени) «предшествующий». Тот же переходный смысл «двигать вперед», «приносить вперед» присущ глаголам *προελαύνω* (2 раза) и *παράγω* (с другой приставкой!) (7 раз). *Προεκθρῆσκω* (1 раз) и *προεκπηδάω* (1 раз) – оба означают «выпрыгнуть вперед», а *προεκφαίνομαι* (1 раз) – «появиться вперед». Глагол *ἀντιπροβάλλω* (3 раза), в классическом языке известный лишь в медиально-пассивных формах, означал «выдвинуть вперед» (или «взамен»). Наконец, Хониат использовал один раз глагол *ἐὐθυώρῳ* («продвигаться»).

Движение назад описывается Хониатом, пожалуй, еще более разнообразными средствами. Характерный, хотя и не исключительный, индикатор обратного движения, – приставка *ἀνα-* или усиленная *ἐλανά-*. Сюда относится прежде всего *ἀναχωρέω* (9 раз), «возвращаться», «отступать», а также «лежать в стороне», и существительное *ἀναχώρησις* («отступление», 3 раза). *Ἀναχάζομαι*

(3 раза) употребляется в значении «отступать» и в страдательном залоге – «быть удержанным». Ἀναζεύγνυμι (буквально «вновь запрягать», 7 раз) означает у Хониата преимущественно «возвращаться» и один раз «отступать». Родственное существительное ἀνάζευξις («возвращение, отступление») использовано лишь один раз. Ἀνατρέχω обычно используется для описания движения вверх; его другое значение «возвращаться» отсутствует у Хониата, за исключением метафорического словоупотребления «возводить к прототипу» (1 раз – с. 650. 3). Наречие ἀνότιν («назад») зарегистрировано в классических словарях, но они не указывают иных источников, кроме Гесихия и Евстафия Солунского; в патристической литературе (согласно Lampe) наречие было употребительным. Хониат применяет его 5 раз – как к пространству, так и ко времени.

Слова с «усиленной» приставкой еще более многочисленны. Ἐπανατρέχω употреблено только 3 раза – для описания движения вверх или в Константинополь. Ἐπαναζεύγνυμι, по всей видимости, не классическое слово: Liddell-Scott и Passow ссылаются только на Гесихия, но, судя по Lampe, глагол широко употреблялся в патристике. Thesaurus не дает ни единого примера из античных текстов, но множество византийских источников, в том числе современных Хониату. Хониат использовал его 15 раз для описания физического движения («возвратиться»). Эти два глагола известны Хониату и с простой приставкой ἀνα-; многие же другие только с двойной приставкой. Сюда относятся: ἐπάνεμι (34 случая), преимущественно «возвращаться» или «отступать», хотя трижды глагол использован для движения вверх; ἐπανέρχομαι (17 раз), «возвращаться» (в том числе фигурально: «к прежнему состоянию»). Существительное того же корня ἐπανέλευσις (1 раз), видимо, позднего происхождения: Thesaurus дает примеры, начиная с Григория Богослова (слово не зарегистрировано у Lampe); Хониат пользуется им метафорически, говоря о возвращении «на прежний престол» (с. 242. 19). Ἐπανήκω (11 раз) имеет тот же смысл. Ἐπάνεκα (4 случая) – тоже «возвращаться», не классическое слово (см. указатель ван Дитена); ἐπανάλω, видимо, также не классический глагол: Thesaurus приводит примеры, начиная с Григория Нисского, Passow ссылается только на Гесихия, а Liddell-Scott – на папирус VI в. Хониат щедро пользуется этим глаголом (15 раз). Дважды он употребил существительное того же корня ἐπανάλυσις, «возвращение». Ἐπαναστρέφω (6 раз) значит «возвращаться», а родственное существительное ἐπαναστροφή (1 раз) – «возвращение». Существительное ἐπάνωδος (11 случаев) означает преимущественно «возвращение»; глагол ἐπανάγω (10 раз) –

«приводить, привозить назад», равно как «отступать»; метафорически он мог прилагаться к эмоциям («приходить в чувство»). Хониат также пользуется им для характеристики своего повествования («следует вернуться»). Сходные между собой глаголы ἐλαναλέμτομαι (1 раз) и ἐλανακαλέομαι (2 раза) употребляются только в страдательном залоге: «быть званным назад», т. е. «возвратиться»; ἐλανακάμπτω (3 раза) тоже значит «прийти назад». Глагол ἐλαναμέτρεω (буквально «вновь мерить [дорогу]», 1 раз) не известен классическим словарям – ван Дитен включает его в свой указатель.

То же значение имеют некоторые слова с приставкой ὑπο-: ὑποστρέφω (6 раз) и ὑπονοστέω (8 раз) – «возвращаться назад или домой». Существительные ὑπονόστισις (1 раз) и ὑποχώρησις (5 случаев) означают «отступление, отход», и в том же значении употребляются слова того же корня, но с другими приставками: ἀναχώρησις (см. выше) и ἐκχώρησις (1 раз).

Идея следования выражена у Хониата двумя способами: она может быть заключена в корне или же передаваться с помощью особых приставок. Один из корней, наделенных этим смыслом, – ἀκολουθ-. В «чистом» виде глагол ἀκολουθέω («следовать за») употреблен Хониатом лишь однажды, но образует несколько глаголов с приставками, как-то ἐλακολουθέω (12 раз), «следовать», будь то в пространстве, времени или порядке; в переносном значении глагол передавал идею подражания и подчинения («следовать» как «примкнуть»). Сходны глаголы катаκολουθέω (2 раза) и παρακολουθέω (5 раз), с последним связано существительное παρακολουθήμα, «побочный продукт» (1 раз). Глагол συνακολουθέω (2 раза) имеет двойную нагрузку, так как помимо корня он снабжен приставкой συν- («с, вместе»). Второй корень ἐλ-. Он встречается как в «чистом» виде – глагол ἐλτομαι (16 случаев), «следовать», преимущественно буквально, в процессии или в битве, но также и метафорически («быть привязанным» и т. п.), так и с разнообразными приставками: παρέλτομαι (8 раз), ἐφέλτομαι (22 случая, редко в активном залоге: ἐφέλω), просеφέλτομαι (1 раз), συνέλτομαι (5 случаев) и συνεφέλτομαι (3 раза). В большинстве эпизодов все эти глаголы имеют буквальное значение «следовать», «преследовать» и только изредка (как ἐφέλτομαι) – «следовать во времени» или «подражать». Наконец, хотя корень ὁμαρ- не встречается у Хониата в чистом виде, производные от него ἐφομαρτέω (7 случаев) и συνομαρτέω (2 раза) имеют значение «сопровождать, следовать» – как физически, так и в применении к абстрактным феноменам.

Другой способ выражения идеи сопровождения – образование глагольных форм со специфическими приставками, прежде всего *συν-* и *μετα-*, теперь к ним можно прибавить еще несколько: *συμπομπεύω* (1 раз), «сопровождать», синонимичное *συνεξορμάω* (1 раз); Хониат несколько отходит от его классического значения «одновременно устремляться, вместе совершать вылазку». Второй глагол: *συνέξειμι* (6 случаев), буквально означает «выходить и следовать вместе», т. е. опять-таки «сопровождать». Самый распространенный в этой группе глагол *σύνεμι* (27 случаев), «быть вместе, следовать»; образованное от него отглагольное существительное *συνόντες* означает «дружинники», а *συνόν* – «свита». Специфическое применение этого глагола – «жить с», т. е. «быть любовником», а с дополнением *τοῖς ζῶσι* – «быть в живых». Тот же глагол, но с другой приставкой, *μέτεμι* (38 раз), имеет другой оттенок – «преследовать» и даже «атаковать», с различными вариантами – «приближаться», «преодолеть», «приводить в исполнение». Аналогичный по структуре глагол *μετέρχομαι* (30 раз) не применяется Хониатом для характеристики физического перемещения в пространстве, его основное значение «нападать, атаковать», реже «преследовать». Остальные (редкие) случаи – «осуществлять», «пытаться», «ухаживать» – вовсе не связаны с движением.

Особая форма движения – движение в обход или по кругу. Сюда относятся, в первую очередь, слова с корнем *πλαν-*. Глагол *πλανάω* (8 раз) историк употребляет или в среднем залоге – «блуждать» (но также и «бежать» – о воде), или в активном залоге, но в переносном смысле – «обманывать». Глагол *πλάζομαι* (5 случаев) употребляется таким же образом. От того же корня происходят существительные *πλάνης* (9 раз), *πλάνος* (6 раз) и *πλανήτης* (1 раз), «бродяга, странник», равно как и более абстрактное *πλάνη* (3 раза), «скитание», и метафорическое *πλάνης*, «заблуждение» (в цитате из Исайи, 19: 14 – «дух опьянения» в свободном русском переводе. Ср. выше: *πολυπλαγκτός* и *πολυπλάνης*).

Глагол *ἀποπλανάω* (3 раза), образованный с помощью приставки *ἀπο-* («уводить в сторону»), появляется у Хониата в его буквальном смысле только в страдательном залоге («отклоняться»); активный же залог имеет только метафорический смысл – «обманывать, соблазнять». Неожиданно неклассическое значение Хониат придал этому глаголу в описании «гипнотического сеанса», когда он говорит, что Сикидит «отклонил», т. е. воспрепятствовал правильному видению предметов (с. 148. 2).

Другие глаголы с той же приставкой, выражающие идею отклонения: ἀπονεύω (4 раза), «двигаться в противоположную сторону»; ἀποσφάλλομαι (1 раз), «отклоняться» (в страдательном залоге); ἀποστρέφω (9 случаев), «отворачивать» (последний глагол употребляется чаще в переносном и фигуральном значениях – «прятать», «ненавидеть»). Глагол с другой приставкой – ἐκβαίνω (4 раза) – буквально значит «выходить». Хониат придает ему переносное значение «отклоняться», но чаще, с дополнением εἰς ἔργον или ἐλ' ἔργον («приводить в исполнение»); в этом смысле глагол употреблялся в патристической литературе (см. Lampe).

Редкий глагол ἀντιπερίστω (1 раз) означает «отклонять». Сходный по структуре глагол ἀντιπερίειμι (1 раз) применялся в классическом греческом для характеристики кругового движения, в патристике – обратного движения (см. Lampe); Хониат понимает его как «отклонять». В каком-то смысле к этой же категории принадлежат существительные περιέλευσις (1 раз), «объезд», и περίοδος (2 раза), «движение вокруг».

Большая группа слов в вокабулярии Хониата связана с понятием начального толчка – в данном случае речь идет не о движении как таковом, а о приведении объекта в состояние движения. Часть относящихся сюда глаголов образована от наименований различных видов метательного оружия – таких как лук, копье или праща. Глагол ἐκτοξεύω (буквально «стрелять из лука», 5 раз) лишь 1 раз связан с физическим актом стрельбы из лука – обычно же Хониат пользуется им метафорически для характеристики растрачивания средств или потери жизни; в среднем залоге он мог значить «намекать» (с. 254. 14) – значение, как будто бы неизвестное классическим словарям. ἑπιτοξεύω (1 раз) означает «стрелять в», а περὶτοξεύω (1 раз) – «стрелять со всех сторон», что несколько отличается от классического «перестрелять».

Ἀκοντίζω (14 случаев), «метать», применяется не только к бросанию копий или стрельбе из лука, но и к киданию камней, равно как сбрасыванию в воду или огонь. В среднем залоге глагол приобретает значение активного движения – «бросаться» (в огонь или воду) или «лететь». Родственное существительное ἀκοντισίς (буквально «метание дротика») употреблено Хониатом 1 раз в менее техническом контексте – он говорит о разбрасывании мощей святых (с. 573. 2). С приставкой δια- глагол сохранял то же значение – «метать дротик»; по-видимому, классический язык знал только медиально-пассивные формы: Liddell-Scott учитывает только διακοντίζομαι, а Thesaurus, цитируя активное διακοντίζω, отсылает к Хониату и Евстафию Солунскому. Хониат (6 случаев)

прилагает глагол не только к метанию копий, но к бросанию камней и других предметов. Образованное отсюда существительное διακόντισις (3 раза), видимо, отсутствовало в классическом языке (ван Дитен учитывает его в своем указателе), оно применено Хониатом для описания удара копьем и метафорически – для описания языков пламени. Глаголы ἀποσφενδονάω (5 раз), διασφενδονάω (1 раз) и ἐκσφενδονάω (3 раза) обозначали метание камней (со стен или через стены), а метафорически – перемещение с пейоративным оттенком, смещение с должности или высылку.

К этой же группе могут быть отнесены два глагола, образованные от слов, обозначающих диск и шар: ἀποδισκεύω (1 раз) и ἐκσφαίριζω (5 раз), буквально «метать как диск» или «как шар». По всей видимости, оба глагола поздние: согласно Thesaurus, ἀποδισκεύω встречается у Евстафия, Фотия и иных поздних авторов, а ἐκσφαίριζω у Хониата и Константина Манасси. Ни то, ни другое слово не сохраняет своего физического значения: Хониат говорит об отбрасывании света солнцем (с. 384. 32), о выбрасывании всадника из седла, об изгнании и лишении власти.

Наиболее часто употребляемый (119 случаев) глагол для акта бросания – βάλλω. Помимо «бросать» и «метать» он означал «заставить упасть», «ударять», «атаковать», «устремляться». В ряде случаев словоупотребление далеко отклоняется от идеи движения: глагол широко употребляется для описания фортификационных работ, размышления (с дополнением κατὰ νοῦν), порицания, беспокойства. Напротив, существительное βολή (5 случаев) характеризует физическое бросание и лишь однажды означает «бросание взгляда» (фраза, заимствованная из «Одиссеи», 4: 150). Сложных слов, образованных от того же корня, немного: ἐκθήβολος (2 раза), «далеко разящий», λαϊβολία (1 раз), «метание камней», и родственный глагол λαϊβολέω (1 раз), «метать камни». Два последних слова включены в указатель ван Дитена и, видимо, являются византийскими неологизмами.

ἵημι (18 случаев) в активном залоге означает «бросать, метать», но глагол употребляется Хониатом преимущественно в среднем залоге и обозначает «бросаться, устремляться», иногда – «атаковать». С приставками глагол представляет большое разнообразие оттенков. Προίημι (8 раз) появляется у Хониата только в медиально-пассивных формах; физическое бросание заключено в нем лишь однажды, обычно же слово означает «произносить», «растрачивать» или «покидать, прекращать». Напротив, ἀφίημι (78 случаев) часто сохраняет физический смысл движения, пре-

имущественно в медиально-пассивных формах со значением «устремляться, лететь» (о стрелах и т. п.); с этим связаны вторичные значения – «отсылать прочь», «оставлять», «позволять», а также «приносить». Только 1 раз Хониат использует глагол ἐναφίημι, «высвободить» (душу), т. е. «умереть». Ἐλαφίημι (9 раз), «бросать в», применялось преимущественно к стрельбе из лука и бросанию камней, а метафорически означало «отсылать» и опять-таки «издавать» (звуки). Родственное существительное ἐλάφεσις («стрельба из лука») употреблено 1 раз. Наконец διαφίημι (41 случай), «распускать, отпускать» в классическом греческом, употребляется Хониатом в разнообразных смыслах: как в физическом – «бросать, метать» и «посылать» (воинское соединение), так и переносном – «отпускать, позволять»; первое, «физическое», словоупотребление, по-видимому, нетипично для классического греческого.

Еще один корень служил для выражения идеи бросания. Глагол ῥίπτω (13 раз) имел оттенок бросания вниз – в воду (как якорь) или на землю; метафорически он подчеркивал жестикуляцию, связанную с упадком духа, например «опустить (голову)». В рефлексивных и пассивных формах ῥίπτω означает «падать» и – как результат этого процесса – «лежать» (на постели). Таким образом, в «чистом» глаголе ῥίπτω идея бросания присутствует весьма относительно – его скорее следует переводить как «уронить». Напротив, существительное того же корня ῥίσις (1 раз) явно означает «метание» – Хониат говорит о бросании камней (с. 229. 72); это слово, по-видимому, не употреблялось в классическом греческом: как Thesaurus, так и Passow дают единственную отсылку к Хониату.

С приставками глагол ῥίπτω ближе к идее бросания, чем в своей «чистой» форме. Ἀναρρίπτω (3 раза), «подбрасывать» (у Хониата – «выбрасывать»), используется также метафорически (что связано с подбрасыванием – бросанием костей): «идти на риск, встречать опасность». Ἀπορρίπτω (2 раза), буквально «выбрасывать», у Хониата приобретает значение «бросать, метать [камни]», а в страдательном залоге – метафорически – «быть в упадке». Тот же глагол со второй приставкой ἐναπορρίπτω (1 раз) в классических и в патристических словарях переводится как «выбрасывать». Хониат использует его фигурально, говоря о «безвременно погибшем поколении» (с. 637. 17). Ἐπιρρίπτω или ἐπιρρίπτέω (2 раза) появляется только в метафорическом употреблении – «бросать [взгляд]» или же «отбрасывать, отвергать».

Παραρρίττω (13 случаев) лишь однажды употреблен в активном залоге, обычно же в страдательном «быть брошенным, выброшенным»; в переносном значении Хониат говорит о заключении в тюрьму или насильственном пострижении в монастырь; 1 раз Хониат применяет его для описания совершения преступления.

Я уже говорил о глаголе πέμπω («посылать») и его производных. С приставкой ἐπι-, ἐπιπέμπω (1 раз), он приобретает смысл «метать, бросать» (камни). Ἐπιχαλάω (3 раза) имеет тот же смысл «бросать» (камни, якорь), а также фигурально означает «отбрасывать, смягчать». Ἐκτινάσσω (9 раз) охватывает разные смыслы, прежде всего «метать» и «выбрасывать». В страдательном залоге глагол мог приобрести непереходное значение – «выскакивать [из огня]». Он также означал «разбрасывать кругом, расплескивать». Στοχάζομαι (1 раз) может быть переведен «бросать в [кого-то]».

От глаголов, описывающих бросание, несколько отличается глагол ὠθέω (9 раз) (буквально «толкать»), употребляемый с предлогом κατά, здесь «вниз» – в ров, реку или пропасть; метафорически он значит «отталкивать, отражать»; родственное существительное ὠθισμός (2 раза) прилагается к физическим толчкам и ударам. Соответственно ἐνωθέω (1 раз) переводится «вталкивать» (в огонь), но ἀνωθέω (1 раз) имеет иной смысл – «метать, бросать» (камни).

Близок по смыслу глагол ἀποκροῶμαι (23 раза) – «сбрасывать [с лошади]», «отпихивать», особенно часто «отражать» (в сражении или в дискуссии). С приставкой προαποκροῶμαι (1 раз) он означает «отбрасывать заранее» – глагол, видимо, не из классического словаря, но уже употреблялся в патристической литературе.

В большинстве своем, однако, слова, выражающие идею толкания, принадлежат скорее к категории удара, нежели приведения в движение, и должны быть рассмотрены в другом месте, хотя, разумеется, грань остается весьма условной. Зато глагол ἐλαύνω (48 случаев), «гнать, угонять», может быть отнесен к категории движения: с прямым дополнением он характеризует угон скота и увоз добычи, а в страдательном залоге означает «быть гонимым, преследуемым». Вместе с тем он означает движение (на лошади, на лодке), особенно: стремительное движение или атаку; несколько раз ему придан смысл «пронзать» («вогнуть» копьё или гвоздь).

Собранные здесь слова отнюдь не исчерпывают все стороны категории движения в вокабулярии Хониата. Можно было бы

говорить о понятиях «прибытие», «отправление», «подъем», «спуск», «внедрение», «выбрасывание», «движение вокруг» и т. п. Однако размеры статьи позволяют, даже не исчерпав темы, на основе сказанного констатировать разнообразие и изобилие слов, характеризующих движение в «Хронике» Хониата, равно как и его попытки видоизменить функции классических слов и ввести если не прямые неологизмы, то во всяком случае «византийские» и патристические выражения. Переходим теперь к категории покоя.

Как слово κίνησις есть наиболее общее (абстрактное) выражение движения, так и его отрицание, ἀκίνησις, есть наиболее общее выражение неспособности двигаться. Оно употреблено Хониатом лишь однажды, при характеристике болезни. Однажды употреблено и прилагательное ἀκίνητος («недвижимый»), однако не в его физическом смысле, а в этическом – «неспособный [к совершенствованию]» (с. 367. 14). Разумеется, существительное τὰ ἀκίνητα («недвижимость») не относится к нашей теме.

Пожалуй, основной глагол, передающий идею неподвижности, – μένω (34 раза). Он описывает как физическую неподвижность («пребывать [на месте]»), так и более абстрактные феномены – «сохраняться» и «сохранять прежний статус». В применении ко времени μένω означает «оставаться» («осталось четыре месяца» – с. 351. 72); из Геродота (VI: 86 γ 3) Хониат заимствовал выражение «смерть поджидает». С приставкой глагол проοιμένω (15 случаев) сохраняет основное значение «чистого» глагола «пребывать, оставаться», но гораздо чаще используется для выражения идеи ожидания, например, «ожидать выздоровления» (с. 307. 87).

Несколько слов имеют оттенок скорее покоя, чем пребывания. Глагол καταλείω (4 раза) означает «остановиться, перестать», а родственное существительное κατάλειψις (3 раза) – «остановка» или «место отдохновения», а именно райские кущи. Слово того же корня ἀνάλειψις (2 раза), «покой», встречается только в двух цитатах из Псалмов (114: 7 и 131: 4); глагол ἀναλαύομαι (1 раз) означает «отдыхать», а διαναλαύω (3 раза) – «позволить недолгий отдых». Наконец, ἀνάλευα (2 раза) имеет смысл «место отдыха», т. е. то, что византийцы обозначали техническим термином «xenodocheion».

Понятие «медлительность» Хониат передает прилагательным βραδύς («медленный», 6 раз) и его производными. Βραδύς выступает преимущественно в адвербиальных формах – βραδῖον или βραδέως. Образованные от него глагол βραδύνω, «медлить» (упо-

треблено с отрицанием – «божество не замедлило»), и абстрактное существительное βραδύτης, «медлительность», использованы только по одному разу. С приставкой глагол ἐμβραδύνω (6 раз), «медленно двигаться», имеет у Хониата преимущественно значение «пребывать на одном месте, задерживаться» как в прямом, так и в переносном смысле; 4 раза из 6-ти он употреблен с отрицанием.

То же значение «медленный» имеет прилагательное σχολαῖος (1 раз) и его производное σχολαίτερον (2 раза), «медленнее». Βάδην (7 случаев) (буквально «шагом») могло иметь значение «мало-помалу, постепенно» и подчас противопоставлялось идее быстрого движения. Глагол σύρω (7 раз), «тащиться», имеет явно библейскую аллюзию (см.: «ползающие по земле» – Второзак. 32: 24), и Хониат говорит об армии, «ползущей как змея» (с. 319. 50, ср.: Orationes, p. 69. 20); обычно же этот глагол прилагается к рекам и заливам и может быть переведен «струиться». То же значение «тащиться, ползти» имеет глагол ἔρπω (1 раз), употребленный метафорически, в применении к медленно движущимся событиям. По одному разу применены и производные от него ἔρπυστις и ἔρπυσμός. Оба слова означают «ползущий» и характеризуют змею. Классическое правописание предпочитает форму ἔρπυστις, но уже в патристических текстах ἔρπυστις обычен. Ἐρπυσμός, видимо, не классическое слово: как Thesaurus, так и Liddell-Scott отсылают только к Гесихию и Суде.

Основное значение слова ἄνεσις (11 случаев) – «ослабление, облегчение», но дважды Хониат употребляет его как «отдых» или «передышка». Глагол ἀναλίπτω буквально означает «падать навзничь или назад», но Хониат применяет его преимущественно в переносном значении – «уступать, терять мужество», что не имеет отношения к нашей теме. Однажды, впрочем, он говорит «возлежать [за ужином]» (с. 41. 2) – видимо, архаичное словопотребление, так как к XII столетию обычай возлежать за трапезой исчез. Συνδιαχέομαι – глагол, употребленный Плутархом (Моралии, 953d) и патристическими авторами (см. Lampe), означал «растворяться». Хониат использует его лишь один раз и придает ему новый смысл – «отдохнуть» или, может быть, «развлечься» (с. 450. 63); опять-таки связь слова с категорией покоя весьма отдаленная.

Напротив, ἡσυχία и родственные характеризуют покой в разных его проявлениях. Ἠσυχία (8 раз) означает спокойную, мирную жизнь, отсутствие активной деятельности и специфически монашескую *vita contemplativa*. С ним связаны глагол

ἡσυχάζω («покоиться, отдыхать», 3 раза) и наречие ἡσυχῇ («тихо, спокойно», 3 раза).

Два феномена связаны с идеей покоя – сугубо физический покой, сон и моральная пассивность, безделье или лень. Оба феномена представлены в словаре Хониата довольно широко: ύπνος, «сон», встречается 13 раз, соответствующий глагол ύπνώτω, ύπνώω, «засыпать», – 8 раз; он имеет то же значение с приставками: ἀφύπνώω (4 раза) и ἐφύπνώτω (1 раз); с другой приставкой, καθύπνώτω (1 раз), он переводится как «покоиться» (о мече в ножнах).

Сюда же относится εὐνάζομαι (1 раз), «спать»; с приставкой в медиально-пассивном залоге, καθευνάζομαι (2 раза), он имеет то же значение; но активное καθευνάζω (тоже 2 раза) означает «успокаивать». Глаголы καθεύδω (8 случаев), καταδαρθάνω (3 раза) и κοιμάομαι (1 раз) означают преимущественно «спать», но καθεύδω имеет также оттенок неделания, лености. Глагол ρέγκω (3 раза), первоначально «храпеть», используется Хониатом в более широком смысле «спать».

Для выражения идеи безделья используется существительное οἰκουρία (3 раза) и производные: абстрактное οἰκουρότης; (1 раз), прилагательное οἰκουρός (2 раза) и глагол οἰκουρεω (3 раза). Все эти слова сочетают идею «сидения дома» (их буквальный смысл) с бездельем-леностью. Концептуально сходное ύπωρόφιος; (буквально «пребывающий под крышей», 1 раз) имеет метафорический смысл «бездеятельный». Причастия от σκιατραφέω (2 раза) и прилагательное σκιατραφής; (буквально «сидящий в тени», 1 раз) также имеют оттенок «лишенный активности». Редкое существительное ύπιότης; (1 раз), буквально «опрокинутость», т. е. «лежание», появляется как синоним к οἰκουρότης; (см. выше). В какой-то мере к этой же категории принадлежит и ύστεροβουλία (4 раза, буквально «задняя мысль»), приобретающее у Хониата также оттенок сожаления и раскаяния.

Влакеία (2 раза) и производные – глагол влакеύω (4 раза) и наречие влаκῶδες; (1 раз) – передают идею вялости и лени, отчасти даже глупости. Глагол ἄλῶ (6 случаев) означает прежде всего «бродить в бездеятельности» и в переносном смысле – «терять мужество». Идея безделья-лености передавалась и разнообразными прилагательными: νωθής (4 раза), ἄεργος и ἄργος (6 раз), «вялый, ленивый», равно как гомеровское νήγρετος и неклассическое (но учтенное в Thesaurus) ἀδιύπνιστος, «беспробудный» (соответственно 3 и 1 раз). Наконец Хониат

использует в одном эпизоде мифологический образ Гиласа, друга Геракла, как символ медлительности.

Несмотря на то что я сознательно пренебрег некоторыми категориями движения, бросается в глаза, что в словаре Хониата идея движения определенным образом доминирует над идеей покоя. В какой-то мере это совпадает с другим наблюдением: идея атаки в вокабулярии Хониата доминирует над идеей обороны. Преобладание движения над покоем станет еще более разительным, если мы учтем, что с византийской точки зрения сон и неделание, которые я рассматривал как принадлежащие к категории покоя, обычно покою противостояли. Монашеский идеал исихии категорически отрицал неделание и строго ограничивал сон. Византийский покой был активным внутренним созерцанием, а не праздным времяпрепровождением.

Принято считать, и не без оснований, что покой был одним из краеугольных камней византийского миросозерцания и поведения. Два исследователя очень тонко показали, что для писателей XI в. Михаила Пселла и Иоанна Мавропода подвижность была признаком варварства или дурного воспитания¹. Фронтальность византийского изобразительного искусства, очевидно, покоится на той же идее. Монашеский идеал *stabilitas loci* есть отрицание свободного передвижения и, в сущности, сопрягается с теми же принципами.

Но, сказав *stabilitas loci*, мы попадаем в трудное положение. Вопреки идеалу неподвижности многие византийские святые активно странствовали по миру⁶ – и не только ради спасения от иконоборческих преследований. Посещение Святой Земли или Рима было весьма желательным, а герои Жития Макария Римлянина отправились на край света, куда-то далеко за пределы Индии. Как это часто бывало, византийские идеалы расходились с византийской практикой.

Словарь Хониата не конструировался в результате сознательного отбора слов, и тем он ценен для нас. Хониат явным образом был более заинтересован в движении, чем в покое. Сложнее ответить на вопрос, было ли это пренебрежение покоем общевизантийским внутренним ощущением или же Хониат – подсознательно? сознательно? – расходился с господствующим взглядом на мир. Иными словами, какова структура вокабулярия других византийских авторов? Нужны годы нудного труда, чтобы ответить на этот вопрос.

Впервые опубликовано: Одиссей. М., 1994. С. 95–116.

¹ Peek W. *Lexikon zu den Dionysiaka des Nonnos*. Т. 1–4. Berlin, 1968–1975.

- ² *Nicetas Choniates. Historia* / Ed. J. A. van Dietcn. Pt. 1–2. Berlin; New York, 1975. Указатель редких слов занимает с. 112–125 второй части. Я ссылаюсь в тексте также на основные словари древнегреческого языка: *Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1940; *Passow F. Handwörterbuch der griechischen Sprache*. Darmstadt, 1970; *Stephanus H. Thesaurus Graecae Linguae*, P., 1831–1851; *Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1961–1968. Все ссылки на словари даны sub voce, а не постранично.
- ³ *Kazhdan A. Der Körper im Geschichtswerk des Nikelas Choniates // Fest und Alltag in Byzanz* / Herausg. von G. Prinzing, D. Simon. München, 1990. S. 91–106. (Публикуется в наст. издании. – *Прим. изд.*)
- ⁴ Статья предназначена для сборника в честь профессора Дж. Денниса. (См. публикацию в наст. издании. – *Прим. изд.*)
- ⁵ *Любарский Я. Н. Михаил Пселл: Личность и творчество*. М., 1978. С. 237 и сл.; *Lefort J. Rhétorique et politique. Trois discours de Jean Mauropous en 1047 // Travaux et mémoires*. Vol. 6. 1976. P. 285–293.
- ⁶ Для позднего периода материал собран А. Лайу: *Laiou-Thomadakis A. E. Saints and Society in the Late Byzantine Empire in Charanis Studies // Essays in Honor of Peter Charanis* / Ed. by A. E. Laiou-Thomadakis. New Brunswick, 1980. P. 97 f.

ЦВЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ НИКИТЫ ХОНИАТА

Характеризуя одну из византийских лицевых рукописей второй половины XI в., В. Н. Лазарев писал: «Фиолетовые, синие, зеленые, красные, бледно-лиловые и желтые тона переливаются нежнейшими оттенками, эффектно контрастируя с золотом»¹. И действительно, византийские художники владели обширной хроматической гаммой. Это тем более любопытно, что их современники-писатели пользуются сравнительно ограниченным набором цветов. Золотая, алая и белая – вот те краски, из которых писатель, как правило, складывает свой портрет. «У него были локоны, как золото, щеки, как розы, и белизна [кожи], подобная лилиям», – так восхваляет псевдо-Продром Иоанна, племянника императора Мануила I². И подобных образцов много.

Однако не всегда палитра византийского писателя оставалась столь ограниченной и столь традиционной. Цвет переставал быть элементом стереотипного портрета и превращался в выразительное художественное средство. Пример Никиты Хониата в этом отношении особенно красноречив.

Никита Хониат (середина XII в. – 1213 г.) – один из крупнейших византийских писателей, и тем не менее его художественная система до сих пор еще не стала предметом исследования. Много сказано о его сочинениях как историческом источнике, но ничего – о его писательском искусстве. Это по-своему закономерно, ибо византийской литературе долго и упорно отказывали в жизненности и художественности.

Хониат – большой писатель, но, как всякий византийский писатель, он ни в коей мере не порывает с традицией. Он сохра-

няет клише как художественный метод, и цветовое клише в частности. На страницах его «Истории» антиохийский князь Герард (Рено Шатильонский) сидит на коне белее снега³, а во время триумфального въезда Мануила I в Константинополь колесницу влекут белые, как снег, лошади (р. 205. 22). Это традиционно, но позднее Хониат предлагает более рискованный цветовой рисунок коня: Алексей Врана ехал на черной лошади, у которой на лбу белые волосы выделялись, как лунный круг (р. 492. 8–10). Белизна кожи – элемент стереотипного византийского портрета. Хониат как бы отталкивается от него, говоря: у Мануила I цвет лица не был снежно-белым, но он не был и темным (р. 69. 4–5). Конечно, белизна – позитивное свойство: Хониат говорит о белизне истины (р. 178. 19–20) и противопоставляет белым парусам серые, несущие в себе черноту бесславия (р. 216. 2–4).

Столь же традиционно у Хониата представление о пестроте как о зле. Ненавистный ему Андроник назван пестрым хамеленоном (р. 462. 17), и о Мануиле I писатель говорит с неодобрением: он был пестрым в оправданиях (р. 282. 15–16). Но вместе с тем Хониат видит, насколько жизнь расходится с христианским идеалом стабильности и насколько пестрота оказывается необходимым элементом действительности (р. 555. 2–5).

Итак, ограниченность хроматической гаммы у византийского писателя коренится, по всей видимости, не в бедности его видения, а в априорно негативном отношении к пестроте. Многокрасочное описание для византийского читателя было не только непривычным, но и эстетически чуждым. Оно вызывало не простое отстранение, но и своего рода отчуждение: пестрый предмет предполагал отрицательное его восприятие.

Если не считать беглого замечания, что Исаак Ангел, только что расправившийся со Стефаном Агиохристофоритом, скакал по константинопольской Месе в двухцветной рубашке (р. 445. 16), – штриха, несомненно, усиливавшего эффект неожиданности, невероятности во всем поведении Исаака, – «пестрый портрет» встречается у Хониата лишь дважды и оба раза в приложении к Андронику I.

Хониат описывает картину, выставленную по приказанию Андроника у храма Сорока мучеников и представляющую самого императора в неожиданном облике крестьянского царя. Он стоял с серпом в руках, не в золотых императорских нарядах, но в рабочей одежде сине-зеленого цвета, обутий в белые сапоги (р. 432. 6–11). По-видимому, сам Андроник хотел этим портретом подчеркнуть демократизм, простоту поведения, подобно тому как

Николай Месарит подчеркивал, что темно-синее, а не золотое одеяние Христа в храме св. Апостолов должно свидетельствовать о равнодушии к роскоши нарядов⁴. Но Хониат не ограничивается только этой задачей. Он говорит о цветах наряда Андроника еще раз – в другом месте и совсем в другой связи. Навстречу патриарху Феодосию Андроник вышел в фиолетовой одежде, в шапке дымчатого цвета (р. 328. 10–13; о шапке дымчатого цвета см. еще р. 352. 4). Современный читатель, может быть, и пройдет мимо этих описаний, но для византийцев редкие цвета – сине-зеленый, фиолетовый, дымчатый – были неожиданными, поражали, более того, создавали ощущение пестроты и, следовательно, враждебной подвижности, неустойчивости. И еще раз, опять-таки говоря об Андронике I и сравнивая его с Дионисом, Хониат замечает, что византийский император только тем отличался от языческого бога, что не носил оленьей шкуры и желто-шафранного одеяния (р. 417. 5). Здесь нет портрета, и редкостный цвет фигурирует как бы в противопоставлении Андронику – но не любопытно ли, что именно в связи с коварным и лицемерным Андроником приходят Хониату на ум редкостные цвета?

Общеизвестно, что византийцы придавали огромное значение цветовой символике и что пурпур и золото занимали здесь первое место в хроматической иерархии как царские цвета⁵. Никита Хониат неоднократно пишет о багрянце и порфире именно как о цветах государя: на гробнице Мануила I лежала багряная плита в рост человека (р. 269. 12–13); Андроник I приказал перенести в храм Сорока мучеников, где предполагал устроить свою усыпальницу, порфиновую чашу, стоявшую до того в саду Большого дворца (р. 431. 20).

Особое место в византийской символике принадлежало пурпуру императорских чернил⁶. В литургическую поэзию и в придворное красноречие прочно вошел образ пера, которое красными чернилами, приравненными к крови, оживляет и пробуждает к новой жизни. Это клише присутствует и у Хониата. Рассказывая о законодательстве Мануила I, посвященном монастырскому землевладению, Хониат замечает, что император вдохнул жизнь в указ Никифора II Фоки, угасший с течением времени; он сделал это, отогрев старое постановление, словно кровью, багрянцем императорских чернил (р. 271. 2–4). «Багряными письменами, – говорит Хониат чуть ниже (р. 278. 3–4), – словно огненным мечом, [Мануил I] утвердил это постановление».

В речах Хониата встречается этот же образ багряных чернил, приравненных к крови, сопровождающийся традиционным для

византийской риторики уподоблением копья перу. Писатель обращается к Исааку II Ангелу, превознося императора за то, что тот кровью побежденных варваров (имеются в виду сербы) окрасил реку Мораву, чтобы, «используя свое грозное копье словно перо, подписать этим багрянцем наше освобождение от варваров». Ты начертал им, продолжает Хониат с явной аллюзией на гомеровские слова (Илиада, 5: 83), «багряную смерть»⁷.

В тех случаях, которые мы рассматривали до сих пор, пурпурный цвет в словоупотреблении Хониата выполнял традиционные функции, отвечавшие нормам византийской литературы. Но писатель выходит за рамки стереотипного словоупотребления. Когда Андроник Комнин уехал в Иерусалим, повествует Хониат, и вступил там в незаконную связь со вдовой иерусалимского короля Феодорой, родной племянницей Мануила I, император направил палестинским властям багрянцем подписанное послание, приказывая схватить Андроника и ослепить его. И пожалуй, говорит дальше писатель, глаза Андроника стали бы багровыми от крови или он окрасился бы багряной смертью, если бы это письмо, отмеченное царским чернилом, не попало ему в руки (р. 184. 15–22). Здесь, собственно говоря, тот же набор выражений – вплоть до гомеровской «багряной смерти», но функциональная роль образа совершенно иная: от панегирической его направленности нет и следа, «багряная смерть» не восхищает художника, и кровь, отождествленная с царскими чернилами, сулит не возрождение, не свободу, а человекоубийство.

Переосмысленный так образ пурпурных чернил несколько раз повторяется в «Истории» Хониата. Алексей II подписал указ о казни собственной матери, он подписал его, констатирует Хониат, попросту каплями материнской крови (р. 347. 22–23). Андроник I отмечал, что постановления его предшественников остаются в пренебрежении и багряные чернила царских грамот отбрасываются в сторону, и угрожал, что злоумышленники заплатят за свои преступления не слезами, а кровью (р. 424. 16–19; ср. там же, стк. 6).

Пурпур царских одежд также переосмысливается Хониатом. С одной стороны, он несколько раз отмечает своего рода десакрализацию пурпурных одеяний в его время: из императорской монополии они превращаются в достояние высшей знати. Кесарь Конрад Монферратский идет в бой против мятежного Алексея Враны с пурпурным знаком на одежде (р. 503. 20–22), а Феодор Кастамонит, фаворит Исаака II, утомляется права украшать пурпуром седло и конскую сбрую, а также подписываться черни-

лами того же цвета (р. 575. 5–7). Но, помимо того, пурпур одеяний, как и пурпур чернил, напоминает Хониату о жестокости и о казнях. Царская одежда Андроника I кажется писателю покрытой каплями крови (р. 462. 3–4), и, наоборот, враги Андроника клянутся, что не будут знать покоя, пока он не окрасит свою одежду собственной кровью, а не кровью моллюска (р. 345. 10–12); напомним, что пурпурная краска добывалась из особых сортов морских раковин.

И еще раз Хониат говорит о том, что мятежники при Исааке II облачились не в порфиновый плащ, но в одежды бесславия, а подчас даже обрели (писатель снова пользуется уже известным нам клише) «багряную смерть» (р. 554. 23 – 555. 1).

Может быть, еще отчетливее распад хроматической иерархии проявляется в отношении Хониата к другому императорскому цвету – к золоту.

Если в одной из речей Хониат, упомянув библейского Авесалом, сына Давидова, говорит, что волосы его были рыжими, как золотая стружка⁸, то в «Истории» он попросту замечает, что лицо Исаака Ангела блестело и волосы были рыжи (р. 596. 3–4); упоминания о золоте здесь нет. Случайность ли это, или сознательное снижение образа Исаака, которого современные риторы охотно уподобляли солнцу, и в частности из-за огненно-золотого цвета его шевелюры, сказать трудно. Однако один эпизод из истории царствования Мануила I недвусмысленно свидетельствует об отношении Хониата к золоту царских одеяний.

В 1176 г. византийская армия была разбита у Мириокефала турецкими войсками. После сражения посол султана Гавра прибыл к Мануилу I. Он застал императора еще в боевой одежде – поверх панциря был накинута плащ, украшенный пурпуром и золотом. Но Хониат не говорит о нем «золотистый», как это, между прочим, передано в русском переводе⁹; по его словам, одежда императора была цвета желчи. И Гавра, словно развивая ту негативную оценку, что вложена в использованный Хониатом эпитет, заметил: «Цвет этот, государь, неблагоприятен, а в день сражения, более того, он враждебен» (р. 246. 9–15).

Итак, царский пурпур – цвет крови и казней, а царское золото – цвет желчи, цвет, сулящий поражение!

В этом – весь Хониат. До каких-то пределов он пользуется традиционным клише, традиционным набором метафор и сравнений, но внезапно выходит за пределы традиционного и преподносит своему читателю неожиданно отстраненную систему образов. И если императорская хроматическая символика пере-

вернута им начисто, то не приходится удивляться его ироническому отношению к цветовой символике византийской знати.

Известно, что высшие лица в византийской чиновной иерархии имели свои цвета – зеленый и синий. Хониат смеется над Конрадом Монферратским, переехавшим в Константинополь и получившим здесь титул кесаря: его надежды не сбылись, и все, чего он достиг, это привилегия носить обувь необычного цвета (р. 516. 11–12); Хониат имеет в виду синий цвет кесарских сапог¹⁰. И о протосевасте Алексее Комнине писатель говорит, что тот ставил на царских грамотах свою визу «лягушачьим цветом» (р. 300. 1–2). Слово «лягушачий» для обозначения цветов встречается еще у Аристофана (Всадники, 523), и любопытно, что именно у комедиографа черпает Хониат свое обозначение зеленых чернил протосеваста. И в другом месте писатель использует аристофановское выражение «лягушачий»: он рассказывает, как во время ночной вылазки люди мятежного Хриса захватили палатку протовестиария Иоанна и нашли в ней сапоги лягушачьего цвета, принадлежавшие протовестиарию; всю ночь они потешались над ромеями (р. 672. 8–11).

Таким образом, цветовая гамма не безразлична для Никиты Хониата. Но цвет для него – не элемент действительности, которую художник воспроизводит с большей или меньшей достоверностью. Цвет – средство передать свое отношение к действительности, и сколько бы ни была значительной тенденция к натуралистичности хроматических характеристик («цвет желчи», «лягушачий»), они всегда или почти всегда несут в себе этическую оценку, что чрезвычайно характерно для средневекового писателя. Вместе с тем, оставаясь в рамках средневековых этико-эстетических категорий, Хониат время от времени выходит за пределы общеобязательных стереотипов и использует хроматические характеристики для критики чуждых ему общественных явлений, в том числе и императорского церемониала.

Впервые опубликовано: Византия, южные славяне и Древняя Русь. Искусство и культура. М., 1973. С. 132–135.

¹ Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. I. М., 1947. С. 109.

² Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs. Т. II. Paris, 1881. P. 200. 67–68.

³ Nicetas Choniatas. Historia. Bonnac, 1835. P. 142. 17. Далее все ссылки на это издание даются в тексте.

- ⁴ *Nikolaos Mesarites*. Description of the Church of the Holy Apostels at Constantinople / Ed. G. Downey // Transactions of American Philosophical Society. 47. 1957. P. 902 (глава XIV, § 8).
- ⁵ *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 84–90.
- ⁶ *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. I. München, 1968. S. 28–30.
- ⁷ Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs. T. II. P. 739 D.
- ⁸ *Sathas C.* Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. I. Venetia, 1872. P. 91. 7–8.
- ⁹ *Никита Хониат*. История. Т. I. СПб., 1860. С. 243.
- ¹⁰ *Pseudo-Kodinos*. Traité des offices. Paris, 1966. P. 149. 5–6.

DER KÖRPER IM GESCHICHTSWERK DES NIKETAS CHONIATES

Was wissen wir über die Körpervorstellung der Byzantiner, was dachten die Byzantiner über ihre Körper? Ich spreche nicht aus einer theologischen Sicht heraus über den Körper als *corpus Christi*, auch nicht im ethischen Sinne über den sündigen (oder sündenfreien) Körper – nein, es geht mir schlicht und einfach um den «fleischlichen» Körper, den Leib mit Haut und Knochen. Welchen Platz nahm er ein in der byzantinischen Weltansicht? Welche seiner irdischen Funktionen waren für die Byzantiner interessant?

Ich kann auf diese Frage keine globale Antwort geben. Daher will ich mich zunächst auf die Untersuchung eines einzigen Werkes, nämlich der «Geschichtlichen Erzählung» (Χρονική διήγησις) des Niketas Choniates (gest. 1217; s. auch Abb. 2), beschränken¹.

Selbstverständlich wäre es ein vergebliches Unterfangen, bei Choniates eine Theorie des Körpers zu suchen – seine Geschichte ist nicht philosophisch orientiert. Und doch sind seine Helden Menschen von Fleisch und Blut, und, was wahrscheinlich noch wichtiger ist: Choniates denkt oft in körperbezogenen Metaphern. Sein Wortschatz, nicht eine Theorie von ihm, wird der Gegenstand meiner folgenden Analyse sein².

Der Hauptbegriff für den Körper (Organismus) ist bei Choniates das Wort *σῶμα*, das in seiner Geschichte überaus häufig (150mal) erscheint³. *Soma* ist ein Ganzes, das verschiedene Teile beziehungsweise Glieder hat: *μέρη, ἄρθρα, βάθρα, ἄκρα, ἀκρωτήρια* (τοῦ σώματος). Auch über einzelne Teile des Körpers spricht Choniates: vom Hinterteil (τὸ ὀπισθεν τοῦ σ.)⁴, von den «Lichtern» beziehungsweise Augen⁵, von der Leier (βάρβιτος, gemeint ist die Stimme)⁶ und von den Knochen

des Körpers⁷. Zweimal finden wir das *soma*, das seiner Glieder beraubt wurde, zum Beispiel ἄκορσα σώματα⁸. Choniates spricht auch über die Funktionen des ganzen Körpers: Das Standbild der Athena wirkte so lebendig, als wäre ihr ganzes *soma* von Blut durchströmt⁹; durch das ganze *soma* des ungarischen Königs Stefan IV. ergoß sich das Gift¹⁰.

Mehrmals beschreibt Choniates die physischen Qualitäten, die «Form» des Körpers – seine πλάσις, διάθεσις, μορφώματα¹¹. Das *soma* konnte groß sein (7mal)¹², heldenhaft (3mal)¹³, wohlgestaltet (5mal)¹⁴, erstaunlich (1mal)¹⁵, stark (8mal)¹⁶. Er spricht auch über die Erhaltung und Bewahrung des *soma*¹⁷, besonders aber achtet er auf dessen Schwäche, Krankheit und Wunden¹⁸, dreizehnmal finden wir tote Körper (σώματα) erwähnt¹⁹.

Nur fünfmal ist von der Beziehung des *soma* zur Seele die Rede: Einmal erscheint es mit ihr in Verbindung stehend²⁰, viermal jedoch als von der Seele geschieden²¹. Die Kleidung des Körpers hingegen findet bei Choniates mehr Aufmerksamkeit, er spricht zehnmal über ein bekleidetes *soma*²² und nur dreimal über ein nacktes²³.

Soma wird auch metaphorisch gebraucht, nämlich für ein Ding oder eine Sache (σ. στερεόν und so weiter)²⁴, für einen Gefangenen²⁵ und für einen Menschen im allgemeinen²⁶. Theologisch bezeichnet es in erster Linie (7mal) das geweihte Brot²⁷, und nur einmal erscheint es im Kontext der Auferstehung²⁸. Außerdem wird *soma* adverbial benützt²⁹.

Einmal gebraucht Choniates das Wort σωματίον³⁰, aber nicht im diminutiven Sinne, und elfmal das Adjektiv σωματικός³¹, das auch, wie *soma*, meistens im Kontext von Qualitäten, Schönheit, Verletzung und Kleidung des Körpers begegnet. Zweimal kommt das Adjektiv im Kontext der körperlichen, physischen Bedürfnisse (χρεῖαι) vor³² und einmal im Kontext der Dienstleistung (ὑπηρεσία)³³.

Das Wort δέμας, der Körperbau, erscheint bei Choniates zweimal in einem Iliaszitat (5: 801) «klein von Statur»³⁴ und einmal in einer Bemerkung über die Schwäche oder Empfindlichkeit (εὐπαθές) des menschlichen Körpers³⁵. Auch das Wort σάρξ, Fleisch, Leib, Körper, wird benützt: Zweimal spricht Choniates von der *sarx Christi*³⁶; zweimal bezeichnet es den Stoff, aus dem Heilmittel angefertigt werden³⁷; aber zweimal erscheint es in Verbindung mit dem leidenden menschlichen Leib³⁸. Das verwandte σαρκίον heißt einmal die Fleischspeise, die von Kyklopen gefressen wird³⁹; ein andermal spricht Choniates über das schwache und weibliche *sarkion*⁴⁰. Das Adjektiv σαρκικός taucht nur einmal, im Kontext des Defekts (ἐλάττωμα), auf⁴¹.

Die *demas-sarx*-Wortgruppe ist innerhalb des hier behandelten, nach Büchern gegliederten Geschichtswerkes von Buch VII über

Manuel I. bis Buch II über Andronikos I. konzentriert; nur ein einziges Mal kommt *sarx* in Buch I über Alexios III. vor⁴². Wenn wir diese Verteilung mit derjenigen der *soma*-Gruppe vergleichen, können wir einen Unterschied feststellen: Es häufen sich zum Beispiel jene *soma*-Fälle, die (wie auch die *demas-sarx*-Gruppe) mit der Schwäche des menschlichen Körpers zu tun haben, in den zwei ersten Büchern über Ioannes II. und Manuel I. (12 Stellen)⁴³; danach kommen sie seltener vor (9mal von Buch II über Manuel I. bis zum Buch über Alexios II.)⁴⁴, um wieder in den Büchern über Andronikos I. bis zu Buch I über Isaak II. gebräuchlicher zu werden (14mal)⁴⁵; am Ende – von Buch II über Isaak II. an – haben wir nur 15 Stellen⁴⁶.

Zur allgemeinen Beschreibung des Körpers gehören auch die *μέρη* (ohne τοῦ σώματος), das heißt die Körperteile⁴⁷; in Verbindung mit dem Adjektiv *καίριον* beziehungsweise *καίρια* (4mal) bezeichnen sie die Stellen, wo eine Wunde tödlich ist⁴⁸. Choniates spricht auch über die Genesung (*ὑποχάλασις*) des leidenden *meros* und zweimal über das *meros* als den hinteren, dem Kopf entgegengesetzten Teil des Leibes. Ein anderes Wort für einzelne Leibesglieder ist *μέλος* (7mal)⁴⁹, wobei es zumeist als unanständig, unpassend, krank oder verwest bezeichnet wird. Einmal benützt Choniates das Wort *κῶλον*⁵⁰, als von den Gliedmaßen der gefallenen Perser die Rede ist. 'Ακρωτήρια, die äußersten Gliedmaßen, erscheinen einmal, und zwar «wie Weinstöcke» beschnitten⁵¹.

Zur Bezeichnung des Kopfes gibt es mehrere Worte. So *κεφαλή* (91 mal), für Tiere, Statuen, vor allem aber den Menschen, besonders oft im Kontext der Kopfbedeckung und Frisur (33mal)⁵²; vierzehnmal erwähnt Choniates *kephale* im Kontext der Gestik, so zum Beispiel die *κατάνευσις* (Zunicken) der *kephale*⁵³. Sechzehnmal begegnet die *kephale* im Zusammenhang mit Schlägen auf (oder gegen) den Kopf beziehungsweise mit Enthauptung⁵⁴ und mit einer Krankheit⁵⁵. Wir stoßen bei Choniates auch auf die metonymische Benützung dieses Wortes – als Leben,⁵⁶ Person⁵⁷ und vorderste Abteilung der Armee⁵⁸ – und auf seine adverbiale Verwendung (mit und ohne Präposition), um die Lage («über den Kopf»)⁵⁹ oder Rücksichtslosigkeit zu bezeichnen⁶⁰.

Das Wort *κορυφή* (6mal), das auch die Spitze bedeutet, bezeichnet gelegentlich den menschlichen Kopf⁶¹ oder den Raum über dem Kopf⁶². Die Worte *κάρη* und *κάρα* kommen siebenmal vor, primär im Kontext der Gestik⁶³; *κάρηνον* wird nur einmal erwähnt, als von den vielen Köpfen der Hydra gesprochen wird⁶⁴. *Κόρη* aber findet sich nur im Kontext der Enthauptung, des Schlages gegen den Kopf oder des Vom-Hals-Getrennt-Seins, insgesamt in vier Fällen⁶⁵.

Κράνιον, der Scheitel des Kopfes, wird fünfmal erwähnt: zweimal in dem Kontext der Gestik⁶⁶, zweimal in dem des Schlages⁶⁷ sowie einmal als abgeschlagener Kopf⁶⁸. An derivativen Formen begegnen hier ἐπικράνιος (im Zusammenhang mit der Kopfbedeckung)⁶⁹ und τρικάρηνος, «dreiköpfig», mit Anspielung auf Kerberos⁷⁰. *Kranion*, *korse* und *karenon* (samt Derivativa) kommen nur im zweiten Teil des Geschichtswerks vor, also ab Buch II über Andronikos I.

Κρόταφος schließlich, die Schläfe wird zweimal metonymisch gebraucht, einmal für den Kopf selbst, und dann für den ein Geweih tragenden Kopf eines Tieres, hier jedoch um auf einen «Gehörnten» anzuspitzen (s. auch M. Psellos, ed. K. Sathas, Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, Bd. 5. Venedig und Paris 1876 [Ndr. Athen 1972], 525₅, nach G. Fatouros, *JÖB* 26 [1977] 124)⁷¹. Das Adjektiv ἐπικροτάφιος, das nur einmal in dem Begriff *epikrotaphion kathema*, Schläfenband, vorkommt⁷², scheint ein Neologismus Choniates' zu sein.

Im Unterschied zum Kopf oder Haupt ist die Bezeichnung des Gehirns sehr selten – nur einmal treffen wir auf das Wort ἐγκέφαλος⁷³.

Für das Gesicht benutzte Choniates πρόσωπον (45mal) und – ὄψις (64mal). Beide Wörter bezeichneten primär das Aussehen, wie zum Beispiel χαροπὸς τῷ προσώπῳ⁷⁴ oder χαρίεις τὴν ὄψιν⁷⁵. Beide Wörter konnten, wenn auch selten das Pferdemaul bezeichnen⁷⁶. Für Gott⁷⁷, aber auch für den Menschen⁷⁸, als Person wird ausschließlich *prosopon* gebraucht. Metaphorisch hatte dieses Wort den Sinn der Frontlinie, Oberfläche und der Maske⁷⁹; es bezeichnete auch die unmittelbare Nähe (besonders des Kaisers): Ioannes Hagiotheodorites zum Beispiel «hielt sich ständig im Gesichtskreis des Kaisers auf»⁸⁰. Viermal spricht Choniates von *prosopon tu basileos* in diesem Sinn⁸¹; einmal sagt er, Andronikos I. habe seine Tochter Eirene aus seinem *prosopon* entfernt⁸², und ein andermal gebraucht er das Wort beim Zitieren von Malachias 3: 1⁸³. Bei *opsis* schwingt das Sehen mit: sechs- oder siebenmal steht das Wort für Augen⁸⁴, siebenmal für die Wahrnehmung durch Augen⁸⁵. Es bezeichnet auch das Objekt des Sehens: das Aussehen («du siehst aus wie eine Hure»)⁸⁶, das Bild⁸⁷, die Audienz⁸⁸, und die Beobachtung («als Lehrer über das, was vorging»)⁸⁹. Mit verschiedenen Präpositionen wird *opsis* gebraucht, um die Nähe zu bezeichnen, aber sehr selten die zum Kaiser⁹⁰.

Die veraltete Vokabel ὤψ (Antlitz) kommt nur in einem Zitat (Ilias 3: 158) vor⁹¹, und ebenso kommt ῥύγχος ([Schweins]rüssel) nur einmal vor⁹².

Mehrere Worte werden für verschiedene Teile des Gesichts gebraucht.

Μέτωπον, die Stirn, wurde elfmal benutzt, wobei einmal vom Pferd die Rede ist⁹³, dreimal von der menschlichen Stirn⁹⁴, meist jedoch – in übertragener Bedeutung – von der Vorderseite eines Helmes⁹⁵ oder der Frontlinie einer Armee⁹⁶. Βρεχμός, der (Ober-) Schädel, kommt dreimal vor, immer bei der Beschreibung des Fallens nach Ilias 5: 586⁹⁷. Παρειά, die Wange, kommt achtmal vor, entweder um eine jugendliche Erscheinung zu betonen oder im tragischen Kontext des Weinens, des Todes und einer Wunde⁹⁸.

Ὁφθαλμός, das Auge, wird einhundertmal benutzt, meistens, um das Blicken oder Sehen zu bezeichnen⁹⁹. Spezielle Fälle sind: Weinen (6mal)¹⁰⁰, Schlaf/Traum (6mal)¹⁰¹, Blendung und Tod (22mal)¹⁰². Das Wort kann auch synekdochisch gebraucht sein, um menschliche Charakterzüge darzustellen, wie zum Beispiel unverschämte Augen der Lateiner¹⁰³. Dreimal spricht Choniates vom allessehenden Auge Gottes¹⁰⁴, und einmal steht *ophthalmos* metaphorisch für das Wertvollste, und zwar in dem Ausdruck «Augapfel aller Städte»¹⁰⁵. Mit verschiedenen Präpositionen bezeichnet *ophthalmos* entweder physische Nähe oder ein augenscheinliches Phänomen¹⁰⁶. Πρὸ ὀφθαλμῶν ἔχω auch «betrachten»¹⁰⁷. Ὀμμα wird, anders als *ophthalmos*, fast nie figurativ gebraucht. Das Wort erscheint fünfundzwanzigmal¹⁰⁸. Einmal als Pferdeauge¹⁰⁹, dann in einem Kontext, wo von Blendung (6mal)¹¹⁰ oder von Tränen (4mal)¹¹¹ die Rede ist. Nur einmal findet sich die Wendung «ὡς ἐξ ὀμμάτων οὖσαν τὴν ... αἰσχύνην ... ἀποτριψάμενος», das heißt «als wollte er ... die Schande ... auslöschen»¹¹². Das von *omma* abstammende πολυόμματος wird als Epitheton des Argos zweimal gebraucht¹¹³. Auch das Wort *opsis* (s. oben) konnte das Auge bezeichnen. Κόρη, die Pupille, erscheint achtzehnmal, meist im Kontext der Blendung¹¹⁴; außerdem erwähnt Choniates Leute, «die blutunterlaufene, verdrehte Augen» (*korai*) hatten¹¹⁵.

Die Augenterminologie scheint sich wie folgt zu verteilen: In den Büchern II–IV über Manuel I. sind *opsis* und *ophthalmos* dominierend (18 Fälle), doch von Buch VII über Manuel I. bis Buch I über Alexios III. *ophthalmos* und *omma* (69mal). *Kore* ist fast nur in dem Buch über Alexios II. und im folgenden bis Buch I über Isaak II. (11 mal) zu finden. Im Schlußteil kommt das Auge selten vor, auch der häufigste Begriff, *ophthalmos*, wird nur noch zwanzigmal erwähnt.

Nun zu den Teilen des Gesichts. Ὀφρύς, die Augenbraue (16mal)¹¹⁶, deutet oft (8mal)¹¹⁷ den Stolz an, einmal bei Betonung des finsternen Schauens¹¹⁸; ῥίς, die Nase, kommt elfmal vor¹¹⁹, davon einmal die des Kamels¹²⁰; das sprichwörtliche ἀπὸ ῥινὸς ἔλκω (3mal) hieß «an der Nase herumführen»¹²¹. Οὖς, das Ohr (55mal)¹²², hat meist die physische Bedeutung des Organs des Hörens¹²³, wobei sich letzteres

in drei Fällen auf Gerüchte bezieht¹²⁴. Spezifische Ausdrücke sind ἄκροις ὥσιν (oft mit Negation), um die Aufmerksamkeit (oder das völlige Ignorieren) zu bezeichnen¹²⁵, und τὰ ὠτα βύω, die Ohren verstopfen¹²⁶. Zweimal kommt das Wort metaphorisch vor, um die Henkel einer Amphore oder eines Fasses (*pithos*) zu bezeichnen¹²⁷. Auch das Wort ὠτίον wird – ohne jede diminutive Bedeutung – gebraucht (5mal)¹²⁸, besonders in der Wendung εἰς ἀκοὴν ὠτίου, «zu Ohren kommen»¹²⁹. Die Ohren-Terminologie ist mehr in der Mitte, zwischen Buch VII über Manuel I. und Buch I über Alexios III. (34 Stellen), vertreten. Auch μῆνυξ, das Trommelfell ist einmal bezeugt¹³⁰.

Στόμα, der Mund, wird des öfteren (31mal) erwähnt¹³¹, davon fünfmal in der Bedeutung von (Tier-)Maul¹³². Das Wort wird oft mit dem Wort *glotta*, die Zunge, verbunden und bezeichnet dann die Fähigkeit zu sprechen¹³³; man kann auch Wendungen wie «den Arm zum Mund führen»¹³⁴ oder «auf den Mund fallen» begegnen¹³⁵. Figurativ bezeichnet *stoma* den Wortführer (des Senats)¹³⁶, den Eingang zum Meer¹³⁷ und die Schneide (des Schwerts)¹³⁸. Χεῖλος, die Lippe, kommt ebenfalls öfter vor (25mal): physisch, als ein Teil des Gesichts¹³⁹; als ein Organ der Stimme¹⁴⁰; oft (9mal) in Verbindung mit dem Gedanken der Ehrlichkeit oder Unredlichkeit¹⁴¹. Metaphorisch bezeichnet das Wort den Rand eines Beckens¹⁴². Außerdem spricht Choniates vom Bollwerk der Lippen sowie über Pfeile, die mil dort, unter den Lippen, gelagertem Gift getränkt abgeschossen wurden¹⁴³. Zum Thema des Mundes gehören auch die Worte für den Kiefer (Kinnbacken): σιαγών (1mal)¹⁴⁴ und γνάθος (2mal).¹⁴⁵ Das Wort κόρρη, bei Choniates von *korse*, Kopf (s.oben), unterschieden, kommt zweimal in der Wendung «eine Ohrfeige geben» vor¹⁴⁶. Der häufigste Begriff für den Zahn ist ὀδούς (23mal)¹⁴⁷, wobei in sieben Fällen die Zähne als Waffe (oder als «Gehege» der Zähne) verstanden werden, durch die (beziehungsweise von dem aus) die Schimpfwörter abgeschossen werden¹⁴⁸; in weiteren sieben Fällen wird die Erwähnung der Zähne mit Angst oder Murren verbunden, wie beim homerischen «vor Furcht mit den Zähnen klappern» (Ilias 13: 283)¹⁴⁹. Zweimal kommen *odontes* als Fangzähne der Tiere vor¹⁵⁰; in dieser Bedeutung begegnen auch μύλη¹⁵¹ und γομφίος¹⁵² (je 1mal). Dreimal finden wir χαυλιόδους, «mit hervorstehenden Zähnen», als Epitheton des Ebers¹⁵³, und einmal προνομία, den Elefantenrüssel¹⁵⁴. Schließlich gehört hierher auch das einmal erwähnte Wort ὑπερώη, der Gaumen¹⁵⁵.

Choniates gebraucht τράχηλος und αὔχην, um den Hals oder Nacken zu bezeichnen (10–12mal). *Trachelos* wird primär mit dem Bild der (beziehungsweise des) um den Hals gelegten Kette oder Stricks verbunden¹⁵⁶ und zweimal mit dem Akt des Unterwerfens¹⁵⁷; *auchen* steht

fünfmal im Zusammenhang des (sich) Unterwerfens¹⁵⁸, in anderen Fällen aber geht es um den Nacken eines Pferdes¹⁵⁹ oder um Leute (etwa Lateiner), deren Stolz betont werden soll¹⁶⁰. Die Worte ἐπανχένιος, «auf dem Nacken», und ἐριαύχην, hochnackig, werden auch auf Pferde angewandt – homerisches *eriauchen* ist ein Attribut edler Rosse (2mal)¹⁶¹ und *epauchenios* dient (3mal) zur Beschreibung von Mähnen¹⁶². Homerisches δολιχόδειρος, langhalsig, wird auch dreimal gebraucht¹⁶³. Für die Kehle beziehungsweise den Schlund sagt Choniates φάρυγξ (7mal)¹⁶⁴, λαιμός (2mal)¹⁶⁵ und οἰσοφάγος (1mal)¹⁶⁶.

Verschiedene Wörter dienen zur Bezeichnung der Haare. Κόμη, das Haupthaar (16mal), steht zweimal für die Mähne (von Pferd oder Löwe)¹⁶⁷ und einmal metaphorisch für die Blätter von Palmen¹⁶⁸; meistens aber ist *kome* mit dem Begriff der Blondheit verbunden oder es steht bei Beschreibungen der Frisur¹⁶⁹. Das poetische ἀκερσεκόμης, «mit ungeschorenem Haupthaar», kommt einmal vor¹⁷⁰. Θρίξ (22mal) bezeichnet das menschliche Haupthaar und erscheint, wie *kome*, im Kontext der Frisur¹⁷¹. Anders als *kome* enthält *thrix* aber eine «soziale» Komponente, die auf die Züchtigung wie auch auf die Scherung zum Mönch (das Tonsurieren) verweist¹⁷². *Thrix* wird auch für tierisches Haar¹⁷³ benutzt sowie für das menschliche Brusthaar¹⁷⁴. Von *thrix* leiten sich τρίχωμα und τρίχωσις her, die das Haupthaar bezeichnen (3mal)¹⁷⁵; außerdem das homerische καλλίθριξ, «schönmähnig» (2mal)¹⁷⁶. Zu diesem Kreis gehört auch πλοχμός, Locken oder geflochtenes Haar (3mal)¹⁷⁷. Während *kome* selten in den mittleren Büchern des Geschichtswerks, das heißt den Büchern über Alexios II. bis Buch I über Isaak II., zu finden ist, begegnet man *thrix* und *trichoma* hier zehnmal. Umgekehrt dominiert in den ersten Büchern *kome*, während *thrix* dort selten vorkommt; *plochos* ist nur am Ende des Werkes zu finden.

Um die Behaartheit zu bezeichnen, hat Choniates – zumeist im Hinblick auf Löwen – die Worte λασιαύχην (1mal)¹⁷⁸ und λάσιος (3mal)¹⁷⁹ verwandt, im Hinblick auf Menschen hingegen λαχνούμενος (1mal)¹⁸⁰ und λαχνήεις (2mal)¹⁸¹. Φαλάκρα, die Glatze, kommt zweimal vor¹⁸².

Für den Bart benutzt Choniates verschiedene Worte: πώγων (7mal)¹⁸³, γένειον (9mal)¹⁸⁴ und γενειάς (1mal)¹⁸⁵. Das Wort γένυς, der Kinnbacken/Kiefer (s. oben) in der klassischen Sprache, erscheint einmal als der Mund samt Zähnen¹⁸⁶, viermal als das Tiermaul¹⁸⁷ und dreimal mit der neuen (?) Bedeutung «der Bart»¹⁸⁸. Mit dem Thema des Bartes sind folgende andere Worte verbunden: βαθυπώγων, langbärtig¹⁸⁹, ὑπηνήτης, der Bärtige¹⁹⁰ und ἱουλος, die erste Spur des Barthaars¹⁹¹, die einmal beziehungsweise dreimal beziehungsweise

viermal vorkommen. Die Bart – Terminologie ist überwiegend in dem Abschnitt von Buch VII über Manuel I. bis Buch I über Isaak II. anzutreffen (17 Stellen), während sie sich in den ersten Büchern nur fünfmal und in den letzten Büchern zehnmal findet; davon müssen wir aber drei Stellen abziehen, wo Choniates vom *genys* (Maul) spricht. *Geneion* und *genys* erscheinen viermal im Kontext der Züchtigung (den Bart ergreifen oder ausrufen)¹⁹², der *pogon* aber nur einmal¹⁹³. Choniates beschreibt oft die Form des Bartes (besonders beim *pogon*)¹⁹⁴ und spricht über den Bart als ein Merkmal der Mönche («langbärtige Mönche»)¹⁹⁵, kann sich aber für den Bart nicht begeistern. Der erste Bartflaum wird siebenmal erwähnt.

Von der Haut ist selten die Rede. Das Wort *χρῶς* bezeichnet, mit *τρέπομαι* verbunden, dreimal den Zustand der Angst¹⁹⁶ und erscheint viermal in der Wendung *ἐν χρῶ*, «dicht/nah an/zur Haut»¹⁹⁷. Einmal kommen auch *ἐπιδερμῖς*, die Oberhaut¹⁹⁸, sowie *ὕμην*, das Häutchen, vor¹⁹⁹, und zweimal *κάττυμα*, ein Stückchen Haut²⁰⁰ oder – metaphorisch – der Beruf des Schuhmachers²⁰¹.

Ὅστέον, der Knochen (5mal), wird nur in bezug auf den Leichnam gebraucht²⁰², ὀστώδης, knochig, hingegen nur für die zerbrochenen Knochen des armen Ikaros²⁰³. Auch *μῦς*, der Muskel, begegnet nur einmal²⁰⁴ und ebenso *νεῦρον*²⁰⁵, das wie *τένων* (2mal)²⁰⁶ die Sehne bedeutet. Ἀρθρον, das Gelenk, kommt viermal vor, im Kontext der Krankheit²⁰⁷.

Viel häufiger als von Haut, Knochen oder Sehnen spricht unsere Quelle von den sichtbaren Gliedern des Leibes. ὤμος, die Schulter (19mal), wird oft als ein Platz genannt, auf dem etwas getragen wird – das Kleid, die Waffen oder das Kreuz(zeichen)²⁰⁸. Viermal jedoch erscheint das Wort im Kontext der Züchtigung (Prügel)²⁰⁹ oder des Fallens, beim homerischen «kopfüber auf Schultern und Schädel» (s.oben: *brechmos*)²¹⁰. Das Adjektiv *ἐπωμάδιος*, auf den Schultern (3mal), begegnet zweimal in Verbindung mit dem *stauros*²¹¹, dem Kreuz(zeichen), und das Adverb *κατωμαδόν* (1mal) taucht bei der Erwähnung von Soldaten auf, die ihre Streitaxt «auf den Schultern» tragen²¹².

Besonders häufig ist die Vokabel *χεῖρ*, die die Hand oder den Arm bezeichnet (266mal). Sie kann hierbei folgendes bedeuten: ein Glied des Leibes²¹³, das amputiert oder abgehackt worden ist²¹⁴, eine haltende²¹⁵, oft die Waffe haltende²¹⁶ Hand; ein Mittel zur Gesticulation²¹⁷, zum Angriff²¹⁸ oder zur Verteidigung.²¹⁹ Im übertragenen Sinn gebraucht Choniates das Wort, wenn er von der feindlichen *cheir* spricht²²⁰, insbesondere bei der Beschreibung solcher Feinde, durch die Byzantiner in Gefangenschaft geraten; und wenn es ihm um

Befreiung von «den Händen» (der Verfolger und so weiter) geht²²¹, um Verfügungsgewalt oder Besitz²²² und um die greifbare Nähe²²³, sowie um Stärke, Tapferkeit, Geschicklichkeit und Willen²²⁴. Elfmal finden wir die Hand Gottes²²⁵. Die spezielle Wendung οἱ ὑπὸ χειρᾶ bezeichnet die Untertanen²²⁶. *Cheir* konnte auch die militärische Truppe bedeuten²²⁷ – diese Stelle zähle ich hier nicht mit. Von *cheir* sind zwei Worte abgeleitet: χειροπληθής, die Hände füllend, und πολύχειρ, vielhändig. Beide kommen nur in klassischen Redewendungen vor: «...der eine Handfläche ausfüllende Stein» (3mal)²²⁸ und “vielhändig und vielfüßig” (2mal)²²⁹.

Βραχίων (7mal) bedeutet entweder den Arm oder den Teil des Armes, der der Schulter am nächsten ist. Choniates spricht von den Händen, die ἐκ βραχιόνων abgehackt worden sind²³⁰, von einer Geschwulst, die von den Fingern her eine Hand und den Arm befallen hatte²³¹. *Brachion* kann mit dem Thema der Kleidung beziehungsweise Nacktheit verbunden sein²³² und außerdem Stärke (auch die Gottes: s. Ps. 135: 12) symbolisieren²³³.

Δεξιᾶ, die rechte Hand (14mal), ist die Hand Gottes – Choniates folgt hier der Terminologie der Psalmen (76: 11; 88: 26),²³⁴ häufiger aber erscheint sie als bewaffnete Hand²³⁵ und nach Ps. 143: 8,11 spricht der Historiker von «der Rechten des Unrechts»²³⁶. Ἀγκάλη, der Ellenbogen kommt dreimal vor, und zwar nur in der Wendung «mit gestrecktem Ellenbogen», das heißt «mit offenen Armen»²³⁷. Andere Worte für Teile des Armes sind: ἄγκών (1mal)²³⁸, Ellenbogen; πῆχυς (2mal), der Unterarm, auch als Längenmaß (Elle) gebraucht²³⁹; καρπός (3mal), Handgelenk²⁴⁰; παλάμη (3mal), Handfläche²⁴¹; πυγμή (3mal), Faust²⁴², nut dem Adverb πύξ (1mal): mit geballter Faust²⁴³.

Häufiger werden die Worte für «Finger» gebraucht, besonders δάκτυλος (19mal)²⁴⁴, doch das Wort kann auch den Finger eines Handschuhs bedeuten²⁴⁵. Instrumentales τῷ δακτύλῳ hatte einen metaphorischen Sinn: «leicht nach seinem Willen»²⁴⁶; und nach Ps. 143: 1 spricht Choniates von «zum Kampf [geübten] Fingern»²⁴⁷. Es kommen auch spezielle Worte vor: λιχνός (3mal), Zeigefinger²⁴⁸, ἀντίχειρ (1mal), Daumen²⁴⁹, sowie ὄνυξ (4mal), ein Wort, das den menschlichen Nagel und die Krallen beziehungsweise Klaue eines Adlers oder Löwen bezeichnen kann²⁵⁰. Das sprichwörtliche ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων, «von zarter Jugend auf», begegnet einmal im Text²⁵¹.

Πούς, der Fuß oder das Bein, ist auch ein oft (128mal) gebrauchtes Wort, wobei in sechzehn Fällen Hufe (beziehungsweise Pfoten) von Pferden und anderen Tieren gemeint sind²⁵². Vom menschlichen πους ist zumeist die Rede, wenn es um das angezogene Schuhwerk²⁵³ oder um Bewegung oder Stehen geht (dabei wird fünfmal vom Tanzen

gesprochen)²⁵⁴ oder um das Ausstrecken²⁵⁵. Selbstverständlich wird der *pus* auch in dem die Flucht umschreibenden Bild «mit Schnelligkeit der Füße das Leben erkaufen» erwähnt²⁵⁶. Fünfmal finden wir kranke oder schmutzige Füße²⁵⁷, und fünfzehnmal erscheint das Wort im Kontext der Bestrafung²⁵⁸. Mit Präpositionen verbunden, bezeichnet das Wort das in Raum und Zeit Nächstgelegene²⁵⁹; dazu gehört auch der Ausdruck τὰ ἐν ποσὶ (9mal): die von den Feinden geplünderten Gebiete²⁶⁰. Schließlich dient *pus* noch zur Beschreibung des Fußtritts oder der schnellen Gangart (5mal)²⁶¹ und wird zweimal im Text als Längenmaß angeführt²⁶². Von *pus* ist πολύπους, vielfüßig, hergeleitet, was zweimal zusammen mit *polycheir* (s. oben) vorkommt²⁶³.

An Einzelpartien der Beine werden genannt: σκέλος, Schenkel (1mal);²⁶⁴ μηρός, der Oberschenkel (5mal)²⁶⁵; γόνυ, Knie (21mal). Letzteres erscheint in bekannten Verbindungen: kranke und matte Knie²⁶⁶, Kleidung bis zum Knie²⁶⁷, von den Knien an abgehackte Beine²⁶⁸. Kennzeichnend für *gony* ist das Thema der Bewegung: sechsmal verwendet Choniates das Wort für das Beugen der Knie als ein Zeichen der Unterwerfung²⁶⁹. Wenn es aber in einem Ausdruck für das Ausruhen vorkommt²⁷⁰ oder in dem Zusammenhang, daß ein Pferd stolpert und dann «im Knie einknickt»²⁷¹, fehlt gänzlich das Element der Ehrfurcht. Metaphorisch kann eine Stadtmauer, ja sogar das Reich der Rhomäer auf die Knie gezwungen werden oder in die Knie gehen²⁷². Keine Rücksicht auf die traditionelle Bedeutung des Kniebeugens nimmt die Beschreibung der Flucht Andronikos' I. nach Galiz: Er steckte einen Stock mit seinem Hut und Mantel darauf in den Boden, so daß es aussah, als würde dort ein Mensch in der Hocke («das Knie beugend») seine Notdurft verrichten²⁷³. Das nachklassische Wort γονυκλισία, Kniebeuge/Kniefall, taucht nur einmal auf²⁷⁴, ebenso wie ἐπιγονίς, Oberschenkel, was hier übertragen soviel wie Stärke bedeutet²⁷⁵. Des weiteren ist κνήμη, Unterschenkel, sechsmal²⁷⁶ im Text zu finden und γαστροκνήμις (eine vom klassischen γαστροκνήμη abweichende Form), Wade, zweimal²⁷⁷. Σφυρόν, Fußknöchel, kommt einmal vor²⁷⁸, doch gibt es noch zwei von ihm abgeleitete Adjektive: ἐπισφύριος, zu den Knöcheln gehörend (1mal)²⁷⁹, sowie das homerische καλλίσφυρος, mit zierlichen Fesseln oder schönfüßig (2mal), als Attribut der «Lakonierin» Helena²⁸⁰. Ἀστράγαλος, bedeutet einmal das gleiche wie Knöchel²⁸¹, an anderer Stelle bedeutet es aber, im übertragenen Sinn, Peitsche, da man Knöchel in Peitschen eingeflochten hat²⁸². Für die Fußsohle verwendet Choniates die Worte ταρσός (1mal)²⁸³ und πέλμα, wobei dieses entweder die menschliche Sohle bedeutet (3mal)²⁸⁴ oder den Huf eines Tieres (2mal)²⁸⁵. Ein anderes Wort für Huf ist ὄπλη (4mal)²⁸⁶. Πτέρνα oder πτέρνη, erscheint zweimal im Zitat der (oder

in Anspielung auf die) sprichwörtliche/n Wendung (Pseudo-De-mosthenes 7: 45) «ein zertrampeltes Gehirn in den Fersen tragen»²⁸⁷ und zweimal metaphorisch, um die «niedrige», unrechte Tätigkeit zu kennzeichnen²⁸⁸. Einmal schließlich kommt λάξ vor: mit dem Fuß (tretend)²⁸⁹.

Für die Brust benutzt Choniates die Worte στήνιον (6mal)²⁹⁰ und στήθος (9mal)²⁹¹; beide Worte können auch die Brust eines Tieres bezeichnen und werden synonym gebraucht, doch nur mit *stethos* wird der Sitz der Gefühle bezeichnet²⁹². Die Adjektive ἐπιστήθιος (1mal)²⁹³ und ἐνστήθιος (1mal)²⁹⁴ sind nachklassisch und bedeuten: in oder auf der Brust. Πλευρόν (3mal)²⁹⁵ oder πλευρά (6mal)²⁹⁶ heißt die (jeweilige) Seite des menschlichen Leibes, aber *pleura* konnte auch eine Örtlichkeit bezeichnen, wie zum Beispiel den nördlichen Teil einer Stadt²⁹⁷. Μαζός, Männerbrust²⁹⁸, und μαστός, Mutterbrust²⁹⁹, kommen je einmal vor. Μάλη, Achselgrube (1mal)³⁰⁰, ist klassisch; γλυφίς (1mal)³⁰¹ hat in unserer Quelle die gleiche Bedeutung, während es klassisch an sich die Kerbe am Pfeil bezeichnet. F. Grabler hat gemeint, Choniates babe *glyphis* mißverstanden³⁰².

Νῶτος bedeutet bei Mensch und Tier den Rücken (26mal); der Rücken des Tieres erscheint meist in der Mehrzahl (aber einmal sagt Choniates auch *ho notos* von einem Pferderücken)³⁰³. Das Wort kann außerdem das (Fleisch-)Rückenstück bezeichnen (so beim Zitat Odys. 14: 437)³⁰⁴. Als menschlicher Rücken kommt *ho notos* achtmal vor³⁰⁵, wobei in drei Fällen vom Prügeln κατὰ νότον die Rede ist³⁰⁶. Übertragen bedeutet letzteres «von hinten/unmittelbar hinter»³⁰⁷, während pluralisches *ta nota* im Kontext einer Rückzugsbewegung, besonders der Flucht («den Rücken zeigen»), verwendet wird (10mal)³⁰⁸. Man begegnet auch einigen Derivativa von *notos*: νωτιαῖος, zum Rücken gehörig (1mal)³⁰⁹; ἐπινώτιος, auf dem Rücken (2mal)³¹⁰; und νωτοφορέω, auf dem Rücken tragen (1mal)³¹¹. Λοφιά (3mal) bezeichnet die Nacken- oder Rückenborste(n) eines Tieres und metaphorisch einen Hügel³¹².

Ein von Choniates vielbenutztes Wort ist καρδία, Herz (39mal). *Kardia* ist das Hauptorgan des Körpers, besonders empfindlich gegen einen physischen oder moralischen Schlag (7mal)³¹³, zudem Sitz der Gefühle und Leidenschaften, besonders der Zerknirschung (6mal)³¹⁴; als Begriff für das Innerste ist *kardia* viermal mit Worten wie μυχός und ταμεῖον verbunden³¹⁵. Metaphorisch bedeutet es primär die Wahrheit im Gegensatz zu den betrügerischen Lippen beziehungsweise der Zunge (9mal)³¹⁶. Einmal kommt das Wort in der homerischen Form καρδίη (Zitat von Ilias 13: 282) vor³¹⁷.

Αἷμα, Blut, ist ebenfalls kein seltenes Wort bei Choniates (64mal, ohne Berücksichtigung der Stellen, an denen das Wort die Bedeutung

Blutsverwandtschaft besitzt). Meistens kommt es im Kontext des Blutvergießens vor³¹⁸, und nur siebenmal geht es um das Blut Christi, zumeist im Zusammenhang mit der Eucharistie (6mal)³¹⁹. Einmal ist vom ἰχώρ, dem Blutwasser einer Wunde, die Rede³²⁰. Ableitungen von *haima* sind: αἱματόεις, blutig (2mal)³²¹, αἱματώδης, blutähnlich (1mal)³²², ὕφαιμος, blutig beziehungsweise blutunterlaufen (3mal)³²³, αἱμάσσω, blutig machen (1mal) – hier im Zusammenhang mit einer Blendung gesagt³²⁴, und λειψαιμέω (1mal), verbluten (und sterben)³²⁵. Zu diesem Bereich gehören auch λυθρώδης, mit Mordblut besudelt, blutig (1mal)³²⁶, φλέψ, Blutader (6mal)³²⁷, ἀρτηρία, Schlagader (1mal)³²⁸ und σφυγμός, Puls³²⁹.

Nun zu den von Choniates erwähnten, nahe beim Herzen liegenden Teilen des Leibes und seinen inneren Organen: κοιλία (4mal) ist der Bauch und untere Leib im ganzen³³⁰, und speziell der Magen und der Mutterschoß; das Adjektiv heißt κοιλιακός, und bezieht sich, mit *nosema* (Krankheit) verbunden, auf den Magen/Darm-Trakt³³¹. Γαστήρ, Bauch, kommt vierzehnmal vor³³² und ein einziges Mal στόμαχος, Magen³³³. *Gaster* (und auch *stomachos*) hat die Nebenbedeutung von Gefräßigkeit, Völlerei; wie *koilia* kann es auch den Mutterschoß bezeichnen³³⁴, zudem war es mit der «niedereren» Tätigkeit des Leibes verbunden, das heißt mit den Fäkalien³³⁵; und der einmal vorkommende Ausdruck τὰ ὑπὸ γαστρός meint das männliche Glied³³⁶. Auch *koilia* konnte sich in der Nebenbedeutung auf die Schamteile erstrecken: Choniates sagt, die normannischen Eroberer von Thessalonike hätten in den Kirchen «den Schlauch ihres Unterleibes» entblößt und herumuriniert³³⁷.

Als Worte für die Hüfte und Taille begegnen uns ἰξύς (5mal)³³⁸ und ὀσφῦς (8mal)³³⁹; der Ausdruck οἱ ἐξ ὀσφύος; ist eine Umschreibung für «die Kinder»³⁴⁰. Im Inneren des Bauches befinden sich die Leber, ἥπαρ (2mal)³⁴¹, mit dem Leberlappen, λοβός (1mal)³⁴², und die Eingeweide, σπλάγχνα sind fünfmal das Ziel eines Angriffs³⁴³ und einmal der Mutterleib³⁴⁴; χολάδες kommen zweimal vor, davon einmal als «Exkremente der Gedärme»³⁴⁵; zweimal ist von ἐγκατα die Rede, die ein Schwert durchbohrte beziehungsweise ein (homerischer) Löwe zerriß³⁴⁶; ἔντερον (2mal) schließlich ist nicht nur, im Plural, das Gedärm³⁴⁷, sondern auch der Schoß (einer Dirne)³⁴⁸. Den Mutterleib nennt Choniates auch νηδύς (6mal)³⁴⁹ und – als Synonym zu *nedys* – μήτρα (1mal)³⁵⁰. Κενεών, die Weichen, kommt zweimal vor³⁵¹.

Für das Gesäß oder Hinterteil verwendet Choniates vier Begriffe: γλουτός (7mal)³⁵², πυγή (4mal)³⁵³ und je einmal πρωκτός³⁵⁴ und ἐξέδρα (letzteres hatte in der klassischen Sprache die Bedeutung des Sitzes, hier aber spricht der Historiker über einige Lateiner, die Andronikos

ihre Schwerter in den After trieben)³⁵⁵. Mit diesem Körperteil sind auch Wörter wie οὐρά (1mal)³⁵⁶ und οὐραῖον (4mal)³⁵⁷, Schwanz, verbunden. Verschiedene Worte dienen zur Bezeichnung der «Tätigkeit» des Hinterteils: ἀποκένωσις (1mal)³⁵⁸ und das Verb ἀποκενῶω (4mal)³⁵⁹, das Aus-, beziehungsweise Entleeren; ἀφοδεύω (1mal), Stuhlgang verrichten³⁶⁰; μινθῶω (1mal), mit Kot beschmieren³⁶¹; ἀπόπατος (1mal), Stuhlgang³⁶². Λῦμα bedeutet klassisch den Schmutz, bei Choniates erscheint es dreimal, stets im Ausdruck λ. τῆς γαστρος, Fäkalien³⁶³. Auch κόπρος, Kot oder Mist beziehungsweise Exkremente, und κοπρία, Misthaufen, tauchen je einmal auf³⁶⁴. In diesem Zusammenhang sei auch ἀποπέρδω (1mal), furzen, angeführt³⁶⁵ sowie mehrere Worte für das Erbrechen, Rülpsen, Speien: ἐμέω (2mal)³⁶⁶ und ἐξεμέω (1mal), sich übergeben, erbrechen³⁶⁷, ἐρυγγάνω, rülpsen (2mal)³⁶⁸ samt den verwandten Verben ἀπερεύγομαι³⁶⁹, ἀπερυγγάνω (1mal)³⁷⁰, ἐξέρεύγομαι (3mal)³⁷¹ und dem Substantiv ἐξέρημα, das Ausgespiene (2mal)³⁷². In mehreren Fällen werden diese Worte metaphorisch, zum Beispiel in Bezug auf einen Fluß, gesagt.

Βουβών (2mal) bedeutet die Scham- oder Leistengegend³⁷³. Auch das Wort σίφων, Röhre, konnte nach Liddell-Scott (LSJ) die *pudenda* bezeichnen, doch Choniates verwendet es an einer Stelle für den Vergleich «wie durch einen *siphon* des Gesäßes»³⁷⁴. An einer anderen Stelle im selben Textabschnitt gebraucht Choniates das Wort κρουνός, Springbrunnen, metaphorisch für die Ausscheidungsorgane im Schambereich³⁷⁵. Ansonsten findet man für letzteren beziehungsweise das Geschlechtsteil je einmal die Worte αἰδώς³⁷⁶ und ποδεών³⁷⁷. Bei dem nur einmal belegten und in den Lexika bislang nicht registrierten Substantiv κυλινδροφύλαξ (wörtl. «Rundkörperbewahrer»), das sich hier nur dem Wort *thylakos* (Sack) zur Bedeutung «Hodensack» verbunden hat³⁷⁸, handelt es sich wohl um einen Neologismus. Für «(be)pinkeln» und «verkoten» gebraucht Choniates die Verben ἐνουρέω (2mal)³⁷⁹ beziehungsweise χέζω (1mal)³⁸⁰.

Ebenfalls zur Sphäre des Schambereichs gehören mehrere Worte mit sexuellem Beiklang. Dreimal gebraucht Choniates das Wort μόριον, (männliches) Glied oder Geschlechtsteil³⁸¹, wobei *morion* in einem Fall verstärkt ist um das Adjektiv παιδογόνοϛ, kinderzeugend (so daß sich der Begriff Zeugungs-Glied, Zeugungsorgan, ergibt)³⁸². Dann erwähnt Choniates auch Gefallene, deren ἄθροφαλοι, männliche Glieder, man abgehackt hatte³⁸³. Mit dem Wort ἰσθρον, das normalerweise die Bedeutung «das Eingefügte, Gelenk beziehungsweise Glied» hat, bezeichnet Choniates an einer Stelle seines Textes die *vagina*, und zwar in dem Passus mit der Klage der Anna Komnene darüber, daß die Natur ihr ein einwärtsgezogenes, ausgehöhltes *arthron*, ihrem Mann

aber ein wegstehendes, mit einer Rundung versehenes *morion* gegeben habe³⁸⁴. Ein anderes Wort für *vagina* ist *τρυμαλιά* (1mal)³⁸⁵, was normalerweise Loch bedeutet. Ich lasse nun die große Gruppe der Wörter, die zur Bezeichnung von Koitus, Zeugung und Gebären dienen (und ein Thema für sich bilden), beiseite und gebe nur die Worte an, die sich auf den Samenerguß beziehen: *ἀπουσιασμός*, ein hier nur einmal belegtes Wort, ist wahrscheinlich ein Neologismus – Choniates spricht von einem Mittel, das sexuell anregend wirkt und zum *apusiasmos* befähigt³⁸⁶; *μεταρρυϊσκομαι*, wegfließen, steht auch nicht im Liddell-Scott, erscheint aber bei Choniates in einem entstellten Archilochos-Zitat (149. 2), worin von einem Vermögen die Rede ist, das in den Schoß einer Dirne fließt³⁸⁷.

Zusammenfassend können wir sagen, daft die Thematik des Körpers in dem hier behandelten Werk des Choniates eine für uns überraschend große Rolle spielt. 11 verschiedene Wörter benützt Choniates, um den Leib und die Körperteile im allgemeinen zu bezeichnen; 32 Wörter für den Kopf und seine Teile; 9 für das Haar; 8 für Haut und Knochen; 14 für die Arme beziehungsweise die Hände und ihre Teile; 13 für die Fuß- und Bein-Region; 12 für Hals, Brust und Rücken; 9 für Herz und Bauch; 11 für die Hüfte, die Darmregion und den Mutterleib; und 17 Wörter für verschiedene Teile des Unterleibes beziehungsweise des Schambereichs. Hinzu kommen mehrere Stellen mit «sich zierenden» Wörtern, die «Genantes», Genierliches andeuten. Choniates' Wortschatz des Schambereichs war reich, obgleich die einzelnen Wörter nur selten wiederverwendet wurden.

Die Häufigkeit der Wörter des «oberen Registers» ist viel höher. Das am meisten benutzte Wort ist *cheir* (266 Stellen), gefolgt von *pus* (128); die Wörter für den Kopf (*kephale* und andere) sind 108mal zu finden, die für das Gesicht 110mal und die für das Auge (*kore* mitgezählt) 143mal. Das Ohr kommt nur 55mal vor, was wahrscheinlich die byzantinische Vorstellung widerspiegelt, das Sehen sei wichtiger als das Hören. Auch der Mund war nicht sehr «populär»: *stoma* zusammen mit *cheilos* bringt es nur auf 56 Stellen. Andere Körperpartien wurden noch seltener erwähnt: *notos* (Rücken) 26mal, und Wörter für die Brust 23mal. Von den inneren Organen kommt das Herz am häufigsten vor – 39mal, Magen und Leber viel seltener. Das Blut aber erregte durchaus die Aufmerksamkeit des Historikers – es wurde 65mal genannt.

Was den Kontext betrifft, in dem der Körper und seine Teile erscheinen, so können wir beobachten, wie selten der Leib mit dem Göttlichen verbunden wird: Choniates spricht im übertragenen Sinn von der Hand Gottes, aber meistens sind somatische Wörter in ein physisches Milieu gestellt (zum Beispiel als Elemente der Eucharistie).

Der Leib erscheint am häufigsten in einem Kontext der Vernichtung und Krankheit; er ist leidend – durch Krieg oder Heimtücke, Züchtigung und Folter, Verwundung und Krankheit. Ja, Choniates interessiert sich für den Körper, saint dem Unterleib und dessen «unanständiger» Tätigkeit, und doch ist seine somatische Welt keineswegs eine Welt der Freude. Nach Choniates ist der leidende Leib ein wichtiges Element der Weltordnung oder, besser gesagt, der «Weltunordnung».

Choniates hat lang an seiner Geschichte geschrieben. Man kann feststellen, daß in den diversen Büchern sein Körper-Wortschatz verschieden ist: Die Wörter tauchen auf und verschwinden, manchmal von Synonymen ersetzt. Während *soma* und verwandte Wörter relativ gleichmäßig verteilt sind, konzentriert sich die *demas-sarx*-Gruppe im mittleren Teil der Geschichte; *prosopon* scheint am Ende von *opsis* ersetzt zu sein, und *omma* kommt besonders in der Mitte des Werkes vor, was auch für *stoma* und *odus* oder für die Wörter zur Bezeichnung des Bartes sowie für *pus* und *sternon* gilt.

Впервые опубликовано: Fest und Alltag in Byzanz / Hsg. von Prinzig G., Simon D. München, 1990. S. 91–105.

¹ *Niketas Choniates. Historia* // Rec. I. A. van Dieten, pars prior, praefationem et textum continens; pars altera, indices continens. Berlin; New York, 1975. Die deutsche Übersetzung, erstellt auf der Grundlage der älteren Edition von I. Bekker im Bonner Corpus (1835), besteht aus den drei Bänden: Die Krone der Komnenen. Die Regierungszeit der Kaiser Joannes und Manuel Komnenos (1118–1180) / Abenteurer auf dem Kaiserthron. Die Regierungszeit der Kaiser Alexios II., Andronikos und Isaak Angelos (1180–1195) / Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel. Die Regierungszeit der Kaiser Alexios Angelos, Isaak Angelos und Alexios Dukas, die Schicksale der Stadt nach der Einnahme sowie das «Buch von den Bildsäulen» (1195–1206) (...) /, aus dem Geschichtswerk des Niketas Choniates übersetzt, eingeleitet und erklärt von F. Grabler. Graz; Wien; Köln, 1958. Zum Autor allgemein s. zuletzt: J. Ferluga, s. v. Choniates, Niketas. // *Lexikon des Mittelalters* Bd. 2 (1983) Sp. 1875–1877 und A. Kazhdan / S. Franklin, *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries*. Cambridge; Paris, 1984, 256–286. Die folgende Untersuchung basiert auf einer Konkordanz zum Geschichtswerk in der Ausgabe van Dietens. Diese maschinenschriftlich angefertigte Konkordanz ist in der Bibliothek von Dumbarton Oaks, Washington D. C., deponiert und kann dort eingesehen werden.

² Zur Entlastung des Anmerungsapparates werden bei mehr als drei Belegstellen (für ein und denselben Begriff oder Ausdruck) nur die erste und die letzte angegeben, bei bis zu drei Belegen also jeweils alle Stellen. Für alle weiteren, hier nicht mitverzeichneten Belege aus dem Geschichtswerk wird daher grundsätzlich auf die Konkordanz verwiesen. Im folgenden beziehen sich alle Belege, soweit nichts anderes angegeben ist, auf die Seiten- und Zeilenzahl der Ausgabe van Dietens. Für die sprachliche Bearbeitung des Manuskripts möchte ich auch an dieser Stelle Ioli Kalavrezou, G. Prinzig und J. Sonderkamp vielmals danken.

³ 2₁₇⁶⁵⁴₅₃, ⁴ 650₂₂, ⁵ 323₇₀, 428₂₅, 597₆₃, ⁶ 426₄, ⁷ 120₈₁, ⁸ 623₄₆, s. auch
 274₂₁, ⁹ 559₆₁, ¹⁰ 128₁₈, ¹¹ 103₁₀, 191₂₄, 44₆, ¹² 23₆, 628₁₉, ¹³ 92₃₈, 115₃₈, 222₆₁,
¹⁴ 122₄₆, 652₇₃, ¹⁵ 641₅₁, ¹⁶ 45₂, 563₁₁, ¹⁷ 66₂₆, 305₂₀, ¹⁸ 11₅₇, 643₁₀, ¹⁹ 7₅₁,
 637₁₈, ²⁰ 579₈₂, ²¹ 62₇, 579₅₉, s. auch Anm. 3, ²² 80₉₄, 623₇₅, ²³ 155₇₀, 526₂₅,
 537₄₈, ²⁴ 579₆₈, s. auch 120₇₉, 516₇₆, ²⁵ 74₄₄, 124₉₀, 646₉, ²⁶ 277₆₃, 372₄₇, ²⁷ 515₅₇,
 596₄₀, ²⁸ 517₉₀, ²⁹ 24₃₅, 301₂₉, 638₅₉, ³⁰ 146₂₈, ³¹ 53₅₉, 647₈, ³² 556₇₂, 594₇, ³³ 129₃₁,
³⁴ 263₂₈, 315₈₇, ³⁵ 282₉₃, ³⁶ 212₃₅, 213₄₉, ³⁷ 324₈, 453₉, ³⁸ 311₈₇, 350₄₅, ³⁹ 343₄₁,
⁴⁰ 282₄₀, ⁴¹ 220₃, ⁴² 453₉, s. Anm. 37, ⁴³ 33₇₄, 63₆₈, s. auch Anm. 18, ⁴⁴ 93₇₆,
 222₆₃, ⁴⁵ 289₈₆, 360₅₀, ⁴⁶ 401₉, 643₁₀, ⁴⁷ 41₈₇, 138₉, 225₄₉, ⁴⁸ 122₄₇, 504₅₆, ⁴⁹ 41₉₃,
 531₉₂, ⁵⁰ 70₄₁, ⁵¹ 548₇, ⁵² 22₆₉, 654₄₂, ⁵³ 390₉, 449₄₄, ⁵⁴ 157₃₃, 527₆₈, ⁵⁵ 38₁₆,
 134₈₉, ⁵⁶ 132₄₀, 133₄₇, ⁵⁷ 259₂₄, 574₄₄, ⁵⁸ 138₉, ⁵⁹ 84₁₆, 262₁₀, ⁶⁰ 337₅₇, 486₁₀,
 642₉₄, ⁶¹ 190₇₅, 459₄₆, ⁶² 237₇₂, 386₉₅, ⁶³ 79₇₈, 268₈₀, ⁶⁴ 334₈₇, ⁶⁵ 334₈₆, 623₄₆,
⁶⁶ 345₉₃, 349₁₂, ⁶⁷ 342₁, 623₃₆, ⁶⁸ 486₅₄, ⁶⁹ 594₈₇, nicht in LSJ, ⁷⁰ 625₄₅, ⁷¹ 266₂₁,
 593₆₄, auch 488₉₂, ⁷² 594₉₄, ⁷³ 216₃₀, ⁷⁴ 155₉₂, ⁷⁵ 171₃₈, ⁷⁶ 195₂₅, 458₂₈,
⁷⁷ 117₈₂, 578₄₂, ⁷⁸ 81₂₉, 488₉, ⁷⁹ 15₇₇, auch 372₃, 398₃₈ und 90₇₈, ⁸⁰ 54₈₀; Übers.:
 Die Krone der Komnenen (wie Anm. 1), 89, ⁸¹ 136₅₈, 309₃₀, 390₇, s. auch Anm. 80,
⁸² 390₂₂, ⁸³ 246₅, ⁸⁴ 148₄₃, 596₄₉, ⁸⁵ 110₉₂, 579₆₆, ⁸⁶ 499₄₁, ⁸⁷ 84₂₉, 251₄₇, ⁸⁸ 276₃₇,
 296₇₆, 612₄₂, ⁸⁹ 346₁₄, ⁹⁰ 79₆₇, ⁹¹ 653₄, ⁹² 519₄₆, ⁹³ 378₆₆, ⁹⁴ 559₆₅, 652₆₇, 653₇,
⁹⁵ 166₂₁, 318₃₉, 570₂₀, ⁹⁶ 68₆₂, 153₃₈, 175₄₃, 191₃₃, ⁹⁷ 84₂₈, 109₇₅, 284₃₇, ⁹⁸ 141₆,
 623₇₇, ⁹⁹ 4₇₆, 648₄₆, ¹⁰⁰ 227₉₂, 590₉₁, ¹⁰¹ 249₉₂, 527₇₁, ¹⁰² 141₄, 558₃₀, ¹⁰³ 602₅,
¹⁰⁴ 66₂₃, 113₇₅, 644₅₉, ¹⁰⁵ 576₁; Übers.: Die Kreuzfahrer erobern Kpl (wie Anm. 1),
 153, ¹⁰⁶ 165₇₈, 513₇, ¹⁰⁷ 38₂₃, 446₅₆, ¹⁰⁸ 7₅₆, 548₉, ¹⁰⁹ 458₂₄, ¹¹⁰ 316₉₂, 654₄₅,
¹¹¹ 349₁₄, 589₆₂, ¹¹² 475₂₄; Übers.: Die Kreuzfahrer erobern Kpl (wie Anm. 1), 41,
¹¹³ 257₇₇, 458₂, ¹¹⁴ 113₇₄, 638₆₀, ¹¹⁵ 371₂₁; Übers.: Abenteuer auf dem Kaiserthron
 (wie Anm. 1), 174, ¹¹⁶ 395₅₉, 652₇₂, ¹¹⁷ 9₁₃, 521₉₄, ¹¹⁸ 47₇₄, ¹¹⁹ 195₃₇, 575₆₅, ¹²⁰ 440₈₃,
¹²¹ 114₂₉, 322₃₄, 408₈₉, ¹²² 17₃₃, 653₁₃, ¹²³ 76₁, 634₆₈, ¹²⁴ 98₈₂, 270₃₃, 465₃₆, ¹²⁵ 192₃₉,
 619₄₀, ¹²⁶ 165₈₉, 607₂₃, ¹²⁷ 63₁₉, 448₅, ¹²⁸ 342₄, 440₈₁, ¹²⁹ 71₇₁, 342₁₃, 451₇₉, ¹³⁰ 157₄₄,
¹³¹ 152₁₃, 498₂₄, ¹³² 251₄₉, 654₅₄, ¹³³ 41₉, 421₆₀, ¹³⁴ 351₅₄, ¹³⁵ 208₁₃, ¹³⁶ 313₂₁,
¹³⁷ 206₇₁, 309₂₈, 488₂₀, ¹³⁸ 156₂₈, 627₉₀, ¹³⁹ 24₂₈, 652₆₉, ¹⁴⁰ 39₄₆, 572₈₆, ¹⁴¹ 112₄₇,
 606₈₉, ¹⁴² 332₁₈, ¹⁴³ 111₃₂, 133₆₉, ¹⁴⁴ 569₈, ¹⁴⁵ 278₇₈, 571₄₈, ¹⁴⁶ 349₂, 401₁₄,
¹⁴⁷ 244₅₈, 516₈₈, ¹⁴⁸ 24₂₈, 654₅₁, ¹⁴⁹ 186₇₆, 644₅₃, ¹⁵⁰ 304₉₀, 580₈, ¹⁵¹ 580₉,
¹⁵² 654₅₀, ¹⁵³ 333₅₂, 512₇₄, 519₄₇, ¹⁵⁴ 650₂₂, ¹⁵⁵ 185₅₅, ¹⁵⁶ 131₁₂, 616₆₂, ¹⁵⁷ 178₁₁,
 350₃₆, ¹⁵⁸ 79₈₄, 616₅₅, ¹⁵⁹ 109₆₃, 656₁₄, ¹⁶⁰ 109₈₇, 559₅₇, 575₆₃, ¹⁶¹ 30₉₂, 51₈₄,
¹⁶² 185₄₃, 342₈₆, 435₄₁, ¹⁶³ 116₆₄, 559₅₇, 652₅₈, ¹⁶⁴ 66₂₆, 654₃₀, ¹⁶⁵ 373₇₆, 402₄,
¹⁶⁶ 186₅₆, ¹⁶⁷ 342₈₆, 435₁₁, ¹⁶⁸ 164₅₆, ¹⁶⁹ 74₄₈, 653₆, ¹⁷⁰ 47₂₄, ¹⁷¹ 47₆₇, 652₆₅,
¹⁷² 208₁₀, 525₅, ¹⁷³ 185₄₃, 378₆₅, 558₄₃, ¹⁷⁴ 359₂₆, 647₁₁, ¹⁷⁵ 252₆₅, 304₁₁, 524₈₁,
¹⁷⁶ 19₁₉, 109₆₃, ¹⁷⁷ 559₆₆, 594₉₃, 652₆₆, ¹⁷⁸ 113₈₂, ¹⁷⁹ 304₁₂, 435₄₁, ¹⁸⁰ 611₂₇, 180₁₃₉,
¹⁸¹ 219₈₄, 557₂₀, ¹⁸² 345₉₃, 459₄₈, ¹⁸³ 219₈₄, 647₁₇, ¹⁸⁴ 149₁₅, 623₇₆, ¹⁸⁵ 283₂₁,
¹⁸⁶ 277₄₈, ¹⁸⁷ 594₈₉, 654_{32,48,54}, ¹⁸⁸ 80₂₀, 349₃, 370₇, ¹⁸⁹ 472₃₆, ¹⁹⁰ 193₆₃, 311₇₆, 496₅₅,
¹⁹¹ 139₄₆, 288₆₄, ¹⁹² 265₉₄, 349₃, ¹⁹³ 421₄₁, ¹⁹⁴ 219₈₄, 345₄, ¹⁹⁵ Siehe Anm. 189,
¹⁹⁶ 442₂₈, 587₉₀, 644₄₉, ¹⁹⁷ 24₃₄, 579₆₃, ¹⁹⁸ 312₁₆, ¹⁹⁹ 40₇₅, ²⁰⁰ 40₇₆, ²⁰¹ 349₁₇,
²⁰² 71_{65,68}, 153₃₁, 326_{40,41}, ²⁰³ 120₈₁, ²⁰⁴ 284₃₈, ²⁰⁵ 62₂, ²⁰⁶ 135₃₅, 627₉₃, ²⁰⁷ 437₂₉

534⁷⁴, 208 109⁶¹, 654³², 209 131¹¹, 387²², 210 Siehe die ersten beiden Belege in Anm. 97.
 211 235³, 575⁷⁶, auch 588³⁵ (ohne stauros). 212 248⁸⁰, 213 40⁷¹, 650⁹⁰, 214 41⁹¹, 349⁸.
 215 30⁹³, 449⁴⁸, 216 40⁶⁶, 649⁸⁸, 217 278⁸³, 466⁶², 607¹⁶, 218 16², 640⁶, 219 92³², 639⁸⁶.
 220 50⁶¹, 629⁶⁰, 221 126⁵¹, 592⁴⁷, 222 147⁷³, 595¹³, 223 6⁴⁶, 640²⁰, 224 10³³, 650⁴.
 225 42²⁷, 592⁴⁴, 226 47⁷³, 625²³, 227 91¹³, 291³³, 228 84¹⁸, 294¹⁴, 526²⁹, 229 146³⁰.
 586⁷⁶, 230 642⁹³, 231 41⁸⁹, 232 252⁷⁵, 509¹¹, 233 650¹, von Gott: 43⁶⁰, 234 43⁵⁹, 159¹¹.
 329⁴⁹, 235 23⁸, 575⁶⁵, 236 268⁶² (zweimal). 237 51⁸², 132¹⁹, 378⁷⁰, 238 650⁹⁰, 239 41⁸⁹,
 als Elle: 159²⁰, vgl. E. Schilbach, Byzantinische Metrologie. München, 1970, 20 f.
 240 41⁸⁸, 623⁷⁶, 647¹³, 241 41⁸⁸, 256⁵⁸, 653¹⁰, 242 258¹⁸, 330⁸⁰, 349⁵, 243 81³⁷, 244 40⁷¹,
 590⁸¹, 245 520⁶⁴, 647¹⁴, 246 9¹², 111³⁸, 491⁹³, 247 250¹¹, 248 94⁵, 113⁸⁹, 331⁹⁴.
 249 650⁵, 250 107⁵, 435⁴¹, 651⁴⁴, 251 365⁷³, 252 109⁶⁴, 653¹⁵, 253 40⁷⁶, 435⁶⁰, auch
 über die Beinschienen: 653¹², 254 113⁹⁵, 574³¹, 255 3⁴⁴, 317¹², 256 24²⁴, 90⁹¹; Übers.:
 Die Krone der Komnenen (wie Anm. 1), 129. 257 70²⁰, 496⁷⁶, 258 25⁴², 642⁹².
 259 134⁹⁰, 617⁸⁶, 260 13⁴⁰, 630⁹³, 261 273⁸⁵, 492¹⁷, 262 252⁸³, 558⁵¹, vgl. Schilbach (wie
 Anm. 239), 20. 263 Siehe Anm. 229. 264 497⁸¹, 265 41⁹¹, 221⁵⁴, auch metaphorisch:
 437⁷, 266 411⁷⁹, 493⁷¹, 267 252⁷⁴, 268 370², 642⁹², 269 20³⁹, 650⁹⁰, 270 191²⁰.
 271 284³⁷, 415⁶, 561³⁰, 272 287³⁹, 529²⁵, 273 131³, 274 371³⁴, 275 286⁹⁵, 276 222⁶¹,
 652⁶⁹, 277 120⁸⁰, 439⁵⁹, 278 448²⁶, 279 627⁹³, 280 116⁶⁴, 652⁵⁸, 281 298³², 282 593⁶⁴.
 283 53³⁷, 284 53³⁸, 252⁷⁸, 296⁸⁴, 285 643²⁹, 654⁴², 286 51⁸⁷, 649⁷⁵, 287 216²⁹, 565¹⁸.
 288 301³¹, 314⁵⁹, 289 486⁵⁴, 290 40⁶⁴, 650⁹⁵, 291 84¹⁴, 623⁷⁶, 292 214⁷², 293 410⁴⁷.
 294 647¹⁰, 295 40⁶⁸, 138²⁶, 589⁴⁸, 296 222⁷¹, 573¹¹, 297 608⁴⁹, 298 87⁶, 299 448²⁶.
 300 588³⁶, 301 87⁷, 302 Die Krone der Komnenen (wie Anm. 1), 289. 303 415¹⁰.
 304 427³⁸, 305 36⁵⁴, 594⁸⁸, 306 131¹¹, 519⁵⁰, 525⁵, 307 182³², 471¹¹, 308 15⁷⁷, 615³⁰.
 309 284³⁸, 310 558⁴³, 576⁸⁰, 311 176⁵⁶, 312 123⁸⁶, 519⁴⁷, metaphorisch: 222⁷⁶, 313 103¹³.
 404⁹, 314 303⁶³, 589⁶¹, 315 90⁷⁸, 557⁷, 316 111²⁹, 606⁹⁰, 317 644⁵², 318 6¹⁹, 635⁹³.
 319 272⁷³, 596⁴¹, 320 40⁷⁷, 321 503⁴⁷, 586⁷³, 322 155⁸⁰, 323 40⁷⁷, 458²⁴, 587⁹¹.
 324 638⁶⁰, 325 157³⁵, 326 186⁵⁷, 327 94⁸⁵, 559⁶⁰, 328 221⁵², 329 221⁵³, 330 145²⁶.
 592²⁸, 331 179³⁷, 332 114¹¹, 602⁶, 333 351⁶³, 334 Gaster: 59²⁷, koilia: 592²⁸.
 335 131⁹¹, 350²⁶, 336 322³⁷, 337 300⁷³, 338 94⁸², 651²⁸, 339 74⁴¹, 439⁶⁰, als Gürtel:
 593⁵⁷, 340 4⁸⁵, 170¹¹, 341 103², 399⁶², 342 103², 343 40⁶⁵, 621¹⁷, 344 12⁹², 345 71⁶⁰.
 574²⁶, 346 288⁵⁷, 350⁴⁷, 347 617⁷⁴, 348 230⁸⁴, 349 44⁸³, 466⁷³, 350 81²⁷, 351 79⁵⁵.
 274¹⁶, 352 139⁵¹, 557¹¹, 353 305²⁶, 650¹, 354 305²⁸, 355 350⁴⁸, 356 94⁸⁹, 357 225⁴⁹.
 654⁵³, 358 131⁹³, 359 94⁸⁶, 359⁶¹, auch metaphorisch: 164³⁶, 204⁸⁴, 360 131³, 361 303⁷⁸.
 362 131⁹², 363 273⁸⁹, 305²⁹, 256²⁶, 364 302⁵⁶, 574²⁷, 365 305²⁸, 366 242¹⁸, 485¹², 367 464¹¹.
 368 351⁶², metaphorisch: 217⁴³, 369 373⁷⁷, 370 638⁶⁹, 371 59²⁵, 313²¹, 369⁶¹ (immer
 metaphorisch). 372 Hier für «speicn»: 254⁶, auch metaphorisch: 171⁴³, 373 388³⁸,
 470⁶², 374 305³⁰, 375 305³⁵, 376 300⁷², 377 300⁷³, 378 617⁷⁶, 379 300⁷³, 305³¹, 380 273⁸⁶.
 381 10⁵⁰, 350⁴⁶, 520⁵⁷, 382 350⁴⁶, 383 190⁷⁷, 384 10⁵⁵, 385 54⁷², 386 322⁴¹, 387 230⁸⁵.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР В «ИСТОРИИ» НИКИТЫ ХОНИАТА

Михаил Яковлевич Сюзюмов оказал огромное влияние на мое становление как ученого; хотя мы были территориально обособлены, я учился у него и прямо, в ходе нашей многолетней полемики, и опосредованно, следя за его творческим поиском, за его необычайно эмоциональным отношением к предмету его занятий – Византии. Я рад, что изменившиеся обстоятельства позволяют мне участвовать в этом сборнике, посвященном Михаилу Яковлевичу, хотя тема моей статьи может показаться мелкой в сравнении с большими проблемами, о которых мы когда-то спорили.

Эта тема, однако ж, лишь часть большой работы, задуманной мною давно, еще при жизни Михаила Яковлевича. Я надеюсь, что анализ словаря «Истории» Никиты Хониата, одного из самых замечательных произведений византийской историографии, может позволить нам проникнуть во внутренний мир писателя. Этот анализ базируется на симфонии, конкордансе или, попросту, систематизированном словаре к «Истории», включающем все слова (за исключением союза *καί* и артиклей). До сих пор только одна глава была оформлена и опубликована – «Тело в “Истории” Никиты Хониата»¹. В отличие от человеческого тела растительный мир сравнительно мало привлекал внимание писателя, и хотя его растительный репертуар сравнительно обилен, каждый отдельный термин встречается нечасто, и это облегчает проблему ссылок, которые даются по изданию Я. Л. ван Дитена².

Основное слово для обозначения леса, *hyle*, встречается в этом значении три раза в «Истории» (с. 90. 90, 198. 23, 615. 25)

и еще три раза для обозначения дров (с. 203. 71, 554. 23, 633. 54). Лес – *hyle* не имеет у Хониата эмоциональной окраски, но он пользуется иными словами, обозначающими чащу как обиталище диких зверей и птиц: слово *lochme* появляется дважды в этом контексте (с. 321. 2, 504. 69), и еще раз Хониат метафорически говорит о «чащобе зверей» (с. 441. 11), имея в виду их многочисленность. *Drymos* тоже лес и чаща: там обитает лев (с. 362. 82), и другая угроза, лесной пожар (с. 630. 93), может возникнуть там. Третий случай употребления слова *drymos* показателен для вдумчивого использования Хониатом библейских цитат. В книге Исаии мы читаем: «все деревья в поле» (55: 12), но поле, поросшее деревьями, видимо, было чуждо византийской действительности, и Хониат заменил фразу на «все деревья в чаще» (с. 431. 51).

Прилагательные, связанные с этими понятиями («поросший лесом»): *lochmodes* (с. 13. 21, 131. 5), *drymodes* (с. 503. 29), *amphilaphes* (с. 129. 48, 153. 55, 180. 73), встречаются в общей сложности шесть раз.

Слово *alsos*, роща, появляется у Хониата шесть раз, и всякий раз во множественном числе. За исключением иронического словоупотребления «словно стражи священных рощ» (с. 540. 38), *alos* обозначает скорее лес, чем рощу; иногда слово появляется в нейтральном контексте (леса или рощи, разрастающиеся от ливней (с. 503. 29)), но вместе с тем оно ассоциируется с дикими зверями (с. 321. 23) и со смертью (с. 181. 28, 190. 75); с горечью говорит Хониат о вырубании рощ (с. 164. 35).

Обобщенное обозначение растения, *phyton*, крайне редко у Хониата – однажды он говорит о «благородных растениях» (с. 193. 63) и еще раз о «растении познания» (с. 523. 28), явно имитируя библейское «древо познания» (Быт. 2: 17).

Может быть, несколько более разнообразен Хониат в описании травяного покрова. Прямо ссылаясь на книгу Иова (5: 25), писатель употребляет выражение *rambotanon* поля (с. 634. 81), т. е. полевая трава, или «трава на земле» традиционного перевода. Также в библейском контексте всплывает слово *botane* (Быт. 1: 11), когда Хониат напоминает, что Бог произрастил и зелень, и траву, и сеющее семя (с. 485. 93). Кроме того, для обозначения травы он употребляет *agrostis* (с. 248. 69) – опять-таки в библейском контексте «как ливень на траву» (Второзак. 32: 2), равно как и более обыденные слова *chloe*, *chortos* и *roa* и их производные. *Roа* может иметь прямое значение «травы» (с. 179. 35), и прилагательное *roodes* характеризует травянистую долину (с. 450. 64), но чаще *roai* встречается во множественном числе и значит «луг»

(с. 125. 28, 129. 50, 176. 61), а причастие *poerhagon*, буквально «травоядный», применено в «Истории» к человеку, питающемуся растительной пищей (с. 145. 22). *Chloe* обозначает скорее хлеба, чем траву (с. 630. 81), и образованное от него прилагательное *chloeros* или *chloros* скорее «зеленый», нежели «травянистый» (с. 114. 29, 150. 53, 207. 94); Хониат даже говорит о «зеленеющих рощах» (с. 321. 23). Впрочем, во множественном числе *ta chlora* может означать траву (с. 90. 89, 615. 25). Слово *chortos* мы уже видели в цитате из книги Бытия: Бог произрастил и *chortos*, и *botane*. «Полевая трава», *agrou chortos*, у Хониата (с. 415. 5) напоминает аналогичную фразу у Иеремии (12: 4), только глаголы употреблены различные: Иеремия говорит о сохнущей траве, а Хониат описывает столкновение всадников, когда один рассек ноги коню противника, «словно кто-то срезал траву». Сходный образ появляется в другом месте: «Они пали, как трава» (с. 65. 80) – тоже литературная реминисценция, а не реальная трава.

Уже Иеремия (9: 22) сравнивает павших со скошенной травой: «...будут повержены трупы... как трава (*chortos*, в традиционном переводе “снопы”) позади жнеца», а византийская воинская поэзия, развивая этот образ, восхваляла богатыря, который косит врагов, «как добрый жнец траву сечет»³.

Помимо того, слово *chortos* употребляется proverbially: бык с травой на рогах (с. 585. 48) – это старое латинское (и, видимо, греческое) выражение, применяемое к опасному быку. Наконец, *chortos* могло быть приложено к кустарнику или растительности вообще; Хониат говорит о «густом *chortos* в непроходимой местности» (с. 129. 48); вряд ли он имел в виду непроходимую траву. Образованный от этого слова глагол *chortologeō* означал фуражировку (с. 403. 63).

Писатель изредка использовал специфические слова, обозначающие сорную траву – *zizanion* (с. 233. 48) и *aira* (с. 248. 58), противопоставленные соответственно благородной растительности и злакам.

Слова для обозначения деревьев появляются в «Истории» несколько чаще: *dendron* и его производное *dendrotomeōmai* – 13 раз, *hulon* и прилагательное *hulinos* – 20. Впрочем, и эти цифры незначительны, если их сравнивать с названиями частей тела: *kerphale*, голова, зарегистрировано в моей симфонии 91 раз, *pous*, нога, – 128, а *cheir*, рука, – 266.

Что касается слова *dendron*, то оно изредка появляется в оптимистическом контексте: ветки деревьев служат украшением

(с. 108. 47), и несколько раз тень от дерева укрывает отдыхающего (с. 184. 9 и 16, 325. 17); впрочем, последнее выражение двусмысленно, поскольку «тенистое (в традиционном переводе “зеленеющее”) дерево» выступает в книге Иезекииля (6: 13) как место гибели идолопоклонников. В остальных случаях это слово фигурирует либо там, где Хониат описывает вырубание деревьев (с. 40. 57, 164. 36, 203. 74, 403. 59 и 65), либо их использование в качестве виселиц (с. 289. 72 и 85). Глагол *dendrotomeo* (с. 269. 94) значит «валить деревья», и он вписывается в тот же мрачный и гибельный контекст.

Xulon, однако, употребляется не только и не столько в значении «дерево» (с. 150. 43, 131. 51, дерево или сук – с. 276. 34), сколько в родственных и смежных значениях: бревна⁴, хворост (с. 256. 43), благоволия – «индийское дерево» (с. 243. 23), деревянные орудия (с. 345. 80), жезл Моисеев (308. 15) («...Господь показал ему дерево, и он [Моисей] бросил его в воду...» – Исх. 15: 25), наконец, орудие пытки и казни (с. 308. 20, 444. 93). Прилагательное *xulinos* (с. 82. 67, 134. 93, 163. 32, 508. 94, 543. 1, 622. 34) употребляется не в смысле «древесный», но «деревянный» и относится к различным изделиям, как-то: лестницы, башни, гимнастические снаряды и т. п.

Если *xulon* – это, скорее, деревянное изделие, чем живое дерево, то в словаре Хониата есть ряд специфических слов для пород деревьев. Идентифицировать их можно только условно, и я не стал бы настаивать на точности перевода их названий; однако само обилие этих терминов, употребляемых обычно лишь раз или два, кажется мне существенным в средневековом тексте. Хониат называет дуб *prinos* (с. 493. 80) или *drys* (с. 338. 83), оба раза с классическими аллюзиями: как дуб в пламени (Аристофан. Лягушки, 859) и не от дуба рожденный (Одиссея, 19: 163); дважды Хониат пользуется словом *gerandryon*, старый дуб (с. 349. 11, 495. 25), и однажды – словом *dryokarpon*⁵, желудь, не зарегистрированным в словарях классического греческого языка.

Белый тополь, *acherois* (с. 170. 35), тоже слово, игравшее важную роль в классических мифах, и ясень, *melinos*, всплывает опять-таки в традиционном, гомеровском, словоупотреблении как ясеновое копьё (с. 305. 14). Хониат также знает сосну – *pitys* (с. 143. 48) и *elatinos* (с. 136. 50), кипарис (*kyparissos*) (с. 431. 52) и кедр (*kedros*), разумеется ливанский (с. 446. 52; ср., например: Пс. 91: 13). Писатель упоминает ряд фруктовых деревьев: смокву и ее плоды (с. 310. 47, 523. 57, 592. 33), дикий персик (с. 184. 9) и мирт, *myrrine* (с. 431. 53). Смоква (*syke*) имеет литературные

ассоциации: смоковые листья восходят к Быт. 3: 7, а выражение «смоква на смокве» – к «Одиссее», 7: 121. Зато *achladephorou* *dendron* не имеет античных параллелей и может рассматриваться как неологизм. Из фруктов Хониат упоминает прежде всего персик, *Persikon melon* (с. 148. 88, 177. 73), тогда как обычное яблоко, *melon*, появляется преимущественно в мифологическом контексте как золотое яблоко Эриды (с. 260. 62, 648. 43) или как яблоки, которые кидают Эроты (с. 648. 53); соответственно глагол *meloboleo*, кидать яблоки, прилагается к «обнаженным Эротам» (с. 332. 36). Метафорически Эроты, бросающие яблоки (с. 140. 77), означают «вести к брачному алтарю». Другой фрукт, груша, *ochne*, тоже употребляется в гомеровской цитате «смоква на смокве, груша на груше» (см. выше) или в поговорке об оппозиции к терновому кусту, на котором будто бы вырастают груши (с. 310. 46).

Финиковая пальма (*phoinix*) появляется сравнительно часто – четыре раза, в том числе в цитате из книги Иова (29: 18): «словно ствол финиковой пальмы»⁶ (с. 446. 52; остальные случаи – с. 163. 33, 164. 35 и 36). Оливковое дерево, *kallielaios*, упомянуто поговоркой, в цитате из Послания к римлянам (11: 24), и противопоставлено дикой оливе, *agrielaios*⁷; в другом месте Хониат говорит о молодом побеге, привитом на оливе (с. 137. 86).

Вполне естественно, виноград занимает большое место в лексике Хониата. Виноградная лоза, *ampelos*, встречается четыре раза, один раз в парафразе Михея (4: 4), где писатель говорит о «плоде виноградной лозы» (с. 325. 18.); дважды – в мрачном контексте пыток, когда члены человеческого тела отсекаются, как виноградные лозы (с. 289. 74, 548. 6); и, наконец, в пересказе Плутарха (Марий, 21), где *ampelos*, окруженные изгородью из костей германцев (с. 71. 69), скорее виноградники, чем просто лозы. Другое слово для лозы, *hemeis*, встречается дважды (с. 289. 85, 634. 74), в том числе один раз в сравнении с трупами, повешенными на деревьях. Хониат также пользуется словами *rhax*, виноградина (с. 71. 56, 234. 75), *botrys*, виноградная гроздь (с. 289. 87, 304. 5), и *omphax*, неспелый виноград⁸.

Историк называет несколько сортов кустов. *Akantha* означает, видимо, дикий шиповник, из которого может произрасти роза (с. 324. 9), но также и всякую сорную растительность (с. 203. 73). *Rhamnos* (с. 310. 46 и метафорически о дурных людях – с. 625. 44) и *stoibe* (с. 431. 52) – тоже колючие кусты; *thamnos* (с. 23. 5) – какое-то деревцо или куст, за которым скрывается антилопа; *koniza* – некое негодное растение (с. 431. 53). Хониат повторяет

Исаию (55: 13), предвещавшего, что из конизы вырастет мирт; традиционный перевод «крапива» вряд ли удачен. Наконец, плющ (kittos) появляется однажды в сравнении, подчеркивающим прочность объятий (с. 490. 65).

Многообразные названия, связанные с деревьями, проходят в «Истории». Skolops означает прежде всего сваленное дерево (с. 392. 78), но Хониат употребляет это слово и для обозначения орудия казни (с. 591. 6, 627. 93), и метафорически как камень преткновения (с. 534. 71). Сходное значение имеет stelechos – Хониат говорит о стволах финиковых пальм. Хворост, помимо xylon, обозначался другими словами – phorytos (с. 198. 85, 256. 43 и метафорически как символ легкости – с. 65. 81, 112. 60) и klematis (с. 311. 73). Для обозначения молодых побегов он использовал слова epnos (с. 139. 50) и thallos или thalos (с. 114. 30, 228. 26).

Отдельные части растений тоже оказываются в поле внимания Хониата. Для обозначения сучьев он пользуется разными словами: акремон, что может также приобрести метафорическое значение «видная персона» (с. 289. 72 и метафорически – с. 207. 74), зафиксированное в патристической литературе; klados (с. 143. 48, 285. 78, 289. 75), что по меньшей мере однажды появляется в библейской цитате: «деревя будуд рукоплескать своими сучьями» (Исаия, 55: 12); klon (с. 431. 52) и редкое ghadamnos (с. 137. 86). Слово phellyra, кора, лыко, не зарегистрировано в классических словарях – Хониат говорит о канате, сплетенном из лыка (с. 350. 36). Он употребляет слово pelaton (с. 187. 91), древесный лист, и библейское слово (Быт. 3: 7) phyllon (с. 592. 33), обозначающее смоковые листья. Он также знает слово belonai (с. 143. 48), сосновые иглы. Наконец, мы встречаем в «Истории» слово rhiza (с. 127. 68), корень, и образованный от него глагол hizophageo, есть корни (с. 164. 55), что уже относится к корнеплодам, а не к древесным корням.

К этой же группе понятий можно отнести и lygos, ивовую ветвь, упомянутую преимущественно как материал для поделок: из ивовых ветвей плели сосуды (с. 507. 50, 508. 94), делали розги (с. 35. 37) и посохи (с. 131. 2); араб-волшебник, изобретатель воздухоплавательного аппарата, использовал ивовые прутья для своего неуклюжего парашюта (с. 119. 65).

Пожалуй, наиболее популярные растения – это злаки. Хониат употребляет слово sitos 14 раз, однако о растущих хлебах он говорит редко (с. 634. 74), в том числе о хлебах, задушенных плевелами (с. 233. 49). Обычно же sitos – это зерно: собранный

урожай (с. 495. 33, 602. 10), продукт питания (с. 417. 69, 452. 12, 573. 6), который мог быть испорчен (с. 66. 31), объект раздачи (с. 481. 78, 495. 23) и чаще всего перевозки (с. 63. 22, 409. 19 и 40, 452. 10). Прилагательное *sitophoros* встречается в традиционном значении «плодоносный» – плодоносные поля (с. 209. 44), но образованное от него существительное наделено новым смыслом – фуражир (с. 408. 2). Три разных слова обозначают в «Истории» колосья: *antherix*, что может приобрести метафорическое значение – Хониат говорит о конях, несущихся просто-таки поверх колосьев (с. 310. 47; метафорически – с. 71. 53); *stachys*, что может быть «задушен сорной травой» (с. 248. 57) – *stachys* появляется также в прямой цитате из «Илиады» (23: 597 сл.) и во фразе, напоминающей поговорку: «По колосу узнаем сеятеля» (с. 55. 21, 280. 31); и *astachys* (с. 204. 83, 310. 47). *Kalame* (солома) употреблено только раз, и то в метафорическом значении «остаток»⁹. Зерно обозначается разными словами: *kokkos* (с. 523. 38) встречается в евангельском выражении «горчичное зернышко» (Мф. 13: 31); *sporimon* в общем значении зерен, дающих начало доброму плоду (с. 495. 34), и, наконец, *sperma*. Последнее слово, однако, появляется только в метафорическом значении: подчеркивая непрочность, Хониат говорит «как зерна» (с. 361. 56, 593. 51); в соответствии с книгой Исаии (1: 9) Хониат использует это слово в смысле «небольшой остаток» (с. 188. 19); он говорит о зернах страха (с. 67. 39). Особенно часто *sperma* означает семя и прилагается к происхождению человека, как законному, так чаще и к незаконному (с. 142. 30, 309. 24, 481. 92, 607. 15, 638. 45). Пожалуй, единственный случай, когда «семя» у Хониата означает реальное посеянное зерно, это цитата из книги Бытия (1: 11) – с. 634. 81.

Хониат знает специфические сорта хлебов: *meline*, просо (с. 445. 43), *olyrites*, полба (с. 305. 20) и *rugos*, пшеница (с. 205. 38); дважды писатель пользуется библейским выражением (Пс. 80: 17) «тук пшеницы» для обозначения первосортного хлеба (с. 259. 28, 577. 27); он упоминает также «приносящие пшеницу (*rugophoros*) нивы» (с. 504. 73).

Помимо злаков и фруктовых деревьев, лишь немногие полезные растения названы Хониатом: *sinari*, горчица, в приведенной выше цитате из Евангелия от Матфея; *skorodon*, чеснок (с. 594. 4); *sikyos*, огурец (?) (с. 504. 59); *repon*, тыква или арбуз (с. 441. 5, 504. 59). Напротив, цветы появляются в «Истории» сравнительно часто. Общее название, *anthos*, упомянуто семь раз (с. 108. 47, 630. 81), однажды с аллюзией на Песнь Песней (2: 12–13) «цве-

ты... издают благовоние» (с. 411. 81) и другой раз – на «Илиаду», 2: 89 (с. 628. 13). Одна фраза звучит proverbially: «Искать цветы зимою» (с. 584. 28). Наконец, это слово употребляется метафорически – «цвет юности», «многоцветная окраска» (с. 54. 69, 206. 50). Производные от *anthos* – *anthe* (с. 477. 80, 524. 61), *antheros* (с. 109. 79, 450. 64) и *antherotes* (с. 559. 62) – подчеркивают яркость, свежесть, цветистость. *Kalyx*, бутон, назван один раз (с. 652. 69).

Хониат знает индивидуальные сорта цветов. Это прежде всего *rhodos*, роза (с. 324. 9, 445. 43); *rhodonia*, розовая грядка, использовано метафорически в выражении «розовая грядка красоты» для описания цветущей женщины (с. 473. 56). Писатель называет еще анемону (*anemone*) (с. 445. 44), лилию (*krinon*) – во фразе из Евангелия от Матфея, 6: 28 (с. 593. 68), крокус (?) (*krokos*) – во фразе из «Илиады», 14: 348 (с. 310. 48), и гиацинт (*hiakinthos*) (с. 310. 49). Чаще, чем реальные цветы, Хониат упоминает лотос (с. 126. 64, 207. 5, 310. 48, 496. 59) и один раз – другой сказочный цветок (или траву), моли (с. 349. 91).

Среди реальных растений Хониата определенным образом интересовал тростник. Он знает тростник как *donax* (с. 26. 75) – слово, употреблявшееся и для обозначения копья и пера, а также как *kalamos*.

Из тростника делались копья (с. 29. 57), и само копьё тоже именовалось *kalamos* (с. 249. 4, 581. 11); вместе с тем *kalamos* символизировал хрупкость: следуя за Исаией (42: 3), Хониат говорит о «трости надломленной»¹⁰. И прилагательное *kalamos*, не зарегистрированное в классических словарях, означает «хрупкий».

Нет нужды специально подчеркивать, что «История» Никиты Хониата не руководство по садоводству и что историк далек от того, чтобы описывать византийские ландшафты. Растительный мир занимает несущественное место в его описаниях, и растения появляются на страницах «Истории» случайно, по большей части в литературных ассоциациях, в цитатах (главным образом из Ветхого Завета), в proverbialных выражениях, сравнениях и метафорах. Растительному миру уделено гораздо меньше внимания, нежели частям человеческого тела.

Но вот что любопытно: если общее число упоминаний растений и их частей невелико, растительный репертуар Хониата многообразен – писатель знает различные деревья, кусты, цветы и травы, называет их части (ствол, ветви, лыко, бутон и т. п.). Несмотря на книжное происхождение многих растительных пас-

сажей, наиболее употребительными оказываются те категории (злаки, виноград и тростник), которые играли самую существенную роль в византийской экономике: именно к ним вновь и вновь возвращался писатель. Опять-таки несмотря на книжность, подчас мифологичность растений Хониата, время от времени он употребляет для обозначения их или их частей слова, по-видимому, не известные античным авторам и, следовательно, происходящие из живой лексики.

Несмотря на то, что задача Хониата была далека от описания природы, несмотря на литературность его растительного мира, он не был чужд природе. Но растительный мир в «Истории» – и книжный, и реальный – подвергнут переработке в соответствии с общей трагической концепцией писателя и используется для создания гибельных образов разрушения, мучительства и казней.

Впервые опубликовано: Античная древность и средние века. Свердловск, 1992. С. 103–112.

- ¹ *Kashdan A. Der Körper im Geschichtswerk des Niketas Choniates // Fest und Alltag in Byzanz / Hsg. von G. Prinzing und D. Simon. München, 1990. S. 91–105. (См. настоящее издание. – Прим. изд.)*
- ² *Niketas Choniates. Historia / Ed. J. L. van Dieten. Berlin; New York, 1975. Далек все ссылки на это издание даются в тексте.*
- ³ Девгенисово деяние / Изд. подг. В. Д. Кузьмина. Москва, 1962. С. 151, 156.
- ⁴ 19. 86, 540, 40, 634. 91. Пассаж 82. 68. Навеян Фукидидом (4. 108, 7. 25). Во фразе 615. 20 вместо *ek xylon cupreston*, видимо, следует читать *cupriston*, т. е. хорошо распиленные бревна.
- ⁵ 498. 23. Хониат употребил это слово также в одной из речей (*Orationes et epistulae / Ed. J. A. van Dieten. Berlin; New York, 1972. P. 60. 12*), и Евстафий Солунский знал сходное слово *drykarpos* (*Commentarii ad Homeri Iliaden pertinentes / Ed. M. van der Valk. Lugduni Batavorum, 1979. Vol. 3. P. 158. 80*).
- ⁶ Неузнаваемо в традиционном русском переводе: «дни мои будут многи, как песок».
- ⁷ 581. 30. Образ стал традиционным в византийской литературе (см., например: *Theodoros Prodromos. Historische Gedichte / Hsg. von W. Höranner. Wien, 1974. № 1. 162*).
- ⁸ 234. 75, 427. 32. Последний случай – прямая аллюзия на книгу Иеремии, 31: 29: «отцы ели кислый виноград».
- ⁹ 353. 40. *Karpe* (сухая солома) употреблено дважды: 94. 87, 198. 25.
- ¹⁰ 350. 43; ср. также выражение «тростниковая помощь» (*Choniates. Orationes. P. 214. 3*), синонимичное выражению «фиговая помощь» (*sykine epikouria*) в «Истории» (590. 71).

BYZANTINE TOWN AND TRADE AS SEEN BY NIKETAS CHONIATES

Niketas Choniates (d. 1217) employed various terms to designate the town (or city)¹. The main term is πόλις, used 524 times. Other terms are: πόλισμα (24 times), πολισμάτιον (twice), πολίχνιον (11), πολίχνη (once), μεγαλόπολις (9), μητρόπολις (6), τετράπολις (once), καλλιπόλις (7), ἄστυ (5), and for strongholds: φρούριον (63), ἔρυμα (30), ὀχύρωμα (5), κάστρον (once).

The term polis can be used in a generic way: «Roman» poleis (p. 537. 56), Hellenic poleis (p. 496. 50). Often polis is contrasted with other kind of settlement, especially χώρα (12 times)², but also with κώμη, vilage (3 times)³, *phrourion* (3 times)⁴ or *kome* and *phrourion* together (twice)⁵. Less evocative are the oppositions of polis and boundaries (p. 595. 27), of polis and «tribe» (p. 110. 20) and of acropolis and «the rest of the polis» (p. 182. 57).

Several times Choniates emphasizes the greatness and happiness of poleis⁶, describes their fortification⁷ or speaks of them simply as existing (13 times)⁸. Frequently, the historian laments catastrophe suffered by the town (22 cases – mostly in the second half of the *History*)⁹ and depicts its defence or help to defend it (5 times – all cases in the first half of the book)¹⁰.

The term polis is frequently applied to Constantinople: 19 times she is dubbed βασιλὶς πόλις¹¹ – mostly in the first half of the book; 12 times βασιλὶς τῶν πόλεων¹² – more in the second half; βασιλὶς τῶν βασιλίδων πόλεων (p. 591. 23–24), βασιλὶς καὶ πασῶν ὑπερκειμένη πόλεων (p. 627. 89), βασιλεύουσα πόλις (6 times – predominantly in the first half)¹³, πόλις βασιλεία (p. 591. 21), πόλις τοῦ βασιλέως μεγάλου (δ. 591. 22), τῶν πόλεων ἄρχουσα (3 times)¹⁴, ἐν πόλεσιν

ἄρχουσα (p. 608. 49), τῶν πόλεων προεδρεύουσα (p. 629. 59), ἀγιοτάτη τῶν πόλεων (p. 592. 37), λαμπροτάτη πόλις (p. 273. 6), πόλις περιοχῆς (p. 591. 21), τῶν πόλεων κορωνίς (p. 606. 12), στέφανος (p. 578. 38, from Lam. 2: 15), τῶν πόλεων ὀφθαλμός (p. 576. 1) and just τηλικαύτη πόλις (p. 547. 81). The term megalopolis is applied exclusively to Constantinople; sometimes it is accompanied by sumptuous epithets «brilliant» (p. 257. 71) or «famous» (p. 356. 26); three times the megalopolis is contrasted with *choria* («pleasurable» or «prosperous») (p. 323. 60, 442. 31, 560. 1), here probably «locations» rather than «villages». Finally, Constantinople can be designated as *asty*: of five cases in which this term is employed two refer to Constantinople (p. 379. 97, 382. 59), one to Antioch (p. 108. 48) and one to Shaizar (p. 29. 54); obviously, Choniates understood as *astea* the largest urban centers, and once he plainly contrasts poleis and the *astea* of the poleis (p. 226. 65), probably capitals.

Choniates mentions various parts of the polis of Constantinople, her streets and squares, hills and coasts, harbors and neighboring islands, as well as fortifications and gates (I shall omit these details). The population of the capital is defined as οἰκῆτορες (5 times)¹⁵, δῆμος (4 times)¹⁶ and δημῶδες (p. 560. 10), λαῶδες (p. 561. 33), πλῆθος (p. 342. 12, 520. 58), πλήρωμα (p. 382. 54, 478. 17), ὄμιλον (p. 527. 59), χώρος (p. 19. 86), οἱ ἐν τῇ πόλει (5 times)¹⁷, οἱ κατὰ πόλιν (3 times)¹⁸, ἐν τῇ πόλει οἰκήσεις ἔχοντες (p. 172. 67). Some characteristics are more specific: πτωχεῦον πλῆθος (p. 391. 43), χυδαῖζον [στίφος] (p. 456. 73, 552. 77), χειρωνακτικόν (p. 392. 59), ὁμοτέχνον (p. 525. 5), κατ' ἐμπορίαν προβάλλοντες (p. 233. 65), τοξότις (p. 561. 32) and even οἱ ἀγχοῦ τῆς πόλεως ἀγρόται (p. 391. 30). Five times Choniates speaks about the capital in tumult or rioting¹⁹. I shall omit the passages referring to the moving in and out of Constantinople, staying in the city, as well as the description of the fall of the polis. Finally, the historian mentions some city officials, first of all the eparch (4 times)²⁰, *archiereis* in the city (p. 213. 60; on the patriarch of Constantinople see below) and a functionary called ὁ ἐπὶ τῶν εἰσόδων τῆς πόλεως (p. 10. 49). All in all, there are 205 (or 207) cases when the term polis is applied to Constantinople (the terms megalopolis and *asty* are not taken into consideration).

Let us turn to provincial towns, first of all those in the Balkans.

In a general way Choniates speaks of western poleis (p. 625. 27, 42), Thracian poleis (seven cases)²¹, Thracian and Macedonian (p. 513. 68), Macedonian (p. 508. 69), poleis on the Haemus (p. 470. 76), poleis in Mysia (p. 373. 61), poleis of the Smolenoi (p. 534. 77). Seven times the term refers to the towns located in the West, even

though their precise location is not specified in corresponding passages²². All these cases lie in the second half of the *History*, mostly at its very end.

Individually, the following towns are named and described as poleis (I omit the cases when the name is indicated without defining the site as a polis): Thessalonike (27 cases), Adrianople/Orestias (9 cases), Philippopolis (3)²³, Philippopolis and Berroia (p. 435. 53), Berroia «and other poleis» (p. 620. 83), Rhaidestos (p. 629. 38), Rhousion (p. 628. 17), Serres (4)²⁴, Barna (p. 533. 33, cf. 532. 30), Arkadioupolis (p. 614. 91), poleis near Anchialos (p. 368. 49), Sardika (p. 100. 51), Epidamnos (i. e. Dyrrachion – p. 361. 56), Thebes (p. 74. 31), Athens (p. 608. 41, cf. 606. 4, 609. 84), Corinth (5)²⁵, Argos (p. 611. 27). To the same area belong coastal poleis (p. 482. 4), as well as the island poleis Kerkyra (p. 82. 72) and Bare (p. 91. 27). In toto, we have 89 cases when the «western», i. e. Balkan poleis are mentioned; the distribution of mentions is disproportional, the last chapter using this term 48 times. In other words, more than half of the cases fall in the short period after the Latin capture of Constantinople in 1204.

The poleis of Asia Minor (some of which were, continually or temporarily, under Turkish sway) are introduced mostly as oriental (seven times)²⁶, less frequently as Asian (p. 150. 35, 263. 22). Several areas and individual poleis are named, first of all, Propontis (p. 496. 63) and specifically Pegai (p. 601. 80, 641. 52, 63), then those of Bithynia: Choniates speaks of Nicaea and Nikomedeia (p. 246. 9), and calls Nicaea «the largest polis» (p. 244. 70) and the capital (προκαθήμενη πόλις) of Bithynia (p. 9. 25); Nicaea is named polis 15 more times. Other Bithynian poleis are Nikomedeia (p. 245. 80) and Prousa (12 cases). Several times Choniates mentions the poleis on the Maeander river (6)²⁷, the area near Chonae, his birth-place, once the poleis in Phrygia and on the Maeander (p. 52. 34). He lists specifically as poleis Philadelphia (5 times)²⁸, Chonae (4)²⁹, Antioch in Phrygia (p. 494. 5, 10), Dorylaion (p. 176. 56, 62), Tralleis (p. 192. 52), Klaudioupolis (4)³⁰, Cellaenae (p. 178. 22). Twice the poleis of Pontus are named (p. 520. 75, 626. 59), and particularly Kinte (p. 34.7), Herakleia (p. 640. 21), Aminsos (p. 521. 77, 528. 85), Sinope (p. 639. 73), and Gangrae, «one of the largest poleis of Pontus» (p. 20. 260; the polis Gangrae appears three more times)³¹. Then we have Dadybra [in Paphlagonia] (8 cases)³², Sozopolis (p. 13. 20, 32), Kastamon (p. 19. 8), Ikonion (3)³³ «the brilliant polis of Attalos» (4)³⁴, Caesarea and Sebasteia (p. 116. 78), Amaseia and Ankyra (p. 116. 77) and Ankyra alone (p. 461. 17, 504. 74). Six times Choniates speaks of Cilician poleis in a general manner³⁵, and specifically about Anazarbos (4)³⁶.

It is noteworthy that the «chronological» distribution of the towns of Asia Minor is more even than that of the West: the term polis as referred to the towns of Asia Minor appears 38 times in chapters on John II and Manuel I, 39 in those on Alexios II, Andronikos I and Isaac II, and 37 times on Alexios III and his successors.

Beyond Asia Minor, Choniates knows Syrian (p. 417. 56) and Syro-Phoenician poleis (p. 27. 9), primarily Antioch (6 cases)³⁷ (called as well *asty* – see above) and also Tyre (p. 417. 71); the poleis beyond the Euphrates (p. 28. 27), especially Chalep (Aleppo) (p. 28. 32, 37, 40), Kapharda (p. 28. 44), Nistrion (p. 29. 49) and Shaizar (p. 30. 85, called as well *asty* – see above); the poleis of Palestine (p. 395. 52), specifically the «holy polis» of Jerusalem (p. 417. 72, also the polis of God – p. 582. 35); and finally Egyptian Alexandria (p. 595. 18) and Tamiathi (Damietta) besieged by the Byzantines (4)³⁸.

Choniates touched upon some Slavic and Hungarian poleis: Preslava (p. 372. 44) and Zeugminon or Sirmium (p. 134. 74, 2, 5), as well as Italian ones (p. 201. 90, 5, 17), particularly Milan (p. 200. 79) and Ancona (p. 201. 19, 202. 33, 39), and poleis in Sicily (p. 480. 67, 71).

The term *polisma* has never been applied to Constantinople, but talking about provincial centers Choniates sometimes uses it intermittently with the term polis. Adrianople is a fortified *polisma* (p. 63. 86), even though she is also a polis (see above); it is the same with Arkadioupolis defined as polis (see above) and the *polisma* founded by Arkadies (p. 446. 67), as well as with Kerkyra (as *polisma* – p. 87. 3). *Polismata* are also Didymoteichon (p. 632. 33), Tzouroulon (p. 500. 76) and Mosynopolis (p. 358. 79). The same interchangeability can be observed in Asia Minor: the poleis Prousa, Pegai and Antioch of Phrygia are, at the same time, the *polismata* of Prousa (p. 286. 14, 288. 51), Pegai (p. 602. 94), and Antioch (p. 494. 4); even Caesarea (p. 603. 30) and Ankyra (p. 461. 25) are defined as *polismata*. Besides these «double» cases, *polismata* in Asia Minor are Melangeia (p. 462. 37), Athyra (p. 629. 61), Prakanas (p. 50. 66), Ryndakos (p. 20. 22, 37. 75), Baka in Cilicia (p. 22. 68), Piza in Syria (p. 27. 19). Two foreign towns that we have met as poleis are dubbed also *polismata* – Zeugminon (p. 133. 63) and Damietta (p. 166. 8). Several times the word is used in a generic sense: «Roman» *polismata* (p. 21. 55), Thracian *polismata* (p. 499. 58); in one passage it appears suspiciously close to the word for village: «other *polismata* and *komal*» (p. 503. 39). Thus, even though the borderline between the polis and *polisma* is often blurred, we may assert that in general the *polisma* was smaller; it is possible that the term was more frequently applied to the towns of Asia Minor than those in the Balkan peninsula.

Choniates construes the *polichnion* as a settlement differing from the polis, village or stronghold (p. 402. 32); twice he contrasts *polichnia* with fortresses (p. 13. 37, 428. 65); once *polichnai* (a related term) are opposed to fortresses (p. 510. 39). Individually he defines as *polichnia* the following towns: Belgrade (p. 136. 44), Chele (p. 309. 22), Hyelion and Leimocheir (p. 193. 73), Harmala (p. 420. 20) and Piza (p. 27. 10, also *polisma* – see above). Three towns in Asia – Chliara, Pergamon and Adramyttion – are characterized as poleis and as *polichnia* (p. 150. 35, 40). These relatively limited data allow us to suggest that in Choniates' perception the *polichnion* was a small settlement, even though once he speaks of *polichnia* crowded with dwellers (p. 150. 40); probably, fortifications were not typical of *polichnia*, even though Belgrade evidently had city walls.

Phrouria are often contrasted with poleis³⁹ and even considered as subject to towns: Choniates speaks of forts surrounding Ankyra (p. 463. 70) or positioned near Anazarbos (p. 27. 2). Acrocorinth, the fort (*phrourion*) in Corinth, is identified as acropolis (p. 75. 62, cf. 1. 78), and at the same time Choniates distinguishes Acrocorinth and a *phrourion* (p. 611. 34). Epithets emphasize the military character of *phrouria*: they are strong (p. 233. 60), fortified (p. 92. 53, 150. 39, 509. 29) or impregnable (p. 75. 71), and often appear in the context of siege and capture. The list of forts named by Choniates shows little overlap with the series of poleis: Zeugminon (p. 92. 53), Kerkyra (p. 73. 11, 78. 52, 84. 17, 87. 24), and Dorylaion (p. 189. 65–66); other forts are Stenimachos (p. 518. 20), Lovec (p. 399. 44), Prosek (p. 502. 18, 503. 28, 505. 84, 87), Prousenos (p. 408. 6, 409. 22), Kritzimos (p. 512. 78), Didymoteichon (p. 624. 2, 6, 632. 24, 35) in the Balkans, and Neokastra (p. 150. 53), «the old and depopulated» Myriokephalon (p. 178. 27), Soubleon (p. 189. 66), Tzoungra (p. 463. 72) and Baka (p. 22. 76) in Asia Minor. Two of these forts are to be found in the list of *polismata*: Didymoteichon and Baka. Despite some overlap with poleis, forts are predominantly small settlements, probably in average even smaller than *polismata*.

Eryma is used by Choniates in the classical sense of «guard, defence» but more commonly (21 times) in a new meaning of «fortress». In a passage Choniates contrasts *erymata* and *polichnia* (p. 13. 37). Most commonly the term is synonymous with *phrourion* (p. 542. 76. 79), at any rate it was applied to some fortresses characterized as *phrouria*: Prosek (p. 502. 14, 22, 503. 33, 507. 42), Stenimachos (p. 642. 70), Kritzimos (p. 512. 82), Baka (p. 22. 64, 71). Other *erymata* are small Phrygian fortresses Louma and Pentacheira (p. 192. 53), and the term is used to describe forts surrounding Nauplion

(p. 611. 32) or positioned near the unknown Pithekas (p. 52. 31) and on a lake (p. 38. 8). At the same time the term could be applied to a larger stronghold or town: Athens (p. 610. 88). Tzouroulon (p. 500. 77), Kerkyra (p. 87. 9), Acrocorinth (p. 75. 69), and employed in a simile as a generic term for the stronghold (p. 235. 27).

The term κομῶπολις (10 cases) literally means «village-town». They are characterized, at least, once, as having numerous population (p. 634. 70) whatever it means; Choniates considers them as lacking individuality and independence. He gives no names of individual *komopoleis* and usually describes them (in plural) as settlement located around or near towns: Constantinople (p. 618. 1, 646. 2), Corinth (p. 75. 77) and Sozopolis (p. 262. 12); he speaks of *komopoleis* subjected to Laskaris (p. 641. 39) or located along the Maeander river (p. 494. 92; other cases – p. 62. 92, 74. 29, 372. 47).

Several provincial towns are adorned with laudatory epithets. Nicaea is great (p. 244. 10), Attaleia most brilliant (p. 37. 82), Gangrae one of the most famous and largest poleis in Pontus (p. 20. 25–26), Adrianople one of the flourishing and strongest Macedonian towns (p. 6. 22–24). Often Choniates emphasizes the strength of the city fortifications: the strong walls built of baked brick made Nicaea almost impregnable (p. 281. 59–60); Adrianople seemed difficult to conquer (p. 624. 95–1); Prousa had perfect towers and strong walls (p. 287. 30–31); Tärnovo, Prosek, Bizye and Selymbria are described as fortified not only by their ramparts but by the nature itself (p. 470. 75–78, 502. 12–21, 631. 95–3). Some towns treasured shrines and sacred objects, e. g., the church of Michael the Archangel in Chonae (p. 178. 20–22, 400. 93–1, 422. 84–85), the image of Christ being dragged to the cross in Monembasia (p. 442. 55–57), the icon of Theodore the Stratelates in Corinth (p. 76. 88–89). Choniates draws no difference between western and Asian towns so far as fortifications and the location of sacred objects is concerned, but he distinguishes them with regard to some other points.

Rarely, the historian touches upon the trading activity of the urban population. The focus of trading and political activity was the ἀγορά, market-place; the word is used in the History 35 times, primarily with reference to the squares in Constantinople; thus Choniates calls the Forum of Constantine *agora* (p. 151. 67, 555. 49, 648. 38), describes processions moving across the *agora* (p. 349. 11, 388. 54, 438. 53), contrasts the *agora* and alleys of Constantinople (p. 523. 59), *agorai* and streets (p. 526. 44), *agorai*, houses and churches (p. 157. 59), mentions buildings on the *agora* (p. 323. 57, 527. 69), and so on. He calls the common people «those of the agora»⁴⁰, but only once

he links directly the squares of Constantinople with craftsmanship: the citizens of Constantinople mocked the sultan Kilic Arslan II, and as he was crossing the *agora* the silversmiths noisily struck their iron tools on (or at the parts of) their working tables (p. 120. 82–85).

Outside Constantinople, the term *agora* was applied in a specific sense «[temporary] market for military troops», primarily Latin (p. 61. 67, 66. 19, 642. 65) but also local (p. 164. 43). Three times Choniates mentions regular market-places or squares in provincial towns: Thessalonike (p. 305. 15), Adrianople (p. 642. 65) and Kerkyra (p. 85. 44).

The adjective derived from the word *agora* is ἀγοραῖος, lit. «belonging to or fitting for the market»: Choniates speaks of the *agoraioi* silversmiths, those who worked at the market (p. 120. 64), and calls *agoraios* a man whose name was Lachanas (p. 287. 24), *lachana* being a Greek word for cabbage or vegetable. As a noun *agoraios* signifies «those who frequent the market, merchants»: the emperor, says Choniates (p. 444. 6–7), offered to sell positions as the *agoraioi* sell fruit. The word also could designate «the people from the street» without any specification⁴¹, especially often Choniates uses this term to describe riots of the Constantinopolitan mob (p. 392. 71), contrasting it with the courtiers (p. 411. 87). The writer despises and hates these rebels calling them troublemakers (p. 456. 77), the mean company (p. 594. 81), fond of wine (p. 558. 47), venal (p. 498. 26), and even «impudent like dogs» (p. 265. 94).

The use of the terms referring to trade and craftsmanship by Choniates may be divided into several categories. Frequently the historian employs them metaphorically, predominantly with a pejorative connotation: the *ergasterion* of pirates (p. 539. 9) or of witches (p. 574. 30); μηχανάομαι in the sense «contrive, form plots»⁴², τεχνάζω as «be perfidious» (p. 32. 53), τέκτων as «schemer» (p. 258. 14, 301. 23) and τεκταίνω as «devise, scheme» (p. 10. 40, 423. 14); καττύω as «stitch up a plot, intrigue» (p. 10. 37, 111. 43, 321. 4); χαλκεύω as «contrive» (p. 12. 90); σπαθάω and κατασπαθάω as «squander» (p. 143. 60, 302. 52, 478. 23); συντολυπέω as «wage war together» (p. 4. 80), συρραφεύς as «imposter» (p. 488. 86), συρράπτω as «utter a falsehood» (p. 146. 33) and επιρράπτω as «seize» (p. 457. 9); ύφαίνω as «plot, scheme» (p. 283. 22) and έξυφαίνομαι as «be schemed or designed» (p. 519. 39); διαπλέκομαι as «invent, concoct» (p. 625. 46; also figurative but a positive sense the verb has in the Preamble [p. 4. 70] – «to weave words»); ξαίνω as «lacerate, flog» (p. 131. 10, 519. 50), διαξαίνω «tear to pieces» (p. 17. 42) and καταξαίνω «exhaust» (p. 145. 12); μακελλάριος as «murderer» (p. 283. 14), κάπηλος as

«cheating, knavish» (p. 203. 57, 584. 30) and *καπηλεύω* as «bargain, mix up» (p. 190. 87, 438. 32).

«Trade words» are also employed in a mythological context (e. g., Andronikos Komnenos «did not card wool or devote himself to the loom and twist the distaff... as did Herakles» – p. 139. 40–41, tr. H. Magoulas), in biblical citation (p. 593. 68 from Matth. 6: 28), in similes (e. g., 283. 20, 479. 40) or in description of ancient statues (p. 352. 90, 558. 52, 650. 4). They appear as well in a generic meaning such as the craftsman by origin (p. 534. 66), the sooth of the smithy (p. 209. 40), the weaving hand (p. 18. 83), a single weaver (p. 466. 69), to earn one's living with the needle (p. 349. 17) and to say goodbye to the needle (p. 209. 37), to do wool-spinning (p. 368. 41), to throw into the smelting furnace (p. 648. 39, cf. 644. 33, 649. 58).

Choniates speaks also, and this is especially significant, about real commerce and craft. In several cases he connects trade activity with specific locations, first and foremost with Constantinople. Twice he mentions the *eragasteria* in the capital (p. 157. 60, 345. 80), a tavern (*καπηλείον*) (p. 349. 16), the crowd of artisans (*χειρωνακτικόν*) of the Polis (p. 392. 59, 525. 7), artisans (*βάνανσοι*) looking for trouble (p. 455. 65), the money-changers and merchants of fine linen (*πράται τῶν ὀθόνων*) (p. 484. 63), mosaics created by «the wondrous handicraft» (*τέχνη χειρουργική*) (p. 206. 51), tanners and vendors of sausage (p. 349. 16), the cooks and those who knead dough (p. 410. 64), silversmiths ridiculing the Turkish sultan (see above), the smelting furnace of silversmiths (p. 644. 33), forging (*χαλκεύεσθαι*) keys (p. 129. 41).

In detail Choniates relates the story about the Constantinopolitan money-changer (*κολλυβιστής*) Kalomodios, rich and greedy, who often set off on arduous business (*κατ' ἐμπορίαν*) trips (p. 523. 50–53). The state officials attempted to seize Kalomodios' wealth, but this venture aroused a riot: the «people of the market» (*ἀγοραῖοι*), as soon as they heard about the arrest of the rich man, gathered at the St. Sophia and urged the patriarch to intervene (p. 524. 71–77). Another rebellion started in Constantinople when the fellow artisans (*ὁμοτέχνων*) found out that one of them was flogged and condemned to have his hair cropped (p. 525. 4–8).

Choniates is aware of petty trade in Constantinople. He describes women (*καπηλίδες*) selling food on the streets of the capital (p. 57. 54–55; cf. the term for female peddler – *πωλήτρια* [p. 57. 61]) and the trade of fish from the counter (*πωλήτριον*) (p. 56. 45–49). When he turns to commerce on a larger scale, it happens to be foreign trade: the «Roman» and Turkish merchants (*πραγματευταί*) would travel

from Ikonion to Constantinople carrying their goods (ἐμπορεύματα) on mules (p. 493. 85–87); ships brought goods to Constantinople from the Black Sea (p. 528. 89); the «foreign tribes» came by sea to Constantinople to trade and to solicit (p. 18. 65). Choniates applies the expression «for business [or commerce] (κατ' ἐμπορίαν)» primarily to the foreign merchants: the Italians and oriental Iberians (p. 233. 64–65), i. e. Georgians, the Ishmaelites and oriental Iberians (p. 384. 16–17), the Genoese (p. 482. 22–23). He speaks also of the Latins who traded in the sacred objects as the common staff (p. 594. 88). The main term for merchant is ἔμπορος (six times; on another word, *pragmateutes*, see above): once Choniates speaks with disdain of an *emporos* transformed into a warrior (p. 588. 16), and he quotes Menander (fr. 61 Koerte, from *Aelian. Var. hist.* 3: 14) who accused Byzantium of bringing up drunken merchants (p. 393. 14). He speaks also of the Genoese merchants (p. 639. 94) and the merchants from Ikonion (p. 528. 3, cf. 529. 10); it is unclear of which nationality were the merchants on the Black Sea (p. 528. 91) robbed and murdered by Constantine Frangopoulos – since he was dispatched by Alexios III, his victims most probably were foreigners. The adjective ἐμπορικός, lit. «mercantile», appears in the *History* only in a metaphorical meaning, with a pejorative tinge, as a characterization of the trademan's psychology – «crafty»⁴³.

Criticizing the inhabitants of Constantinople, Choniates asserts that they have never done themselves nor have followed (ἐπειτάρχησαν) any useful advice (or example) of others, acting contrarily (τὰναντία ... παρακαθιστάντες) to the manner of fortunate poleis; what the land and sea serve (δορυφορεῖ) them, they bring and move uselessly (ἐπ' ἀνηνύτοις) to the foreign poleis (εἰς ἑτέρας πόλεις ἄλλοεθνῶν) (p. 234. 80–86)⁴⁴. If I understand this sentence correctly, Choniates considers the purpose of commerce as supply of the city with goods produced in other places (the connotation is: and not exporting her own wares); Constantinople, he thinks, followed another principle of economics⁴⁵.

Byzantine towns, as viewed by the historian, contained seminal agrarian elements. Bemoaning the fate of «large poleis» conquered by the Crusaders, Choniates lists the damaged aedifices «of high roofs» and bathhouses but first of all fields, meadows and irrigated gardens, and again cultivated vines and crops of wheat; the passage contains plentiful «fruit epithets»: καλλιφύτεντοι, ἀγλαόκαρποι, καρποβριθεῖς (p. 634. 69–74). But when the writer turns to particular western towns, the rural topic is infrequently touched upon and is vague and unclear. Thus in Thessalonike occupied by the Normans, the population suffered

from famine and subsisted on vegetables, rejoicing if they managed to pick up, fearfully, some grapes from vineyards (p. 304. 5–6). Probably, these vineyards were located within the city walls, but with the same probability we may assume that they lay outside, and therefore the citizens crawled there «fearfully».

More evident are Choniates' data on craftsmanship in western towns. In Thebes the Normans squeezed the craftsmen (χειρώνακτες) dry (p. 74. 35); more specifically the historian speaks about the women in Thebes who mastered the skill of sumptuous weaving (ἱστουργικὴ κομψότης) (p. 74. 48–49), and stresses that the Seljuks required that they were given as tribute the silk textiles fabricated in Thebes for the emperor⁴⁶. Choniates describes Corinth as a wealthy city, having two harbors (p. 74. 52–54), and conveys that the inhabitants of Corinth and Thebes manufactured wellwoven fine linen textile (p. 98. 4–5). Trading activity, in Choniates' view, is connected with western towns – Corinth, Thebes and some others (see above on the *agorai* in Thessalonike, Adrianople and Korkyra); in the *History* there is not a single mention of craftsmanship or trade in the towns of Asia Minor. On the contrary, when Choniates touches upon the poleis in the East, he emphasizes their rural character. Thus the historian praises Manuel I's action taken with regard to the «Asian» poleis Chliara, Pergamon and Adramyttion; they used to have a rural pattern (κωμηδόν) and were an easy prey for the Turks. Manuel ordered the building of ramparts and erecting strongholds along the plain. It resulted in the population growth of these *polichnia*: «fields were cultivated and gave forth abundant crops, and the nurturing hand of the gardener made fruit-bearing trees of every kind take root there» (p. 150. 35–44; tr. H. Magoulias). Describing Laodikeia in Phrygia, Choniates says, in the same manner, that she did not form a compound entity, neither was she fortified with walls, but the settlement was scattered, in the shape of *komai*, at the foot of hills (p. 124. 13–15). When Theodore Mankaphas and his Turkish allies attacked Laodikeia and Chonae they, as Choniates emphasizes, maltreated the peasantry, harmed the livestock and burned threshing-floors (p. 400. 86–89).

Not much is said in the *History* about the aristocracy of provincial towns, and all the cases are linked to the western poleis. The towns of Thrace, says Choniates, had many people «noble (ἐπίφνημοι) by lineage» and glorious in warfare (p. 612. 46–48); in 1189, Philippopolis was deserted by her nobility (ἐπιφανεστέρων), and only the poor and the Armenians were left behind (p. 403. 71–74); Corinth also had people «outstanding» (προύχοντες) and brilliant by their kin (p. 75. 76, 76. 85–86). Some western poleis kept their independent fleet: when

in 1168, Manuel I sent a military expedition against Egypt, Epidamnos provided the emperor with ten ships, and six rapid boats were supplied by the inhabitants of Euboea (p. 160. 34–35, cf. the ships from Euboea – p. 86. 74)⁴⁷.

Choniates mentions various bishops, especially frequently the patriarch of the capital; the term patriarch itself is used 43 times, two of which refer to the Latin patriarch of Constantinople (p. 623. 73, 647. 7); other terms were also employed to define the patriarch: *μεγαποιμην* (p. 405. 34), *ἀρχιποιμην* (p. 216. 17, 456. 80, 593. 56), the great or the first *ἀρχιερός* (p. 252. 72, 390. 15, 524. 74), *ἀρχιθύτης* (p. 243. 29). Bishops as a group appear 16 times, and in several cases Choniates applies the term for bishop to individual church leaders of provincial towns. Niketas, *προεδρεύων* or *archiereus* of Chonae (p. 219. 72, 79), is praised for his virtue and prophetic gift; the *archiereus* of Laodikeia in Phrygia Solomon is described as a pleasant and virtuous man (p. 124. 17–19); an *episkopos* of Lopadion was punished by Andronikos I since he did not resist the movement in the town against the usurper (p. 289. 80–83); Nicholas, the *archiereus* of Nicaea, was more active: he summoned the people and called them to yield to circumstances and to surrender the polis to Andronikos (p. 285. 66–69). Quite the contrary, the bishops of western towns play a much more effective and independent political role. Michael Italikos, the *archiereus* of Philippopolis, craftily mollified the wrath of the German king Conrad III and saved his town from plunder (p. 62. 13–22). Eustathios, the *proedros* and *archiereus* of Thessalonike, resisted «heretical» tenets of Manuel I (p. 219. 26–32) and later on, he refused to emigrate from the besieged Thessalonike, shared the affliction with his flock during the Norman domination in the city and taught the people by his own example (p. 307. 79–87). The *archipoimen* of Athens Michael, Niketas Choniates' brother, was the organizer of the city's defence against Sgouros (p. 605. 77–83) and later negotiated with Boniface of Monferrat (p. 609. 84–85); Nicholas, the metropolitan of Corinth, was blamed by Sgouros for plotting against him (p. 606. 94–95) but eventually made peace with Sgouros and put an end to their hostility (p. 638. 56–58).

Let us sum up. Niketas Choniates did not approve of the trading activity of the urban population⁴⁸, distrusted the export of goods to foreign lands and presented large-scaled commerce as the business of aliens; his «trade vocabulary» is pejorative and the *agoraioi* mostly seen as stupid and rebellious rascals. Constantinople occupies, in his view, the dominant place among other poleis. Provincial towns form, according to Choniates, a certain hierarchy: even though the borderlines

are usually blurred, the author distinguishes between [larger] poleis, [smaller] *polismata* and *polichnia*, stroungholds-*phrouria*, and (politically insignificant) *komopoleis*. Western towns bear a more urban character, being more involved in commercial activity, having more developed aristocracies and more independent bishops; Asian poleis-*polichnia* seem to Choniates more ruralized.

Впервые опубликовано: BS. 56. 1995. P. 209–218.

- ¹ *Nicetas Choniates. Historia* // Ed. J. L. van Dieten. Berlin; New York, 1975. The English translation by H. J. Magoulias: *O City of Byzantium, Annals of Niketas Choniates*. Detroit, 1984. The most recent comments on Choniates as a historical source: *Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 1993. P.18–24. I am basing my discussion on my manuscript concordance to Choniates stored at Dumbarton Oaks.
- ² P. 116. 93, 117. 1, 150. 42, 192. 47, 268. 64, 437. 6, 475. 19, 518. 24, 529. 26, 547. 83, 595. 10, 644. 41.
- ³ P. 500. 73, 621. 11, 629. 58.
- ⁴ P. 39. 31, 219. 23, 637. 38.
- ⁵ P. 402. 31, 437. 10.
- ⁶ Μέγιστα – p. 601. 73, 631. 95, 634. 69; their εὐνομία (p. 310. 45) and εὐδαιμονία (p. 89. 54, 234. 84).
- ⁷ P. 434. 13, 570. 20, 606. 84, 629. 48.
- ⁸ P. 21. 51, 43. 53, 91. 24, 220. 26, 226. 65, 233. 70, 234. 85, 431. 36, 445. 37, 578. 56, 595. 24, 602. 3, 624. 90.
- ⁹ P. 12. 95, 282. 75, 292. 58 (a pun!), 320. 90, 330. 73, 334. 94, 431. 44, 433. 87, 492. 44, 521. 91, 580. 91, 581. 21, 595. 26, 599. 33, 601. 75, 602. 88, 609. 80, 632. 20, 635. 93, 637. 16, 639. 79, 642. 67.
- ¹⁰ P. 75. 74, 262. 14, 320. 78, 326. 41, 330. 67.
- ¹¹ P. 48. 6, 16, 50. 69, 93. 58, 99. 24, 100. 59, 102. 87, 157. 50, 177. 89, 219. 86, 251. 39, 254. 11, 319. 49, 381. 48, 400. 95, 442. 42, 508. 91, 617. 90, 647. 21. On Choniates' view of Constantinople see: *Fenster E. Laudes Constantino-politanae*. Munich, 1968. P. 169–78.
- ¹² P. 18. 69, 178. 18, 229. 59, 384. 18, 399. 46, 404. 3, 431. 33, 441. 8, 532. 15, 535. 6, 609. 86.
- ¹³ P. 52. 21, 53. 57, 65. 94, 118. 31, 264. 50, 378. 61.
- ¹⁴ P. 199. 62, 431. 46, 569. 8.
- ¹⁵ P. 46. 62, 90. 2, 344. 45, 390. 16, 555. 58.
- ¹⁶ P. 243. 21, 250. 25, 256. 42; ἀτάσθαλος δῆμος – p. 558. 45.
- ¹⁷ P. 172. 67, 270. 24, 454. 26, 621. 84, 622. 21.
- ¹⁸ P. 247. 31, 250. 24, 384. 14.
- ¹⁹ P. 49. 91, 99. 32, 262. 7, 534. 24, 525. 7.
- ²⁰ P. 231. 15, 235. 16, 478. 4, 525. 16.
- ²¹ P. 487. 57, 556. 86, 598. 93, 599. 17, 612. 48, 618. 14, 621. 89.
- ²² P. 613. 69, 614. 87, 618. 16, 621. 94, 624. 17, 625. 34, 633. 62.

- ²³ P. 598. 85, 627. 79, 85.
- ²⁴ P. 468. 16, 619. 22, 24; also «poleis around Serres» (p. 600. 59).
- ²⁵ P. 74. 52; also «the polis on the Isthmos» (p. 610. 6), acropolis of Corinth (p. 75. 61, 611. 29) and «the Lower polis [of Corinth]» (p. 75. 57).
- ²⁶ P. 34. 2, 263. 37, 357. 47, 529. 17, 601. 83, 626. 56, 627. 4.
- ²⁷ P. 192. 50, 420. 19, 421. 51, 494. 93, 529. 22, also p. 422. 79.
- ²⁸ P. 263. 30, 399. 55, 70, 400. 79, 412. 12.
- ²⁹ P. 178. 19, 196. 56, 197. 90, 219. 73.
- ³⁰ P. 197. 8, 11, 16, 198. 37.
- ³¹ P. 21. 45, 49, 28. 28.
- ³² P. 474. 77, 80, 90, 475. 9, 13, 17, 22.
- ³³ P. 19. 11, 414. 82, 463. 87.
- ³⁴ P. 37. 82, 262. 13, cf. also p. 639. 1–2, 640. 7.
- ³⁵ P. 52. 24, 29, 66. 18, 67. 57, 70. 30, 137. 90.
- ³⁶ P. 25. 51, 26. 90, 27. 92, 2.
- ³⁷ P. 27. 6, 28. 44, 31. 16, 39. 54, 139. 38, 416. 24.
- ³⁸ P. 162. 90, 2, 167. 48, 50.
- ³⁹ P. 28. 27, 39. 11, 52. 29, 137. 91, 480. 68, 519. 33.
- ⁴⁰ P. 59. 19, 356. 44, 484. 63, 509. 5.
- ⁴¹ P. 388. 55, 520. 60, 524. 71, 525. 4.
- ⁴² P. 128. 3, 300. 76, 464. 3, 626. 49.
- ⁴³ P. 174. 20, 440. 2, 500. 90, 584. 29.
- ⁴⁴ H. Magoulias (p. 132) suggests a different translation of the passage in question: «Neither were the inhabitants of Constantinople ever observed doing what was best for themselves, no did they heed others who proposed measures for the common good, and they were forever resentful of those cities flourishing nearby (?) which (but τοῦτοις is masculine, referring to «inhabitants» not «cities»), safeguarded by land and sea, distributed and poured out their goods in abundance to other cities and foreign nations».
- ⁴⁵ Paul Magdalino who kindly read the manuscript of this article and made several important corrections propounded that Choniates meant here not the export of goods but compulsory payments, tribute to Venice and other «foreign poleis».
- ⁴⁶ P. 461. 32–36. Enormous material on silk industry in Boeotia and the Peloponnese is collected by D. Jacoby: *Silk in Western Byzantium before the Fourth Crusade* // BZ. 84/85. 1991–1992 [publ. 1993]. P. 452–500.
- ⁴⁷ P. Charanis (*Studies on the Demography of the Byzantine Empire*. London, 1972. Pt. I. P. 15–17) emphasizes the difference of the demographic evolution in Asia Minor and in European possessions of the empire; on the flourishing Balkan cities see also his: *Social, Economic and Political Life in the Byzantine Empire*. London, 1973. Pt. V. P. 130–32.
- ⁴⁸ Already F. Uspenskij, in his monograph on Choniates (Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 92–103), demonstrated that the writer had disapproved of the «mobs», especially in Constantinople; Uspenskij focussed, however, on Choniates' opinion of the people's political, not economic activity.

TERMINOLOGY OF WAR IN NIKETAS CHONIADES' *HISTORIA*

Attack and Defense

The history of Byzantine warfare has been studied primarily on the basis of two kinds of sources; (1) military treatises – *strategika* and *taktika* – that give comprehensive descriptions of military organization, and (2) historical works that present the army in action; other sources deal with warfare sporadically, even though their data can be of substantial importance, especially for the investigation of Byzantine attitudes toward war and peace.

I do not suggest any new source which could elucidate this problem. What I am suggesting here is a new approach to Choniades' *Historia*. This historical text has been the most popular with Byzantinists in regard to warfare, has been studied thoroughly, and is now available in a critical edition and in an English translation¹. I shall not conduct a recapitulation of Choniades' descriptions of battles and expeditions, of victories and defeats – I doubt that such a narrative methodology can shed any new light on the events or on the Byzantine perception of the events. Instead, I am proposing the analysis of the vocabulary: which words were used by Choniades for the phenomenon of warfare, their frequency, and their variety. Certainly, my observations are of limited significance; they will become effective in the future, after scholars establish the vocabulary of other Byzantine historians and compare these results with the data on Choniades. But someone has to begin, even though one understands how far the results will be from an actual consummation of the project.

My observations are based on a concordance to Choniades' *Historia* which is too voluminous to be printed, but is stored at Dumbarton Oak

Center for Byzantine Studies (Washington, D. C.) where it is available to researchers. All the references are recorded in the concordance, and as a rule I shall avoid citing the Greek text. Such references would have been cumbersome and tedious.

A. ATTACK

For the concept of the attack the following words are used: ἐπιστρατεύω (to march against, to assault, to invade) seven times; ἐπιτίθημαι in the middle voice (to attack) forty-nine times. In nine cases ἐπιτίθημαι is used in the context of an ignoble method of attack, e. g., ληστικῶς ἐπιθέσθαι (p. 17..46) or λάθρᾳ ἐπέθεντο (p. 598. 2); in seven cases it is connected with the improper time for an attack, i.e., at night. The word is also used figuratively, usually with a pejorative connotation (to bite, with respect to a snake; to infect, with respect to a disease; to attempt to murder; to destroy; or specifically to attempt to seize the imperial office). The noun ἐπίθεσις (attack, assault) is used five times.

Προσβάλλω (to attack, to assault) is used forty times, including its substantive form προσβάλλοντες (attackers); five of these cases are metaphorical, for example «the sun striking helmets» (p. 380. 13) or «bad rumors struck» (p. 164. 57). An idiomatic meaning is «to throw glances» (p. 579. 66, 651. 56). The noun προσβολή (attack, onslaught) is found nine times, but once it is employed figuratively – «an irresistible blow of circumstances» (p. 550. 23).

The related ἐσβάλλω (to invade, to make an inroad) appears five times, and the noun ἐσβολή (invasion, inroad) twice. Ἐμβολή (invasion, expedition) is employed eight times, usually designating «attack». Once Choniatēs uses the verb figuratively to depict the violent motion of waves (p. 129. 54). The related ἐμβάλλω has mainly the meaning «to throw in, to push in», but twice Choniatēs chooses it to designate an attack – τοῖς πολεμίοις ἐμβάλλειν (p. 35. 31) and κατὰ τῶν πολεμίων ἐμβάλλειν (p. 387. 19). Less commonly the idea of attack is expressed by such nouns as ἐπαγωγή used three times, εἰσφορά two times, and ἔμπωσις two times. Liddell-Scott translates ἔμπωσις as «falling upon, pressure», but in Choniatēs' *Historia* it signifies only attack (p. 387. 12, 604. 46). The related verb ἐμπίπτω (to fall into) appears six times meaning «to assault», usually in reference to the attack of beasts, the onrush of fire, or the sudden grip of fear.

Ἐπέρχομαι (to attack, to assault, to invade) appears twenty times, often used metaphorically, in reference to abstract events, such as evil or fear. Choniatēs also says νὺξ ἐπῆλθε (night fell – p. 186. 82, 617.

67). In some passages, the verb loses completely its meaning «to attack» and must be translated «to scrutinize» (p. 211. 19) or «to occur to one» (p. 67. 41). Ἐξέρχομαι (to go out) is used in at least one case to describe an attack – κατὰ τὴν Ἀδριανούπολιν ἐξερχόμενοι (p. 437. 12–13). With an additional prefix (ἐπεξέρχομαι) the verb means «to march out, to attack, to sally» and can be applied to a beast as well; it is employed five times; in the last case (p. 619. 54) Choniates uses it figuratively (to become too arrogant).

Ἐπειμι is a very common verb the first meaning of which is «to come upon, to approach». At least eighteen times it appears with a military connotation (to attack, to assault). Often it takes the substantive form ἐπιόντες (attackers) and is used in the context of the repulsion of an attack: «they fought against the attackers» (p. 397. 1).

According to Liddell-Scott the noun ἐπέλευσις signifies «coming on or to, arrival», but in the later period it acquired the meaning «coming against, attack». Choniates employs it eleven times and only in the sense of assault or invasion, as «barbarian attacks» (p. 500. 71). The word is often used with the preposition κατὰ.

The idea of going out could also be connected with the concept of attacking. The noun ἔξοδος (going out, departure, release) designates «marching out, military expedition, or sally» five times. The related noun ἐπέξοδος (sally, sortie) is used in one case.

The common verb ἔξιμι is used ninety-three times in its direct meaning (to go out), but frequently it acquires a military connotation (to march out, to attack, to invade), usually with the preposition κατὰ. In the sense of assault or inroad ἔξιμι appears thirty-nine times. In another twelve cases it means «to sally forth». Εἴσειμι also has a broader sense (to go in), but in seven cases it acquires a military connotation of invasion or assault, and so do the related verbs ἐπείσειμι (p. 125. 19) and συνείσειμι (p. 7. 76); the latter denotes «to invade, to encroach along with».

The verb ἰκσῆμι is rare in Choniates' *Historia*; used in the passive voice in two cases, it means «to enter, to intrude, to encroach».

The verb ἐπεισιπύω has the meaning «to break into», but used in six passages, it appears with a military notion (to attack, to assault); this can be supplemented by one occasion in which this verb characterizes the sudden intervention of fate (p. 586. 77).

The noun ἔφοδος (attack, onslaught, invasion) is used twenty-six times; it often indicates a sudden assault, as for instance «the unexpected and rapid barbarian attack» (p. 394. 27), or it refers to an assault by night (p. 380. 26). The adverbial expression ἐξ ἐφόδου (at the first assault, at once) accounts for ten of the twenty-six cases; one of these

ten cases (p. 591. 2) is metaphorical (on the spur of the moment) and has no connection with the military meaning of the word.

The verb ἐπελαύνω means «to drive, to ride against» in five cases, as for instance «to ride against the Latin camp» (p. 616. 39), and can acquire the notion «to invade» (p. 398. 27), but sometimes it is employed without any military connotation, as «to rush in the Great Church» (p. 342. 13). The related noun ἐπέλασις, also used five times, has more specific military significance (charge, attack), and usually refers to cavalry.

The noun ἐπιδρομή in eleven cases and the related καταδρομή in four cases denote «inroad, raid». Καταδρομή, could metaphorically designate distortion or forgery (p. 517. 1). A third related noun, ἐκδρομή, is translated in Liddell-Scott as «sally, running out». Choniates apparently employs it with a new meaning (raid, inroad, invasion) in eight cases, probably under the influence of the nouns ἐπιδρομή and καταδρομή) and twice in the sense of «attack, skirmish» (p. 287. 32, 542. 68). The related noun ἐπεκδρομή, used once, means «sally, sortie».

Choniates knows other words for attack the roots of which denote running: καταθέω (to assault, to attack, to make inroads), used once; ἐπεκθέω, and ἐπεκτρέχω, both used twice, mean «to sally forth».

Choniates uses the verb ἐφορμάω in its usual sense (to rush upon) in three cases, but in three other passages he employs it to mean «to attack, to assault». The related verb ἐξορμάω (to set out, to proceed, to move) can designate an attack against a place (p. 28. 30), but usually refers to an attack against (κατά) persons. The noun ἐξόρμησις is used only twice, also with the preposition κατά, and signifies a military expedition or attack.

The verb ἐπιφύομαι also means «to attack, to assault», referring in eleven passages to attacks on objects (cities, shrines) as well as on people. The verb is also used metaphorically to designate both pursuit (p. 111. 22) and adherence (p. 25. 47, 454. 35). For the verb ἐνσκήπτω, used by Choniates seven times, Liddell-Scott gives the meaning «to hurl, to dart in or upon». Choniates employs it once to denote an assault or invasion (p. 60. 47), but usually chooses it to indicate the attacks of disease; in one of these cases it acquires the specific notion of blocking or damaging – the historian speaks of the earwax blocking the auditory canal (p. 440. 84). The same verb elongated by a prefix, ἐπενσκήπτω, is absent from Stephanus, Passow, and Liddell-Scott, and is not included in van Dieten's index; it means «to fall upon, to attack», and is used once in the literal sense (p. 500. 67) and twice metaphorically, referring to wrath hurled down upon people (p. 65. 87; 327. 92).

Another verb, προσεγγιρέω, is also unknown to Stephanus, Passow, and Liddell-Scott; it is used only once (p. 154. 61) and has the same meaning «to fall upon, to attack».

Liddell-Scott translates παρεισφθείρομαι as «to steal in to the hurt of another». In the *Historia* the verb appears to designate a barbarian invasion (p. 34. 84), a usage close to the Classical meaning; in another passage it has the figurative sense «to incite, to urge» (p. 445. 40). The verb προσεγγίμπτω is translated in Liddell-Scott «to press hard on». Used by Choniates (p. 543. 86), it acquires a more physical significance (to approach in order to assault), as does the verb παρεισφθείρομαι, mentioned above.

Ἐπιβρίθω means «to fall heavy upon». Choniates uses it with a military connotation, as it was employed already by ancient tacticians (to exert pressure), and applies it in six passages to various enemies of the empire. Moreover, the verb appears in a physical sense, describing a Seljuk attack from the hills (p. 181. 4). Three times the verb is used metaphorically (to oppress, to persecute, to charge [in a legal sense]). This metaphorical meaning seems to be unknown to Liddell-Scott.

The verb συρρήγνυμι (to break out) appears sixteen times in a military context designating the launching of a battle or war. Five times we find the formula συρρήγνυμι πόλεμον; six times Choniates uses the dative to indicate the enemy against whom the battle was launched. The related noun σύρρηξις, used twice, means «clashing together» (p. 29. 59), but can also have a specific meaning of «the breakthrough into a besieged city» (p. 545. 34). Another related word, ἐπικαταρρήγνυμαι, used once, indicates in the passive voice «to fall violently down upon, to attack» (p. 372. 47).

Several verbs whose literal meaning is «to jump, to leap» are used to denote attack. The verb ἐμπηδάω designates the jumping of a wild beast (p. 464. 10), but connected with the adverb θηριωδῶς or a similar expression, it is used in a military connotation (p. 548. 4, 651. 30). It appears a total of three times. The related noun ἐκπήδησις is rendered in Liddell-Scott as «leaping in or upon». Choniates employs it only once in a military context (p. 386. 92.) – «the two armies charged», as Magoulias has translated it.

The passive form of φέρω, φέρομαι (to move, to rush), is used at least twelve times to designate military movement (to attack), especially with an emphasis on speedy actions, for instance, «the emperor rushed full speed toward Prosek» (p. 504. 71).

The verb χωρέω (to go forward, to march) is used twenty times in a military context with an indirect object, such as διὰ μάχης or διὰ

πολέμου, often with the adverb ὁμόσε, and means in such cases «to assault».

Ἐπεγκύρω does not seem to be a Classical word – neither Liddell-Scott nor van Dielen record it, and Stephanus indicates only the passage used by Choniates (p. 257. 69). Choniates' phrase is an allusion to *Iliad* 3. 23; it refers not to military action, but to a pouncing lion. The Homeric work is κύρσας, without prefixes.

The verb προσάλλομαι (to jump up on), like the abovementioned ἐμπεδάω, appears only once, in reference to a beast – Choniates speaks about barbarians who attack (spring forth) like beasts (p. 86. 69). The related verb ἐνάλλομαι appears in the middle voice in a passage (p. 486. 54) in which Alexios III is said to have kicked or struck the head of his murdered rival. More difficult is another passage (p. 534. 75–76): the emperor εἰς πνίγμα μικροῦ ἐναλλόμενόν τε καὶ ἐπεμβαίνοντα. Magoulas understands the verbs literally and translates: «He jumped about and thrashed his legs as though he were held fast by the throat». I would prefer a more figurative understanding: the emperor, in the grave situation, rushed nervously and panted (hardly could breathe). At any rate ἐνάλλομαι has no direct military meaning. Another related verb, ἐφάλλομαι, used in four cases, is applied to wild beasts; in one of these examples it refers ironically to the flea (p. 491. 13). Even though Choniates refers directly to *The Clouds*, v.145 by Aristophanes, he alters the comedian's expression slightly by adding the prefix ἐπ- to Aristophanes' verb ἄλλοιτο. The Byzantine historian thereby transforms the neutral meaning of jumping to that of attacking (to fall upon their heads), supported by the next phrase (almost slapping their faces). In another passage Choniates describes Andronikos Komnenos who jumped against hostile swords (p. 105. 67). When the verb means «to assault», however, it has no specifically military notion.

Another verb, ἀναθρόσκω (to jump up), is rare; it is found in only two places. In one passage Choniates uses this term to describe fish and dolphins leaping out of the water (p. 504. 65), but soon afterward (p. 505. 5) he selects the same verb to describe warriors attacking city walls. Usually, however, the leaping up occurs in the context of rejoicing with an allusion to the phrase of Is 55: 12, «The hills shall break forth». The verb χορεύω (to dance) appears twice in a formula: «to dance [i. e., to jump or throw oneself] against the swords» (p. 234. 78, 395. 59).

The verb ἐπεμβαίνω, discussed above, coupled with ἐνάλλομαι means literally «to step or tread upon, to trample upon», although without military connotation. Choniates says that Andronikos assaulted the corpse of Manuel I (p. 256. 64). The second example, analyzed above (p. 534. 75–76), is probably figurative, and the verb in its

participial form expresses the state of internal anxiety. The noun *πειραστής* (tempter [as defined by Liddell-Scott]) is employed only once by Choniates, and like *χορεύω* and *ἐπεμβαίνω*, it acquires the connotation of attack, perhaps under the influence of *πειρατής* (pirate). Depicting the lamentable situation of the empire on the eve of 1204, Choniates exclaims that God does not permit the *πειρασταί* to perpetuate all sorts of crimes (p. 581. 31–32). Magoulias translates *πειρασταί* as tempters in accordance with the Classical sense of the word, but certainly Byzantium coped at that time not with tempters only, but with real attackers who threatened to tear the empire to pieces.

Some words in Choniates' vocabulary have specific meanings. Thus, *ἐπαποστέλλω*, used once, signifies «to send to attack» (p. 580. 8). This phrase Choniates has borrowed from Dt 32. 24, «I will also send the teeth of beasts upon them». Few words specifically designate a naval attack. The verb *ἐπεισπλέω*, used once (p. 553. 2), means «to sail against, to lead to attack». Magoulias translates this word as «sailing in the City», while F. Grabler (3: 127) renders it in German «hin zu fahren» – in either case the military connotation of attack disappears. The related noun *ἐκπλους* has in Classical Greek the meaning «sailing out»; Choniates shifts this meaning to the related *ἐκπλοια*, apparently not a Classical word. Liddell-Scott does not record it, but Stephanus lists it as appearing in Choniates' *Historia* and in a few other later texts. As for *ἐκπλους* used twice (p. 539. 12, 586. 63), the noun is employed only to designate a naval expedition or onslaught and in both cases is accompanied by the adjective *ληστρικός* (piratical).

The noun *κίνημα*, which usually conveys the idea of movement in general, appears in one passage with a military connotation (expedition, campaign), specifically regarding an expedition against the *Romaioi* (p. 538. 88). The related word *κίνησις* is used twelve times with the same meaning (expedition, campaign).

The verb *δισσεύω* appears not to be Classical. Liddell-Scott omits it, and in his index van Dielen translates it «secundo proficiscor» (to march or fall upon once more). Also non-classical seem to be the noun *ἐκξίφισμός*, and the related verb *ἐκξίφίζομαι*, found only as a participle, *ἐκξίφισάμενος* (with unsheathed sword). Passow refers only to Choniates' *Historia* and to another twelfth-century text, *The Histories* of John Tzetzes, chap. 3, v. 137. Choniates uses both the verb and the noun one time each. The verb form he employs in its direct sense just as Tzetzes does (p. 342. 92), but the noun *ἐκξίφισμός* he selects to describe an attack of the Latins (p. 617. 79). Magoulias translates the word literally (the unsheathing of the sword by the Latins), while Grab-

ler renders it «Blutbad» (3: 196). The military significance of the word is obvious.

Ἐπαιγίζω (to rush upon), found in three passages, describes the action of diseases (p. 38. 16, 497. 78) and waves (p. 98. 12) and has no military connotation. Πραξικοπέω (to take by surprise) appears once, and παλίωξις (the counterattack) is used three times.

The concept of siege can be considered as a branch of the attack. Traditional words to express this idea are πολιορκία in fourteen passages, πολιορκησις in two passages, and the verb πολιορκέω in twenty-four passages. The epithet πολιορκήτης, applied to the ancient general Demetrios Poliorketes in accordance with Classical tradition, is used once. Another group of words bearing the same meaning are τειχομαχία in six passages, the verb form τειχομαχέω in two passages, and τειχομάχος (storming, demolishing walls) in one passage. The epithet τειχεσιπλήτης also meaning «storming walls», was a traditional epithet of Ares, but Choniates employs it twice to characterize the battering ram. The noun προσεδρία also designates besieging in four passages. Παράστασις (setting forth, being beside) had a broad gamut of meanings in Classical Greek. Choniates (p. 75. 69) uses the word only once to describe the blockade or siege of a stronghold. This meaning is not recorded either in Liddell-Scott, Lampe, or Passow.

B. DEFENSE

The vocabulary of defense can be divided into two main categories: the abstract concept of self-protection opposed to an attack and the technical concept of the means of defense, primarily fortifications. Choniates' vocabulary of fortification is very rich. The word φράττω / φράγνυμι, used sixteen times, signifies «to fortify» as well as «to equip, to arm, to supply with weapons» and appears also with a more concrete meaning, «to cover with iron plates» (p. 282. 77) or «to cover with ox hides» (p. 544. 29). Metaphorically, the verb can denote «to form serried ranks» (p. 70. 34) and even «to strengthen spiritually»; for example, Choniates says (p. 240. 39) that the caesar «fortified himself with the sign of the cross» (translation of Magoulas).

The noun φραγμός in one case designates «fence, paling»; accordingly, the verb of the same root, περιφραγμώω, must be translated «to fence, to palisade» in four passages. This word is not recorded in Liddell-Scott, but Passow includes it with references to Choniates only, and van Dielen lists the term in his index where he translates it «circumsepio». Choniates uses the verb to describe fencing round vineyards (p. 71. 69) or surrounding a church with carts (p. 500. 70). But surrounding is not a necessary characteristic of the word; it signifies

as well blocking or barricading roads (p. 123. 83, 392. 77). The related ἀντίφραγμα, found in three cases, possesses a similar variety of meanings: in the first case, Choniates uses it in a literal sense (barricade) while describing how the carts hampered the advance of the troops (p. 181. 22–25). An insurmountable ἀντίφραγμα was produced by cutting trees to block mountain passes (p. 403. 60). Metaphorically, it could be applied to a person (p. 473. 61), and in such a case it designates a defender. The verb ἀντιφράττω (to block, to screen) appears only once (p. 244. 57) and has no military connotation.

The most common word related to the system of fortification is τεῖχος (city wall, rampart) used 146 times. It is employed in describing the building of city walls, in characterizing their sections, and most frequently in depicting the assault or defense of ramparts. According to my calculation, in thirty-one cases the emphasis is placed on defending walls and in sixty-eight cases on assaulting them. In four cases the expression «within the city walls» replaced by synecdoche the phrase «in the fortress». Unless I am mistaken, Choniates never uses τεῖχος to stand for the wall of a house². Choniates also uses related words: τεχιζομαι (to be fortified) found in three cases, τεχίσμα (city walls) used once, τεχισμάτιον (bulwark) also used only once (p. 566. 29), a term which van Dieten translates as *parvum castellum*. The word is not recorded in Classical dictionaries³. A final expression, τεχισμός, used four times, has in Choniates' *Historia* the meaning «fortress, stronghold», whereas Liddell-Scott translates it only as «wall-building».

Choniates employs as well several words produced from the same radical with prefixes ἐπι- and περι-. Ἐπιτείχισμα, used in the plural in four passages, designates «city walls», and in one example (p. 403. 66) it means bulwark. It could also be used metaphorically – Choniates speaks of the double rampart consisting of the wall of teeth and bulwark of lips (p. 111. 31–32). The word ἐπιτεχιστής (builder of walls) is not recorded in Classical dictionaries; Choniates uses it once, and van Dieten renders it *munitor*. The related verb ἐπιτεχιζω, used three times, has only a metaphorical meaning (to defend, to strengthen, to parry), for example, «to fortify his own power» (p. 324. 3). Περί-τεχος like ἐπιτείχισμα, means «circumvallation, bulwark», in two passages; Choniates opposes it to τεῖχος (p. 27. 18) by stressing that a περίτεχος is located before the city (p. 162. 3). The related περι-τεχισμός, used in one passage, has the same meaning; Choniates speaks of a citadel surrounded with the troops «as though with the wall of circumvallation» (p. 619. 36). This word is rare in the Classical language, and both Liddell-Scott and Stephanus understand it as an action (walling round).

The word προτείχισμα indicates «advanced fortification, the outer wall» in three cases. In one passage Choniates uses the word synonymously with περίτειχος (p. 162. 4): the Seljuks did not dare to move away from the gates and προτείχισμα. In another episode the barbarians are pushed away from the προτείχισμα that had been recently erected to protect the gates (p. 505. 90–91). Metaphorically, the word stands for «defender, protector, patron» (p. 244. 61).

Another common word for the city walls is περίβολος, used in twenty-six passages. Περίβολος often appears attached to the proper name of the city, as the περίβολος of Ikonion (p. 53. 51), or of Philipopolis (p. 402. 52). The word sometimes refers to the fence of a garden (p. 414. 64, 72) and once is used metaphorically (see above the double περίβολος of teeth and lips). By synecdoche, περίβολος, can designate the entire stronghold, the place within the city walls. The divine περίβολος stands for a church in two cases (p. 211. 13, 233. 63).

One more noun is employed relatively often to denote a fortification – χάραξ (circumvallation) in twenty-eight passages from which one should subtract five because in these cases Choniates uses the term as a proper name for specific strongholds. Χάραξ often appears connected with the verb βάλλω: χάρακα βάλλω indicates building a palisade around a fortress or camp. By metonymy, χάραξ can stand for the camp, as for instance «the χάραξ was plundered» (p. 387. 34). The noun of the same root, χαράκωμα (circumvallation, bulwark, palisade) is employed three times. In one episode (p. 543. 1) we meet «dug-out χαρακώματα» (trenches, moats).

Some other words signify, «wall, fence, bulwark». Πρόβλημα appears three times in its literal sense and twice metaphorically as «excuse, pretext»; the related προβολή occurs only once. Προφύλαγμα is a rare word; both Liddell-Scott and Stephanus give only one reference to the *Lexicon* of Hesychios. Choniates obviously equates προφύλαγμα with προτείχισμα (p. 505. 90); Magoulias renders the term as «outpost». The word περισταύρωμα, used twice, Liddell-Scott translates as «entrenchment»; in Choniates' *Historia* it means «circumvallation» – such a surrounding wall could be constructed of wood (p. 543. 1). Describing a conflict between the Latins and the mob of Constantinople, Choniates relates how the Westerners barricaded streets with huge poles, and the crowd failed to overcome these περισταυρώματα (p. 392. 77–80).

The noun έρμα is rendered in Liddell-Scott as «fence, wall»; Choniates, however, uses it primarily for «fortress, stronghold». The word is common, appearing in thirty passages. In nine of these cases

it has the abstract sense, «guard, defense»; thus, Manuel I is said to have dispatched troops for the defense (ἔρυμα) of the fair city (p. 62. 5–6). In one case Choniates quotes Plutarch, «by giving a guard» (*Solon* 30. 6), but Choniates has ἐρύματα in van Dieten's edition, instead of Plutarch's ῥύματα. The related adjective, ἐρμυνος (fenced, fortified), appears seven times, and the abstract noun, ἐρμυνότης (the strength [of a fortress]) is used once (p. 226. 70).

The noun ἔρκος (fence, hedge) occurs only once in its literal sense; Choniates speaks of stone περίβολοι erected as ἔρκος (p. 414. 64). Three times it appears in a Homeric metaphor (*Iliad*. 4: 350; 9: 409) where it means «barrier of teeth». In one passage the historian develops the image by adding to the wall of teeth also the ἐπιτείχισμα of lips (see above). The metaphor was evidently Choniates' favorite, for he uses it in one of his orations as well⁴. The words αἶμασία found in one case, θριγγός in two cases, and θριγγίον in two cases also mean «fence, hedge». They appear usually without any military connotation, as αἶμασία of gardens (p. 414. 69), or with a direct reference to Plutarch (*Marius* 21) – the θριγγοί of vineyards constructed from the bones of the Cimbri (p. 71. 68); on the other hand, we read about an unbreakable θριγγίον of camps that Manuel I positioned against the Seljuks (p. 123. 84).

The noun ἔρμα is translated in Liddell-Scott «prop, support, foundation». In Choniates' *Historia* it appears only once, in a different and specific meaning – «Wagenburg» (a bulwark of wagons). The historian narrates how John II demolishes the Pecheneg «rampart of wagons» (p. 16. 1). We can only guess whether this shift of meaning was caused by the closeness of ἔρμα to ἔρυμα (fortress).

Two adjectives are connected with the idea of fortress: εὐερκής (well-fenced, fortified), used in three cases, and εὐτείχιστος with the same meaning, used also in three passages. Both adjectives characterize cities (πόλις, πόλισμα) or walls (τείχος, περίβολος). The adjective ἀσυνοίκιστος is not recorded in Liddell-Scott or in Passow, and translating it accurately is difficult. Grabler (1: 193) renders χώροι ἀσυνοίκιστος (p. 150. 37) «verstreut liegende Dörfer» while Magoulias chooses to stay closer to the radical οἰκ, «provinces had not been settled»; van Dieten, on the other hand, introduces the concept of fortification, «*villae disjunctae et operibus non munitae*». Magoulias' understanding is impossible, since Choniates earlier mentions villages (κωμηδὸν οἰκεῖσθαι) defenseless before the enemy's raids. Ἀσυνοίκιστος, thus, seems to mean «having no city walls, unfortified».

Choniates uses specific terms for various parts of the fortifications. Πύργος (tower) appears twenty-seven times, usually as a com-

ponent of the ramparts. In one case the historian stresses that a tower was constructed of baked bricks (p. 106. 90). Some πύργοι in the *Historia*, however, have no fortification purpose; some, for example, serve as prisons (p. 129. 35). Moreover, there are wooden πύργοι built for the siege, not for defense (p. 163. 32, 622. 34). In one case, Choniates describes a wooden ladder carpentered in the form of a tower (p. 82. 68). The πύργοι could be brought for the siege (p. 623. 58) and the stone-throwing mechanisms (πετρόβολα) were set on the towers (p. 622. 41). The term is employed six times in the context of attack.

Numerous words are formed from the same root: πυργειδής (tower-like), used in two cases; πύργιον (tower) – not a diminutive as one might expect from Classical usage – employed in one passage to describe a jail; καλλίπυργος (with beautiful towers), found in one passage; μεγάπυργος (with big towers), used in one case (p. 434. 13). The term μεγάπυργος is not recorded in Classical dictionaries. Van Dieten translates it «*magnis turribus insignis*». Also absent from Classical dictionaries is πυργόεις (fortified by towers), found in one case (p. 570. 20); van Dieten translates it «*multis turribus munitus*».

In some cases terms with the radical πύργ lose their specific meaning connected with towers and acquire the general notion of fortification. Thus, μεσοπύργιον, in three passages, is rendered in Liddell-Scott «wall between two towers, curtain», but it does not seem to have this technical sense in the *Historia*. Choniates relates how Andronikos Komnenos escaped over the wall (μεσοπύργιον) and boarded a boat (p. 129. 50), also how the citizens traded with the crusaders from the μεσοπύργια (p. 66. 29–30), but a few lines above (line 20), the same location is characterized as τεῖχος. Finally, Choniates describes a siege of the Hungarian town Zeugmin when the Byzantine artillery shook the περίβολος and the μεσοπύργιον gave way under the hail of stones (p. 134. 81–82); again, περίβολος and μεσοπύργιον seem to be used synonymously. Πύργωμα, used in one passage (p. 27. 20), also has a general meaning, «fortification». The verb πυργόω (to fortify) is used once with its literal meaning (p. 434. 22), and once with a metaphorical sense, «to set in close array» (p. 155. 7). Like πύργωμα, the compound πυργόβαρις, used in four passages, denotes fortifications in general, not towers specifically, as one would conclude from its elements, πύργος and βάρις. Choniates pictures the defenders of walls standing on (ἄνωθεν) τῶν πυργοβάρεων (p. 390. 17). Other words for towers are βάρις, used four times, and τύρσις, used once. Both occur only in the plural form.

Two terms designating some elements of fortification, προσεπίκτισμα and ἰμάντωμα appear in a single sentence (p. 287. 37) as parts of an old περίβολος. Magoulias translates this sentence: «The addition to the old wall... and the girt timbers». Προσεπίκτισμα is a *hapax*, and can be interpreted only on the basis of Choniates' text; van Dielen cautiously renders it «*superaedificatum quid*». As for ἰμάντωμα, Liddell-Scott refers only to Hesychios and translates the word as «hawser», Lampe suggests «binding brace», and Stephanus who lists this passage of Choniates together with some others suggests «*linamentum*». Since Prokopios of Gaza (PG, t. 87, p. 1157 A) mentions ἰμάντωμα made of cedar, Liddell-Scott's rendering becomes questionable. Even more revealing is Dorotheos of Gaza who speaks of «the so-called ἰμάντώματα as elements of a building that divide the house into sections and reinforce its construction by masonry» (PG, t. 88, p. 1776 B). Choniates uses the word once more (p. 26. 81) indicating that ἰμάντώματα were made of clay bricks. Thus, we can conclude that ἰμάντώματα were of brick, stone, or wood, but the precise meaning of the term escapes us.

The noun ἐπαλξις, used eight times, designates «battlements, parapets» on the top of city walls where warriors were placed during the siege. By synecdoche, the word could be applied to the entire rampart, as for instance when Choniates makes the reader see the valley of Philopation situated outside the ἐπάλξεις (p. 404. 11) or when he praises the power of the ἐπάλξεις of Gangra (p. 20. 33). Κρήδεμνον, which usually means «headdress», is used once metaphorically in the plural for the battlements that crown city walls (p. 317. 13). Θωράκιον, used in four passages, stands for breastwork or parapet. In one passage Choniates speaks metaphorically about the breastwork of the teeth (p. 281. 55). The word κόρη appears only once (p. 163. 16); it creates some difficulty since Choniates speaks about demolishing the κόρη of a wall – «part of a wall» as Magoulias translates the expression. The Classical meaning of κόρη (side of the forehead) does not fit this context. What part of the wall does κόρη denote? Vitruvius (*De architectura* 4. 6, 3 and 6) considered *corsa* an element of temple doorways – a flat band running all around on the jambs. Probably, Choniates saw in κόρη the girder or beam bracing the wall from outside, or perhaps a more independent architectural element (breastwork, counterscarp, glacis).

To the sphere of fortification belongs also τάφος (moat, foss), used seventeen times. The related verb ἀποταφρεύομαι (to be fenced with a ditch) appears once (p. 236. 53) and means metaphorically «to be barred, to be cut off».

The word ἄρβυλα, in the plural, is enigmatic, and van Dieten considered it corrupted. The Classical language had the noun ἄρβύλη, rendered by Liddell-Scott «strong shoe, half-boot» and by Passow «starke Schuhe». This meaning, however, does not fit the context describing attacks «against ἄρβυλα and the walls of Semiramis» (p. 281. 68). «The walls of Semiramis» was a proverbial expression for fortifications that had become famous for their strength (Apostolius Paroemiographus 16. 43). Immanuel Bekker, the editor of Choniates' *Historia* in the Bonn edition, assumed that Arbela (sic) also was a place name, a conjecture accepted by Magoulias. According to Diodorus Siculus (17. 53. 4), a place called Arbela existed, but it was only a village. Arrian (*Anabasis* 3. 8. 7) calls it a *polis* but knows nothing about its fortifications. It is not plausible to assume that Choniates has referred to an obscure Arbela as an example of an impregnable stronghold. Is it possible that ἄρβυλα (shoe) stood for the lower part of the rampart, its foundation? The question remains open, and van Dieten cautiously writes: «*rem nescio quam inexpugnabilem significare videtur*».

Finally, Choniates used several words to designate the stronghold as an entity: κάστρον (from the Latin *castrum*) used in one passage (it is much more common in Theophanes' *Chronographia*); ὀχύρωμα used five times; ὀρμητήριον (fortified military base), used six times; ἄκρα (citadel built on a steep rock) used nineteen times; and ἀκρόπολις (upper city) used twelve times.

The words designating defensive, as well as offensive, weaponry, which in a certain sense belong in this category of terms, will be considered separately in another connection.

A certain group of words has the abstract meaning of defense. Thus, ἀμύνω signifies primarily «to defend, to succor, to aid». The verb appears twenty-three times, but rarely in this direct sense. Choniates explains how the citizens of Nicea defended themselves (ἡμύνοντο) with arms in hand against Andronikos Komnenos (p. 281. 50–52), and he uses the substantive ἀμυνόμενος in six passages to denote the defenders of a city. Three times the verb is used with a negative pronoun to indicate the lack of defenders: «There was nobody to defend» (p. 184. 5, 185. 35, 430. 15). Then the word acquires a broad gamut of related meanings (to keep off, to ward off, to guard [oneself], to resist, to protect). Thus, Choniates speaks of dogs that ward off a man by barking (p. 292. 70). Magoulias translates «defend themselves», but the Greek verb is active in form. Even farther from the military sense of the word are such uses as «to requite, to repay» (p. 78. 57, 177. 57), «to punish» (p. 122. 41), and «to destroy» (p. 367. 18);

the latter case is an allusion to Ps 117: 10–12: «In the name of the Lord I will destroy them».

The noun of the same root, ἄμυνα, has a similar range of meanings. In addition to its direct meaning (defense, protection, warding off an attack), which is found in six passages, it appears four times signifying «vengeance, requital». Thus, we read that the crusaders attacked Byzantium claiming «to avenge Isaac Angelos», who had been dethroned by his brother (p. 586. 65), and that John II pillaged the suburbs of Antioch to take his revenge before retreating to Cilicia (p. 40. 59). Finally, the adjective ἀμυντήριος is employed seven times to characterize defensive arms (p. 361. 57), a bulwark (p. 619. 34), an undetermined means of defense, and, metaphorically, horns (p. 488. 92) where Choniates bases his statement on Philostratus, *Vita Apollonii* 1. 19. Another general meaning (punishment, vengeance, requital) is also represented (p. 531. 95).

Another group of words designating defense are those based on the verb φυλάττω / φυλάσσω – this root verb φυλάττω / φυλάσσω appears sixteen times. Φυλάττω means «to guard» rather than «to defend», but the difference is, of course, very slight, and the verb could be applied to the army or to a group of warriors defending or guarding a gate or a city. The verb can also be used with regard to bodyguards (p. 264. 64) and especially in the context of watching lest something bad happen. Choniates describes how the captive *Romaioi* were kept under guard lest they escape (p. 495. 30). In a different passage, however, he relates that the Saracens, attacked by the *Romaioi*, turned to flight lest they sustain (φυλλαττόμενοι) heavy losses (p. 163. 6). The verb diverges even more from a military meaning when it acquires yet another sense (to cling to, to preserve, to fulfill), as for instance «the emperor kept the treaty inviolate» (p. 411. 88), or «God looks kindly or one who fulfills his commandments» (p. 44. 88).

The adjective φυλακτήριος (serving as a protection), used five times, can characterize defensive arms (p. 24. 22); it appears often as a substantive designating a general means of protection, as for instance in the description of the images of the archangel as φυλακτήρια (p. 442. 53) or in the reproach that the *Romaioi* were inept in organizing anything «saving or protective» for themselves and their countrymen (p. 625. 31). The noun φυλακή, used in twelve cases, means «defense» in general, but also, in a more concrete sense, «command of a garrison», as for example, φυλακή of Nicea (p. 244. 71) or Dorylaion (p. 177. 86), or even the φυλακή of a palace (p. 49. 33). In four passages the word is used for bodyguards. Φύλαξ stands for guardian in twenty-one cases, especially of a garrison. It denotes a commander-in-chief:

for example, a φύλαξ of a city (p. 310. 87) or a φύλαξ of an army (p. 211. 7). The noun appears also in non-military contexts, such as φύλαξ of a treasury (p. 534. 68) or of a prison (p. 129. 35), or even describing a regent (p. 257. 75). It serves also as an epithet of Michael the Archangel (p. 238. 81) and, metaphorically, for anything that stores or saves anything. Thus, Choniates states that the ears do not know what is happening, but they are keepers of information provided by someone else (p. 466. 46–47).

The related προφύλαξ, used in four cases, has usually a more specific meaning (sentinel). The army of the protostrator Manuel Kamytzes is said to have had scouts and sentinels or «advanced guards» as Magoulias translates the term (p. 408. 11). It can also designate bodyguards (p. 322. 46). Metaphorically, προφύλαξ stands for a defender in general, as in the story about the capture of impregnable Acrocorinth which turned out to have no valiant προφύλαξ (p. 75. 74). Once Choniates employs the substantive προφυλακοῦντες (guardians, defenders): «the wall had not defenders» (p. 288. 43). I was unable to find the verb προφυλακέω either in Stephanus, Passow, or Liddell-Scott, nor is it in van Dielen's index. From the same root comes the substantive φυλακικόν (garrison), from the Classical φυλακικός, meaning «*custodiendi peritus*» according to Stephanus, «watchful» according to Liddell-Scott. Choniates uses φυλακικόν to describe a valiant garrison (p. 75. 72), and an allied garrison (p. 569. 13).

Φρουρός (guardian) is used five times, often applied to the soldiers of a garrison. Its derivative φρουραρχία, found in one passage, denotes the command of a garrison. The noun φρουρά is more complicated; in one case it means fortification where Choniates describes the restoration of towers and other fortifications (p. 136. 43). In seventeen cases the word designates a garrison, and in twenty-eight cases a prison. The related verb φρουρέω (to guard, to keep watch over), used ten times, rarely has the direct meaning of defense. Thus, Choniates speaks of the gates defended or rather guarded by the enemy (p. 358. 80). More often the verb indicates «to serve in a garrison, to command a garrison». Thus, Chrysos was sent by the emperor to command (φρουρεῖν) the stronghold of Strumitza (p. 487. 67). The word could also be used for guarding people, especially for holding prisoners (p. 68. 85, 107. 5); in the passive, it means «to be protected [by God]» (p. 183. 73, 423. 23).

The idea of garrisoning is also expressed by several verbs the first meaning of which is «to set or station in a physical location or in a list». The verb ἐγκαθίστημι (to place as a garrison), used three times, is always employed in connection with φρουρά or φρουροί. Similarly,

the verb ἐγκαθίζομαι (to encamp in a place) is used one time in the passive to designate the positioning of φρουροί (p. 176. 62.). The Classical meaning of ἐγκαταλέγω is «to enlist soldiers» according to Liddell-Scott; «in eine Gattung oder Klasse auswählen» according to Passow; «*numero militum ascribere*» according to Stephanus. Choniates, however, uses the expression in one passage with φρουρά with the meaning «to set as a garrison» (p. 598. 94). The verb ἐγκάθημαι, used in one case, has a similar meaning; Choniates describes Sozopolis as having inside a garrison of heavy-armed soldiers (p. 12. 15).

Some other words, used rarely by Choniates, bear the same meaning of defense. A group of them is formed from the radicals that signify war (μαχ or πολεμ). For example, ὑπέρμαχος (defender) is used once (p. 252. 79) with the metaphorical meaning «the defender of truth». The related verb ὑπερμαχέω has a more literal sense; the substantive ὑπερμαχοῦντες designates supporters or defenders of the kaisarissa (p. 238. 91); immediately afterward Choniates formulates the maxim, «There is nothing bad (literally, unholy) in self-defense» (p. 239. 19). The verb προπολεμέω, used one time, has an abstract connotation, «to make war in defense of» (p. 385. 42).

Another group derives from the roots denoting defensive means (ἀσπ or σκεπ). The verb ὑπερασπίζω in one passage (p. 588. 28) produces a substantive, ὑπερασπίζων (defender). The same verb with a different prefix, προσασπίζομαι, has the same meaning in one case: «to defend [as with the shield]» (p. 298. 25). Finally, the adjective σκεπαστήριος (defensive) appears in one passage as an epithet to characterize defensive arms (p. 573. 90).

Choniates' vocabulary contains numerous words carrying similar ideas of resistance, contention, etc. I will analyze them elsewhere and limit this article to direct notions of attack and defense. It seems that Choniates was more interested in the idea of attack than that of defense. He enriched his vocabulary for attack by using more words in their non-classical meaning and even employed certain non-classical terms. In the field of defense Choniates concentrated either on the material objects, such as the fortifications and their components, or on the providers of defense, i. e., the garrison. The abstract concept of protecting the land is limited to a few words, such as ἀμύνω and rare verbs (ὑπερασπίζω, προσασπίζω, ὑπερμαχέω); the two groups of words based on φυλάττω and φρουρός tend to express the idea of a garrison, and so do rare verbs with the original meaning of encamping or setting (positioning).

We usually think of the Byzantines as oriented toward defensive strategy – does Choniates' vocabulary contradict this observation?

He evidently was writing in a time when the problem of the defense of the land was equated with that of its survival. Why did he – subconsciously – put the emphasis on the attack rather than the defense? Was he more impressed by the actions of the enemies of the empire, or did he belong – if not by his origins or administrative career, then by his views – to the thin layer of Byzantine knighthood, members of which class were ready to emulate the crusaders? The scanty section of his vocabulary studied in this article does not suffice to elucidate this problem, but it indicates a paradoxical phenomenon and calls for further investigation.*

Впервые опубликовано: Peace and War in Byzantium. Essays in Honor of George Dennis / Eds. Miller T., Nesbitt J. Washington, 1995. P. 225–244.

* I am extremely grateful to Dr. Lee Sherry for his help in compiling this article.

¹ *Nicetas Choniates*. *Historia* / Ed. J. L. van Dieten. Pt. 1–2. For the index of rare words, see pt. 2: 112–25. (All citations are to *page and line number of vol. 1*, unless otherwise noted.) English translation by Magoulias, trans., *O City of Byzantium*. I do not indicate pages of Magoulias' translation since his book has marginal references to the pages of van Dieten's edition of the text. In a few cases I refer to the German translation by Grabler, «Krone der Komnenen», which was completed before van Dieten's critical edition.

I refer in the text to the major Greek dictionaries: *Liddell H., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940; *Lampe G. W.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961–68; *Passow F.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Darmstadt, 1970; *Stephanus H.* Thesaurus Graecae linguae. Paris, 1831–51. All references in the lexica are given *sub voce*, not by page number.

² In Greek papyri τεῖχος designated not only the city wall but also the wall of a temple, courtyard, or house. See: *Preisigke*. Wörterbuch, 2: 584. The Byzantines however, described the wall of an edifice as τοῖχος or τοιχίον. See: *Koukoules*. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, 4: 256, note 3. In Choniates' *Historia* τοῖχος is used primarily for the church walls (Dieten, ed., Choniates, *Historia*, 222. 73; 442. 50).

³ I ignore those entries in Classical dictionaries that refer to Choniates only, such as Stephanus and Passow for τειχισμάτων and ἐπιτειχιστής (see below).

⁴ Dieten, ed., Choniates, *Orationes* (Berlin; New York, 1972), 16. 24.

TERMINOLOGY OF WARFARE IN THE *HISTORY* OF NIKETAS CHONIATES: CONTINGENTS AND BATTLE*

In recent years a new tendency in our field of scholarship has become increasingly evident: from the interpretation of individual cases there has been a shift towards statistical (or more accurately, semi-statistical) analysis. This development is especially obvious in new branches of our discipline: in numismatics we have replaced the admiration of beautiful gold pieces by the investigation of coin circulation velocity and intensity of minting, and the first steps of a semi-statistical approach have been taken in prosopography, in order, for instance, to establish when the habit of using aristocratic family names became common practice in Byzantium.

The vocabulary of Byzantine writers can be subjected to semi-statistical examination as well. Attempts to apply this method, however, have been few. One of the first was the analysis of some features of Constantine Porphyrogenetos' terminology by the Greek scholar Barbara Koutaba-Deliboria¹. The semi-statistical study of vocabulary is promising because it opens a window onto the inner, subconscious world of an author: if the writer's direct statements appear to be, or, indeed, are unmistakeably biased, in other words determined by religious, political or ethnic prejudices, the vocabulary will not have been formed by conscious choice. Moreover, the vocabulary could contradict the author's direct statements and thus reveal his true views and intentions². It could reveal elements of his world-view that seemed too obvious to him to be explicitly stated: a Byzantine historian tackled the problems of war and peace or described the intrigues of daft courtiers – but what did he think about plants and animals or the human

body and its limbs, attitudes that can be gleaned only from the peculiarities of his vocabulary.

The main obstacle that arises before a scholar who dares to tread this rough trail is the absence of proper concordances to individual authors, and even if we have a lexicon for a Byzantine (or rather patristic or late Roman) writer (as in the case of Nonnos of Panopolis³ or John Kaminiates⁴) this lexicon is alphabetical and serves the pragmatic goal of understanding the text, but is inexpedient for the purpose of studying the writer's world-view. Even if a scholar decides to spend long years on the tedious chore of collecting and categorizing the vocabulary of an individual writer, the lack of proper concordances makes impossible any comparison of this individual vocabulary with the lexical treasure of his predecessors and contemporaries. But despite all these obstacles and difficulties we have to make a start.

I have spent approximately fifteen years establishing a concordance to the History (in fact Chronicle, Χρονική διήγησις) of Niketas Choniates, a brilliant Byzantine *littérateur* who died in the early thirteenth century. I started this work while still in the former Soviet Union, in the pre-computer era, and I had to write down on index cards all the words of this voluminous History, naturally with the indication of the chapter («book» in Choniates' terminology), page and line; the only exception was the conjunction *kai* which I allowed myself to omit. As soon as this part of the work was finished, the data double-checked, and the cards displayed in alphabetical order, the second stage of the work began: I categorized the words of Niketas in thematic (subject-matter) clusters. Thus, for instance, all the words designating plants formed a cluster and words designating servants another. The concordance consists of several hundred topical clusters (entries).

Such an arrangement has its advantages and disadvantages. The major advantage is that it provides the user with comprehensive information about a certain circle of elements of Choniates' vocabulary and consequently of his worldview. The analysis of single clusters has already allowed me to advance some hypotheses concerning his perception of the human body and the plant kingdom⁵. The concordance permits the investigator to exploit the frequency of each and every word, and identify not only the words absent from classical and patristic dictionaries⁶, but the ancient words which acquire in the History an unusual («new») meaning.

The main disadvantage of a subject-matter concordance is its subjectivity: the alphabetical principle is strictly scientific, and nobody will question its system and order; the location of the word or concept in a subject-matter concordance depends very much on the scholar's

choice and taste, since many words are complex, have diverse meanings, and may be positioned within several different entries. Such an arbitrariness of categorization may result in erroneously placing synonyms in different clusters and, consequently, in their temporary loss, until the whole concordance is published or investigated.

The concordance to the *History* of Choniates is too voluminous to be published; it is, however, stored in the library of Dumbarton Oaks (Washington DC) and is available to scholars in residence. It is based on the critical edition of J. L. van Dieten⁷, and all the references, both in the concordance and this paper, are given to his edition; since all the references are in the concordance, here only the most important are offered – to avoid cumbersome and tedious accumulation of figures.

Byzantine military terminology has been studied by many scholars. In the materials of the recent colloquium on the Late Roman army, at least two articles were published dealing with this terminology, primarily on the basis of the so-called *Strategikon* of Maurice (or pseudo-Maurice)⁸. The methods and purpose of study I am suggesting differ from the approach of previous scholars. What they set out to investigate was reality as reflected in the terminology of the sources, and it is quite natural that they turned toward specific sources, to military treatises first of all. My goal is the perception of warfare, a vision of the army, not the reality of «combatants and technology». Both Kolias and Dagron (as well as their predecessors) are concerned with the formulas of command, with weapons, with the actual composition of the army. I am dealing with the image of the army in the mind of a single Byzantine writer, regardless of the question whether this image was identical with, or tantamount to, the army of his day. In some points our investigative technique overlaps: both Kolias and I, for instance, are interested in survival of ancient terminology, but since I am looking for perception of reality the frequency of the use of a word acquires in my study more significance than it had previously: I find it necessary to learn not only which terms Choniates knew but which he employed more and which less frequently.

This paper is a continuation of my work on the warfare in the chronicle of Niketas Choniates. A year ago, I published an article on his vocabulary of attack and defense⁹. My analysis led me to an unexpected conclusion, namely that the historian's vocabulary of attack was richer than that of defense, that Choniates seems to have been concerned more (subliminally?) with the idea of attack than that of defense. We usually imagine Byzantines oriented toward defensive strategy and proclaiming peace over war¹⁰. Choniates' vocabulary contradicts this observation; probably, he was exceptional in this,

as he was in many ways. In the same vein, he differs from some Byzantine literati in his interpretation of the idea of movement: rather than the common opinion that stability and aversion to movement formed the Byzantine ethical and aesthetic ideal, the examination of Choniates' History demonstrates that the vocabulary of movement is more copious and more varied than that expressing stability¹¹.

Here I intend to survey the vocabulary that Choniates uses to denote the army, its units, and the battles in which they engaged. The leading term to designate the army is *στράτευμα*, appearing 178 times: 31 times Choniates more or less explicitly speaks of the Byzantine army, describing it as «Roman», «our» or local (*οἰκίζον*, *ἐμφύλιον*, *ἔνδαπον*), as well as «the army of the emperor» or that of the *domestikos*; 10 cases concern specifically summoning the army; 38 describe the army in action; nine times Choniates uses the term accompanied with epithets serving to characterize the type of an army (*ἱππικόν*, *πεζικόν*, *πάγχαλκον*, etc.). More often than external definitions we meet characterizations (or descriptions) of the army which may be called «moral»: Niketas lists its bad qualities or sees it as a passive body at least 19 times; nine times he refers to contingents of rebels. Especially frequent are the cases in which the term is applied to foreign armies (58 cases); they are qualified as «inimical» (*πολέμια*, *ἐνάντια*, *ξενικά*, etc.) or have specific ethnic characteristics: Latin, «Scythian», «Persian». Finally, on a few occasions the term is attached to mythological or ancient armies (of Antony or Agamemnon).

The synonym *στρατιά* is used 102 times, and normally in a context similar to that of *στράτευμα*; the «Roman» army, infantry, cavalry; the army summoned; the army in action. Often (at least 16 times) the context is negative, referring to defeated, damaged or endangered *στρατιά*. By chance or not, the term is often (32 cases) used to describe a contingent on the march, and in nine cases it is employed in passages in which the historian speaks of units of an army. Unlike *στράτευμα*, the term *στρατιά* is rarely applied to foreign contingents.

Another synonym, *στρατός*, is less frequent: the concordance records only 33 cases, and in one third of the cases, it appears with a pejorative connotation. The word *στρατιωτικόν* (the neutral form of the adjective «military») is employed in five cases, in two of which the army is described as debilitated. A similar construction is the term *ὀπλιτικόν* (13 cases), referring to «regiment, detachment» or collectively «a body of soldiers»; at least six times it is applied to mercenaries. The term *στρατολόγημα* is, probably, a Byzantine neologism¹²; Niketas uses it once, applying it to Venetian troops. We shall see below that some terms, whose primary meaning is «encampment» (*στρατόπεδον*,

παρεμβολή), were sometimes invested with the sense of an army or a body of soldiers.

The term τάξις, whose first meaning is «order, orderliness», is set more frequently (27 times) in a military context denoting a troop, or body of soldiers, as for instance αἱ πεζικαὶ τάξεις (p. 604. 47), as well as a battle line or battle array, and is particularly common when Choniates describes breaking ranks (five times). The word also appears in the specific context of soldiers' servants, τὸ ἐπόμενον ἔξω τάξεως (p. 429. 87), and for the designation of the ranks of angels. The similar word τάγμα (used 45 times) means, in the singular, a troop, or body of soldiers, whether imperial or barbaric, and is applied more specifically to cavalry or light troops. In the plural, τάγματα means the army, often with an ethnic or local definition (Roman, Scythian, eastern, western); at least 17 times τάγματα are presented in action. Like other words for the army, τάγματα frequently (five cases) acquires a pejorative connotation, but once (p. 180. 91) Niketas emphasizes that some τάγματα have not experienced evil [fate]. Once the term is assigned to divine troops. The related noun σύνταγμα (11 cases) has a similar meaning «corps, body of troops». Unlike τάγματα it appears only in the singular but it is also often accompanied by ethnic or local definitions. Choniates also speaks of a σύνταγμα as a crowd consisting of soldiers and civilians (p. 598. 85).

The word φάλαγξ (used 50 times) retained its classical, precise meaning (battle line) and sometimes appears as synonymous with τάξις (e. g., p. 102. 79); Choniates uses the word to describe military formation, saying «at the head of a phalanx» or «in the middle of a phalanx». But usually the word means contingent or army in a generic sense, accompanied by such qualifiers as Roman, Latin, Paeonic, Scythian, of the emperor, or just infantry.

The first meaning of δύναμις is power, but quite frequently (62 cases) it is applied, in both singular and plural, to the armed force. Many uses of the word are typical: the term is accompanied by ethnic (Roman, Latin, etc.) and technical (infantry, cavalry and naval) characteristics; especially common is its application to the troops in motion, with verbs like [ἐπ]άγω, πέμπω, στέλλω, etc. (28 times, almost half of all cases). The word does not seem to have been used with pejorative epithets (unlike most of its synonyms). On the contrary, Choniates praises a valiant δύναμις (p. 162. 87) or well equipped δυνάμεις (p. 378. 63). Its derivative μεγαλοδύναμος is translated in Liddell-Scott as «very powerful» (similar renderings in Stephanus and Passow); Choniates employs it once (p. 91. 16) implying a slightly different, more specific sense – «with a great armed force».

The word λόχος, sometimes meaning ambush, appears in three cases to designate an armed band or body of troops, and two other words acquire the same sense metaphorically: ἰσχύς, «strength», seven times refers to an «armed force or troop», and χεῖρ, «hand or arm», is used five times in the military sense («armed force»), usually with epithets which underscore sufficiency – ἰκανή or συχνή.

Some terms have close but more specific meanings. Μοῖρα (38 cases) is primarily a detachment or a company of an army, commonly supplemented with a genitive of the whole, τῆς στρατιᾶς or τοῦ στρατεύματος; nine times it comes with ethnic characteristics (Scythian, Vlach, Latin, Venetian, even Macedonian). The word has an adversarial connotation conveyed through such epithets as ἐναντίος or ἀντίπαλος, and accordingly it acquires, in seven cases, the metaphorical meaning of [rebellious] factions.

To the same semantic field belongs the word στίφος, «a military unit or body of men in close array» (10 cases), used mostly for Latin troops, even though twice it is clarified by the epithet Roman. The synonym ἦλη is used 14 times for both Roman and foreign detachments; it is unclear whether it refers to mounted warriors only or to all types of soldiers. The adverb ἰλαδόν, «in companies», its derivative, appears once. Σπεῖρα, the classical word for Latin «cohort», is employed five times, usually juxtaposed with φάλαγξ, λόχος or μοῖρα. Other words for detachment are rare. The Homeric term στίχες, «rows or lines of soldiers», appears (in plural) only once. The Latin ροῦτα (absent from Liddell-Scott and other classical dictionaries, even from Sophocles, but accepted by Ducange) is equated with μοῖρα; it is used once as an equivalent of the biblical τετράδιον (cf. Acts 12: 4), «a guard of soldiers of four men».

Niketas knows particular terms for various parts of the battle order but employs them infrequently. Κέρας (eight cases) means a flank or a wing of an army; οὐρά (three times) and οὐραγία (once) designate the rearguard; from which originate the verb οὐραγέω, «to be in the rear» (twice), and the noun οὐραγός, «leader of the rearguard» (once). Five times the traditional designation of train or military transport, σκευοφόρα, is used, and once its synonym σκευαγωγήμα (p. 100. 50) that seems to be a Choniates' neologism; it is not recorded in either Ducange or Sophocles, and the only reference in Stephanus is to Choniates.

The main verb in the History indicating the levy of an army is στρατολογέω (15 cases), applied to both mercenaries and the indigenous population, for instance Paphlagonians; once Niketas speaks disdainfully about worthless peasants who were drafted (p. 245. 86); the verbs

συλλογᾶω and the hapax συστρατολογέομαι (p. 369. 61; the sole reference in Stephanus is to Choniates) have a similar meaning, «to draft», each of them used only once. I leave aside such verbs as συναθροίζω or ξυλλέγω, which are used to describe the summoning of soldiers, but have a generic sense of gathering and collecting.

The individual combatant is represented primarily by the noun ἀνὴρ. The word is polysemous, encompassing such meanings as «man» and «husband»; as «warrior» it appears in the *History* 73 times. Whereas the concept of the army commonly infers low qualities, the individual combatant is mostly bestowed with excellence: in Niketas' portrayals «men» are ἀγαθοί, δραστήριοι, γενναῖοι, μάχιμοι, νικῶντες, ἀρεῖκοί, ἡρωϊκοί, and so forth. Several characterizations are more developed, as «brilliant in military skill» (p. 82. 56, cf. p. 398. 19) or «perfect in war» (p. 370. 3). To describe warriors Choniates also employs the nouns πολεμιστής (four cases, plus twice as adjective «military» [horses] and «bellicose» [men]) and πολεμήτωρ (once: p. 569. 91); the latter noun is recorded in Liddell-Scott only as an adjective, «warlike», and in Sophocles and Lampe as «adversary, enemy» – the epithet specifically typical of the Devil. Niketas, however, employs it in a positive sense speaking of «courageous warriors» (Magoulias' translation).

It is noteworthy that the most common Byzantine term for soldier, στρατιώτης, is less common in the *History* than ἀνὴρ (25 times only). The difference is not only quantitative: even though Choniates mentions «good stratiotes» (p. 208. 28), the word is mostly given a negative connotation (14 cases) emphasizing plundering and lack of fitness. From the same root originate such words as συστρατιώτης, fellow-soldier (put in three times, only in addresses of orators) as well as adjectives στρατιωτικός (10 cases) and its feminine version στρατιώτις (once), meaning «of or for a soldier». The noun στρατιωτικόν derived from this adjective meant the body of soldiers (see above). From the same root originated the noun στρατευόμενος, also denoting soldier, warrior; it appears four times, in two of which it is conjoined with ὀψώνια: «to serve in the army at his own expense» was an expression of St Paul (I Cor. 9: 7) that became popular in Byzantine hagiographical texts¹³.

Ὁπλίτης (16 cases) seems to have lost its ancient meaning «heavy-armed foot soldier»; it could denote the mounted «knight» (p. 322. 48), but usually was applied to soldiers in general, without distinguishing the arms or the service. At least five times the term is connected with foreigners, and it bears a positive connotation in such expressions as the hoplites of Christ (p. 412. 25) or «spiritual hoplite» (p. 222. 58); Choniates speaks with disdain about Alexios III asserting that he only

pretended to be a hoplite¹⁴. Like an individual «man», an individual hoplite was a positive figure. From the same root originate the noun συνοπλίτης, «fellow-warrior» (once), the adjective όπλομάχος, «fighting in heavy arms» (six cases), often applied to westerners, and the verb όπλιτεύω, «to serve as a man-at-arms, to be a warrior» (six times). From the latter verb several nouns were produced: όπλιτεύοντες, «soldiers», and neuter όπλιτεύον, «body of soldiers». More common is another term of the same root, όπλιτικόν (13 times), denoting a regiment or detachment, as well as soldiers collectively; it was frequently used for mercenaries. The term for soldier μαχητής, derived from the word for «battle» (see below), appears only once, but the adjective of this radical μάχιμος, «fit for battle, warlike», is employed five times.

Numerous words for combatants are more specific. Πρόμαχος, comes in the History only as a noun (four times) designating a warrior of the front line, and also metaphorically defender and bodyguard. Πεζός is an adjective defining the character of troops – «fighting on foot» (12 cases); it is usually contrasted with contingents of cavalry or the fleet. Six times the word appears in the plural, as a noun describing infantry. We leave aside the non-military use of the word, meaning simply «walking». A similar adjective πεζικός (11 times) has the same connotation, «of or for infantry» and is usually opposed to mounted troops. Twice it is used as the neuter noun πεζικόν. The rare word πεζεταίρα appears only once as an adjective that characterizes a detachment of infantry (p. 62. 86) – in Liddell-Scott it is recorded only as a noun used in the plural to specify foot-guards.

More variegated than expressions for the infantry are the terms standing for horsemen. The word ίππος (as a feminine noun) was a common designation of cavalry. Choniatēs employs it 10 times. From this root several words derive: the feminine adjective ίππότις (once) defining the character of a «phalanx»; ίππικός, (8 cases), also an adjective («of cavalry») which in the neuter produces a noun «cavalry»; ίππεύς, «cavalryman, mounted knight», used 13 times and mostly (in nine cases) applied to the Latins while Roman and Turkish ίππεις are rarely introduced. A synonymous term is ίππότης (17 times) also applied primarily to the Latins. In the same sense of horseman, but less frequently used, are the related words: ίππαστής (once), designating a crusader, and ίπποκορυστής, employed twice and also referring to crusaders (Liddell-Scott records only a different meaning of the word – «marshaller, arranger of chariots», but Stephanus has it as mounted soldier). The word ίππός has in the History the notion of «the regiment (or state) of mounted knights», as in the phrase «Peter from

the *ἰπᾶς*» (p. 569. 16). The word appears three times. More specific is the term *ἵπποτοξότης*, «mounted bowman», used once.

From the same radical are produced the noun *ἵππομαχία*, «the action or charge of cavalry», as well as the adjective *εὖιππος*, «having good horses» (five times); it is a part of the formula *εὖιππος καὶ εὖοπλος* (p. 28. 1, 368. 32, 408. 95), «with good horses and weaponry».

Another word denoting horseman was *ἀναβάτης* (11 cases). Unlike *ἱππότης* and related terms, *ἀναβάτης* appears in a predominantly negative context, beginning with the scene of the catastrophe at Myriokephalon, in which Choniates (p. 181. 27) imitated the biblical phrase «The horse and its rider hath he thrown into the sea» (Exod. 15: 1). Three more times Niketas returns to the image of a defeated *ἀναβάτης*, and twice he uses the term in descriptions of bad omens; finally, he introduces the word three times in connection with the myth of Bellerophon who tumbled into the flames.

Other types of combatant are few. *Τοξότης*, «bowman or archer», is mentioned seven times, sometimes with a positive connotation, as «the mighty archers» (p. 414. 65), but in another passage we read about archers who were scattered by the Turks (p. 181. 3–7). From this term derives the feminine adjective *τοξότης* employed in two cases. A neologism (?) *τσαγγροτοξότης* (twice) designated crossbowmen (p. 539. 4, 544. 32), a new kind of soldier¹⁵. *Αἰχμητής*, in ancient Greek «spearman», appears only once; in the *History* it lost its particular sense and acquired a generic meaning «warrior» (p. 250. 12). The ancient word *πτελεκυφόρος*, «axe-bearer», is frequently attached, in the quality of an adjective, to «barbarians», sometimes specified as «Germans» or «Celts», and as a noun in the neuter it denotes the company of body-guards armed with battle-axes.

Another ancient word, *ἵπποσκευή*, «baggage, household goods» (three times), bears in the *History* only a military connotation – military train (three cases). Niketas knows such words as *ὀπισθοφύλαξ*, «commander of the rearguard» (once) and a related verb *ὀπισθοφυλάκω*, «to command a rearguard» (twice).

The terminology of the camp is also variegated. The main word for the military camp is *στρατόπεδον*, but it covers two ideas: that of the camp (22 cases) and, in a more general sense, army (27 cases), as mostly stationed units. *Στρατόπεδον* – the army is infrequently described in action, and only three times Choniates presents it as damaged. The word is used to designate a herd or similar aggregation of animals and birds: deer, crows or lions. The related verb *στρατοπεδεύω* (13 times) means «to pitch a camp». Another term, *παρεμβολή* (nine cases), like *στρατόπεδον*, could be applied to two different

objects – the encampment and the company of soldiers; it appears also in a figurative context to characterize a pack of lions. The word στρατήγιον in antiquity was used to denote a general's tent, but already in the Souda it acquired the broader meaning of camp, and Choniates uses the word in this Byzantine sense (nine times).

Σταθμός (12 cases) is a complicated word. It could designate an encampment encircled by a fence [and ditch?] (p. 178. 20) and more broadly soldiers' lodgings. But it was used as well to define soldiers' conditions (for instance, in the phrase «the stay was peaceful» [p. 64. 54]), an abode or shelter in general or specifically a farmstead or stable, and even a distance equal to a day's march. To the same circle of ideas belong verbs referring to pitching a camp: first of all σκηνέω or σκηνώ, «encamp» (eight times) and its derivative ἀποσκηνέομαι or ἀποσκηνόομαι, «encamp apart», but in the History used metaphorically – «to keep apart from» (once). The verb ἀγροάλέω (once) is rendered in Liddell-Scott as «live in the open» Niketas bestowed upon it the technical meaning «to pitch camp».

The adjective νεοσύλλεκτος means «newly levied». It is used only once in the History.

The main term for the navy in Choniates' vocabulary is στόλος (34 cases). Strangely enough Choniates seldom speaks of a hostile στόλος – Sicilian (Norman) or Venetian. On the other hand, the term commonly appears in the title of a commander of the naval forces (as *doux* of the *stolos*) of a flotilla. Sea battles are mentioned several times (the typical formula is συγκεκριμένο το στόλος) as well as a retreat of the fleet (e. g., p. 540. 24), but there is no pejorative connotation in the terminology of the navy. To this sphere belongs the adjective πλευστικός, «related to the navy». The term στολαρχία, «command of a fleet» (p. 247. 37), is not recorded in Liddell-Scott or Sophocles; Stephanus, Passow and Demetrakos have it, referring to Byzantine authors of the twelfth century, Choniates and Manasses.

The adjective ξενικός, «mercenary, foreign», is relatively infrequent (five cases) but various terms are produced from this root, such as ξενολογέω, «enlist or levy mercenaries» (three times). Three words which are derived from the same radical are particularly interesting: ξενολογία is translated in Liddell-Scott as «recruitment of mercenaries»; in the History it appears twice but with a new meaning, «a body of mercenaries» (p. 157. 45, 164. 57); the words ξενολογικόν, also «a body of mercenaries» (once: p. 297. 94, absent from Stephanus), and ξενολόγησις, «levy of foreign mercenaries» (once: p. 386. 76, included in Stephanus with a sole reference to Niketas), are most probably Byzantine neologisms, even though they are not to be found

in Ducange or Sophocles. No more common are other words connected with the same topic but originating from a different root – μισθός, «payment or price». Here also belongs: μισθοφορικόν, «a body of mercenaries» (twice), μισθοφορέω, «receive wages or pay» (once), and μισθωσάμενος (only as a participle), «hiring [mercenaries]» (twice). All three words are classical. The noun of the same radical, μίσθωμα, is recorded in Liddell-Scott as «contract-price», but Choniates uses it (only once: p. 297. 95) in a specific sense, «the pay of mercenaries». Thus it seems that Niketas, who does not speak much about mercenaries, had some problems with this concept; in order to express it he searched for some new terms or ascribed a new, non-classical meaning to some traditional words.

The main word for war in the *History* is πόλεμος (226 cases). In at least 14 cases the term describes wars in general, as for instance «the memory of the wars in the past» (p. 152. 8), but it is employed for individual wars such as those against the Scythians, Saracens, Italians, Vlachs and so on. On 43 occasions Niketas describes launching a war, πόλεμος with various verbs: ἐτοιμάζω, ἀνακηρύσσω, ἐπάγω and so on. Martial actions are inferred adverbially (as in the expression «he was defeated in battle» [p. 529. 20]) – sometimes with a preposition (διὰ πολέμου) or through an instrumental dative (πολέμῳ). 15 or 16 times Choniates speaks about the end of the war or of military actions. The image of those killed in the war or prisoners of war is represented with this term 12 times. The term was used also in a generic sense of warfare (16 times). A specific case is the civil war, ἐμφύλιος πόλεμος (five times), and common (11 cases) is the clause «by the laws of warfare», πολέμου νόμῳ. The verbs πολεμέω (three times) and διαπολεμέω (once) mean «to make war», and several adjectives were produced from the same root meaning «of or belonging to war, military». Πολέμιος (we leave aside the sense of «hostile») is used 16 times, primarily in an abstract meaning, as «by the laws of warfare» (νόμῳ πολεμίῳ) (twice), ἔργα πολέμια, «military deeds» (seven times), and as a noun τὰ πολέμια, «military art» (four times). On the other hand, πολεμικός is more concrete, being applied to warships, tools and dress; only once Choniates mentions πολεμικὰ ἔργα (p. 370. 5). Πολεμιστήριος (nine cases) has an exclusively concrete sense, characterizing either warships or horses.

The adjective τακτικός (seven cases), «belonging to tactics, military», has a tinge of abstraction (as «military methods») and is sometimes used in the neutral plural τὰ τακτικά in the sense of «military art», whereas Liddell-Scott indicates only feminine singular ἡ τακτική as «the art of tactics».

The battle is primarily μάχη (73 times) often used to describe launching a battle (26 cases); the expression διὰ μάχης χωρεῖν is particularly common. The word appears in the context of the cause of a battle (four times), or the character of a battle (15 cases) and its result (11 cases). In the plural it denotes «warfare and/or military skill». The word of the same meaning διαμάχη is used only once. The noun produced from the same root μαχησμός (five times) has the same sense; the word is non-classical – it is not recorded in Liddell-Scott, and Stephanus refers to Niketas and to Theodore Prodromes only. The related verb μάχομαι, «to fight», is frequent (47 cases); Choniates uses it primarily to describe either the character of a battle or its location. Three times it appears in the same meaning with the prefix δια – διαμάχομαι.

Ναυμαχία, «sea-fight», is rare (twice); the adjective ναυμαχικός means «of or for a sea-battle». It is used twice (e. g., ναυμαχική στρατιά [p. 476. 59], «naval squadron»), and seems to be a Byzantine term, little known in antiquity (Stephanus gives it referring to Diodorus of Sicily and Hesychios).

Another term for battle is συμπλοκή (19 times) having the connotation «close engagement, skirmish», and sometimes supplemented with definitions such as εἰς χεῖρας or κατὰ χεῖρα. The word appears in a broader sense to designate civil war (p. 263. 33) and, figuratively, the attack of a beast (p. 512. 74). The primary meaning of the related word συμπλέκομαι (37 cases, only middle voice) is «to be twined, combined» (e. g., p. 579. 8), but Choniates employed it almost exclusively as «to fight, to be engaged»; it is usually accompanied by a dative indicating the adversary, but in several cases the indication of the enemy is omitted, as for instance συμπλακέντες ἐμάχοντο (p. 409. 24). The verb could be used metaphorically, as in the phrase «a mosquito fighting a lion» (p. 491. 8), or to denote sexual intercourse – τῇ γυναικὶ συνεπλέκετο (p. 104. 50). An analogous transformation was experienced by the verb ἀντιπλέκω, rendered by Liddell-Scott as «intertwine», and by Lampe as «weave a plot against». Choniates uses it three times, always in the passive voice, in the sense «to engage, fight, combat». The verb διαπληκτίζομαι, «to skirmish with», appears only once.

Infrequent is the noun συνασπισμός (four times), «fighting in close array», according to Liddell-Scott. Niketas uses it twice in the broader sense of «attack»: the citizens of Constantinople, he relates, incited each other (ἀλλήλους) to an attack (εἰς συνασπισμόν) [against the Latins] (p. 250. 25, cf. p. 625. 40). In both cases there is no specific meaning of the «close array», but the pronoun ἀλλήλους infers the idea

of a combined attack. The word συνασπισμός is produced from the term ἀσπίς, «shield», and similar in character is the origin of the noun ξιφουλκία, «drawing a sword», as rendered in Liddell-Scott. Choniates employs the word twice with a broader meaning of «battle, struggle». The noun ὁμαιχμία (seven cases) is interpreted in Liddell-Scott as «union for battle, defensive alliance, league». In the *History* it appears in the more concrete sense «close formation». Twice Choniates plays on this word, rather clumsily: he speaks of ὁμαιχμία μία, «a close line» (p. 70. 34, 155. 95). Figuratively, the word could designate «crowd, mob». The adverb πυργηδόν (twice) means «in a close formation»; the word seems uncommon, and in both cases Niketas finds it necessary to suggest an explanation.

The noun σύνταξις, is employed to characterize battle formation (on five occasions), as well as the verb συντάσσω (rarely ξυν-) (14 cases), meaning «to put in battle order». It could have various non-military connotations: in a general sense it signifies «join, combine», in a fiscal context «levy» (φόρους συνέταττε [p. 599. 19]), and in the middle the voice it bears the meaning «to be placed = to exist», and, in a special sense, «to say farewell». The same root could acquire other prefixes: ἐκτάσσω (six cases) denoted «draw out in battle order», and the middle voice παρατάσσομαι (four times) can be translated «draw up in battle order». Ἀντιτάσσω (14 times) designates in the active voice «to range in battle» and in the middle and passive «to set oneself against [someone], to meet face to face», or simply, «to fight». It can also mean «to resist» and metaphorically «to contradict». The related nouns are richer in meaning. Ἑκταξις is used three times, of which one has a military signification, «array for battle». Once it appears in a sense not recorded in Liddell-Scott, «inspection of forces» (p. 208. 18; Stephanus, however, records a similar meaning «instructio aciei»), and once metaphorically as «inquiry» (p. 495. 18). Παράταξις (13 cases) signified both «line of battle», «battle order» and, more abstractly, «battle, warfare», as in the sentence «the time called for battle» (p. 386. 72). Ἀντίταξις is rendered in Liddle-Scott as «setting in array against». In the *History* (four cases) it has a more generic meaning, «fighting, resistance», and specifically «counter-attack, sally» (p. 27. 94).

Several adjectives were assigned the meaning «bellicose, belligerent, martial». To this group belongs the classical πολεμόκλονος (once) and several words in a sense more or less differing from ancient usage. Ἀρεϊκός is, certainly, a genuine ancient word; Liddell-Scott translates it only as «belonging to Ares», but it had to possess the metaphorical meaning of «warlike» («kriegerisch», as Passow renders

the similar ἄρειος). It is relatively common in the History (seven times), but here it has no mythological connotation: Choniates speaks of ἀρεικοί men or knights, of «martial» weapons, strongholds or actions. Ἀρειμάνιος is also a word of «mythological descent»; Liddell-Scott renders it «full of warlike frenzy», Passow «in kriegertischer Wut, tapfer». The connotation of frenzy disappears in the History; the word, used twice, acquires a positive tinge: Niketas speaks of a man good in action and ἀρειμάνιος (p. 257. 81), of «war-hungry» mounted warriors (p. 384. 15). The adjective πολεμοχαρής is not recorded in Liddell-Scott at all, and Passow includes it with the sole reference to Niketas; Choniates employs it twice: once (p. 335. 7) in the meaning of «hostile to peace, warlike», «bello exultans» in van Dieten's translation; the second time with a more positive nuance: according to him, Rukn al-Din was clever by nature and exceedingly bellicose, and therefore he outdistanced his brother (p. 521. 83–84). The verb πολεμῶ is explained in Liddell-Scott as a derivative of πολέμω, in the History we meet only its participle, πολεμῶν (four times), meaning «belligerent, warlike». Another adjective, ἀνειρήνευτος, is also absent from Liddell-Scott, Passow and even Sophocles, and Trapp includes it in his Lexikon, referring, besides Choniates, to the tenth-century epistolographer Niketas Patrikios; van Dieten understands it as «pacis expert» and Trapp «ohne Frieden». Choniates employs it once, speaking about the days when the Byzantines had no peace (p. 401. 20), in other words days full of fighting. On the other hand, to express the lack of military experience Niketas uses only classical adjectives: ἀπόλεμος (five times), «unwarlike, unfit for fighting» (once, here it has a slightly different sense «without fighting = safe» [p. 71. 75]), and the synonymous ἀπόμαχος (seven cases). The ancient adjective ἀπειρόμαχος, «unused in battle, untried in war», appears in the History once, as a noun, meaning «lack of martial experience».

The concept of military expedition is expressed by numerous nouns and verbs. The word στρατεία, «campaign, expedition», relatively infrequent (seven cases), is used three times in the clause «to announce a campaign [against somebody]». With the prefix *ek*, ἐκστρατεία (five times), it preserves in the History the same military sense. Stephanus, Passow and Demetrakos assume that the word had this military meaning in classical Greek, whereas Liddell-Scott translates it in a general way as «going out on service». The decisive text must be Lucian's «The Dream, or the Cock» (par. 25) quoted both in Liddell-Scott and in other dictionaries. Lucian mentions the term in a consistently civil context: «Business, negotiations, lawsuits, *ekstrateiai*, orders, countersigns, and calculations». Stephanus, however, gives numerous references to

Byzantine texts, including Leo VI's *Tactica*, in which the word unquestionably designates martial activity.

Related to these terms is the verb στρατεύω (six times), «to advance with the army, to march out», always directing the preposition κατά. It assumes various prefixes: ἐκστρατεύω (four times) designates «to march out», συνεκστρατεύω (twice), «to march out together» (both verbs mostly with κατά), and συστρατεύω (four times), «to join in an expedition».

The noun ἐκδημία is interpreted in Liddell-Scott as «going or being abroad», and a similar translation is found in Stephanus, Passow and Demetrakos; Sophocles omits the noun. Niketas uses the word five times, primarily to denote an expedition, especially a long and arduous one; metaphorically it means «departure from a body». Liddell-Scott gives a single reference to this meaning – a lemma in the *Anthologia Palatina* 3: 5, but it was very common in patristic texts. The verb ἀντεπέξειμι (once) means «to march out to meet an enemy», ἀντεξάγω (twice) – «to lead out or to send against». The meaning of «expedition» is close to that of «attack» that I surveyed in a previous article, and there is no clear borderline between the two; to the list of words designating «attack» I may add one more, ἀντεμβολή (once); Liddell-Scott and Passow record no military meaning of this word (Liddell-Scott suggest «pipe made of pieces fitted into each other, substitute»; Passow suggests «das gegenseitige Hineinfallen»), and in a similar sense the word appears in patristics («mutual incursion», according to Lampe, as in John Damaskenos' explanation of «mixture» as «confluence of qualities» [Dial. par. 65, ed. Kotter I: 136. 114–16] or «substitution»). Choniates implies «counterattack» (p. 618. 20). Trapp did not include the term in his *Lexikon*.

I shall finish by quoting two words which are tangentially connected with the theme of warfare. One of them, the adjective ἐνυάλιος, «of war or battle» (three times), characterizes the war-trumpet; as a noun, τὸ ἐνυάλιον means «the signal for battle». Another is ἀλαλαγή, «war cry» (twice).

Before attempting to draw some conclusions, a word of warning must be offered. Already while listing the notions belonging to the field of martial terminology we have come across the difficulty of drawing borderlines between clusters of concepts: should, for instance, the theme of attack be treated here or does it form a separate unit? We may ask also whether such themes as failure/defeat or success/trophy are inextricably bound with the theme of warfare, or must they be examined independently? Frontiers usually are subjective, a matter of choice, and no single solution can be expected to satisfy everybody.

In order to evaluate fully these observations we need comparative material. Without comparing Choniates with his predecessors and contemporaries no persuasive conclusion can be drawn. But we have no subject-matter concordances to Byzantine authors, while even alphabetical concordances can be counted on one's fingers. We have to wait until a daring soul decides to spend years of tedious work on categorizing the vocabulary of Michael Psellos' Chronography or the History by Kinnamos. All my results are hypothetical, and tentative. Nevertheless I want to suggest some possible conclusions.

The first is the deviation from classical vocabulary. It goes without saying that Choniates used non-classical words – many of them are gathered in the index compiled by J. L. van Dieten. As far as the military vocabulary is concerned, only *τσαγγροτοξότες* (and *ρούτα*?) is a completely non-classical term, other «Byzantine» words are formed by insignificant alteration of the ancient lexical. More complex is the case of classical words used pool in a non-classical context: their selection is to a large extent a question of subjective choice: the problem remains whether we are dealing with a new sense or a widening (figurative or not) of the traditional meaning. Again, what I have done is no more than tentative.

What matters, however, is that the cases of «new» or non-classical martial vocabulary in the History of Choniates do not occur so much in isolation (such abstract formations as *στρατολόγημα* or *σκεναγωγήμα*) but in certain semantic units: one such unit comprises the words connected with the concept of mercenaries, another the expression of martial prowess. On the one hand, this may simply be the product of chance; on the other, however, it may indeed be the result of deliberate design – both topics could have been signal for Choniates, and he dealt with them by trying to find precise expressions for these concepts.

The second observation concerns the frequency of individual words. Niketas deals predominantly with generic concepts such as «army» or «soldiers» – specific terms for particular military units are rare in the History. This may be the result of his civilian status and lack of genuine interest in details of warfare. There is a tangible difference in his approach to the fleet and land troops, the former being infrequently represented. Was such a disregard of the navy due to Choniates' lack of interest in sea operations, or does it reflect the decline of Byzantine sea power? Even more significant, perhaps, is another feature arising from our investigation: the noun «man» (an equivalent of the Latin *homo*) is employed to describe the warrior on many more occasions than the traditional *στρατιώτης*. Does this mean that Choniates, the

contemporary and observer of the crusades, was influenced by western terminology and attitudes? To answer this question we have to calculate the ratio of the two words in the works of his predecessors, and this is a task for the future.

The third point to be made is Choniates' moral understanding of individual words. The negative perception of ἀναβάτης; could be accounted for by the biblical tradition, but how are we to interpret the fact that the army as an institution often appears in a negative context, whereas individual «men», warriors, are usually extolled? Is this a sign of Niketas' individualism and of his critical attitude toward the Byzantine state and its army?

It needs to be stressed again, however, that only after comparative material becomes available, will we be in a position to answer such questions more or less convincingly. Now is the time for ἐρωτήσεις; ἀποκρίσεις still have to wait*.

Впервые опубликовано: Byzantium at War (9th–12th c.). Athens, 1997. P. 75–91.

* I am very grateful to professor D. Olster for his kind help in phrasing this article.

¹ *Koutaba-Deliboria B.* 'Ο γεωγραφικός κόσμος Κωνσταντίνου του Πορφυρογεννήτου. Athens, 1991–1993.

² I tried to demonstrate such a contradiction with regard to the memoirs of John Kantakouzenos: *Kazhdan A.* L'Histoire de Cantacuzène en tant qu'œuvre littéraire // *Byzantion*. 50. 1980. P. 279–327 (= *Authors and Texts in Byzantium*. Aldershot, 1993. Part XVI. P. 293–300).

³ *Peek W.* Lexikon zu den Dionysiaka des Nonnos. Berlin, 1968–1975.

⁴ *Tsolakes Eu., Kouphoroulou B.* 'Ιωάννου Καμινιάτου Εἰς τὴν ἁλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης Πίνακας λέξεων. Thessalonike, 1992.

⁵ See: *Kazhdan A.* Der Körper im Geschichtswerk des Niketas Choniates // *Fest und Alltag in Byzanz*. München, 1990. S. 91–105, 199–202; *Καζhdан A.* Растительный мир в «Истории» Никиты Хониата // *АДЦВ*. 26. 1992. С. 102–112. (См. настоящее издание. – *Прим. изд.*)

⁶ The major Greek dictionaries are: *Stephanus H.* Thesaurus Graecae linguae. Paris, 1831–1851; *Passow F.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Repr. Darmstadt, 1970; *Demettrakos D.* Μέγα λεξικόν τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Athens, 1949–1950; *Liddell H G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940; *Lampe G. W.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961–1968. For Byzantine terminology we still must rely upon: *Ducange Ch.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lyon, 1688; *Sophocles E.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New York, 1900; the new dictionary (*Trapp E.* Lexikon zur byzantinischen Gräzität. 1 [Vienna, 1994]) being still in an inchoate stage of publication.

⁷ *Nicetas Choniates.* Historia // Ed. J. L. van Dieten. Pt. 1–2. Berlin; New York, 1975; engl. trans.: *Magoulas H. A.* O City of Byzantium. Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984. Previous translations (Russian, German etc.) were produced before the publication of the critical edition.

- ⁸ *Kolias T. G.* Tradition und Erneuerung im frühbyzantinischen Reich am Beispiel der militärischen Sprache und Terminologie // *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Paris, 1993. P. 39–44; *Dagron G.* Modèles de combattants et technologie militaire dans le *Stratégikon* de Maurice // *L'armée romaine...* P. 279–284.
- ⁹ *Kazhdan A.* Terminology of War in Niketas Choniates' *Historia* // *Peace and War in Byzantium*. Washington, DC, 1995. P. 225–244. (См. настоящее издание. — *Прим. изд.*)
- ¹⁰ Much has been written on the question of war and peace in Byzantine literature, particularly on the problem of just war — see: *Laurent V.* L'idée de guerre sainte et la tradition byzantine // *Revue historique de sud-est européen*. 23. 1946. P. 71–98; *McLin T. C.* Just War in Byzantine Thought // *Michigan Academician*. 13. 1981. P. 485–489. More cautious are: *Kolia-Dermizaki A.* 'Ο βυζαντινός «ιερός πόλεμος», Athens, 1991; *Laïou A.* On Just War in Byzantium // *Tò 'Ελληνικόν*. Studies in Honor of S. Vryonis. I. New Rochelle; NY., 1993. P. 153–177; *Poules Cf. G.* Η άσκηση βίας στην άμυνα και στον πόλεμο κατά το εκκλησιαστικό δίκαιο. Thessalonike, 1990.
- ¹¹ *Каждан А.* Идея движения в словаре византийского историка Никиты Хониата // *Одиссей*. М., 1994. С. 95–116. (См. в настоящем издании. — *Прим. изд.*)
- ¹² The word is not recorded in Liddell-Scott and omitted in Ducange; Stephanos refers to Neilos of Ankyra (d. ca. 4. 10) and two twelfth century writers, Choniates and Theodore Balsamon; Sophocles quotes pseudo-Genesios and Theophanes Continuatus.
- ¹³ See: *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium. Galway, 1979. P. 146–149. Neither hagiographical texts nor the History of Choniates support the strict opposition suggested by Lemerle: στρατιώτης, the holder of a «military allotment», and στρατεύόμενος, the fighting soldier.
- ¹⁴ The phrase ὁπλίτης μόλις ὁρᾶται (p. 545. 52) is not easy to translate. Magoulas rendered it: «He at last took up arms», following probably the version with γίνεται accepted in the Bonn edition by I. Bekker, but the verb ὁρᾶται stresses that the emperor scarcely (μόλις) had the appearance of a warrior.
- ¹⁵ On the Byzantine τζάγγρα, crossbow, see: *Nishimura D.* Crossbows, Arrow-Guides, and the Solenarion // *Byzantion*. 58. 1988. P. 431–434; *Pétrin N.* Philological Notes on the Crossbow and Related Missile Weapons // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 33. 1992. P. 273 f.

Указатель имен

- Аарон, переводчик Мануила I 217, 245
- Авессалом (Библ.) 257
- Агамемнон (мифол.) 140, 224
- Агапит 107, 111
- Адзм (Библ.) 97
- Адонис (мифол.) 225, 226
- Адриан, епископ Лопадия 55
- Аид (мифол.) 220, 226
- Акрополиты, византийский знатный род 44
- Алдуин, норманнский граф 215, 234
- Александр Македонский (Александр Великий) (336–323) 88, 98, 174, 188
- Алексей I Комнин, византийский император (1081–1118) 25, 32, 45, 48, 55, 65, 69, 73, 84, 103, 109, 118, 129, 133, 168, 172, 173, 181, 191, 196, 199, 201, 202, 206, 210, 215, 246, 256
- Алексей II Комнин, византийский император (1180–1183) 50, 51, 68, 131, 144, 146, 147, 233, 234, 241, 246, 256, 257
- Алексей III Ангел, византийский император (1195–1203) 34, 52, 54, 58, 62, 63, 133, 134, 136, 138, 144, 149, 218, 223, 227, 229, 244, 248, 249, 251, 254
- Алексей V Дука Мурзуфл, византийский император (1204) 34, 138
- Алексей, сын Иоанна II Комнина 245
- Алексей, сын Мануила I и его племянницы Феодоры, зять Андроника I 106, 248
- Алексей-Бела, жених Марии, дочери Мануила I 256
- Алексей Аксук, видный вельможа при Мануиле I 138, 139, 145, 147, 214, 229, 245
- Алексей Аристин 204
- Алексей Вран, мятежник 145, 217, 233, 235, 243, 247, 251
- Алексей (Иванко), мятежник 149, 253
- Алексей Комнин, протосеваст, фаворит Марии Антиохийской 69, 143, 145, 147
- Алексей Харон 109
- Алкиной (мифол.) 224
- Алоэй (мифол.) 225
- Алфей (мифол.) 222
- Аминтор, отец Феникса, наставника Ахилла (мифол.) 230
- Анакреонт, древнегреческий поэт 219, 220

- Анастасий Квестор 179
 Андромеда (мифол.) 229
 Андроник I Комнин, византийский император (1183–1185) 48, 51, 52, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 70, 99, 106, 132, 134, 135, 136, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 214, 215, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 227, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 242, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 278
 Андроник Ватац 235
 Андроник Комнин, севастократор, второй сын Иоанна II 256, 257
 Андроник Кондостефан, полководец 215, 250
 Андроник Лапарда 140, 147
 Анна Даласина, мать Алексея I 105
 Анна Комнин(а), дочь Алексея I, византийская писательница 34, 55, 88, 95, 100, 104, 105, 135, 145, 172, 188, 201, 206, 215, 254
 «Рабыня Анна», владелица камней, приписываемой Анне Комнин 34
 Антей (мифол.) 229
 Антоний, писец из монастыря Одигон (XI в.) 181
 Апион, комментатор Гомера, которого Евстафий Солунский называет своим предшественником 185
 Аплесфар (Абу-л-Усвар) 108
 Аплоравд, эмир города Меферке, упоминаемый в эпосе о Дигенисе Акрите 119, 120
 Аполлодор 189
 Аполлон, он же Феб (мифол.) 222, 225, 226
 Аполлоний Пергский 205
 Аппиан 220
 Арат 220
 Аргир 109
 Арес (мифол.) 226, 228, 258
 Аретуза (мифол.) 222
 Арефа Кесарийский, византийский богослов и ритор (X в.) 179, 187, 188
 Ариадна (мифол.) 230
 Аристин, высокопоставленный чиновник, член одного из кружков интеллектуалов (сер. XI в.) 177
 Аристипп (Киренский) 178
 Аристотель 172, 178, 183, 184, 187, 192, 195, 196, 207, 208, 220
 Аристофан 185, 187, 219
 Аристэнет 220
 Арриан 220
 Артемида (мифол.) 228
 Артоклин, один из женихов Зои, дочери Константина VIII 104
 Архилох 170, 220
 Асень, болгарский царь (конец XII в.) 247
 Афина (мифол.) 223, 224, 225, 226, 230
 Афродита (мифол.) 228
 Ахилл (мифол.) 188, 189, 224, 228, 230
 Ахмет, автор снотолкователя 246
 Аякс (мифол.) 140, 230
 Бабрий 220
 Беллерофонт (мифол.) 189, 194
 Бергиноро, де, графиня 145
 Бион 220
 Бонифаций Монферратский, глава ополчения IV крестового похода, впоследствии – император Фессалоникийский 59, 217, 222
 Борил, приближенный Никифора III Вотаниата 109
 Бозмунд Тарентский, участник I крестового похода, князь Антиохийский 129, 223

- Вакхин, сербский архижупан 259
 Васибеки, юродивый 248, 251
 Василий I Македонянин, византийский император (867–886) 109, 112, 115, 188, 201, 254
 Василий II Болгаробойца, византийский император (976–1025) 35, 84, 119, 249
 Василий Великий (IV в.), архиепископ Кесарийский, святой, учитель Церкви 198
 Василий II Каматир, патриарх Константинопольский (1183–1186) 147, 252, 253
 Василий, вождь богомилов 199
 Василий Монах, правитель Болгарии во время правления Константина IX 84
 Василий Новый, святой (X в.) 70
 Василий Педиадит, митрополит Керкирский (XII в.), византийский писатель 28, 179
 Василий Рендакин 214
 Вениамин Тудельский 90
 Вильгельм II, король Сицилии (1166–1189) 234
 Влахерниты, византийский знатный род 44
 Воила, шут и советник Константина IX 101
 Вотаниаты, византийский знатный род 43
 Вриеннии, византийский знатный род 109
 Гавр, турецкий посол 257
 Гавры, византийский знатный род 82
 Гален 210, 212, 219
 Гаффорьо, генуэзец на службе у Алексея III 63
 Гегесипп 219
 Гелиос (мифол.) 231
 Георгий Амартол (Монах), византийский хронист (IX в.) 178
 Георгий Дисипат 61, 140
 Георгий II Ксифилин, патриарх Константинопольский (1191–1198) 208, 253
 Георгий Палеолог 109
 Георгий Писида, византийский поэт (конец VI–VII в.) 187
 Георгий Победоносец, святой 97, 116, 117, 118, 123, 240
 Георгий Торник, митрополит Эфеса (XII в.) 32, 104, 179
 Гера (мифол.) 224, 228
 Геракл (мифол.) 97, 188, 194, 220, 228, 229, 230
 Герман, приближенный Никифора III Вотаниата 109
 Гермес (мифол.) 225, 226
 Гермоген 220
 Геродиан 219
 Геродор, комментатор Гомера, которого Евстафий Солунский называет своим предшественником 185
 Геродот 219, 220
 Герон, александрийский математик и физик III в. до н. э. 205
 Гесиод 185
 Гесихий, лексикограф (2 пол. IV в. н. э.) 220
 Гесихий Милетский 220
 Гефест (мифол.) 224, 226
 Гефестион, автор астрологического компендиума (IV в.) 206
 Гигин 220
 Гиппократ 210
 Гомер 170, 183–186, 221, 222
 Григорий Антиох, византийский чиновник и писатель (XII в.) 27, 177
 Григорий Анэпоним 187
 Григорий Богослов (= Григорий Назианский), святой, один из отцов Церкви (IV в.) 92, 182, 189
 Давид (Библ.) 115, 174, 237, 244, 255, 257

- Давид Комнин 143, 218
 Даласины, византийский знатный род 43, 44, 84
 Дамнаст, автор работы, посвященной уходу за беременной женщиной и младенцем (XI в.) 213
 Данте Алигьери 20
 Дедал (мифол.) 225, 226
 Деймос (мифол.) 227
 Демокрит 220
 Демосфен 188, 219, 278, 279
 Дигенис Акрит (в древнерусском переводе Девгений) 118–121
 Дика (мифол.) 238
 Димитрий Солунский, святой 96, 116, 117, 118
 Диоген, древнегреческий философ 88
 Диодор Сицилийский 220
 Диомед, сын Тидея (мифол.) 223
 Диомид, монах 92
 Дион Кассий 188, 220
 Дионис (мифол.) 190, 221
 Дионисий Ареопагит 182
 Дионисий Перизетт 185
 Диоскуры (мифол.) 223, 227, 228
 Диофант, греческий математик (IV–V вв. до н. э.), родом из Александрии 206
 Докианы, византийский знатный род 43
 Досифей, патриарх Константинопольский (1189; 1189–1191) 247, 248, 249, 253
 Дуки, византийский знатный род 85, 109, 110, 172, 201

 Ева (Библ.) 97
 Евгенианы, византийский знатный род 111
 Евдоким, святой (IX в.) 117
 Евдокия, жена Дигениса Акрита 119, 120
 Евклид 205, 206
 Еврипид 184, 187, 192, 194, 220, 238

 Еврисфей (мифол.) 229
 Европа (мифол.) 194, 224
 Евсевий Кесарийский, христианский историк и богослов (IV в.) 182
 Евстафий Воила, малоазийский землевладелец (XI в.) 72
 Евстафий Ромей 205
 Евстафий Солунский, византийский писатель и церковный деятель (XII в.) 20, 28, 32, 38, 55, 93, 110, 113, 134, 137, 142, 168, 173, 177, 179, 185, 186, 187, 196, 203, 209, 213, 232, 252, 254
 Евстратий Никейский, византийский философ (XI–XII вв.) 187, 195, 196, 200
 Евфимий Зигавин 200
 Евфимий Малаки 177, 213
 Евфимий Новопатрский 55
 Евфимий Торник 110
 Евфросиния, жена Алексея III Ангела 106, 133, 145, 223, 249
 Езекия (Библ.) 114
 Елена (мифол.) 194, 228

 Зевс (мифол.) 220, 224, 228
 Зонары, византийский знатный род 44
 Зосим, византийский языческий историк (2 пол. V в.) 187
 Зоя, императрица, жена Константина IX Мономаха 98, 104, 105, 106, 213

 Иаков, сын Исаака (Библ.) 71
 Иисус Христос 52, 123, 141, 192, 195, 196, 241, 250, 255
 Икар (мифол.) 225
 Иксион (мифол.) 228
 Илья Эдик, византийский церковный писатель (XI или XII в.) 28
 Илья, монах, приятель Михаила Пселла 101

- Иоанн I Цимисхий, византийский император (969–976) 31, 76
- Иоанн II Комнин, византийский император (1118–1143) 25, 31, 32, 50, 51, 52, 58, 85, 105, 118, 131, 144, 146, 216, 217, 234, 245, 246, 255, 256, 258, 259
- Иоанн (Ренье Монферратский), кесарь, муж Марии Комнин, дочери Мануила I 105, 234
- Иоанн IX Агапит, патриарх Константинопольский (1111–1134) 196
- Иоанн Айофеодорит, фаворит Мануила I 67
- Иоанн Аксук, великий домestik 148
- Иоанн Багрянородный 186
- Иоанн Геометр 111, 179
- Иоанн Дамаскин, византийский богослов и поэт, святой (VII–VIII вв.) 202
- Иоанн Дука, кесарь (сер. XI в.) 103, 133, 177, 214
- Иоанн, евнух (Орфанотроф?) 84, 109
- Иоанн Златоуст, византийский церковный писатель, патриарх Константинопольский (398–404) 184, 198, 232
- Иоанн Зонара, византийский историк (I пол. XII в.) 93, 100, 109, 202, 204, 205
- Иоанн Итал, византийский философ (2 пол. XI в.) 172, 187, 195, 196
- Иоанн Каматир, логофет дрома при Мануиле I 68, 99, 137, 206, 214, 218, 233
- Иоанн X Каматир, патриарх Константинопольский (1198–1206) 175, 253
- Иоанн Кантакузин 60, 88
- Иоанн Кастамонит, митрополит Халкидона (XII в.) 179
- Иоанн Киннам, византийский историк (2 пол. XII в.), секретарь Мануила I 19, 20, 32, 49, 68, 110, 113, 201, 239, 254
- Иоанн Ксифилин, византийский юрист, глава юридической школы, впоследствии – патриарх Константинопольский (1064–1075) 169, 171, 177
- Иоанн Мавропод, византийский писатель, митрополит Евхаитский (XI в.) 111, 168, 169, 171, 175, 177
- Иоанн Оксит, патриарх Антиохийский 202
- Иоанн Орфанотроф 84
- Иоанн Предтеча 118
- Иоанн Путтийский, главный податной сборщик при Иоанне II и Мануиле I 55, 137, 238
- Иоанн Скилица, византийский хронист (2 пол. XI в.) 91, 92, 108, 183
- Иоанн Тарханиот 109
- Иоанн Фока, автор первого описания паломничества (XII в.) 210
- Иоанн Фурн 200
- Иоанн Цец, византийский писатель (XII в.) 40, 58, 88, 89, 93, 95, 179, 185, 186, 187, 190, 209, 232
- Иоанница, владелец «икоса» в Константинополе 63
- Иолай (мифол.) 229
- Иосиф Флавий 183, 220
- Ирина Дукена, жена Алексея I Комнина 69, 105, 215, 248
- Ирина (Берта Зульцбахская), жена Мануила I 106, 185
- Ирина, дочь Андроника I 106
- Ириники, византийский знатный род 111
- Исаак I Комнин, византийский император (1057–1059) 63, 108, 113, 125, 128
- Исаак II Ангел, византийский император (1185–1195; 1203–1204) 32, 52, 56, 58, 63, 68,

- 69, 133, 134, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 148, 212, 214, 215, 216, 224, 227, 229, 230, 233, 235, 237, 238, 242, 243, 244, 247, 248, 249, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257
- Исаак Кипрский 228
- Иуда Искарнот 192
- Ифигения (мифол.) 194
- Кай Хосров 243
- Каллимах 220
- Каллиопа (мифол.) 213
- Каломодий, меняла и купец 224
- Калоян, болгарский царь (1196–1207) 218
- Калхант (мифол.) 224
- Каматиры, византийский знатный род 44
- Камбис, персидский царь (VI в. до н. э.) 88
- Камицы, византийский знатный род 63
- Катакалон Кекавмен, полководец 108
- Катон, римский философ 88
- Кекавмен, византийский полководец и писатель (XI в.) 27, 38, 39, 41, 67, 93, 95, 102, 104, 106, 107, 112, 148, 149, 178, 201, 210, 218, 219
- Кеней, лапиф (мифол.) 224
- Кефал, создатель антологии эпиграмматистов (нач. X в.) 184
- Кефал, знатный человек из Атрамития 54
- Килич-Арслан II, сельджукский султан (1156–1192) 144, 216, 237, 242
- Кир, имя двух персидских царей 88
- Кирилл Филеот, святой (XII в.) 28, 73
- Кирка (мифол.) 185
- Климент Сасимский (или Сосандрский) 199, 200
- Клентгсор, волшебник и поэт, один из героев стихотворения «Вартбургская война» 176
- Комит, грамматик (сер. IX в.) 184
- Комнины, византийский знатный род, представители которого занимали императорский престол в 1057–1059 и в 1081–1185 гг. 25, 34, 47, 48, 89, 109, 110, 114, 118, 124, 125, 130, 172, 205
- Кондостефаны, византийский знатный род 63
- Конрад III, немецкий король (1138–1152) 55
- Конрад Монферратский 243
- Константин I Великий, римский император (306–337) 201, 254, 255
- Константин VII Багрянородный, византийский император (913–959) 101, 112, 114, 179, 183, 184, 188, 189, 201, 254
- Константин VIII, византийский император (963–1028) 84
- Константин IX Мономах, византийский император (1042–1055) 101, 104, 107, 113, 123, 169, 170, 180, 208, 243
- Константин, «гражданский» святой (?) 118
- Константин, двоюродный брат Исаака II Ангела (= Константин Ангел?) 148, 250
- Константин Дука, сын Михаила VII Дуки 113, 117
- Константин Котерц, богатый меценат, при поддержке которого Иоанн Цец дописал свои «Аллегории» 185
- Константин Липс 122, 123
- Константин Лихуд, византийский юрист, впоследствии патриарх Константинопольский (1059–1063) 169, 177

- Константин Манаси, византийский хронист (XII в.) 92, 110, 115, 175
- Константин Месопотамит, митрополит Солуни 55, 214
- Константин Пантехни 115
- Константин Стифат, астролог 251
- Константин Трипсих, приближенный Андроника I 255
- Константин Хрисомал, ересиарх 199
- Косьма II Аттик, патриарх Константинопольский (1146–1147) 142, 200, 253
- Косьма, автор алхимического сочинения об изготовлении золота (ок. 1000 г.) 208
- Кратин 220
- Кронос (мифол.) 190, 227
- Ксенофонт 188, 219
- Ксеркс, персидский царь (V в. до н. э.) 88
- Ксиры, византийский знатный род 44
- Ксифилины, византийский знатный род 44
- Ктесий 220
- Лев V Армянин, византийский император (813–820) 38, 115
- Лев VI Мудрый, византийский император (886–912) 179, 246
- Лев Диакон, византийский историк (X в.) 111, 115, 179, 188
- Лев Математик, византийский ученый, митрополит Солуни (IX в.) 187
- Лев Монастириот, судья вила 249
- Лев Сгур 55, 236, 246
- Лев Торник, мятежник (сер. XI в.) 112, 114, 115, 243
- Лев Хирсфакт 179, 188
- Леонардо Пизанский 206
- Леонтий Бальбисский 199, 200
- Ливаний, позднеантичный греческий ритор (IV в.) 220
- Ликофрон 185, 192, 220
- Ликург 188
- Лиутпранд Кремонский 90
- Лука Элладский, святой (X в.) 117
- Лукиан 183, 190, 219, 220
- Маврикий, автор «Стратегикона» 107
- Мавропул, сновидец 240, 243
- Маккиавелли Николо 20
- Макремволиты, византийский знатный род 44
- Максимо, амазонка, героиня эпоса о Дигенисе Акрите 120
- Малик Насир Хасан, египетский султан (XIV в.) 888
- Мамал, секретарь Алексея Комнина, зять Андроника I 65, 140
- Мануил I Комнин, византийский император (1143–1180) 24, 25, 32, 40, 41, 48, 51, 52, 53, 55, 58, 59, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 73, 89, 98, 105, 106, 113, 118, 128, 130, 131, 135, 137, 138, 139, 140, 143, 144, 146, 147, 148, 185, 200, 201, 203, 206, 207, 215, 216, 217, 218, 220, 222, 231, 232, 234, 235, 237, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 259, 260
- Мануил Камица 149, 237, 238
- Мария, Матерь Божья 118, 195
- Мария, кесариса, дочь Мануила I 53, 65, 69, 105, 145, 147, 192, 256
- Марк, месопотамский монах, персонаж диалога Пселла «Тимофей, или о демонах» 190
- Марк Аврелий 88, 223
- Маркиан, святой 100
- Марсий (мифол.) 222, 225
- Мартирий, святой 100
- Медея (мифол.) 223
- Менандр, ритор (III в. н. э.) 38, 170
- Меркурий, святой 116, 117

- Мильтиад 220
- Михаил III, византийский император (842–867) 91, 100, 179, 188, 203
- Михаил V Калафат, византийский император (1041–1042) 104
- Михаил VI Стратиотик, византийский император (1056–1057) 108
- Михаил VII Дука, византийский император (1071–1078) 172, 197, 204, 216
- Михаил I Кируларий, патриарх Константинопольский (1043–1058) 194, 198, 208
- Михаил II Куркуас, патриарх Константинопольский (1143–1146) 232, 253
- Михаил III Анхимальский, патриарх Константинопольский (1170–1178) 174
- Михаил Архангел 52, 64
- Михаил, «гражданский» святой (?) 118
- Михаил Аплухир 81
- Михаил Атталиат, византийский историк (XI в.) 43, 46, 50, 81, 85, 94, 103, 108, 112, 113, 179, 180, 201, 204, 208, 209, 254
- Михаил Велисариот 70, 71, 213, 223, 251
- Михаил Глика (Сикидит), византийский поэт и богослов (2 пол. XI в.) 61, 93, 198, 206, 209, 233, 245
- Михаил Италик, митрополит Филлиппополя, византийский философ и ритор (XII в.) 20, 55, 110, 173, 178, 179, 207, 213, 214
- Михаил, игумен Студийского монастыря (сер. XI в.) 182
- Михаил, митрополит Сиды времен Михаила VII 84
- Михаил Пселл, византийский политический деятель и писатель (XI в.) 27, 38, 50, 73, 85, 101, 107, 114, 170, 171, 172, 177, 178, 179, 184, 187, 189, 191, 194, 195, 200, 201, 204, 205, 207, 208, 209, 216, 218, 219, 239, 254
- Михаил Ритор 173, 174, 176, 232
- Михаил Хониат, византийский писатель, митрополит Афинский, брат Никиты Хониата 27, 28, 37, 38, 39, 40, 55, 93, 95, 177, 200, 213
- Михаил Эфесский 187
- Михаилица, владеец «икоса» в Константинополе 63
- Моисей (Библ.) 255
- Мосх, грамматик и буколический поэт (сер. III в. до н. э.) 194
- Мусур, арабский эмир, отец Дигениса Акриты 118
- Мухаммед, основатель ислама 232, 260
- Немесиды (мифол.) 238
- Неокл, отец Фемистокла 220
- Неофит (Затворник?) 79
- Нестор (мифол.) 222
- Нестор, святой 116
- Никита Анкирский 46, 202, 203
- Никита Евгениан, византийский поэт (XII в.) 110
- Никита, магистр (X в.) 179
- Никита, митрополит Ираклии (XII в.) 179, 200
- Никита, митрополит Хонский 55, 247
- Никита, популярный педагог первой половины XI в. 184
- Никита Сид 196, 200
- Никифор II Фока, византийский император (963–969) 64, 90, 91, 111, 114, 115, 146, 188, 254, 255, 256, 258
- Никифор III Вотаниат, византийский император (1078–1081) 46, 103, 108, 109, 112, 115, 197, 201

- Никифор I, патриарх Константинопольский (806–815) 183
 Никифор Васи́лаки 115, 173, 174, 196, 232
 Никифор Вриенний, мятежник 109, 215
 Никифор Вриенний, кесарь, византийский историк, муж Анны Комнин 105, 108, 109, 110, 121
 Никифор Кефал, проздр (нач. XII в.) 54
 Никифор Комнин, внук кесаря Никифора Вриенния 110
 Никифор Мелисин, византийский магнат, которому в конце XI в. была пожалована Солунь 40
 Никифор, стратопедарх во время правления Константина 84
 Никифор Уран 179
 Никифор Халуф, севаст 106
 Никифор Хрисоверг, византийский оратор и поэт (XII – нач. XIII в.) 173
 Никифорица, евнух 84, 109
 Николай Айофеодорит, магистр риторов, затем – митрополит Афинский 177
 Николай I Мистик, патриарх Константинопольский (901–907; 912–925) 28, 95, 179
 Николай IV Музалон, патриарх Константинопольский (1147–1151) 73, 89, 242
 Николай Калликл 32, 110, 191, 192, 210
 Николай Катафлорон, магистр риторов (ум. в 1160 г.) 177
 Николай Месарит, митрополит Эфесский, византийский писатель (2 пол. XII в. – нач. XIII в.) 95, 174, 175
 Николай Мефонский, византийский богослов (XII в.) 41, 197, 198, 200
 Николай, митрополит Никейский 55
 Николай, писец при дворе Алексея I 207
 Николай Чудотворец, святой 118
 Нил Калабрийский 196
 Нил Тамасийский 73, 94
 Ниоба (мифол.) 225, 226
 Нифонт, монах, обвиненный в богомилстве (40-е гг. XII в.) 200, 232
 Одиссей (мифол.) 185, 214, 231
 Одо Дейльский 90, 92, 130, 143
 Олимпиодор 220
 Омфала (мифол.) 229
 Оппиан Аназарбский 220
 Оппиан Апамейский 220
 Орест (мифол.) 225, 226
 Орфей (мифол.) 223, 225, 226
 Осирис (мифол.) 227
 Офеомахи, византийский знатный род 111
 Офрида 171
 Пан (мифол.) 225
 Пантевген Сотирих, византийский богослов и церковный деятель (XII в.) 197, 201
 Параскева, святая 89
 Патрокл (мифол.) 228, 230
 Патцис, судья (нач. XII в.) 204
 Пелопс (мифол.) 189
 Пенелопа (мифол.) 231
 Перикл 108
 Персей (мифол.) 189, 223, 229
 Петр Делян, глава антивизантийского восстания в Болгарии (сер. XI в.) 114
 Пилад (мифол.) 225, 226
 Пиндар 185, 192, 219
 Пирифой (мифол.) 225, 230
 Пиррон 178
 Пифагор 178
 Платон 172, 178, 183, 187, 190, 220
 Плутарх 188, 219, 220
 Полибий 220
 Поллукс (мифол.) 220

- Помпей 188
 Поф, патрикий (сер. XI в.) 183
 Приап (мифол.) 227
 Прокл, философ-неоплатоник (V в.) 187, 200
 Прокопий, святой 116, 117
 Прокопий Газский 220
 Прометей (мифол.) 225, 226
 Протей (мифол.) 214, 227
 Псевдо-Алексей, мятежник 134, 237
 Псевдо-Каллисфен 220
 Псевдо-Нонн 189
 Псевдо-Оппиан 116, 189
 Псевдо-Филипп 220
 Псевдо-Цец 81
 Птолемей, математик, астроном и географ (II в. н. э.) 205
 Пупак, дружинник великого доместики Иоанна Аксуха 65, 148
- Раймонд из Пуатье («Петевин») 223
 Рахевин, немецкий хронист 68
 Ровоам (Библ.) 115
 Рожер II, король Сицилийский (1130–1154) 222
 Роман I Лакапин, византийский император (919–944), соправитель императора Константина VII 123
 Роман II, византийский император (959–963) 35, 115, 188
 Роман III Аргир, византийский император (1028–1034) 27
 Роман, император, действующее лицо в одной из версий «Дигениса Акрита» 119
- Самсон (Библ.) 97
 Сапоны, византийский знатный род 44
 Сапфо 220
 Сарданапал 221
 Саул (Библ.) 115
 Сервлии, византийский знатный род 44, 172
- Сергий, писец из Студийского монастыря (сер. XII в.) 182
 Симеон Логофет, византийский хронист (X в.) 179
 Симеон Метафраст, византийский писатель, составитель сборника житий святых (X в.) 179
 Симеон Новый Богослов, византийский церковный писатель-мистик (X – нач. XI в.) 28, 57, 58, 89
 Симеон Сиф, видный чиновник и писатель второй половины XI в., автор книги о свойствах пищевых продуктов 94, 208, 212, 213
 Симонид 220
 Склир Сиф, волшебник 245
 Склирина, фаворитка Константина IX Мономаха 104, 105, 106
 Соломон (Библ.) 115, 237, 245, 249
 Соломон, митрополит Лаодикий Фригийской 55
 Соломоны, византийский знатный род 172
 Солон 188
 Софокл 183, 184, 219, 220, 238
 Спанеа 89
 Спартак 108
 Стагирит 187, 207
 Стефан, сын Василия I Македонянина 188
 Стефан Пергамский, стратиг-автократор, севастофор во время правления Константина 84
 Стобей 187, 220
 Страбон 209
 Строфий, отец Пилада (мифол.) 225
 Сулла 188
 Сципион 188
- Тантал (мифол.) 190, 227
 Телеф (мифол.) 224, 230
 Тесей (мифол.) 229, 230

- Тидей (мифол.) 188, 223
 Тиест (мифол.) 190, 221, 229
 Тимей 220
 Тимофей, персонаж диалога Псел-
 ла «Тимофей, или о демонах»
 189, 190
 Тифон (мифол.) 227
 Тиха (мифол.) 238, 239
 Томмазо Морозини, латинский па-
 триарх Константинополя 144
- Фабии, римский знатный род 108
 Фазтон (мифол.) 225, 226
 Фемистокл 108, 220
 Феникс, наставник Ахилла (ми-
 фол.) 230
 Феогнид 220
 Феодор I Ласкарь, император Ни-
 кейский (1204–1222) 55, 56,
 114, 218, 223, 230, 231, 255,
 256
 Феодор Вальсамон, византийский
 правовед-канонист, патриарх
 Антиохийский (XII в.) 95, 100,
 102, 204, 205, 213, 214
 Феодор Вест 204
 Феодор Вран 252
 Феодор Гавра, византийский маг-
 нат, правитель Трапезунда 40
 Феодор Диакон, автор поэмы на
 взятие Крита (X в.) 111
 Феодор Дасиот 241
 Феодор Дафнопат, византийский
 историк (сер. X в.) 179, 184
 Феодор Кантакузин 241
 Феодор Кастамонит, фаворит Иса-
 ака II Ангела 56
 Феодор Кесарийский, изготовитель
 Лондонской псалтири (1066)
 182
 Феодор Кефал, игумен Лавры (нач.
 XII в.) 54
 Феодор Продром (Птохопродром),
 византийский поэт (XII в.) 37,
 41, 88, 89, 91, 94, 95, 105, 110,
 113, 114, 179, 187, 191
- Феодор Смирней, ипат философов,
 преемник Иоанна Итала 172
 Феодор Стипиот, фаворит Мануй-
 ла I, хранитель императорской
 чернильницы 67, 68, 214, 218
 Феодор Стратилат, святой 52, 116,
 118, 120, 240
 Феодор Студит, византийский бо-
 гослов, игумен Студийского
 монастыря (759–826) 178
 Феодор Тирон, святой 116, 117
 Феодор Трох 141, 223
 Феодора, византийская императ-
 рица, сестра императрицы Зои
 (1042 – вместе с Зоей; 1055–
 1056 – единолично) 98, 104, 224
 Феодора, племянница и фаворитка
 Мануила I 106
 Феодора, королева Иерусалимская
 257
 Феодосий Ворадият, патриарх Кон-
 стантинопольский (1179–1183)
 27, 132, 144, 146, 253
 Феодосий, патриарший (?) диакон
 (X в.) 179
 Феон Смирнский 220
 Феофан Исповедник, византийский
 хронист (ок. 758–817) 178, 201,
 243, 254
 Феофил, византийский император
 (829–842) 91, 103
 Феофилакт Ифест, архиепископ
 Болгарский, византийский пи-
 сатель (ум. после 1126 г.) 113
 Феофилакт Симокатта, византий-
 ский историк (VII в.) 111
 Филострат 220
 Фобос (мифол.) 227
 Фока, византийский император
 (602–610) 114
 Фоки, византийский знатный род
 108, 111
 Фома Аквинский 196
 Фотий, патриарх Константино-
 польский (858–867; 877–886)
 179, 184, 187, 203, 209

- Фридрих I Барбаросса, германский император (1153–1190) 54, 61, 238, 248, 249
 Фукидид 184, 219, 220, 278, 279
 Фурнитарии, византийский знатный род 44
- Халивури, мим при дворе Исаака II 140
 Харон (мифол.) 226
 ибн-Хаукаль 32
 Хирон (мифол.) 189
 Хирсфакт (Лев ?), высокопоставленный чиновник, член одного из кружков интеллектуалов (сер. XI в.) 177
 Хрисипп 221
 Христодул, святой, основатель монастыря на Патмосе (XI в.) 102
 Христофор Митиленский, византийский чиновник и поэт (2 пол. XI в.) 100, 112, 168, 179
- Эак (мифол.) 223, 225, 226
 Электра (мифол.) 225, 230
 Эмилиан, патриарх Антиохийский (XI в.) 39
 Эндимион (мифол.) 223
 Эней (мифол.) 224
 Энио, богиня войны (мифол.) 227
 Эномай (мифол.) 189
 Эол (мифол.) 224
 Эпикур 221
 Эпиметей (мифол.) 228
 Эпихарм 220
 Эратосфен 220
 Эрида (мифол.) 227
 Эриннии (мифол.) 227
 Эсхил 183, 192, 219, 220
- Юлиан 220
 Юстин II, византийский император (565–578)
- Ямвлих 220

Указатель исследователей

Аверинцев С. С. 193
Антониади-Бибику Э. 72
Арвейлер Э. 44, 81

Бабич Г. 198
Базилевский А. П. 116
Банк А. В. 34, 96
Барня Й. 78
Бек Х. Г. 88, 118, 179, 189, 190
Божилов И. А. 76
Боникатти М. 79
Брунов Н. И. 122–126

Вайс Г. 82, 84
Вайцман К. 182, 189
Васильевский В. Г. 19
Вернер Э. 199
Воордекерс Э. 118
Врионис С. 32

Гийу А. 72, 73, 81
Грабар А. 79, 98, 116
Граблер Ф. 85, 134, 278

Деврезс Р. 35, 79, 182
Дельвуай Ш. 30
Диакону П. 76
Диллер А. 183
ван Дитен Я.-Л. 23, 133, 134, 135,
219, 220, 225, 226
Дэн А. 184

Зворонос Н. 41, 73, 82
Зимон Д. 84
Златарский В. 19

Икономидис Н. 48, 82
Иригуэн Ж. 79, 183

Каранис П. 31
Караянопулос И. 32
Карице А. 81
Корре К. 93
Кукулес Ф. 36

Лазарев В. Н. 182
Лемерль П. 85, 184
Литаврин Г. Г. 27
Лихачева В. Д. 181, 182
Лишев С. 74
Лопес Р. 40
Любарский Я. Н. 178

Мак-Кей Т. С. 33
Мак-Кормик 80
Манго К. 32, 123, 126, 128
Мигуа А. 33, 122, 124
Мысливец И. 32

Нешева В. 74

Острогорский Г. А. 85

Указатель исследователей

Рокфеллер 80

Фосс К. 78

Стикас Е. 127

Франчес Э. 40

Тилл Дж. 26

Хунгер Г. 180, 191, 194

Тинфельд Ф. 178, 278

Цунц Г. 184

Успенский Ф. И. 19, 21, 130, 131,
238, 244

Шаландон Ф. 19

Шефер Г. 124

Шмит Ф. И. 124

Ферлуга Я. 83

Фонкич Б. 79

Щапова Ю. Л. 34

Список цитированной литературы

1. *Аверинцев С. С.* Византийские эксперименты с жанровой формой классической греческой трагедии // Проблемы поэтики и теории литературы. Саранск, 1973.
2. *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // ТОДРЛ. 12. Л., 1956.
3. *Ангелов Д.* Богомилството в България. София, 1969.
4. *Анна Комнина.* Алексиада / Перевод, вступительная статья, комментарии Я. Н. Любарского. М., 1965; переизд.: СПб., 1996.
5. *Арутюнова В. А.* К вопросу об *anthropoi* в «Типике» Григория Пакуриана // ВВ. 19. 1968.
6. *Бабий Г.* Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских црква // Зборник за ликовне уметности. 2. 1966.
7. *Банк А. В.* Серебряная братина XII–XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
8. *Банк А. В.* Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский // Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939.
9. *Банк А. В.* Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // Труды Отдела Востока Эрмитажа. 3. 1940.
10. *Банк А. В.* Гребень из Саркела – Белой Вежи // МИА. 75. 1959.
11. *Банк А. В.* Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа // Исследования культуры народов Востока. М.; Л., 1960.
12. *Банк А. В.* Серебряный сосуд из так называемого Тартуского клада // Древние могильники и клады. Археологический сборник. Вып. 2. Таллин, 1962.
13. *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966.

14. Банк А. В. Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // ВВ. 32. 1971.
15. Банк А. В. Геммы – стеатиты – моливдовулы // Пал. сб. 23. 1971.
16. Банк А. В. Константинопольские образцы и местные копии // ВВ. 34. 1973.
17. Банк А. В. Прикладное искусство Византии (IX–XII вв.). Очерки. М., 1974.
18. Бартикян Г. М. Византийский эпос о Дигенисе и его значение для армяноведения. Ереван, 1970.
19. Бегунов Ю. К. Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // BS. 36. 1975.
20. Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890.
21. Безобразов П. В. Очерки византийской культуры. Пг., 1919.
22. Белов Г. Д. Шиферная икона из Херсонеса // Сов. археология. 27. 1960.
23. Бенешевич В. Н. Завещание византийского боярина XI в. // ЖМНП. 9. 1907.
24. Божилев И. А. Към тълкуването на две известия на Й. Скилица за градовете по Долния Дунав в края на X в. // Изв. на Народния музей. 9. Варна, 1973.
25. Божков А. Миниатюры от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972.
26. Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. М.; Л., 1935.
27. Брунов Н. И. Архитектура Константинополя IX–XII вв. // ВВ. 2. 1949.
28. Брунов Н. И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. М.; Л., 1966.
29. Брунов Н. И. К вопросу о средневизантийской архитектуре Константинополя // ВВ. 28. 1968.
30. Брянецев Д. Иоанн Итал и его богословско-философские взгляды, осужденные византийской церковью. Харьков, 1905.
31. Бусятская Н. Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы // Вестник МГУ. Сер. IX: Ист. 1972. № 2.
32. Ваклинова М. Паметник на средновековна дребна пластика // Арх. 1970. № 2.
33. Вальденберг В. Е. Речь Юстина II к Тиверии // Изв. АН СССР. Отд. гуман. наук. 1928. № 2.
34. Вальденберг В. Е. Философские взгляды Михаила Пселла // Виз. сб. М.; Л., 1945.
35. Византийская сатира «Тимарион» // ВВ. 6. 1953.

36. *Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе // Зап. Новоросс. унив. Ист.-филол. фак. 7. 1911.
37. *Въжарова Ж. Н.* Славяно-българското селище край село Попино, Силистренско. София, 1956.
38. *Въжарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в български земи, от края на VI – XI век. София, 1965.
39. *Въжарова Ж. Н.* Славяни и прабългари (тюрко-българи) в светлината на археологическите данни // Арх. 13. 1971.
40. *Гайдин С. М.* Резная шиферная икона свв. Димитрия и Георгия // Сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 2. 1923.
41. *Георгиева С., Пешева Р.* Средновековен български некропол край гр. Ловеч и нажитите, намерени в него // ИархИ. 20. 1955.
42. *Гильбов И.* Несебър и неговите паметници. София, 1959.
43. *Голубева Л. А.* Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИ Арх. 135. 1973.
44. *Горина Л. В.* Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города // Советское славяноведение. Минск, 1969.
45. *Гранстрем Е. Э.* К вопросу о византийском минускуле // ВВ. 13. 1958.
46. *Гроссу Н. С.* К истории византийских богомилов XII века // Труды Киевской духовной академии. 54. 1913.
47. *Грот К.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889.
48. *Даркевич В. П.* Путиями средневековых мастеров. М., 1972.
49. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975.
50. *Дерменджиев Хр.* Още за Бамбергския плат // Изкуство. 1974. № 6.
51. *Джанполадян Р. М.* Новые материалы из истории византийского стеклоделия // ВВ. 27. 1967.
52. *Диль Ш.* Византийские портреты. М., 1914; перензд.: М., 1994.
53. *Дмитриевский А.* Туріка. Киев, 1895.
54. *Дончева-Петкова Л.* Трапезната керамика в България през VIII–XI в. // Арх. 1970. № 1.
55. *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945.
56. *Дуйчев И.* Бележки върху историята на българската архитектура през средновековие // Изв. на Института по градоустройство и архитектура. 10–11. 1957.
57. *Дуйчев И.* Едно пренебрегнато византийско известие на богомилите // Изв. на Инст. за българска лит. 6. 1958.
58. *Иванова В.* Стари църкви и манастири в българските земи (IV–XII вв.) // Годишник на Народния музей за 1922–1925 год. София, 1926.
59. *Иоанн Итал.* Сочинения. Тбилиси, 1966.

60. Каждан А. П. Византийские города в VII–XI вв. // Сов. археология. 21. 1954.
61. Каждан А. П. Византийская армия в IX–X вв. // УЗ Великолук. пединст. 1. 1954.
62. Каждан А. П. Социальные и политические взгляды Фотия // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 2. 1958.
63. Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.
64. Каждан А. П. Экскуссия и экскуссаты в Византии X–XII вв. // ВО (1). М., 1971.
65. Каждан А. П. Город и деревня в Византии в XI–XII вв. // Actes du XIIe Congrès intern. d'ét. byz. T. I. Beograd, 1963.
66. Каждан А. П. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // BS. 24. 1963.
67. Каждан А. П. Григорий Антиох // ВВ. 26. 1965.
68. Каждан А. П. Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина // ЗРВИ. 9. 1966.
69. Каждан А. П. Новые материалы о богомилах (?) в Византии XII в. // BBulg. 2. 1966.
70. Каждан А. П. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X–XI вв. Симеона // ВВ. 28. 1967.
71. Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968; переизд.: СПб., 1997.
72. Каждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. 29. 1968.
73. Каждан А. П. Один неточно истолкованный пассаж в «Истории» Иоанна Киннама // RESEE. 7. 1969. № 3.
74. Каждан А. П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // ВВ. 31. 1970.
75. Каждан А. П. Сколько ели византийцы? // ВИ. 1970. № 9.
76. Каждан А. П. Немецкий перевод Никиты Хониата // ВВ. 32. 1971.
77. Каждан А. П. Из экономической жизни Византии XI–XII вв. // ВО (2). М., 1971.
78. Каждан А. П. Византийская школа // ВИ. 1972. № 7.
79. Каждан А. П. Роберт де Клари и Никита Хониат (Некоторые особенности писательской манеры) // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972.
80. Каждан А. П. Состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. Анкета и частные выводы // АДСВ. 10. 1973.
81. Каждан А. П., Фонкич Б. Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения // ВВ. 34. 1973.
82. Каждан А. П. Греческая надпись XI в. с упоминанием армянина-страгита // ИФЖ. 1973. № 2.

83. *Каждан А. П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973.
84. *Каждан А. П.* Цвет в художественной системе Никиты Хониата // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973.
85. *Каждан А. П.* К вопросу о социальных воззрениях Кекавмена // ВВ. 36. 1974.
86. *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974.
87. *Каждан А. П.* Рецензия на издание Скилицы // ИФЖ. 1975. № 1.
88. *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
89. *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атталиата // ЗРВИ. 17. 1976.
90. *Каждан А. П.* «Корабль в бурном море» (К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей) // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
91. *Кечакмадзе Н. Н.* Творчество Иоанна Италя. Тбилиси, 1970 (на груз. языке).
92. *Комеч А. И.* Византийская архитектура IX–XII веков и архитектура Киева конца X – начала XII столетий. М., 1971.
93. *Комеч А. И.* Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973.
94. *Кондаков Н. П.* История и памятники византийской эмали. СПб., 1892.
95. *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «курсунского дела» на Руси // ВВ. 14. 1958.
96. *Красножжен М.* Толкователи канонического кодекса восточной церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892.
97. *Кузев А.* Приноси към историята на средновековните крепости по Долния Дунав // Изв. на Народния музей. Варна. 7. 1971.
98. *Кузьмина В. Д.* Девгениево деяние. М., 1962.
99. *Кури Э.* Еще два неизданных произведения Константина Манасси // ВВ. 12. 1906.
100. *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X вв. // ВО (2). М., 1971.
101. *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1947.
102. *Лазарев В. Н.* Царьградская лицевая псалтирь XI в. // ВВ. 3. 1950.
103. *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. 6. 1953.

104. *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
105. *Литаврин Г. Г.* Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. // ВВ. 31. 1970.
106. *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края VII до края на XII в.) // ИП. 26. 1970.
107. *Литаврин Г. Г.* Проблемы государственной собственности в Византии X–XI вв. // ВВ. 35. 1973.
108. *Литаврин Г. Г.* Ответ рецензенту // ВВ. 36. 1974.
109. *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974; переизд.: СПб., 1997.
110. *Лихачева В. Д.* Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской Публичной библиотеки // ВВ. 19. 1961.
111. *Лихачева В. Д.* Искусство книги. Константинополь, XI век. М., 1976.
112. *Лишев С.* Българският средновековен град. София, 1970.
113. *Лопарев Х.* Об униатстве императора Мануила Комнина // ВВ. 14. 1907 (1908).
114. *Лопарев Х.* Житие св. Евдокима // ИРАИК. 13. 1908.
115. *Любарский Я. Н.* Расправа императора Алексея Комнина с богомилом Василием // Вопросы истории религии и атеизма. 12. 1964.
116. *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками // Пал. сб. 23. 1971.
117. *Любарский Я. Н.* Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла // ВВ. 33. 1972.
118. *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками (Пселл и фемные судьи) // RESEE. 10. 1972. № 1.
119. *Любарский Я. Н.* Византийский монах XI в. Илья // АДСВ. 10. 1973.
120. *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев) // ВВ. 35. 1973.
121. *Любарский Я. Н.* К биографии Иоанна Мавропода // ВВulg. 4. 1973.
122. *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками (Опыт характеристики личности) // ВВ. 37. 1976.
123. *Мавродинов Н.* Старобългарското изкуство. София, 1959.
124. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства в Древней Руси. М., 1967.
125. *Макарова Т. И.* Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972.
126. *Макарова Т. И.* Венец с перегородчатой эмалью из Любеча // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
127. *Март Ю. Н., Чайкин К. И.* Хакани, Низами, Руставели. Вып. 2. Тбилиси, 1966.

128. *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976.
129. *Миятев К.* Византийска сграфито керамика в царския дворец в Търново // Арх. 1967. № 3.
130. *Миятев К.* Жилищната архитектура в България през IX и X в. // ИархИ. 23. 1960.
131. *Миятев К.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965.
132. *Наследникова В.* История на българския костюм. София, 1969.
133. *Никита Хониат.* История. Ч. 1–2. СПб., 1860–1862.
134. *Николова Я.* Жилищната архитектура в Търново през XII–XIV век // Трудове на Велико-Търновск. унив. Ист. фак. VIII. 2. 1970–71 (1973).
135. *Новицька М. О.* Гаптування в Київській Русі // Археологія. 18. 1965.
136. *Орбели И. А.* Киликийская серебряная чаша конца XII в. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
137. *Острогорский Г. А.* К истории иммунитета в Византии // ВВ. 13. 1958.
138. *Павлов А. С.* К вопросу о хронологическом отношении между Аристином и Зонарой как писателями толкований на церковные правила // ЖМНП. 303. Янв. 1896.
139. *Павлович Л.* О аптекема и фармацевтичким елементима према типуку Пандократоровог манастира у Цариграду // Сборник II Конгр. фармацевта Југославија. Београд, 1956.
140. *Павлович Л.* Болнице и лече а према неким грчким типцима из XI и XII века // Неки споменици култура. IV. Смедерево, 1967.
141. *Пападимитриу С. Д.* Феодор Продром. Одесса, 1905.
142. *Пападимитриу С. Д.* Партии ипподрома и димы в XII столетии / Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911.
143. *Пападопуло-Керамевс А. И.* Noctes Petropolitanae. СПб., 1913.
144. *Полевой В. М.* Искусство Греции. М., 1973.
145. *Поляковская М. А.* (Реферат). РЖ Общ. науки в СССР. Сер. V: ист. 1975. № 2.
146. *Попов А.* Средновековните крепости Твърдица и Мъглиж // ИБИД. 27. 1970.
147. *Примов Б.* Българи, гърци и латинци в Пловдив през 1204–1205 г. Ролята на богомилите // ИБИД. 22–24. 1948.
148. *Пуцко В. Г.* Два фрагмента лицевых рукописей третьей четверти XI в. из собрания ГПБ (греч. 334 и 373) // ВВ. 31. 1970.
149. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917; переизд.: СПб., 1997.
150. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

151. *Свири́н А. Н.* Древнерусское ювелирное искусство. М., 1972.
152. *Скабала́нович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884.
153. *Солов́юв А.* Фундјајити, патарини и кудугери у византиским изворина // ЗРВИ. 1. 1952.
154. *Станчева М.* Средновековна сграфито керамика от София // Сердика. Т. 1. София, 1964.
155. *Станчева М., Дончева-Петкова Л.* Средновековна битова керамика от Ескус при с. Гиген // Арх. 1972. № 1.
156. *Сыркин А. Я.* Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964.
157. *Сюзюмов М. Я.* Византийская книга эпарха. М., 1962.
158. *Сюзюмов М. Я.* Суверенитет, налог и земельная рента в Византии // АДСВ. 9. 1973.
159. *Татић Ж.* Вельуса // Гласник скопског научног друштва. 3. 1928.
160. *Токарский Н. М.* Серебряная чаша из Вильгорта в собраниях Государственного Эрмитажа // ИФЖ. 1976. № 3.
161. *Тотев Т.* Един недовършен бронзов модел-матрица от Преслава // Музеи и паметници на култура. 9. 1969.
162. *Тъпкова-Заимова В.* Съобщение за харистикии в нашите земи // ИИБИ. 5. 1954.
163. *Тъпкова-Заимова В.* Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. София, 1976.
164. *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.
165. *Успенский Ф. И.* Путевые записки Вениамина из Туделы // Анналы. 3. 1923.
166. *Ферјанчић Б.* Апанажни посед кесара Јована Рогерија // ЗРВИ. 12. 1970.
167. *Фехнер М. В.* Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
168. *Фогель К.* Византия как посредник между Востоком и Западом в области математики // Историко-математические исследования. 18. 1973.
169. *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи библиотеки Московского университета // ВДИ. 1967. № 4.
170. *Фонкич Б. Л.* Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X–XIII вв. // Пал. сб. 17. 1967.
171. *Фрейденберг М. М.* Экскуссия в Византии XI–XII вв. // УЗ Великолук. пединст. 3. 1958.
172. *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. 16. 1959.

173. *Цанкова-Петкова Г.* Към въпроса за селскостопанска техника в средновековна България и в някои съседни балкански области // ИИИИст. 13. 1963.
174. *Чангова Й.* Средновековни амфори в България // ИарХИ. 22. 1959.
175. *Чангова Й.* Към проучването на сграфито керамика в България от XII–XIV в. // Арх. 1962. № 2.
176. *Чангова Й.* Средновековни оръдия на труда в България // ИарХИ. 25. 1962.
177. *Чангова Й.* Разкопки на Ловешката крепост // Арх. 8. Кн. 2. 1966.
178. *Чангова Й.* Археологически проучвания на Пернишката крепост // ИБИД. 26. 1968.
179. *Чангова Й.* Средновековно селище над тракийския град Севтополис. XI–XIV век. София, 1972.
180. *Чангова Й.* Към въпроса за устройството на средновековния български град (IX–XIV в.) // Архитектурата на Първата и Втората българска държава. София, 1975.
181. *Черемухин П.* Константинопольский собор 1157 г. и Николай, епископ Мефонский // Богословские труды. Т. 1. М., 1959.
182. *Черноусов Е.* Страница из культурной жизни Византии. Харьков, 1913.
183. *Чичуров И.С.* Новые рукописные сведения о византийском образовании // ВВ. 31. 1970.
184. *Шангин М. А.* Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по академической рукописи // Изв. АН СССР. Сер. VI. Т. 21. 1927. № 5–6.
185. *Шангин М. А.* О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Изв. АН СССР. Отд. гуман. наук. 1930. № 5.
186. *Шангин М. А.* XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей» // ВДИ. 1939. № 1.
187. *Шестаков Д.* Три поэта византийского ренессанса // УЗ Казанского унив. 73. 1909. № 7–8.
188. *Шмит Ф.* Кахриз джами. София, 1906.
189. *Щапова Ю. Л.* Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI–XII вв. // ВВ. 19. 1961.
190. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
191. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
192. *Юркова Й.* Монеты и печати на Пернишката крепост // Арх. 4. 1962. №. 4.
193. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17. М.; Л., 1950.
194. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959.

1. *Adontz N.* Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965.
2. *Aerts W. J.* Anna's Mirror, Attic(istic) or «Antiquarian»? Athènes, 1976.
3. *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. Paris, 1966.
4. *Ahrweiler H.* Chôma – Aggelokastron // REB. 24. 1966.
5. *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975.
6. *Ahrweiler H.* Érosion sociale et comportements excentriques à Byzance aux XI–XIII siècles. Athènes, 1976.
7. *Ahrweiler H.* Recherches sur la société byzantine au IX siècle: nouvelles hiérarchies et nouvelles solidarités // TM. 6. 1976.
8. *Allegrini S.* Note di Giovanni Tzetzes ad Eschilo // Annali Fac. Lett. e Filos. Univ. di Perugia. 9. 1971–72.
9. *Allen T. W.* Palaeographica III. A Group of Ninth-Century Manuscripts // Journal of Philology. 21. 1893.
10. *Angelov D.* Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches // ГСУ ИФФ. 44. 1947–48.
11. *Anne Comnène.* Alexiade. Vol. I–IV / Ed. B. Leib. Paris, 1937–76.
12. *Antoniadis-Bibicou H.* Villages désertés en Grèce // Villages désertés en histoire économique. Paris, 1965.
13. *Antoniadis-Bibicou H.* Problèmes d'histoire économique de Byzance au XIe siècle: démographie, salaires et prix // BS. 28. 1967.
14. *Antoniadis-Bibicou H.* Démographie, salaires et prix à Byzance au XI-e siècle // Annales. 27. 1972.
15. *Arethas.* Scripta minora. Vol. I / Ed. L. Westerink. Lipsiae, 1968.
16. *Aubret R.* La translittération d'Homer // Byz. 39. 1969 (1970).
17. *Axiotakes A.* He Nea Mone tu Chiu. Historia kai techne. Chios, 1969.
18. *Backwith J. G.* The Veroli Casket. London, 1962.
19. *Backwith J. G.* Byzantine Tissues // Actes du XIVe Congrès intern. des ét. Byzantines. Vol. I. Bucarest, 1974.
20. *Bank A. V.* Nouveaux travaux concernant la glyptique byzantine // BS. 23. 1962.
21. *Bank A. V.* Quelques monuments de l'art appliqué byzantin du XIe–XIIe ss. provenant des fouilles sur la territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années // Actes du XII-e Congrès intern. des ét. Byzantines. Vol. III. Beograd, 1964.
22. *Bank A. V.* Les modèles de Constantinople et les copies locales // Actes du XXIIe Congrès intern. d'histoire de l'art. T. I. Budapest, 1972.
23. *Barnea J.* Relatiile dintre asezarea de la Biserica–Garvăn și Bizant în secolele X–XII // Studi și cercetări de ist. Veche. 4. 1953. № 3–4.
24. *Barnea J.* Dinogetia. București, 1969.
25. *Barnea J.* Dinogetia et Noviodunum, deux villes byzantines du Bas-Empire // RESEE. 9. 1971. № 3.
26. *Basilikopulu A.* Andronikos ho Komnenos kai Odysseys // EEBS. 37. 1969–70.

27. *Basilikopulu-Ioannidu A.* He anagenesis ton grammaton kata ton 12 aiona eis to Byzantion kai ho Homeros. Athenai, 1971–72.
28. *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.
29. *Beck H. G.* Überlieferungsgeschichte der byzantinischen Literatur // Geschichte der Textüberlieferung. Bd. 1. Zürich, 1961.
30. *Beck H. G.* Bildung und Theologie im frühmittelalterlichen Byzanz // Polychronion. Heidelberg, 1966.
31. *Beck H. G.* Res Publica Romana vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970.
32. *Beck H. G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971.
33. *Beck H. G.* Ideen und Realitäten in Byzanz. VR. London, 1972.
34. *Beck H. G.* Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wien, 1974.
35. *Beck H. G.* Byzantinistik heute. Berlin; New York, 1977.
36. *Benakis L.* Michael Psellos' Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis-» und «Materie-Form»-Problematik // BZ. 56. 1963.
37. *Berger A.* Tipoukeitos. The Origin of a Name // Traditio. 3. 1945.
38. *De Beylié.* L'habitation byzantine. Grenoble; Paris, 1903.
39. *Binin St.* Essai sur le cycle de St. Mercure. Paris, 1937.
40. *Boll F.* Sternglaube und Sterndeutung. Leipzig; Berlin, 1926.
41. *Bolsavov-Chumpu A.* La localisation de la cité byzantine de Dementzikos // RESEE. 5. 1967. № 3–4.
42. *Bonicatti M.* Per una introduzione alla cultura mediobizantina di Constantinopoli // Rivista dell'Istit. nazion. d'archeologia e storia dell'arte. 9. 1960.
43. *Bonicatti M.* Per l'origine del Salterio Barb. gr. 372 e la cronologia del Tetraevangelo Urb. gr. 2 // Rivista di cult. class. e medioev. 2. 1960.
44. *Bonis K. (= Mpones K.)* Ioannes ho Xiphilinos, ho nomophylax, ho monachos, ho patriarches kai he epoche aytu. Athenai, 1937.
45. *Bouras Ch. (= Mpuras Ch.)* The Byzantine Bronze Doors of the Great Lavra Monastery on Mount Athos // JÖB. 24. 1975.
46. *Bréhier L.* La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936.
47. *Browning R.* A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century // Balkan Studies. 2. 1961.
48. *Browning R.* The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century // Byz. 32. 1962.
49. *Browning R.* A Byzantine Treatise on Tragedy // Acta Univers. Carolinae, philos. et hist. 1. 1963.
50. *Browning R.* Tzetzes' Commentary on Ptolemy: a Ghost Land // Classical Review. 15. 1965.
51. *Browning R.* Medieval and Modern Greek. London, 1969.
52. *Browning R.* Ho Markianos hellenikos kodikos XI.31 kai he byzantine schedographia // Parnassos. 15. 1973.

53. *Browning R.* Enlightenment and Repression in Byzantium in the XIth and XIIth Century // *Past and Present.* 1975. № 69.
54. *Browning R.* Homer in Byzantium // *Viator.* 6. 1975.
55. *Browning R.* Il Codice Marciano gr. XI.31 e la schedografia bizantina // *Miscellanea Marciana di studi Bessarionei.* Padova, 1976.
56. *Brunet M.-E. P. L.* Syméon Seth, médecin de l'empereur Michel Doucas. Bordeaux, 1939.
57. *Bryer A. A. M.* Byzantine Family: the Gabrades // *University of Birmingham. Historical Journal.* 12. 1970.
58. *Buckler G.* Women in Byzantine Law about 1100 A. D. // *Byz.* 11. 1936.
59. *Cantacuzenus.* *Historiae.* Bonnae, 1832.
60. *Carile A.* Partitio terrarum Imperii Romani // *Studi Veneziani.* 7. 1965.
61. *Carile A.* «Hyle historias» del cesare Niceforo Briennio // *Aevum.* 43. 1969.
62. *Carile A.* Sulla pronia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista latina // *Studi urbinati.* 46. 1972 (под тем же названием: ЗРВИ. 16. 1975).
63. *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // *The Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byz. Studies.* London, 1967.
64. *Charanis P.* The Monk as an Element of Byzantine Society // *DOP.* 25. 1971.
65. *Chatzidakis M.* À propos de la date et du fondateur de Saint-Luc // *Cah. Arch.* 19. 1969.
66. *Cheynet J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance. 963–1210. Paris, 1990.
67. *Choisy A.* L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1883.
68. *Christophilopulu Aik.* Ekloge, anagoreusis kai stepsis tu byzantinū aytokratoros. Athenai, 1956.
69. *Christophoros Mitylenaios.* Die Gedichte. Leipzig, 1903.
70. *Codellas P. S.* The Pantocrator, the Imperial Byzantine Medical Centre of XIIth Century A. D. in Constantinople // *Bulletin of the History of Medicine.* 12. 1942. № 2.
71. *Colonna A.* Michaelis Pselli de Euripide et Georgio Pisida iudicium // *SBN.* 7. 1953.
72. *Colonna A.* De Sophocleo exemplari ab Eustathio adhibito // *Bollettino Comit. per la preparaz. dell'ediz. naz. classici gr. e lat.* 20. 1972.
73. *Condurachi E., Barnea J., Diaconu P.* Nouvelles recherches sur le «Limes» byzantin du Bas-Danube aux Xe–XIe siècles // *The Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byz. Studies.* London, 1967.
74. *Constantelos D. J.* Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, 1968.

75. *Constantine Porphyrogennitus*. De administrando imperio. Washington, 1967.
76. *Conze A.* Stadt und Landschaft // Pergamon. Bd. 1–2. 1913.
77. *Cook J. M.* The Troad. An Archaeological and Topographical Study. Oxford, 1973.
78. *Crawford J. R.* De Bruma et Brumalibus festis // BZ. 23. 1920.
79. *Cvetler J.* The Authorship of the Novel on the Reform of the Legal Education at Constantinople (about 1045 A. D.) // Eos. 48. 1956. № 2.
80. *Dain A.* La tradition du texte d'Héron à Byzance. Paris, 1933.
81. *Dain A.* Les manuscrits. Paris, 1949.
82. *Darrouzès J.* Notes de la littérature et de critique. I: Nicétas d'Héraclée ho tu Serron // REB. 18. 1960.
83. *Darrouzès J.* Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173 // BS. 23–24. 1962–63.
84. *Darrouzès J.* Les documents byzantins du XIIe siècle sur la primauté romaine // REB. 23. 1965.
85. *Darrouzès J.* Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966.
86. *Darrouzès J.* Recherches sur les ὁφφύκια de l'Église byzantine. Paris, 1970.
87. *Darrouzès J.* Le mouvement des fondations monastiques au XIe siècle // TM. 6. 1976.
88. *Davidson G. R.* A Mediaeval Glass-Factory at Corinth // AJA. 44. 1940.
89. *Deissmann A., Maas P.* Ein literarischer Papyrus des 11.–12. Jahrhunderts n. Chr. // Aegyptus. 13. 1933.
90. *Delatte A.* Un manuel byzantin de cosmologie et de géographie // Acad. Belgique. Bulletin de la cl. des lettres. 1932.
91. *Delehay H.* Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909.
92. *Delvoye Ch.* Salonique, seconde capitale de l'Empire byzantin et ses monuments // Revue de l'Université de Bruxelles. 4. 1950.
93. *Delvoye Ch.* La région de l'agora de Corinth à l'époque médiévale // Byz. 25–27. 1955–57.
94. *Delvoye Ch.* L'architecture byzantine au XI-e siècle // The Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byz. Studies. London, 1967.
95. *Demetrakopulos A.* Bibliotheca ecclesiastica. Lipsiae, 1866.
96. *Devreesse R.* Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954.
97. *Devreesse R.* Les manuscrits grecs de l'Italie méridionale. Città di Vaticano, 1955.
98. *Diaconu P.* Une information de Skylitzès–Cédrenus à la lumière de l'archéologie // RESEE. 7. 1969. № 1.
99. *Diaconu P., Zah E.* Les carrières de pierre de Pacuiul lui Soare // Dacia. 15. 1971.

100. *Diaconu P., Vilceanu D.* Păciul lui Soare, catatea bizantina. Bucuresti, 1972.
101. *Diaconu P.* Păciul lui Soare – Vicina // BYZANT. 8. 1976.
102. *Diehl Ch.* Le trésor et la bibliothèque de Patmos au commencement du XIIIe siècle // BZ. 1. 1892.
103. *Van Dieten J. L.* Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates. Amsterdam, 1970.
104. *Van Dieten J. L.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin; New York, 1971.
105. *Dieterich K.* Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache. Leipzig, 1898; перепеч.: Hildesheim; New York., 1970.
106. *Dieterich K.* Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912.
107. *Diez E., Demus O.* Byzantine Mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. Cambridge, Mass., 1931.
108. *Diller A.* Byzantine Quadrivium // Isis. 36. 1945–46.
109. *Diller A.* The Scholia of Strabo // Traditio. 10. 1954.
110. *Diller A.* The Age of Some Early Greek Classical Manuscripts // Serta Tutyniana. Urbana; Chicago; London, 1974.
111. *Dirimtekin F.* Les fouilles dans la région des Blachernes pour retrouver les substructions de Palais des Comnènes // Türk Arkeoloji Dergisi. Sayı IX. 2. 1960.
112. *Doanidu S.* He paraitesis Nikolau tu Muzalonos apo tes archiepiskopes Kypru // Ell. 7. 1934.
113. *Dölger F., Maas P.* Zu den Abdankungsgedicht des Nikolaos Muza-lon // BZ. 35. 1935.
114. *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Hl. Berges. München, 1948.
115. *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzver-waltung. Darmstadt, 1960.
116. *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968.
117. *Dvornik F.* Photius' Career in Teaching and Diplomacy // BS. 34. 1973.
118. *Dyobuniotes K.* Dialogos tu patriarchu Konstantinupoleos Michael III tu Anchialu pros ton aytokratora tu Byzantiu Manuel I Komnenon // EEBS. 15. 1939.
119. *Ebersolt J., Thiers A.* Les églises de Constantinople. Paris, 1913.
120. *Eideneier H.* Zur Sprache des Michael Glykas // BZ. 61. 1968.
121. *Eleopulos N. E.* He biblioteke kai to bibliographikon ergasterion tes mones tu Stadiu. Athenai, 1967.
122. *Ensslin W.* Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl // Klio. 35. 1942.
123. *Eyice S.* Two Mosaic Pavements from Bithynia // DOP. 17. 1963.

124. *Von Falke O.* Kunstgeschichte der Seidenweberei. 3 Aufl. Berlin, 1936.
125. *Von Falkenhausen V.* Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967.
126. *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. München, 1968.
127. *Ferluga Ja.* Byzantium on the Balkans. Amsterdam, 1976.
128. *Ferrari d'Occhieppo K.* Zur Identifizierung der Sonnenfinsternis während des Petschenegenkrieges Alexios' I Komnenos // JÖB. 23. 1974.
129. *Festa N.* Longibardos // Byz. 6. 1931.
130. *Ficker G.* Die Phundagiagiten. Leipzig, 1908.
131. *Flemming J., Lehmann E., Schulbert E.* Dom und Domschatz zu Halberstadt. Berlin, 1973.
132. *Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P.* Capidava. Bucuresti, 1958.
133. *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge, Mass.; London, 1976.
134. *Frances E.* La disparition des corporations byzantines // Actes du XIIe Congrès intern. d'ét. byz. T. II. Beograd, 1964.
135. *Frantz A.* Digenis Akritas. A Byzantine Epic and its Illustrators // Byz. 15. 1940–41.
136. *Frantz A.* Akritas and the Dragon // Hesperia. 10. 1941.
137. *Frazer M. E.* Church Doors and the Gates of Paradise. Byzantine Doors in Italy // DOP. 27. 1973.
138. *Frolow A.* Les noms des monnaies dans le typicon du Pantocrator // BS. 10. 1949.
139. *Frolow A.* L'origine des miniatures du Ménologe Vatican // 3PBH. 6, 1960.
140. *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; Berlin, 1926.
141. *Garzya A.* Un lettré du milieu du XIIe siècle: Nicéphore Basila-kès // RESEE. 8. 1970. № 4.
142. *Garzya A.* Un letterato bizantino del sec. XII alla luce di nuove ricerche // Cultura e scuola. 37. 1971.
143. *Garzya A.* Literarische und rhetorische Polemiken der Komnenzeit // BS. 34. 1973.
144. *Garzya A.* Storia e interpretazione di testi bizantini. London, 1974.
145. *Garzya A.* Topik und Tendenz in der byzantinischen Literatur // Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Österreichischen Akad. der Wiss. 113. 1976.
146. *Gautier P.* Diatribes de Jean l'Oxite contre Alexis Ier Comnène // REB. 28. 1970.
147. *Gautier P.* Michel Italikos. Lettres et discours. Paris, 1972.
148. *Gautier P.* Le Typicon du Christ Saviour Pantocrator. Paris, 1974.
149. *Gautier P.* Réquisitoire de patriarche Jean d'Antioche contre le charisticariat // REB. 33. 1975.

150. *Gerland E.* Das Wohnhaus der Byzantiner // *Burgwart.* 16. 1915.
151. *Giannelli C.* Un nuovo codice di provenienza studiata // *Bollettino Arch. Paleogr. ital.* 2/3. 1956–57. № 1.
152. *Giske H.* De Joannis Tzetzae scriptis ac vitae. Rostochii, 1881.
153. *Glabinas A. A.* He epi Alexiu Komnenu (1081–1118) peri hieron skeyon, keimelion kai hagian eikonon eris. Thessalonike, 1972.
154. *Glukatzi-Ahrweiler H.* Les forteresses construites en Asie Mineure face à l'invasion seldjaucide // *Akten des XI Intern. Byzantinischen-Kongresses.* München, 1960.
155. *Glukatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe–XIe siècles. Paris, 1960.
156. *Glukatzi-Ahrweiler H.* La concession des droits incorporels. Donations conditionnels // *Actes du XIIe Congrès intern. d'ét. byz.* T. II. Beograd, 1964.
157. *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Bd. 1. Berlin, 1930.
158. *Gotein S. D.* A Letter from Seleucia (Cilicia) Dated 21 July 1137 // *Speculum.* 39. 1964.
159. *Grabar A.* Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens // *Münchener Jahrbuch der bildende Kunst.* 2. 1951 (1952).
160. *Grabar A.* La soie byzantine de l'évêque Gunther à la cathédrale de Bamberg // *Münchener Jahrbuch der bildende Kunst.* 7. 1956.
161. *Grabar A.* Byzance. L'art byzantin du moyen âge. Paris, 1963.
162. *Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IVe–Xe siècles). Paris, 1963.
163. *Grabar A.* Les illustrations de la Chronique de Jean Skylitzès à la Bibliothèque nationale de Madrid // *Cah. Arch.* 21. 1971.
164. *Grabar A.* Un broc byzantin de Banlieu dans la Corrèze // *Études de civilisation médiévale (IXe–XIIe ss.) / Mélanges E. R. Labande.* Paris, 1974.
165. *Grabler F.* Das Zitat als Stilmittel bei Niketas Choniates // *Akten des XI Intern. Byzantinischen-Kongresses.* München, 1960.
166. *Grabler F.* Niketas Choniates als Redner // *JÖB.* 11–12. 1962–63.
167. *Granstrom Eu., Medvedev I., Papachryssanthou D.* Fragment d'un praktikon de la région d'Athènes (avant 1204) // *REB.* 34. 1976.
168. *Grégoire de Naziance.* La passion du Christ. Paris, 1969.
169. *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1973.
170. *Grocacinus K.* Eustratius of Nicaea's Defense of the Doctrine of Ideas // *Franciscan Studies.* 24. 1964.
171. *Grosdidier de Matons J.* La femme dans l'Empire byzantin // *Histoire mondiale de la femme.* Paris, 1967.
172. *Grosdidier de Matons J.* À propos d'une édition récente du Christos paschon // *TM.* 5. 1973.

173. *Grosdidier de Matons J.* Courants archaïsants et populaires dans la langue et littérature. Athènes, 1976.
174. *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. I–II. Berlin, 1967.
175. *Guilland R.* Études de topographie de Constantinople byzantine. Berlin; Amsterdam, 1969.
176. *Guilland R.* Les Logothètes // REB. 29. 1971.
177. *Guillard J.* Le Synodikon de l'orthodoxie // TM. 2. 1967.
178. *Guillou A.* Studies on Byzantine Italy. London, 1970.
179. *Guillou A.* La civilisation byzantine. Paris, 1974.
180. *Guillou A.* Production and Profits in the Byzantine Province of Italy (Xth to XIth Centuries): an Expanding Society // DOP. 28. 1974.
181. *Guillou A.* La soie du Katépanat d'Italie // TM. 6. 1976.
182. *Hadermann-Misguich L.* Kurbinovo. Les fresques de Saint-Georges et la peinture byzantine du XIIe siècle. Bruxelles, 1975.
183. *Hägg I.* Kvinnodräkten i Birka. Uppsala, 1974.
184. *Harlfinger D.* Die Textgeschichte der Pseudo-Aristotelischen Schrift Peri atomon grammon. Amsterdam, 1971.
185. *Hart G.* De Tzetzarum nomenclonem vitis, scriptis // Jahrbücher für classische Philologie. Supplementum. 12. 1880–81.
186. *Heiberg J. L.* Geschichte der Mathematik und Naturwissenschaften im Altertum. München, 1925.
187. *Heiberg J. L.* Mathematici graeci minores. Copenhagen, 1927.
188. *Heisenberg A.* Grabeskirche und Apostelkirche. Leipzig, 1908.
189. *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und Kirchenunion, II // SBAW. Philol.-hist. Kl. 1923.
190. *Hendy M. F.* Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081–1261. Washington, 1969.
191. *Hendy M. F.* Byzantium, 1081–1204: an Economic Reappraisal // Transactions of the R. Historical Society. 20. 1970.
192. *Hensel W.* Die Slawen im frühen Mittelalter. Ihre materielle Kultur. Berlin, 1965.
193. *Herman E.* Die Regelung der Armut in den byzantinischen Klöstern // OCRP. 7. 1941.
194. *Hohlweg A.* Zur Frage der Pronia in Byzanz // BZ. 60. 1967.
195. *Hörandner W.* Theodoros Prodromos und die Gedichtsammlung des Cod. Marc. XI. 22 // JÖB. 16. 1967.
196. *Hörandner W.* Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974.
197. *Hörandner W.* Marginalien zum «Manganeios Prodromos» // JÖB. 24. 1975.
198. *Hörandner W.* Traditionelle und populäre Züge in der Profandichtung der Komnenzeit. Athènes, 1976.

199. *Horna K.* Die Epigramme des Theodoros Balsamon // Wiener Studien. 25. 1903.
200. *Horna K.* Analekten zur byzantinischen Literatur. Wien, 1905.
201. *Horna K.* Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses // Wiener Studien. 28. 1906.
202. *Houston M. G.* Ancient Greek, Roman and Byzantine Costume and Decorations. New York, 1931; второе издание: London, 1974.
203. *Howell D.* St. George as Intercessor // Byz. 39. 1969.
204. *Hrochova V.* Les villes byzantines aux XIe–XIIIe siècles: phénomène centrifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? Athènes, 1976.
205. *Hubert M. J., La Monte J. L.* The Crusade of Richard Lion-Heart. New York, 1941.
206. *Huby P. H.* The Transmission of Aristotle's Writings and the Places where Copies of his Works Existed // Cl. Med. 30. 1969 (1974).
207. *Hunger H.* Allegorische Mythendeutung in der Antike und bei Johannes Tzetzes // JÖB. 3. 1954.
208. *Hunger H.* Studien zur griechischen Paläographie. Wien, 1954.
209. *Hunger H.* Prooimion. Wien, 1964.
210. *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Graz; Wien; Köln, 1965.
211. *Hunger H.* Christliches und nichtchristliches im byzantinische Eherecht // Österreichisches Archiv für Kirchenrecht. 18. 1967.
212. *Hunger H.* Die byzantinische Katz-Mäuse-Krieg. Graz; Wien; Köln, 1968.
213. *Hunger H.* Die byzantinische Literatur der Komnenzeit // Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Österreichischen Akad. der Wiss. 1968. № 3.
214. *Hunger H.* Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. Wien, 1972.
215. *Hunger H.* Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1974.
216. *Hunger H.* Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14 Jhs // Actes du XIVe Congrès intern. d'ét. byz. T. I. Bucarest, 1974.
217. *Hunger H.* Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975.
218. *Hussey J. M.* Church and Learning in the Byzantine Empire. 867–1185. London, 1937.
219. *Irigoin J.* Les premiers manuscrits grecs sur papier et le problème du bombicin // Scriptorium. 4. 1950.
220. *Irigoin J.* Les débuts de l'emploi du papier à Byzance // BZ. 46. 1953.
221. *Irigoin J.* L'Aristote de Vienne // JÖB. 6. 1957.
222. *Irigoin J.* Pour une étude des centres de copie byzantins. I–II // Scriptorium. 12–13. 1958–59.
223. *Irigoin J.* Histoire du texte de Pindare. Paris, 1962.
224. *Irigoin J.* Les manuscrits grecs // Lustrum, 1962 (1963).

225. *Irigoin J.* Survie et renouveau de la littérature antique à Constantinople (IXe siècle) // Cahiers de civilisation médiévale. 5. 1962.
226. *Irigoin J.* Les manuscrits grecs // REG. 85. 1972.
227. *Irigoin J.* Centres de copie et bibliothèques // Byzantine Books and Bookmen. Washington, 1975.
228. *Jacoby D.* Société et démographie à Byzance et en Romanie latine. London, 1975.
229. *Janin R.* Constantinople byzantine. Paris, 1964.
230. *Jeanselme E., Oeconomus L.* Les œuvres d'assistance et les hôpitaux byzantins au siècle des Comnènes. Anvers, 1921.
231. *Jeffreys M. J.* The Nature and Origins of the Political Verse // DOP. 28. 1974.
232. *Jerphanion G. de.* Les églises rupestres de Cappadoce. Paris, 1926–42.
233. *Joannes Italos.* Quaestiones quodlibetales. Ettal, 1956.
234. *Joannes Tzetzes.* Historiarum variarum chiliades. Lipsiae, 1826.
235. *Joannes Tzetzes.* Historiae. Napoli, 1968.
236. *Joannou P.* Eustrate de Nicée. Trois pièces inédites de son procès (1117) // REB. 10. 1952 (1953).
237. *Joannou P.* Der Nominalismus und die menschliche Psychologie Christi. Das Semeioma gegen Eustratios von Nikaia (1117) // BZ. 47. 1954.
238. *Joannou P.* Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia // BZ. 49. 1956.
239. *Joannou P.* Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos. Ettal, 1956.
240. *Joannou P.* Le sort des évêques hérétiques réconciliés // Byz. 28. 1958.
241. *Johannes Kamateros.* Eisagoge astronomias. Leipzig; Berlin, 1908.
242. *Kaegi W. E.* Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968.
243. *Kakulide E. D.* He biblioteke tes mones Prodromu sten Konstantinupole // Ell. 21. 1968.
244. *Karahalios G.* Michael Psellos on Man and his Beginnings // The Gr. Orth. Theol. Rev. 18. 1973.
245. *Karayannopulos J.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion. Heidelberg, 1966.
246. *Karayannopulos J.* Kentrophygoi kai kentromoloi dynameis ston Byzantino kosmo. Athènes, 1976.
247. *Katsaros V.* A Contribution to the Exact Dating of the Death of the Byzantine Historian Niketas Choniates // JÖB. 22 (3). 1982.
248. *Každan (=Kazhdan) A. P.* Центростремительные и центробежные силы в византийском мире // XV Congrès intern. des études byzantines. Rapports. Athènes, 1976.
249. *Každan (=Kazhdan) A. P.* Bemerkungen zu Niketas Eugenianos // JÖB. 16. 1967.

250. *Kazhdan A. P.* Der Körper im Geschichtswerk des Niketas Choniates // Fest und Alltag in Byzanz / Ed. G. Prinzig und D. Simon. München, 1990.
251. *Kirova T.* Il problema della casa bizantina // Felix Ravenna. 2 (102). 1971.
252. *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress. München, 1958.
253. *Kleinbauer W. E.* A Byzantine Revival. The Inlaid Bronze Doors of Constantinople // Archaeology. 29. 1976. № 1.
254. *Koder J.* Der Fünfzehnsilber am kaiserlichen Hof um des Jahr 900 // BS. 33. 1972.
255. *Koder J.* Die Hagia Trias bei Nies (Thessalien) // JÖB. 24. 1975.
256. *Koder J., Hild F.* Tabula Imperii Byzantini. Hellas und Thessalien. Wien, 1976.
257. *Kondakov N. P.* Geschichte und Denkmäler des byzantinischen Emails. Frankfurt a. M., 1892.
258. *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byz. 1. 1924.
259. *Korre K. G.* Korona-parampykia-phlokos // EEBS. 41. 1974.
260. *Koukoulès Ph.* Kynegetika ek tes epoches ton Komnenon kai ton Palaiologon // EEBS. 9. 1932.
261. *Koukoulès Ph.* Vie et civilisation byzantines. Athènes, 1952.
262. *Krauss S.* Studien zur byzantinisch-jüdischen Geschichte. Leipzig; Wien, 1914.
263. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1986.
264. *Kriesis A.* Greek Town Building. Athens, 1965.
265. *Kresten O.* Zum Sturz des Theodoros Styppaiotes // JÖB.
266. *Krumbacher K.* Michael Glykas // SBAW. 1894. № 3. München, 1895.
267. *Krumbacher K.* Der hl. Georg in der griechischen Überlieferung // SBAW. Phil.-hist. Kl. XXV. 3. 1911.
268. *Kurtz B.* Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos // BZ. 16. 1907.
269. *Kyriakidis M. J.* The University: Origin and Early Phases in Constantinople // Byz. 41. 1971.
270. *Kyriakidis M. J.* Poor Poets and Starving Literati in XIIth Century Byzantium // Byz. 44. 1974 (1975).
271. *Kyriakidis M. J.* Student Life in XIth Century Constantinople // BYZANT. 7. 1975.
272. *Lafond J.* Les vitraux historiés du moyen âge découverts récemment à Constantinople // Bulletin de la société nationale des antiquaires de France. 1964.

273. *Lafond J.* Découverte des vitraux historiés du moyen âge à Constantinople // *Cah. Arch.* 18. 1968.
274. *Lafontaine-Dosogne J.* Une église inédite de la fin du XIIe siècle en Cappadoce: la Belisirana kilise dans la vallée de Belisirana // *BZ.* 61. 1963.
275. *Lampros S.* *Kerkyraika anekdota.* Athenai, 1882.
276. *Lampros S.* Ho Markianos kodix 524 // *NE.* 8. 1911.
277. *Laourdas B.* Intellectuals, Scholars and Bureaucrats in the Byzantine Society // *Kleronomia.* 2. 1970.
278. *Lasserre F.* Étude sur les extraits médiévaux de Strabon // *L'antiquité classique.* 28. 1959.
279. *Lefort J.* Prooimion de Michel, neveu de l'archevêque de Thessalonique, didascale de l'Évangile // *TM.* 4. 1970.
280. *Lefort J.* Rhétorique et politique. Trois discours de Jean Mauropous en 1047 // *TM.* 6. 1976.
281. *Lemerle P.* Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes // *Cahiers de civilisation médiévale.* II. 1959. № 3.
282. *Lemerle P.* *Le premier humanisme byzantin.* Paris, 1971.
283. *Leo Diaconus.* *Historiae.* Bonnae, 1828.
284. *Leone P. L. M.* Tzetiana // *I cento anni del Liceo «Duni» di Matera.* Fasano, s. d. (см.: *BS.* 27. 1966. P. 219).
285. *Leone P. L. M.* Ioannis Tzetze iambi // *Riv SBN.* 6–7. 1969–70.
286. *Leone P. L. M.* Michaelis Hapluchiris versus cum excerptis // *Byz.* 39. 1969 (1970).
287. *Ct. Lefebvre des Noëttes.* Le système d'attelage du cheval et du bœuf à Byzance et les conséquences de son emploi // *Mélanges Ch Diehl.* Paris, 1930.
288. *Liutprand von Cremona.* *Die Werke.* Hannover, Leipzig, 1915.
289. *Loos M.* Certains aspects du bogomilisme byzantin des XIe et XIIe siècles // *BS.* 28. 1967.
290. *Loos M.* Dualist Heresy in the Middle Ages. Praha, 1974.
291. *Lopez R. S.* Silk Industry in the Byzantine Empire // *Speculum.* 20. 1945. № 1.
292. *Maas P.* Eustathius als Konjunkturkritiker // *BZ.* 36. 1936.
293. *MacKay Th. S.* More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth // *Hesperia.* 36. 1967.
294. *Macridy Th.* The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) at Istanbul // *DOP.* 18. 1964.
295. *Magdalino P.* Tradition and Transformation in Medieval Byzantium. Aldershot, 1991.
296. *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos. 1143–1180. Cambridge, 1993.

297. *Majuri A.* Una nuova poesia di Teodoro Prodromo in greco volgare // BZ. 23. 1914/19.
298. *Maksimović J.* Les thèmes mythologiques grecs dans la sculpture byzantine // Actes du XIVe Congrès Intern. d'ét. byz. T. II. Bucarest, 1975.
299. *Manaphes K. A.* Hai en Konstantinupolei bibliothekai aytokratorikai kai patriarchike. Athenai, 1972.
300. *Mango C., Hawkins E. J. W.* The Hermitage of St. Neophytos and its Wall-painting // DOP. 20. 1966.
301. *Mango C., Hawkins E. J. W.* Additional Finds at Fenari Isa Camii, Istanbul // DOP. 22. 1968.
302. *Mango C.* The art of the Byzantine Empire. Englewood Cliffs; New York, 1972.
303. *Mango C.* Byzantine Literature as a Distorting Mirror. Oxford, 1975.
304. *Mango C.* Les monuments de l'architecture du XIe siècle et leur signification historique et sociale // TM. 6. 1976.
305. *Mansel A. M.* Die Ruinen von Side. Berlin, 1963.
306. *Mathews Th. F.* The Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. University Park and London, 1971.
307. *Mathews Th. F.* Observation on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul // DOP. 27. 1973.
308. *Matranga P.* Anecdota graeca. Roma, 1850.
309. *Megaw A. H. S.* Notes on Recent Works of the Byzantine Institute in Istanbul // DOP. 17. 1963.
310. *Megaw A. H. S.* Zeuxippus Ware // The Annual of the British School at Athens. 63. 1968.
311. *Megaw H.* The Chronology of Some Middle-Byzantine Churches // The Annual of the British School at Athens. 32. 1933.
312. *Mercati S. G.* Origine antiochena di due codici greci del secolo XI // AB. 68. 1950.
313. *Mercati S. G.* Collectanea bizantina. Bari, 1970.
314. *Metcalf D. M.* Coinage in the Balkans. 820–1355. Thessaloniki, 1965.
315. *Michel Italikos.* Lettres et discours. Paris, 1972.
316. *Michel Psellos.* Chronographie. Paris, 1926–28.
317. *Migeon G.* Orfèvrerie d'argent de style oriental trouvée en Bulgarie // Syria. 3. 1929.
318. *Van Millengen A.* Byzantine Churches in Constantinople. London, 1912.
319. *Miller E.* Description d'une chasse à l'once par un écrivain byzantin du XIIe siècle de n. è. // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques. 6. 1872.
320. *Millet G.* Monastère de Daphni. Paris, 1899.
321. *Monnier H., Platon G.* La meditatio de pactis nudis // Nouvelle revue hist. du droit français et étranger. 1913–14.

322. *Morgan Ch. H.* The Byzantine Pottery // *Corinth*. 11. 1942.
323. *Morrisson C.* Le michaèlton et les noms des monnaies à la fin du XIe siècle // *TM*. 3. 1968.
324. *Morrisson C.* La dévaluation de la monnaie byzantine au XIe siècle: essai d'interprétation // *TM*. 6. 1976.
325. *Mpones K. G. (=Bonis K.)* Eythymiu tu Malake dyo egkomiastikoi logoi // *Theologia*. 19. 1941–48.
326. *Mpuras Ch. (=Bouras Ch.)* Katoikies kai oikismoi ste byzantine Hellada // *Oikismoi sten Hellada*. Athenai, 1974.
327. *Müller H. W.* Euripides and Eustathios // *Amer. Journal of Philology*. 61. 1940.
328. *Myslivec J.* Svatý Jiru ve východokrestanském umeni // *BS*. 5. 1933.
329. *Nesbitt J., Wiita J.* A Confraternity of the Comnenian Era // *BZ*. 68. 1975.
330. *Nessèbre*. Sophia, 1969.
331. *Neumann M.* Eustathios als kritische Quelle für den Iliástext // *Jahrbuch für Philologie. Supplementum-Band*. 20. 1893.
332. *Nicephorus Gregoras*. *Byzantina Historia*. Vol. I–III / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Bonnae, 1829–1855.
333. *Nicetas Choniates*. *Historia*. Bonnae, 1835.
334. *Nicholas I, Patriarch of Constantinople*. *Letters*. Washington, 1973.
335. *Nikolaos Mesarites*. Description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople // *Transactions of Amer. Philosoph. Society*. 47. 1957. Pt. 6.
336. *Nikolaos, ep. Methones*. *Logoi dyo*. Leipzig, 1865.
337. *Nissen W.* Die Diataxis des Michael Attaliates von 1077. Jena, 1894.
338. *Noailles P., Dain A.* Les nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944.
339. *Obolensky D.* The Bogomils. Cambridge, 1948.
340. *Obolensky D.* Bogomilism in the Byzantine Empire // *Actes du VIe Congrès intern. d'ét. byz.* T. I. Paris, 1950.
341. *Odo of Deuil*. De profectone Ludovici VII in Orientem. New York, 1948.
342. *Oikonomidès N.* The Donations of Castles in the Last Quarter of the XIth Century // *Polychronion*. Heidelberg, 1966.
343. *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantine des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
344. *Oikonomidès N.* L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin. Paris, 1975.
345. *Orlandos A. K.* Ta byzantina mnemeia tes Beras // *Thrakika*. 4. 1933.
346. *Orlandos A. K.* Ta byzantina mnemeia tu Andru // *Archeion Byz. Mnem.* Hellados. 8. 1955–56.
347. *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.

348. *Ostrogorsky G.* Die Pronia unter den Komnenen // ЗРБИ. 12. 1970.
349. *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 25. 1971.
350. *Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973.
351. *Panagiotakes N.* Theodosios ho Diakonos kai to poiema aytu «Halosis tes Kretes». Herakleion, 1960.
352. *Papachryssanthou D.* La vie monastique dans les campagnes byzantines du VIIIe au IXe siècle // Byz. 43. 1973.
353. *Papadopoulos J. B.* Le palais et les églises des Blachèrnes. Athènes, 1928.
354. *Pasidaïos.* He en Chalke mone Panagias Kamariotisses // Archaïologike Ephemeris, 1971.
355. *Pachoud F.* in: Zosime. Histoire universelle. T. I. Paris, 1971.
356. *Patlagean E.* «Économie paysanne» et «féodalité byzantine» // Annales. 30. 1975. № 6.
357. *Peeters P.* Un manuscrit byzantin daté du pontificat du pape Jean IX en 1029–1030 // Mémorial L. Petit. Bucarest, 1948.
358. *Peirce H., Tyler R.* A Marble Emperor-Roundel of the XIIth Century // DOP. 2. 1941.
359. *Pélékanidis S.* Un bas-relief byzantin de Digénis Akritas // Cah. Arch. 8. 1956.
360. *Pertusi A.* Tra storia e leggenda: akritai e ghazi sulla frontiera orientale di Bisanzio // Actes du XIVe Congrès intern. d'ét. byz. T. I. Bucarest, 1974.
361. *Petit L.* Le monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine // ИРАИИ. 6. 1900.
362. *Philippe J.* Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. Bologna, 1970.
363. *Philipsborn A.* Der Fortschritt in der Entwicklung des byzantinischen Krankenhauswesens // BZ. 54. 1961.
364. *Philipsborn A.* Hiera nosos und die Spezialanstalt des Pantokrator-Krankenhauses // Byz. 33. 1963.
365. *Pignani A.* Un opuscolo già male attribuito: l'Encomio del cane di Niceforo Basilace // Le parole e le idee. 11. 1969.
366. *Piltz E.* Loros – ett bysantiskt insignium // Konsthistorisk tidskrift. 41. 1972.
367. *Pingree D.* Hephaestionis Thebani Apotelesmaticorum epitomae quattuor. Vol. II. Lipsiae, 1974.
368. *De Planhol X.* De la plaine pamphylienne aux lacs pisidiens. Nomadisme et vie paysanne. Paris, 1958.
369. *Politis L.* Eine Schreiberschule im Kloster von Hodegon // BZ. 51. 1958.

370. *Poutzko B.* Problème d'origine et de datation d'une coupe d'argent provenant de Vilgort // *Rev. des ét. Arméniennes.* 10. 1973–74.
371. *Psaltis S. B.* Grammatik der byzantinischen Chroniken. Göttingen, 1913; перепеч.: Göttingen, 1974.
372. *Pseudo-Luciano.* Timarione / A cura di R. Romano. Napoli, 1974.
373. *Rahewin.* Gesta Fridrici / Ed. F. J. Schmale. Darmstadt, 1965.
374. *Randell R. M.* Three Byzantine Ceramics (Walter Art Gallery, Baltimore) // *The Burlington Magazine.* 110. № 725. August 1968.
375. *Reinhold M.* History of Purple as a Status Symbol in Antiquity. Bruxelles, 1970.
376. *Robert de Clari.* La conquête de Constantinople. Paris, 1924.
377. *Romano R.* Sulla possibile attribuzione del «Timarione» pseudo-luciano a Nicola Callicle // *Giornale ital. di filol.* 4. 1973.
378. *Runciman S.* The Medieval Manichee. Cambridge, 1947.
379. *Runciman S.* Blachernae Palace and its Decoration // *Studies in Memory of D. T. Rice.* Edinburgh, 1975.
380. *Salač A.* Novella constitutio saec. XI medii. Praegae, 1954.
381. *Salaville S.* Philosophie et théologie ou épisodes scholastiques à Byzance de 1059 à 1117 // *EO.* 29. 1930.
382. *Von Saldern A.* Glass from Sardis // *AJA.* 66. 1962. № 1.
383. *Sansterre J.* Une laure à Rome au IXe siècle // *Byz.* 44. 1974.
384. *Sargologos E.* La vie de St. Cyrille le Philéote moine byzantin. Bruxelles, 1964.
385. *Savramis D.* Zur Soziologie des byzantinischen Mönchtums. Leiden; Köln, 1962.
386. *Sbordone F.* Excerpta ed. epitomi della Geografia di Strabone // *Atti dell'VIII Congr. intern. di st. biz.* T. I. SBN. 7. Roma, 1953.
387. *Šćapova J. L.* Le verre byzantin du V-e – XII-e siècle // *Средно-вековно стакло на Балкану (V–XV век).* Београд, 1975.
388. *Schäfer H.* Die Gül Djamii in Istanbul. Ein Beitrag zur mittelbyzantinischen Kirchenarchitektur Konstantinopels. Tübingen, 1973.
389. *Scharf A.* Byzantine Jewry. London, 1971.
390. *Schaube A.* Handelsgeschichte der romanischen Völker der Mittelmeergebietes bis zum Ende der Kreuzzüge. München; Berlin, 1906.
391. *Scheltema H. J.* L'auteur de la méditation de «Nudis pactis» // *Études off.* à J. Macqueron. Aix-en-Provence.
392. *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970.
393. *Schirò G.* La schedografia a Bisanzio nei sec. XI–XII-e la scuola dei SS. XL Martiri // *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata.* 3. 1949.
394. *Schliker H. C.* The Immunity System in Byzantium // *The New Review. A Journal of East European History.* 6. 1966.
395. *Schlumberger G.* L'épopée byzantine. Paris, 1900.
396. *Schneider A. M.* The City Walls of Nicaea // *Antiquity.* 12. 1938.

397. *Schneider A. M., Karnapp W.* Die Stadtmauer von Iznik. Berlin, 1938.
398. *Schneider A. M.* Die Blachernen // *Oriens*. 4. 1951.
399. *Scranton R. L.* Mediaeval Architecture in the Central Area of Corinth // *Corinth*. 16. 1957.
400. *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976.
401. *Seidl E.* Die Basiliken-Scholien im Tipoukeitos // *BZ*. 44. 1951.
402. *Seidl E.* Il Tipoukeitos e gli scolii dei Basilici // *Bollettino dell'Istoria di diritto romano*. 18–19. 1956.
403. *Ševčenko I.* The Illuminators of the Menologium of Basil II // *DOP*. 16. 1962.
404. *Ševčenko I.* Poems on the Death of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes // *DOP*. 23–24. 1969–70.
405. *Ševčenko I.* On Pantoleon the Painter // *JÖB*. 21. 1972.
406. *Sicherl M.* Platonismus und Textüberlieferung // *JÖB*. 15. 1966.
407. *Sicherl M.* Michael Psellos und Iamblichos de mysteriis // *BZ*. 53. 1960.
408. *Simon D.* Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a. M., 1973.
409. *Simon E.* Nonnos und das Elfenbein-Kästchen aus Veroli // *Jahrb. des Dtsch. Archäol. Instituts*. 79. 1964.
410. *Sorlin I.* Publications soviétiques sur XIe siècle // *TM*. 6. 1976.
411. *Soteriu G.* Byzantinai basilikai tes Makedonias kai palaia Hella-dos // *BZ*. 30. 1929–30.
412. *Speck P.* Die kaiserliche Universität von Konstantinopel. München, 1974.
413. *Spinei V.* Les relations de la Moldavie avec la Byzance et la Russie au premier quart du Ie millénaire à la lumière des sources archéologiques // *Dacia*. 19. 1975.
414. *Spiridakis G. S.* L'usage des bains à l'époque byzantine // *Les origines de la médecine en Grèce*. Athènes, 1968.
415. *Stéphanou P.* Jean Italos, philosophe et humaniste. Roma, 1949.
416. *Sternbach L.* Analecta Manassea // *Eos*. VII. № 2. 1901.
417. *Sternbach L.* Nicolai Calliclis carmina // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydz. filol.* Ser. II. T. 21. 1903. № 30.
418. *Stevens G. P.* De Theodoro Balsamone. Analysis operum et mentis juridicae. Roma, 1969.
419. *Stevenson R. B. K.* The Pottery, 1936–1937 // *The Great Palace of Byzantine Emperors*. Oxford, 1947.
420. *Stiglmayr J.* Die «Streitschrift des Prokopios von Gaza» gegen den Neuplatoniker Proklos // *BZ*. 8. 1899.
421. *Stikas E. G.* L'église byzantine de Christianou. Paris, 1951.
422. *Stikas E. G.* To oikodomikon chronikon tes mones hosiou Luka Phokidos. Athenai, 1970.

423. *Stikas E. G.* Nouvelles observations sur la date de construction du Catholicon de l'église de la Vierge du monastère de St. Luc en Phocide // Corsi di cultura sull'arte ravenn. e biz. 1972.
424. *Stričević Dj.* La renovation du type basilical dans l'architecture ecclésiastique des pays centrales des Balkans au IXe–XIe siècles // Actes du XIIe Congrès intern. d'ét. byz. T. I. Beograd, 1963.
425. *Stricker C. L.* A New Investigation on the Bodrum Camii and the Problem of Myrelaion // Annual of the Archaeological Museum of Istanbul. 13–14. 1966.
426. *Stricker C. L., Doğan Kuban Y.* Work at Kalenderhane Camii in Istanbul // DOP. 25. 1971.
427. *Stuloff N.* Mathematische Tradition in Byzanz und ihr Fortleben bei Nikolaus von Kues // Das Kuzanus-Jubiläum. Mainz, 1964.
428. *Suhle A.* Der byzantinische Einfluss auf die Münzen Mitteleuropas vom 10. bis 12. Jahrhundert // Aus der byzantinischen Arbeit der DDR. Bd. II. Berlin, 1957.
429. *Sulogiannes E.* Stichoi pheromenoi hos ptochoprodromikoi eis cheirographon tu Hagiu Orus // Parnassos. 10. 1968.
430. *Svoronos N. G.* Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance // Annales. 11. 1956.
431. *Svoronos N. G.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles. Paris, 1959.
432. *Svoronos N. G.* La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices. Paris, 1964.
433. *Svoronos N. G.* Études sur l'organisation intérieure, la société et l'économie de l'Empire byzantin. London, 1973.
434. *Svoronos N. G.* Remarques sur les structures économiques de l'Empire byzantin au XIe siècle // TM. 6. 1976.
435. *Talbot Rice D.* Konstantinopel. Frankfurt a. M., 1966.
436. *Talbot Rice T.* Animal Combat Scenes in Byzantine Art // Studies in Memory of D. T. Rice. Edinburgh, 1975.
437. *Tannery P.* Mémoires scientifiques. Toulouse; Paris, 1920.
438. *Taylor F. Sh.* A Survey of Greek Alchemy // JhellSt. 50. 1930.
439. *Teall J. L.* The Grain Supply of the Byzantine Empire. 330–1025 // DOP. 13. 1959.
440. *Teall J. L.* The Byzantine Agricultural Tradition // DOP. 25. 1971.
441. *Temkin O.* Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism // DOP. 16. 1962.
442. *Théodoridès J.* Introduction à l'étude de la zoologie byzantine // Actes du VIIe Congrès intern. d'hist. des sciences. Paris, 1953.
443. *Théodoridès J.* Remarques sur l'iconographie zoologique dans certains manuscrits médicaux byzantins et étude des miniatures zoologiques du Codex Vaticanus graecus 284 // JÖB. 10. 1961.

444. *Theodoros Prodromos*. Philosophia tu krasopateros kai alla Ptocho-prodromika / Ekd. I. M. Chatzephotes. Athenai, 1969.
445. *Theophanes Continuatus*. Historia. Bonnae, 1838.
446. *Thierry N. et M.* Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Paris, 1964.
447. *Tiftixoglu V.* Gruppenbildungen innerhalb des konstantinopolitanischen Klerus während der Komnenzeit // BZ. 62. 1969.
448. *Tiftixoglu V.* Digenes, das «Sophrosyne» – Gedicht des Meliteniotes und der byzantinische Fünfzehnsilber // BZ. 67. 1974.
449. *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971.
450. *Tinnefeld F. H.* «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit // JÖB. 22. 1973.
451. *Tivčev P.* Sur les cités byzantines aux XIe–XIIe siècles // BBulg. 1. 1962.
452. *Trapp E.* Hatte das Digenisepos ursprünglich eine antikaiserliche Tendenz? // BYZANT. 3. 1971.
453. *Trapp E.* Digenis Akrites. Wien, 1971.
454. *Trapp E.* Digenis Akrites – Epos oder Roman? // Studi classici in onore di Q. Cataudella. II. Catania, 1972.
455. *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Jena, 1938; перепеч.: Darmstadt, 1956.
456. *Treu K.* Griechische Schreibernotizen als Quelle für politische, soziale und kulturelle Verhältnisse ihrer Zeit // BBulg. 2. 1966.
457. *Tuiller A.* Recherches critiques sur la tradition du texte d'Euripide. Paris, 1968.
458. *Tusculum-Lexicon*. München, 1963.
459. *Tzolakes E. Th.* Michael Glykas. Stichoi hus egrapse kath'hon kateschete kairon. Thessalonike, 1959.
460. *Underwood P. A.* Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istanbul, 1954 // DOP. 9–10. 1956.
461. *Underwood P. A.* The Kariye Djami. New York, 1966.
462. *Velkov V.* Zur Geschichte Mesembrias im 11. Jahrhundert // BBulg. 2. 1966.
463. *Vickers M.* Sirmium or Thessaloniki? A Critical Examination of the St. Demetrius Legend // BZ. 67. 1974.
464. *Vita Euthymii patriarchae* CP. Bruxelles, 1970.
465. *Vogel K.* Byzantine Science // Cambridge Medieval History. IV. Pt. 2. Cambridge, 1967.
466. *Volbach W. F., Sallea G., Duthuit G.* Art byzantin. Cent planches. Paris, 1933.
467. *Volbach W. F.* Profane Silber- und Elfenbeinarbeiten aus Byzanz // Actes du XI^{ve} Congrès intern. des ét. byz. T. I. Bucarest, 1974.

468. Voordeckers E. A Byzantine Bronze Relief in the Mayer Van den Bergh Museum in Antwerp // *Orientalia Lovanensia Periodica*. 1. 1970.
469. Vranuse E. Ta hagiologika keimena tu hosiou Christodulu. Athenai, 1966.
470. Vryonis S. Byzantine Demokratia and the Guilds in the XIth Century // *DOP*. 17. 1963.
471. Vryonis S. Compte-rendu de TM I // *BYZANT*. 1. 1969.
472. Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the XIth through the XVth Century. Berkeley; Los Angeles; London, 1971.
473. Vryonis S. The Peira as a Source for the History of Byzantine Aristocratic Society in the First Half of the XIth Century // *Near Eastern Numismatics, Iconography and History. Studies in Honour of G. C. Miles*. Beirut, 1974.
474. Walter Ch. Raising on a Shield in Byzantine Iconography // *REB*. 33. 1975.
475. Der Wartburgkrieg / Hg. von K. Simrock. Stuttgart; Augsburg, 1858.
476. Wehlte K. Füllfederhalter aus dem J. 1173 gefunden // *Maltechnik*. 74. 1968.
477. Weinberger W. Beiträge zur Handschriftenkunde // *Sitzungsberichte der Akad. der Wiss. in Wien. Phil.-hist. Kl.* 161. 1909.
478. Weiss G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch // *Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1969.
479. Weiss G. Hohe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaïos und seine Kollegen // *JÖB*. 22. 1973.
480. Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973.
481. Weiss G. Beobachtungen zur Sozialgeschichte von Byzanz // *Südostforschungen*. 34. 1975.
482. Weitzmann K. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951.
483. Weitzmann K. A Constantinopolitan Lectionary, Morgan 639 // *Studies in Art and Literature for B. Da Costa Green*. Princeton, 1954.
484. Weitzmann K. Ein kaiserliches Lektionär einer byzantinischen Hofschule // *Festschrift K. M. Swoboda*. Wien; Wiesbaden, 1959.
485. Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // *DOP*. 14. 1960.
486. Weitzmann K. An Imperial Lectionary in the Monastery of Dionysiou on Mount Athos. Its Origin and its Wanderings // *RESEE*. 7. 1969. № 1.
487. Wenger L. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953.
488. Wentzel H. Die Kamee der Kaiserin Anna / *Festschrift U. Middeldorf*. Berlin, 1968.

489. *Werner E.* Geschichte des mittelalterlichen Dualismus: neue Fakten und Alte Konzeptionen // Zft. für Geschichtswiss. 23. 1975. № 5.
490. *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970.
491. *Westerink L. G.* Excerpta aus Proklos' Enneaden-Kommentar bei Psellos // BZ. 52. 1959.
492. *Williams Ch. K., MacIntosh J., Fisher J. E.* Excavation at Corinth, 1973 // Hesperia. 43. 1974. Th 1.
493. *Wilson N. G.* The Libraries of the Byzantine World // GRBS. 8. 1967.
494. *Wilson N. G.* Three Byzantine Scribes // GRBS. 14. 1973.
495. *Wirth P.* Zu Nikolaos Kataphloros // Classica et mediaevalia. 21. 1960.
496. *Wirth P.* Das religiöse Leben in Thessalonike unter dem Episkopat des Eustathios im Urteil von Zeitgenossen // Ostkirchliche Studien. 9. 1960.
497. *Wirth P.* Zur Biographie des Eustathios von Thessalonike // Byz. 36. 1966.
498. *Wirth P.* Zur Kenntnisse heliosatellitischen Planetartheorien im griechischen Mittelalter // Hist. Zft. 212. 1971. H. 2.
499. *Wirth P.* Die sprachliche Situation in der umrissenen Zeitalter. Athènes, 1976.
500. *Xyngopulos A.* Ta mnemeia ton Serbion. Athenai, 1957.
501. *Xyngopulos A.* Ho eikonographikos kyklos tes zoes tu hagiou Demetriu. Thessalonike, 1970.
502. *Zakythinos D.* Byzance: État, Société, Économie. London, 1973.
503. *Zunts G.* An Inquiry into the Transmission of the Plays of Euripides. Cambridge, 1965.

Список сокращений

АДСВ	– Античная древность и средние века
Арх.	– Археология
Ан. К.	– <i>Anna Comnène. Alexiade</i> / Ed. B. Leib, P. Gautier. Vol. 1–3. Paris, 1937–1976.
Аттал.	– <i>Michael Attaleiates. Historia</i> / Ed. I. Bekker. Bonn, 1953.
ВДИ	– Вестник древней истории
ВВ	– Византийский временник
ВИ	– Вопросы истории
Виз. сб.	– Византийский сборник
ВО	– Византийские очерки
Григ.	– <i>Nicephori Gregorae Byzantina historia</i> / Ed. L. Shopen. I–II. Bonn, 1829–1830.
Георг. Тор.	– <i>Georges et Demètrios Tornikes. Lettres et discours</i> / Ed. J. Darrouzès. Paris, 1970.
ГСУ ИФФ	– Годишник на Софийския университет. Историческо-философски факултет.
Евст. Сол.	– <i>Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica</i> . Palermo, 1961.
Евст. Соч.	– <i>Eustathii metropolitae Thessalonicensis opuscula</i> / Ed. T. L. F. Tafel. Frankfurt, 1832 (переиздано: Amsterdam, 1964).
Евф. Тор.	– <i>Les discours d'Euthyme Tornikès</i> / Ed. J. Darrouzès // REB. 26. 1968.
Зон.	– <i>Ioannes Zonaras. Epitome historiarum</i> / Ed. M. Pinder, M. Büiiner-Wobst. I–III. Bonn, 1841–1897.
ЗРВИ	– Сборник радова. Византинолошки институт.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения.
ИархИ	– Известия на Археологическия институт при БАН.

- ИБИД – Известия на Българското историческо дружество.
- ИИБИ – Известия на Института за българска история.
- ИИИст – Известия на Института за история при БАН.
- ИРАИК – Известия Русского археологического интститута в Константинополе.
- ИФЗ – Историко-филологический журнал.
- Кинн. – Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Ed. A. Meineke. Bonn, 1836.
- Кек. – Советы и рассказы Кекавмена / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. М., 1972.
- Конст. Манас. – Constantini Manassis breviarium historiae metricum / Rec. I. Bekker. Bonn, 1837.
- Косм. – *Petit L.* Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos // ИРАИК. 136. 1908.
- КСИ Арх. – Краткие сообщения Института археологии.
- Лавра – Actes de Lavra / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Zvoronos, D. Papachryssanthou. I–IV. Paris, 1970–1982.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- Мих. Аком. – *Michael Choniates.* Μιχαήλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα / Ed. Sp. Lampros. Vol. 1–2. Athen, 1879–1880.
- Мих. Итал. – *Michael Italikos.* Lettres et discours / Ed. P. Gautier. Paris, 1972.
- НХ Ист. – *Nicetas Choniates.* Historia / Ed. J. L. van Dieten. Pt. I–II. Berlin; New York, 1975.
- НХ Речи – *Nicetas Choniates.* Orationes et Epistulae / Ed. J. L. van Dieten. Berlin; New York, 1972.
- Пал. сб. – Палестинский сборник.
- Пс. Соч. – Michaelis Pselli scripta minora magnam partem adhuc inedita / Ed. E. Kurz, F. Drexl. I–II. Milano, 1936, 1941.
- Пс. Хрон. – *Psellos M.* Chronographie / Ed. E. Renauld. I–II. Paris, 1926–1928.
- РЖ – Реферативный журнал.
- Сафа МВ – *Sathas K. N.* Mesaionike Bibliotheke. I–VII. Athens; Venice; Paris, 1872–1894.
- Сим. Бог. Тракт. – *Symeon le Théologien.* Traités théologique et éthiques / Ed. J. Darrouzès. I–II. Paris, 1966–1967.
- Скил. – *Ioannes Scylitzes.* Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin; New York, 1973.
- Скил. Прод. – *He synecheia tes Chronografias tou Ioannou Skylitze* / Ed. E. Th. Tsolakes. Thessalonike, 1968.
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.
- Хр. Мит. – *Christophori Mytilenaei carmina* / Ed. E. Kurz. Leipzig, 1897.

- Цец. Эп. – *Ioannes Tzetzes. Epistulae* / Ed. P. A. M. Leone. Leipzig, 1972.
- AJA – American Journal of Archeology.
- Abull – The Art Bulletin.
- Bbulg. – Byzantinobulgarica.
- BMGS – Byzantine and Modern Greek Studies.
- BS – Byzantinoslavica.
- Byz. – Byzantion.
- BYZANT – Byzantina.
- BZ – Byzantinische Zeitschrift.
- Cah. Arch. – Cahiers Archéologique.
- Change – *Kazhdan A., Epstein A.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985.
- CFHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae.
- CIG – Corpus inscriptionum graecarum. I–IV. Berlin, 1828–1877.
- Cinn. – см. Кинн.
- Cl. Med. – Classica et mediaevalia.
- DOP – Dumbarton Oaks Papers.
- EEBS – Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon.
- EO – Échos d'Orient.
- Fontes – *Regel W.* Fontes rerum byzantinorum. I–II. St.-Petersburg, 1892–1917 (непеч.: Leipzig, 1982).
- GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies.
- JhellSt – Journal of Hellenic Studies.
- Hist. Ged. – Historische Gedichte.
- JÖB – Jahrbuch der Österreichischer Byzantinistik.
- MGH – Monumeta Germaniae historica.
- MM – *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. I–VI. Wien, 1860–1890.
- NE – Neos Hellenomnemon.
- Nic. Ch. – *Nicetas Choniatas.* Historia // Rec. I. Bekker. Bonn, 1835.
- OCRP – Orientalia Christiana periodica.
- PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1856–1866.
- Poèmes Prodr. – Poèmes Prodromiques en Grec vulgaire / Edd. D. C. Heseling, H. Pernot. Amsterdam, 1910 (непеч.: Wiesbaden, 1910). Новое издание: Ptochoprodromos / Hgs. H. Eideneier. Köln, 1991.
- REB – Revue des études byzantines.
- Reg. – *Dölger F., Wirth P.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. I. Berlin; München, 1924.

Список сокращений

- Reg. Patr. – Les Regestes des actes du Patriarchat de Constantinople / Edd. V. Grumel, V. Laurent, J. Darrouzès. Paris, 1932–1979.
- Riv SBN – Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici.
- REG – Revue des études grecques.
- SBAW – Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse.
- SBN – Studi Bizantini e Neoellenici.
- TM – Travaux et Memoires.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Я. Н. Любарский</i> АЛЕКСАНДР КАЖДАН И НИКИТА ХОНИАТ	3
--	---

НИКИТА ХОНИАТ И ЕГО ВРЕМЯ

Введение	19
----------------	----

Глава I ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ И ФЕОДАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ВИЗАНТИИ В XI–XII ВВ.	24
---	----

Глава II «ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ» И «АРИСТОКРАТИЗАЦИЯ» КУЛЬТУРЫ	87
---	----

Глава III ШКОЛА И НАУКА	168
----------------------------------	-----

Заключение	277
------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

НИКИТА ХОНИАТ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	283
---	-----

ЕЩЕ РАЗ О КИННАМЕ И НИКИТЕ ХОНИАТЕ	327
--	-----

РОБЕРТ ДЕ КЛАРИ И НИКИТА ХОНИАТ	357
---------------------------------------	-----

«КОРАБЛЬ В БУРНОМ МОРЕ»	365
-------------------------------	-----

ИДЕЯ ДВИЖЕНИЯ В СЛОВАРЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА НИКИТЫ ХОНИАТА	380
--	-----

ЦВЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ НИКИТЫ ХОНИАТА	408
---	-----

DER KÖRPER IM GESCHICHTSWERK DES NIKETAS CHONIATES	415
---	-----

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР В «ИСТОРИИ»	432
НИКИТЫ ХОНИАТА	
BYZANTINE TOWN AND TRADE AS SEEN	441
BY NIKETAS CHONIATES	
TERMINOLOGY OF WAR IN NIKETAS CHONIATES'	
<i>HISTORIA</i>	454
TERMINOLOGY OF WARFARE IN THE <i>HISTORY</i>	
OF NIKEAS CHONIATES: CONTINGENTS AND BATTLE	472
Указатель имен	490
Указатель исследователей	502
Список цитированной литературы	504
Список сокращений	534

А. П. КАЖДАН
НИКИТА ХОНИАТ И ЕГО ВРЕМЯ

Издание подготовили:
Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ, Н. А. БЕЛОЗЕРОВА, Е. Н. ГОРДЕЕВА

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства М. Е. Устинов
Художник Ю. П. Амбросов
Корректор С. В. Кученатова
Компьютерная верстка Р. Р. Аминовой

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 – книги,
95 3150 – литература по истории и историческим наукам.

Подписано к печати 25.03.05. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Гарнитура Ньютон. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34. Уч.-изд. л. 33.
Тираж 800 экз. Заказ 3972

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 5-86007-449-2

НОВОЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» ВЫШЛИ В СВЕТ

Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия: 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005, 324 стр., пер., тир. 1000. ISBN 5-86007-435-2.

Биобиблиографический справочник включает 226 статей о всех членах обширного царского семейства и об их родственном окружении, принадлежавшем к иностранным владетельным домам, морганатическим и побочным линиям, за период с 1797 по 1917 г. Персональные статьи содержат информацию о служебной и общественной деятельности персонажей, воссозданной на основе архивных материалов, и обширную библиографию. В приложении помещен текст «Учреждения об Императорской фамилии» 1886 г., список семейных прозвищ, генеалогические таблицы и список дополнительной литературы.

Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 2005, 546 стр., ил., пер. ISBN 5-86007-308-9.

Книга содержит общий очерк истории басни в России XVII в., исследуются тексты переводов Эзопа, их отношение к иноязычным оригиналам, профессиональная техника и филологический уровень их исполнения, лингвостилистический, а также идеологический характер и формы приспособления переводов к русской действительности и миропониманию московских читателей. Впервые публикуются полные тексты самих переводов, сопровождаемые историко-филологическим и реально-историческим комментарием. огиические таблицы и список дополнительной литературы.

НОВОЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» ВЫШЛИ В СВЕТ

В СЕРИИ

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Библиографические справочники по древнерусской литературе, подготовленные в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, — книги, хорошо известные специалистам (Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1961; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1958—1967 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ч. 1—2. Л., «Наука», 1978—1979). Книги, выпущенные издательством «Дмитрий Буланин» (помимо предлагаемого выпуска опубликовано пять книг, охватывающих период 1968—1992 гг.), продолжают серию этих справочников.

Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России. 1993—1997 гг. / Под ред. О. В. Творогова, 328 стр., пер. ISBN 5-86007-459-X.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, 1040 стр., пер. ISBN 5-86007-436-0.

Репринтное издание трехтомника, опубликованного в конце XIX в., в котором приведено описание более 2300 православных монастырей, когда-либо существовавших на Руси со времени введения христианства. Приведены географическая справка о каждом из описываемых объектов, дата основания или сведения о первом упоминании в исторических источниках. В свою задачу автор включил также описание погостов и сел, деревень и урочищ, часовен и церквей, развалин, священных предметов, мошей, сохранившихся в каждом из монастырей на момент создания его обзора. Справочник замечателен богатством библиографического материала.

НОВОЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ

Каждан А. П. Никита Хониат и его время / Под ред. Я. Н. Любарского, 526 стр., пер. ISBN 5-86007-449-2.

Книга, посвященная творчеству одного из самых интересных и талантливых византийских историков Никиты Хониата (конец XII—начало XIII вв.), была закончена А. П. Кажданом еще в 1978 г., перед самой его эмиграцией в США. Название книги точно определяет ее содержание. Первая часть каждой из трех глав представляет собой анализ основных социально-экономических и культурных процессов в византийском обществе XI—XII вв. Вторая часть — исследование того, как эти процессы отразились в творчестве Хониата. Написанная четверть века назад, работа А. П. Каждана сохраняет свое научное значение. В приложении печатаются одиннадцать статей А. П. Каждана о Хониате, опубликованные в различных изданиях еще при жизни писателя.

Киселева Л. И. Латинские рукописи XIII в.: Описание рукописей Российской национальной библиотеки, 296 стр., ил., пер. ISBN 5-86007-458-1.

Книга подготовлена к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и представляет собой подробное научное описание хранящихся в библиотеке латинских рукописей XIII в. По оставленным на рукописях пометам восстанавливается история каждой рукописи, реконструируются библиотеки, в которых хранилась каждая из них. Раскрывается малоизвестный пласт в истории западноевропейской и русской культуры, поскольку благодаря русским коллекционерам рукописи оказались в России.

НОВОЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ

**Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред.
С. А. Семячко, 600 стр., пер. ISBN 5-86007-442-5.**

Сборник научных работ посвящен наиболее сложным и спорным вопросам методики изучения русской агиографии. В нем рассмотрены репертуар русской агиографической литературы, разные типы житий, вопрос о формировании агиографических традиций, проблемы источниковедения, текстологии и поэтики русских житий и др. Ряд статей представляет собой образцы исследования и издания агиографических памятников, среди них жития митрополита Филиппа, Петра и Февронии Муромских, Никиты Переяславского, Кирилла Новоезерского и Нифонта Новгородского, Варлаама Важского, Филиппа Ирапского, Вассы Нижегородской и др. Сборник рассчитан на специалистов в области агиологии, истории литературы и культуры.

**Словарь промысловой лексики Северной Руси. Вып. 2: К—О / Под ред.
Ю. И. Чайкиной, 336 стр., пер. ISBN 5-86007-451-4.**

Словарь содержит описание промыслово-ремесленной лексики в начальный период формирования русского национального языка (XV—XVII вв.). В словаре представлена лексика, относящаяся к основным промыслам и ремеслам Северной Руси — железоделательному, соляному, строительному, лесному, рыболовецкому, судостроению, а также к художественному творчеству (иконопись, ювелирное дело, шитье и др.).

А. П. КАЖДАН • НИКИТА ХОНИАТ И ЕГО ВРЕМЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

А. П. КАЖДАН

НИКИТА ХОНИАТ
И ЕГО ВРЕМЯ

